Up

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

сочиненіе

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
1863.

Дозволено цензурою. Москва, Сентября 19-го дня, 1863 г.

ГЛАВА I.

Россія передъ эпохою преобразованія.

Общій обзоръ хода древней Русской исторіи. — Различіе восточной и западной Европы.—Природа сѣверо-восточной Россіи.—Москва,—ея характеръ.—Великій Государь.—Случаи, когда онъ являлся предъ подданными, выходы и походы.—Его семейныя торжества.—Обѣды во дворцѣ.—Служня Великаго Государя. — Служня, собиравшаяся на крыльцѣ, и служня, собиравшаяся въ передней. — Ихъ интересы.— Мѣстничество. Комната и доклады.—Сидѣнье В. Государя съ боярами о дѣлахъ. — Соборы. — Помѣщики.—Новое войско. — Военныя поселенія.—Козаки и стрѣльцы. — Кормленіе ратныхъ людей.—Кормленіе отъ дѣлъ.—Приказы.—Кормленіе по городамъ.—Видъ древняго Русскаго города.—Воевода.—Губной староста.—Земскій староста. — Главные интересы горожанъ.—Подати. — Службы горожанъ.—Кормленіе воеводы и подъячихъ. Столкновенія горожанъ съ воеводами, съ земскими старостами. — Борьба между лучшими и меньшими людьми. — Отношенія къ верховному правительству.— Судьба преобразованій Ордина-Нащокина во Псковѣ. — Торговый уставъ.— Сельское народонаселеніе. — Смыслъ крестьянскаго прикрѣпленія. — Стремленіе крестьянъ къ образованію своихъ отдѣльныхъ отъ города міровъ. — Печальное положеніе крестьянъ — Необходимость переворота. — Новые учителя. — Расколъ. — Обличенія. — Церковные соборы. — Затруднительное положеніе духовенства. — Значеніе Никонова дѣла.— Іосифъ Коломенскій.— Духовникъ Савиновъ. — Церковныя имѣнія. — Вопросъ о дѣтяхъ бѣлаго духовенства. — Нравы и обычаи.—Поворотъ на новый путь.—Театръ.— Литтература.

При первомъ взглядѣ на карту Европы насъ поражаетъ различіе между двумя ея неровными половинами, западною и восточною. На западѣ земля развѣтвлена, острова и полуострова, на западѣ горы, на западѣ много отдѣльныхъ народовъ и государствъ: на востокѣ сплошная громадная равнина и одно громадное государство. Первая мысль при этомъ, что двѣ, столько разнящіяся между собою половины Европы должны были имѣть очень различную исторію. Мы знаемъ, какъ выгодны для быстроты развитія общественной жизни сосѣдство моря, длинная береговая линія, умѣренная величина рѣзко ограниченной

государственной области, удобство естественныхъ внутреннихъ сообщеній, разнообразіе формъ, отсутствіе громадныхъ, подавляющихъ размѣровъ во всемъ, благораствореніе воздуха, безъ африканскаго зноя и азіатскаго мороза: эти выгоды отличаютъ Европу передъ другими частями свѣта; на эти выгоды указываютъ какъ на причину блестящаго развитія Европейскихъ народовъ, ихъ господства надъ народами другихъ частеи свѣта. Но, указывая на эти выгоды, должно разумѣть только западную Европу, ибо восточная ихъ не имѣетъ; природа для западной Европы, для ея народовъ была мать; для восточной, для народовъ, которымъ суждено было здѣсь дѣйствовать,—мачиха. Если исчисленныя природныя выгоды содѣйствуютъ раннимъ и сильнымъ успѣхамъ цивилизаціи, то понятно, почему на историческую сцену прежде всего являются южные полуострова Европы, почему древній цивилизованный міръ (Римская имперія) обхватывалъ въ Европѣ южные полуострова, Галлію и Британію, значитъ южную и западную окраины. Средняя и сѣверозападная Европа, Германія и Скандинавія присоединились къ Римскому міру, т. е. къ Греко-Римской цивилизаціи, послѣ, за ними примкнули къ ней западныя Славянскія племена, и наконецъ, уже очень поздно, предъявляетъ свои права на Европейскую цивилизацію и государство, заключившее въ своихъ предѣлахъ восточную Европу. Такимъ образомъ въ исторіи распространенія Европейской цивилизаціи мы видимъ постепенное движеніе отъ запада къ востоку по указанію природы, ибо на западѣ сосредоточиваются самыя благопріятныя условія для раннихъ успѣховъ цивилизаціи и постепенно ослабѣваютъ, чѣмъ далѣе на востокъ. Любопытно въ этомъ отношеніи замѣтить предѣлы, гдѣ въ Европѣ останавливается наплывъ дикихъ азіатскихъ ордъ, народовъ первичнаго образованія: и здѣсь видимъ ту же постепенность. Наплывъ Гунновъ останавливается на Каталонскихъ поляхъ въ Галліи; Аварамъ прегражденъ дальнѣйшій путь въ Германіи; Мадьяры засѣли далѣе на востокѣ, въ Панноніи, Татары не могли и здѣсь остановиться, но наводнили восточную равнину, гдѣ и прежде ихъ толпились подобные имъ народы; вся эта погань, по выраженію нашихъ предковъ, сплываетъ постепенно отсюда на востокъ, уступая

Европѣ восточную ея половину. Но между пораженіемъ Аттилы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериною Великою, когда должно положить окончательное очищеніе Европейской почвы отъ господства Азіатцевъ, прошло сколько вѣковъ! На столько вѣковъ слѣдовательно исторія дала ходу впередъ западной Европѣ предъ восточною. Югозападныя оконечности Европы впрочемъ подверглись въ средніе вѣка нашествію жителей Азіатскихъ и Африканскихъ пустынь — Арабовъ, которые надолго утвердили свое владычество на Пиренейскомъ полуостровѣ; въ этомъ отношеніи, при первомъ взглядѣ, судьба югозападной оконечности Европы сходна съ судьбою восточной ея украйны, судьба Испаніи сходна съ судьбою Россіи; и Фердинандъ Католикъ, положившій конецъ владычеству Арабовъ въ Испаніи, современникъ нашему Іоанну III, при которомъ спало Татарское иго; но какая однако разница: что̀ заимствовали Испанскіе Вестъ-Готы и другіе Европейцы у цивилизованнаго Араба, и что̀ могли заимствовать Русскіе у Татарина съ товарищи-Башкирца, Чувашенина, Черемиса и т. п.!

Исторія-мачиха заставила одно изъ древнихъ Европейскихъ племенъ принять движеніе съ запада на востокъ и населить тѣ страны, гдѣ природа является мачихою для человѣка. Въ началѣ новой Европейско-Христіанской исторіи два племени приняли господствующее положеніе и удержали его за собою навсегда, Германское и Славянское, племена-братья одного Индо-Европейскаго происхожденія; они подѣлили между собою Европу, и въ этомъ начальномъ дѣлежѣ, въ этомъ начальномъ движеніи—Нѣмцевъ съ сѣверовостока на югозападъ, въ области Римской имперіи, гдѣ уже заложенъ былъ прочный фундаментъ Европейской цивилизаціи, и Славянъ, наоборотъ, съ югозапада на сѣверовостокъ, въ дѣвственныя и обдѣленныя природою пространства, — въ этомъ противоположномъ движеніи лежитъ различіе всей послѣдующей исторіи обоихъ племенъ. О первоначальномъ различіи въ характерахъ ихъ, о преимуществѣ въ этомъ отношеніи одного передъ другимъ, и о вліяніи этого различія на исторію, мы не имѣемъ никакого права заключать, по недостатку извѣстій; мы видимъ только, что одно племя изначала дѣйствуетъ при самыхъ благопріят-

ныхъ обстоятельствахъ, другое при самыхъ неблагопріятныхъ. Конечно, для Славянина, т. е. преимущественно для Русскаго, есть сильное искушеніе предположить, что племя, которое, при всѣхъ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, умѣло устоять, окруженное варварствомъ, умѣло сохранить свой Европейско-христіанскій образъ, образовать могущественное государство, подчинить Азію Европѣ, что такое племя обнаружило необыкновенное могущество духовныхъ силъ, и естественно раждается вопросъ: племя Германское, поставленное въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, съумѣло ли бы сдѣлать то же самое? Но непріятное восхваленіе своей національности, какое позволяютъ себѣ Нѣмецкіе писатели, не можетъ увлечь Русскихъ послѣдовать ихъ примѣру.

Славяне на великой восточной равнинѣ Европы. Ихъ селенія виднѣются по Днѣпру и его притокамъ, по Днѣстру, Западной Двинѣ, Окѣ, по Ильменской озерной системѣ. Они живутъ отдѣльными родами, каждый родъ подъ своимъ родоначальникомъ; живутъ иные въ городахъ, но это громкое слово: «городъ» не должно смущать насъ, возбуждать мысль о противорѣчіи между существованіемъ городовъ и особнаго родоваго быта. Городомъ называлось всякое укрѣпленіе, всякая городьба, и сравнительное изученіе явленій вполнѣ объясняетъ дѣло: въ XVII вѣкѣ Русскіе военные отряды, распространяя власть Великаго Государя по Сѣверной Азіи, находили туземцевъ, жившихъ отдѣльными родами, каждый подъ властію своего родоначальника или князьца; но обыкновенно жилища семей, составлявшихъ родъ, были укрѣплены, обнесены острожками, которые Русскимъ людямъ надобно было брать иногда приступомъ, съ кровопролитіемъ; въ острожкѣ бывало по четырнадцати юртъ, а юрты большія, въ одной юртѣ жило семей по десяти [1]. — На сѣверѣ и сѣверовостокѣ отъ Славянъ жили Финскія племена подъ подобными же формами быта; на югѣ и юго-востокѣ толпились хищные кочевники, смѣнявшіе, толкавшіе другъ друга. Славянамъ по временамъ тяжело приходилось отъ нихъ, не спасали города, падавшіе въ одиночку въ безполезномъ сопротивленіи, и степной хищникъ запрягалъ Славянскихъ женщинъ въ свою телѣгу.

Промчится буря—и все опять тихо и однообразно по прежнему; степные хищники исчезнутъ, оставивъ только пословицу: «изгибоша яко Обри»; силы не возбуждаются постояннымъ присутствіемъ врага, какъ возбуждены были силы Германцевъ враждебными движеніями Римлянъ, да и какъ были бы возбуждены эти силы, когда племена разбросались, затерялись на такомъ огромномъ пространствѣ? Было бы слишкомъ смѣшно думать, что племена были многочисленны и наполняли сплошь пространство; повѣрка готова: многочисленно ли было здѣсь народонаселеніе, спустя много и много вѣковъ послѣ описываемаго времени? и теперь наша восточная равнина принадлежитъ къ малонаселеннымъ частямъ Европы: что жь было за тысячу лѣтъ назадъ?

Но пробилъ часъ, историческое движеніе, историческая жизнь началась и для восточной Европы. По водной дорогѣ, тянущейся съ небольшимъ перерывомъ или волокомъ отъ Балтійскаго моря къ Черному, показываются лодки, наполненныя вооруженными людьми: плыветъ Русскій князь изъ Новгорода съ дружиною. «Платите намъ дань,» повторяютъ они въ каждомъ селеніи, у каждаго острожка Славянскаго. Требованіе не новое, несутъ мѣха, лишь бы только избавиться поскорѣе отъ гостей. Но на этотъ разъ гости не исчезаютъ какъ Авары, не уходятъ въ Донскія и Волжскія степи какъ Козары. На высокомъ западномъ берегу Днѣпра поднимается городъ, стольный городъ княжескій, мать городовъ, Кіевъ. Князь усаживается здѣсь съ дружиною, окрестнымъ племенамъ уже нѣтъ болѣе покоя; по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ ходитъ князь съ дружиною, собираетъ дань; куда ни придетъ самъ князь, придетъ мужъ княжой съ своею дружиною за данью; смотрятъ—гости рубятъ городки и усаживаются въ нихъ, садятся въ старыхъ городахъ, которые повыгоднѣе стоятъ, и которые побольше. Кличутъ кличъ: кто хочетъ селиться около городовъ, будетъ защита и льгота, кто знаетъ нужное ремесло, будетъ пожива, дорого будутъ платить ратные люди, которымъ не самимъ же все на себя дѣлать. И города населяются, начинаются въ нихъ торги, стягивается народъ отовсюду, пустѣютъ села, князёкъ-родоначальникъ не досчитывается многихъ своихъ, ушли въ городъ, а все были люди хорошіе, досужіе на всякое дѣло. Но села опустѣютъ

еще больше; кличутъ кличъ: князь идетъ въ походъ, собирайтесь кто сможетъ! Молодежь поднимается, рубятъ лодки, уходятъ и долго нѣтъ вѣсти; наконецъ возвращаются—другіе люди! были они въ самомъ Цареградѣ, какія чудеса тамъ видѣли! какія диковинныя вещи съ собою привезли! Грековъ побѣдили, не смотря на всѣ ихъ хитрости, заставили дань платить; а кто отличился тотъ въ дружинѣ у князя или боярина; чудное житье въ дружинѣ: пиръ да ловы съ утра до вечера, всего много у князя, ничего не жалѣетъ для дружины, а какой почетъ!

Такимъ образомъ исторія Россіи, подобно исторіи другихъ государствъ, начинается богатырскимъ или героическимъ періодомъ, т. е. вслѣдствіе извѣстнаго движенія, у насъ вслѣдствіе появленія Варяго-Русскихъ князей и дружинъ ихъ, темная, безразличная масса народонаселенія потрясается, и происходитъ выдѣлъ изъ нея лучшихъ людей, по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. храбрѣйшихъ, одаренныхъ большою матеріальною силою и чувствующихъ потребность упражнять ее. Старая русская пѣсня очень хорошо опредѣляетъ намъ лучшаго человѣка, богатыря или героя: «Сила-то по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается, грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.» Это мужи, люди по преимуществу, тогда какъ остальные въ глазахъ ихъ остаются полулюдьми, маленькими людьми, мужиками. Мужи или богатыри своими подвигами начинаютъ исторію; этими подвигами ихъ народъ становится извѣстенъ у чужихъ народовъ; эти же подвиги у своего народа становятся предметомъ пѣсенъ, перваго матеріала историческаго. Воображеніе народа поражено подвигами богатырей, ихъ побѣдами надъ внѣшними врагами, перемѣнами, которыя произведены ихъ движеніями внутри; все это, разумѣется, преувеличивается, представляется въ гигантскихъ размѣрахъ. Все выходящее изъ ряда обычныхъ ежедневныхъ явленій младенчествующій народъ приписываетъ вліянію высшихъ силъ, и богатыри необходимо являются существами выше простыхъ людей, имъ приписывается божественное происхожденіе; у насъ же при неразвитости миѳологіи и скоромъ вліяніи христіанства, богатырь хотя и не божественнаго происхожденія, однако, по крайней мѣрѣ, чародѣй: князь Олегъ, поразившій народное вообра-

женіе удачнымъ походомъ на Константинополь и богатствами, оттуда привезенными, является необходимо чародѣемъ, вѣщимъ. Самый разказъ о подвигахъ богатыря-чародѣя пріобрѣтаетъ чудодѣйственную силу, море утихаетъ, когда раздается пѣсня о богатырѣ: «Тутъ вѣкъ про Добрыню старину скажутъ, синему морю на тишину, вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.» Это старинное, форменное присловье показываетъ намъ, что богатырскія пѣсни впервые раздавались на тѣхъ лодкахъ, отъ которыхъ Черное море прозвалось Русскимъ.

Богатыри упражняли свою силу, отъ которой имъ было грузно; но что же дѣлалось вслѣдствіе этого на великой восточной равнинѣ? Мы видѣли, что среди племенъ появился городъ съ новымъ характеромъ, какъ мѣстопребываніе новой власти, мужа княжаго; скоро потомъ въ лучшихъ городахъ являются и князья, сыновья, братья главнаго князя Кіевскаго; съ ними дружина, которая не позволитъ племени удерживать свою независимость, не платить ясака или дани; кромѣ того лучшія силы, лучшіе люди уходятъ изъ племени; одни въ дружину, другіе въ промышленное городское народонаселеніе, въ посадскіе люди. Народонаселеніе восточной равнины дѣлится уже не по племенамъ, здѣсь новое дѣленіе, три сословія на лицо: ратные люди, дружина, мужи, предъ которыми все остальное, не ратное народонаселеніе—черные люди, смерды, мужики; но послѣдніе дѣлятся также на два разряда: городское, промышленное сословіе и сельчанъ; послѣдніе естественно ослабѣли, потерявъ лучшія силы, ушли на самый заднiй планъ, объ нихъ не слышно; лѣтопись, какъ естественно, разказываетъ только о тѣхъ, кто движется, этимъ движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе, заставляетъ двигаться другихъ, производитъ перемѣны; лѣтопись поэтому разказываетъ преимущественно о князьяхъ и ихъ дружинахъ, ибо они преимущественно движутся; иногда упоминаетъ и о горожанахъ, когда тѣ, разбогатѣвши, усилившись и воспользовавшись усобицами, раздѣленіемъ и ослабленіемъ князей, подняли голосъ, начали также двигаться и производить перемѣны своимъ движеніемъ; но лѣтописецъ молчитъ о селчанахъ: здѣсь тихо, нѣтъ движенія.

Племена исчезаютъ въ первый, богатырскій періодъ; вмѣсто

нихъ являются волости, княженія, съ именами, заимствованными не отъ племенъ, а отъ главныхъ городовъ, отъ правительственныхъ, стянувшихъ къ себѣ окружное народонаселеніе центровъ. Ярославъ раздаетъ своимъ сыновьямъ волости, города, а не племена; это исчезновеніе племенныхъ именъ служитъ самымъ яснымъ доказательствомъ слабости племеннаго начала у насъ на Руси. Въ исторіи Германіи мы постоянно встрѣчаемся съ Саксонцами, Турингами, Франконцами, Швабами, Баварцами, и въ соотвѣтствіе этому, мы знаемъ, что особность, самостоятельность и сила племенъ были причинами того, что государственное единство Германіи стало невозможно, о чемъ плачутъ теперь Нѣмецкіе патріоты. Сила племени, его стремленіе къ особности и самостоятельности обнаруживаются не въ томъ, что одно говоритъ — *ц* тамъ, гдѣ другое употребляетъ *ч*; вліяніе племеннаго начала въ исторіи не условливается одними различіями въ нравахъ и обычаяхъ, происходящими отъ того, что одни живутъ въ странѣ болотистой, а другіе въ сухой, одни въ лѣсахъ, другіе въ степи; племенное начало является вліятельнымъ въ исторіи только тогда, когда племя многочисленно, сомкнуто подъ одною властію и путемъ исторической дѣятельности получило ясное сознаніе о своей самостоятельности, сознаніе о противоположности своей другимъ племенамъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія особыхъ интересовъ. Но замѣчаемъ ли мы что-нибудь подобное у нашихъ племенъ до Рюрика и послѣ него? Неужели отказъ платить ясакъ, когда прежде его не платили, и возмущеніе части Древлянъ, выведенныхъ изъ терпѣнія хищничествомъ Кіевскаго князя, похожи на борьбу Саксонцевъ противъ вождя Франковъ, Карла Великаго?

Славянское народонаселеніе различныхъ мѣстностей восточной равнины потеряло свои племенныя имена, значитъ потеряло сознаніе о племенныхъ особенностяхъ, о племенныхъ союзахъ, значитъ особенности эти не выдавались рѣзко, значитъ союзовъ этихъ не было, или были они случайнымъ явленіемъ. Бытъ этихъ племенъ, жившихъ отдѣльными родами, подвергся коренному преобразованію вслѣдствіе начала движенія, исторической жизни, вслѣдствіе появленія князя, дру-

жинъ и городскаго народонаселенія, порознившагося отъ сельскаго. Но перемѣны этимъ не ограничились: вслѣдствіе геройскаго, богатырскаго движенія, далекихъ походовъ на Византію явилась и распространилась новая вѣра, христіанство, явилась церковь, еще новая, особая часть народонаселенія, духовенство: прежнему родоначальнику, старику нанесенъ былъ новый, сильный ударъ: онъ потерялъ свое жреческое значеніе; подлѣ него явился новый отецъ, духовный, священникъ христіанскій, и эта новая власть тянула къ городу, потому что тамъ жилъ архіерей.

Но понятно, что этотъ переворотъ въ бытѣ Славянскаго народонаселенія восточной равнины не могъ закончиться въ продолженіе начальнаго, богатырскаго времени, отъ Рюрика до смерти Ярослава 1-го. Извѣстно, напримѣръ, какъ слабо еще укоренено было христіанство въ концѣ этого времени и долго спустя, какъ въ Новгородѣ волхвъ чуть не обратилъ всего народа снова къ древнему язычеству. Воинственное движеніе первыхъ князей обхватило всѣ племена, и въ каждомъ болѣе или менѣе повело къ означеннымъ перемѣнамъ; но извѣстно, что юныя тѣла представляютъ сходство съ тѣлами одряхлѣвшими; ибо и здѣсь и тамъ дѣйствуетъ одинаково слабость: такъ и новорожденныя государства сходны, повидимому, въ томъ съ одряхлѣвшими, что не могутъ сохранить единства, непосредственной связи между частями. Одряхлѣвшее Римское государство покончило свое существованіе раздѣленіемъ; раздѣленіемъ новыя Европейскія государства начинаютъ свою исторію. Новорожденное Русское государство не могло не подчиниться общему закону. Но должны ли мы здѣсь останавливаться на одной видимости, ограничиваться однимъ внѣшнимъ, поверхностнымъ взглядомъ и признать дѣйствительное раздѣленіе? Конечно нѣтъ. Мы должны, наоборотъ, обратить все наше вниманіе на то, на чемъ, при внѣшнемъ дѣленіи, держится внутренняя связь частей, что не даетъ имъ обособиться; какъ постепенно укрѣпляется связь частей, единство государственное, мы должны слѣдить за развитіемъ, ростомъ государства, вмѣстѣ за развитіемъ, ростомъ народа, за постепеннымъ уясненіемъ сознанія его о себѣ, какъ единомъ цѣломъ.

Мы видѣли, что племена не были въ состояніи противодѣйствовать усиленію государственнаго единства. Главнымъ препятствіемъ этому единству могло быть громадное пространство государственной области, очерченной оружіемъ первыхъ Рюриковичей. Съ успокоеніемъ движенія, богатырства, знаменующаго начало исторической жизни народа, или съ отвлеченіемъ этого движенія куда-нибудь въ другую сторону, связь собственной въ началѣ Руси, Кіевской области съ отдаленными волостями могла ослабѣть, правители волостей, благодаря отдаленности, могли устремиться къ самостоятельности, особенно еслибы главный князь Кіевскій сталъ требовать отъ нихъ исполненія тяжелыхъ обязанностей, большой дани себѣ съ ихъ волостей; тогда бы и выгоды народонаселенія этихъ областей совпали съ выгодами правителя и все вмѣстѣ начало бы стремиться къ независимости. Чтобъ удержать всѣ части въ связи, надобно было, чтобъ движеніе, знаменующее первый, богатырскій періодъ, не прекращалось, чтобъ представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, но перебѣгали бы безпрестанно огромныя пространства восточной равнины, не давая волостямъ обособляться, возбуждая ихъ безпрерывно къ общей жизни. Это именно явленіе мы и видимъ во время, протекшее отъ смерти Ярослава 1-го до выступленія Сѣверной Руси на главную сцену дѣйствія. Движеніе сильное, безпрерывное, князья съ дружинами переходятъ изъ одной волости въ другую, идетъ борьба, усобицы, и вся сила движенія сосредоточена внутри Русскихъ областей, не выходитъ наружу: много видимъ князей—богатырей не хуже древняго Святослава Игоревича, но ниодинъ изъ нихъ не переселяется на Дунай. Это движеніе условливалось родовыми княжескими отношеніями: князья разошлись по волостямъ, даже самымъ отдаленнымъ, но единство рода сохранялось, главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ, а лучшія волости доставались по степени старшинства: отсюда князья только временные владѣльцы въ волостяхъ своихъ, все ихъ вниманіе обращено на то, чтобъ не потерять своего старшинства, какъ права на лучшую волость, взоры ихъ устремлены постоянно на Кіевъ и вмѣсто стремленія обособиться,

они считаютъ величайшимъ несчастіемъ для себя, если принуждены выйдти изъ общаго родоваго движенія.

Но понятно, что если все вниманіе князей обращено на одно общее средоточіе, если у нихъ у всѣхъ одинъ общій интересъ, если всѣ тянутъ къ Кіеву, то и волости, и народонаселеніе этихъ волостей не могутъ обособиться: Ростовцы и Черниговцы, Владимірцы на Волыни и Смольняне должны обращать постоянное вниманіе на Кіевъ, на Переславль, ибо перемѣны, которыя произойдутъ здѣсь, непремѣнно повлекутъ за собою важныя перемѣны и для ихъ области: или прежній князь уйдетъ, придетъ другой на его мѣсто, или начнется усобица, въ которой ихъ князь и они сами должны будутъ принять участіе. Такимъ образомъ посредствомъ родовыхъ княжескихъ отношеніи, посредствомъ безпрестанныхъ передвижекъ князей и дружинъ ихъ изъ одной области въ другую народонаселеніе и самыхъ отдаленныхъ областей не могло высвободиться изъ общей жизни, постоянно имѣло общіе интересы и укореняло въ себѣ сознаніе о нераздѣльности Русской земли. Разумѣется, частыя смѣны князей вслѣдствіе родовыхъ ихъ счетовъ и усобицы, отъ запутанности въ этихъ счетахъ происходившія, должны были имѣть тяжелыя послѣдствія для народонаселенія областей; но нельзя было заставить князя отказаться отъ родоваго единства; Новгородцы пробовали было завести у себя постояннаго князя, но безуспѣшно. По крайней мѣрѣ связь съ Кіевомъ ничего не стоила областямъ въ другомъ отношеніи: он ничего не платили въ Кіевъ и были отъ него совершенно независимы.

Къ единству политическому, державшемуся родовыми княжескими отношеніями, присоединялось единство церковное: единый митрополитъ жилъ въ Кіевѣ, и къ нему тянули епископы всей Русской земли, къ Кіеву тянуло все Русское христіанство, которое все болѣе и болѣе распространялось по восточной равнинѣ, тѣсня Славянское и Финское язычество. Къ Кіеву тянуло Русское христіанство не потому только, что тамъ было средоточіе церковнаго управленія: изъ Кіева распространилось христіанство повсюду, сперва вслѣдствіе ревности князей и движенія ихъ съ дружинами по областямъ; но потомъ

изъ Кіева же пошли съ проповѣдію христіанства монахи; Кіевопечерскій монастырь разсылалъ епископовъ повсюду; религіозное движеніе къ Кіеву по всѣмъ частямъ Русской земли, обычай ходить на поклоненіе святынямъ Кіева не со вчерашняго дня.

Такимъ образомъ то время, которое съ перваго раза кажется временемъ раздѣленія, розни, усобицъ княжескихъ, является временемъ, когда именно было положено прочное основаніе народному и государственному единству. Во время, протекшее отъ призванія князей до смерти Ярослава, племена волею-неволею были втолкнуты въ общую жизнь, бытъ ихъ подвергся измѣненіямъ; но это были во всемъ только начатки; чтобъ эти начатки развились, укрѣпились, нужно было продолженіе такого же сильнаго движенія князей и дружинъ ихъ, движенія, сосредоточеннаго въ области, намѣченной оружіемъ первыхъ князей. И дѣйствительно мы видимъ это движеніе, совершающееся вслѣдствіе единства княжескаго рода, родовыхъ счетовъ между князьями. Время и отъ смерти Ярослава до Боголюбскаго представляетъ намъ продолженіе того же героическаго, богатырскаго періода, періода движенія, имѣющаго цѣлію пробужденіе исторической жизни. Князья по прежнему отличаются богатырскимъ характеромъ; они движутся безпрестанно изъ одной области въ другую; усѣсться на одномъ мѣстѣ, завести что-нибудь прочное, постоянное не въ ихъ характерѣ; хорошій князь не долженъ ничего копить, собирать въ прокъ, долженъ все раздавать дружинѣ, съ которою можетъ добыть все; князь имѣетъ въ виду постоянное движеніе съ одного стола на другой до тѣхъ поръ, пока не сложитъ костей въ завѣтномъ Кіевѣ, подлѣ гробовъ отцовскихъ и дѣдовскихъ. Князь-богатырь, который оставилъ по себѣ больше другихъ славы, Мономахъ, самъ подалъ о себѣ вѣсть потомству, описалъ свою дѣятельность: эта дѣятельность состояла въ вѣчномъ движеніи, въ безпрерывныхъ походахъ изъ одной стороны въ другую. Если мы взглянемъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это громадное пространство въ XI и XII вѣкахъ, то понятно намъ станетъ значеніе Мономаха, значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подъ условіемъ кото-

рыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось всюду сознаніе о единствѣ Русской земли.

До призванія князей существовали отдѣльныя племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности; съ призваніемъ князей, съ началомъ историческаго движенія, племена приводятся въ связь, преимущественно внѣшнюю, начинается переработка ихъ быта; но только благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярослава до конца XII вѣка, является Русскій народъ.

Такъ важно было продолженіе движенія на великой восточной равнинѣ Европы, продолженіе героическаго, богатырскаго періода Русской исторіи по условіямъ, среди которыхъ эта исторія началась, по обширности и дѣвственности страны. Но теперь всмотримся въ слѣдствія этого продолжительнаго движенія. Когда мы представляемъ себѣ постоянное, продолжительное движеніе, то это представленіе не даетъ мѣста представленію о чемъ-либо прочномъ, установившемся. Въ западной Европѣ, при началѣ ея новыхъ государствъ, мы видимъ движеніе Германскихъ дружинъ съ ихъ вождями въ области Римской имперіи и вооруженное занятіе ими этихъ областей. Но здѣсь мы видимъ, что пришельцы овладѣваютъ землею, усаживаются на ней, главные вожди изъ своихъ обширныхъ земельныхъ участковъ выдѣляютъ другимъ въ пользованіе съ извѣстными обязанностями; волости, розданныя во временное владѣніе, по разнымъ причинамъ, становятся наслѣдственными; слабый землевладѣлецъ, желая пріобрѣсть покровительство сильнаго сосѣда, отдаетъ ему свою землю и получаетъ ее назадъ уже съ извѣстными обязанностями къ сильному. Здѣсь на западѣ, на основаніи поземельныхъ отношеній, образуется та связь между землевладѣльцами, которую мы называемъ феодализмомъ, связь, которая въ первыя времена, времена слабости государственнаго организма, точно также содѣйствовала сохраненію единства страны, какъ наши родовыя княжескія отношенія. Земля, отношенія по землѣ составляютъ сущность феодальной системы. Эта система, по счастливому выраженію одного историка, есть какъ бы религія земли. Недви-

жимое имущество, земля, господствуетъ, и только послѣ, вслѣдствіе развитія промышленности и торговли, процвѣтанія городовъ получаетъ важное значеніе движимое имущество, деньги, является и денежная аристократія подлѣ земельной. Но у насъ на восточной равнинѣ мы не замѣчаемъ подобнаго явленія. Какъ ни вчитываемся въ лѣтопись, чтобъ подмѣтить въ ней указанія на земельныя отношенія дружины—не находимъ ничего. И опять если обратимъ вниманіе на главное условіе, при которомъ началась и продолжалась русская исторія, именно на обширность страны и малочисленность народонаселенія, то дѣло объяснится легко: земли было слишкомъ много, она не имѣла цѣнности безъ обрабатывающаго ее народонаселенія; главный доходъ князя, который, разумѣется, шелъ преимущественно на содержаніе дружины, состоялъ въ дани, которую князь собиралъ съ племенъ, и которая потомъ продавалась въ Греціи; въ началѣ, если князь не ходилъ за данью, то дружина его бѣдствовала; «у Свѣнѣльдовыхъ отроковъ много оружія и платья, а мы босы и наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью!» говоритъ дружина Игоря. Извѣстіе драгоцѣнное, показывающее намъ, какъ мы должны смотрѣть на дѣло. Дружинники не усаживаются на выдѣленныхъ имъ земельныхъ участкахъ въ самостоятельномъ положеніи землевладѣльцевъ, обезпеченныхъ доходомъ съ этихъ земель; они остаются съ прежнимъ характеромъ спутниковъ, товарищей князя, остаются при немъ, въ полной зависимости отъ него относительно содержанія; они привязаны къ особѣ князя, вождя своего, который ихъ кормитъ и одѣваетъ; кормитъ и одѣваетъ дурно, они ропщутъ, и если ропотъ не производитъ дѣйствія, если князь не уступаетъ имъ, какъ уступилъ Владиміръ, выложившій серебряныя ложки вмѣсто деревянныхъ, то дружинники уходятъ къ другому князю, который щедрѣе. Но, может-быть, такъ было только вначалѣ; послѣ отношенія перемѣнились? Нисколько; отъ позднѣйшаго времени доходятъ до насъ извѣстія, что дружинники кормились не отъ земли, но получали отъ князя денежное жалованье: лѣтописецъ, жалуясь на усиленіе роскоши, говоритъ, что прежніе дружинники не позволяли женамъ своимъ излишней роскоши, и потому довольны были сотнею гривенъ,

получаемыхъ отъ князя, а теперь говорятъ: «мало мнѣ, князь, ста гривенъ!» потому что жены ихъ стали носить золотыя украшенія вмѣсто серебряныхъ.

Иначе и быть не могло при родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ, когда князь не былъ крѣпокъ въ своей волости, но, стремясь по родовой лѣствицѣ къ старшему столу, переходилъ изъ одной волости въ другую; дружина слѣдовала за нимъ; князя выгоняли враждебные родичи, дружину постигала та же участь. При подобной перекочевкѣ могла ли недвижимая, земельная собственность имѣть важное значеніе?

Такимъ образомъ дружина, послѣ появленія ея на восточной равнинѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не усаживается, но сохраняетъ первоначальный характеръ, характеръ военнаго общества, братства, которое съ своимъ вождемъ движется, ища подвиговъ и добычи. Дружина хорошо, весело живетъ при князѣ: князь старшій товарищъ, старшій братъ, а не повелитель, онъ не таится отъ дружины, дружина знаетъ всякую его думу, онъ ничего не щадитъ для дружины, ни ѣды, ни питья, ничего не копитъ себѣ, все роздаетъ дружинѣ; а не хорошъ князь, думаетъ свою думу врознь отъ дружины, скупъ князь, или завелъ любимца, дружинники покидаютъ его: имъ легко это дѣлать; они не связаны съ областію, гдѣ правитъ покинутый князь, они Русскіе, а Русская земля велика и князей много: каждый съ радостію приметъ добраго воина. Такъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ Русскіе дружинники привыкали жить въ этой первоначальной формѣ военнаго братства, привольно двигаясь изъ волости въ волость на неизмѣримомъ пространствѣ, сохраняя первоначальную волю, свободу перехода, право служить какому захочетъ князю, привыкли жить беззаботно, не думая о завтрашнемъ днѣ, не чувствуя никакого давленія сверху, не чувствуя нужды соединять свои силы для отпора, для защиты своихъ правъ, привыкли избѣгать всякой непріятности, всего дурнаго не сопротивленіемъ, но уходомъ, привыкли руководиться интересами личными, а не сословными.

Но, говоря о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ и важныхъ слѣдствіяхъ этихъ отношеній для дружины, мы не должны упускать изъ виду одного чрезвычайно важнаго обстоятельства;

именно быстраго размноженія членовъ Рюрикова княжескаго рода. Приведенный нами случай, когда дружинники становятся землевладѣльцами, не есть единственный случай образованія сильнаго вельможества въ странѣ. Вельможество происходитъ также, когда князь роздаетъ своимъ приближеннымъ города и цѣлыя области въ управленіе; эти правители естественно пріобрѣтаютъ важное значеніе и передаютъ его потомству. Такъ произошло Польское вельможество, которое очень скоро уже начинаетъ бороться съ королевскою властію, ограничивать ее. Но въ Россіи очень быстро размножаются члены княжескаго рода, вслѣдствіе чего всѣ области и всѣ сколько-нибудь значительные города управляются князьями, и для бояръ прегражденъ такимъ образомъ путь къ образованію могущественнаго, въ родѣ Польскаго, вельможества, на первомъ планѣ князья, ихъ родовые счеты и движенія, борьбы вслѣдствіе этихъ счетовъ; дружина, увлеченная вихремъ этого движенія, не успѣваетъ пріобрѣсти никакого самостоятельнаго значенія; отсюда понятно, почему въ описываемое время князья наполняютъ почти исключительно всю историческую сцену, лѣтопись является лѣтописью княжескою, говоритъ о князьяхъ, ихъ однихъ имена попадаются безпрестанно въ глаза и производятъ такое утомительное однообразіе.

Но всмотримся пристальнѣе: подлѣ князей и дружинъ ихъ, не усѣвшихся, перекочевывающихъ изъ одной области въ другую, что обличаетъ общество новорожденное, мы замѣчаемъ любопытное явленіе, которое еще болѣе обличаетъ новорожденное общество, явленіе уже невозможное въ обществѣ сколько-нибудь зрѣломъ, сформировавшемся: лѣтопись упоминаетъ о богатыряхъ, людяхъ, отличающихся особенною физическою силою и храбростію, и которые не входятъ въ дружину княжескую, составляютъ особую силу, помогая то тому, то другому князю. Исторія можетъ подмѣтить еще на дѣвственной восточной равнинѣ процессъ первоначальнаго выдѣленія силъ изъ народонаселенія, приведеннаго въ движеніе. А если сравнимъ общество, о которомъ идетъ рѣчь и которое мы называемъ новорожденнымъ въ смыслѣ общества Европейскаго, отличающагося сложностію своего построенія, чѣмъ оно и выше,

совершеннѣе другихъ обществъ, — если мы сравнимъ Русскій народъ XI и XII вѣка съ сосѣдями восточными, то какъ высоко станетъ онъ! Подлѣ степь съ ея кочевыми обитателями; и здѣсь мы опять можемъ наблюдать переходъ народовъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому; между дикими степными кочевниками и осѣдлою Русью образуются народцы полукочевые и полуосѣдлые, полунезависимые, имѣющіе собственныхъ князьковъ, но признающіе верховную власть Русскихъ князей, при чемъ однако не рѣдко измѣняютъ въ пользу своихъ дикихъ собратій.

Но въ то время какъ на восточной равнинѣ князья и дружины, сохраняя первоначальный, богатырскій характеръ, не покидаютъ движенія, не привязываются землевладѣніемъ, какъ на западѣ, города, которымъ, вслѣдствіе счастливаго положенія своего, удалось подняться чрезъ промышленность и торговлю, необходимо должны были пріобрѣсти важное значеніе, именно потому, что другія силы, князь и дружина представляли начало подвижное, измѣняющееся, а города представляли постоянное, прочное. Волости, земли, второстепенные, младшіе города тянутъ къ старшему, сначала потому, что тамъ живетъ князь; но теперь князья мѣняются, спорятъ, трудно разобрать, кто изъ нихъ правъ? и младшіе города, вся волость, естественно, по старой привычкѣ, смотрятъ на старшій, что тамъ скажутъ? какъ рѣшатъ? такъ и всѣ другіе рѣшатъ. Старшіе города, жители его, собранные на вѣчѣ, являются такимъ образомъ властію, и на чемъ они, старшіе, положатъ, на томъ и пригороды станутъ. При множествѣ князей, ихъ спорахъ и усобицахъ, города естественно стремились къ тому же положенію, какое пріобрѣла дружина, переходить отъ дурнаго князя къ лучшему. Вскорѣ по смерти Ярослава, когда явилось уже нѣсколько князей, Кіевляне выгоняютъ князя, который не умѣлъ защитить ихъ отъ Половцевъ, и берутъ себѣ другаго, его плѣнника. Въ послѣдствіи эти явленія повторяются, гдѣ чаще, гдѣ рѣже, въ Новгородѣ Великомъ чаще всего. Естественно, что при этомъ происходили условія, ряды. Только Новгородскіе ряды дошли до насъ; что же касается до другихъ городовъ, то нельзя думать, чтобъ въ нихъ было много

опредѣленій относительно самостоятельности городскаго управленія: какъ дружинникъ, имѣя возможность обезпечивать себя лично-свободнымъ переходомъ, забылъ думать о какихъ-либо другихъ опредѣленіяхъ своего сословнаго положенія, точно такъ и города встрѣчали препятствіе къ точнѣйшимъ опредѣленіямъ своего быта именно въ возможности перемѣнить дурнаго правителя и судью; призовутъ на его мѣсто хорошаго, уговорятся съ нимъ, чтобъ поставилъ всюду хорошихъ второстепенныхъ правителей и судей, и все пойдетъ хорошо. На западѣ владѣлецъ жилъ постоянно тутъ, былъ вѣчнымъ землевладѣльцемъ; отъ его притѣсненій городу не было другаго средства, какъ поцѣловать крестъ стоять за одинъ (jurer la commune), съ помощею высшаго авторитета заставить притѣснителя опредѣлить навсегда свои отношенія къ городу. На Руси же иное дѣло: противъ князя добраго и не сильнаго ненужно обезпеченій, а придетъ на его мѣсто князь сильный, тотъ не станетъ смотрѣть на рядъ своего предшественника, не будучи съ нимъ ничѣмъ связанъ, часто будучи врагомъ его; высшаго же авторитета, который бы могъ утвердить права города относительно его князя, нѣтъ; всѣ князья равны на своихъ столахъ и высшаго надъ собою не признаютъ. Наконецъ, лучшее доказательство неразвитости самоуправленія въ древнихъ городахъ Русскихъ,—что когда нѣкоторые изъ нихъ подпали подъ власть Литвы, то приняли чужія формы самоуправленія, именно Нѣмецкое Магдебургское право: чужія формы добровольно берутся тогда, когда нѣтъ своихъ.

Духовенство, начальные его люди, архіереи, хотя часто и пришельцы, но, оставаясь постоянно среди своей паствы, не могли не имѣть большаго вліянія на дѣла волости, на ея отношенія къ князьямъ; владыкѣ принадлежало первое мѣсто во всякомъ видномъ случаѣ. Среди постоянно движущихся, другъ съ другомъ воюющихъ князей, среди движущихся вмѣстѣ съ князьями дружинъ, среди волостей, колеблющихся, мятущихся вслѣдствіе этого движенія и борьбы, единый митрополитъ Кіевскій и всея Руси могъ бы пріобрѣсти огромное значеніе: это была одна постоянная сила среди другихъ движущихся, слѣдовательно слабѣйшихъ. Но этотъ митрополитъ былъ обык-

новенно Грекъ, чужой человѣкъ, безъ языка передъ народомъ, безъ вліянія.

Такимъ образомъ во сто лѣтъ, протекшія отъ смерти Ярослава I-го, мы видимъ, что, преимущественно вслѣдствіе продолженія движенія, всѣ элементы задержаны въ своемъ развитіи, на лицо все первоначальныя формы: бродячія дружины, члены ихъ свободно переходящіе отъ одного князя къ другому, въ челѣ дружинъ неутомимые князья-богатыри, переходящіе изъ одной волости княжить въ другую, ищущіе во всѣхъ странахъ честь свою взять, не помышляя ни о чемъ прочномъ, постоянномъ, не имѣя своего, но все общее родовое; вѣча съ первоначальными формами народныхъ собраній безо всякихъ опредѣленій; а тутъ на границѣ кочевники переходятъ къ полуосѣдлости, немного далѣе, въ степи, виднѣются вежи и чистыхъ кочевниковъ. Все здѣсь на восточной равнинѣ отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядится и начнутся опредѣленія.

Когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? Отъ уясненія этихъ вопросовъ зависитъ уясненіе всего послѣдующаго хода исторіи. Мы видѣли, что исторія сначала выбираетъ всегда лучшія земли, и отсюда постепенность историческаго движенія въ Европѣ съ юга на сѣверъ или съ югозапада на сѣверовостокъ. То же самое видимъ и у насъ на восточной равнинѣ. Исторія начинается здѣсь на западѣ, на водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное; начинается на сѣверозападѣ, но уже второй князь переселяется съ сѣвера на югъ, въ среднее приднѣпровье, въ лучшія страны, гдѣ и образуется собственная въ древности Русь. Здѣсь, въ западной части равнины, по великому водному пути, остается главная историческая сцена при первыхъ князьяхъ и сто лѣтъ спустя по смерти Ярослава Великаго. Но мы видѣли, что изначала Славянамъ суждено было двигаться на сѣверовостокъ, въ страны, болѣе и болѣе обдѣленныя природою: какой-то сильный врагъ когда-то потѣснилъ Славянъ съ Дуная и заста-

вилъ часть ихъ поселиться по рѣкамъ восточной равнины; но и тутъ, въ лучшихъ югозападныхъ частяхъ этой равнины, они не могли долго оставаться въ покоѣ, даже и тогда когда Русскіе князья соединили ихъ и въ челѣ дружинъ своихъ стали на сторожѣ Русской земли, обстроили ее городками со стороны степи: ни Русскіе князья съ ихъ дружинами, ни Русскіе городки не могли сдерживать наплыва кочевниковъ; города и села лежали пустые, обгорѣлые, пахарь не смѣлъ выѣхать на работу, Половецкіе вежи наполнялись Русскими рабами, и походы князей въ далекія степи на разгромъ хищниковъ приносили только минутное облегченіе. Черниговскій князь объявлялъ, что его волость опустошена, что въ его городахъ живутъ только псари да Половцы; другія пограничныя со степью княжества не могли быть въ лучшемъ положеніи. Усобицы княжескія происходили преимущественно въ этихъ же странахъ и князья приводили тѣхъ же Половцевъ.

Такое несчастное положеніе югозападной украйны необходимо заставляло часть ея жителей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя сѣверовосточныя волости Русскія, суровая климатомъ, бѣдная населеніемъ область Верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностію, отовсюду призывали насельниковъ, давали имъ льготы, строили имъ города.

Въ какихъ же условіяхъ нашлось народонаселеніе въ этой новой странѣ?

Если въ старой, западной или югозападной Руси племенное дѣленіе имѣетъ такъ мало историческаго значенія, то въ новой сѣверовосточной Руси о племенахъ нѣтъ и помину. Лѣтопись, до прихода Варягорусскихъ князей, указываетъ здѣсь Финскія племена; но въ половинѣ XII вѣка мы имѣемъ здѣсь дѣло уже съ Славянорусскимъ народонаселеніемъ. Прибытіе однихъ Русскихъ князей съ ихъ дружинами не могло ославянить туземцевъ: мы знаемъ, какъ обыкновенно господствующій классъ сохраняетъ одну народность, а нисшее народонаселеніе—другую; для ославяненія сѣверовосточной Руси необходимъ былъ сильный приплывъ Славянскаго народонаселенія въ города и села. Но этотъ приплывъ совершился не цѣлыми особыми племенами;

а въ разбродъ; стекались по одиночкѣ или небольшими толпами изъ разныхъ мѣстностей, сталкивались съ чужими, съ иноплеменниками, безъ возможности слѣдовательно сейчасъ же составить крѣпкій союзъ, приходили съ сознаніемъ своей слабости, зависимости. Въ западныхъ областяхъ Славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ, Славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Разумѣется многое зависѣло здѣсь отъ того, воспользуются ли князья своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, къ новымъ, своимъ городамъ, не встрѣтятъ ли въ другихъ частяхъ народонаселенія сильныхъ препятствій. Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ новому народонаселенію, именно Андрей Боголюбскій. Онъ переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ. Андрей понимаетъ очень хорошо значеніе слова: мое, собственность, и не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ только общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ побѣды. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей, и отсюда начинается новый порядокъ вещей.

Мы сказали: при началѣ утвержденія новаго порядка вещей многое зависѣло отъ того, воспользуются ли князья своимъ выгоднымъ положеніемъ, не встрѣтятъ ли препятствій въ другихъ частяхъ народонаселенія? Дѣло не обошлось безъ борьбы. Южные князья-богатыри, привыкшіе съ молоду никого не бояться,

кромѣ Бога одного, встали, увидавъ, что Андрей, сѣверный самовластецъ, сталъ обходиться съ ними не по прежнему, не какъ съ родственниками, но какъ съ подручниками; они разбили большое войско Андреево, высланное противъ нихъ на югъ; но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ князей дѣло и кончилось на югѣ, сѣверъ съ зачавшимся въ немъ новымъ порядкомъ остался не тронутъ. Новгородъ Великій съ храбрымъ княземъ, пріѣхавшимъ къ нему съ юга, отбился отъ полковъ Андреевыхъ, видѣлъ бѣгство ихъ отъ стѣнъ своихъ, но этимъ оборонительнымъ дѣйствіемъ со стороны сильнѣйшаго, самовластительнаго города на Руси, дѣло и кончилось; Новгородъ Великій не помогъ Ростову Великому, въ который Андрей ударилъ пятою, по тогдашнему выраженію, переѣхавъ жить въ пригородъ, и украшалъ этотъ пригородъ какъ стольный городъ на зло старому Ростову. Мы видѣли, какъ привыкли жить дружинники съ княземъ, не какъ съ повелителемъ, но какъ съ старшимъ товарищемъ, какъ съ вождемъ, которому служатъ по любви, изъ охоты, и покидаютъ при первомъ неудовольствіи. Андрей не ужился съ этими обычными требованіями дружины и погналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ: что̀ же бояре остальныхъ волостей Русскихъ? встали за обиду товарищей? Нисколько.

Повсюду ограничились только обороною отъ наступательныхъ дѣйствій сѣвернаго самовластца; онъ остался нетронутымъ въ своей волости. Здѣсь борьба не кончилась: Андрей палъ жертвою новаго порядка, имъ введеннаго, бояре убили его. Но это воровское дѣло, это ночное нападеніе, ночное убійство суроваго господина показываетъ лучше всего—слабость въ людяхъ, совершившихъ преступленіе. Однако человѣка, сжимавшаго все въ сильной рукѣ, не было болѣе, слѣдовательно теперь все, что было сжато только, а не изгибло, могло подняться, выпрямиться. Поднимается старый вѣчевой городъ Ростовъ, хочетъ низложить дерзкій пригородъ Владиміръ, взявшій первенство по волѣ князя; съ старымъ городомъ, по единству выгодъ, соединяются бояре; но пригороды побѣждаютъ, Ростовъ окончательно теряетъ свое значеніе и князья утверж-

даются въ пригородахъ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть ихъ ничѣмъ не стѣснена.

Исходъ борьбы между старымъ городомъ и новыми имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій на сѣверѣ, а слѣдовательно и въ цѣлой Россіи, ибо сѣверъ получаетъ преобладающее значеніе. Мы видѣли, что вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, перемѣщеній и усобицъ, власть княжеская являлась чѣмъ-то непостояннымъ, измѣняющимся, и во сколько она ослабѣла чрезъ это, во столько выиграло значеніе старшаго города въ волости, который представлялъ власть постоянную. Такимъ образомъ въ землѣ подлѣ власти княжеской являлась другая власть, и чѣмъ чаще въ которой землѣ мѣнялись князья, и чѣмъ съ меньшими силами приходили они какъ искатели волости, стола, тѣмъ болѣе поднималось значеніе другой, постоянной власти, города: такъ Новгородъ Великій поднялся до значенія государя, хотя не исключилъ и власти княжеской, остался при выработанномъ исторіею двоевластіи, не постаравшись о болѣе точномъ юридическомъ опредѣленіи. Такое двоевластіе было болѣе или менѣе и въ другихъ областяхъ, въ другихъ земляхъ во время господства родовыхъ княжескихъ отношеній. Но какъ скоро на сѣверѣ князь сдѣлалъ первую попытку установиться, сдѣлаться властію постоянною, то естественно онъ прежде всего долженъ былъ столкнуться со властію старшаго города. Исходъ столкновенія легко было предвидѣть на сѣверѣ, гдѣ князь явился повелителемъ страны, строителемъ городовъ, гдѣ князь слѣдовательно создалъ себѣ силу, опираясь на которую могъ начать поведеніе, какимъ отличался Андрей Боголюбскій. Андрей, впрочемъ, какъ видно, не вступалъ въ открытую борьбу съ старымъ городомъ Ростовомъ, онъ только оставилъ его и устроилъ себѣ свой стольный городъ въ пригородѣ Владимірѣ, онъ точно также поступилъ и съ Кіевомъ, старшимъ городомъ во всей Русской землѣ; племянникъ его Ярославъ Всеволодовичь хотѣлъ точно также поступить съ Новгородомъ, покинувши его и утвердивши свое пребываніе въ пригородѣ Торжкѣ. Только когда по смерти Боголюбскаго Ростовцы высказали свои требованія, началась открытая борь-

ба между ними и братьями Андрея, кончившаяся пораженіемъ Ростовцевъ. Не удивительно, что борьба была не продолжительна: обративъ вниманіе на положеніе Ростова, трудно предположить, чтобъ этотъ городъ былъ силенъ, имѣлъ многочисленное народонаселеніе вслѣдствіе большой торговой дѣятельности; трудно предположить, чтобъ этотъ городъ, запрятанный своими строителями, Финскою Мерею отъ живаго пути, отъ Волги, къ печальному мертвенному озеру, чтобъ этотъ городъ процвѣталъ, подобно Новгороду, Смоленску, Полоцку.

Низложенъ былъ старый вѣчевой городъ, и на сѣверѣ водворилось однообразіе: все города новые, незначительные; Ростовъ заброшенъ, Владиміръ не успѣлъ еще подняться въ значеніи столицы великокняжеской, какъ былъ разоренъ Татарами и также заброшенъ; великіе князья живутъ въ своихъ опричнинахъ, въ своихъ наслѣдственныхъ городкахъ, то въ Переславлѣ, то въ Твери, то въ Костромѣ, то въ Москвѣ. Нельзя не замѣтить въ Русской исторіи относительно городовъ важной по своимъ послѣдствіямъ односторонности: въ западной половинѣ, гдѣ была главная историческая сцена въ древности, мы видимъ рядъ значительныхъ городовъ, процвѣтавшихъ именно потому, что они были на дорогѣ изъ Варягъ въ Греки, т. е. изъ сѣверной Европы въ южную; въ сѣверовосточной части, которая теперь выступаетъ на первый планъ, по другимъ, менѣе благопріятнымъ природнымъ условіямъ, значительныхъ городовъ нѣтъ, и потому не обнаруживаютъ они вліянія на послѣдующій ходъ событій, которыя совершаются мимо ихъ. Города являются здѣсь преимущественно большими огороженными селами, и государство, здѣсь сложившееся, окрѣпнувшее, получаетъ преимущественно характеръ государства земледѣльческаго.

Вообще движеніе Русской исторіи съ югозапада на сѣверовостокъ было движеніемъ изъ странъ лучшихъ въ худшія, въ условія болѣе неблагопріятныя. Исторія выступила изъ страны, выгодной по своему природному положенію, изъ страны, которая представляла путь изъ сѣверной Европы въ южную, изъ страны, которая по этому находилась въ постоянномъ общеніи съ Европейско-христіанскими народами, посредничала между

ними въ торговомъ отношеніи. Но какъ скоро историческая жизнь отливаетъ на востокъ къ области верхней Волги, то связь съ Европою, съ западомъ, необходимо ослабѣваетъ и порывается, не вслѣдствіе мнимаго вліянія Татарскаго ига, а вслѣдствіе могущественныхъ природныхъ вліяній: куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области? туда слѣдовательно, на востокъ обращено все. Но западная Россія, что же съ нею сдѣлалось? она осталась на своемъ мѣстѣ, не могла передвинуться на востокъ? Западная Россія, потерявъ свое значеніе, потеряла способы къ дальнѣйшему матеріальному, государственному и нравственному развитію, способы имѣть вліяніе на восточную Россію результатами своего общенія съ европейскими народами. Мы видѣли, чему подвергалась она вслѣдствіе сосѣдства своего съ степью, съ хищными кочевниками, Половцами. Татары и Литва разорили ее въ конецъ. Кіевъ, въ старину вторая Византія, являлся путешественнику въ видѣ ничтожнаго городка, съ окрестностями, похожими на кладбище. Запустѣлая, лишенная силъ, раздробленная, Югозападная Русь подпала подъ власть князей Литовскихъ. Галичь, счастливый уголокъ, гдѣ было сосредоточились послѣднія силы югозападной Руси, быстро поднялся и процвѣлъ, но скоро и палъ вслѣдствіе своего уединенія отъ остальной, живой Руси, т. е. Великой, ибо Малую Русь въ описываемое время нельзя было назвать живою. Политическая связь между восточною и западною Русью рушилась, мало того возникла вражда вслѣдствіе соперничества правителей, которые постарались разрушить церковное единство: явилось два особыхъ митрополита, въ Кіевѣ и Москвѣ.

Кровный союзъ былъ нарушенъ, родные братья раздѣлились, разошлись; сколько отъ этого раздѣленія потеряно было матеріальныхъ силъ, объ этомъ говорить нечего. Деньги — дѣло нажитое, говоритъ пословица: такъ и вообще матеріальныя силы; но сколько отъ этого раздѣла, отъ этой долгой жизни особнякомъ потеряно было нравственнаго, духовнаго богатства! Русскій человѣкъ явился въ сѣверовосточныхъ пустыняхъ б е з с е м е е н ъ во всемъ печальномъ значеніи, какое это слово имѣло у насъ въ старину. Одинокій, заброшенный въ міръ варваровъ,

послѣдній, крайній изъ Европейско-христіанской семьи, забытый своими и забывшій о своихъ по отдаленности, разрозненившійся и отъ родныхъ братьевъ — вотъ положеніе Русскаго человѣка на сѣверовостокѣ; и цѣлые вѣка предназначено было ему двигаться все далѣе и далѣе въ пустыни востока, жить въ отчужденіи отъ западныхъ собратій. Но если для развитія силъ какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа необходимо общество другихъ людей, другихъ народовъ, если только при этомъ условіи возможно движеніе мысли, расширеніе сферы дѣятельности, то понятно, какія слѣдствія для Русскаго народа должно было имѣть отсутствіе этого условія.

Другія благопріятныя условія могли бы, хотя отчасти, восполнить недостатокъ главнаго условія, необходимаго для успѣшнаго развитія народной жизни, напримѣръ благопріятный климатъ, плодоносіе почвы, многочисленное народонаселеніе въ обширной и разнообразной странѣ, что дѣлаетъ возможнымъ раздѣленіе занятій, обширную внутреннюю торговлю, безпрерывныя сообщенія различныхъ мѣстностей другъ съ другомъ, процвѣтаніе большихъ городовъ. Ничего подобнаго не могло быть въ сѣверовосточной Россіи. Печальная, суровая, однообразная природа не могла живительно дѣйствовать на духъ человѣка, развивать въ немъ чувство красоты, стремленіе къ украшенію жизни, поднимать его выше ежедневнаго, будничнаго однообразія, приводить въ праздничное состояніе, столь необходимое для возстановленія силъ. Малочисленное народонаселеніе было разбросано на огромныхъ пустынныхъ пространствахъ, которыя безпрестанно увеличивались безъ соотвѣтственнаго умноженія народонаселенія. Все это было бѣдно и слабо безъ возможности къ самостоятельной жизни, безъ возможности защиты при встрѣчѣ съ какою бы то ни было силою. Посмотримъ, что̀ иногда происходило въ городѣ, относительно довольно значительномъ? Жители прячутся, затворяются ставни домовъ, запираются лавки: въ городъ въѣхалъ прикащикъ сосѣдняго богатаго землевладѣльца, окруженный толпою подвластныхъ ему крестьянъ, и похваляется всякою похвальбою на горожанъ. Эта слабость отдѣльныхъ частей вела къ тому, что всѣ онѣ и во всемъ обращались къ Москвѣ, туда

посылали свои жалобы, оттуда ждали защиты. Сила, широта взгляда, сознаніе своего положенія и отсюда могущественныя побужденія упорно охранять одно и отвергать другое зависятъ отъ сосредоточенія большихъ массъ въ одной мѣстности съ сильною и разнообразною дѣятельностію. Когда народъ сплоченъ внутренно вслѣдствіе достаточнаго числа жителей соотвѣтственно обширности страны, когда народъ сплоченъ раздѣленіемъ занятій, поставившимъ различныя мѣстности, различныя части народонаселенія въ неразрывную связь и зависимость другъ отъ друга, когда эти мѣстности и части народонаселенія находятся въ безпрерывномъ общеніи другъ съ другомъ, связаны общими интересами, принимаютъ горячее участіе въ судьбѣ другъ друга, однимъ словомъ, живутъ сознательно общею жизнію: то такая внутренняя сплоченность, связь условливаетъ возможность децентрализаціи, возможность самоуправленія частей безъ вреда политическому единству; когда разбитый членъ организма внутренно сросся, тогда внѣшнія повязки и лубки болѣе не нужны. Наоборотъ, когда части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особною жизнію, не связаны раздѣленіемъ занятій, когда нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію, когда сообщенія затруднительны, сознанія общихъ интересовъ нѣтъ, то раздробленныя такимъ образомъ части приводятся въ связь, стягиваются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе внутренняя связь; централизація восполняетъ недостатокъ внутренней связи, условливается этимъ недостаткомъ и, разумѣется, благодѣтельна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбрелось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерею внутренней связи, внутренней сплоченности.

Мы видѣли, въ какомъ выгодномъ положеніи съ самаго начала нашелся князь на сѣверовостокѣ, и какъ онъ воспользовался этими выгодами. Преемники Боголюбскаго, братъ его Всеволодъ III и потомки послѣдняго неуклонно вѣрны преданію, полученному отъ перваго самовластца. Каждый князь, ставши, по родовымъ счетамъ, великимъ или старшимъ, не

оставляетъ своей прежней волости для столицы великокняжеской, Владиміра, который такимъ образомъ послѣ Татарскаго погрома не имѣлъ возможности поправиться, получить значеніе, принять участіе въ княжескихъ спорахъ, усобицахъ, его роль страдательная, все дѣлается мимо его. Каждый великій князь стремится воспользоваться теперь своимъ значеніемъ, своею силою, чтобъ увеличить свою волость, свое владѣніе на счетъ другихъ княжествъ. Вмѣсто прежняго движенія изъ одной волости въ другую, какое мы видѣли въ древней, югозападной Россіи, въ Россіи новой, сѣверовосточной видимъ осѣдлость князей въ одной волости, князь сростается съ волостію, интересы ихъ отождествляются, усобицы принимаютъ другой характеръ, имѣютъ другую цѣль, именно усиленіе одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ; при такой цѣли родовыя отношенія необходимо рушатся, ибо тотъ, кто чувствуетъ себя сильнымъ, не обращаетъ болѣе на нихъ вниманія. Одно княжество наконецъ осиливаетъ всѣ другія и образуется государство Московское.

При этомъ образованіи Московскій князь, теперь государь всея Руси, утверждаетъ за собою то выгодное положеніе, въ которомъ являются первые сѣверные князья. Соотвѣтственно тому отношенію, въ какомъ мы нашли въ началѣ сѣверное народонаселеніе къ князю, какъ хозяину, населителю страны, создателю городовъ, въ соотвѣтствіе этому отношенію въ Московскомъ государствѣ свободный человѣкъ называетъ себя человѣкомъ великаго князя. Но что̀ же дружина? Дружина во все то время, пока образовывалось государство на сѣверѣ, сохраняетъ свой прежній характеръ: единственное право, которое она ревниво бережетъ, право вынесенное ею изъ старой Руси, это право свободнаго перехода отъ одного князя къ другому: «Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.» Такимъ образомъ князь опередилъ дружину: въ то время какъ онъ началъ новый порядокъ вещей, усѣлся, припавъ къ землѣ, и, какъ богатырь, получилъ отсюда новыя силы, дружина продолжаетъ еще бродить, кружиться и въ этой способности двигаться полагаетъ свое единственное право или ручательство всѣхъ правъ: дружина слѣдовательно страшно отстала отъ князя, отстала на цѣлый

періодъ. Если нѣкоторые дружинники усаживаются и получаютъ отъ этого силу, то движеніе остальныхъ мѣшаетъ дальнѣйшему ихъ усиленію, мѣшаетъ опредѣленію отношеній. У сильнѣйшаго князя выгодно служить, и, по праву свободнаго перехода, дружинники отовсюду стремятся въ Москву, идутъ туда бояре съ опустошеннаго юга съ многочисленными дворами, новые пришельцы заѣзжаютъ старыхъ, по мѣстническому выраженію, начинается борьба, усобица въ боярствѣ, и если одинъ бояринъ чрезъ мѣру усилится и станетъ опасенъ, князь найдетъ противъ него всегда опору въ его соперникахъ. Такъ погибъ опасный Алексѣй Петровичь Хвостъ отъ вражды съ своими собратіями. Опасенъ становится важный санъ тысяцкаго, грозившій стать наслѣдственнымъ въ одной знатной фамиліи, — и Димитрій Донской уничтожаетъ этотъ санъ. Тщетно сынъ послѣдняго тысяцкаго, Вельяминовъ, хлопочетъ и въ Твери, и въ Ордѣ, поднимая грозу противъ Московскаго князя; его ревностный союзникъ — богатый купецъ Московскій, и никто изъ бояръ; голова Вельяминова падаетъ подъ топоромъ палача на Кучковѣ полѣ, народъ плачетъ, о боярахъ ни слова не говорится въ лѣтописи, не говорится, чтобъ они показали сочувствіе къ судьбѣ собрата; точно также при внукѣ Донскаго безуспѣшно кончилось возстаніе боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Такимъ образомъ въ это важное время, когда Московскій князь собиралъ Русскую землю, становился государемъ, самовластнымъ хозяиномъ всей сѣверовосточной Россіи, въ дружинѣ мы видимъ одиночныя попытки того или другаго сильнаго лица, того или другаго сильнаго рода подняться, но при столкновеніи съ властію великокняжескою, при борьбѣ, силы оказываются далеко не равными: возставшій бояринъ дѣйствуетъ во имя своего личнаго интереса, не поддерживается внутри всѣми собратіями, дѣйствуетъ посредствомъ другихъ князей или хана. Дружина остается при прежнемъ: «боярамъ и слугамъ вольнымъ воля.»

Къ концу первой половины XV вѣка дворъ великаго князя Московскаго наполняется пришельцами новаго рода, князьями потомками Рюрика и Гедимина, которые, по своему происхожденію, становятся на первомъ планѣ, оттѣсняютъ старыхъ бояръ

на второй, чѣмъ, разумѣется, возбуждаютъ къ себѣ ихъ непріязнь. Такимъ образомъ вмѣсто увеличенія силъ дружины отъ прилыва князей, силы уменьшаются, ибо происходитъ раздѣленіе интересовъ. Притомъ князья являются въ Москву съ одними притязаніями на важное значеніе, безъ средствъ поддержать ихъ. Нѣкоторые удерживаютъ за собою прозванія отъ прежнихъ княжествъ своихъ заимствованныя, но правителями этихъ княжествъ не остаются, не имѣютъ слѣдовательно никакой самостоятельности, никакой опоры; они не сохраняютъ никакого значенія въ областяхъ, гдѣ правительствовали ихъ дѣды, ихъ здѣсь скоро забываютъ, они не живутъ здѣсь, ихъ мѣсто, какъ дружинниковъ, постоянно въ Москвѣ подлѣ великаго князя. Они сохраняютъ нѣсколько вотчинъ, но эти вотчины дробятся вслѣдствіе ровнаго раздѣленія между всѣми сыновьями, кромѣ того часть ихъ еще отходитъ въ монастыри на поминъ души. Въ томъ же самомъ положеніи относительно средствъ своихъ находятся всѣ бояре, вся знать, т. е. всѣ они бѣдны средствами. Князья и бояре бѣдны, а великій князь очень богатъ; онъ примыслилъ себѣ множество земель, а земля, при младенческомъ состояніи Московскаго государства, государства земледѣльческаго, при неразвитости промышленности и торговли, земля составляла единственное богатство, единственное средство содержанія. Это земельное богатство даетъ средство великому князю окончательно утвердить свое могущество и положить заразъ преграду притязаніямъ князей и знати: средство къ тому — помѣстье. Раздачею земельныхъ участковъ во временное владѣніе, за службу великій князь создаетъ себѣ свое многочисленное войско, вполнѣ отъ него зависящее, отъ него получающее содержаніе. У князей и бояръ нѣтъ во владѣніи большихъ областей, городовъ, даже укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ бы они могли жить болѣе или менѣе независимо; издавна дружинники, не получавшіе на Руси значенія землевладѣльцевъ, привыкли жить около князя, и теперь бояре, окольничіе и думные люди, и князья, вошедшіе въ ряды ихъ, живутъ постоянно въ Москвѣ, и безпрестанно толпятся во дворцѣ; въ XV, XVI и XVII вѣкѣ отношенія остаются тѣ же, какія были въ X и XI. О короляхъ Испаніи и Фран-

ціи говорится, что они усилили свою власть, свое значеніе, перетянувъ знать изъ за́мковъ къ своему двору: въ Россіи этого перетягиванія и не могло быть, ибо не было періода въ Русской исторіи, когда бы знать жила независимо въ за́мкахъ: дружина постоянно сохраняла свой первоначальный характеръ и непосредственное отношеніе къ князю, съ которымъ не разставалась. При образованіи Московскаго государства князья служилые и знать вообще не могли, по бѣдности, надѣлять землями другихъ неимущихъ и такимъ образомъ составлять свое войско, и вообще не имѣли средствъ содержать свое войско, свой дворъ; одинъ великій князь имѣлъ возможность раздавать земли и этимъ средствомъ создавать себѣ войско. Легко понять слѣдствія. Для современниковъ отношенія были ясны: Польскіе магнаты, разсуждая о выборѣ Московскаго царя въ короли, говорили, что этотъ выборъ имъ невыгоденъ, потому что Московскій царь богатъ, и потому переведетъ всю служащую у нихъ шляхту въ службу къ себѣ. Такъ уже и было сдѣлано при Іоаннѣ III-мъ, когда великій князь, отобравши земли у Новгородскаго духовенства, роздалъ ихъ въ помѣстья людямъ, взятымъ изъ дворовъ знатныхъ людей.

Великій князь крѣпко утвердился въ странѣ, онъ въ ней полновластный хозяинъ, жители называютъ себя людьми великаго князя, онъ распоряжается землею, онъ создаетъ себѣ многочисленное войско; а старая дружина, знать, въ челѣ которой стоятъ теперв князья, постоянно обращаетъ взоры назадъ, къ старому, отжившему порядку вещей и, вмѣсто опредѣленія отношеній и указанія новыхъ условій, вмѣсто осѣдлости, прочной установки, хочетъ сохранить прежній характеръ дружины, хочетъ постоянно двигаться, хочетъ удержать за собою движеніе, переходъ какъ право: «А боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Легко понять, какъ отстала эта Московская знать, какого порядка являлась они представительницей, порядка, который для западной Европы кончился со вступленіемъ Германскихъ дружинъ на Римскую почву; Московская знать жила еще преданіями богатырскаго періода. Но этотъ періодъ давно уже кончился на сѣверѣ, въ Москвѣ; здѣсь князья установились, и вмѣсто многихъ, равноправныхъ князей сталъ одинъ государь всея Ру-

си, переходить отъ него стало не къ кому болѣе, развѣ къ государямъ чужихъ странъ, но это уже тяжело, это уже измѣна. Право бояръ и слугъ вольныхъ прекратилось само собою, воля исчезла вслѣдствіе естественнаго хода событій, никто ее не отнималъ; гарантіи прежняго выгоднаго положенія нѣтъ болѣе; великій князь рѣзко выдѣляется, высоко поднимается надъ старыми дружинниками по своимъ независимымъ средствамъ, по своему значенію для остальнаго народонаселенія страны; среди всеобщей скудости онъ одинъ могъ окружить себя великолѣпіемъ, такъ сильно дѣйствующимъ на воображеніе. Какъ нарочно великій князь Московскій Іоаннъ III женится на Греческой царевнѣ, воспитанной въ Италіи. Она способствуетъ мужу выдѣлиться изъ среды новыхъ служилыхъ князей и старыхъ дружинниковъ, перемѣнить старыя отношенія, старые обычаи къ выгодѣ значенія государева, къ невыгодѣ прежнихъ вольныхъ дружинниковъ, которымъ уже больше нѣтъ вольнаго перехода. Знать, стоявшая на первыхъ мѣстахъ, вступила въ борьбу съ хитрою Гречанкою, но та успѣла выйти побѣдительницею изъ борьбы, сынъ ея, воспитанный въ этой борьбѣ, крѣпко въ нее запутанный, вступаетъ на великокняжескій престолъ по смерти отцовской. Послѣднее время Московскихъ Рюриковичей прошло въ ожесточенной борьбѣ съ притязаніями знати, которая живо помнила недавнюю старину вольныхъ дружинъ, и которая въ сочиненіяхъ одного изъ даровитыхъ своихъ членовъ оставила потомству горькія жалобы на новый порядокъ, столь для нея тяжелый, и на роковую Гречанку, будто бы его принесшую въ царство Русское.

Борьба, принявшая напослѣдокъ кровавый характеръ, кончилась, какъ слѣдовало ожидать, не къ выгодѣ Московской знати, которая должна была забыть старыя преданія вольной дружины; князья Рюриковичи и Гедеминовичи стали называться холопями великаго государя, писаться уничижительными полуименами. Но не смотря на тяжелыя обстоятельства, на опалы, члены этой знати удерживаютъ свое первенствующее значеніе, высшія мѣста въ управленіи. Іоаннъ Грозный, въ своей ожесточенной враждѣ къ нимъ, не отнимаетъ у нихъ этого значенія, этихъ мѣстъ, не даетъ ихъ значенія, ихъ мѣстъ людямъ новымъ

низкаго происхожденія. Грозный, подозрѣвая и ненавидя бояръ своихъ, оставляетъ ихъ въ прежнемъ значеніи, даже рискуетъ усилить его, поставляя ихъ въ челѣ земскаго управленія; онъ не прогоняетъ бояръ, но самъ скорѣе убѣгаетъ отъ нихъ, окруженный новою, преданною дружиною, опричниками. Но въ началѣ XVII вѣка для Московскаго боярства настало время, хуже времени Грознаго, смутное время. Явились два царя, два двора; кто не могъ получить высшей чести при одномъ дворѣ, переходилъ къ другому; Тушино наполнилось людьми разнаго происхожденія, которые тамъ искали случая подняться. Когда Тушино разсыпалось, эти люди забѣжали подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду, предложили ему свои услуги, и когда потомъ Московскіе бояре присягнули королевичу Владиславу, чтобъ только избавиться отъ козацкаго царя, самозванца, отъ владычества своихъ холопей, то съ ужасомъ увидали, что къ нимъ въ думу, по милости королевской, сѣлъ торговый мужикъ Андроновъ и всѣмъ распоряжается. Не смотря на то, бояре крѣпко держатся за королевича; но земля не хочетъ его, увидѣвъ за нимъ или еще передъ нимъ стараго короля съ іезуитами; земля встала, выставила ополченіе для борьбы съ Поляками и козаками, вожди этого ополченія—люди второстепенные, изъ родовъ захудалыхъ, если и бояре, то Тушинскіе, а бояре настоящіе, Московскіе сидятъ съ Поляками въ Кремлѣ. Когда буря миновала, все начало успокоиваться, оказался недочетъ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ привыкли видѣть въ челѣ полковъ, на первыхъ мѣстахъ въ думѣ. Пошли новые люди, не имѣвшіе уже тѣхъ преданій и того значенія, какъ прежніе столпы. Это даетъ возможность людямъ неродовитымъ пробиваться къ высшей чести, къ боярству, разумѣется, сначала медленно, не безъ ропота и выходокъ со стороны знатныхъ родовъ: но примѣръ уже поданъ въ боярствѣ Ордина-Нащокина и Матвѣева. А тутъ у дверей новыя неизбѣжныя преобразованія: войны трудныя, войны въ обширныхъ размѣрахъ требуютъ искусства ратнаго какъ у другихъ народовъ, требуютъ новаго строя, новаго воеводскаго распорядка; Московское государство не можетъ долѣе сохранять своей старины, родоваго быта съ его счетами, которые препятствовали всякому разумному распредѣленію вое-

водъ; не можетъ при своихъ государственныхъ отправленіяхъ довольствоваться простымъ древнокняжескимъ устройствомъ, не можетъ довольствоваться одною дружиною. Но эти преобразованія принадлежатъ уже къ новой исторіи.

Посмотримъ теперь на духовенство, какое положеніе получило оно при образованіи Московскаго государства и въ какомъ положеніи встрѣтило эпоху преобразованія? Мы упоминали, какое особенно важное значеніе въ древней Руси могъ бы имѣть единый митрополитъ при многихъ князьяхъ, еслибъ этотъ митрополитъ былъ Русскій. Послѣ окончательнаго опустошенія югозападной Руси, когда жизненныя силы отлили на сѣверо-востокъ, и митрополиты начали естественно стремиться туда же, и наконецъ совершенно переселились. Съ удаленіемъ митрополіи на сѣверъ, т. е. съ удаленіемъ отъ Греціи, сейчасъ же начинаютъ являться митрополиты изъ Русскихъ, хотя сначала мѣняясь съ Греками, и въ доказательство, какъ важно было это новое обстоятельство, три митрополита, которыхъ имена соединяются въ нашей церковной и политической исторіи какъ важнѣйшихъ дѣятелей, именно Русскіе: Петръ, Алексій, Іона. Изъ нихъ самое видное мѣсто принадлежитъ Алексію, при которомъ значеніе митрополита достигло высшей степени: онъ поддерживаетъ Московскаго князя и княжество, онъ старается усиливать ихъ всѣми зависящими отъ него средствами. Понятно, какое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій могло имѣть то обстоятельство, если бы значеніе митрополита, относительно великаго князя, поддержалось на той высотѣ, на какой оно находилось при Алексіѣ, благодаря достоинствамъ его преемниковъ. Алексій именно хотѣлъ видѣть своимъ преемникомъ человѣка, имѣвшаго великое значеніе въ землѣ, великую славу святости, Сергія Радонежскаго; но святый пустынникъ съ ужасомъ смиренія отвергъ предлагаемую честь. Великій князь Димитрій хотѣлъ видѣть преемникомъ Алексія своего человѣка, своего печатника Митяя, хотя св. Алексій не охотно соглашался на это. Митяю не удалось сдѣлаться митрополитомъ; но митрополію постигла бѣда: явилось нѣсколько митрополитовъ-соперниковъ, изъ которыхъ великій князь могъ выбирать смотря по обстоятельствамъ; митрополита Алексія

больше не было, въ митрополіи слабость, ибо раздѣленіе и борьба, а великимъ княземъ Димитрій Донской. Важно было положеніе единаго митрополита всея Руси при двухъ великихъ князьяхъ Московскомъ и Литовскомъ; но митрополія скоро раздѣлилась на восточную и западную: Москва осталась съ своимъ митрополитомъ, Кіевъ получилъ своего. Наконецъ для Московскаго митрополита прекратилась и зависимость отъ Византійскаго патріарха вслѣдствіе смутъ въ Константинополѣ и взятія его Турками. Всѣ эти событія одновременны съ окончательнымъ усиліемъ великокняжеской власти въ Москвѣ: положеніе Московскаго митрополита этимъ окончательно опредѣляется.

Для положенія старинной Русской знати, равно какъ и для положенія духовенства, было очень важно то обстоятельство, что между обоими сословіями было мало связи, не было обычая, какъ на западѣ, чтобы члены знатныхъ родовъ поступали въ духовное званіе и достигали архіерейства. Митрополитъ Алексій былъ сынъ знатнаго Московскаго боярина; невольный постриженникъ Вассіанъ Косой (князь Патрикѣевъ) показалъ очень ясно, какія могутъ быть слѣдствія соединенія въ одномъ лицѣ духовнаго характера съ знатностію происхожденія, связями и преданіями. Противникъ Вассіана, Іосифъ Волоцкій, человѣкъ такъ называемаго благороднаго происхожденія, настаивалъ на удержаніи за монастырями деревень именно съ тою цѣлію, чтобы можно было постригаться честнымъ людямъ, которые потомъ должны были занимать высшія мѣста въ іерархіи. Деревни остались за монастырями, но то, чего хотѣлъ Іосифъ, не произошло или было рѣдкимъ явленіемъ. Что касается до бѣлаго духовенства, то обязательность брака должна была изначала оказывать большое вліяніе на его положеніе: оно получило возможность восполняться изъ среды самого себя; но было еще другое условіе, которое могущественно содѣйствовало обособленію духовенства. Извѣстно, какъ тяготила правительство малочисленность народонаселенія въ Россіи, какъ дорогъ былъ вслѣдствіе этого человѣкъ, и великій князь Василій Димитріевичь заключилъ договоръ съ митрополитомъ Кипріаномъ, чтобы тотъ не принималъ въ свое духовное вѣдомство, т. е. не ставилъ въ священники, слугъ великокняжескихъ.

Не смотря на нѣкоторыя невыгоды своего положенія, духовенство въ древней Россіи сохраняло важное значеніе, именно сохраняло характеръ учительнаго сословія исключительно. Просвѣщеніе заключалось въ церковныхъ книгахъ, и духовенству принадлежало истолкованіе ихъ. Духовенство было единственнымъ обязательно просвѣщеннымъ сословіемъ въ Россіи: бояринъ не былъ даже обязанъ умѣть читать и писать; священникъ не могъ не быть грамотнымъ; дьякъ и подъячій были грамотны, но ихъ грамотность служила имъ только внѣшнимъ средствомъ для достиженія извѣстной цѣли, тогда какъ отъ священника требовалась не одна грамотность, отъ него требовалась учительность, и никто не отрицалъ у него права на исключительную учительность. Были нареканія, что Русское духовенство не довольно учительно, и что ведетъ себя не такъ какъ слѣдуетъ учителямъ, но никто не отрицалъ права учить, никто не заподозрѣвалъ вообще чистоты ученія. Но во второй половинѣ XVII вѣка, по поводу исправленія книгъ, часть паствы отказывается повиноваться пастырямъ; авторитетъ патріарха, патріарховъ, собора не имѣетъ силы надъ людьми, которымъ кажется, что ихъ заставляютъ молиться не такъ, какъ молились предки, они провозглашаютъ, что архіереи и священники учатъ неправильно, и что повиноваться имъ не слѣдуетъ; нѣкоторые увлечены и отказываютъ явно въ повиновеніи духовенству, другіе, не рѣшаясь на послѣднее, остаются въ недоумѣніи, не умѣя рѣшить вопроса, на чьей сторонѣ правда, охладѣваютъ къ церкви. Такимъ образомъ духовенство пріобрѣтаетъ внутреннихъ враговъ, церковныхъ мятежниковъ, которые вооружаются противъ его прежняго значенія, стараются выставить его недостоинство. Эти враги ратуютъ за старину, вооружаются противъ духовенства за нововведенія; но уже обозначаются враги другаго рода. Между Русскими людьми начинаетъ сильно чувствоваться необходимость ученія, которымъ стали сильны другіе народы; но для пріобрѣтенія познаній нужны учителя, этими учителями могутъ быть только иностранцы, иновѣрцы. Страшные гости! они явятся со всѣмъ авторитетомъ учителей, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства предъ учениками, и тѣ признаютъ это превосходство. Такимъ обра-

зомъ подлѣ прежнихъ учителей, прежнихъ авторитетовъ являются новые учителя, новые авторитеты, не признающіе значенія прежнихъ учителей и не упускающіе случая выразить это непризнаніе обиднымъ образомъ Какъ разграничить право тѣхъ и другихъ? Какъ, признавъ превосходство новыхъ учителей во всемъ, не признать этого превосходства въ одномъ? Гдѣ взять такой самостоятельности, силы мысли, изслѣдованія и знанія въ ученикахъ? Въ такомъ затруднительномъ положеніи находилось духовенство въ началѣ новой Русской исторіи: съ двухъ сторонъ враги, вооружавшіеся противъ его прежняго значенія, прежняго достоинства: съ одной стороны, приверженцы стараго, отказавшіе въ послушаніи церкви, пошедшіе въ слѣдъ своихъ особыхъ учителей, незнающихъ мѣры въ своихъ нападкахъ на духовенство; съ другой стороны просвѣщеніе перестаетъ носить исключительно церковный характеръ, подлѣ учителей церковныхъ являются свѣтскіе, иностранцы, иновѣрцы, которые необходимо должны враждебно столкнуться съ церковными учителями при обнаруженіи своего вліянія на учениковъ; послѣдніе, находясь подъ двойнымъ вліяніемъ, будутъ подчиняться тому или другому, смотря по разнымъ условіямъ своей природы, своего положенія и другихъ случайныхъ обстоятельствъ.

Мы видѣли, при какомъ отношеніи городовъ къ князю началась сѣверная Русская исторія, видѣли, какъ при первомъ же князѣ, захотѣвшемъ прочно утвердиться на сѣверѣ, необходимо послѣдовало столкновеніе его съ дружиною и городомъ, который считалъ себя также властію въ окружающей странѣ. Андрей Боголюбскій погибъ вслѣдствіе новыхъ отношеній къ дружинѣ; но преемники его воспользовались своими отношеніями къ большинству сѣверныхъ городовъ, городовъ новыхъ, и успѣли осилить старый вѣчевой городъ Ростовъ, отнять у его жителей значеніе властей. Вслѣдствіе этого въ области верхней Волги, въ области новорожденнаго Московскаго государства, явилась только одна власть, власть княжеская. Но на западѣ представителемъ стариннаго двоевластія, власти княжеской и власти города, явился Новгородъ Великій, съ явнымъ преимуществомъ власти города, потому что эта власть была

постоянная, а князья мѣнялись безпрестанно. Начинается борьба между сѣвернымъ единовластителемъ и Новгородомъ, какъ представителемъ древняго двоевластія. Новгородъ стоитъ за то, что онъ власть, онъ государь; великій князь требуетъ, чтобъ онъ былъ признанъ государемъ, чтобы въ Новгородѣ была одна власть государева. Великій князь побѣдилъ, ибо Новгородъ представлялъ собою библейскую статую, съ золотою головою и глиняными ногами. Нѣсколько знатныхъ и богатыхъ фамилій захватили въ свои руки всю власть и наполнили послѣднее время Новгородской исторіи своими усобицами. Разрывъ между ихъ интересами и интересами низшаго народонаселенія произошелъ давно: давно послышалась жалоба, что богатые хотятъ себѣ легко, а бѣднымъ тяжело; движенія послѣднихъ прекращаются, ясно видно, что ихъ сила сломлена знатью, на вѣчѣ господствуютъ люди, находящіеся на жалованьи послѣдней и силою рѣшаютъ дѣла въ пользу своихъ милостивцевъ. Но легко понять, что слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ была страшная внутренняя слабость. Люди, въ рукахъ которыхъ власть, не могутъ разчитывать на низшіе слои народонаселенія, которые становятся все равнодушнѣе къ старой волѣ, приносящей пользу не имъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей съ великимъ княземъ Московскимъ правители Новгорода начинаютъ постоянно деньгами выкупать свою волю, страшное средство, всего лучше показывавшее великимъ князьямъ слабость Новгорода, легкость, съ какою можно его покорить окончательно. Бьетъ послѣдній часъ; банкрутство нравственныхъ и политическихъ силъ Новгорода обнаруживается вполнѣ; разрывъ интересовъ совершенный: Новгородцы толпами бѣгутъ въ Москву—за правдою! въ Новгородѣ нѣтъ правды, нѣтъ безпристрастнаго суда, насиліе сильныхъ попираетъ законъ, старинныя, освященныя формы быта дороги для немногихъ, для остальныхъ же не даютъ ручательства самымъ главнымъ интересамъ, не удовлетворяютъ первымъ потребностямъ общественной жизни; для низшаго, притѣсненнаго народонаселенія великій князь Московскій является сокрушителемъ силы людей, которые такъ тяжело давали чувствовать свою силу. Наконецъ разрывъ произошелъ относительно самаго важнаго интереса:

чтобъ спастись отъ Москвы, знать хотѣла присоединиться къ Литвѣ; но съ Москвою соединяла Новгородъ церковная старина: явился вопросъ: гдѣ ставить владыку Новгородскаго — въ Москвѣ или Кіевѣ, Кіевѣ, который находился подъ властію великаго князя Литовскаго, латинца, отъ митрополита, на котораго смотрѣли на сѣверѣ, какъ на отщепенца, склонившагося къ Риму, тогда какъ въ Москвѣ сохранялось ненарушимо древнее православіе. Мы знаемъ, какія явленія производили попытки ввести церковныя новизны, и потому не удивимся, какое сильное сопротивленіе въ большинствѣ Новгородцевъ встрѣтила попытка отложиться отъ Московскаго митрополита; а зависимость церковная была такъ тѣсно связана съ политическою.

Существованіе богатаго торговаго Новгорода на сѣверѣ подлѣ бѣдной городовымъ развитіемъ Низовой или Суздальской земли представляетъ печальное явленіе, потому что указываетъ на односторонность, всегда вредную въ жизни народовъ. Въ одномъ углу городъ, вслѣдствіе прилива богатствъ, неестественно вздувшійся въ государство, но сохранившій всю неразвитость и слабость первоначальнаго вѣчеваго быта, съ обширными, хотя растянутыми, несплоченными и, большею частію, пустынными владѣніями, съ язвою разрыва интересовъ между частями народонаселенія внутри, съ недостаточностью средствъ внѣшней защиты, не смотря на видимое богатство и обширность владѣній Въ другой половинѣ обширная, населяющаяся страна, населяющаяся при условіяхъ неблагопріятныхъ, города ея — большія села, которымъ некогда и нѣтъ средствъ подняться, пріобрѣсти значеніе. Страна бѣдная, мало населенная, а между тѣмъ внутри происходитъ великій процессъ собиранія земли, сосредоточенія, объединенія власти; для этого нужны средства, деньги; нужны деньги князьямъ для покупки земель, владѣній, нужны деньги для орды, наконецъ, когда новое государство укрѣпилось чрезъ собраніе земли, оно нашлось въ самомъ невыгодномъ положеніи относительно границъ своихъ. Отношенія Россіи къ Азіи не измѣнились, также подлѣ степь съ хищными кочевниками, отъ которыхъ должно или постоянно отбиваться, или постоянно откупаться; на западной

Европейской границѣ также постоянная борьба съ непримиримыми врагами. Нужныя деньги, и фискальная система всею тяжестію падаетъ на промышленный людъ городской, немногочисленный и небогатый, что, разумѣется, также служитъ сильнымъ препятствіемъ къ обогащенію, народъ разоряется не будучи богатымъ; сюда же, для бо́льшаго разоренія, присоединяется первоначальная дружинная система кормленія, содержаніе служилыхъ людей по воеводствамъ на счетъ управляемаго народонаселенія, обращеніе правительственныхъ должностей въ жалованье и пенсіи служилымъ людямъ. Въ фискальномъ отношеніи состояніе городовъ Московскаго государства очень напоминаетъ состояніе городовъ Римской имперіи во время ея паденія: и здѣсь, и тамъ видимъ разорительныя тяжести и службы, падающія на горожанъ, которыхъ силою надобно удерживать на своихъ мѣстахъ. Прежде всего, въ фискальныхъ видахъ, Московскіе князья стараются прикрѣпить горожанъ къ ихъ городамъ, чтобы получать постоянный доходъ съ извѣстнаго числа тяголъ. Гоньба за человѣкомъ, за рабочею, промышленною силою въ обширномъ, но бѣдномъ и пустынномъ государствѣ дѣлается существеннымъ занятіемъ правительства; ушелъ—поймать его и прикрѣпить къ мѣсту, чтобъ работалъ, промышлялъ и платилъ. Легко понять, какія долженствовали быть слѣдствія. Если правительство гонялось за человѣкомъ и старалось прикрѣпить его къ одному мѣсту, чтобъ заставить платить подати и служить безвозмездныя службы, но сопряженныя съ тяжелою отвѣтственностію, то у человѣка, разоряемаго податями и службами, господствующимъ желаніемъ было отбыть, во что бы то ни стало, отъ податей и службъ. Первымъ средствомъ былъ уходъ, укрывательство; уйти было легко, всюду просторъ, и безъ того малонаселенная страна постоянно истощалась отъ этого ухода, народонаселеніе все болѣе и болѣе расплывалось по сѣверо-восточной Европѣ, и потомъ по сѣверной Азіи. Но, не смотря на скудость хозяйства древняго Русскаго человѣка, на возможность легко забрать все съ собою, уходъ, покинутіе родныхъ мѣстъ, странническая жизнь, сопряженная съ опасностями, неизвѣстность будущаго, все это для многихъ могло быть тяжело, не для

всѣхъ возможно. Были еще другія средства: для грамотныхъ поступленіе въ подъячіе; выходъ этотъ былъ очень выгоденъ: посадскій изъ человѣка, обязаннаго кормить другихъ на свой счетъ, становился человѣкомъ, имѣющимъ право кормиться на чужой счетъ. Понятно, какъ это стремленіе къ выходу въ подъячіе долженствовало быть сильно; но правительство неблагосклонно смотрѣло на него и становило преграды. Третій способъ отбыванія отъ податей былъ закладничество. Самый крѣпкій частный союзъ Русскаго общества, во все продолженіе нашей древней исторіи, представлялся въ союзѣ кровномъ или родовомъ. По смерти отца старшій братъ занималъ его мѣсто относительно младшихъ братьевъ и племянниковъ, являлся представителемъ рода передъ правительствомъ: извѣстное лицо не представлялось одиночнымъ, но всегда съ братьями и племянниками. Не смотря даже на выдѣлы и развѣтвленія рода единство его сохранялось, старшій или старшіе (смотря по развѣтвленію рода) имѣли обязанность наблюдать за поведеніемъ младшихъ, наказывать ихъ за дурное поведеніе, отвѣчали за него передъ правительствомъ. Родъ, какъ бы развѣтвленъ ни былъ, составлялъ одно относительно службы государственной: прибавленіе чести одному члену рода прибавляло ее и всѣмъ членамъ, поруха чести одного нарушала честь и права всѣхъ остальныхъ, на чемъ и основывалось знаменитое мѣстничество. Но кромѣ родоваго союза особыя условія общества должны были повести и къ другимъ союзамъ. Безпомощность людей одинокихъ, не примыкающихъ къ большому роду, безсемейныхъ, заставляла ихъ примыкать къ чужимъ людямъ семейнымъ, къ чужимъ родамъ, составлять съ ними одно цѣлое по взаимному соглашенію: такъ подлѣ самостоятельнаго хозяина, живущаго съ родомъ своимъ, дѣтьми, братьями и племянниками, являлись чужіе люди, но составлявшіе съ нимъ одно въ глазахъ правительства, они носили разныя названія—сосѣдей, подсосѣдниковъ, захребетниковъ. Наконецъ тяжелыя подати, лежавшія на промыслахъ, заставляли промышленныхъ людей уклоняться отъ непосредственной зависимости отъ государства, требовавшаго слишкомъ большихъ пожертвованій съ ихъ стороны, и входить въ зависимость къ частнымъ лю-

дамъ, которые могли дать имъ защиту; это называлось закладываться за кого-нибудь; закладчики промышляли, не будучи обязаны тянуть съ горожанами, съ посадскими въ тяжелыя службы и подати, ибо считались зависящими отъ того лица, за которое заложились. Но понятно, что интересы закладчиковъ немедленно должны были столкнуться съ интересами горожанъ, находящихся въ непосредственной зависимости отъ государства, и съ интересами, разумѣется, самого государства: закладчики, пользуясь свободою отъ тягла, отбивали промыслы у людей тяглыхъ, которые не могли съ ними соперничать, разорялись, не были въ состояніи удовлетворять требованіямъ государства. Ихъ жалобы произвели то, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича закладничество уничтожено, все городское народонаселеніе обязано было войти въ непосредственныя отношенія къ государству. Закладчикамъ было крайне тяжела эта эманципація городскаго народонаселенія, они даже замышляли возстаніе, чтобъ возвратить себѣ право вступать въ частную зависимость, явленіе, всего лучше показывающее низкую степень экономическаго развитія въ Московскомъ государствѣ.

Города были бѣдны вообще, разбросаны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, при очень неудовлетворительномъ состояніи путей сообщенія. Самые богатые изъ нихъ, наиболѣе торговые по особенно благопріятнымъ условіямъ положенія, поражаютъ малочисленностію народонаселенія своего. Но былъ одинъ городъ, который и вслѣдствіе выгоды своего положенія, особенно же вслѣдствіе политическаго значенія своего, какъ стольный городъ царя-самодержца, долженъ былъ необходимо подняться: то была Москва. Сильная централизація притягивала въ Москву постоянно толпы людей изо всѣхъ концовъ Россіи, людей, которые должны были тратить много денегъ въ царствующемъ градѣ, знаменитая Московская волокита обходилась дорого; будучи средоточіемъ гражданскаго управленія, Москва была средоточіемъ и церковнаго; знать жила въ ней безвыѣздно около великаго государя. Легко понять, что торговая и промышленная дѣятельность здѣсь не могли не быть значительны, должно было образоваться богатое купечество.

О богатствѣ и значенiи Московскихъ купцовъ можно встрѣтить извѣстія даже во время до Іоанна III. Некоматъ Сурожанинъ дѣйствуетъ заодно съ знатнымъ Вельяминовымъ, сыномъ тысяцкаго, и самое уничтоженіе сана тысяцкаго показываетъ, что великій князь не считалъ удобнымъ назначать для Московскихъ горожанъ постояннаго воеводу, который могъ сдѣлаться популярнымъ и пріобрѣсть опасное значеніе. Встрѣчается извѣстіе о гостяхъ Московскихъ, которые подняли крамолу противъ великаго князя и ушли изъ Москвы. Но все это частныя явленія, которыя видимъ во время образованія Московскаго княжества, въ переходную эпоху, когда еще новый порядокъ не установился прочно, когда еще, кромѣ великаго князя Московскаго, были другіе великія князья, къ которымъ могли уходить недовольные, бояре и купцы. Но когда утвердилось единовластіе въ Москвѣ, то уже подобныхъ явленій болѣе не встрѣчается. Въ древности городскіе жители имѣли то важное значеніе, что участвовали своими особыми полками въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ исходъ во время княжескихъ усобицъ много зависѣлъ отъ нихъ. Даже въ началѣ княженія Іоанна III Московскіе полки отправлялись на рать съ особымъ воеводою. Но потомъ установленіе многочисленнаго помѣщичьяго войска дало правительству возможность не нуждаться болѣе въ городовыхъ полкахъ; горожане перестаютъ участвовать въ войскахъ, становятся вполнѣ сословіемъ невооруженнымъ, вполнѣ мужиками, полулюдьми относительно полныхъ людей, мужей, т. е. вооруженныхъ, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, только вооруженный, только воинъ былъ полный, полноправный человѣкъ.

При первомъ царѣ, Іоаннѣ IV, значеніе горожанъ, и особенно Московскихъ поднимается. Видя въ знати людей со старинными дружинными притязаніями, заподозривъ ихъ въ сильномъ нерасположеніи къ себѣ, къ своему семейству, Грозный, по извѣстному закону, началъ искать другой силы, на которую могъ бы опереться. Онъ торжественно, съ лобнаго мѣста, объявилъ народу о безпорядкахъ боярскаго правленія во время своего малолѣтства; уѣзжая изъ Москвы, выставляя измѣну бояръ, потаковничество имъ духовенства, онъ объявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ горожанъ Москов-

скихъ; наконецъ призвалъ послѣднихъ на соборъ, разсуждавшій о важныхъ дѣлахъ государственныхъ. По всей Россіи Грозный хочетъ дать самоуправленіе мірамъ городскимъ и сельскимъ, вывести намѣстниковъ и волостелей и замѣнить ихъ выборными, излюбленными старостами, судьями. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ неразвитости этихъ міровъ послужило то, что мѣра Грознаго не принялась, многіе міры не приняли отъ правительства дара самоуправленія. Только тамъ, гдѣ развитіе было посильнѣе, гдѣ почва была болѣе приготовлена, царствованіе Іоанна не прошло безслѣдно, оно не прошло безслѣдно для горожанъ Московскихъ; какъ поднялось ихъ значеніе, ясно видно изъ того участія, какое они принимаютъ въ движеніяхъ партій въ царствованіе преемника Іоаннова, чего прежде не видимъ ни въ малолѣтство Іоанна, ни при отцѣ его, ни при дѣдѣ. Въ борьбѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ, купцы Московскіе принимаютъ сторону Шуйскихъ; ясно понимаютъ, въ чемъ дѣло, понимаютъ, что примиреніе между соперниками невозможно, и когда Шуйскій объявляетъ имъ объ этомъ примиреніи, отвѣчаютъ ему: «ты помирился нашими головами». Дѣйствительно головы ихъ попадали на плахѣ; Годуновъ, истребивъ лучшихъ людей между ними, задавъ страхъ остальнымъ, уничтожилъ въ самомъ зачаткѣ то значеніе Московскихъ горожанъ, которое было слѣдствіемъ поведенія Іоаннова относительно ихъ. Смутное время возбудило, повидимому, самостоятельную дѣятельность въ городскомъ народонаселеніи, и царствованіе Михаила было богато соборами, въ которыхъ представители городскаго народонаселенія принимаютъ участіе; но если и до смутнаго времени города были незначительны, бѣдны, то тутъ были страшно разорены; надобно было кое-какъ оправиться въ матеріяльномъ отношеніи и поддержать государство, поддержать новаго государя противъ Ляховъ и козаковъ. Вопросъ о тяглѣ на первомъ планѣ: тяглые разорились, разбѣжались, дворы пусты, некому платить; надобно возвратить бѣглецовъ на прежнія мѣста жительства, заставить тянуть; но есть люди, которые промышляютъ, а не тянутъ, промышляютъ служилые люди, духовенство, закладчики, надобно заставить и ихъ тянуть; иностран-

ные купцы разоряютъ, они богаты, они дѣйствуютъ за одно, Русскимъ съ ними не стянуть, Русскіе бѣдны и дѣйствуютъ врознь; наконецъ воеводы и приказные люди разоряютъ: вотъ три существенные вопроса, которые поглощаютъ все вниманіе Русскаго горожанина XVII вѣка послѣ смутнаго времени; замѣна воеводъ выборными губными старостами не помогаетъ: выборный губной староста также разоряетъ, какъ и воевода. Жалобы, накопившіяся въ царствованіе Михаила, произвели взрывъ въ Москвѣ и другихъ городахъ въ началѣ царствованія Алексѣя, слѣдствіемъ чего было соборное уложеніе, уничтоженіе закладничества, мѣра противъ Англійскихъ купцовъ; но всего любопытнѣе то, что уложеніе соборное, составленное съ вѣдома, за подписью выборныхъ изо всякихъ чиновъ людей, составленное подъ вліяніемъ страха предъ возстаніями горожанъ, для ихъ успокоенія, съ явными уступками ихъ требованіямъ,—это уложеніе является враждебнымъ мірскому самоуправленію: такъ оно вполнѣ предоставляетъ судъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, по уложенію въ судѣ уже не сидятъ старосты, цѣловальники и земскіе дьяки. Возмущеніе Псковское и Новгородское являются одинокими и потухаютъ вслѣдствіе этого одиночества. Въ этихъ движеніяхъ и во второмъ бунтѣ Московскомъ замѣчаемъ уже разрывъ интересовъ массы городскаго народонаселенія и значительныхъ торговыхъ людей, противъ которыхъ направлена ненависть массы; легко понять, какъ вообще должна была ослаблять силы городскаго народонаселенія эта борьба лучшихъ и меньшихъ, силы и безъ того не великія. Эту язву XVII вѣкъ передалъ и XVIII, какъ увидимъ.

Отъ города обратимся къ селу. Мы видимъ, что Россія, съ самаго начала образованія Московскаго государства, является страною земледѣльческою по преимуществу, и города здѣсь носятъ характеръ селъ, горожане занимаются земледѣліемъ, и такимъ образомъ города Московскіе XVII вѣка напоминаютъ города Древлянскіе, о которыхъ говорится въ сказаніи о мести Ольгиной. Но отъ господства земледѣльческихъ занятій никакъ нельзя заключать къ сознанію общества о важномъ значеніи этихъ занятій, объ особенномъ покровительствѣ, какимъ

пользовались земледѣльческая промышленность и люди, ею занимавшiеся. Наоборотъ, государство земледѣльческое предполагаетъ неразвитость, первоначальность отношенiй. Эти первоначальныя отношенiя суть отношенiя вооруженной части народонаселенiя, войска, и невооруженной, которая должна содержать войско, непосредственно работать на него, если въ то же время не развивается городъ, промышленность и торговля, которыя даютъ движимое богатство странѣ, ведутъ къ широтѣ дѣятельности, просвѣщенiю, даютъ средства къ новому болѣе правильному опредѣленiю отношенiй между частями народонаселенiя. Мы видѣли, что въ Московскомъ государствѣ, кромѣ членовъ старой дружины и родовъ княжескихъ, войсковая масса была создана великими князьями, съ первоначальною формою содержанiя, т. е. посредствомъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ служилые люди кормились, пока служили; въ дополненiе къ этимъ земельнымъ средствамъ служилые люди кормились также съ городовъ и волостей въ качествѣ ихъ правителей. Слѣдовательно въ древней Россiи мы видимъ эту первоначальную форму отношенiй между вооруженною и невооруженною частiю народонаселенiя, между мужами и мужиками: мужи непосредственно кормятся на счетъ мужиковъ. Вопросъ о содержанiи войсковой массы, на которой основывалась сила внутренняя, которую необходимо было охранять и увеличивать при безпрестанныхъ войнахъ на востокѣ и западѣ, этотъ вопросъ, разумѣется, становится на первомъ планѣ, а вмѣстѣ на первомъ планѣ становится вопросъ о земельномъ владѣнiи и пользованiи. Чтобъ имѣть возможность сохранять и увеличивать войско, государство должно имѣть въ своемъ распоряженiи какъ можно больше земель, которыя должны находиться не въ дальнемъ разстоянiи ни отъ столицы, ни отъ тѣхъ границъ, которымъ особенно грозятъ враги, т. е. отъ южныхъ и западныхъ, поэтому обширныя земельныя пространства, которыми могло располагать государство на сѣверѣ и востокѣ, не могли служить ему въ помѣстномъ отношенiи по отдаленности и малочисленности народонаселенiя. Итакъ, несмотря на видимую громадность государственной области, государство могло встрѣтить затруд-

ненія относительно помѣстій; отсюда необходимое столкновеніе съ матеріяльнымъ интересомъ церкви, которая владѣла обширнымъ пространствомъ земель въ центральной области и постоянно увеличивала ихъ покупкою и дачами на поминъ души, ибо, по недостатку денегъ, при неразвитости страны, земля была почти исключительнымъ видомъ всякаго рода дачь: государство платило жалованье своимъ служилымъ людямъ землею, частный человѣкъ платилъ въ монастырь за поминъ родительской души—землею. Отсюда понятно, почему вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными землями, получаетъ такое важное значеніе въ XV и XVI вѣкѣ, почему онъ такъ привязывается ко всякому движенію церковному и политическому. По тогдашнему умоначертанію большинства нельзя было ожидать, чтобъ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно; нудящія потребности государства могли повести и дѣйствительно повели только къ сдѣлкамъ, къ среднимъ мѣрамъ, къ ограниченію распространенія церковной земельной собственности на будущее время. Но дѣло на этомъ не могло покончиться. Тяжкія войны, которыя Московское государство вело въ царствованіе Іоанна Грознаго, разорили служилыхъ людей и поднялись жалобы на недостаточность кормленія отъ помѣстій при тяжелой и продолжительной службѣ, требующей долгаго отсутствія помѣщика изъ дому. Указанъ былъ источникъ этой недостаточности, малое количество рабочихъ рукъ, при чемъ выгоды войсковой массы, мелкихъ помѣщиковъ сталкивались съ выгодами богатыхъ землевладѣльцевъ, которые бо́льшими льготами переманивали къ себѣ крестьянъ съ земель мелкихъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ; послѣдніе, лишаемые возможности обработывать свои земли, не могли нести обязанностей службы, которая стала теперь такъ продолжительна. Если поддержаніе благосостоянія войсковой массы было всегда предметомъ первой важности, то особенно слѣдовало обратить вниманіе на жалобы помѣщиковъ теперь, по кончинѣ Грознаго, когда грозила тяжкая борьба съ самымъ опаснымъ врагомъ, какого не имѣло до сихъ поръ Московское государство, и сила котораго была недавно испытана. Попробовали сначала уменьшить переходъ крестьянъ

уравненіемъ всѣхъ земель, относительно льготъ, отнятіемъ льготъ (тархановъ), которыми пользовались церковныя земли; но эта мѣра продержалась не долго, и послѣдовало запрещеніе крестьянамъ переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Законъ, разумѣется, не могъ быть строго исполняемъ: въ продолженіе всего XVII вѣка слышатся постоянныя жалобы мелкихъ землевладѣльцевъ на богатыхъ сосѣдей, что тѣ переманиваютъ къ себѣ и укрываютъ бѣглыхъ крестьянъ ихъ. Гоньба за человѣкомъ, за рабочею силою производится въ обширныхъ размѣрахъ по всему Московскому государству, гоньба за горожанами, которые бѣгутъ отъ тягла всюду, куда только можно, прячутся, закладываются, пробиваются въ подьячіе; гоньба за крестьянами, которые отъ тяжкихъ податей бредутъ розно, толпами идутъ за Камень (Уральскія горы), помѣщики гоняются за своими крестьянами, которые бѣгутъ, прячутся у другихъ землевладѣльцевъ, бѣгутъ въ Малороссію, бѣгутъ къ козакамъ.

И въ XVII вѣкѣ, какъ въ X-мъ, изъ общества продолжали выдѣляться люди, у которыхъ «сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалась, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени», и которые шли гулять въ поле, степь. Эти богатыри древности въ новѣйшее время носятъ названіе козаковъ; бытъ, подвиги богатырей древнихъ сходны съ бытомъ, подвигами козаковъ, и народное представленіе вѣрно отождествляетъ эти два явленія, разнящіяся только именемъ, но и здѣсь народная пѣсня уничтожаетъ различіе, называя, напримѣръ, Илью Муромца старымъ козакомъ. Мы знаемъ, что въ эпохи образованія государствъ выдѣленіе подобныхъ людей и образованіе изъ нихъ военныхъ братствъ, дружинъ съ избраннымъ вождемъ ведетъ обыкновенно къ образованію государства, къ началу исторической жизни, историческаго движенія для народа; изъ подобныхъ людей образуется высшее, вооруженное народонаселеніе, которое такъ или иначе опредѣляетъ свои отношенія къ остальной не вооруженной массѣ народа. Но если государство уже образовалось, и, несмотря на то, по особеннымъ условіямъ, преимущественно мѣстнымъ, продолжается еще выдѣленіе подобныхъ людей и

образованіе изъ нихъ военныхъ обществъ подлѣ государства, то это сопоставленіе ведетъ, разумѣется, къ важнымъ отношеніямъ. Прежде всего страна, народъ ослабляется выдѣленіемъ этихъ людей, особенно ослаблялась Россія, и безъ того бѣдная населеніемъ, разсыпавшимся на громадныхъ пространствахъ; съ другой стороны, выдѣленіемъ безпокойныхъ силъ условливалась безпрепятственная дѣятельность правительства, безпрепятственная централизація. Но если правительственная дѣятельность облегчалась внутри уходомъ богатырей на гулянье въ степь, то образованіе изъ этихъ богатырей военныхъ братствъ подлѣ государства, разумѣется, не могло не безпокоить послѣднее. Ушедши въ степь для воли, козаки могли подчиняться государству только номинально, исполняли приказанія правительства только тогда, когда это имъ было выгодно; но при первомъ разладѣ ихъ интересовъ съ интересами государства козаки давали рѣзко чувствовать, что они люди вольные. Покойно они жить не могли, они должны были упражнять свою силу, отъ которой имъ было грузно, они должны были добывать себѣ средства къ жизни, добывать зипуны, по ихъ выраженію. Козаки старые, начальные люди, козаки старинные обыкновенно болѣе стояли за связь съ государствомъ, за исполненіе требованій правительства; но козачество представляло постоянный приливъ новыхъ, молодыхъ людей, которымъ хотѣлось широко разгуляться и добыть себѣ зипуновъ; осторожность стариковъ, старшинъ имъ не нравилась, и вотъ иногда, независимо отъ общей старшины, для самыхъ рьяныхъ искателей зипуновъ является новый, свой вождь, извѣстный своей удалью (dux ex virtute) и ведетъ дружину на чужихъ или на своихъ. Понятно, что образованіе подобныхъ обществъ на границахъ государства должно было вести къ постоянной борьбѣ. Если государство слабо, то напоръ дружинъ на него увѣнчивается успѣхомъ: мы знаемъ, чѣмъ кончилась судьба Римской имперіи вслѣдствіе напора Германскихъ дружинъ: онѣ вошли въ области имперіи и образовали здѣсь высшее, т. е. военное сословіе. Въ XVII вѣкѣ на востокѣ Европы произошло подобное же явленіе: воспользовавшись слабостію Польскаго государства, гоненіями на Русскую

вѣру, козачество, послѣ долгой борьбы, успѣло взять верхъ, истребить, вытѣснить прежнихъ землевладѣльцевъ на украйнѣ, и изъ своей старшины образовать новое высшее сословіе въ странѣ. Борьба кончилась иначе для козачества съ другимъ государствомъ восточной равнины, Русскимъ или Московскимъ, но борьба шла сильная, отчаянная. Въ XVI вѣкѣ Русскій царь взялъ Казань и Астрахань; вся Волга находилась теперь въ Русскихъ рукахъ, и пустынныя пространства по западнымъ ея притокамъ и переплетающимся съ ними притокамъ Дона стали безопасны. Но вмѣсто Татаръ немедленно же поднимается здѣсь козачество. Его гулянье по Волгѣ не давало безопасности ни своимъ, ни чужимъ. Грозный принялъ сильныя мѣры противъ богатырей; какъ обыкновенно бывало, когда козачеству преграждались привычные пути для гулянья, оно бросалось въ какую-нибудь другую сторону, въ какое-нибудь отдаленное предпріятіе: такъ и тутъ на первый разъ, прогнанныя съ Волги, козацкія шайки бросились на Каму и оттуда проложили дорогу за Уральскія горы, погромили улусъ Кучумовъ или такъ называемое Сибирское царство. При сынѣ Грознаго козачество снова усиливается на Дону и отношенія его къ государству нисколько не обѣщаютъ последнему спокойствія со стороны степи. При Годуновѣ государство снова готовится къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ козачества; но является самозванецъ, наступаетъ смутное время, т. е. козацкое царство; борьба скоро принимаетъ настоящій свой характеръ, характеръ борьбы земскихъ людей Московскаго государства съ козаками, которые являются грубнѣе Литвы и Нѣмцевъ, и стремятся утвердить свое господство, возведши на Московскій престолъ своего вождя, своего царя. Вопросъ ставится ясно: бояре и всѣ лучшіе люди Московскіе присягаютъ Польскому королевичу, чтобъ не быть въ рабствѣ у своихъ прежнихъ холопей-козаковъ при торжествѣ Калужскаго царика. Возбужденіе религіознаго интереса вслѣдствіе замысловъ Сигизмундовыхъ, давшее знамя, средоточіе для жителей Московскаго государства, давшее имъ возможность высвободиться изъ прежней разрозненности для общаго дѣла, указавшее имъ единство не народное, не государственное,

но религіозное — общую купѣль, въ которой они крестились въ православную вѣру, — это религіозное одушевленіе, разумѣется, главнымъ образомъ послужило противъ козаковъ. Очищеніе земли отъ Поляковъ было вмѣстѣ очищеніемъ отъ козаковъ. Такимъ образомъ козакамъ не удалось воспользоваться благопріятными для нихъ условіями, государство восторжествовало; но козачество не отказалось отъ борьбы. Запертое Турками съ устьевъ Дона, оно ждало отважнаго и счастливаго вождя для проложенія себѣ другой дороги. Богатырь чародѣй явился, Разинъ: толпы его перебросились на Волгу, на Яикъ, въ Каспійское море, погромили Персидскіе берега; но Персія была покрѣпче Сибирскаго юрта Кучумова, и Разинъ не могъ поклониться царю Алексѣю Михайловичу Персидою, какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ поклонился Грозному Сибирью. Принужденныя возвратиться съ Каспійскаго моря, не имѣя надежды, чтобъ Московское государство безпрепятственно стало пропускать ихъ въ устья Волги, толпы Разина опрокинулись на государство, поднимая низшіе слои народонаселенія противъ властей, какъ было въ смутное время; но государство, несмотря на все свое истощеніе, было сильнѣе козаковъ, Разинъ погибъ на плахѣ въ Москвѣ. Впрочемъ Разинское возмущеніе не было послѣднимъ дѣйствіемъ борьбы государства съ козаками въ новой Русской исторіи увидимъ Булавина и Пугачева.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй древней Россіи въ его историческомъ развитіи. Теперь взглянемъ подробнѣе на ея бытъ въ то именно время, когда преобразованія сильно стучались въ двери, когда уже народился преобразователь.

Мы такъ часто употребляемъ выраженіе: западная и восточная Европа, такъ много знаемъ, такъ много толкуемъ о ихъ различіи и слѣдствіяхъ этого различія; но если путешественникъ, переѣзжающій изъ западной Европы въ восточную, или наоборотъ, свѣжимъ взглядомъ посмотритъ на ихъ различіе, станетъ отдавать себѣ отчетъ о немъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видимаго, то конечно прежде всего скажетъ, что Европа со-

стоитъ изъ двухъ частей, западной каменной и восточной деревянной. Камень, такъ называли у насъ въ старину горы, камень разбилъ западную Европу на многія государства, разграничилъ многія народности, въ камнѣ свили свои гнѣзда западные мужи, и оттуда владѣли мужиками, камень давалъ имъ независимость; но скоро и мужики огораживаются камнемъ и пріобрѣтаютъ свободу, самостоятельность; все прочно, все опредѣленно, благодаря камню; благодаря камню поднимаются рукотворныя горы, громадныя, вѣковѣчныя зданія. На великой восточной равнинѣ нѣтъ камня, все ровно, нѣтъ разнообразія народностей, и потому одно небывалое по своей величинѣ государство. Здѣсь мужамъ негдѣ вить себѣ каменныхъ гнѣздъ, не живутъ они особо и самостоятельно, живутъ дружинами около князя и вѣчно движутся по широкому, безпредѣльному пространству; у городовъ нѣтъ прочныхъ къ нимъ отношеній. При отсутствіи разнообразія, рѣзкаго разграниченія мѣстностей, нѣтъ такихъ особенностей, которыя бы дѣйствовали сильно на образованіе характера мѣстнаго народонаселенія, дѣлали для него тяжкимъ оставленіе родины, переселеніе. Нѣтъ прочныхъ жилищъ, съ которыми бы тяжело было разставаться, въ которыхъ бы обжилось цѣлыми поколѣніями; города состоятъ изъ кучи деревянныхъ избъ, первая искра— и вмѣсто нихъ куча пепла. Бѣда впрочемъ не велика, движимаго такъ мало, что легко вынести съ собою, построить новый домъ ничего не стоитъ по дешевизнѣ матеріала: отсюда съ такою легкостію старинный Русскій человѣкъ покидалъ свой домъ, свой родной городъ или село; уходилъ отъ Татарина, отъ Литвы, уходилъ отъ тяжкой подати, отъ дурнаго воеводы или подъячаго; брести розно было не по чемъ, ибо вездѣ можно было найдти одно и то же, вездѣ Русью пахло. Отсюда привычка къ расходкѣ въ народонаселеніи, и отсюда стремленіе правительства ловить, усаживать и прикрѣплять.

При этомъ общемъ, бросающемся въ глаза различіи западной, каменной Европы отъ восточной, деревянной, на великой восточной равнинѣ замѣчаемъ различіе формъ, которое имѣетъ историческое значеніе. Здѣсь двѣ формы господствуютъ—лѣсъ и поле, или степь. Изъ противоположности этихъ двухъ формъ,

находящихся другъ подлѣ друга, вытекаетъ историческая противоположность, борьба народонаселенія двухъ половинъ Россіи, лѣсной и степной. Степь была изначала жилищемъ кочевыхъ, хищныхъ народовъ; съ ними изначальная борьба Руси, основавшейся въ польской (степной) украйнѣ. Борьба эта, не смотря на всю удаль князей и дружинъ ихъ, кончилась торжествомъ степнаго народонаселенія, которое постоянно пустошило Русь при Половцахъ и окончательно запустошило при Татарахъ. Прочный порядокъ вещей, государство, способное побороть степное народонаселеніе, могли утвердиться, окрѣпнуть только вдали отъ степи, на сѣверѣ, въ лѣсной сторонѣ, мало доступной, неудобной для кочеваго хищника. Но Московское государство, образовавшееся въ лѣсной сторонѣ, при своемъ распространеніи, скоро достигло степи, у него образовалась польская, какъ называли въ старину, т. е. степная окраина или украйна, долженствовавшая постоянно терпѣть отъ сосѣдства степи; но это была только украйна, тогда какъ въ древней Руси главная сцена дѣйствія, стольный городъ великокняжескій былъ на самой украйнѣ. И Московское государство ведетъ постоянную борьбу съ народонаселеніемъ степей; съ ослабленіемъ кочевыхъ ордъ, борьба не прекращается, ибо въ степи образуется особаго рода народонаселеніе, козаки. Борьба земскихъ людей, государства съ козачествомъ есть, относительно природныхъ формъ, борьба лѣсной стороны съ полемъ, степью, что особенно выразилось въ смутное время и въ послѣдующія козацкія движенія, когда Россія дѣлилась по духу, характеру народонаселенія, на сѣверную, земскую и на южную украйну съ степями, козацкую. Степь условливала постоянно эту бродячую, разгульную, козацкую жизнь съ первобытными формами; лѣсъ болѣе ограничивалъ, опредѣлялъ, болѣе усаживалъ человѣка, дѣлалъ его земскимъ, осѣдлымъ, установившимся, въ противоположность козаку, вольному, гулящему. Отсюда болѣе спокойная, ровная и слѣдовательно и болѣе прочная въ своихъ результатахъ дѣятельность сѣвернаго Рускаго человѣка, отсюда шатость южнаго, кромѣ другихъ причинъ, о которыхъ было говорено въ предыдущихъ томахъ нашей исторіи.

Итакъ Московское государство было государство лѣсное по преимуществу; путешественникамъ вся страна казалась обширнымъ лѣсомъ, кой-гдѣ расчищеннымъ подъ жилища и пашню; нѣкоторые изъ путешественниковъ не могли удерживать своего восторга отъ того вида, какой представляла имъ Московія весною, вида громаднаго, ярко-зеленаго сада, наполненнаго безчисленнымъ множествомъ пѣвчихъ птицъ, въ противоположность лѣсу новаго міра, Американскому, гдѣ птицы производятъ своими движеніями много шороха, шума, но мало даютъ пѣсенъ. Какъ ни прекрасенъ былъ однако весенній видъ лѣсистой Московіи, это преобладаніе лѣса имѣло свои невыгодныя стороны: оно условливало суровость климата, сырость, обиліе водъ, болотъ, такъ затруднявшихъ проѣздъ лѣтомъ, заставлявшихъ прибѣгать къ тяжелому труду мощенія дорогъ деревомъ; около столицы путешественники въ лѣтнія ночи должны были раскладывать костры, чтобъ спасаться отъ миріадъ комаровъ и мошекъ. Подлѣ этой непріятности была и опасность, опасность отъ дикаго звѣря, живущаго въ лѣсу, и еще бо́льшая отъ человѣка, который такъ удобно скрывалъ въ лѣсу свой дурной промыселъ.

Среди этой обширной и пустынной страны, гдѣ, казалось, такъ недавно человѣкъ началъ подчинять природу своей волѣ, гдѣ такъ рѣдко встрѣчались небольшія села и деревни, и большія огороженныя села, города, западный путешественникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда же покажется тотъ знаменитый городъ, который давалъ имя цѣлой странѣ, въ которомъ пребывалъ неограниченный владыка ея. И вотъ передъ нимъ развертывалась Москва, и вдали производила сильное и выгодное впечатлѣніе: на неизмѣримомъ пространствѣ черная громада домовъ, но надъ этою черною громадою поднималось безчисленное множество церковныхъ главъ и колоколенъ, и выше всѣхъ поднимался кремль, жилище великаго государя, съ бѣлою каменною стѣною, наполненный бѣлыми каменными церквами съ позолоченными главами, и посрединѣ высокій бѣлый столпъ съ золотою головою, Иванъ Великій, гигантъ, благодаря скромной высотѣ другихъ зданій. Эта бѣлизна кремлевской стѣны и церквей, рѣзко выдающаяся въ противоположность массѣ чер-

ныхъ деревянныхъ домовъ, и большее количество каменныхъ зданій сравнительно съ другими городами дали происхожденіе извѣстному эпитету, который до сихъ поръ остается за Москвою — бѣлокаменная.

Издали Москва поражала великолѣпіемъ, красотою, особенно лѣтомъ, когда къ красивому разнообразію церквей присоединялась зелень многочисленныхъ садовъ и огородовъ. Но впечатлѣніе перемѣнялось, когда путешественникъ въѣзжалъ внутрь безпредѣльнаго города: его поражала бѣдность жилищъ съ слюдяными окнами, бѣдность, малые размѣры тѣхъ самыхъ церквей, которыя издали производили такое пріятное впечатлѣніе, обширные пустыри, нечистота, грязь улицъ, хотя и мощеныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревомъ. Издали казавшаяся великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри Москва являлась бѣднымъ Виѳлеемомъ, по выраженію одного путешественника [2].

Но Москва, своимъ характеромъ, была полною представительницею страны, въ которой была царствующимъ градомъ. Въ необъятную ширь, просторно раскинулась она по горной и луговой сторонѣ своихъ рѣкъ, съ простотою и бѣдностію деревяннаго жилища, окруженнаго обширнымъ дворомъ, садомъ, огородомъ, Москва удерживала этотъ сельскій характеръ столицы первобытнаго, земледѣльческаго государства. Прежде она была еще обширнѣе, и народа въ ней прежде было больше; но по Москвѣ прошла печальная исторія страны и оставила глубокіе слѣды. Сильно поднялась Москва надъ всѣми другими городами въ эпоху окончательнаго собранія страны, окончательнаго сосредоточенія власти въ рукахъ великаго государя; отовсюду стремились въ нее жители, волею, привлекаемые выгодами столицы, и неволею, выселяемые изъ Новгорода и Пскова по распоряженію великаго князя. Москва особенно поднялась, т. е. лучше сказать, расширилась и наполнилась людьми во времена Іоанна III и сына его Василія. Но счастливое время было не продолжительно: исторія не дала надолго забыть Москвѣ, что она столица украинскаго государства: при внукѣ Іоанна III, въ то самое царствованіе, когда двѣ татарскія орды пали передъ Москвою, когда весь мусульманскій міръ взволновался отъ этого сильнаго насту-

пательнаго движенія христіанъ, ханъ послѣдней орды на Европейской почвѣ, Девлетъ-Гирей Крымскій, явился подъ Москвою и сжегъ ее. Москва не успѣла еще оправиться отъ этой бѣды, какъ наступила козачина, смутное время; пришли Поляки, почуявъ бѣду Россіи; бояре, поставленные между двумя огнями, боясь козаковъ, козацкаго царя, самозванца, сами ввели Поляковъ въ Москву; но прежде чѣмъ Русскіе выжили этихъ гостей изъ кремля, Москва опять была сожжена и разорена, жители разошлись розно. Послѣ этой бѣды Москва въ XVII вѣкѣ оправлялась съ трудомъ, какъ съ трудомъ оправлялась вся земля, при новыхъ борьбахъ, при новыхъ напряженіяхъ; царствующій градъ въ XVII вѣкѣ не достигалъ ни той обширности, ни того количества народонаселенія, какое имѣлъ въ XVI вѣкѣ, а тутъ уже приближалось время, когда Россія должна была наконецъ дорваться до моря, и на болотныхъ берегахъ Невскаго устья должна была подняться столица имперіи.

Подобно всѣмъ стариннымъ городамъ Русскимъ, самый большой изъ нихъ, царствующій градъ, запечатлѣлся характеромъ древней Русской исторіи, когда религіозный интересъ былъ не только господствующимъ, но, можно сказать, исключительнымъ. Западная Европа, пережившая время исключительнаго господства религіознаго интереса въ такъ называемые средніе вѣка, оставила память объ этомъ времени въ громадныхъ, затѣйливо изукрашенныхъ каменными кружевами храмахъ; тамъ былъ подъ руками матеріалъ, камень, тамъ были передъ глазами образцы, горы, эти нерукотворные возносящіеся къ небу алтари; но главное — тамъ была сила, способная воздвигать подобныя громады, хотя и не всегда ихъ оканчивать, общественная сила; богатый, многолюдный городъ, котораго жители сознавали въ себѣ одно цѣлое, привыкли къ общему дѣлу, такой городъ строилъ великолѣпный религіозный памятникъ на пользу и украшеніе цѣлому городу; понятно, что такихъ памятниковъ не могло быть много, и всѣ они носили знаменіе соединенія силъ. Но, на восточной равнинѣ, въ какихъ памятникахъ выскажется исключительное господство религіознаго интереса? Здѣсь нѣтъ твердаго матеріала, камня, здѣсь нѣтъ горъ, возбуждающихъ человѣче-

ское творчество къ соперничеству съ природою, здѣсь нѣтъ и соединенія силъ. Мы видѣли, какъ здѣсь, по необходимости, все расплывалось и разбродилось на необъятномъ пространствѣ, какъ здѣсь не было богатыхъ, многолюдныхъ городовъ; все здѣсь жило въ разбродѣ и особо: отсюда бѣдный приносилъ въ церковь свой образъ, передъ нимъ зажигалъ свою свѣчу и передъ нимъ молился, а богатый строилъ подлѣ своего дома свою церковь. Понятно, что церкви, построенныя отдѣльными лицами, не могли отличаться обширностію и великолѣпіемъ; но ихъ было много, ихъ считали до двухъ тысячъ, на каждые пять домовъ по церкви.

Церкви были небольшія; но въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись церкви значительной величины, окруженныя другими поменьше и огороженныя стѣнами; то были монастыри, которыхъ было очень много въ Москвѣ; монастыри виднѣлись преимущественно въ концахъ города, или обозначили границы городскихъ частей, указывали исторію распространенія города: монастыри, являвшіеся въ срединѣ города, прежде были загородными. Нѣкоторые загородные монастыри были окружены крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями, и опоясывали Москву рядомъ укрѣпленій. Свѣтскіе землевладѣльцы въ Россіи, и самые богатые, никогда не имѣли укрѣпленныхъ замковъ: мы видѣли, что Русская знать никогда не теряла дружиннаго характера, и жилища ея лѣпились около жилища государева. Но подлѣ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, свѣтской знати, вообще не богатой и не сильной предъ богатствомъ и силою великаго государя, были землевладѣльцы другаго рода, богатые, сильные и самостоятельные,—то были монастыри. Мы видѣли, какъ дологъ былъ на Руси богатырскій вѣкъ, какъ съ усиленіемъ государства, богатырство продолжалось подъ именемъ козачества; но народъ, имѣющій богатые задатки жизни, стремится необходимо къ уравновѣшенію силъ, и подлѣ богатырей, грузныхъ избыткомъ матеріальныхъ силъ, мы видимъ богатырей другаго рода, богатырей духовныхъ, представителей нравственныхъ силъ народа, — то были вожди духовныхъ дружинъ, основатели монашескихъ братствъ, основатели монастырей. Вдалекѣ, въ глуши, но

обыкновенно на господствующемъ красивомъ мѣстѣ строился монастырь. Духовная сила необходимо въ скоромъ времени привлекала къ себѣ силы, средства матеріальныя; святой основатель служитъ въ ветхихъ крашенинныхъ ризахъ, преемники его облекаются въ золото; никакія соображенія и разчеты не могутъ остановить стремленія жертвовать всѣмъ матеріальнымъ, самымъ дорогимъ на украшеніе того, что нравственно такъ дорого, такъ свято. Монастыри становятся богатыми землевладѣльцами, имущество которыхъ не отчуждается, не раздѣляется. Одинъ только богатый землевладѣлецъ, монастырь, живетъ отдѣльною, самостоятельною жизнію, одинъ, по своимъ средствамъ, можетъ строить за́мки, укрѣпленія, и дѣйствительно огораживается твердыми каменными стѣнами, воздвигаетъ башни, заводитъ нарядъ (артиллерію), получаетъ возможность защищаться отъ непріятеля. Такъ въ эти вѣка господства нераздѣльности занятій силы нравственныя необходимо соединялись съ матеріальными; въ смутное время Троицкій монастырь далъ самый сильный отпоръ врагамъ, и при этомъ силы нравственныя были соединены съ матеріальными.

Нераздѣльность силъ въ древней Россіи выражалась и въ старинномъ кремлѣ Московскомъ: если рядъ загородныхъ монастырей представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то кремль, царственный за́мокъ, жилище великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположенъ былъ царскій дворецъ—пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству. Если церковь была единственнымъ памятникомъ общественнымъ, если каждый человѣкъ со средствами имѣлъ сильныя побужденія оставить по себѣ такой памятникъ, то понятно, что человѣкъ съ самыми большими средствами въ государствѣ, именно великій государь, долженъ былъ отличаться ревностію въ построеніи и украшеніи церквей, имѣлъ значеніе всероссійскаго церковнаго старосты; понятно, что около его жилища было такъ много церквей, неудивительно,

что мы очень часто встрѣтимъ его въ церквахъ, очень часто встрѣтимъ пышные, длинные царскіе поѣзды, направляющіеся въ ближніе и дальніе монастыри; при церковныхъ торжествахъ царь тутъ со всѣмъ дворомъ. 1-го сентября, въ Семенъ-день (Симеона Лѣтопроводца) церковь и міръ вмѣстѣ праздновали Новый годъ. Народъ толпился въ Кремлѣ съ утра: тамъ на открытомъ мѣстѣ, на площади между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами, въ присутствіи царя служили молебенъ; послѣ молебна архіереи и вельможи, приказные люди и гости поздравляли великаго государя, одинъ изъ бояръ говорилъ рѣчь, послѣ чего царь шелъ къ обѣдни [3].

Зимою, передъ Рождествомъ, 21 декабря въ Москвѣ былъ большой праздникъ, память чудотворца Петра, перваго митрополита, который сталъ жить въ Москвѣ и освятилъ ея величіе; праздникъ былъ собственно праздникомъ преемника Петрова, патріарха, и потому еще 19 числа патріархъ являлся во дворецъ звать великаго государя и старшаго царевича къ празднику и кушать, приглашалась также вся знать; послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ царь отправлялся къ патріарху на обѣдъ: обычай требовалъ, чтобъ хозяинъ благословилъ гостя образомъ и богато одарилъ: дарились обыкновенно кубки, бархаты золотные и серебряные, аксамиты, атласы, камки и соболи сорокàми [4]. Наканунѣ Рождества Христова, за четыре часа до свѣта, государь ходилъ на тюремный и Англійскій дворы и жаловалъ милостынею изъ своихъ рукъ, на тюремномъ дворѣ тюремныхъ сидѣльцевъ, а на Англійскомъ плѣнныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ и Черкасъ (Малороссіянъ). Дорогою государь раздавалъ милостыню раненымъ солдатамъ и нищимъ; въ то же время раздавали царскую милостыню у лобнаго мѣста и на Красной площади. Всего раздавалось денегъ болѣе тысячи рублей. Иногда государь ходилъ также къ какому-нибудь разслабленному и подавалъ ему милостыню. Въ третьемъ часу ночи, въ передней дворца, раздавалось громкое пѣніе: славили Христа протопопы, попы и дьяконы всѣхъ соборовъ; за соборнымъ духовенствомъ являлись пѣвчіе: 5 станицъ государевыхъ пѣвчихъ, да семь станицъ патріаршихъ, славили перемѣ-

няясь, и государь жаловалъ ихъ питьемъ, ковшами. Въ самый праздникъ послѣ обѣдни изъ дворца посылали патріарху весь столъ; боярамъ, окольничимъ, думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ, также архіереямъ, архимандритамъ и духовнику царскому посылались по двѣ подачи (блюда) съ кубками [5]. 6 января въ Богоявленье іердань на Москвѣ рѣкѣ; по берегу рѣки и въ кремлѣ разставлено 12 приказовъ стрѣльцовъ съ ружьемъ и въ цвѣтномъ платьѣ; идетъ великій государь въ полномъ царскомъ облаченіи, ведутъ его подъ руки стольники и ближніе люди; за государемъ идетъ постельничій, охраняетъ стряпню; эту стряпню несутъ стряпчіе, несутъ они полотенцо, стулъ и подножіе, потомъ толпа царедворцевъ, начальныхъ ратныхъ людей и гости, кто познатнѣе въ шубахъ, другіе въ золотахъ, ратные люди въ ферезеяхъ и служиломъ платьѣ, гости въ золотахъ [6].

Въ концѣ масляницы царица ходила по соборамъ и монастырямъ кремлевскимъ въ сопровожденіи родственниковъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь и казначей, водила съ собою и маленькихъ царевичей; во все это время Кремль былъ запертъ, никого не пускали [7].

Въ послѣднее воскресенье на масляницѣ, въ прощеное воскресенье, прямо изъ Успенскаго собора царь, съ боярами и думными людьми, отправлялся къ патріарху, у котораго уже были собраны всѣ власти (архіереи и архимандриты), вмѣстѣ съ государемъ являлись изъ дворца ключники и чарочники со всякими красными питьями. Начиналось взаимное угощеніе: патріархъ подносилъ государю вина Фряжскія и меды всякіе, подавалъ чаши боярамъ и думнымъ людямъ, а государь, съ своей стороны, жаловалъ чашами властей. По возвращеніи во дворецъ, государь принималъ начальниковъ приказовъ, съ докладами о колодникахъ, которые сидятъ много лѣтъ, иные не за большія преступленія: такихъ государь приказывалъ освобождать [8]. Въ то же время во дворцѣ царица жаловала къ рукѣ отца, братьевъ родныхъ и двоюродныхъ, родственницъ, мамъ, верховыхъ боярынь, казначей, постельницъ, мастерицъ. Наступалъ великій постъ, и въ Москву наѣзжали го-

сти особаго рода: изо всѣхъ монастырей являлись монахи и подносили царю и патріарху хлѣбы, капусту и квасъ [9].

Въ Вербное воскресенье царь участвовалъ въ религіозномъ торжествѣ, которому подобнаго новая Россія уже не видала: изъ Успенскаго собора въ Спасскія ворота двигался крестный ходъ; за образами и духовенствомъ шли стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, въ золотомъ парчевомъ платьѣ (въ золотахъ), за ними самъ государь, за государемъ бояре, окольничіе, думные люди и гости; по обѣ стороны пути, близь царя шли полковники и головы стрѣлецкіе. Зашедши къ празднику (въ одинъ изъ придѣловъ Покровскаго собора), государь отправлялся на лобное мѣсто, гдѣ патріархъ подавалъ ему и боярамъ ваіи и вербу. По прочтеніи Евангелія, патріархъ, взявши крестъ въ правую руку, а Евангеліе въ лѣвую, посылаетъ отрѣшить осла и привести къ ступенямъ лобнаго мѣста; осла приводятъ и патріархъ садится на него, царь ведетъ осла по конецъ повода, подлѣ несутъ царскій жезлъ, вербу, свѣчу, полотенцо; царевичъ и одинъ изъ бояръ ведутъ осла по серединѣ повода, подъ губу ведутъ патріаршіе бояринъ и казначей; по обѣ стороны стрѣльцы несутъ сукна разноцвѣтныя и постилаютъ по пути; впереди движется огромная изукрашенная верба на красныхъ саняхъ, въ сани запряжены шесть лошадей темносѣрыхъ въ цвѣтныхъ бархатныхъ капкурахъ, въ начолкахъ съ перьями; ходъ направлялся прямо въ Успенскій соборъ [10].

Наступалъ Свѣтлый праздникъ, Великъ день. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа государь шелъ въ Успенскій соборъ, за нимъ бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, соборъ наполнялся людьми въ золотахъ. На заутренѣ послѣ хвалительныхъ стихиръ царь прикладывался къ иконамъ, потомъ христосовался съ патріархомъ и архіереями въ губы, и давали другъ другу яица, остальныхъ духовныхъ государь жаловалъ къ рукѣ и давалъ яица; послѣ духовенства жаловалъ къ рукѣ всѣхъ свѣтскихъ людей, вошедшихъ за нимъ въ церковь. По окончаніи заутрени царь идетъ въ Вознесенскій монастырь—поклониться гробу матери, въ Архангельскій соборъ — поклониться гробу отца, въ

Благовѣщенскій соборъ — похристосоваться съ духовникомъ, съ которымъ цѣловался въ губы. Обѣдню слушалъ также въ Успенскомъ соборѣ. Въ первый же день праздника являются къ царю и царицѣ вмѣстѣ патріархъ со всѣми властями и вся свѣтская знать: царица жаловала ихъ всѣхъ къ рукѣ; приходили къ государю съ дарами именитый человѣкъ Строгановъ, гости Московскіе и изъ городовъ. На другой день опять приходилъ патріархъ съ властями, на этотъ разъ приносилъ образа и золотые въ подарокъ. На третій день царь жаловалъ къ рукѣ и одѣлялъ яйцами дворовыхъ людей, дьяковъ мастерской царицыной палаты, истопниковъ и истопничихъ царицыныхъ, уставщиковъ, пѣвчихъ, учителей царевичевыхъ и комнатныхъ сторожей; на четвертый день жаловалъ къ рукѣ полуголовъ, сотниковъ, также дохтуровъ, лѣкарей и мастеровыхъ палатъ золотой, серебряной и оружейной [11]. Въ Троицынъ день государь слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; передъ нимъ стольники несли туда листъ и вѣникъ (букетъ цвѣтовъ); въ церкви стольники же держали стряпню: жезлъ, стоянецъ и мису, иногда сундукъ съ платьемъ. Въ Успеньевъ день, храмовой праздникъ главной соборной церкви, государь обѣдалъ у патріарха, который дарилъ гостей также, какъ и въ день Петра Митрополита. Царь Алексѣй Михайловичь не пропускалъ праздника въ Чудовѣ монастырѣ 20-го мая, день Алексія митрополита: если жилъ въ Преображенскомъ, то нарочно пріѣзжалъ для этого въ Москву. Если не ходилъ въ Троицкій монастырь на праздникъ св. Сергія, то слушалъ въ этотъ день обѣдню на Троицкомъ подворьѣ. Въ свои именины, 17-го марта, царь Алексѣй Михайловичь ѣздилъ ко всенощной и къ обѣднѣ въ Алексѣевскій монастырь: идутъ впереди стрѣльцы съ батожьемъ, потомъ постельничій и стряпчіе съ стряпнею, за ними ѣдетъ самъ царь въ шубѣ золотой съ кружевомъ, нашивка съ кистями, шапка горлатная; ѣдетъ онъ въ саняхъ большихъ нарядныхъ, на наклесткахъ стоятъ бояре, на оглобляхъ у щита стольники и ближніе люди, около саней идутъ пѣшкомъ головы и полуголовы стрѣлецкіе. 17-го нояб-

ря, въ день Григорія Неокесарійскаго, царь Алексѣй ѣздилъ къ обѣднѣ въ Садовую слободу къ празднику, потому что тамъ жилъ духовникъ.

Кромѣ этого присутствія при богослуженіи и при церковныхъ церемоніяхъ въ праздничные дни, великій государь ходилъ часто на богомолье въ города: Можайскъ, Боровскъ, Звенигородъ, Кашинъ, Угличъ, къ Николѣ на Угрѣшу; по дорогѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, куда царь обыкновенно отправлялся къ празднику чудотворцеву, къ 25-му сентября, по станамъ, въ селахъ—Тайнинскомъ, Братовщинѣ и Воздвиженскомъ встрѣчали его посадскіе люди—Ярославцы, Ростовцы, Переславцы, Угличане съ хлѣбами и рыбою. Цѣлями царскихъ походовъ на богомолье были и ближніе Московскіе монастыри; приходъ великаго государя былъ большимъ праздникомъ для братіи: гость жаловалъ ее милостынею. Наконецъ, кромѣ монастырей, государь ходилъ по всѣмъ больницамъ.

Были и другія цѣли государевыхъ походовъ: Алексѣй Михайловичь любилъ часто ѣздить въ загородныя села, гдѣ иногда оставался довольно долго. Села эти были—Коломенское, Голенищево, Покровское, Хорошево, Воробьево, Семеновское, Измайлово, Никольское, Всевидное, Островъ, Соколово, Алексѣевское, Дьяково. Государь ѣхалъ ночевать, слѣдовательно шествіе открывалъ постельный возокъ, при которомъ ѣхали постельничій и стряпчій съ ключомъ, съ ними 300 жильцовъ по три въ рядъ въ цвѣтномъ платьѣ на лошадяхъ во всякой ратной сбруѣ. За жильцами 300 конныхъ стрѣльцовъ по 5 въ рядъ; за стрѣльцами 500 рейтаръ, за ними 12 стрѣлковъ съ долгими пищалями. За стрѣлками конюшеннаго приказа дьякъ, потомъ государевы сѣдла, жеребцы, аргамаки, кони и иноходцы, 40 лошадей подъ сѣдлами, нарядъ на нихъ большой, цѣпи гремячія и поводныя, кутазы и наузы, сѣдла покрыты покровцами цвѣтными и ковриками золотными. Передъ государемъ у кареты бояринъ, подлѣ кареты по правую сторону окольничій. Самъ царь въ Англійской каретѣ шестернею, возники (лошади) съ Нѣмецкими перьями, на возницахъ кафтаны бархатные и шапки бархат-

ныя съ соболемъ и перьями. Съ царемъ въ каретѣ четверо бояръ. Царевичъ ѣхалъ въ избушкѣ шестернею, съ нимъ сидѣли дядька его и окольничій; за нимъ бояре, окольничіе, стольники и ближніе люди, около избушки стрѣльцы. За царевичемъ ѣхала царица въ каптанѣ въ 12 лошадей, съ нею мамы и боярыни; за царицею царевны большія и меньшія также въ каптанахъ, окруженныхъ стрѣльцами; за царевнами боярыни верховыя, казначеи, карлицы, постельницы, всего каптанъ 50. Главною цѣлію загородныхъ поѣздокъ была любимая потѣха царя Алексѣя Михайловича—охота, ходилъ на поля тѣшиться съ птицами, любилъ ходить и на медвѣдя.

Мы видѣли, какъ великій государь праздновалъ церковныя торжества; теперь взглянемъ на его торжества семейныя, радостныя и печальныя. Всемірная радость—родился царевичъ:- патріархъ, знатное духовенство, бояре, окольничіе, думные люди и стольники идутъ съ дарами къ новорожденному; у царя большой столъ. Крестилъ царевича самъ патріархъ съ знатнымъ духовенствомъ въ Чудовѣ монастырѣ или въ Успенскомъ соборѣ; воспріемникомъ, по старинному обычаю, бывалъ Троицкій архимандритъ, если же старшій братъ царевичъ былъ на возрастѣ, то онъ: такъ младшаго сына Алексѣя Михайловича, Петра, крестилъ старшій братъ, царевичъ Өеодоръ; воспріемницею тетка. За крестины патріархъ получилъ 1500 золотыхъ, митрополиты по 300, архіепископы по 200, епископы по 100; Чудовской архимандритъ 80 рублей, Благовѣщенскій протопопъ (духовникъ) 100 рублей, Успенскій 50, протодьяконъ 40, ключари по 30; всего выходило 3.800 золотыхъ и 330 рублей. Для своей всемірной радости государь кормилъ у себя въ передней нищую братью и жаловалъ милостынею. Умиралъ царевичъ—хоронили въ тотъ же день. Въ годовщины были въ панихидной палатѣ сборы и столъ большой; за сборами были патріархъ съ знатнымъ духовенствомъ; государь приходилъ въ панихидную палату и подносилъ патріарху и архіереямъ кушанье и кубки; патріархъ бралъ поднесенное ему блюдо и кубокъ и подносилъ ихъ обратно государю, а тотъ жаловалъ ими окольничаго, который стоялъ за нимъ. Послѣ стола го-

сударь снова приходилъ въ панихидную палату къ панихидѣ, и потомъ провожалъ патріарха до Благовѣщенья.

Въ церковные праздники и царскіе дни во дворцѣ бывали большіе столы, къ которымъ приглашались патріархъ, бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы и посадскіе люди всѣхъ сотенъ. Кромѣ того большіе столы бывали по случаю пріѣзда иностранныхъ царевичей и знатныхъ пословъ. Тутъ въ грановитую палату, гдѣ былъ обѣдъ, сносились дорогія и рѣдкія вещи на показъ гостямъ: на окнѣ, на бархатѣ золотномъ стояло четверо серебряныхъ часовъ; у того же окна стоялъ шанданъ стѣнной серебряный; на другомъ окнѣ стоялъ серебряникъ большой съ лоханью, по сторонамъ разсольники высокіе; на третьемъ окнѣ на бархатѣ золотномъ стоялъ разсольникъ серебряный большой да бочка серебряная позолоченая, мѣрою въ ведро. На рундукѣ противъ государева мѣста и на ступеняхъ были посланы ковры; около столпа стоялъ поставецъ: на немъ разставлены были сосуды золотые, серебряные, сердоликовые, хрустальные и яшмовые. Иностранные послы говорятъ, что сосуды эти не отличались чистотою[12].

Посолъ пріѣхалъ за важнымъ дѣломъ. Надобно подумавши отвѣчать на его предложенія. Съ кѣмъ же обыкновенно великій государь думаетъ думу о всякихъ важныхъ дѣлахъ, ратныхъ и земскихъ? Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ старшій князь въ родѣ княжескомъ сталъ великимъ государемъ царемъ Московскимъ и всея Руси, но простота первоначальныхъ отношеній его къ окружающимъ, къ ближнимъ людямъ не исчезла. Около дворца великаго государя, въ самомъ кремлѣ, потомъ въ другихъ лучшихъ частяхъ Москвы, въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ, въ домахъ пообширнѣе другихъ, окруженные бѣдными родственниками, знакомцами и многочисленною крѣпостною дворнею, живутъ знатные люди разныхъ чиновъ, болѣе или менѣе близкіе къ царю. Это старинная дружина княжеская; слово исчезло, но основный характеръ остался, характеръ военный: все это ратные люди, члены дружины старшіе и младшіе; имъ поручаются, какъ и

въ старину, разныя гражданскія должности, но при этомъ они не теряютъ своего постояннаго, военнаго характера. Древняя Россія не достигла еще до раздѣленія военной и гражданской службы. Первоначальный военный дружинный характеръ окружающихъ царя остался; измѣнились отношенія дружины къ вождю ея: члены прежде вольной дружины, могшіе отъѣзжать отъ одного князя къ другому, потомъ прикрѣпились къ одному великому государю царю-самодержцу, стали его холопями. Вся эта служня обязана быть постоянно на лицо при великомъ государѣ. Съ ранняго утра собирается она ко дворцу; старики ѣдутъ въ каретахъ, зимою въ саняхъ, молодые верхомъ; не доѣзжая до двора царскаго, вдалекѣ отъ крыльца, выходятъ изъ каретъ, слѣзаютъ съ лошадей, идутъ пѣшкомъ къ крыльцу. Пойдемъ за ними во дворецъ, тамъ обнаружится различіе между ними по степенямъ знатности и приближенія къ царю. Толпа не идетъ далеко, останавливается на постельномъ крыльцѣ, и здѣсь, на обширной площади его, дожидается, не будетъ ли какого приказанія: это молодые, т. е. менѣе знатные люди. Здѣсь видимъ стольниковъ: это дѣти отцовъ, которые въ знатныхъ чинахъ, но не изъ первостепенной знати по происхожденію; ихъ будетъ человѣкъ 500; главная служба ихъ во дворцѣ, отъ которой и получили названіе — носить кушанье къ царскому столу при торжественныхъ обѣдахъ; ихъ же отправляютъ посланниками къ иностраннымъ дворамъ, воеводами по городамъ, въ приказы. Стольники, стоявшіе здѣсь, на крылечной площади, назывались площадными, въ отличіе отъ комнатныхъ, дѣтей болѣе знатныхъ, болѣе приближенныхъ къ царю отцовъ. Вмѣстѣ съ стольниками дожидаются на крыльцѣ стряпчіе; мы уже видѣли ихъ въ придворной должности при торжественныхъ царскихъ выходахъ; и стряпчихъ, которыхъ будетъ человѣкъ съ 800, посылаютъ также въ разныя посылки, менѣе значительныя: не пошлютъ стряпчаго ни въ воеводы на городъ, ни въ послахъ въ иностранное государство. Далѣе крыльца нейдутъ и дворяне Московскіе, получившіе первое мѣсто передъ дворянами областей, присоединенныхъ къ Московскому княжеству; у нихъ нѣтъ придворной должности;

въ военное время это начальные люди въ полкахъ, въ мирное ихъ посылаютъ и воеводами по городамъ, и послами и для производства слѣдствія, и въ приказы. Но давно уже опытъ показалъ, что человѣкъ, владѣющій саблею, не ловко владѣетъ перомъ, давно уже образовался особый классъ людей, дѣльцовъ по письменной части, раздѣлявшихся на старшихъ и младшихъ, на дьяковъ и подъячихъ: безъ нихъ не могъ обойдтись бояринъ, посланный государемъ вѣдать какой-нибудь приказъ въ Москвѣ, не могъ обойтись дворянинъ, когда его посылали воеводою въ городъ, когда его отправляли посланникомъ въ чужое государство. И все больше и больше значенія пріобрѣтаетъ дѣлецъ, письменный человѣкъ подлѣ ратнаго человѣка, по старинѣ занимающаго гражданскую должность: дьякъ уже не подчиненный ему, не излагатель только его мнѣній, его приказаній и рѣшеній, дьякъ его товарищъ и въ приказѣ, и въ посольствѣ. Между стольниками, стряпчими и дворянами на дворцовомъ крыльцѣ дожидаются и дьяки. Взадъ и впередъ бѣгаютъ жильцы: это двухтысячный отрядъ дворянскихъ, дьячьихъ и подъяческихъ дѣтей, изъ котораго по сороку человѣкъ ночуетъ на царскомъ дворѣ.

На крыльцѣ, на площади не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры; иногда вдругъ раздается шумъ, громкіе голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжебному дѣлу встрѣтились и не выдержали, сцѣпились браниться; стоитъ только вымолвить первое бранное слово, и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ: отъ лица сейчасъ же переходъ къ его отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, никому нѣтъ пощады, всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи, все тутъ будетъ повторено съ прибавками, какія продиктуетъ расходившееся сердце. Побранится стольникъ съ другимъ стольникомъ за холопа, котораго оттягиваютъ другъ у друга—и приплететъ къ холопу сестеръ-дѣвицъ и мать своего соперника. Дѣло не ограничивалось одними крупными словами, шумомъ: иной расходится отъ крупныхъ словъ и шума и начнетъ гонять по крыльцу за врагомъ, гоньба иногда оканчивалась

тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ была прошибена кирпичемъ голова [13].

Толпа молодыхъ, ожидающая на крыльцѣ, безпрестанно разступается, даетъ дорогу старымъ, боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые не останавливаются на крыльцѣ и проходятъ далѣе въ переднюю. Передняя имѣетъ важное значеніе передъ крыльцомъ: одинъ жилецъ, исчисляя службы свои, бьетъ челомъ государю: «пожалуй меня, холопа своего, для великаго чудотворца Алексія митрополита и для многолѣтняго здоровья сына своего царевича, за мое службишко и терпѣнье, вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ передней, а родители мои (родственники) пожалованы въ переднюю» [14]. Здѣсь въ передней останавливаются бояре, окольничіе и думные люди, люди трехъ первыхъ высшихъ степеней старинной Русской службы. Бояринъ — имя, которое встрѣчается уже на первыхъ страницахъ старой лѣтописи въ значеніи старшаго члена дружины и необходимаго совѣтника, думца княжескаго, и эта тѣсная связь между понятіемъ боярина и совѣтника княжескаго выражалась въ эпитетѣ: бояринъ думающій. Окольничіе, во время усиленія значенія власти княжеской, являются преимущественно въ значеніи царедворцевъ, они распоряжаются при дворцовыхъ церемоніяхъ, при пріемѣ пословъ, во время путешествія государя ѣдутъ впереди его, приготовляютъ все на станахъ; въ послѣднее время окольничество потеряло значеніе должности и приняло только значеніе чина, означая вторую степень послѣ боярства. Наконецъ издавна между дружинниками были люди, не достигшіе еще ни боярства, ни окольничества, но жившіе въ думѣ, участвовавшіе въ совѣтѣ великокняжескомъ; отсюда третій чинъ — думные дворяне. Къ этимъ тремъ чинамъ, участвовавшимъ въ думѣ, совѣтѣ царскомъ, примыкаютъ думные дьяки, высшее званіе, котораго могъ достигнуть не военный человѣкъ, а человѣкъ пера. Думныхъ дьяковъ не больше четырехъ; какъ первые дѣльцы, находившіеся на глазахъ государя, который непосредственно пользовался ихъ ловкимъ перомъ, ихъ знаніемъ дѣла и опытностію, думные дьяки пріобрѣтаютъ важное значеніе; особен-

но сильны становятся они со временъ Грознаго, который, подозрѣвая знатныхъ людей во враждебныхъ замыслахъ, преимущественно довѣрялъ дьякамъ, людямъ новымъ, незнатнымъ До какой степени вліянія могли достигать думные дьяки, показываютъ намъ примѣры Щелкаловыхъ, Грамотина. Какъ люди формы и рутины, изъ мелочнаго знанія существующаго извлекавшіе свои выгоды, думные дьяки, разумѣется, не могли быть расположены къ преобразованіямъ; они считались знатоками дѣла, пользовались въ этомъ отношеніи большимъ уваженіемъ, большимъ вліяніемъ, къ нимъ обращались какъ къ оракуламъ: понятно, какъ оскорбились, ожесточились они, когда имъ стали говорить, что они не умѣютъ дѣло дѣлать, не умѣютъ прилично вести себя. Отсюда понятна вражда, которую питали думные дьяки къ дерзкому нововводителю, Ордину-Нащокину, осмѣлившемуся учить, указывать, кому же? думнымъ дьякамъ! какъ будто первые дѣльцы дѣла не знаютъ! вздумалъ переучивать ихъ на чужой ладъ, только и словъ отъ него, что въ чужестранныхъ государствахъ не такъ дѣлается.

Бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки толпятся въ передней. О чемъ же они говорятъ между собою, въ ожиданіи выхода царскаго, что̀ ихъ особенно занимаетъ? Въ послѣднее время было о чемъ поговорить: войны тяжкія, походы безпрерывные, побѣды смѣнялись пораженіями, не разъ были рѣчи о томъ, что царь покинетъ столицу, къ которой приближается врагъ; козаки измѣняютъ въ Малороссіи; безбожный Стенька Разинъ поднимаетъ козачество и крестьянство противъ бояръ; патріархъ хочетъ владѣть всѣмъ; разсердился, что ему не дали владѣть, уѣхалъ, а отъ патріаршества не отказывается: такого дѣла еще никогда не бывало, подняли святѣйшихъ патріарховъ восточныхъ, чтобъ покончили съ Никономъ. Думные дьяки внушаютъ, что съ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ Ординымъ-Нащокинымъ житья нѣтъ, все бранится, всѣхъ укоряетъ, все, по его, дѣлается не хорошо, толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что̀ въ чужихъ земляхъ, а какіе это порядки? что̀ онъ завелъ въ Псковѣ? Пріѣдетъ воевода въ городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего: всѣмъ владѣютъ мужики! Но что̀ же будешь дѣлать! великій государь его жалуетъ, грамоты посылаетъ пря-

мо изъ приказа тайныхъ дѣлъ, и Аѳанасій пишетъ туда же; если уже заведенъ приказъ тайныхъ дѣлъ, то всякому можно писать великому государю что хочетъ, обносить кого хочетъ — никто не свѣдаетъ. И чему дивиться! былъ бы изъ честнаго стараго рода, а то откуда взятъ? Умный человѣкъ! никто у него ума не отнимаетъ, да какъ будто всѣ другіе глупы? Вотъ и Матвѣевъ мѣтитъ туда же въ бояре — и попадетъ; у государя въ приближеніи; но этотъ, по крайней мѣрѣ, тихъ, честныхъ людей почитаетъ, тоже любитъ новые порядки, да не кричитъ какъ Аѳанасій.

Но болѣе всего, разумѣется, занимали людей, собиравшихся въ передней, дѣла мѣстническія. Много остатковъ старины сберегла Московская Русь, и между ними крѣпкій родовой союзъ, который тѣмъ былъ крѣпче, чѣмъ слабѣе были все другіе союзы. Понятіе объ единствѣ рода, какъ бы онъ ни былъ великъ и развѣтвленъ, сохранялось. Долженъ одинъ изъ членовъ рода заплатить большую сумму денегъ, остальные члены рода обязаны складываться для этой уплаты. Старшіе члены рода, которыхъ величали господами, обязаны наблюдать за поведеніемъ младшаго, хоть и совершеннолѣтняго, уже находящагося въ службѣ, наказывать его за нравственные безпорядки, и правительство, раздѣлявшее общій взглядъ относительно крѣпости родоваго союза, взыскивало на старшихъ членахъ рода за поведеніе младшаго. Понятно, что при такой крѣпости родоваго союза, при такой отвѣтственности всѣхъ членовъ рода одинъ за другаго, значеніе отдѣльнаго лица необходимо исчезало предъ значеніемъ рода; одно лицо было не мыслимо безъ рода: извѣстный Иванъ Петровъ не былъ мыслимъ какъ одинъ Иванъ Петровъ, а былъ мыслимъ только какъ Иванъ Петровъ съ братьями и племянниками. При такомъ сліяніи лица съ родомъ — возвышалось на службѣ одно лицо, — возвышался цѣлый родъ, съ пониженіемъ одного члена рода — понижался цѣлый родъ. Для насъ теперь очень понятно, почему человѣкъ, имѣющій извѣстный высшій чинъ, занимавшій высшую должность, не захочетъ служить подъ начальствомъ или въ товарищахъ человѣка, который моложе его по чину или прежней должности; но представимъ себѣ, что цѣлый родъ составляетъ одно, что

каждый членъ слитъ со всѣми остальными членами, и мы поймемъ, почему извѣстный Иванъ Петровъ не хочетъ служить въ товарищахъ съ Васильемъ Өедоровымъ, если членъ одного рода съ Иваномъ Петровымъ былъ выше члена рода Василья Өедорова; не забудемъ, что лицо, независимое, самостоятельное, какъ теперь у насъ, можетъ, по высшимъ нравственнымъ или по какимъ бы то ни было побужденіямъ, преодолѣть побужденія честолюбія; но старинному Русскому человѣку преод олѣвать эти побужденія было не возможно, потому что онъ н имѣлъ никакого права располагать честью цѣлаго рода, имѣлъ священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало, поэтому неудивительно, что старинный Русскій человѣкъ, столько послушный великому государю, котораго назывался холопомъ съ уничижительнымъ именемъ, въ мѣстническихъ случаяхъ ослушивался, за обѣдомъ, въ присутствіи царскомъ, спускался подъ столъ, если его принуждали сидѣть ниже человѣка, которому онъ не могъ по родовымъ счетамъ уступить, шелъ въ тюрьму, подвергался батогамъ, кнуту, отобранію помѣстій и вотчинъ, но не исполнялъ воли царской, ибо въ противномъ случаѣ что была бы его за жизнь, какъ бы онъ показался на глаза родичамъ, да и всѣмъ порядочнымъ людямъ, ибо въ глазахъ всѣхъ ихъ поруха родовой чести была непрости тельнымъ преступленіемъ: теперь всякій будетъ каждаго родственника такого преступника утягивать, говорить: ты можешь быть ниже меня, потому что родственникъ твой Иванъ Петровъ былъ ниже Василья Өедорова, а я равенъ Василью Өедорову или еще и выше его: мой младшій братъ въ такомъ-то походѣ былъ равенъ или даже выше старшаго брата Василья Өедорова, и т. д.

Члены шестнадцати знатныхъ родовъ имѣли право, обойдя низшіе чины, поступать прямо въ бояре: Черкаскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. Члены пятнадцати родовъ поступали сначала въ окольничіе, и потомъ въ бояре: Куракины, Долгорукіе, Бутурлины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы, Стрѣшневы, Барятинскіе, Ми-

лославскіе, Сукины, Пушкины, Измайловы, Плещеевы, Львовы. Изъ тридцати одной фамиліи 20 княжескихъ. Нѣкоторые изъ князей просоединяли къ своимъ фамильнымъ прозваніямъ прозванія отъ старыхъ своихъ удѣловъ, напримѣръ Ромодановскіе-Стародубскіе. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича показалось это неприличнымъ, и Ромодановскимъ запрещено было писаться Стародубскими. Но знаменитый воевода князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій подалъ челобитную: «Прислана, твоя, Великаго Государя, грамота, написано, чтобъ мнѣ впредь Стародубскимъ не писаться. До твоего указа я писаться не стану, а прежде писался я для того: тебѣ, великому государю, извѣстно, князишки мы Стародубскіе, а предки мои и отецъ мой и дядя писались Стародубскіе-Ромодановскіе, да дядя мой князь Иванъ Петровичь, какъ въ Астрахани за васъ, великихъ государей, пострадалъ отъ вора лжеименитаго Августа, по вашей государской милости написанъ въ книгу, и страданія его объявляя, на сборное воскресенье поминаютъ Стародубскимъ-Ромодановскимъ. Умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнять.» Государь умилосердился, не велѣлъ честишки отнимать.[15] Молодаго человѣка знатной фамиліи царь обыкновенно бралъ во дворецъ въ спальники. Должность спальниковъ состояла въ томъ, что они спали у государя въ комнатѣ, человѣка по четыре, перемѣняясь посуточно, раздѣвали и разували государя. Изъ спальниковъ члены первостепенныхъ родовъ жаловались прямо въ бояре, второстепенныхъ въ окольничіе, и назывались комнатными или ближними боярами и окольничими. Понятно, что войдти въ первый рядъ знати, доставить себѣ и всѣмъ членамъ своего рода право, минуя окольничаго, получать прямо боярство, было завѣтною цѣлію, и были честолюбцы, которые покушались достигнуть ее безъ признанныхъ правъ: такъ напримѣръ Головинъ, пожалованный изъ дворянъ въ окольничіе, билъ челомъ, что окольничихъ въ его пору нѣтъ, и отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ; за это челобитье онъ посланъ въ тюрьму и окольничество ему не сказано, сказано другое: «тебѣ страднику ни въ какой чести не бывать, бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь сослать, да государь на

милость положилъ»[16]. Родовая честь была такое больное мѣсто у старинной Русской знати, что несмотря на очевидное первенство одного рода передъ другимъ, члены рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянныя средства, чтобъ какъ-нибудь избавиться отъ этой тяжкой уступки. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мѣстническое дѣло между двумя первостепенными родами: въ 1663 году, за торжественнымъ обѣдомъ у государя, князь Юрій Трубецкой получилъ назначеніе выше, чѣмъ Никита Шереметевъ; Шереметевы знали хорошо, что Трубецкіе выше ихъ, но уступить было тяжело, вспомнили, что они, Шереметевы, старинный Московскій знатный родъ, а Трубецкіе хотя и знатны, но князья пришлые, Гедиминовичи Литовскіе; вслѣдствіе этого старшій между Шереметевыми бояринъ Петръ Васильевичь подалъ челобитную: «Я и братъ мой съ княземъ Юріемъ былъ и впередъ по отечеству родителей его быть съ Трубецкими готовы: только князь Юрій иноземецъ и въ нашу пору и хуже насъ съ нимъ никто не бывалъ; такъ если кто-нибудь, не зная мѣры своей, станетъ меня безчестить, то намъ и отечеству нашему не было бы порухи.» Государь сильно осердился за эту новость, когда и съ старыми основаніями мѣстническіе споры были невыносимы; онъ велѣлъ сказать Шереметеву: «Ты князя Юрія обезчестилъ, что назвалъ его иноземцемъ: Трубецкіе не иноземцы, старый родъ честный.» На Шереметевыхъ князю Юрію Трубецкому доправлено безчестье: половинный окладъ дяди его, боярина нязя Алексѣя Никитича Трубецкаго[17].

Шереметевы имѣли право опасаться, что кто-нибудь, не зная мѣры своей, будетъ ихъ безчестить вслѣдствіе уступки ихъ Трубецкимъ; нѣсколько разъ Шереметевыхъ обороняли то отъ Долгорукихъ, то отъ Плещеевыхъ, то отъ Бутурлиныхъ, то отъ Годуновыхъ. Но если правительство безпрестанно должно было оборонять и старинные роды, то понятно, какъ ему трудно было оборонять новыхъ людей, родственниковъ царскихъ, поднявшихся до боярства изъ незначительныхъ людей и выскочекъ въ родѣ Ордина-Нащокина. Тутъ надобно было изворачиваться разными средствами. Князь Львовъ билъ челомъ на тестя царскаго, боярина Илью Милославскаго: челобитчику от-

вѣчали, что ему можно быть съ Милославскимъ вопервыхъ потому, что онъ третій братъ; вовторыхъ потому, что прежде не бивали челомъ на царскихъ свойственниковъ. [18] Еще труднѣе было оборонять Ордина-Нащокина: стольникъ Матвѣй Пушкинъ билъ челомъ, что велѣно ему ѣхать за Польскими послами и съ ними ѣхать къ отвѣту (переговорамъ), а вести переговоры, въ отвѣтѣ быть боярину Ордину-Нащокину: и ему, Пушкину, меньше Аѳанасья быть невмѣстно. Нащокинъ, въ свою очередь, билъ челомъ, что Пушкинъ бьетъ челомъ не дѣломъ. Государь сказалъ Пушкину, что прежде мѣстъ тутъ не бывало и теперь нѣтъ. Но Пушкинъ отвѣчалъ, что прежде съ послами въ отвѣтѣ бывали честные люди, а не въ Аѳанасьеву версту, потому въ то время и челобитья не бывало, а его отечество съ Аѳанасьемъ извѣстно великому государю. Государь повторилъ, что тутъ мѣстъ не бывало и теперь нѣтъ, и Пушкинъ уступилъ на первый разъ, поѣхалъ за послами; но потомъ раскаялся въ своей слабости и пересталъ ѣздить къ посламъ; Государь послалъ его въ тюрьму и велѣлъ сказать, что ему съ Нащокинымъ быть можно, и если не будетъ, то вотчины и помѣстья отпишутъ; Пушкинъ отвѣчалъ: «отнюдь не бывать, хотя вели, государь, казнить смертью, Нащокинъ передо мною человѣкъ молодой и неродословный.» И поставилъ на своемъ, не былъ у пословъ приставомъ, сказался больнымъ [19].

Подлѣ мѣстничества отдѣльныхъ родовъ другъ съ другомъ, шло мѣстничество между членами одного и того же рода, споры о родовомъ старшинствѣ, которые имѣли такое значеніе въ древней Русской исторіи, происходя въ родѣ княжескомъ. Мы знаемъ, что въ древней, Кіевской Руси физическое старшинство брало верхъ, и племянники, не смотря на разныя благопріятныя обстоятельства, обыкновенно должны были преклоняться предъ правами дядей, покушенія племянниковъ возстать противъ правъ дядей считались грѣховными. Въ Руси сѣверной, Владимірской и потомъ Московской, дѣло пошло быстро обратнымъ путемъ, родовыя отношенія между князьями рушились, племянникъ отъ старшаго брата сталъ наслѣдовать старшинство за исключеніемъ всѣхъ дядей. Этотъ переворотъ въ отношеніяхъ членовъ владѣльческаго рода не могъ

остаться безъ вліянія и на отношенія въ другихъ родахъ, и если здѣсь не могло произойдти такого же переворота вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, мы въ правѣ ожидать, что произойдутъ уступки, сдѣлки, ограниченія правъ младшихъ дядей предъ старшими племянниками, особенно при вліяніи великаго государя на рѣшенія мѣстническихъ дѣлъ, при опредѣленіи случаевъ: великій государь, господствуя самъ вслѣдствіе новаго представленія о правѣ сына отъ старшаго брата надъ дядьми, не могъ не благопріятствовать ограниченію дядей въ пользу племянниковъ, и потому намъ неудивительно встрѣчать въ мѣстническихъ дѣлахъ, что эти ограниченія произошли по новому, государеву уложенью. Изъ описываемаго времени приведемъ одинъ любопытный случай этой родовой усобицы: въ 1652 году князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій билъ челомъ на племянника своего, князя Юрія, что ему съ нимъ быть невмѣстно: «онъ мнѣ въ роду въ равенствѣ.» Князь Юрій билъ челомъ на дядю: «Хотя онъ мнѣ по родству дядя, но можно ему со мною быть, потому что у отца своего онъ осьмой сынъ, а я у своего отца первый сынъ, и дѣдъ мой отцу его большой братъ.» Государь сказалъ: «Послѣ велю васъ счесть старымъ родителямъ (родственникамъ) вашимъ.» Но князь Григорій государя не послушалъ, и за то посаженъ въ оковы [20]. Дьяки точно также мѣстничались по своимъ приказнымъ назначеніямъ: дьякъ Елизаровъ, пожалованный въ думные дьяки, и оставленный въ помѣстномъ приказѣ, билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше думнаго дьяка Гавренева, сидѣвшаго въ разрядномъ приказѣ, потому что этотъ приказъ считался выше помѣстнаго [21].

Съ такими-то интересами и стремленіями толпилась знать въ передней. Но не всѣ остаются въ передней; ближніе бояре, люди вхожіе, проходятъ поближе къ дверямъ комнаты, соображаютъ, и, улуча время, входятъ въ комнату, мѣсто завѣтное для другихъ, которые должны дожидаться въ передней. Какъ важно было входить въ комнату, показываетъ слѣдующій случай: царь Михаилъ приказалъ на границѣ встрѣтить королевича Вальдемара боярину князю Юрію Сицкому, а за Москвою встрѣтить боярину Михайлѣ Салтыкову и сказано быть безъ мѣстъ;

но князь Сицкій, утаясь отъ Салтыкова, билъ челомъ въ комнатѣ безъ людей царю, и государь велѣлъ дать ему невмѣстную грамоту, что ему можно быть больше Салтыкова и родичей его. Салтыковы успѣли поправить дѣло уже при царѣ Алексѣѣ[22].

Наконецъ двери отворяются; входитъ великій государь, и всѣ, увидавъ его, кланяются въ землю. Государь садится въ большое кресло въ переднемъ углу и подзываетъ къ себѣ тѣхъ, до которыхъ есть дѣло; если царь кликнетъ боярина, а его нѣтъ, тотчасъ посылаетъ за опоздавшимъ, котораго ждетъ грозный выговоръ, зачѣмъ опоздалъ? Расправа съ тѣми, которые оплошали, не исполнили или не такъ исполнили царское приказаніе, коротка: государь сейчасъ же велитъ выслать ихъ вонъ изъ палаты или посылаетъ въ тюрьму. Иногда государь разговариваетъ долго съ разными боярами; всѣ другіе стоятъ, устанутъ, выходятъ на дворъ посидѣть, и опять возвращаются на верхъ. Но вотъ иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ самъ подходитъ къ государю и кланяется въ землю: у него челобитье — отпустить въ деревню; приступаютъ другіе, отпрашиваются въ гости, на свадьбу, на крестины или на именины: отпроситься необходимо, потому что въ вечерни всѣ опять должны быть во дворцѣ. Между челобитчиками нѣкоторые подносятъ калачи государю: это именинники: государь спрашиваетъ ихъ о здоровьѣ и поздравляетъ; потомъ они пойдутъ съ калачами къ царицѣ, царевичамъ и царевнамъ.

Послѣ пріема бояръ, государь шелъ обыкновенно къ обѣднѣ со всѣмъ дворомъ; а послѣ обѣдни, въ передней или комнатѣ государь принимался за дѣла. Для доклада дѣлъ каждому вѣдомству назначены были особые дни: въ понедѣльникъ докладывались дѣла изъ разряда и посольскаго приказа; во вторникъ изъ приказовъ большой казны и большаго прихода; въ среду изъ Казанскаго дворца и помѣстнаго приказа; въ четвергъ изъ приказа большаго дворца и изъ Сибирскаго; въ пятницу изъ судныхъ приказовъ Владимірскаго и Московскаго. Съ докладами подходили начальники приказовъ и сами ихъ читали передъ государемъ. Есть у государя важное дѣло, онъ призываетъ на думу или однихъ ближнихъ, комнатныхъ бояръ

и окольничихъ, или всѣхъ бояръ, окольничихъ, дворянъ, и это называется сидѣньемъ великаго государя съ боярами о дѣлахъ[23]. Бояре, окольничіе и думные дворяне садятся по чинамъ, отъ царя поодоль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, окольничіе подъ боярами, думные дворяне подъ окольничими, также по породѣ, а не по службѣ; думные дьяки стоятъ; но иногда государь прикажетъ и имъ сѣсть. И тутъ иногда дѣло не обходилось безъ смуты: Пушкины пошли въ тюрьму, побранившись съ Долгорукими въ то время, какъ государь сидѣлъ съ боярами[24]. Когда всѣ усядутся, государь объявляетъ свою мысль и приказываетъ, чтобъ бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ. Тутъ всякій, кто имѣетъ способъ въ головѣ, объявляетъ свою мысль, а иные «брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ и многіе грамотѣ не учены»[25]. Состоится приговоръ, и государь и бояре приказываютъ думнымъ дьякамъ помѣтить и приговоръ записать. Въ извѣстномъ выраженіи: «государь указалъ и бояре приговорили», указывается на означенный ходъ совѣщанія; царь приказываетъ своимъ совѣтникамъ, «помысля, дать къ дѣлу способъ;» совѣтники даютъ способъ и составляется приговоръ. Если придавать этому выраженію важное какое-нибудь значеніе, то надобно будетъ придать важное значеніе и другому, употреблявшемуся въ старину выраженію: «По указу в. государя и по приказу дьяковъ сдѣлано то-то»[26]. Если вслѣдствіе совѣщанія нужно написать грамоту въ иностранное государство, то это поручается посольскому думному дьяку; дьякъ велитъ писать подьячему, а самъ вычеркиваетъ или прибавляетъ; когда грамота изготовлена, то ее слушаютъ сперва одни бояре, а потомъ вмѣстѣ съ царемъ; то же соблюдается и относительно всѣхъ другихъ приговоровъ. Если дѣла не такъ важны или, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, государь не можетъ самъ присутствовать при совѣщаніи о нихъ, то приказываетъ рѣшить ихъ боярамъ безъ себя, приказываетъ имъ сидѣть о какомъ-нибудь дѣлѣ. Бояре сидятъ во дворцѣ, и отсюда выраженіе: взносить дѣла къ боярамъ вверхъ.

Кромѣ обычныхъ сидѣній великаго государя съ боярами бывали еще чрезвычайныя совѣщанія, на которыя приглашались высшее духовенство и выборные изъ другихъ сословій. Эти чрезвычайныя совѣщанія или соборы бывали обыкновенно по вопросу: начинать или не начинать опасную, тяжелую войну, при чемъ потребуется долгая и тяжкая служба ратныхъ людей, съ другой стороны потребуются денежныя пожертвованія съ тяглыхъ людей; нужно призвать выборныхъ или совѣтныхъ людей изъ тѣхъ и другихъ, изо всѣхъ чиновъ, чтобъ сказали свою мысль, и если скажутъ, что надобно начинать войну, то чтобъ послѣ не жаловались, сами наложили на себя тягость. Царь Алексѣй, отпуская ратныхъ людей въ Литовскій походъ, говорилъ имъ: «Въ прошломъ году были соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные, на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ Польскихъ королей, вы слышали это отъ своихъ выборныхъ: такъ вамъ бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ Московскому государству стоять.» Выборные или совѣтные люди являлись на соборъ изъ Москвы и областей, изъ разныхъ чиновъ людей, напримѣръ: изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ Московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по два человѣка, изъ меньшихъ по человѣку, изъ гостей по три человѣка, изъ гостиной и суконной сотенъ по два, изъ черныхъ сотенъ и слободъ и изъ городовъ, изъ посадовъ по человѣку. Изъ крестьянъ выборныхъ не было; иногда не вызывались и горожане изъ областей, призывались только Московскіе гости, изъ гостиной и суконной сотни старосты, изъ черныхъ сотенъ соцкіе. Голосъ совѣтные люди имѣли совѣщательный, у нихъ отбирались мнѣнія или сказки для соображеній; сказки подавались или соединенно цѣлыми чинами, или по мѣстностямъ; но каждый совѣтный человѣкъ могъ подать отдѣльно свое мнѣніе.

Совѣтные люди единогласно сказали, что войну начать необходимо, ратные люди объявили готовность проливать кровь за пресвѣтлое царское величество, торговые люди обязались платить пятую или десятую деньгу съ своихъ животовъ и промыслишковъ; великій государь рѣшилъ, что откладывать войну

нельзя, походъ сказанъ придворнымъ ратнымъ людямъ, гонцы скачутъ въ области къ воеводамъ, чтобъ высылали служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ ихъ вотчинъ и помѣстій. Теперь мы должны познакомиться съ этимъ многочисленнымъ классомъ служилыхъ людей, разсѣянныхъ по центральнымъ, западнымъ и южнымъ областямъ государства. Прежде всего обратимъ вниманіе на ихъ названіе, которое всегда скажетъ много, особенно когда будемъ слѣдить за его измѣненіями. Въ древнѣйшія времена мы видимъ въ Россіи первоначальное дѣленіе народа на военныхъ и невоенныхъ, мужей и мужиковъ; военные люди по отношенію къ вождю своему, князю, носятъ названіе дружины. Это названіе, отъ какого бы корня его ни производили, заключаетъ въ себѣ понятіе товарищества, компаніи. Въ Московскомъ государствѣ названіе дружины исчезаетъ, ибо исчезаетъ понятіе. Чѣмъ же оно постепенно замѣняется? Изъ за дружины сначала выступаетъ дворъ, и призводное отъ него дворянинъ, и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы. Сначала бояре и дѣти боярскіе сохраняютъ относительно дворянъ свое самостоятельное, первенствующее положеніе, положеніе дружинниковъ; но потомъ съ возвышеніемъ значенія государя и его двора, названіе дворянинъ беретъ верхъ надъ названіемъ сынъ боярскій, и послѣднимъ означается низшій классъ военныхъ людей; съ исчезновеніемъ понятія о товариществѣ вождю выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю, и является для военныхъ людей названіе служилые люди, въ противоположность всему остальному народонаселенію, которое не поднимается, сохраняетъ по прежнему относительно военныхъ людей значеніе мужиковъ; но и военные люди уже болѣе не мужи, а служилые люди, холопи государя, названіе служилый, служащій живетъ до сихъ поръ, до сихъ поръ въ народѣ говорятъ: это служащій, въ противоположность купцу, мѣщанину. Но было еще другое названіе, которое обозначало вознагражденіе за службу, названіе помѣщикъ. Если названіе: служилый человѣкъ, опредѣляло отношеніе къ государю, то названіе: помѣщикъ, опредѣляло отношеніе къ землѣ, къ народонаселенію, которое должно было содержать военнаго человѣка. Если въ древности переходной дружинѣ

соотвѣтствовало содержаніе, получаемое прямо отъ князя въ видѣ денегъ, то образованію изъ дружины служилаго сословія на сѣверѣ, въ Московскомъ государствѣ, соотвѣтствовала система испомѣщенія на земельныхъ участкахъ, зависѣвшая отъ того, что великій князь сталъ государемъ, усѣлся и опредѣлилъ точно свои отношенія къ землѣ, сдѣлался ея хозяиномъ, распорядителемъ. Легко понять, какое впечатлѣніе въ странѣ произвело испомѣщеніе военныхъ людей на земляхъ, впечатлѣніе, подобное тому, какое произвело испомѣщеніе Германцевъ въ областяхъ Римской имперіи: въ странѣ подлѣ немногочисленныхъ вотчинниковъ явился многочисленный классъ людей, пользующихся землею, полновластныхъ хозяевъ ея во время этого пользованія; вотчинники стали также брать помѣстья, земля явилась предназначенною для испомѣщенія военныхъ людей, помѣщики явились главными землевладѣльцами, служилый человѣкъ для остальнаго народонаселенія сталъ немыслимъ безъ помѣстья, и названіе помѣщикъ для землевладѣльца укоренилось въ народѣ крѣпко, осталось и тогда, когда помѣстья исчезли.

Превращеніе дружинниковъ въ помѣщиковъ необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на перемѣну въ характерѣ военнаго Русскаго сословія, независимо уже отъ различія въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія, въ характерѣ князей и дѣятельности ихъ. Въ членахъ подвижной дружины, перебѣгавшей съ княземъ своимъ изъ одной области въ другую, безпрестанно готовой перевѣдаться съ дружинами враждебныхъ князей, необходимо сохранялась отвага, храбрость. Это были люди, непокидавшіе оружія въ постоянной борьбѣ съ степными варварами, въ постоянныхъ усобицахъ княжескихъ; въ немногочисленныхъ, находившихся постоянно на виду дружинахъ, преимущественно въ мелкихъ схваткахъ, храбрость каждаго члена была явна, и возбуждалось соревнованіе; война была главнымъ и постояннымъ занятіемъ, однимъ словомъ военный характеръ сохранялся вполнѣ. Кромѣ побужденія повсюду, у себя на Руси, и въ чужихъ странахъ честь свою взять, присоединялись и другія побужденія къ оказанію храбрости: матеріальное благосостояніе дружины зави-

сѣло отъ богатства князя, а это богатство могъ доставить или поддержать только мечъ дружинника: «Съ дружиною пріобрѣту серебро и золото», говорилъ св. Владиміръ и приказывалъ подавать серебряныя ложки дружинѣ, которая роптала, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Но характеръ долженъ былъ необходимо измѣниться, когда военному человѣку дано было помѣстье, куда онъ уѣзжалъ на все мирное время до перваго призыва. Онъ становился землевладѣльцемъ, хозяиномъ, терялъ военное значеніе, входилъ въ міръ иныхъ отношеній и интересовъ и привыкалъ къ своему мирному положенію, которое становилось для него естественнымъ, постояннымъ, а военное время случайнымъ, чрезвычайнымъ, нарушающимъ обычное теченіе жизни; это нарушеніе не могло нравиться. Если бы еще можно было сейчасъ же встрѣтить непріятеля, побиться и назадъ домой: а то надобно собираться въ долгій путь, покидать семью, хозяйство на неопредѣленное время, въ отсутствіе хозяина семьѣ можетъ быть очень плохо, все пойдетъ не такъ; живется обыкновенно въ помѣстьѣ со дня на день, на черный день не припасено, а для похода надобно дѣлать чрезвычайныя издержки, занимать деньги — разоренье! Хорошо, если кто отъ природы храбръ, любитъ подраться; но съ теченіемъ времени служилое сословіе превратилось въ касту; сыновья служилаго человѣка, храбры они или нѣтъ, чтобъ не потерять своего значенія и средствъ пропитанія, получивши помѣстья, должны являться по первому призыву на службу. Такимъ образомъ испомѣщеніе служилыхъ людей уничтожило характеръ древней дружины: вмѣсто постояннаго войска, какимъ была дружина, съ военнымъ духомъ, съ сознаніемъ военныхъ обязанностей, съ побужденіями воинской чести, оно создало классъ мирныхъ гражданъ, хозяевъ, которые только случайно на время войны несли уже тяжкую для нихъ службу. Съ каждымъ позвомъ въ походъ въ семействахъ помѣщиковъ должны были повторяться сцены, подобныя тѣмъ, какія теперь происходятъ въ семействахъ передъ отпускомъ рекрутъ: сколько нуждъ и лишеній долженъ претерпѣть, былъ самъ, жилъ хозяиномъ полновластнымъ, окруженный покорною семьею, холопями и крестьянами, а теперь надобно идти подъ началь-

ство; какой-то попадется воевода? попадались притѣснители страшные! Хорошо, если есть связи, родственники побьютъ челомъ и воевода возьметъ къ себѣ въ завоеводчики (въ свиту), а то бѣда! И возвратится ли? возвратится ли невредимъ? а попадется въ плѣнъ къ Татарамъ, въ Литву или къ Нѣмцамъ — Люторамъ безбожнымъ! Вспомнимъ также, что войны XVII вѣка, не успѣхъ которыхъ зависѣлъ отъ дурнаго устройства Русскаго войска, въ свою очередь, не могли содѣйствовать возвышенію духа въ служилыхъ людяхъ, внушенію увѣренности. Вспомнимъ о совершенной неприготовленности Русскаго служилаго человѣка къ ратному дѣлу, о неумѣньѣ владѣть оружіемъ, которое къ тому же было очень плохо, — и не удивимся свидѣтельству современника, Русскаго же человѣка[27], который сравниваетъ полкъ служилыхъ людей съ стадомъ: «У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми, и на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя, сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ Татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хотя сотню положили — ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, чтобъ непріятеля убить, одна забота— какъ бы домой поскорѣй. Молятся: дай Боже рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время бою того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, и они съ ними, будто также съ бою, ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: «Дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать!» Отсюда понятно, почему мы видимъ въ служилыхъ Русскихъ людяхъ XVII вѣка стремленіе отбывать отъ службы, отговариваться отъ выступленія въ походъ болѣзнію, приписываться какъ-нибудь къ гражданскимъ дѣламъ, задаривать воеводъ и сыщиковъ, чтобъ только оставили въ покоѣ, прятаться отъ нихъ; во время службы опять задаривать

воеводъ и сотенныхъ головъ, чтобъ отпустили домой, наконецъ побѣгъ изъ полковъ. Уложеніе грозитъ за первый побѣгъ кнутомъ, за второй кнутомъ, убавкою помѣстнаго и денежнаго окладовъ, за третій кнутомъ и отнятіемъ помѣстья; за побѣгъ домой съ бою кнутомъ нещаднымъ и отнятіемъ половины помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; сотенному головѣ, отпустившему служилаго человѣка безъ государева указа и воеводскаго вѣдома, батогами и тюрьмою; воеводѣ жестокимъ наказаніемъ «что государь укажетъ». Но угрозы уложенія не помогали: донесенія воеводъ наполнены жалобами на побѣги служилыхъ людей.

Помѣстная система ослабила въ служилыхъ людяхъ воинскій характеръ; но при этомъ они не выигрывали въ другихъ отношеніяхъ: имъ за службу давали землю, на которой они жили и съ которой кормились; жизнь покойная и праздная въ помѣстьѣ отучала ихъ отъ военной службы, главнаго ихъ назначенія, вслѣдствіе чего служба, когда приходило ей время, являлось тяжкимъ, для нѣкоторыхъ невыносимымъ бременемъ. Ничего не могло быть вреднѣе этихъ длинныхъ отдыховъ въ помѣстьяхъ послѣ походовъ, ибо вообще ничего не можетъ быть вреднѣе для человѣка дѣятельности временной, за которою наступаетъ продолжительное бездѣйствіе: ничто такъ не отучаетъ отъ дѣятельности, отъ труда, особенно когда человѣкъ считаетъ себя въ правѣ предаваться бездѣйствію, когда онъ знаетъ, что имѣетъ важное значеніе, всѣми признаваемое, имѣетъ обязанность, которую и исполнитъ, когда призовутъ, а нѣтъ призыва, имѣетъ право ничего не дѣлать. Но хозяйственная дѣятельность въ деревнѣ? Хозяйственная дѣятельность была слишкомъ проста при тогдашнемъ застоѣ, остановкѣ на первоначальныхъ формахъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ имѣть какъ можно болѣе человѣческихъ рабочихъ силъ въ своемъ распоряженіи, а если этихъ силъ немного, то малое число работниковъ заставлять производить какъ можно больше, издерживая на нихъ какъ можно меньше. Мы знаемъ, что недостатокъ рабочихъ рукъ, переманка богатѣйшими землевладѣльцами крестьянъ у бѣднѣйшихъ, и необходимость, какую чувствовало правительство дать кормъ послѣднимъ, т. е. снабдить ихъ земли работниками, привели къ прикрѣпленію

крестьянъ. Но и послѣ прикрѣпленія крестьяне продолжали переманиваться и уходить: отсюда тяжбы за переманку крестьянъ, гоньба за бѣглыми составляетъ самый важный предметъ занятія для помѣщика. Мы видѣли, какъ правительство запрещало отпускъ служилыхъ людей изъ полковъ; но дѣлалось исключеніе: воеводы могли отпускать ихъ домой въ случаѣ домовнаго разоренія и людскаго побѣга. Архивы наполнены дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ, въ уложеніи цѣлая глава изъ 34 статей посвящена этому предмету. Съ другой стороны, у помѣщика не было побужденій къ усиленію хозяйственной дѣятельности и потому, что это былъ слуга, обезпечиваемый своимъ господаремъ. Господарь давалъ ему землю, слуга былъ сытъ; господарь далъ ему постоянныхъ работниковъ и покровительствовалъ ему при ихъ отысканіи, когда они бѣгали отъ работы; относительно будущности семейства слуга также обезпеченъ: женѣ, дочерямъ дадутъ земли на прожитокъ, сыновьямъ, когда выростутъ, поступятъ на службу государеву, будетъ придача къ отцовскому помѣстью. Отсюда необходимая привычка жить беззаботно день за день, и если у кого было желаніе усилить свои матеріальныя средства, то къ этому считался приличнымъ одинъ способъ—быть у дѣлъ и кормиться, обогащаться на счетъ тѣхъ, которымъ эти дѣла были надобны.

Несостоятельность Русскихъ служилыхъ людей-помѣщиковъ при встрѣчѣ съ непріятелемъ уже давно стала замѣтна и необходимо повела къ мысли о преобразованіяхъ. Вездѣ въ Европѣ эти преобразованія шли одинакимъ путемъ. И на западѣ когда члены первоначальнаго войска, дружины испомѣстились по земельнымъ участкамъ, зажили своими домами, своими землями, то, не смотря на бо̀льшую самостоятельность ихъ положенія, чѣмъ у насъ въ Россіи, не смотря на то, что отсутствіе государственнаго порядка, отсутствіе безопасности заставляло каждаго землевладѣльца, каждаго благороднаго быть постоянно вооруженнымъ, постоянно стоять на сторожѣ, что̀, разумѣется, сильно поддерживало воинскій духъ, вело къ явленію рыцарства, какъ учрежденія, вызваннаго первоначально необходимостію защиты слабаго отъ сильнаго, не смотря на все это однако войны феодальнаго періода отличаются своею мел-

костію и непродолжительностію: вассалы такіе же неохотники надолго отлучаться отъ своихъ домовъ, какъ и наши помѣщики; при большей самостоятельности ихъ положенія у нихъ выговоренъ срокъ и далѣе этого срока они не останутся въ походѣ. Западно-европейскимъ правительствамъ съ феодальными войсками нельзя было далеко уйти, и они должны были обратиться опять — къ дружинѣ! Дружины въ разныхъ странахъ не переставали выдѣляться какъ у насъ козаки; но тамъ на западѣ не было степей, поля, гдѣ бы богатыри могли свободно козаковать, поляковать; тамъ на западѣ дружины составляютъ наемныя войска. Таковы арминаки во Франціи, ландскнехты въ Германіи, Брабантцы въ Нидерландахъ, таковы Швейцарскія компаніи, Италіанскіе кондотьери. Въ нѣкоторыхъ странахъ, наиболѣе слабыхъ государственнымъ единствомъ, дружины вели къ тѣмъ же явленіямъ, какія мы видѣли въ началѣ среднихъ вѣковъ, вовремя самаго сильнаго движенія дружинъ: вожди Италіанскихъ кондотьери основываютъ государства. Правительства другихъ странъ болѣе сильныя употребляютъ дружины какъ наемныя войска, какъ наемную стражу, именно какъ употребляли ихъ нѣкогда западные и восточные Римскіе императоры. Отъ наемныхъ дружинъ сдѣланъ былъ уже переходъ къ національному постоянному войску. Но отъ сбродныхъ дружинъ, искавшихъ службы у разныхъ государей и мѣнявшихъ эту службу при первомъ случаѣ, не скоро очистилась Европа. Въ Россіи онѣ появились съ начала XVII вѣка, съ царствованія Годунова, особенно стало ихъ много при царѣ Михаилѣ, когда вслѣдствіе тяжелыхъ опытовъ ясно была сознана несостоятельность Русскаго военнаго строя. Но тутъ же начинается, съ помощію иностранныхъ офицеровъ, и обученіе Русскихъ ратныхъ людей иноземному строю, появленіе разныхъ видовъ войска съ иностранными названіями, что было переходомъ къ постоянному войску. Устроили рейтарскіе полки, выбирали въ нихъ изъ жильцовъ, дворянъ городовыхъ, изъ дворянскихъ дѣтей недорослей, изъ дѣтей боярскихъ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ и изъ вольныхъ людей, давали имъ жалованья по 30 рублей въ годъ, оружіе (карабины и пистолеты), порохъ, свинецъ, но лошадей и платье должны были покупать сами.

Также брали въ рейтары со 100 крестьянскихъ дворовъ по человѣку изъ имѣній церковныхъ и изъ имѣній тѣхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, которые не могли сами служить, за старостію, по болѣзни, равно какъ съ имѣній, принадлежавшихъ вдовамъ и дѣвицамъ. Составленные такимъ образомъ рейтарскіе полки учились новому воинскому строю у своихъ полковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ и ротмистровъ, которые были или изъ иноземцевъ, или изъ Русскихъ (стольниковъ и дворянъ), которые уже прежде выучились новому строю. На сѣверозападѣ, вблизи Шведской границы, были устроены военныя солдатскія (пѣхотныя) поселенія; жили крестьяне на прежнихъ своихъ участкахъ, пашню пахали, угодьями владѣли, данныхъ и оброчныхъ денегъ не платили, но учились солдатскому строю у иноземцевъ. Сначала велѣно было ихъ учить военной службѣ ежедневно; но въ 1650 году государь велѣлъ ихъ польготить, учить въ недѣлю день или два, чтобъ имъ отъ пашни и отъ промысловъ не отбыть [28]. На степной украйнѣ были поселены, «устроены вѣчнымъ житьемъ» [29] драгуны, служба которыхъ была конная и пѣшая.

Но поселенныхъ солдатъ стало мало во время тяжелыхъ и продолжительныхъ войнъ царствованія Алексѣя Михайловича: въ 1653 году поскакали по городамъ посланцы государевы, пріѣдетъ въ городъ, собираетъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на съѣзжій дворъ, говоритъ имъ государево милостивое слово и ихъ тѣмъ обнадеживаетъ, чтобъ дѣти ихъ, братья и племянники, которые не въ службѣ и помѣстьями не надѣлены, писались въ солдатскій строй, будетъ имъ непремѣнно государское жалованье и милость, велитъ государь ихъ написать по Московскому и по жилецкому списку, будетъ имъ и кормъ, и денегъ дадутъ на платье; а если въ солдатскій строй писаться не станутъ, то впередъ имъ служилыми людьми не называться, и въ государевой службѣ отнюдь не бывать, а быть въ землепашцахъ. Тогда же было велѣно на посадахъ и въ слободахъ переписать у стрѣльцовъ, козаковъ и у всякихъ посадскихъ людей дѣтей, братьевъ, племянниковъ, зятьевъ, пріемышей, половинщиковъ, и всякихъ захребетниковъ, также дворниковъ, которые не крѣпостные холопи и не пашенные крестьяне, велѣно у нихъ дѣ-

тей, братьевъ и племянниковъ въ солдатскую службу взять половину, а другую половину оставить у нихъ дома[30].

Такимъ образомъ составлялись полки солдатъ или желдаковъ[31]; каждый полкъ назывался по имени своего начальника, наприм. полкъ Агея Шепелева. Мы видѣли, что каждому, кто записывался въ солдаты, обѣщаны были кормъ и деньги на платье: сержанту давали корму по 9 денегъ на день, каптенармусамъ и подпрапорщикамъ по 8, капитанамъ по 7 рублей на мѣсяцъ, поручику по 5, подъемныхъ денегъ давали по полтинѣ, да за шубу по полтинѣ. Была еще льгота: солдатскимъ женамъ и матерямъ выдавалась соль безденежно[32]. Но если стариннымъ служилымъ людямъ приходилось плохо отъ иныхъ воеводъ, то солдатскіе полковники еще менѣе могли церемониться съ своими подчиненными, очень незначительными людьми по происхожденію: солдаты полку Агея Шепелева жаловались на своего полковника, что онъ бьетъ ихъ и увѣчитъ и въ тюрьму сажаетъ безъ государева указа и сыска для своей бездѣльной корысти и беретъ съ нихъ поминки большіе[33]. Солдаты вымещали свои обиды и убытки на мирныхъ гражданахъ.

Подлѣ этихъ служилыхъ людей съ новыми, иноземными названіями — солдатъ, рейтаръ, драгунъ, сохранялись старые: городовые козаки, которымъ на мирное время правительство давало дворы и землю пахатную, не брало съ нихъ оброка и никакихъ податей, а во время службы давало имъ жалованье. Не тронуты были и стрѣльцы, войско, отправлявшееся въ походы въ военное время, составлявшее гарнизоны, также полицейскую и пожарную команду въ городахъ. Стрѣльцы жили отдѣльными слободами въ городахъ, каждый своимъ домомъ, промышляли и торговали и вмѣстѣ служили государеву службу. Въ одной Москвѣ ихъ было больше 20 приказовъ, въ приказѣ отъ 800 до 1000 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ приказъ выборный, стременный, потому что бывалъ всегда у царскаго стремени, оберегалъ государя и государыню во всякихъ походахъ. Начальные люди у стрѣльцовъ головы (полковники), полуголовы, сотники, пятидесятники и десятники; въ головы, полуголовы и сотники берутъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ пятидесят-

ники и десятники изъ стрѣльцовъ. Стрѣльцамъ давалось постоянное денежное жалованье, сукно на платье и соль.

Таковы были военныя силы Московскаго государства передъ эпохою преобразованія. Эта эпоха приготовлялась тѣмъ, что, не трогая стараго, приставляли къ нему новое. Необходимость новаго, несостоятельность стараго были признаны; но, какъ обыкновенно бываетъ, первые шаги были нерѣшительны; на первыхъ порахъ новое являлось еще робко, безъ офиціальнаго признанія его преимущества. Старая дворянская конница сохраняла свое первенствующее положеніе; никто изъ значительныхъ дворянъ не хотѣлъ служить въ рейтарахъ или солдатахъ; потомки старыхъ дружинниковъ съ презрѣніемъ смотрѣли на войска новаго строя, точно такъ какъ и на стрѣльцовъ. По прежнему единственнымъ постояннымъ войскомъ остаются стрѣльцы. Какъ только оканчивалась война, всѣ ратные люди разъѣзжались по домамъ; распускались по домамъ и служилые люди новаго строя, рейтары, солдаты.

Въ разныхъ видахъ земля должна была доставлять содержаніе, кормъ ратнымъ людямъ. Въ мирное время ратный человѣкъ кормился отъ помѣстья, иной также отъ вотчины: это кормленіе лежало на крестьянствѣ, прикрѣпленномъ къ помѣстьямъ и вотчинамъ. Наступитъ война, ратному человѣку нужно дать вспоможеніе, денежное жалованье: это берутъ на себя кромѣ крестьянъ городскіе промышленные люди; смотря по тяжести войны, всѣ они платили то двадцатую, то десятую, то пятую деньгу отъ своихъ промысловъ и животовъ. Отсюда ясно видно, что бѣдность государства и отсутствіе постояннаго войска условливали главнымъ образомъ соборы, которые обыкновенно созываются по случаю войны: нужно удостовѣриться въ готовности ратныхъ людей выступить въ походъ, и въ готовности торговыхъ и промышленныхъ людей давать имъ для этого деньги; когда явилось постоянное войско и постоянные источники доходовъ, то соборы прекращаются. Наконецъ третій видъ кормленія для ратныхъ людей было кормленіе отъ дѣлъ.

Отъ дѣлъ кормились ратные люди разныхъ чиновъ, начиная отъ боярина до самаго мелкаго служилаго человѣка. Бояре,

окольничіе и думные люди засѣдали въ приказахъ. Приказъ есть одно изъ самыхъ выпуклыхъ, самыхъ характеристическихъ явленій древней Россіи, Московскаго государства. Времени происхожденія этого учрежденія нельзя опредѣлить вслѣдствіе самой простоты его. Государь одному изъ своихъ приближенныхъ приказываетъ вѣдать постоянно одно какое нибудь дѣло или нѣсколько дѣлъ, однородныхъ или совершенно разнородныхъ, придаетъ ему въ помощь другаго или двухъ; для письмоводства необходимо являлись дьяки, подьячіе, и образовывался приказъ. Такъ какъ приказъ имѣлъ свои расходы, то для покрытія ихъ приписывались къ нему въ вѣдѣніе города или извѣстные разряды податныхъ людей, съ которыхъ онъ собиралъ подати. Съ развитіемъ государственной дѣятельности каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго приказа, и число приказовъ увеличивалось все болѣе и болѣе.

Мы не пойдемъ по всѣмъ этимъ приказамъ: ихъ слишкомъ много; остановимся только на тѣхъ, которые лучше другихъ покажутъ намъ особенности древнерусскаго строя.

Вотъ приказы, въ которыхъ сосредоточивается хозяйство великаго государя, дворы царскіе: казенный, сытенный, кормовый, хлѣбенный, житный, конюшенный. Характеръ великаго государя, хозяина, господаря, и отношеніе его къ служнѣ своей здѣсь рѣзко высказываются. Въ приказѣ казеннаго двора сидитъ казначей съ двумя дьяками; тутъ сложена казна царская, сосуды золотые и серебряные, и множество всякаго рода дорогихъ и недорогихъ матерій, всякая домовая казна, изъ которой берутъ на разныя надобности особамъ царскаго дома, и потомъ на жалованье всякаго чина людямъ, государь жалуетъ платьемъ приближенныхъ къ себѣ людей и вообще непосредственно ему служащихъ, даритъ знатныхъ людей шубами бархатными золотными и атласными на соболяхъ. Если жаловалъ великій государь боярина какимъ-нибудь платьемъ, то приказывалъ выдать не только матерію, но и весь прикладъ, напримѣръ: «велѣлъ государь на однорядку нарядную, купя въ ряду, дать сукно самое доброе вишневое и прикладъ: пять аршинъ сукна куплено по 2 рубли 16 алтынъ 4 деньги за аршинъ; 15 аршинъ галуну золотнаго по 10 алтынъ за аршинъ;

14 аршинъ тафтянаго торочку на нашивку по три деньги за аршинъ, 14 пуговицъ съ финифтомъ и яхонтовыми искрами по гривнѣ за пуговицу; на подпушку $1^{1}/_{2}$ аршина атласу, и того рубль 16 алтынъ 4 деньги, да два золотника шелку 2 алтына, всего 20 рублевъ 5 алтынъ 4 деньги[34]. Все было дано, только шили однорядку у боярина на дому, потому что у боярина во дворѣ были свои портные, точно также и у великаго государя на казенномъ дворѣ были свои портные и скорняки, человѣкъ 100; шили платье дома, но чулки и рукавицы на государя и царевичей работали въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, котораго монахини отличались этимъ мастерствомъ; прикажетъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичь Матвѣевъ купить въ ряду золота, серебра, кружева золотаго съ серебромъ и отдать старицѣ Антонидѣ на чулочное дѣло и рукавичное. За чѣмъ же бояринъ Матвѣевъ этимъ распоряжается? развѣ онъ казначей или вообще завѣдываетъ дворомъ государевымъ? Нѣтъ, онъ вѣдаетъ дѣла посольскія и приказъ Малороссійскій; но онъ очень близкій человѣкъ къ государю и его семейству, и потому заказываетъ чулки и рукавицы[35]. Кромѣ знатныхъ людей, съ казеннаго же двора выдаются ежегодно сукна, камки и тафты по портищу дворянамъ, стряпчимъ, жильцамъ, конюхамъ, сокольникамъ, пѣвчимъ, истопникамъ, царицынымъ мастерицамъ, швеямъ, выдаются бархатные вершки и соболи на шапки, киндяки на подкладку, сафьянъ на сапоги; съ казеннаго же двора отпускаются ежегодно сукна стрѣльцамъ; отпускаются сукна, соболи и шелковыя матеріи Донскимъ козакамъ. Но великій государь благочестивъ, не можетъ онъ забыть духовенство: и дѣйствительно на казенный дворъ безпрестанно являются священники, дьяконы, дьячки и пономари Московскихъ и городовыхъ соборныхъ и простыхъ царскихъ церквей за государевымъ жалованьемъ, за сукнами: инымъ давали ежегодно, другимъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, какъ повелось. Больше 18,000 духовенства перебываетъ на казенномъ дворѣ за сукнами. Дачи съ казеннаго дворца не ограничивались однимъ Русскимъ духовенствомъ: въ Москвѣ всегда можно было встрѣтить Греческихъ монаховъ, архіереевъ, архимандритовъ и простыхъ чернецовъ, которые пріѣхали за милостынею; у нихъ царскія жалованныя гра-

моты, въ которыхъ означено, въ какой срокъ имѣютъ они право прiѣзжать въ Москву за сборомъ на церковное строенье: казенный дворъ снабжаетъ ихъ сосудами, парчами, бархатами.

Откуда же берутся деньги на все это? Про то знаетъ приказъ большаго дворца. Въ немъ сидитъ бояринъ и дворецкій, да окольничій, да думный дворянинъ, да два или три дьяка: вѣдомы въ немъ больше 40 городовъ, собираются подати съ посадскихъ людей, съ таможенъ, откуповъ и со всякихъ угодій; кромѣ 40 городовъ вѣдомы еще 8 слободъ Московскихъ: котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, печники, кирпичники. Собираетъ приказъ всѣхъ денегъ со 120,000 рублей въ годъ, и идутъ эти деньги на всякіе дворцовые расходы. Въ приказѣ большаго дворца вѣдомы дворы: сытенный, кормовой, хлѣбенный, житный, которые представляютъ такія же любопытныя особенности, какъ и казенный дворъ. Изъ 30 погребовъ сытеннаго двора выходило ежедневно по 100 ведеръ вина, пива и меду по 400 и 500 ведеръ. Прiѣзжаютъ изъ разныхъ странъ послы съ многочисленными свитами, и сколько бы ни прожили въ Москвѣ, поятъ и кормятъ ихъ на царскій счетъ: это гости, нельзя хозяину заставить ихъ кормиться на свой счетъ. Кромѣ иностранцевъ, и Русскимъ людямъ въ числѣ пожалованій, исходящихъ отъ великаго государя, было пожалованье погребомъ. На кормовомъ дворѣ ежедневно готовятся многочисленныя кушанья для государя и въ раздачу. Отъ каждаго обѣда и ужина царскаго посылаются съ истопниками блюда, подачи къ боярамъ, думнымъ людямъ и спальникамъ. Не получитъ кто-нибудь изъ нихъ подачи, является на другой день во дворецъ съ запросомъ къ дворецкому, съ бранью ключникамъ: что это значитъ, что мнѣ не прислано? царскаго гнѣва на мнѣ нѣтъ: за что такое безчестье? Челобитье самому царю: «вины на себѣ не вѣдаю никакой, а въ подачѣ передъ своею братьею обезчещенъ.» Начинается сыскъ; все записано, все можно найти въ книгахъ, кому послано и кому нѣтъ и съ кѣмъ послано. Нѣтъ въ книгахъ—забыли послать: разсыльщики добиваютъ челомъ у обиженнаго, царь гнѣвается на дворецкаго, окольничаго, а ключникамъ тюрьма на цѣлый день. Сыщутъ въ книгахъ, что послано съ такимъ-то истопникомъ: истопника

къ допросу, куда дѣвалъ? Или самъ съѣлъ, или въ грязь уронилъ, или пролилъ: истопника передъ дворцомъ бьютъ батогами. Каждый день на государевъ столъ и подачи расходится больше 3,000 блюдъ. Однихъ рыбныхъ запасовъ изойдетъ въ годъ больше, чѣмъ на 100,000 рублей. Большое количество запасовъ доставляютъ дворцовыя волости: они шлютъ рожь, овесъ, пшеницу, просо, конопли, живыхъ барановъ, свиныя мяса, куръ, яица, сыры, коровье масло, хмѣль, обязаны доставлять также извѣстное число вожжей посконныхъ, лыкъ, кулей рогожныхъ, хомутовъ съ гужами, супонями и шлеями, оглобли санныя и телѣжныя, дуги, дрова, сѣно. На житномъ дворѣ 300 житницъ: свозятъ въ нихъ хлѣбъ всякаго рода изъ дворцовыхъ селъ, изъ понизовыхъ городовъ съ полей, что̀ сѣется на царя; и хлѣбъ этотъ не для одного царскаго обихода, его раздаютъ въ жалованье духовенству, дворовымъ и другихъ чиновъ людямъ, стрѣльцамъ. Берутъ хлѣбъ съ житнаго двора, отдаютъ молоть по царскимъ мельницамъ въ Москвѣ и по селамъ, везутъ на хлѣбный дворъ, и здѣсь, кромѣ того, что идетъ на дворецъ, пекутъ хлѣбы и калачи опять въ раздачу всякимъ людямъ. Для смѣтаны, молока и сыровъ устроенъ подъ Москвою коровій дворъ, на которомъ 200 коровъ, въ ближнихъ селахъ также коровьи дворы; коровы покупались у Архангельска, на Холмогорахъ и въ уѣздахъ платили отъ двухъ рублей съ алтыномъ до 6 рублей[36]. Свѣжіе плоды для дворцоваго обихода шли изъ государевыхъ садовъ, которыхъ было слишкомъ 50 въ Москвѣ, окрестностяхъ и по городамъ. Въ однихъ только Московскихъ садахъ было: 14,545 деревъ яблонныхъ; 494 груши; 2,994 дерева вишень; 72 гряды малины; 14 кустовъ винограду; 192 сливы; 260 грядъ да 252 куста смородины красной; 74 гряды черной[37]. Если запасовъ, привозимыхъ изъ дворцовыхъ волостей, не стаетъ, уговариваются ставить ихъ уговорщики (подрядчики). Но иногда покупаютъ ихъ по разнымъ мѣстамъ прямо изъ дворца. Понадобятся орѣхи, четвертей 200, отправляются закупать ихъ трое стряпчихъ хлѣбеннаго дворца, ѣдутъ въ Тулу, Калугу, Кашинъ, Юрьевъ Польскій, Переславль-Залѣсскій, въ уѣзды этихъ городовъ по торгамъ и малымъ торжкамъ, къ воеводамъ посылаются грамоты, чтобъ готовы были цѣло-

вальники для выбора орѣховъ и отвозки ихъ въ Москву, дьячки для письма, стрѣльцы, пушкари и разсыльщики для разсылки, чтобы готовы были анбары, куда ссыпать орѣхи до отвоза въ Москву, сторожа для береженья. Съ такими же церемоніями покупалось конопляное масло въ Калугѣ и въ уѣздѣ[38]. Въ Можайскѣ и Вязьмѣ у посадскихъ и всякихъ чиновъ людей, также въ уѣздахъ, въ помѣщичьихъ и крестьянскихъ садахъ покупались яблоки, груши, дули, сливы и вишни, устроивались въ бочки, наливались патокою, сливы солились и отпускались въ Москву. Виноградъ привозили изъ Астрахани, просто и въ патокѣ; у государя въ Астрахани были свои виноградные сады: старый садъ, который строили Русскіе люди въ 1647 году, два сада, которые завелъ Голштинецъ Яковъ Давыдовъ, садъ, заведенный Французомъ Посказаюсомъ (!) Подовинымъ (Poitevin?), садъ, купленный у Ушакова, 9 садовъ взятыхъ на государя. Астраханцы не смѣли продавать винограду изъ садовъ своихъ до государева указа, и торговые люди не смѣли у нихъ покупать подъ страхомъ жестокаго наказанья. Были большія хлопоты, чтобъ въ Астрахани и по Терекѣ выдѣлывать вино на царскій обиходъ. Выписаны были иностранцы, и между ними Посказаюсъ Подовинъ, и учили винодѣлію Русскихъ людей. Въ 1658 году было прислано изъ Астрахани въ Москву на обиходъ великаго государя 1206 ведеръ; въ 1659 году изъ винограда царскихъ садовъ прислано было вина 25 бочекъ. Для казеннаго двора надобился другой дорогой товаръ, который можно было добывать на югѣ, шелкъ: въ 1658 году прислано было 39 гривенокъ шелку сырцу, который сдѣлали въ Астрахани шелковые мастера, иноземцы, и Армяне. Обратили вниманіе и на марену: приказано было, чтобъ Русскіе люди продавали ее въ казну, а казна будетъ продавать ее въ Персію. Въ 1673 году гетманъ Самойловичъ, по царскому требованію, присылалъ въ Москву Малороссіянъ, чтобъ указали, на какой землѣ и въ какое время сѣять анисъ, Малороссіяне были отправлены въ Нижнеломовскія и Шацкія мѣста[39].

Конюшенный приказъ прежде вѣдалъ бояринъ конюшій, первый бояринъ по чину и чести; въ XVII вѣкѣ это званіе уничтожили, и сталъ вѣдать конюшенный приказъ ясельничій, да

дворянинъ, да дьяки; въ конюшенномъ вѣдомствѣ считалось больше 40,000 лошадей.

Понятно, что не могло сидѣть никакого боярина въ приказѣ тайныхъ дѣлъ; этотъ приказъ устроилъ себѣ царь Алексѣй Михайловичь для переписки, о которой онъ не хотѣлъ чтобы всѣ знали, былъ тутъ дьякъ да нѣсколько подьячихъ; но въ этомъ приказѣ вѣдались также дѣла, которыя особенно занимали царя: вѣдалось гранатное дѣло и мастера этого дѣла, вѣдалась любимая царская потѣха — птицы, кречеты, ястребы. На кормъ этимъ хищникамъ шли голуби, для голубей былъ устроенъ особый дворъ, на которомъ было голубиныхъ гнѣздъ больше 100,000. И эти невинныя птицы также вѣдались въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, который, по имени, долго считали чѣмъ-то очень страшнымъ, въ которомъ думали видѣть что-то въ родѣ тайной канцеляріи.

Посольскій приказъ, который «вѣдалъ дѣла всѣхъ окрестныхъ государствъ», долго не имѣлъ большой важности, потому что дѣла по сношеніямъ съ иностранными державами рѣшались у государя на верху съ боярами и думными людьми; для переговоровъ съ иностранными послами назначались также изъ бояръ и думныхъ людей, слѣдовательно посольскій приказъ былъ только канцеляріей боярской думы по иностраннымъ сношеніямъ, и въ немъ сидѣлъ думный дьякъ. Только со временъ Андрусовскаго перемирія иностранныя сношенія были поручены одному боярину, именно Ордину-Нащокину, который получилъ пышный титулъ «Великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ и государственной печати сберегателя», т. е. канцлера. Аѳанасій Лаврентьевичь, по своему западному взгляду, имѣлъ высокое понятіе о посольскомъ приказѣ, называлъ его окомъ Россіи, въ томъ значеніи, что иностранцы по немъ судятъ о цѣломъ государствѣ и народѣ, и требовалъ отъ служащихъ въ немъ, отъ дьяковъ, соотвѣтственнаго этому значенію поведенія, требовалъ, чтобъ дьяки не мѣшали кабацкихъ дѣлъ съ посольскими и были воздержнѣе въ своихъ рѣчахъ съ иностранцами. Но какъ же имъ было исполнить первое требованіе, когда съ посольскимъ приказомъ, подъ вѣдѣніемъ посольскаго думнаго дьяка, былъ соединенъ приказъ—Новгородская четверть, въ

которомъ вѣдались города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и другіе поморскіе и пограничные города, сборъ съ нихъ всякихъ доходовъ, а съ 1667 года съ посольскимъ приказомъ былъ соединенъ не только приказъ Малороссійскій — это было прилично[40], но также приказы или чети (четверти) Владимірская и Галицкая.

Дѣла подлежавшія вѣдѣнію помѣстнаго приказа ясны изъ самаго его названія. Служебными назначеніями, военными и гражданскими завѣдывалъ Разрядный приказъ, потому что различія между обѣими службами не было: тѣ же самыя лица назначались одинаково въ ту и другую. Но такъ какъ въ послѣдствіи появились особые разряды войска, то для ихъ вѣдѣнія явились и приказы: Стрѣлецкій, Рейтарскій, Пушкарскій, Иноземный, вѣдавшій иноземныхъ служебныхъ людей. Приказъ Большой Казны вѣдалъ гостей, гостиной и суконной сотенъ торговыхъ людей, серебрянаго дѣла мастеровъ и многихъ городовъ торговыхъ людей, также денежный дворъ. Большой Приходъ собиралъ доходы въ Москвѣ и другихъ городахъ съ лавокъ, гостиныхъ дворовъ, съ погребовъ, съ мѣры, таможенныя пошлины. Счетный приказъ вѣдалъ приходъ и расходъ всего Московскаго государства. Разбойный приказъ вѣдалъ уголовныя дѣла всего Московскаго государства. Для гражданскаго суда въ дѣлахъ служилаго сословія два судныхъ приказа — Московскій и Владимірскій. Приказы, вѣдавшіе извѣстныя области, были: Приказъ Казанскаго дворца, Сибирскій приказъ, приказъ княжества Смоленскаго, Новгородская четверть, Владимірская четверть, Устюжская четверть, Костромская четверть, Галицкая четверть. Всѣхъ приказовъ было больше сорока. Доходу въ нихъ приходило со всего государства 1,300,000, кромѣ Сибирской казны. Подлѣ обширныхъ приказовъ, въ которые стекались разнородныя дѣла, видимъ приказъ панафидный, въ которомъ вѣдомо было поминовеніе по усопшихъ царяхъ; аптекарскій, въ которомъ вѣдомы были аптека и медики иностранные, 30 человѣкъ, и русскіе ученики ихъ — человѣкъ съ 20. Приходъ сбора стрѣлецкаго хлѣба — особый приказъ; кромѣ приказа каменныхъ дѣлъ былъ еще особый приказъ каменныхъ житницъ.

Приказы были наполнены подьячими, которые дѣлились на старыхъ, середней статьи и молодыхъ, разница въ жалованьи была въ иномъ приказѣ отъ 40 рублей до 2, въ другомъ отъ 65 до 4, въ третьемъ отъ 50 до 5, въ иномъ отъ 20 до 1. Нѣкоторые подьячіе получали помѣстный окладъ по 350 и 250 четвертей. Кромѣ подъячихъ, получавшихъ жалованье, верстаныхъ, были еще служившіе безъ жалованья, изъ однихъ доходовъ, не верстаные, которые раздѣлялись на старыхъ и молодыхъ. Неверстаныхъ въ иномъ приказѣ было не мало,—доказательство, что можно было быть сытыми и безъ государева жалованья изъ одной писчей деньги: такъ наприм. въ разрядномъ приказѣ было 74 подьячихъ верстаныхъ и 33 не верстаныхъ.

Бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки засѣли по приказамъ; но много еще остается служилыхъ людей не такъ знатныхъ, которымъ нѣтъ мѣста въ приказахъ, а покормиться надобно, бьютъ челомъ въ воеводы покормиться, челобитная исполнена. Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство,— и честь большая, и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы, радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня — ключники, подклѣтные—будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята— и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый (блаженный), живущій во дворѣ: ему также будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу. Вотъ вдали уже видна соборная церковь города.

Всѣ Русскіе города, съ перваго взгляда, были похожи другъ на друга. Въ серединѣ самый городъ, т. е. крѣпость, очень рѣдко каменная, обыкновенно деревянная; въ иномъ городѣ городовой мастеръ, Голландецъ, сдѣлалъ земляной валъ[40]. Въ городѣ соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидитъ воевода, судитъ и рядитъ, передъ которой бьютъ на правежѣ неисправныхъ плательщиковъ; губная изба для уголовныхъ дѣлъ; казенный погребъ или анбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна, тюрьма, одна или нѣсколько, святительскій дворъ, воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и вот-

чинниковъ, въ которые они переѣзжаютъ во время непріятельскаго нашествія. За стѣною посадъ, здѣсь большая площадь, гдѣ въ торговые дни ставятся съ хлѣбомъ и со всякимъ товаромъ. На площади земская изба, средоточіе мірскаго управленія, гдѣ сидятъ земскіе старосты съ посадскими людьми, гостиный дворъ, таможня, кружечный дворъ, конская изба; далѣе идутъ дворы тяглыхъ людей: «на дворѣ изба (теплое жилье), да баня съ передбанникомъ, да клѣть съ подклѣтомъ, да подпогребница:» все это нехитрое строеніе [43] стоитъ иногда три рубля. Зимою въ избѣ тепло, но лѣтомъ въ иныхъ городахъ бывало очень холодно. Наступитъ весна, проглянетъ нѣсколько теплыхъ дней, по городу и посаду уже ходятъ бирючи и кричатъ: «заказано накрѣпко, чтобы избъ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить, подѣлайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ, отъ вѣтру печи огородите и лубьями ущитите гораздо.» По воеводскому приказу запечатаютъ избу и баню, надобно жить въ клѣти; завернутъ холода, а во многихъ мѣстахъ они завертывали часто, люди трясутся отъ холода, иному и горячимъ согрѣться нельзя, печь въ огородѣ развалилась, а новой складь нельзя: нѣтъ ни одного каменьщика и кирпичника, всѣ выгнаны въ Москву на работы городовыя и царскія. Ни щей сварить, ни хлѣба испечь негдѣ, и отъ той стужи и отъ хлѣбной нужи расходятся люди отъ своихъ домовъ, живутъ по волостямъ и деревнямъ.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтями виднѣются церкви, вообще тоже нехитраго строенья, иныя каменныя, но больше деревянныя; подлѣ церквей домы священниковъ и причта; прихожане выбираютъ священника, выберутъ и возьмутъ съ него запись: «Призвали они меня попа (такого-то) полюбовно и челобитную за руками (архіерею) о мнѣ подали, и мнѣ попу служить изъ церковнаго дохода мірскаго поданія, да мнѣ жъ попу быть послушну къ болямъ и къ рожаницамъ и ко всякой духовной потребѣ, и въ церковь Божію я за церковное мѣсто никакихъ денегъ не далъ и церковнаго мѣста не купилъ, и, служа мнѣ въ той церкви, строенія церковнаго и всякой утвари своимъ не называть и до церковныхъ

свѣчъ и до огарковъ и до денежнаго церковнаго сбору дѣла нѣтъ, и того церковнаго мѣста мнѣ попу не продать и не заложить и на свое имя не справить и ни въ какія крѣпости не укрѣпить и по умертвіи моемъ женѣ моей и дѣтямъ и роду моему и племени до того церковнаго мѣста дѣла нѣтъ, а церковниковъ мнѣ безъ мірскаго вѣдома одному не принимать и не отказывать; а буде я противъ сей записи въ чемъ-нибудь не устою, и имъ прихожанамъ, съ докладу (архіерея) мнѣ отъ церкви и отъ церковнаго мѣста отказать.» Подобныя записи объясняются жалобами, что священники подбирали церковниковъ подъ свою руку и церковную казну называли своею. При церквахъ же находились богадѣльни, или домы нищей братіи. Около каждой церкви кладбище; въ концѣ города убогій домъ, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертію преступниковъ, людей, умершихъ въ государевой опалѣ, также опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ [44].

Воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода сдаетъ ему крѣпостное строеніе, зданія, оружіе, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматриваетъ все по описямъ, считаетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, провѣряетъ списки служилыхъ, посадскихъ и жилецкихъ людей, ихъ дѣтей и братью и племянниковъ, которые въ возрастѣ, сосѣдей и захребетниковъ. Воевода привезъ съ собою длинный царскій наказъ, гдѣ исчислены всѣ его обязанности, какъ онъ долженъ промышлять государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобъ все государево было цѣло, чтобъ вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобъ въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, бою, грабежа, корчемства, распутства; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать и, по сыску, наказывать. Воевода судитъ и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Воевода смотритъ, чтобъ всѣ доходы государевы доставлялись сполна съ города, изъ уѣзда. Вторымъ лицомъ послѣ воеводы былъ губной староста, вѣдавшій дѣла уголовныя: его выбирали всѣхъ чиновъ люди изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Иногда впрочемъ губной староста безъ выборовъ назначался правительствомъ. Но были лица, выбиравшіяся одними земскими людьми на мірскую службу. Главное между ними лицо — это земскій городовой и

всеуѣздный головной староста. Староста одинъ для города и уѣзда, потому что уѣздные крестьяне связаны съ посадскими людьми общими хозяйственными распоряженіями, сообща раскладываютъ подати, сообща кормятъ воеводу, который управляетъ городомъ и уѣздомъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этой связи между посадскими людьми и уѣздными крестьянами послѣдніе посылали въ земскую избу выборныхъ людей къ совѣту (волостныхъ третчиковъ). Какъ только выберутъ земскаго старосту, подьячій пишетъ запись и всѣ избиратели прикладываютъ руки; въ записи говорится: «Всѣ посадскіе люди выбрали и излюбили въ мірскую службу въ головные старосты такого-то: вѣдать ему въ мірѣ всякія дѣла и въ нихъ радѣть, а намъ мірскимъ людямъ его слушать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно и неволею къ мірскому дѣлу нудить, а ему міру никакой грубости не учинить, а что міру отъ его грубости учинится и ему собою поднимать.» Кромѣ головнаго старосты въ нѣкоторыхъ городахъ ему въ товарищи выбиралось еще нѣсколько земскихъ старостъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ посадскими и совѣтными отъ крестьянъ людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ окладчиковъ изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей, «добрыхъ и знающихъ людей, досужихъ, вѣдая чью отъ житія къ Богу душевную добродѣтель и правду, и которымъ бы такое окладное дѣло было въ обычай.» Въ земской же избѣ посадскіе люди выбираютъ цѣловальниковъ къ государеву дѣлу. Воеводѣ запрещено вступаться въ денежные сборы и въ мірскія дѣла, отнимать волю въ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ, запрещено складывать данный окладъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей безъ сыску и приговору мірскихъ людей; запрещено вмѣшиваться въ выборы; воевода только беретъ выборы по выборныхъ цѣловальникахъ за руками выборныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ, и послѣ не можетъ выборнаго цѣловальника перемѣнить или посадить въ тюрьму безъ вины, для своей корысти. Но по винѣ можетъ и перемѣнить и посадить въ тюрьму, потому что воевода обязанъ наблюдать, чтобъ земскіе старосты, цѣловальники и денежные сборщики, мужики богатые и горланы мелкихъ людей не обижали, лишнихъ

денегъ съ мірскихъ людей не сбирали. — Второй предметъ совѣщаній на сходкахъ въ земской избѣ—городовое хозяйство: такъ здѣсь приговаривали раздѣлить пахатную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ на извѣстное число лѣтъ впредь до мірскаго же раздѣла; при этомъ посадскіе люди приговаривали, что никто не смѣетъ отдать своего участка постороннему человѣку ни на одинъ годъ, ни на одно лѣто, если же отдастъ, то теряетъ свой участокъ, который отбирается въ міръ [45]. Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія или мѣстнаго начальства, или дать знать въ Москву: земскій староста здѣсь впереди, онъ представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ бьетъ челомъ «во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто.»

Тяжела была мірская служба головному старостѣ, потому что міръ составляли тяглые люди, а трудно было тянуть тягло въ Россіи XVII вѣка. Тяглый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ своему городу, потому что уйдетъ—платить перестанетъ, и міръ долженъ будетъ за него поднимать. Въ смутное время тяглецы разбѣжались, и при царѣ Михаилѣ правительство хлопотало о томъ, чтобъ возвратить ихъ на прежнее мѣсто жительства, ибо опустѣлые посады не могли ничего платить, а въ казнѣ не было денегъ. Уложеніе позволило оживщимся переселенцамъ не возвращаться на старыя мѣста; но, разумѣется, никакъ не могло позволить снова переходить изъ города въ городъ и избывать податей. Но если въ посадѣ, въ тяглѣ было тяжело, то понятно, что много было охотниковъ уйдти: въ 1658 году объявлена была смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, также за женитьбу и выдачу замужъ за посадъ безъ отпускной. «Бѣгутъ! вопятъ мірскія челобитныя царю: дворы брошены, пусты, намъ платить нельзя, помираемъ на правежѣ!» Правительство велитъ ловить, но гдѣ же было поймать бѣглеца въ странѣ, въ которой господствовали лѣсъ и степь? Постановленіе смертной казни за побѣгъ всего лучше показываетъ безсиліе мѣръ правительственныхъ.

Бѣгутъ, бросаютъ дворы—одна бѣда для міра. Но была еще другая. Приходятъ, селятся, строятъ домы, возникаютъ цѣлыя

слободы около посадовъ. Но это не тяглецы, не плательщики, это разорители, закладчики, заложились за архіереевъ и бояръ, торгуютъ, промышляютъ, а тягла не тянутъ и податей не платятъ. Опять пошли мірскія челобитныя, сначала оставались безъ отвѣта, потому что сильнымъ людямъ не хотѣлось терять закладчиковъ; и только послѣ Московскаго бунта, когда были поданы снова на соборѣ, уложеніе постановило: «архіерейскія, боярскія и всякихъ чиновъ людей слободы, устроенныя въ городахъ на посадскихъ земляхъ, взять въ посадъ безповоротно; не строй на государевой землѣ слободъ и не покупай посадской земли. Вотчины и помѣстья, которыя на посадахъ и около посадовъ, взять за государя и устроить къ посадамъ податьми и службами, а вотчинникамъ и помѣщикамъ дать взамѣнъ изъ государевыхъ селъ. Кто посмѣетъ закладываться за частныхъ людей, тѣмъ кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; кто приметъ закладчика, тому быть въ великой опалѣ; земли, гдѣ будутъ жить закладчики, брать на государя.» Предвидѣли лазейку и постарались ее закрыть; «у кого въ городахъ загородные дворы и огороды, тому держать на нихъ только одного дворника, а станетъ держать много крестьянъ и бобылей — брать за государя въ тягло.» Контръ-бунтъ закладчиковъ не состоялся. Но правительство было безсильно вполнѣ покончить борьбу за свои и мірскіе интересы съ интересами частныхъ людей; оно закладчику грозило кнутомъ и Сибирью, а принимавшему закладчика неопредѣленною великою опалою. Въ 1667 году правительство принуждено было высказаться болѣе опредѣленно, грозить отобраніемъ помѣстій и вотчинъ тѣмъ, которые снова принимаютъ къ себѣ отписанныхъ въ тягло закладчиковъ и крестьянъ[46]. Иногда городскіе тяглецы платились за свое торжество, что по ихъ челобитью возвращали къ нимъ ихъ бѣглыхъ собратій съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ. Изъ города Луха бѣглые тяглецы принимались въ селѣ Мыту, принадлежавшемъ князю Рѣпнину. По уложенію ихъ вывезли опять въ Лухъ. Прикащикъ Рѣпнинскій въ Мыту, Шибаевъ, да изъ крестьянъ тамошнихъ двое братьевъ Стрѣловыхъ не упускали случая мстить на Лушанахъ за это правительственное распоряженіе.

Въ Тихоновой пустынѣ на ярмаркѣ сидѣло трое Лушанъ за пряниками, мыломъ и ягодами; откуда ни возьмись Шибаевъ съ своими крестьянами; пряники, мыло и ягоды полетѣли на землю, а продавцы едва успѣли убѣжать по здорову, потому что Мытовскіе крестьяне гнались за ними съ ножами. Въ другой разъ Шибаевъ явился на ту же Тихоновскую ярмарку съ большою вооруженною толпою, велѣлъ хватать Луховскихъ посадскихъ людей и приводить къ себѣ; тѣ, заслышавъ приказъ, побросали товары и бѣжать, но двоихъ покололи ножами, товары пропали. Въ третій разъ, во время Тихоновской же ярмарки, когда всѣ Лушане были здѣсь, и въ городѣ оставались только старый да малый, Шибаевъ съ семидесятью вооруженными крестьянами пріѣзжаетъ въ Лухъ и прямо къ съѣзжей избѣ, кричитъ, что убьетъ воеводу; отъ съѣзжей избы поѣхалъ на кабакъ, разбилъ здѣсь чуланы, требуя даромъ вина; потомъ сталъ ѣздить по посаду, крича: «Бейте, рѣжьте посадскихъ людей до смерти!» Женщины отъ страху бросились бѣжать въ лѣса, беременныя выкинули. Мимо села Мыта Лушанинъ не смѣлъ проѣхать, а тутъ шла большая Нижегородская и Балахонская дорога, слѣдовательно Лухъ былъ запертъ, жителямъ его некуда было ѣздить торговать[47].

Бѣда приходила иногда на городскихъ тяглецовъ и отъ своей братьи, богатыхъ торговыхъ людей Московскихъ: при царѣ Михаилѣ гостиная сотня обратилась къ правительству съ просьбою о пополненіи, и государь велѣлъ пополнить ее лучшими людьми изъ слободъ. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ 1647 году гостиная сотня опять била челомъ, что въ ней многіе люди померли, а другіе обѣдняли отъ государевыхъ службъ, служить стало некому, и государь велѣлъ пополнить гостиную сотню лучшими людьми изъ Московскихъ черныхъ сотенъ и изъ городовъ. Но въ 1648 году, воспользовавшись бунтомъ и уступчивостію правительства, земскіе люди изъ городовъ били челомъ, чтобъ имъ отдали назадъ ихъ братью, взятую въ гостиную сотню; государь согласился, а гостиная сотня, какъ сама призналась, бить челомъ не посмѣла въ то смутное время за боязнью. Но въ слѣдующемъ году, когда все утихло, страхъ прошелъ, гостиная сотня

подала снова челобитную о прибавочныхъ людяхъ. По окладнымъ спискамъ оказалось, что гостей было въ это время только 13 человѣкъ, гостиной сотни лучшихъ, среднихъ и худыхъ 158, тогда какъ до Московскаго разоренья было 350 семей; въ суконной сотнѣ оказалось 116 человѣкъ. Изъ этого извѣстія всего лучше можно видѣть, какія слѣдствія для торговаго Русскаго сословія имѣло смутное время, Московское разоренье, послѣ котораго торговые люди въ продолженіе XVII вѣка уже не могли поправиться [48]. Вслѣдствіе войны съ Польшею въ Москвѣ оказалось много плѣнныхъ Бѣлоруссовъ, мѣщанъ — имя, до сихъ поръ неизвѣстное въ Великой Россіи; по Андрусовскому перемирію они получили свободу, но пожелали остаться въ Москвѣ. Сперва ихъ роздали въ тягло по чернымъ сотнямъ и слободамъ, но въ 1671 году велѣно за Срѣтенскими воротами построить для нихъ новую слободу, которая получила названіе Мѣщанской, и мѣщане взяты въ вѣдомство Малороссійскаго приказа [49].

Трудно было выйдти изъ посаду, изъ тягла на волю, въ нетяглые люди. Быть можетъ оставалась возможность выхода въ служилые люди, въ которыхъ также нуждалось правительство? Но еще въ самомъ началѣ Московскаго государства надобность въ тяглыхъ людяхъ, въ плательщикахъ была, какъ видно, также велика, какъ и въ служилыхъ, еще тогда князья въ своихъ договорахъ повторяютъ постоянно условіе вѣдать тяглыхъ людей сообща и въ службу къ себѣ не принимать. Въ XVII вѣкѣ, послѣ разоренья, нужда въ тяглыхъ людяхъ не могла уменьшиться, и правительство не позволяетъ выхода изъ тяглыхъ въ служилые, велитъ набирать въ послѣдніе вольныхъ, охочихъ людей, а не тяглыхъ. Если тяглый человѣкъ пойдетъ охотою въ стрѣльцы, то велѣно возвращать его назадъ въ тягло съ двумя сыновьями, и только третій сынъ оставался въ стрѣльцахъ. Исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ людей, которые пошли въ козаки до Смоленскаго похода, т. е. до начала Польской войны при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Если правительство не позволяло тяглецамъ вступать въ военную службу, то тѣмъ менѣе могло позволить имъ выходить въ подьячіе; оно готово было позволить имъ кормить-

ся перомъ, но съ условіемъ не выходить изъ тягла. Въ 1668 году двое посадскихъ изъ Вологды били челомъ: «мы оскудѣли отъ пожаровъ и отъ мѣдной деньги, торговать, промышлять и кормиться стало нечѣмъ, а кормятся на Вологдѣ въ писчей избушкѣ площаднымъ письмомъ посадскіе оскудалые люди: вели, государь, намъ кормиться площаднымъ письмомъ съ площадными подьячими вмѣстѣ и выписныя деньги съ ними дѣлить поровну, чтобъ намъ впредь твоихъ податей и службъ не отбыть и въ конецъ не погинуть.» Позволено, «если прежде оскудалые люди на площади писывали, а тягло тянуть съ посадскими людьми.» Эти площадные подьячіе писали въ своей писчей избушкѣ всякія крѣпости и постороннія письма. Надъ площадными подьячими былъ староста, который долженъ былъ смотрѣть, чтобъ всякія крѣпости и постороннія письма писали съ его вѣдома, и работныхъ людей помѣчали имена и вершили на площади, и по помѣткамъ безъ записей задаточныхъ денегъ торговые люди не давали, давали бъ въ то время, какъ записи совершены и поданы будутъ въ приказной палатѣ (съѣзжей избѣ). Староста долженъ былъ смотрѣть за площадными подьячими, чтобъ кто воровски не написалъ какихъ подставныхъ заочныхъ крѣпостей, также чтобъ вмѣсто записей торговымъ людямъ книгъ наемныхъ съ поруками не писали, чтобъ въ томъ пошлина не пропадала; на ослушниковъ староста долженъ подавать докладныя письма за руками въ приказной палатѣ, и тѣмъ людямъ отъ площади будетъ отказано. Назначались эти старосты такимъ образомъ: площадные подьячіе подадутъ челобитную, что староста ихъ устарѣлъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ быть у нихъ старостою такому-то, и великій государь указывалъ быть такому-то старостою. Въ малыхъ мѣстахъ, въ слободахъ площадное письмо отдавалось на откупъ одному какому-нибудь человѣку [50].

Тѣ самыя крѣпостныя отношенія, которыя существовали у насъ до послѣдняго времени относительно крестьянъ и дворовыхъ людей, въ старину существовали относительно посадскихъ или тяглыхъ людей, крѣпкихъ своему городу: такъ, женится вольный человѣкъ на тяглой вдовѣ и пойдетъ къ ней въ домъ; женится вольный человѣкъ на посадской дѣвицѣ и пой-

детъ къ тестю въ домъ—тотъ и другой прикрѣпляются къ городу въ тяглые люди.

Служилый человѣкъ долженъ былъ служить, посадскій тяглый платить на содержаніе, на жалованье ратнымъ людямъ; такое первоначальное отношеніе между двумя частями народонаселенія длилось вѣка и условило основный взглядъ ихъ другъ на друга: военный смотрѣлъ на посадскаго или на крестьянина, какъ на человѣка, котораго трудъ и сбереженія этого труда имѣли непосредственное назначеніе кормить его, ратнаго человѣка. Седьмая глава уложенія о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства начинается такъ: «Съ Польскимъ, и съ Литовскимъ, и съ Нѣмецкимъ, и съ иными окрестными государствы, у государя царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея Россіи вѣчный миръ и докончаніе. А будетъ которыми мирами съ которымъ государствомъ у Московскаго государства война зачнется, или въ которое время изволитъ государь кому своему государеву недругу мстити недружбу и укажетъ послать на нихъ своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ, и съ ними всякихъ чиновъ ратныхъ людей, и для той службы велитъ государь своимъ государевымъ ратнымъ людямъ всего Московскаго государства дати свое государево жалованье, и на то государево жалованье ратнымъ людямъ деньги сбирати со всего Московскаго государства.»

Черезъ пять лѣтъ по изданіи этого постановленія, въ которомъ высказывался только извѣчный обычай, началась война и продолжалась до конца царствованія Алексѣя Михайловича и перешла въ царствованіе его преемника; пошли войны и съ Польскимъ, и съ Нѣмецкимъ (Шведскимъ) государствами, и съ Черкасами, и съ Татарами, и съ Турками, и съ Разинымъ, и съ Соловецкими бунтовщиками. Легко понять положеніе тяглыхъ людей.

Пріѣхали въ города выборные, бывшіе въ Москвѣ на соборѣ, и привезли извѣстіе: рѣшено — быть войнѣ. Въ уложеніи уже опредѣлено, какое непосредственное слѣдствіе этого рѣшенія: сборъ денегъ. Указъ не замедлитъ придти—сбирать пятую или десятую или двадцатую деньгу; идутъ тяглые люди и «по святой непорочной евангельской заповѣди Христо-

вѣ» говорятъ вправду, что̀ каждому доведется заплатить отъ животовъ и промысловъ. Утаить нельзя: товарищи торговые люди знаютъ торговлю и промыслы каждаго, скажутъ и положатъ, что̀ доведется взять. Съ начала Польской войны при царѣ Алексѣѣ собирали сперва двадцатую деньгу, потомъ десятую въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а въ 1662 и 3 годахъ собирали пятую деньгу [51]. Кромѣ денегъ брали натурою на кормъ ратнымъ людямъ муку ржаную, сухари, крупы, толокно; брали подводы подъ военные снаряды, брали съ 60 дворовъ по лошади съ проводникомъ, телѣгою и со всею упряжью, со всѣми путевыми припасами. Это были платежи чрезвычайные, на случай войны; постоянно тяглые люди платили: дани и оброки; деньги на выкупъ плѣнныхъ (съ двора по 8 денегъ, съ дворовъ служилыхъ людей по 2 деньги); стрѣлецкія деньги; ямскія деньги; деньги на кормъ воеводамъ; въ подмогу подьячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ и тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; пролубныя деньги—за позволеніе зимою въ пролубяхъ воду черпать, платье мыть и скотъ поить. Тяглые люди обязаны были строить и чинить крѣпости въ городахъ; обязаны были строить мосты [52]. Въ 1658 году, когда война усилилась, начали искать повсюду средствъ, какъ бы увеличить доходы, какъ бы заставить платить тѣхъ, которые еще не платили. Пошли грамоты по городамъ: переписать бобылей, пѣшковъ и захребетниковъ, которые службъ никакихъ не служатъ, податей не платятъ, живутъ въ бѣлыхъ. Поднялся вопль между бобылями, пошла челобитная: «развѣ мы, сироты твои, безданны! Съ 1624 года каждый годъ платимъ въ казну окладнаго оброка съ дворовъ и съ пустыхъ мѣстъ по 2 рубля по 10 алтынъ; въ Смоленскую службу платили мы по 2 рубля съ двора, да платимъ по 8 алтынъ по 2 деньги съ двора за хлѣбные запасы; да съ тѣхъ же дворовъ платимъ по 6 алтынъ по 4 деньги съ воротъ; да по 8 денегъ съ двора, плѣнникамъ на выкупъ, да за подводы даточнымъ на годъ по рублю съ двора; да въ прошлыхъ же годахъ платили мы съ посадскими людьми въ рядъ съ прожиткомъ своихъ и животовъ десятую деньгу [53].

Для примѣра, сколько сходило въ казну денегъ съ города, возьмемъ среднiй по богатству городъ, именно Устюгъ Великiй: съ него въ 1670 году «оброку и пошлинъ, за намѣсничь кормъ, за присудъ, за пошлинныхъ людей доходъ, съ сохъ дани, за поминочные черные соболи, ямскихъ и приметныхъ денегъ, за городовое, засѣчное и ямчужное (селитряное) дѣло, за поплужную пошлину, соколья оброку, казначеевыхъ, дьячьихъ и подьячьихъ пошлинъ, за праветчикову поворотную пошлину, съ посаду, съ 11 сохъ и съ полполтрети сохи по окладу 321 рубль 13 алтынъ 5 денегъ. Да съ лавокъ и анбаровъ, съ лавочныхъ и анбарныхъ мѣстъ, съ хлѣбныхъ полковъ, съ харчевыхъ избъ, кузницъ, островковъ, нарей, присадъ, полянокъ, дворовыхъ пустыхъ мѣстъ, съ Пятницкаго сельца, съ новороспашныхъ деревень за посопный хлѣбъ оброку 81 рубль 12 алтынъ 5 денегъ. Таможенной пошлины 4,910 рублей; съ бани 44 рубля; съ кружечныхъ дворовъ 4,530 рублей[54].

Часть этихъ доходовъ истрачивалась тутъ же на постоянныя городскiя надобности или на какiя-нибудь чрезвычайныя издержки по приказу изъ Москвы. Въ иныхъ городахъ доходовъ не ставало на городскiя нужды. Изъ Великаго Новгорода прислали вѣдомость: «Съ Новгорода и Новгородскихъ пригородовъ, съ посадовъ и уѣзду, данныхъ и оброчныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ денегъ соберется по окладу 11,318 рублей, а въ расходъ въ В. Новгородѣ жалованья денежнаго стрѣльцамъ, козакамъ и инымъ оброчникамъ и на неокладные всякiе расходы придется дать 7,656 рублей, да хлѣбнаго жалованья стрѣльцамъ, козакамъ и всякимъ оброчникамъ по окладу 9,526 четвертей ржи, 7,224 четверти овса, 306 четвертей ячменя, а деньгами за хлѣбъ, противъ торговой меньшей цѣны, придется дать 4,705 рублевъ; всего на окладные и неокладные расходы и за хлѣбъ придется дать 12,362 рубля, кромѣ прибылыхъ расходовъ.» Надобно было урѣзать расходы: отняли жалованье у головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ и у городоваго прикащика (потому что все это помѣщики); у пятидесятниковъ и десятниковъ стрѣлецкихъ убавлено жалованье; у подьячихъ убавлено жалованье, и убавленное велѣно давать только тѣмъ, у которыхъ нѣтъ помѣстiй; пушкарямъ за денежное и хлѣбное жало-

ванье велѣно ходить въ съѣзжихъ избахъ въ приставахъ, ихъ же и въ уѣзды посылать, а приставовъ уничтожить; казеннымъ кузнецамъ и плотникамъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не давать, а какъ будетъ государево дѣло, и имъ тогда давать поденный кормъ; у сторожей съѣзжей избы и воротниковъ отнято хлѣбное жалованье: но и за этою убавкою все доходовъ въ расходъ не достало на 1,044 рубля. Со Пскова и Псковскихъ пригородовъ собиралось 13,329 рублей, а жалованья должно было дать 15,387 рублей, недоставало 2,059 рублей. Вслѣдствіе этого донесенія указъ: Новгородскихъ и Ладожскихъ козаковъ за жалованье можно устроить землями, въ Новгородскомъ уѣздѣ порожнихъ земель много; уменьшить жалованье подьячему въ Ладогѣ на половину и т. д. [55]

Составлена смѣта, что доходовъ соберется «иметца собрати» столько-то: а если не соберется? если нѣкоторые посадскіе люди объявятъ, что не въ состояніи заплатить? Тогда правежъ; но иные крѣпки, перенесутъ удары и не заплатятъ; на этотъ случай у праветчиковъ наказъ: «Если посадскіе люди на правежу начнутъ отстаиваться и денежныхъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворы ихъ, лавки и имѣніе отписать на великаго государя» [56].

Но не одни подати и чрезвычайные сборы тяжело лежали на посадскихъ людяхъ; у нихъ были еще службы, которыя кромѣ того что отнимали время отъ промысловъ, часто также обѣщали правежъ въ награду. Самая тяжкая по отвѣтственности служба для посадскихъ людей была служба въ вѣрныхъ (присяжныхъ) головахъ и вѣрныхъ цѣловальникахъ при продажѣ вина отъ казны. Въ 1652 году, государь, по совѣту съ духовенствомъ и думными людьми, указалъ: «во всѣхъ городахъ, гдѣ были прежде кабаки, быть по одному кружечному двору, продавать вино въ ведра и кружки, чарку сдѣлать въ три чарки и продавать по одной чаркѣ человѣку, а больше чарки одному человѣку не продавать; питухамъ на самомъ кружечномъ дворѣ и близь двора сидѣть и пить не позволять, ярыжкамъ, бражникамъ и зершикамъ (игрокамъ въ зернь) на кружечныхъ дворахъ не быть. Въ Великій постъ, Успенскій, даже и по воскресеньямъ вина не продавать, въ Рождественскій и Петровъ

посты не продавать по середамъ и пятницамъ. Духовенство бѣлое и черное не пускать и вина имъ не продавать. Въ селахъ быть кружечнымъ дворамъ только въ большихъ. Быть кружечнымъ дворамъ на вѣрѣ, выбирать на нихъ лучшихъ людей за крестнымъ цѣлованьемъ.»—Какую выгоду получала казна отъ продажи вина, видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году, казнѣ стоило 20 алтынъ, а продавалось по рублю; по кружкамъ ведро вина на кружечномъ дворѣ стоило рубль 16 алтынъ 4 деньги, по чаркамъ 2 рубля. Пиво въ вареньи стоило по семи денегъ ведро, а продавалось по два алтына ведро. Пудъ меду покупали по рублю, выходило изъ пуда 7 ведеръ, каждое продавали по 6 алтынъ по 4 деньги. Винокуры иногда выписывались изъ Малороссіи[57]. Лучшимъ посадскимъ людямъ позволялось курить у себя на дому вино въ небольшомъ количествѣ, ведра по два, по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ—свадьбы, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ людямъ вина курить не позволялось, могли они къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, давши знать объ этомъ на кружечномъ дворѣ, что̀ называлось явкою, и заплативъ явочныя пошлины[58].

Но явятъ немного, а выкурятъ или сварятъ гораздо больше въ ущербъ казнѣ, даже станутъ продавать тайкомъ; узнаютъ объ этомъ на кружечномъ дворѣ — надобно накрыть врасплохъ и вынуть запрещенный товаръ: хлопоты большія, а дѣлать нечего, надобно смотрѣть зоркимъ глазомъ, потому что если къ концу года мало сбору, сейчасъ грозный запросъ, почему противъ прежнихъ лѣтъ мало собрано? вѣрный голова и цѣловальники должны отвѣчать своими деньгами, иначе правежъ. Потомъ нельзя всѣмъ отпускать на наличныя деньги, у многихъ часто денегъ нѣтъ, надобно вѣрить въ долгъ, къ концу года долги эти нужно собрать, ибо казна ждать не станетъ. Для сбора долговъ, для выимки питья нужно жить въ большихъ ладахъ съ воеводою, не щадить ему подарковъ въ царскіе дни, что̀ называлось «въ почесть для царскаго величества», не щадить подарковъ за обѣды, которые давалъ воевода, и за которые нужно было приглашеннымъ дарить хозяина; потомъ отвозить деньги въ Москву нельзя съ пустыми руками, дьяки и

подьячіе привяжутся. Одинъ цѣловальникъ разказывалъ: «Будучи у сбору на кружечномъ дворѣ, воеводамъ въ почесть для царскаго величества и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки и за обѣды харчемъ и деньгами носили не по одно время; а какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку въ почесть для царскаго величества харчемъ и деньгами носили не по одно время, да подьячему также носили, да молодымъ подьячимъ отъ письма давали же, а у отдачи денежной казны для отписки, для отпуску дьяку да подьячему харчемъ и деньгами носили же не по одно время, а носили въ почесть изъ своихъ пожитковъ, да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, а не изъ государевыхъ сборныхъ денегъ, и носили по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ»[59].

Кромѣ воеводъ и Московскихъ посылокъ тяжелы были кружечнымъ головамъ солдаты, которые безнаказанно буйствовали при отсутствіи дисциплины, при потачкѣ своихъ начальныхъ людей, при томъ состояніи общества, когда всякій сильный, вооруженный, могъ позволять себѣ все съ слабымъ, невооруженнымъ. Мы видѣли, что̀ могъ позволять себѣ въ городѣ какой-нибудь прикащикъ сосѣдняго села, тѣмъ болѣе солдаты. Въ постные дни, когда запрещено было продавать вино на кружечномъ дворѣ, солдаты являлись туда и начинали сами продавать свое вино изъ флягъ въ чарки людямъ, не желающимъ поститься; на дворахъ своихъ, гдѣ стояли постоемъ, продавали всякія пьяныя браги; на выимку къ нимъ ходить голова на смѣлъ: хвалились убить его до смерти; не смотря на запрещеніе, собирались на кружечный дворъ играть въ зернь и карты; питуховъ на кружечный дворъ не пускали, продавали имъ вино сами, цѣловальниковъ били до полусмерти[60]. Подрывъ питейному сбору страшный, а за все отвѣчаютъ голова и цѣловальники.

Другія службы посадскимъ людямъ были: въ головахъ и цѣловальникахъ при сборѣ таможенныхъ доходовъ; при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба[61]; въ подсудныхъ цѣловальникахъ къ пошлиннымъ и ко всякимъ денежнымъ сборамъ въ съѣзжей избѣ [62]; на конную площадь при сборѣ денегъ съ пятнанія лошадей; въ головахъ баннаго, перевознаго и мостоваго сбо-

ра; въ соцкихъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ для полиціи, и для извѣта всякихъ воровскихъ дѣлъ [63]. Земскій староста сзываетъ посадскихъ людей въ земскую избу; пришелъ царскій указъ, велѣно выбрать голову и цѣловальниковъ къ таможенному сбору; но кого выбрать? надобно выбрать людей съ состояніемъ, которые могли бы отвѣчать за недоборъ; но такихъ нѣтъ, кто былъ побогаче, тѣ выбраны на кружечный дворъ. Міръ рѣшилъ—слать челобитную къ царю, что выбрать некого, велѣлъ бы великій государь прислать голову изъ Москвы. Но изъ Москвы прислать некого, здѣсь свои службы, и въ городъ шлется другой указъ: выбрать къ таможенному сбору того же голову и цѣловальниковъ, которые выбраны и къ кабацкому сбору: такимъ образомъ одни и тѣ же посадскіе люди должны нести двѣ тяжелыя службы [64].

Мы видѣли, что посадскіе и уѣздные люди даютъ деньги на кормленіе воеводъ и подьячихъ. Земскій староста расходуетъ этими мірскими деньгами, каждый день вноситъ въ книгу, что̀ издержано. 1-го сентября несено воеводѣ: пирогъ въ пять алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ; подьячему пирогъ въ 4 алтына 2 деньги, другому подьячему пирогъ въ 3 алтына 4 деньги, третьему пирогъ въ 3 алтына 2 деньги. Воевода для новаго года позвалъ обѣдать, за эту честь надобно заплатить, и староста несетъ ему въ бумажкѣ 4 алтына, боярынѣ его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денегъ, боярскимъ боярынямъ 8 денегъ, жильцамъ верховымъ 6 денегъ. На другой день, 2-го сентября, опять староста идетъ къ воеводѣ, несетъ четверть говяжью въ 12 алтынъ 4 деньги, да щуку въ 6 алтынъ. Подьячему четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги. 3-го сентября староста несетъ воеводѣ щукъ на 19 алтынъ, да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 деньги, 100 свѣчъ сальныхъ — далъ 8 алтынъ 2 деньги, купилъ въ съѣзжую избу бумаги 5 десятей, заплатилъ 11 алтынъ 4 деньги. 5-го сентября воеводѣ четверть говяжью на 12 алтынъ 4 деньги; подьячему четверть говяжью въ 9 алтынъ 4 деньги; другому подьячему то же. 6-го сентября воеводѣ четверть говяжью. 7-го сентября староста и мірскіе посыльщики ходили обѣдать къ подьячему, отнесли въ бумажкѣ 16 алтынъ

4 деньги; женѣ его 8 алтынъ 2 деньги, матери его 3 алтына 2 деньги. 8-го сентября воеводѣ отнесено щукъ на 12 алтынъ. 9-го—воеводѣ четверть говяжья и подьячему столько же, 10-го—воеводѣ щуки. 11-го—опять обѣдъ у подьячаго: отнесено ему въ бумажкѣ 13 алтынъ 2 деньги, женѣ 6 алтынъ, матери 3 алтына, дочери 10 денегъ; на другой день 12-го числа ходили къ нему на похмѣлье, отнесли въ бумажкѣ 20 алтынъ. 12-го числа воеводѣ четверть говяжья. 14-го—воеводѣ рѣпы четверикъ на 3 алтына 4 деньги. 16-го—воеводѣ рыбы, щукъ и налимовъ на 11 алтынъ; подьячему рыбы на 3 алтына, да поставили почесть подьячимъ съѣзжей избы—вина и пива на 6 алтынъ 4 деньги. 17-го—на именины царевны Софіи воеводѣ пирогъ въ 5 алтынъ, и подьячимъ пироги; да воеводѣ и подьячему рыба. 19-го—воеводѣ четверть говяжья и т. д. [65].

Мы видѣли расходныя книги земскаго старосты; теперь заглянемъ въ росписи, что̀ издерживали мірскіе посыльщики, присылаемые въ городъ изъ волостей для платежа денегъ: «ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣба и калачей на 2 алтына, въ бумажкѣ денегъ три алтына, людямъ его далъ двѣ деньги. Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣбъ да калачъ въ 2 алтына, да мяса задь говяжью 26 алтынъ 4 деньги, да свиную тушу въ рубль, да баранью тушу 13 алтынъ; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтынъ, боярынѣ рубль, дворецкому 21 алтынъ, людямъ на весь дворъ 21 алтынъ, ключнику 10 денегъ, малымъ ребятамъ 2 алтына, деньщикамъ 2 алтына, подклѣтнымъ 3 алтына. Подьячему хлѣбъ да калачъ, деньгами 2 рубля съ полтиною, женѣ его 16 алтынъ, двоимъ племянникамъ рубль, людямъ на весь дворъ 10 алтынъ, ключнику 3 алтына, деньщику 2 алтына, привротнику алтынъ, малымъ ребятамъ 8 денегъ, блаженному 4 деньги. Приставамъ далъ всѣмъ въ братью 6 денегъ, да стоявъ на правежѣ далъ приставу 2 деньги, да когда платилъ деньги далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньги, да что писалъ книгу цѣловальникъ взялъ 2 деньги, да староста взялъ за сѣно, что̀ міромъ сулено воеводѣ, 4 гривны» [66].

Эти мірскіе расходы на воеводу и подьячихъ были дѣломъ

обыкновеннымъ, не возбуждали ропота и жалобъ; но иной воевода хотѣлъ кормиться уже слишкомъ сытно; въ земской избѣ слышались громкія жалобы, и наконецъ подьячій земской избы садился писать челобитную, билъ челомъ посадскій и всеуѣздный земскій старостишка во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто: «Пріѣхалъ воевода и взялъ съ насъ по пріѣздѣ 120 рублей денегъ, бралъ съ насъ всякій мѣсяцъ на хлѣбъ по 12 рублей, да хлѣба по четверти ржи, по четверти овса, по четверти ячменя съ сошки, итого по 99 четвертей на годъ, да по пяти и по шести пивъ, а всякое пиво становится по три четверти хлѣба; къ Рождеству Христову и къ Велику дни по полти мяса, итого по 126 полтей на годъ, да къ Петрову дни по барану съ сошки, да по 2,000 яицъ, да на всякій день мелкими припасами, мясомъ, рыбою и калачами, съ ямщиковъ по 30 рублей на годъ, да на всякія сутки сальныхъ свѣчъ по полуполтинѣ, да лошадямъ сѣна по 50 рублей на годъ; а земскихъ старостъ къ мірскимъ сборамъ и цѣловальниковъ и приставовъ и иныхъ ружниковъ намъ мірскимъ людямъ выбирать не давалъ, выбиралъ самъ собою тѣхъ, кто ему больше дастъ.»

Такую челобитную писалъ подьячій въ земской избѣ; а въ съѣзжей избѣ подьячій писалъ другую отъ воеводы на міръ: «Волостные посольщики денежные доходы платятъ оплошно, а съ правежу мнѣ говорятъ большимъ невѣжествомъ, чтобъ на нихъ не правилъ; однажды на правежѣ закричали на меня съ большимъ невѣжествомъ, забунтовались и съ правежу отъ съѣзжей избы сошли, отъ приставовъ отбились, приставовъ побили, на дворъ ко мнѣ приходили съ большимъ невѣжествомъ и похвалялись на меня всякими недобрыми дѣлами, а посадскій и всеуѣздный староста лаялъ меня....... и называлъ воромъ при многихъ людяхъ и государевыхъ доходовъ править не велитъ»[67].

Въ городахъ ближайшихъ къ Москвѣ воеводы и подьячіе кормились умѣреннѣе: челобитныя мірскихъ людей были доходнѣе до царя. Но въ городахъ дальнихъ, гдѣ именно было «до Бога высоко, до царя далеко,» кормленщики разнуздывались и этою разнузданностію вызывали самоуправство мірскихъ людей, ко-

торымъ также представлялось, что до Бога высоко, до царя далеко. Не повторяемъ разказа о возстаніяхъ мірскихъ людей отдаленныхъ городовъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича:[68] въ концѣ царствованія Алексѣя, въ 1673 году, жители Кайгородка, подъ предводительствомъ Аничка Ташкинова и Митьки Беркутова, воеводѣ Волкову въ денежныхъ доходахъ царскихъ отказали, приходили на воеводу бунтомъ и хотѣли убить, отъ воеводства отказали, приставовъ и цѣловальниковъ съ города свели. Правительство послало сотню стрѣльцовъ для утушенія бунта, и дѣло кончилось пытками и висѣлицами. Не отъ однихъ впрочемъ посадскихъ людей доставалось иногда воеводѣ, иногда посадскіе должны были выручать воеводу. Однажды въ Шуѣ на посадѣ раздался сполошный колоколъ; посадскіе сбѣжались и видятъ, что ихъ воевода Борковъ лежитъ чуть живой; ѣхалъ онъ изъ гостей вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ стряпчимъ Кашинцевымъ, человѣкомъ страшно задорнымъ, поссорились, подрались, и Кашинцевъ выдралъ у воеводы всю бороду безъ остатка[69].

Представителемъ міра предъ правительствомъ былъ земскій посадскій и всеуѣздный староста, выбранный міромъ. Тяжело отъ воеводы или отъ кого и отъ чего бы то ни было, староста бьетъ челомъ во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто. Онъ кормитъ воеводу и подьячихъ; но когда кормить становится тяжело, когда міръ начинаетъ волноваться, староста съ своими, за своихъ, староста лаетъ воеводу. Но не всегда бывали такіе бойкіе старосты; иногда староста соединялся съ воеводою и дѣйствовалъ противъ міра, противъ выгодъ своихъ избирателей, и мірскіе люди обращались къ правительству, били челомъ на своего старосту: «Въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинилъ большое дурно, въ денежныхъ приходахъ и расходахъ большую хитрость, а себѣ корысть; подговаривался къ воеводѣ и къ таможенному откупщику, пьетъ и ѣстъ съ ними безпрестанно и ночи просиживаетъ, на насъ воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и насъ продаютъ и убытчатъ: вели, государь, отъ насъ его вывесть»[70]. Противъ дурнаго старосты, избраннаго, у избирателей нѣтъ другаго средства, какъ просить пра-

вительство вывести его изъ города, потому что если смѣненный староста останется у нихъ, имъ будетъ плохо, потому что это обыкновенно человѣкъ богатый, сильный. Слабость общества, міра, предъ отдѣльнымъ лицомъ высказывалась и въ другомъ случаѣ: кто нибудь изъ мірскихъ людей начинаетъ дурно вести себя, міръ предвидитъ, какія бѣды могутъ произойдти отъ этого; напьется пьянъ, сдѣлаетъ какое нибудь дурно, подерется, убьетъ кого-нибудь до смерти, міръ будетъ отвѣчать, подлѣ воевода, подьячіе, которые ждутъ только того случая, какъбы понажиться на счетъ міра, постараются припутать къ дѣлу какъ можно большее число людей, и міръ бьетъ челомъ: «Жалоба намъ на посадскаго человѣка Короба: пьетъ и бражничаетъ безобразно, въ зернь и карты играетъ, жену свою бьетъ и мучитъ не по закону: вели его съ женою и дѣтьми съ посаду выслать вонъ, чтобъ намъ въ пенѣ и опалѣ не быть»[71]. Члены рода поступали точно такимъ же образомъ: били челомъ государю, что одинъ изъ родственниковъ ведетъ себя очень дурно и не унимается, не смотря на наказанія отъ старшихъ членовъ рода; родъ даетъ знать государю, чтобъ послѣ въ опалѣ не быть[72]. Слабость міра особенно выражалась въ розни, усобицѣ между богатыми и бѣдными посадскими людьми, явленіе, которое встрѣчалось не въ одномъ Псковѣ, не изъ одного Пскова получались такія челобитныя: «Бьютъ челомъ посадскіе средніе и молодчіе бѣдные людишки всѣхъ сороковъ. Жалоба намъ на посадскихъ людей, на прежнихъ земскихъ старостъ и нынѣшняго и на всѣхъ лучшихъ богатыхъ людей: лучшіе и богатые люди насъ окладомъ и тягломъ не по силамъ загнели, а себя въ окладѣ облегчили, и съ тѣхъ своихъ легкихъ окладовъ на многіе годы тягла не доплачиваютъ, оставляютъ за собою залоги большіе и для того земскихъ старостъ въ приходахъ и въ держахъ по книгамъ, другъ другу норовя, не считаютъ, а намъ, среднимъ и молодчимъ людишкамъ, на счетъ не даютъ»[73].

Все совсѣмъ относилось къ правительству, било челомъ великому государю. Правительство не оставалось глухо къ челобитьямъ; просилъ какой-нибудь міръ выборнаго чиновника вмѣсто короннаго, правительство охотно соглашалось. Бьютъ челомъ, чтобъ городничаго или городоваго прикащика (по на-

шему коменданта) отставить и выбрать новаго міромъ: государь велитъ выбирать [74]. Бьетъ челомъ посадскій и всеуѣздный земскій староста во всѣхъ мѣсто посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ, что прежде въ земской избѣ у всѣхъ дѣлъ былъ одинъ подьячій, а теперь явился къ нимъ изъ Москвы какой-то господинъ съ грамотою, въ которой велѣно ему быть въ подьячихъ у земскаго старосты, а прежнему подьячему быть у одного ямскаго дѣла; но прежній подьячій, пишетъ староста, человѣкъ хорошій, налоговъ и убытковъ отъ него не бывало, а этотъ новый, который напросился на его мѣсто, у земскихъ дѣлъ не бывалъ и къ нимъ негоденъ: — великій государь приказывалъ выпроводить пріѣхавшаго изъ Москвы подьячаго, не смотря на его грамоту [75]. Бьютъ челомъ волостные старосты и крестьяне, что у нихъ въ съѣзжей избѣ искони подьячій по ихъ выбору, а теперь одинъ хочетъ сѣсть въ подьячихъ безъ ихъ выбора: государь не позволяетъ подьячему садиться безъ выбора [76]. Противъ воеводскихъ злоупотребленій на судѣ были приняты мѣры: не велѣно судить воеводамъ и приказнымъ людямъ дѣла тѣхъ лицъ, отъ которыхъ подано будетъ на нихъ подозрѣніе, судить ихъ велѣно воеводамъ ближайшихъ городовъ, не дальше 150 верстъ. Потомъ не велѣно опредѣлять воеводами дворянъ въ тѣ города, около которыхъ у нихъ находятся помѣстья и вотчины [77]. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича велѣно было отставить въѣзжіе и мѣсячные и праздничные и иные денежные всякіе и хлѣбные поборы воеводамъ и что на воеводскіе расходы земскіе старосты на мірскія деньги покупали на воеводъ. Понятно, что воеводы не могли вдругъ отказаться отъ этихъ поборовъ и приносовъ, и земскіе старосты носили пироги и рыбу по старой привычкѣ: доказательствомъ служитъ то, что Царь Θеодоръ Алексѣевичь долженъ былъ подтвердить указъ отцовскій [78]. Сдѣлана была и болѣе важная попытка къ преобразованію отношеній горожанъ къ воеводѣ, но не удалась.

Въ 1665 году воеводою во Псковѣ былъ знаменитый любимецъ царя Алексѣя, Аѳанасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ. Воевода нашелъ дѣла ввѣреннаго ему края въ очень неудовлетворительномъ состояніи: заграничная торговля, которою

богатѣлъ Псковъ находившійся на двухъ рубежахъ, упала вслѣдствіе войнъ Польской и Шведской; зло, общее всѣмъ городамъ древней Россіи, господство такъ называемыхъ мужиковъ-горлановъ, богатыхъ торговыхъ людей, которые, забравши всю власть въ свои руки, хлопотали только о своихъ выгодахъ, забывая выгоды большинства согражданъ, — это зло было въ самой сильной степени во Псковѣ, гдѣ была свѣжа еще память о кровавой борьбѣ между лучшими и меньшими людьми въ смутное время, а недавняя Псковская смута подновила раздраженіе. Аѳанасій Лаврентьевичъ не хотѣлъ только кормиться на Псковскомъ воеводствѣ; онъ сталъ думать, какъ бы поднять благосостояніе города, который былъ ему родной. Какъ вездѣ, такъ и тутъ онъ смотрѣлъ на западъ, дѣлалъ «съ примѣру сторонних чужихъ земель», и предложилъ земскимъ старостамъ и всенародному совѣту слѣдующую мѣру: Быть во Псковѣ безпошлинному торгу съ иностранцами — одному 6-го января на двѣ недѣли, а другому съ 9-го мая на двѣ недѣли, при чемъ мимо посадскихъ людей Псковичей иныхъ чиновъ людямъ съ иностранцами не торговать: «Во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги, которые безъ пошлинъ учинены,» твердилъ воевода.

Уже давно по всей Россіи, особенно же въ значительнѣйшихъ городахъ, слышались горькія жалобы Русскихъ торговыхъ людей на купцовъ иностранныхъ, которые, дѣйствуя сообща и располагая большими капиталами, захватывали торговлю въ свои руки. Чтобы относительно цѣнъ на товары не быть въ зависимости отъ Русскихъ значительнѣйшихъ торговцевъ, иностранцы обыкновенно входили въ сношенія съ небогатыми людьми, давали имъ впередъ деньги, на которыя тѣ скупали для нихъ товары низкою цѣною, довольствуясь небольшимъ вознагражденіемъ: «отъ такого неудержанія Русскіе люди на иноземцевъ торговали изъ малаго прокормленія и въ послѣднюю скудость пришли, а которые Псковичи и свои животы имѣли, отъ сговорщиковъ съ Нѣмцами, для низкой цѣны товаровъ, также оскудѣли.» Чтобъ не было такого тайнаго подряда съ иноземцами, чтобъ маломочные Русскіе люди не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и такимъ образомъ не понижали бы цѣны Русскимъ товарамъ, Нащокинъ предложилъ Псковскимъ лучшимъ людямъ торговымъ

расписать, по свойству и по знакомству, во Псковѣ и въ пригородахъ маломочныхъ людей по себѣ, вѣдать ихъ торговлю и промыслы, и вмѣсто того, что прежде брали они деньги у иностранцевъ и на нихъ работали, давать имъ ссуду изъ земской избы (т. е. изъ городскихъ суммъ); накупивши на эти деньги товару, маломочные люди должны привозить его въ Псковъ въ декабрѣ мѣсяцѣ; товаръ долженъ быть записанъ въ земской избѣ, лучшіе люди должны принимать эти товары, каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ, давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія и чтобъ къ маю мѣсяцу накупали новыхъ товаровъ; послѣ же ярмарки лучшіе люди, продавши товары сваломъ иностранцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

Потомъ воевода обратилъ вниманіе на винную продажу, предметъ важный, ибо эта продажа составляла одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ дохода для казны. Псковъ былъ городъ порубежный, иностранцы привозили тайкомъ множество горѣлаго вина и Нѣмецкихъ питей, отчего Псковичи не брали напитковъ съ казенныхъ кружечныхъ дворовъ, у головъ и цѣловальниковъ, приставленныхъ къ продажѣ вина, большіе недоборы, съ нихъ взыски, они стараются взыскать, вынуть запрещенный товаръ у жителей, отъ этихъ вымокъ людямъ разоренье, а казнѣ прибыли нѣтъ. Вслѣдствіе этого Нащокинъ предложилъ установить вольную продажу вина, съ платою въ казну съ рубля по двѣ деньги, если же кто станетъ торговать напитками больше чѣмъ другими товарами, на тѣхъ брать съ рубля по гривнѣ. Наконецъ воевода предложилъ новое устройство городоваго управленія: предложилъ выбрать пятнадцать человѣкъ на три года, чтобъ изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человѣкъ; эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, и отводить къ воеводамъ только въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Случится тяжба между двоэяниномъ и посадскимъ, то судить дворянину (кто будетъ у судныхъ дѣлъ) съ выборными посадскими людьми. Пошлины съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ. Такое же устройство должно быть и въ пригородахъ.

Предложенія Нащокина произвели сильное волненіе между Псковичами; раздѣлились: однимъ нравились предложенія, другимъ нѣтъ; меньшіе люди были за новое, лучшіе отстаивали старину. За этими ссорами дѣло протянулось отъ апрѣля до августа; только 13-го августа посадскіе люди написали наконецъ свои челобитныя по мысли воеводы, принесли въ Троицкій соборъ, и приняли благословеніе архіепископа Арсенія; челобитныя отправлены въ Москву и новое устройство введено.

Но Аѳанасій Лаврентьевичъ не могъ долго оставаться во Псковѣ: онъ былъ отозванъ для важнаго дѣла, для веденія мирныхъ переговоровъ съ Польскими уполномоченными. Воеводою въ Псковъ явился князь Иванъ Андреевичъ Хованскій. Князь Иванъ Андреевичъ былъ неохотникъ до новизнъ, особенно былъ неохотникъ до новыхъ людей. Онъ уже и прежде, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, имѣлъ столкновеніе съ Нащокинымъ, на котораго смотрѣлъ, какъ на временщика, выдвинутаго царемъ въ ущербъ чести старыхъ родовъ. Пріѣхавши во Псковъ, Хованскій увидалъ, что Нащокинъ и здѣсь что-то такое намудрилъ неполезное, посадилъ мужиковъ судить и распоряжаться, отнявши судъ у воеводы, завелъ вольные шинки вмѣсто казенныхъ питейныхъ домовъ. Но мы видѣли, что и между мужиками нѣкоторые, и лучшіе, самые богатые не были довольны новымъ устройствомъ. Они стали говорить Хованскому, что всѣ эти новые порядки Нащокинъ завелъ самовольно, насильно навязалъ посадскимъ людямъ, писали челобитную въ земской избѣ ночью, вычерненную (поправленную), и руки велѣли въ ту же ночь приложить. Хованскій шлетъ грамоту въ Москву къ царю: «Во Псковѣ заведены вновь шинки, въ нихъ пьютъ безвременно, и оттого всякое дурно. Учинены выборные люди и посадскихъ людей судятъ, и въ съѣзжую избу (т. е. къ воеводѣ) не ходятъ; да въ земскую же избу въ дѣлахъ берутъ дворянъ съ приставами, и оттого дворяне плачутъ; да они же выборные люди подорожныя отъ себя даютъ за рубежъ, и тѣ новыя проѣзжія, что́ мужики даютъ отъ себя не знаючи и не остерегаясь въ письмѣ, отъ иноземцевъ будутъ въ подивленіе. Сказали мнѣ старосты земскіе и посадскіе лучшіе люди, что писали ночью челобитную вычерне-

ну и руки велѣли въ ту же ночь приложить, а кто чернилъ челобитную и складывалъ, тому то дѣло надобно; приложили только рукъ съ пятьдесятъ, и то немного лучшихъ людей; въ челобитной писано слагательно, писалъ кто-то умный человѣкъ, а мужикамъ такъ было не сложить.» На грамоту пришелъ отвѣтъ: «Вы бы всякихъ чиновъ людей вѣдали во всемъ судомъ и расправою, а новый судъ отставили. Шинки отставить, а быть по прежнему кабакамъ по старымъ мѣстамъ и отдать на откупъ, а если откупщиковъ не будетъ, то сбирать на вѣру (по присягѣ) лучшимъ людямъ »

Но и Хованскій не долго оставался въ Псковѣ; преемникомъ его былъ князь Данила Степановичь Великаго-Гагинъ, человѣкъ, не имѣвшій ни въ Псковѣ, ни въ Москвѣ того вліянія, какое имѣли его предшественники; при немъ слѣдовательно дѣло опять могло свободно подняться и рѣшиться безъ воеводскаго вмѣшательства. Ординъ-Нащокинъ былъ въ это время въ Москвѣ, управлялъ посольскимъ приказомъ, а Псковъ былъ подвѣдомственъ этому приказу. Разумѣется, Нащокинъ не могъ спокойно видѣть, какъ его устройство было разрушено враждебнымъ Хованскимъ. У Нащокина былъ въ Псковѣ преданный ему дьякъ, Мина Гробовъ, который, по отъѣздѣ Хованскаго, и началъ поднимать опять приверженцевъ Нащокинскаго устройства. Мы видѣли, что по представленію Хованскаго, вольная продажа вина была уничтожена и велѣно было отдать ее на откупъ, если найдется откупщикъ. Откупщикъ нашелся, Кузьма Андреевъ, и заплатилъ на мѣсяцъ болѣе чѣмъ вдвое противъ той прибыли, какую получала казна отъ вольной продажи. Но при Великаго-Гагинѣ вольные питейные промышленники, Давыдъ Бахаревъ съ товарищами, прислали въ Москву челобитную: «Выборные люди, Семенъ Меншиковъ съ товарищами, видя нашъ промыслъ и радѣнье, что будетъ великаго государя казнѣ сборъ большой, и дружа другъ другу, питейную прибыль отдали на откупъ товарищу своему, выборному человѣку Кузьмѣ Андрееву заводомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье, назвали наши оброчные питейные домы шинками». Пришла и другая челобитная не отъ однихъ питейныхъ промышленниковъ: «Жалоба намъ

бѣднымъ сиротамъ твоимъ, середнимъ и мелкимъ людишкамъ, на Псковичей же посадскихъ прожиточныхъ людей, Сергѣя Поганкина, Никиту Іевлева, Мокѣя Сигова съ товарищами: тѣ прожиточные люди всякія дѣла городовыя и мірскія дѣлаютъ и челобитчиковъ выбираютъ и посылаютъ къ тебѣ, великому государю, въ Москву безъ городскаго и мірскаго вѣдома середнихъ и мелкихъ людишекъ и безъ заручныхъ приговоровъ: отъ того намъ чинится великое разоренье и всякія подати большія и частыя.»

На откупщика Кузьму Андреева и на его пріятелей, которые устроили ему откупъ, было донесено въ Москву, что откупная сумма очень мала, и что не смотря на то, откупщикъ и товарищи его, лучшіе люди, притѣсняютъ маломочныхъ людей, не даютъ имъ приготовлять у себя хмѣльныхъ напитковъ въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, корыстуются съ кабаковъ, провозятъ товары, прокрадывая. Вслѣдствіе этого изъ Москвы пришелъ указъ: такъ какъ Псковичи, Семенъ Меншиковъ и Кузьма Андреевъ съ товарищами, маломочнымъ людямъ не помогали, то платить имъ въ годъ за кабаки по 9.366 рублей; быть съ ними вмѣстѣ въ платежѣ Никитѣ Іевлеву и Сергѣю Поганкину, потому что они отъ градскаго совѣта бѣгали и къ присягѣ не ходили.

Наконецъ осенью 1668 года пришла въ Москву челобитная отъ земскаго старосты Степана Котятникова и всѣхъ Псковичей, чтобъ государь приказалъ возстановить все учрежденное при Нащокинѣ и разрушенное при Хованскомъ, чтобъ отъ кабацкихъ продажа была учинена свобода какъ въ Смоленскѣ. Но къ челобитной не приложили рукъ Семенъ Меншиковъ, Сергѣй Поганкинъ, Кузьма Солодовникъ, Иванъ Чирьевъ, Никита Михалевъ, Петръ Зарубинъ, Юрій Бѣлобородовъ, Мокѣй Сиговъ, Аѳанасій Самойловъ, всего девять человѣкъ.

У этихъ девяти человѣкъ были въ Москвѣ также сильные покровители—дьяки посольскаго приказа Герасимъ Дохтуровъ и Лукьянъ Голосовъ; съ ними-то постоянно боролся Нащокинъ, упрекая ихъ, что они грязнятъ посольскій приказъ, по которому иностранцы судятъ обо всей Россіи и который долженъ быть чище всѣхъ другихъ приказовъ, а дьяки его мѣшаютъ

кабацкія дѣла съ дипломатическими. Дьяки мстили Нащокину, дѣйствуя постоянно наперекоръ ему; и тутъ, о Псковскомъ челобитьѣ они составили такую докладную записку, что челобитчикамъ было отказано. Понятно, что Аѳанасій Лаврентьевичь не могъ спокойно перенести этого. Государь находился въ затруднительномъ положеніи: съ одной стороны представляютъ ему, что Псковъ волнуется, что меньшинство притѣсняетъ большинство, которое можетъ ожесточиться; съ другой, представляютъ, какой ущербъ потерпитъ казна, если ввести въ Псковъ вольную продажу вина, а деньги нужны, государство разорено тяжкою войною. Алексѣй Михайловичь обратился сначала къ Ордину-Нащокину, чтобъ тотъ изложилъ свое мнѣніе, «какъ тому кабацкому сбору пристойно быть и доимочныя деньги на комъ взять? чтобъ кабацкая прибыль напрасно не пропала, а людей бы не ожесточить.» Аѳанасій Лаврентьевичь отвѣчалъ: «Въ 1666 году устроилъ я Псковское государство съ примѣра стороннихъ чужихъ земель къ великой прибыли твоей государевой казнѣ и Псковскому государству къ полнотѣ и расширенію; я сдѣлалъ это ни на что не прельщаясь, только видя вашу государскую премногую милость, исполняя свой долгъ и надѣясь получить отпущеніе грѣховъ въ будущемъ вѣкѣ. Но мое дѣло, государь, возненавижено немилосердыми людьми, приказною мздою. Отказали Стенькѣ Котятникову въ питейныхъ сборахъ; но думные дьяки за чѣмъ забыли мою вину: я и въ Смоленскѣ то же самое сдѣлалъ, а Псковъ важнѣе Смоленска, лежитъ на рубежѣ двухъ чужихъ земель; жители въ городѣ и въ уѣздахъ пришли въ послѣднюю нищету, и безъ такого устава помочь имъ нечѣмъ. Всячески приводя въ согласіе людей Божіихъ и вашихъ государевыхъ, я наговаривалъ и писалъ во Псковъ, и ко мнѣ изъ Пскова писалъ дьякъ Мина Гробовъ, что усердно радѣетъ, какъ бы прекратить раздѣленіе между Псковичами, и на комъ довелось кабацкую недоимку доправить, то у нихъ уже рѣшено, рѣшено и то, чему въ Псковѣ быть прочнѣе. Надѣясь на твою государскую милость, я въ Смоленскѣ твоимъ указомъ примѣръ учинилъ, товарищи мои, думные дьяки, это знали; и если, государь, въ Смоленскѣ въ питейномъ сборѣ зла не сдѣлалось, и какъ теперь

тамъ дѣло идетъ въ посольскомъ приказѣ извѣстно, то въ Псковѣ было бы гораздо больше прибыли, чѣмъ въ Смоленскѣ.»

Нащокинъ прямо объявилъ, что онъ чрезъ дьяка Гробова хлопоталъ въ Псковѣ о соединеніи людей; изъ его собственныхъ словъ было видно, что послѣдняя челобитная, пришедшая изъ Пскова, была слѣдствіемъ этого соединенія, т. е. этихъ хлопотъ. Противникамъ Нащокина легко было намекнуть, что мнимое соединеніе произведено насильственнымъ образомъ, что лучшіе люди не подписались подъ челобитной, въ которой просили о возстановленіи Нащокинскаго устройства. Оставалось одно средство разъяснить дѣло — спросить всѣхъ жителей Пскова и области прямо отъ верховнаго правительства, чего они хотятъ?

11 марта 1669 года воевода князь Великаго-Гагинъ получилъ царскую грамоту: «Вы бы всякихъ чиновъ людямъ нашъ, великаго государя, указъ сказали: если въ Псковѣ питейной прибыли быть по прежнему у всѣхъ Псковскихъ жителей, то нашей казнѣ прибыль будетъ ли и Псковичамъ, и уѣзднымъ и всякаго чина людямъ какой тягости въ томъ не будетъ ли?» Воевода прислалъ въ Москву отвѣты.

Архіепископъ Арсеній, какъ св. панагію носитъ, во всякой правдѣ сказалъ, что отъ питейныхъ домовъ городскіе жители и уѣздные не будутъ обогащены, а если кабацкій недоборъ въ 9.000 рублей слишкомъ имъ доплачивать, то разорятся окончательно.

Архимандриты, игумены, строители, игуменьи и строительницы, Троицкаго дома (собора) протопопъ, Псковскихъ ружныхъ и приходскихъ церквей поповскіе старосты и весь освященный чинъ, церковные прикащики за крестьянъ монастырскихъ церковныхъ вотчинъ, всего сто одинъ человѣкъ, сказали: питейнымъ дворамъ быть отнюдь нельзя, потому что домамъ Псковичей, и священнаго чина и уѣздныхъ крестьянъ слабыхъ людей, быть въ лишнихъ скудостяхъ и безчестьяхъ, за пьянственнымъ невоздержаніемъ и за иными въ пьянствѣ слабостями.

Дворяне и дѣти боярскіе, 60 человѣкъ, объявили, что не могутъ дать отвѣта по незнанію дѣла; 89 человѣкъ не пріѣхало.

Посадскіе люди, 238 человѣкъ, пожиточные, середніе и маломочные, сказали: питейнымъ дворамъ быть невозможно, въ сборѣ казны умаленіе будетъ большое, потому что посадскимъ людямъ конечное разоренье за слабостію и пьянственнымъ невоздержаніемъ; впередъ кабакамъ по прежнему пристойно быть на вѣрѣ (на присягѣ).

Козаки, стрѣльцы, пушкари и воротники, всего 2,115 человѣкъ, подобно дворянамъ, сказали что не знаютъ.

Крестьяне Псковскаго уѣзда, 241 человѣкъ, сказали: въ Псковѣ питейной прибыли можно быть, по прежнему у всѣхъ Псковскихъ жителей, съ береженіемъ и со всякою крѣпостію, за вѣрою и за поруками, казнѣ прибыль будетъ; въ городѣ и уѣздахъ кабакамъ быть непристойно, а случится недоборъ, то они, волостные крестьяне, готовы принять его на себя. 670 человѣкъ крестьянъ сказали, что не знаютъ.

Въ Москвѣ послѣдовало окончательное рѣшеніе: отдать кабаки на откупъ, и если никто не возьметъ, то продавать на вѣрѣ выборнымъ людямъ. Откупщиковъ не нашлось[79].

Эти нововведенія Аѳанасья Лаврентьевича не принялись; но въ 1667 году ему удалось высказать свои любимыя мысли въ торговомъ уставѣ [80]. И здѣсь встрѣчаемъ обычное указаніе на западъ, на примѣръ иностранныхъ государствъ: «Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; остерегаютъ торги съ великимъ береженьемъ и въ вольности держатъ для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ.» Уставъ опредѣляетъ, что люди недостаточные получаютъ помощь изъ Московской таможни и изъ городовыхъ земскихъ избъ; требуетъ, чтобъ мимо торговыхъ людей бѣлыхъ чиновъ люди съ иноземцами торга и подрядовъ не чинили, а свои товары прикладывали къ Русскимъ торговымъ людямъ; требуетъ, чтобъ лучшіе торговые люди берегли маломочныхъ торговыхъ людей, давали бы имъ завестись торгами между Русскими людьми складомъ къ большимъ товарамъ, чтобъ въ продажѣ иноземцамъ цѣны не портили и въ подрядъ деньги у нихъ не брали. Въ Архангельскъ на время пріѣзда туда купцовъ иностранныхъ, изстари назначался изъ

Москвы гость съ товарищами для наблюденія за ходомъ ярмарки и для сбора таможенныхъ сборовъ уставъ: требуетъ, чтобъ этотъ гость и товарищи его выбирались по разсмотрѣнью, а не по дружбѣ, или недружбѣ, выбирались изъ досужихъ богоугодныхъ людей, не по богатству, а по добродѣтели. Этого гостя и товарищей его воевода ни въ какихъ таможенныхъ торговыхъ дѣлахъ не вѣдаетъ; всякую расправу въ торговыхъ дѣлахъ Русскимъ и иноземцамъ чинитъ въ таможнѣ гость съ товарищами. Уставъ увеличилъ подать съ иностранныхъ винъ, потому что отъ большаго привоза ихъ на государевыхъ кружечныхъ дворахъ чинятся убытки и недоборы большіе. Иноземцы должны торговать только съ купецкими людьми того города, куда пріѣдутъ для торговли, съ пріѣзжими же не должны ни торговать, ни подрядовъ, ни записей совершать; но Московскимъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ и на ярмаркахъ торговать съ иноземцами всякими товарами вольно. Иноземецъ съ иноземцемъ не долженъ торговать подъ страхомъ отобранія товаровъ на государя. Пошлина съ продажи и мѣны иностранныхъ товаровъ—2 алтына съ рубля; съ Русскихъ товаровъ, отпускаемыхъ иноземцами въ свои государства, по гривнѣ съ рубля; но если иноземецъ привезетъ изъ-за моря золотые и ефимки, то ему пошлинъ съ нихъ не платить, и что̀ купитъ на золотые и на ефимки, то везетъ въ свою землю безпошлинно. Всѣ эти золотые и ефимки въ порубежныхъ городахъ иноземцы должны отдавать въ казну, изъ которой получаютъ за нихъ Русскія мелкія деньги: за золотой по рублю, за ефимокъ Любскій по полтинѣ. Если восточные купцы—Персіяне, Индѣйцы, Бухарцы, Армяне, Кумыки, Черкесы и Астраханскіе жильцы иноземцы поѣдутъ для торговли въ Москву и другіе города, то брать съ ихъ продажныхъ товаровъ въ Астрахани проѣзжей пошлины по гривнѣ съ рубля; если же станутъ торговать въ Астрахани, то брать по 10 денегъ съ рубля; съ Русскихъ товаровъ, которые они повезутъ къ себѣ, брать по гривнѣ съ рубля. То же наблюдать и относительно Грековъ, Молдаванъ и Валаховъ—брать по гривнѣ съ рубля; если же станутъ торговать въ Путивлѣ, то по 10 денегъ. Ни одинъ ино-

земецъ не можетъ продавать своихъ товаровъ въ розницу и ѣздить съ ними по ярмаркамъ. Въ Москву и другіе внутренніе города пропускаются только тѣ иноземцы, у которыхъ будутъ государевы жалованныя грамоты за красною печатью. Жиды, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, умѣли добыть себѣ такія грамоты за красною печатью; они пріѣзжали въ Москву съ суконами, жемчугомъ и другими товарами, и получали коммиссіи отъ двора: такъ въ 1672 году Шкловскіе Евреи, Самуилъ Яковлевъ съ товарищами, отпущены были изъ Москвы за рубежъ для покупки Венгерскаго вина. Грековъ, въ царствованіе Михаила и въ началѣ царствованія Алексѣя, пропускали свободно по единовѣрію; но съ 1647 года имъ назначенъ былъ для торговли только одинъ пограничный городъ, Путивль.

И новый уставъ, исполняя желаніе Русскихъ торговыхъ людей, не пустилъ иностранцевъ во внутренніе города. Въ 1669 году поселившійся въ Россіи иностранецъ Петръ Марселисъ подалъ въ посольскій приказъ статьи, клонившіяся къ измѣненію торговаго устава: онъ представлялъ во 1) какой вредъ происходитъ отъ того, что торговля у Архангельска бываетъ послѣ 1-го сентября: многіе корабли за позднимъ временемъ подвергаются опасностямъ и погибаютъ, да и Русскія суда, возвращающіяся отъ Архангельска вверхъ по Двинѣ, не успѣваютъ доходить до Вологды. 2) Пусть иноземцы платятъ пошлины ефимками, а не золотыми; надобно позволить иноземцамъ привозить золотые въ Московское государство, продавать ихъ или въ уплату отдавать кому угодно: это заставитъ ихъ привозить много золотыхъ и ефимковъ. 3) Теперь для полученія золотыхъ и ефимковъ иноземцамъ сбавляется пошлина; но если позволить имъ покупать товары въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, то я обнадеживаю, что соберется огромное количество ефимковъ и золотыхъ, больше пошлиннаго сбора, потому что всѣ тѣ ефимки будутъ на денежномъ дворѣ передѣланы и на всякій ефимокъ будетъ прибыли по 14 копѣекъ. Позволеніе покупать товары въ Москвѣ и другихъ городахъ надобно давать только тѣмъ иностранцамъ, которые станутъ привозить ефимки, а не золотые. 4)

Прежде давали въ Москвѣ и на Архангельской ярмаркѣ разнымъ людямъ много мелкихъ денегъ, чтобъ въ новый годъ на эти мелкія деньги ставили въ казну ефимки, и этимъ средствомъ много было привозимо въ Москву ефимковъ: если приказать иноземцамъ раздавать мелкія деньги для постановки ефимковъ, чтобъ ставили по 16 алтынъ, то по прежнему будетъ привозиться много ефимковъ.

По обычаю, были призваны въ посольскій приказъ гости и другіе торговые люди и прочтены имъ статьи Марселиса. Гости смекнули, что хитрый иноземецъ, котораго они очень не жаловали, хочетъ опять ввести свою братью во внутренніе города, прельщая правительство обильнымъ привозомъ ефимковъ, и потому подали сказку: «Первую статью иноземцы нарушили: въ прошломъ году много ихъ кораблей пришло въ Архангельскъ послѣ Семена дня (1-го сентября), которые пришли и до этого времени, и тѣ торговали до Семена дня малыми торгами, а большими торгами всегда они торгуютъ на послѣднихъ дняхъ, нарочно, чтобъ у Русскихъ взять товары дешево, а свои поставить дорого, и чтобъ въ позднемъ и скоромъ времени Русскимъ людямъ заморскихъ плохихъ товаровъ высмотрѣть было некогда. На вторую статью: теперь золотыхъ въ Московскомъ государствѣ еще не умножилось; а что Марселисъ написалъ, чтобъ иноземцамъ привозить всюду золотые и ефимки, то этимъ онъ хочетъ съ иноземцами у всѣхъ Русскихъ людей торгами завладѣть. Ефимки и золотые у нихъ будутъ проданы Персіянамъ, Армянамъ, Кумыкамъ и Татарамъ дорогою цѣною и вывезены изъ Московскаго государства. А если Русскіе люди въ Москвѣ и въ городахъ и возьмутъ у иноземцевъ за свои товары небольшое число золотыхъ и ефимковъ, то этихъ денегъ въ розни въ государеву казну не собрать. Иноземцы станутъ продавать иноземцамъ же золотые по 40 алтынъ, а ефимки по 20 алтынъ и на тѣ деньги станутъ покупать Русскіе товары дешевою цѣною, въ половину противъ Архангельской цѣны: продастъ иноземецъ 4 золотыхъ по 40 алтынъ, и того возьметъ 4 рубля 26 алтынъ 4 деньги; на эти деньги купитъ поташу, берковецъ дастъ 5 рублей, а въ Архангельскѣ Русскіе люди продаютъ

поташъ по 9 и по 10 рублей, а на Москвѣ станетъ приходить поташъ иноземцамъ по 4 золотыхъ берковецъ. Такъ и прочіе всякіе товары переведутъ у Русскихъ людей полуцѣною передъ Архангельскомъ»[81].

Торговый уставъ отмѣнилъ множество мелкихъ пошлинъ: подужное, мыты, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейныя, мостовое, гостиное и другія, и положилъ ихъ въ рублевую пошлину.

Въ началѣ устава сочинитель его указалъ на примѣръ иностранныхъ государствъ, гдѣ торговля считается въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; въ концѣ, по образцу иностранныхъ же государствъ, онъ принимаетъ мѣры противъ роскоши: «Въ порубежныхъ городахъ головамъ и цѣловальникамъ у иноземцевъ разспрашивать и пересматривать въ сундукахъ, ларцахъ и ящикахъ жемчугу и каменья неоплошно, чтобъ узорочныя вещи въ утайкѣ не были; отъ покупки такихъ вещей надобно беречься, какъ и въ другихъ государствахъ берегутъ серебро, а излишнія такія вещи покупать запрещаютъ, не позволяютъ носить ихъ простымъ не чиновнымъ людямъ, чтобы оттого не бѣднѣли; также низкихъ чиновъ люди чтобъ не носили шелку и сукна. Надобно удерживать простыхъ людей отъ покупки такихъ вещей накладною пошлиною большою и заповѣдью безъ пощады: берегутъ того во всѣхъ государствахъ и отъ напраснаго убожества своихъ людей охраняютъ.»

Постановивъ, что воевода Архангельскій не вѣдаетъ гостя, который чинитъ расправу торговымъ людямъ, Ординъ-Нащокинъ въ концѣ устава предлагаетъ важную мѣру, которая приготовляла мѣры Петра Великаго для «собранія разсыпанной храмины», именно предлагаетъ учрежденіе особаго приказа для купцовъ; «для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ, гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ, обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди

будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей.» Явился приказъ купецкихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ городская жизнь или, лучше сказать, посадская жизнь, жизнь посадскихъ людей передъ эпохою преобразованія представляетъ намъ борьбу и съ чужими, и съ своими. Борьба съ иностранными купцами кончилась торжествомъ Русскихъ; но важнѣе была борьба съ своими. Борьба эта, какъ мы видѣли, проистекала изъ господствующаго въ первобытныхъ, неразвитыхъ обществахъ непосредственнаго отношенія вооруженной части народонаселенія къ невооруженной, служащей къ рабочей, при чемъ первая кормится непосредственно на счетъ послѣдней. Здѣсь признакомъ роста, возмужалости служитъ то, что промышленная часть народонаселенія хочетъ высвободиться отъ этой обязанности непосредственнаго кормленія, обособиться, хочетъ добыть самоуправленіе. Въ западной Европѣ это движеніе обозначилось образованіемъ городскихъ общинъ, ихъ борьбою съ владѣльцами, потомъ освобожденіемъ сельскаго народонаселенія. Но для того и другаго явленія необходимо было сильное движеніе промышленное и торговое, обогащеніе, соперничество движимаго, денегъ, съ недвижимымъ, землею. Въ Россіи, въ описываемое время, видимъ застой въ промышленности и торговлѣ, бѣдность; въ XVII вѣкѣ видимъ условія, еще болѣе неблагопріятныя для увеличенія народнаго богатства: города и торговыя сотни не могутъ справиться послѣ разгрома смутнаго времени, а новыя тяжелыя войны не перестаютъ истощать ихъ. Изъ городовъ и самыхъ богатыхъ приходили вѣсти, что денежныхъ доходовъ не достаетъ на покрытіе издержекъ, на жалованье служащимъ людямъ военнымъ и подьячимъ. Не давать денежнаго жалованья, уменьшить его, пишутъ изъ Москвы, земли много, землю раздавать. Въ государствѣ, гдѣ вмѣсто денежнаго жалованья раздаютъ землю, гдѣ земли больше чѣмъ денегъ, въ такомъ государствѣ не думаютъ объ освобожденіи крестьянъ, напротивъ думаютъ объ ихъ закрѣпленіи, ибо, давши землю, надобно и дать постояннаго работника, иначе жалованье не въ жалованье. Одно явленіе объясняетъ другое; въ то время когда закрѣпляются крестьяне въ селѣ, въ то

время нечего ждать много отъ города, потому что въ селѣ прикрѣпляютъ крестьянина по бѣдности города. Въ городѣ посадскіе также прикрѣплены, не смѣютъ уйдти подъ смертною казнью, должны сидѣть, работать и платить ратнымъ людямъ на жалованье, кормить воеводу. Ихъ интересы постоянно въ столкновеніи съ интересами вооруженной части народонаселенія. Они бьютъ челомъ на закладчиковъ, на крестьянъ, которые промышляютъ наравнѣ съ ними, но не помогаютъ имъ въ несеніи тягостей: но, возставая противъ закладчиковъ и крестьянъ, требуя возвращенія своей братьи, ушедшихъ въ села, они возстаютъ противъ интересовъ тѣхъ людей, за которыхъ заложились закладчики, которымъ принадлежатъ крестьяне, къ которымъ ушли ихъ братья, посадскіе люди, отбывая отъ тягостей; извѣстно, чьи интересы были затронуты, когда велѣно было слободы и села въ городахъ, принадлежавшія частнымъ людямъ, завести за государя, написавъ жителей ихъ въ тягло; извѣстно, какъ мстили посадскимъ людямъ за это. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ, при такомъ столкновеніи интересовъ, первымъ шагомъ впередъ было выдѣленіе посадскихъ людей, чтобъ они судились и управлялись сами собою, нужно было изъять ихъ изъ подъ власти и суда воеводъ, нужно было развести ихъ съ служилыми людьми, ибо при такомъ столкновеніи интересовъ, при такомъ утвержденномъ вѣками, господствующемъ взглядѣ, когда служилые люди смотрѣли на промышленныхъ людей, какъ на прирожденныхъ своихъ работниковъ, обязанныхъ кормить ихъ своимъ трудомъ,— при такихъ отношеніяхъ и взглядахъ нечего было думать о союзѣ, объ общей дѣятельности. Когда два человѣка враждебно сцѣпились другъ съ другомъ, то прежде всего нужно ихъ развести, а потомъ уже, когда съ постепенною перемѣною отношеній вражда утихнетъ, настаетъ время думать о примиреніи, союзѣ, общей дѣятельности. Выборы не могли тутъ помочь, если посадскіе люди должны были выбирать правителя городу изъ служилыхъ людей. Такимъ образомъ выдѣленіе промышленныхъ людей, высвобожденіе ихъ изъ подъ вліянія служилыхъ людей, совершенное въ эпоху преобразованія, было дѣломъ естественнымъ и необходимымъ. Но мы видимъ, что пер-

вая попытка принадлежитъ времени до преобразованія, принадлежитъ предтечѣ преобразователя, ибо какъ скоро Русскіе люди съ головою Ордина-Нащокина стали заглядывать на западъ, такъ сейчасъ же увидали, откуда тамъ то, чего не доставало въ Россіи, именно богатство, увидали, что оно происходитъ отъ сильно развитой торговой и промышленной дѣятельности, отъ развитія города, и Ординъ-Нащокинъ провозглашаетъ, что торговля есть одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Въ эпоху преобразованія мысль эта была вполнѣ усвоена правительствомъ и лучшими людьми, и потому является рядъ мѣръ для поднятія торговли и промышленности, и прежде всего торговые и промышленные люди выдѣляются, разсыпанная храмина собирается.

Состояніе города служитъ намъ повѣркою состоянія селъ, и на оборотъ: если городъ бѣденъ — знакъ, что село находится въ очень неудовлетворительномъ положеніи; если земледѣльческое народонаселеніе прикрѣпляется къ землѣ — знакъ, что городъ бѣденъ. Прикрѣпленіе крестьянъ было результатомъ древней Русской исторіи: въ немъ самымъ осязательнымъ, самымъ страшнымъ образомъ высказалось банкротство бѣдной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностямъ своего государственнаго положенія. Такое банкротство въ историческомъ, живомъ, молодомъ народѣ необходимо условливало поворотъ народной жизни, исканіе выхода изъ отчаяннаго положенія, стремленіе избавиться отъ гибельной односторонности, въ страну селъ внести городъ и этимъ улучшить экономическое состояніе страны. Этотъ поворотъ и знаменуется преобразовательною дѣятельностію, съ этого поворота и начинается новая Русская исторія. При несостоятельности собственныхъ средствъ нужно было сдѣлать заемъ, и заемъ былъ сдѣланъ. Какъ ни великъ, какъ ни тяжелъ былъ онъ для народа, но необходимость и благодѣтельность его очевидны. Если прикрѣпленіе крестьянъ было естественнымъ результатомъ древней Русской исторіи, то освобожденіе ихъ было результатомъ полуторавѣковаго хода нашей исторіи по новому пути. Споръ между древнею и новою Россіею конченъ, повѣрка на лицо.

Прикрѣпленіе крестьянъ съ его слѣдствіями было самымъ крупнымъ, основнымъ явленіемъ въ жизни села въ описываемое время. Относительно частностей быта, село представляетъ намъ всюду три разряда своихъ обитателей: крестьянина, бобыля и захребетника, отличающихся другъ отъ друга величиною своихъ хозяйственныхъ средствъ. Условія быта, разумѣется, могли измѣняться вслѣдствіе разныхъ отношеній, смотря потому, какое было село — черное, дворцовое, монастырское, принадлежавшее богатому вотчиннику или мелкому помѣщику. Мы видѣли отношенія черныхъ крестьянъ къ городу, въ уѣздѣ котораго они жили, связь ихъ съ посадскими людьми, съ которыми вмѣстѣ они поднимали тяжести рабочаго, тяглаго народонаселенія. Но если между самими посадскими людьми, богатыми и бѣдными, была рознь, бѣдные жаловались въ Москву на притѣсненія отъ богатыхъ, то нечему удивляться, что такая же рознь вставала между посадскими людьми и уѣздными крестьянами, и принуждала послѣднихъ порывать связь съ посадскими людьми, выдѣляться въ особый міръ. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича Устюжскіе уѣздные крестьяне начали жаловаться на посадскихъ людей: «Собираются въ посадскую земскую избу посадскіе люди для своихъ посадскихъ совѣтовъ часто, да они же собираютъ съ Устюга съ посаду всякіе четвертные доходы и на ямскіе отпуски деньги, да они же выбираютъ въ земскіе старосты межъ себя посадскихъ людей, и они посадскіе земскіе старосты о уѣздныхъ крестьянахъ ни въ чемъ не пекутся и ни о какихъ всеуѣздныхъ дѣлахъ не радѣютъ, а уѣзднымъ крестьянамъ въ ту посадскую избу для волостныхъ совѣтовъ собираться нельзя, да Устюжскіе старосты и не пускаютъ, и въ томъ волостнымъ крестьянамъ чинятся великія волокиты и убытки и безсовѣтица, а въ томъ безсовѣтіи всякая неисправа, и крестьяне у посадскихъ людей во всемъ порабощены, и гордостію своею посадскіе земскіе старосты насъ крестьянъ тѣснятъ и вмѣняютъ себѣ вмѣсто рабовъ своихъ и мочью своею и великими пожитками у нашей братьи у скудныхъ крестьянъ покупили себѣ лучшія деревни въ уѣздѣ и начали быть во многихъ волостяхъ владѣльцами. А какъ стали владѣть деревнями, и они всякими

притѣсненіями подати съ себя сметали на насъ худыхъ крестьянишекъ, и мы отъ ихъ изгони оскудѣли и обнищали и послѣдиія деревнишки имъ иззакладывали на малые сроки, а въ закладныя писали отъ скудости двойныя и тройныя цѣны, и они такими большими закладными съ приписными деньгами, деревнями нашими завладѣли и многихъ крестьянишекъ у себя въ половѣ (половникахъ) удержали, а иныхъ и въ половѣ у себя не держатъ, и они отъ такихъ ихъ налогъ врознь разбрелись безвѣстно. Да Устюжскіе посадскіе старосты выбирали для солдатскаго выбора своихъ посадскихъ людей, а уѣздныхъ людей не выбирали, чтобъ съ ихъ деревень въ солдаты никого не выбирать, а брать съ крестьянъ только, и крестьяне врознь разбрелись.»

Въ 1675 году собрались въ Устюгѣ изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и написали челобитную, чтобъ быть всеуѣздной земской избѣ и всеуѣздному земскому старостѣ особо отъ посадскихъ людей. Государь согласился и крестьяне вывели своихъ выборныхъ или волостныхъ третчиковъ съ приходными и расходными книгами и съ деньгами изъ старинной земской избы въ становую волостную избу. Но столкновенія этимъ не прекратились: мы видѣли, что посадскіе люди владѣли крестьянскими деревнями въ уѣздѣ, и крестьяне послали новое челобитье, что посадскіе по своимъ деревнямъ волостныхъ и солдатскихъ службъ не служатъ и хотятъ деревнями своими отписаться отъ крестьянъ, о чемъ уже и послали челобитную. Въ Москвѣ не умѣли распутать этого дѣла и, по обычаю, велѣли подать о немъ сказки на мѣстѣ по сословіямъ. Духовенство объявило: «Воевода Матвѣй Нарышкинъ Устюжскій уѣздъ расписалъ по челобитью прежняго головы таможеннаго и кружечнаго дворовъ Григорья Мыльникова и совѣтниковъ его волостныхъ крестьянъ Петрушки Хомякова съ товарищами, которые въ то время собраны были на Устюгѣ на посадъ по его Григорьеву челобитью будто для ямскаго совѣта и отпусковъ. Извѣтовъ волостныхъ крестьянъ на посадскихъ людей мы не слыхали, и впредь намъ съ посадскими людьми земская изба старинная по прежнему одна надобна, потому что въ новоучиненной волостной избѣ начали они волостные кресть-

яне разрубать и сбирать многія лишнія деньги будто на всеземскіе расходы, а на какіе — намъ про то невѣдомо, брано сверхъ 2 рублевъ еще въ прибавку по семи рублевъ на малую сошку, а теперь у нихъ же въ волостной избѣ ихъ староста разрубилъ и беретъ по 5 рублевъ на сошку прежъ государевыхъ доходовъ, и тѣмъ насъ и посадскихъ людей убытчатъ, а книгъ расходныхъ не кажутъ и отчету въ такихъ великихъ деньгахъ не даютъ.» Новый всеуѣздный земскій староста Копыловъ съ товарищами, волостными выборными людьми, объявилъ, что отдѣленіе крестьянъ отъ посадскихъ произошло вслѣдствіе притѣсненія отъ посадскихъ. Крестьяне подали сказку, что пожалуй пусть будетъ одна земская изба по прежнему, только бы быть всеуѣздному волостному выборному старостѣ съ Устюжскими земскими старостами у всеземской коробки вмѣстѣ для того, чтобъ Устюжскіе земскіе старосты всеуѣздныхъ сборныхъ денегъ на свою посадскую издержку не держали[82].

Кромѣ общихъ дѣлъ съ посадскими людьми, у крестьянъ уѣздныхъ были еще свои мірскія дѣла, свои интересы, они выбирали старостъ, выберутъ и напишутъ: «Выбрали межъ себя человѣка добраго: быть ему за нашимъ выборомъ отъ крестьянъ въ старостахъ, всякія сдѣлья и подѣлки дѣлать, нанимая на наши мірскія сборныя деньги. А воровствомъ ему никакимъ не воровать, а станетъ воровать, и на насъ на всѣхъ пеня великаго государя.» Выбирали мірскихъ посыльщиковъ, должность тяжелая, потому что они должны были становиться лицомъ къ лицу съ взыскательною властію, съ воеводою и подьячимъ, которыхъ нужно было покормить прежде всякаго дѣла; выбирали земскаго пристава, при чемъ писали: «Всѣ крестьяне выбрали земскаго пристава такого-то; вѣсть ему держать въ нашей волости для государева дѣла и денежныхъ сборовъ; впервые вѣсть ему сказать по всей волости безъ хоженаго (безъ платы за ходьбу), въ другой разъ ему вѣсть подержать для ради огурниковъ (ослушниковъ) и ему брать хоженаго на нихъ по 2 деньги; на извѣтъ ему ходить кто позоветъ на землю, и на то хоженаго по 2 деньги; быть ему у земскаго судьи для государевыхъ дѣлъ, на суду передъ судьею поручать кто на кого побьетъ челомъ государю пе-

редъ судьей, а съ суда перепоручивать; съ тяглыхъ крестьянъ брать ему по деньгѣ, а съ бобылей и безземельныхъ хоженаго по копѣйкѣ; руга ему съ крестьянъ по изможенью, ржи и овса кто сколько дастъ»[83]. Выбирали священника, выберутъ и напишутъ: «Мы крестьяне выбрали и излюбили отца своего духовнаго такого-то къ себѣ въ приходъ. И какъ его Богъ благоволитъ и св. владыка его въ попы посвятитъ, и будучи ему у насъ въ приходѣ, служить и къ церкви Божіей быть подвижну, къ болямъ (больнымъ) и рожаницамъ съ причастіемъ и съ молитвами быть подвижну и со всякими потребами. А онъ человѣкъ добрый, не бражникъ, ни пропойца, ни за какимъ хмѣльнымъ питьемъ не ходитъ, человѣкъ онъ добрый; въ томъ мы старосты и мірскіе люди ему и выборъ дали»[84]. Все это надобно было писать, но кто же писалъ! И для этого выберутъ и напишутъ: «Быть такому-то церковнымъ дьячкомъ, къ церкви быть подвижну, у начальниковъ послушну и покорну, и у нашихъ всякихъ мірскихъ дѣлъ у письма быть всегда готову, а руга ему съ насъ сбирать луковая рожь, по полуосмерицѣ съ лука, петровское и осеннее.» Были волости, еще со временъ Грознаго получившія грамоты на выборы своихъ земскихъ судей и земскихъ цѣловальниковъ. При этихъ выборахъ крестьяне давали такія записи: «Выбрали мы и полюбили къ государеву дѣлу въ выборные земскіе судьи такого-то, выбрали и полюбили въ выборные земскіе цѣловальники къ нему судьѣ такого-то, да въ земскіе соцкіе къ нему судьѣ такого-то, съ такого-то срока до такого-то. Судить ему судьѣ насъ крестьянъ по челобитнямъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, про татинныя, разбойныя и душегубныя дѣла сыскивать. А цѣловальнику и соцкому у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцевъ съ выборнымъ судьею у разспроса и поимки быть за одинъ человѣкъ; а намъ крестьянамъ съ нимъ судьею за всякими воровскими людьми ходить въ погоню и ловить вмѣстѣ. Ему судьѣ судить и указъ чинить безволокитно, посуловъ и поминковъ не брать, другу не дружить, недругу не мстить»[85].

Всѣ эти выборы, на которые у насъ теперь готовы смотрѣть какъ на признакъ крѣпости общественнаго союза, какъ на при-

знакъ сильнаго развитія общественной дѣятельности, общественнаго духа, какъ на важныя права, на дѣлѣ не давали крестьянамъ возможности усилить свои промыслы, увеличить разультаты своего труда и чрезъ то безъ тягости удовлетворять требованіямъ казны; права эти не спасали крестьянина отъ воеводы, подьячаго, отъ посадскихъ людей и своего брата крестьянина, пропившагося и занявшагося легкимъ промысломъ разбойника. Тяжкая подать, воевода, подьячій, земскій староста, разбойникъ выживали крестьянина, заставляя его уходить дальше за Камень въ Сибирь. Въ Москву пришла вѣсть, что Устюжскій уѣздъ пустѣетъ, и когда пріѣхали оттуда мірскіе челобитчики, ихъ стали разспрашивать, отчего у нихъ крестьяне бѣгутъ? Крестьяне бѣгутъ, былъ отвѣтъ, отъ большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ выборовъ (наборовъ), потому что сверхъ всякихъ податей воеводы, князь Гаврила Мышецкій и Яковъ Змѣевъ брали съ насъ съ 240 сошекъ деньгами на годъ слишкомъ по 2 рубли, да хлѣба по осминѣ ржи да по осминѣ овса; у Якова Змѣева было два племянника, которымъ съ сошки давали по 2 гривны, да дворецкимъ ихъ по гривнѣ съ сошки; да платили мы въ земскую избу съ сошки по три рубли, а въ иные годы по три рубли съ полтиною на воеводскіе кормы, пивà и поносы, а брали воеводы свои сошныя деньги, и хлѣбы, и кормы прежде государевыхъ доходовъ. Тѣ же воеводы съ денежныхъ доходовъ, которые, собирая съ насъ, посылаютъ въ Москву, съ 30,000 рублей, съ отписей (росписокъ), которыя намъ въ тѣхъ деньгахъ давали, брали отъ печати по двѣ деньги съ рубля, да съ Сибирскаго запаса съ 2,270 четвертей, отъ всякой проѣзжей памяти, по гривнѣ съ четверти; да сверхъ того, съ тѣхъ же сошекъ носили мы воеводамъ на праздники, на Великъ День и на Рождество Христово и на Петровъ день столовые запасы. Князь Гаврила Мышецкій присланъ былъ къ намъ для выбору и высылки солдатъ, и онъ наемныхъ солдатъ, которые нанимались служить вѣчно и брали у крестьянъ наймы большіе, а по себѣ давали поручныя записи, въ солдаты не принималъ, а писалъ въ солдаты тѣхъ, которые нанимали въ службу, самихъ хозяевъ, и поручныя записи у многихъ поотнималъ и, для сво-

ей корысти, отдавалъ тѣмъ ихъ наемщикамъ, и тѣ наемщики у хозяевъ завладѣли многими деньгами, а тѣ хозяева оттого въ конецъ разорились и дворы у многихъ запустѣли. Яковъ Змѣевъ Устюжскихъ стрѣльцовъ и приставовъ, которые у него подкупятся, присылалъ для правежу къ намъ въ волости, и тѣ стрѣльцы и приставы, изъ за смертнаго правежу, вымучили себѣ съ цѣловальниковъ и съ денежныхъ сборщиковъ 1,732 рубля; да и князь Мышецкій такихъ же подкупщиковъ, которые съ нимъ дѣлились, присылалъ. Змѣевъ ѣздилъ въ Черевковскую волость, больше 100 верстъ, съ собаками, съ нимъ было всякихъ людей больше 50 человѣкъ, бралъ подъ себя, подъ людей и подъ собакъ водянымъ путемъ суда, горнимъ (сухимъ) подводы, ѣдучи, въ волостяхъ бралъ поминки большіе, обѣдалъ и всякими харчями проторилъ. На все это исходитъ у насъ, Устюжанъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей на годъ тысячъ по пяти и больше.» Но не отъ однихъ воеводъ, подьячихъ и казенныхъ взысковъ брели розно мірскіе люди и пустѣлъ уѣздъ; не однихъ воеводъ и подьячихъ должны были кормить мірскіе люди, не отъ однихъ праветчиковъ откупаться: они должны были кормить, откупаться отъ своей братьи мірскихъ людей, которымъ нравилось легкое разбойничье ремесло: малая населенность, темные лѣса, непривычка у самихъ мірскихъ людей къ общему дѣлу, къ общей защитѣ и отсутствіе хорошо устроенной полиціи дѣлали разбойничье ремесло легкимъ, безопаснымъ. Тѣ же Устюжскіе мірскіе челобитчики показывали: «по волостямъ построено много кружечныхъ дворовъ, здѣсь многіе крестьяне пропиваются и, собравшись человѣкъ по 20 и больше, приходятъ въ лѣтнее время разбоемъ, многихъ крестьянъ мучатъ, огнемъ жгутъ и вымучиваютъ рублей по сту; крестьяне, заложивъ свои животишки и деревнишки, отъ разбойниковъ откупались и бредутъ врознь.» Призовутъ на защиту вооруженную силу правительственную — новое разоренье: «за разбойниками посылаютъ посылки подьячихъ и стрѣльцовъ, а подьячіе берутъ съ насъ за подводы по рублю, а стрѣльцы по полтинѣ, да въ провожатые берутъ крестьянъ человѣкъ по тридцати въ дѣловую пору [86].» Въ 1670 году ѣхало мимо Верхотурья съ Тотьмы, Устюга, Ваги, Мезени, Сольвычегодска, Яренска, Сысолы,

Кайгородка тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2051 человѣкъ. Правительство велѣло поставить заставы крѣпкія [87]. Правительство охотно смотрѣло на заселеніе пустынныхъ странъ около Камня и въ Сибири, на образованіе крестьянскихъ слободъ, но требовало, чтобъ въ крестьяне на пашню призывали и прибирали изъ вольныхъ гулящихъ, а не изъ тяглыхъ людей, изъ крестьянскихъ дѣтей отъ семей, бобылей и захребетниковъ. Ссыльные преступники въ Сибири сажались также на пашню, и, что̀ было очень тяжело старымъ пашеннымъ крестьянамъ, правительство приказывало имъ выдавать дочерей своихъ и племянницъ за холостыхъ ссыльныхъ, чтобъ тѣмъ ихъ отъ побѣгу унять и укрѣпить [88].

На сѣверѣ и сѣверовостокѣ черные крестьяне бѣжали за Камень; на югѣ помѣщичьи крестьяне бѣжали за рубежъ Великой Россіи и шла здѣсь своего рода усобица. Вотъ какую челобитную получилъ царь въ 1672 году: «Бьютъ челомъ холопи твои, Заоцкіе помѣщики и вотчинники: люди наши и крестьяне, заворовавъ, многіе побивъ помѣщиковъ своихъ, а иные пожегши, бѣгаютъ отъ насъ за рубежъ въ Малороссійскіе города и живутъ за епископами и за козаками въ городахъ и на посадахъ, въ селахъ и деревняхъ; мы съ твоимъ указомъ, съ грамотами и отпусками отъ воеводъ къ нимъ въ Малороссійскіе города для тѣхъ своихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ ѣздимъ, и они епископы, старшина и козаки бѣглыхъ людей и крестьянъ намъ не выдаютъ, насъ бьютъ и грабятъ, многихъ побиваютъ до смерти, иныхъ въ воду сажаютъ; и тѣ воры, бѣглые люди наши и крестьяне, надѣясь на нихъ, что они ихъ намъ не выдаютъ, приходятъ къ намъ въ села наши и деревни вьявь, насъ доконца разоряютъ, послѣднихъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, лошадей и всякую животину крадутъ, дворы и гумна съ хлѣбомъ жгутъ, насъ многихъ побиваютъ до смерти, и иныхъ, заперши въ хоромахъ, пожигаютъ съ женами и дѣтьми. Въ Новгородосѣверскомъ и Черниговскомъ уѣздахъ, за епископомъ Лазаремъ поселилось бѣглыхъ драгунъ и нашихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и иныхъ прихожихъ людей больше 5,000, а выдачи никому нѣтъ, хотя съ висѣлицы придетъ.» Разумѣется вообще крестьянамъ легче было у богатыхъ вотчинни-

ковъ, чѣмъ у мелкихъ помѣщиковъ; но богатые вотчинники жили постоянно въ Москвѣ, въ деревняхъ были управляющіе, отъ жестокости которыхъ крестьяне также бѣжали къ козакамъ. Вотъ наивное письмо Богдана Хитрова къ князю Вас. Вас. Голицыну: «Жаловалъ ты ко мнѣ писалъ, что изъ Курской моей деревни побѣжало шесть семей крестьянъ; пожалуй изволь приказать провѣдать, не отъ жесточи ли человѣка моего Савки Танчѣева; а онъ у меня въ Епифанской моей деревнишкѣ жесточью своею многихъ разогналъ; а то вѣдаю, что не пьянствомъ и не для корысти развѣ безмѣрною жесточью.» Управляющій жесточью разогналъ крестьянъ въ Епифанской деревнишкѣ, такъ надобно было его послать въ Курскую! За то не пьяница и не воръ. Лучше всего могло быть крестьянамъ въ монастырскихъ имѣніяхъ; но и тутъ бывали сильныя причины къ неудовольствіямъ: въ 1678 году крестьяне Толвуйской волости взбунтовались, не желая быть за Вяжицкимъ монастыремъ, заводчики мятежа были жестоко наказаны [89].

Сознаніе экономической несостоятельности, ведшее необходимо къ повороту въ исторіи, было тѣсно соединено съ сознаніемъ нравственной несостоятельности. Русскій народъ не могъ оставаться въ китайскомъ созерцаніи собственныхъ совершенствъ, въ китайской увѣренности, что онъ выше всѣхъ народовъ на свѣтѣ уже по самому географическому положенію своей страны: океаны не отдѣляли его отъ западныхъ Европейскихъ народовъ. Побуждаемый силою обстоятельствъ, онъ долженъ былъ сначала уходить съ запада на востокъ; но какъ скоро успѣлъ здѣсь усилиться, заложить государство, такъ долженъ былъ необходимо столкнуться съ западными сосѣдями, и столкновеніе это было очень поучительно. Въ то самое время, въ то самое царствованіе, когда востокъ, восточные сосѣди Русскаго народа оказались совершенно безсильными предъ Москвою, когда покорены были три Татарскихъ царства и пошли Русскіе люди безпрепятственно по сѣверной Азіи вплоть до Восточнаго океана, въ то самое царствованіе на западѣ страшныя неудачи, на западѣ борьба оканчивается тѣмъ, что Россія должна уступить и свои земли врагу. Стало очевидно, что во сколько восточные сосѣди слабѣе Россіи, во столько

западные сильнѣе. Это убѣжденіе, подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы оказывались своимъ знаніемъ, искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться. Отсюда съ царствованія Іоанна IV, именно съ того царствованія, когда надъ востокомъ было получено окончательное торжество, но когда могущественный царь, покоритель Казани и Астрахани, обративъ свое оружіе на западъ, потерпѣлъ страшныя неудачи, съ этого самаго царствованія мысль о необходимости сближенія съ западомъ, о необходимости добыть моря и учиться у поморскихъ народовъ, становится господствующею мыслію правительства и лучшихъ Русскихъ людей. Какъ нарочно новыя бѣды, новыя пораженія со стороны запада, несчастный исходъ борьбы съ Польшею и Швеціею послѣ смутнаго времени, еще болѣе укрѣпили эту мысль. Поворотъ или переворотъ сталъ необходимостію. Но дѣло не могло обойтись безъ борьбы. У кого учиться? у чужихъ, у иноземцевъ, а главное у иновѣрцевъ? пустить чужихъ, иноземцевъ иновѣрныхъ къ себѣ и дать имъ высокое званіе учителей, такъ явственно признать ихъ превосходство, такъ явственно подчиниться имъ? Что̀ скажутъ люди, имѣющіе въ своихъ рукахъ исключительное учительство? Когда Годуновъ предложилъ вопросъ о необходимости вызвать изъ-за границы новыхъ учителей, то старые учители, духовенство отвѣчало, что нельзя, опасно для вѣры; лучше послать за границу Русскихъ молодыхъ людей, чтобъ тамъ выучились и возвратились учить своихъ. Но извѣстна судьба этихъ Русскихъ людей, отправленныхъ при Годуновѣ за границу: ни одинъ изъ нихъ не возвратился. Продолжительный застой, отсталость не могли дать Русскому человѣку силы, способности спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизаціею и овладѣть ею; застой, отсталость условливали духовную слабость, которая обнаруживалась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ чужаго, новаго, именно потому, что не имѣлъ силы, мужества взглянуть на него прямо, помѣряться съ нимъ,

трепеталъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не заставятъ пойдти къ новой нянькѣ, или когда преодолѣвалъ страхъ, то вполнѣ подчинялся чужому, новому, не могъ устоять предъ чарами волшебницы - цивилизаціи: второе явленіе повѣряло первое. Послѣ несчастной попытки Годунова новой уже не дѣлали; а между тѣмъ потребность учиться чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Представилось средство удовлетворить этой потребности безъ страха предъ иновѣрствомъ. Подлѣ Великой Россіи была Малая и обѣ, силою извѣстныхъ обстоятельствъ, влеклись къ соединенію въ одно политическое тѣло; Малая Россія, благодаря борьбѣ съ латинствомъ, раньше почувствовала потребность просвѣщенія, и владѣла уже средствами школьнаго образованія. Стало быть Великороссіянину можно было учиться безопасно у Малороссіянина, который приходилъ въ рясѣ православнаго монаха; можно было также учиться безопасно у Грека православнаго. Отсюда въ XVII вѣкѣ, передъ эпохою преобразованія, мы встрѣчаемъ не продолжительное время, когда за наукою обращаются къ Малороссіянамъ или вообще западно-Русскимъ ученымъ и къ Грекамъ.

Но и это примиряющее средство не вполнѣ могло помочь дѣлу. Новые учителя, откуда бы они ни пришли, хоть бы изъ православной Греціи, изъ православной Малороссіи, необходимо сталкивались съ старыми учителями, и отсюда борьба, которая вела къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Молодой Великороссіянинъ, поучившійся у Малороссійскаго монаха полатыни и погречески, сталъ ученѣе своего стараго учителя, своего отца духовнаго, говоритъ, что и то не такъ, и другое не такъ, и что отецъ духовный многое неправильно толкуетъ. Легко понять, какъ должны были смотрѣть на это отцы духовные. Свѣтопреставленіе! Яица курицу учатъ! Чего ждать добраго послѣ этого? Ясное дѣло, что Кіевскіе монахи вмѣстѣ съ латынью учатъ разнымъ ересямъ. Но мало того, что Русскіе люди учатся Богъ знаетъ чему въ Москвѣ у Малороссійскихъ монаховъ, хотятъ еще ѣхать въ Кіевъ, тамъ учиться, въ самомъ гнѣздѣ этой латыни: хороши оттуда воротятся! Такъ толковали въ Москвѣ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Расколъ былъ уже тутъ, народился, народился изъ неминуемаго

столкновенія старыхъ учителей съ новыми. Понадобилось исправить книги церковныя для печати; поручили дѣло самымъ разумнымъ, знающимъ изъ старыхъ учителей, самымъ виднымъ протопопамъ: книги исправили, напечатали, а новые учителя, Греческіе и Малороссійскіе монахи, говорятъ, что дѣло сдѣлано не такъ, что, вмѣсто исправленія, книги испорчены, и патріархъ поручаетъ снова исправлять книги новымъ учителямъ. Каково же старымъ? До сихъ поръ они имѣли авторитетъ неприкосновенный, слыли знатоками, а теперь объявлены невѣждами, опозорены на весь міръ, и кѣмъ? пришлыми Кіевскими и Греческими монахами; да сами-то эти монахи что̀ знаютъ, чему учатъ! сами-то православны ли! Народившійся уже прежде расколъ выросъ. Легко понять впечатлѣніе, произведенное на многихъ объявленіемъ старыхъ учителей, непотерявшихъ своего авторитета, что новые учителя, Греческіе и Кіевскіе монахи, принесли новизны, ереси латинскія: западные Русскіе люди давно уже связались съ латинянами, да и Греки отступили отъ православной вѣры, и книги свои печатаютъ въ латинскихъ типографіяхъ. Большинство удержалось при авторитетѣ церковнаго и гражданскаго правительства, принявшаго сторону новыхъ учителей; но извѣстная часть народонаселенія объявила себя на сторонѣ старыхъ учителей, вслѣдствіе чего должна была отвергнуть авторитетъ церковнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскаго правительства, «раскольщики, церковные мятежники» явились и мятежниками гражданскими, не признававшими власти, которая, въ ихъ глазахъ, гнала правую вѣру, власти антихристовой. То, что̀, по извѣстному закону, бываетъ всегда и вездѣ слѣдствіемъ внезапнаго освобожденія отъ какого бы то ни было авторитета, произошло теперь и въ Россіи въ области раскола. Отвергнувши разъ авторитетъ церковнаго правительства, единое для всѣхъ обязательное ученіе и правило, расколъ, не имѣя возможности составить изъ себя церкви съ единымъ правительствомъ, долженъ былъ распрыснуться на множество толковъ по множеству толковниковъ, не сдерживаемыхъ въ своихъ толкованіяхъ никакою властію, никакимъ авторитетомъ. Послѣ того какъ разъ извѣстный авторитетъ, власть отвергнуты, является сильное стремленіе высвободиться отъ всякаго авторитета, отъ всякой власти, отъ

всякихъ общественныхъ и нравственныхъ узъ. Гусситское освобожденіе въ Чехіи отъ авторитета Римской церкви быстро повело къ таборитству, къ коммунизму; Лютерово освобожденіе въ Германіи отъ авторитета той же церкви повело къ такому же явленію въ анабаптизмѣ. Подобное же стремленіе къ крайностямъ свободы явилось и у насъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ толкахъ.

Здѣсь, разумѣется, можетъ родиться вопросъ: зачѣмъ было доводить раскольниковъ до этихъ крайностей? зачѣмъ было преслѣдовать ихъ за различіе въ обрядахъ, за буквы, за вещи несущественныя? Отчего было не позволить имъ употреблять старыя книги, оставаться при старыхъ обрядахъ? Подобные вопросы, обличающіе неумѣнье отрѣшиться отъ настоящаго времени и привычку переносить его требованія въ вѣка минувшіе, сильно вредятъ изученію исторіи, правильному пониманію прошедшаго, а слѣдовательно и настоящаго, связи между ними. Во первыхъ, если православный говорилъ раскольнику, что можетъ креститься какъ хочетъ, то раскольникъ отъ этого не переставалъ называть православнаго слугою антихристовымъ за трехперстное сложеніе. Во вторыхъ, одно явленіе повѣряется другимъ. Если въ XVII вѣкѣ явились люди, которые, смѣшивая существенное съ несущественнымъ, готовы были умереть за двуперстный крестъ и т. п., то какое право получаемъ мы предполагать, что другіе, употреблявшіе трехперстное сложеніе, всѣ вдругъ поднялись на такую высоту, что могли отличать существенное отъ несущественнаго и снисходительно смотрѣть на заблужденія меньшей братіи? Люди, которыхъ авторитету они подчинялись, сказали имъ, что трехперстное сложеніе правильнѣе, они приняли это болѣе правильное употребленіе и этимъ порознились отъ людей, оставшихся при двуперстномъ сложеніи; но во взглядѣ на важность дѣла они нисколько не рознились; какъ послѣдователи двуперстнаго сложенія были убѣждены, что это необходимое условіе для спасенія и считали крестившихся тремя пальцами врагами Божіими, слугами антихристовыми, съ которыми нельзя имѣть никакого сношенія, точно также должны были смотрѣть на нихъ и противники ихъ, ибо вовсе не было условій, по которымъ бы они могли смотрѣть иначе. Цер-

ковный мятежникъ! мятежникъ противъ самого Бога! что могло быть хуже этого? какое снисхожденіе можно было оказать такому человѣку? Люди, которые преслѣдовали раскольниковъ за двуперстное сложеніе, эти же самые люди провозглашали, что брить бороду значило искажать въ себѣ образъ Божій и уподобляться псамъ или котамъ—ясный знакъ, что взглядъ былъ вездѣ одинъ и тотъже, вслѣдствіе чего могла быть только ожесточенная борьба безъ уступокъ и сдѣлокъ. Перемѣна взгляда, умѣнье отличать существенное отъ несущественнаго могло явиться при вліяніи новыхъ условій не ранѣе, какъ слишкомъ черезъ столѣтіе, тутъ только явилась и возможность снисхожденія, возможность уступокъ и сдѣлокъ. Архіерей въ родѣ Московскаго митрополита Платона могъ явиться только во второй половинѣ XVIII, а не во второй половинѣ XVII вѣка, когда происходило, напримѣръ, слѣдующее: въ 1655 году прислали Бѣлоруссовъ въ Вологду, и священники обратились къ архіерею съ вопросомъ, пускать ли ихъ въ церковь и ходить ли къ нимъ съ требами? Архіерей къ патріарху, и тотъ отвѣчалъ: «если кто не истинно крещенъ, обливанъ, тѣхъ крестить снова, а умершихъ погребать»[90].

Столкновеніе между старыми и новыми учителями повело къ расколу, къ церковному мятежу. Съ этимъ мятежемъ противъ своей власти и ученія духовенство не могло такъ скоро сладить, какъ, напримѣръ, свѣтское правительство сладило съ мятежемъ Стеньки Разина. Церковный мятежъ сдѣлался постояннымъ, духовенство пріобрѣло постоянныхъ внутреннихъ злыхъ враговъ, которые нисколько его не щадили въ своихъ жалобахъ и обличеніяхъ Но обличенія слышались не отъ однихъ раскольниковъ. Общество видимо тронулось; началось колебаніе, тряска, которыя не позволяли пребывать въ покоѣ. Тяжелое чувство собственныхъ недостатковъ, сознаніе, что отстали, что у другихъ лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться,—не покидали лучшихъ Русскихъ людей, отсюда стремленіе прислушиваться къ чужимъ рѣчамъ, обращать вниманіе на указанія съ разныхъ сторонъ, что и то и другое не такъ. Такое время обыкновенно бываетъ богато обличеніями, богато распоряженіями, хлопотами о прекращеніи сознаннаго, обличеннаго зла, о прекращеніи внѣшними средствами, и потому бьющими

обыкновенно мимо. Вопіющее, кидавшееся въ глаза и чужимъ и своимъ зло было страшное пьянство. Иностранцы повторяли: «Нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы пьянство было такимъ общимъ порокомъ, какъ въ Московіи. Всѣ, какого бы званія, пола и возраста ни были, духовные и свѣтскіе, мущины и женщины, молодые и старые, пьютъ водку во всякій часъ, прежде, послѣ и во время обѣда»[91]. Архіерей пишетъ окружное посланіе духовенству своей епархіи: «Учили бы вы людей Божіихъ каждый день съ прилежаніемъ. А какъ случится вамъ читать поученіе отъ божественнаго писанія, тогда бъ одинъ читалъ, а другой за нимъ толковалъ, а хорошо, если бъ кто и читалъ и толковалъ самъ, чтобъ простымъ людямъ было что принять отъ васъ. Видимъ, что въ простыхъ людяхъ, особенно же и въ духовныхъ чинахъ укоренилась злоба сатанинская безмѣрнаго хмѣльнаго упиванія, а такое сатанинское ухищреніе многихъ людей отлучаетъ отъ Бога»[92]. Легко было написать: читайте и толкуйте, когда было тяжело, не было умѣнья къ этому дѣлу да и нигдѣ неводилось. Давно уже, въ продолженіе вѣковъ, повторялось о хмѣльномъ упиваніи какъ о сатанинскомъ ухищреніи, и все понапрасну. Въ обществахъ, подобныхъ Русскому XVII вѣка, въ обществахъ, слабыхъ внутренно, всего крѣпче вѣра во внѣшнюю силу. Правительство распоряжается всѣмъ, можетъ все сдѣлать. Игуменъ бьетъ челомъ великому государю, что безъ царскаго указа ему нельзя справиться съ братіею: «отъ пьянства бываетъ многая вражда и мятежи; иные священники, клирошане и простая братія въ томъ обычаѣ закоснѣли, и отъ такого нестроенія игуменамъ бываютъ перемѣны частыя; безъ игуменовъ въ монастырѣ проходило многое время и привыкли жить по своей волѣ»[93]. Царь шлетъ грамоты, чтобъ въ монастыряхъ не держали хмѣльнаго питья, потому что усиленіе пьянства грозило иноческому чину совершеннымъ разрушеніемъ[94]. Но черезъ нѣсколько лѣтъ опять шлются царскія грамоты по монастырямъ съ новыми обличеніями, слѣдовательно съ признаніемъ, что прежніе указы остались безъ дѣйствія: «Въ Московскихъ, въ ближнихъ и дальнихъ, степенныхъ и нестепенныхъ монастыряхъ, архимандриты, игумены, келари и строители, казначеи и священники, и братья на мо-

настырскихъ погребахъ и по кельямъ у себя держатъ хмѣльное питье, вино, пиво и медъ, и отъ того хмѣльнаго питья церкви Божіи бываютъ безъ пѣнія. Архимандриты, игумены, келари, казначеи и соборные старцы во всѣхъ монастыряхъ держатъ у себя дѣтей, братью и племянниковъ и внучатъ, и даютъ имъ монастырскій хлѣбъ и всякій запасъ и изъ монастырской казны деньги; да они жь власти отпускаютъ монастырскихъ слугъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и какъ эти слуги съ жалованья въ монастырь пріѣзжаютъ, и съ нихъ берутъ власти, и дѣти ихъ и племянники и внучата посулы и поминки, деньгами, виномъ и медомъ, куницами и всякими гостинцами; а кто ихъ не почтитъ, тѣмъ, приметываясь для мзды, чинятъ побои и изгони большія; также и съ монастырскихъ вотчинныхъ крестьянъ, отъ дѣлъ и не отъ дѣлъ, посулы и поминки берутъ. Да власти же ѣздятъ къ мірскимъ людямъ въ домы на пиры и бражничаютъ, и за то ссужаютъ ихъ монастырскимъ хлѣбомъ и денежною казною»[95]. Прошло двадцать лѣтъ, и Новгородскій митрополитъ въ своей грамотѣ повторяетъ: «Игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмѣльнымъ питьемъ до пьянства упиваются, о церкви Божіей и о дѣтяхъ своихъ духовныхъ не радѣютъ, и всякое безчиніе во всякихъ людяхъ чинится; сдѣлать заказъ крѣпкій, чтобъ игумены, черные и бѣлые поны и дьяконы, и старцы и черницы на кабакъ пить не ходили, и въ мірѣ до великаго пьянства не упивались, и пьяные по улицамъ не валялись бы»[96].

Церковные соборы также не щадили обличительныхъ рѣзкихъ словъ. Соборъ 1667 года постановляетъ, чтобъ священники учили дѣтей своихъ и приготовляли ихъ такимъ образомъ на свои мѣста, а не оставляли дѣтей своихъ наслѣдниками мамонѣ, не торговали Христовою церковію, не допускали ставить въ священство сельскихъ невѣждъ, изъ которыхъ иные и скота пасти не умѣютъ, не только людей: отсюда въ церкви Божіей мятежи и расколы[97].

Въ обличеніяхъ не было недостатка въ XVII вѣкѣ. Явленіе естественное и необходимое въ переходное время. Негодованіе и сильныя выраженія на счетъ пьянства, невѣжества пошли въ ходъ. Но кто обличалъ? Очень незначительное мень-

шинство, или, что еще важнѣе, обличали иностранцы, пришельцы, и Русскіе обличали подъ ихъ вліяніемъ, по ихъ указаніямъ. Обличенія не помогаютъ, не исправляютъ, когда нѣтъ внутренней, давней подготовки къ исправленію, когда нѣтъ условій, благопріятствующихъ этому исправленію; обличеніе можетъ только заставить искать этихъ условій, и если общество юно и крѣпко, имѣетъ жить, то эти условія и начнутъ производить свое дѣйствіе, приготовлять общество къ исправленію; но сколько для этого нужно времени? а между тѣмъ обличенія, явившіяся вдругъ, извнѣ, безъ внутренняго приготовленія, могутъ вести къ печальнымъ явленіямъ. Извѣстно, что до указаній, сдѣланныхъ во второй половинѣ XVII вѣка Греческими и западно-Русскими духовными лицами, правила, установленныя Стоглавомъ, имѣли для всѣхъ авторитетъ непререкаемый. Но вдругъ соборъ 1666 года постановляетъ: «Писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавѣ, и клятва безъ разсужденія и неправедно положена: мы православные патріархи и весь освященный соборъ ту неправедную и безразсудную клятву разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ соборъ не въ соборъ и клятву не въ клятву и ни во что вмѣняемъ, какъ бы ея вовсе и не было, потому что Макарій митрополитъ и бывшіе съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно, восхотѣли сами собою, не согласясь съ Греческими и съ древними харатейными Словенскими книгами, со вселенскими св. патріархами не посовѣтовались и не спросили ихъ»[98]. Дѣйствіе было сильное, ошеломляющее. Невѣжи постановили, и цѣлое общество, опять по невѣжеству, послѣдовало безразсуднымъ постановленіямъ. Тутъ, съ одной стороны, сильный упоръ вслѣдствіе оскорбленія разныхъ чувствъ: «всѣ мы были невѣжды, отцы наши были невѣжды!» сильное оскорбленіе вызываетъ вопросъ: такъ ли? и заставляетъ рѣшать его отрицательно. Съ другой стороны и тѣ, которые подчинились авторитету обличителей, признали свое невѣжество и невѣжество отцовъ своихъ, чрезъ это признаніе не получили вдругъ средствъ освободиться отъ своего невѣжества, и, кромѣ указаннаго Греческими патріархами, на другія постановленія того же Стоглава продолжали смотрѣть по прежнему,

продолжали смотрѣть на несущественное какъ на существенное, продолжали освящать то, что вовсе не требовало освященія; преслѣдуя однихъ за двуперстное сложеніе, преслѣдовали другихъ за брадобритіе, за подстриганіе волосъ, за такіе «Еллинскіе, блудническіе, гнусные обычаи»[99] отлучали отъ церкви, отлучали и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобрійцами.

Мы видѣли, что въ 1655 г. патріархъ Никонъ отвѣчалъ Вологодскому духовенству на вопросъ о православныхъ Бѣлоруссахъ, что если они обливаны, то надобно ихъ крестить снова. Въ одиннадцать лѣтъ взглядъ не могъ перемѣниться; но вопросъ поднялся извнѣ: на соборѣ 1667 года два патріарха Александрійскій и Антіохійскій рѣшили, что и Латынъ перекрещивать не слѣдуетъ. Имъ представили на видъ противоположное рѣшеніе собора при патріархѣ Филаретѣ 1621 года; патріархи не могли отозваться о царскомъ дѣдѣ, какъ отозвались о митрополитѣ Макаріѣ, и оговорились: «Если кто станетъ негодовать, зачѣмъ уничтожено постановленіе собора, бывшаго при св. патріархѣ Филаретѣ, то пусть не соблазняется и вѣдаетъ, что и въ древнія времена одинъ соборъ исправлялъ рѣшенія другаго»[100].

Но для нѣкоторыхъ соблазнъ былъ страшный: въ короткое время разрушены были постановленія прежнихъ соборовъ, и одинъ изъ нихъ, древнѣйшій, обвиненъ въ невѣжествѣ и неразуміи. Авторитету нанесенъ былъ сильный ударъ, почва заколебалась подъ ногами: думая удержаться отъ паденія, одни обѣими руками схватились за старое, за старые авторитеты; другіе, допустивши движеніе, остановились на опасной полудорогѣ, между двухъ огней, соединивши православіе съ бородою и длинными волосами. Правительство гражданское, думая ратовать за древнее благочестіе, подало имъ руку. Патріархъ Іоакимъ говорилъ въ послѣдствіи, что гнусный обычай брадобритія во дни царя Алексѣя Михайловича былъ всесовершенно искорененъ. Дѣйствительно мы знаемъ, напримѣръ, что князь Кольцовъ-Мосальскій написанъ былъ изъ стряпчихъ по жилецкому списку за то, что у себя волосы подрѣзалъ[101]. Но эти внѣшнія средства могли ли помочь въ то время, когда новые

учители, новые авторитеты, требующіе признанія и подчиненія, являлись не въ видѣ только православныхъ Греческихъ и западно-Русскихъ монаховъ? Нудящія потребности государства были въ такихъ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, которымъ не могли научить монахи. Волею-неволею нужно было обратиться къ иноземнымъ и иновѣрнымъ учителямъ, которые и нахлынули и, разумѣется, съ требованіями признанія своего превосходства. Превосходство было признано; важныя лица на верху постоянно толковали, что въ чужихъ земляхъ не такъ дѣлается какъ у насъ и лучше нашего. Но какъ скоро превосходство иностранца было признано, какъ скоро явилось ученическое отношеніе Русскаго человѣка къ иностранцу, то необходимо начиналось подражаніе, а подражаніе это, по естественному ходу дѣлъ, начиналось съ внѣшняго. Русскій человѣкъ брилъ бороду, подстригалъ волосы, за это его писали изъ стряпчихъ по жилецкому списку. Онъ преклонялся предъ силою, но дѣйствіе силы не могло уже получить оправданія въ его глазахъ и потому сильно раздражало. Онъ хорошо зналъ, вслѣдствіе подчиненія чьему авторитету правительство гражданское писало его изъ стряпчихъ въ жильцы; но развѣ этотъ авторитетъ не былъ поколебленъ? развѣ обличенія не произвели своего дѣйствія, не освѣтили того, что̀ прежде въ темнотѣ было не видно? А тутъ цѣлая толпа новыхъ обличителей, разумѣется, съ сильно пущеннымъ въ ходъ словомъ: невѣжество, съ могущественными побужденіями къ обличенію, потому что столкновеніе между старыми и новыми учителями послѣдовало, взаимная ненависть разгорѣлась: не молчалъ иностранецъ предъ человѣкомъ, который не признавалъ въ немъ образа и подобія Божія, который внушалъ, что надобно выжить вреднаго пришельца. И пришлецъ позволялъ себѣ не одни обличенія и насмѣшки. До насъ дошла любопытная челобитная Коломничей на майора Цея съ товарищами, которые «чинили имъ обиды и налоги великіе, въ торгахъ всякій товаръ грабили, людей по улицамъ били и грабили. Ночью, послѣ барабаннаго боя, съ солдатами по улицамъ ходили, поповъ хватали, били и увѣчили, отводили къ майору на дворъ, запирали въ подклѣть и мучили для своей бездѣльной корысти;

посадскимъ людямъ въ воскресенье въ церковь ходить нельзя было»[102].

При такомъ трудномъ положеніи Русскаго духовенства во второй половинѣ XVII вѣка, въ эпоху народнаго поворота на новый историческій путь, вмѣсто поддержки съ разныхъ сторонъ удары. Такъ сильный ударъ нанесло ему Никоново дѣло. По видимому, передъ началомъ труднаго времени исторія хотѣла дать духовенству могущественнаго вождя, который бы помогъ ему сдержать напоръ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и выйдти съ побѣдою изъ борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ митрополита Алексія Русская церковь никогда еще не была въ такомъ выгодномъ положеніи касательно значенія своего верховнаго пастыря, какъ во времена Никона. Молодой, мягкій по природѣ, благочестивѣйшій не по одному титулу царь вполнѣ подчиняется энергическому патріарху. Но это самое положеніе, это обиліе матеріальныхъ мірскихъ средствъ и заключаетъ въ себѣ причину паденія Никона, который, какъ человѣкъ плоти и крови, не выдержалъ искушенія, прельстился предложеніемъ царствъ, и палъ. Никонъ позволилъ себѣ принять роковой титулъ «Великаго государя», т. е. главнаго хозяина, главнаго правителя страны, титулъ, не могшій имѣть никакого отношенія къ значенію патріарха; титулъ, прямо указывавшій на двоевластіе, на то, что два хозяина въ домѣ, и влекшій необходимо къ столкновенію между ними, тѣмъ болѣе, что Никонъ, по природѣ своей, не могъ быть только титулярнымъ великимъ государемъ. Патріаршество, высокое духовное значеніе стало для Никона на второмъ планѣ, онъ бросился на мірскую власть, захотѣлъ быть настоящимъ великимъ государемъ, столкнулся необходимо съ другимъ великимъ государемъ, настоящимъ, законнымъ, и проигралъ свое дѣло, потому что сталъ въ видимо для каждаго незаконное положеніе. Поведеніе Никона съ минуты отреченія представило рядъ скандаловъ, ронявшихъ все болѣе и болѣе бывшаго патріарха, который совершенно потерялъ изъ виду церковь, патріаршество, и хлопоталъ только о томъ, чтобъ ему, Никону, если нельзя возвратить вполнѣ все прежнее, то, по крайней мѣрѣ, удержать какъ можно больше изъ своего прежняго значенія, изъ прежнихъ матеріальныхъ

выгодъ; но въ какомъ бы печальномъ состоянiи ни находилось общество, все же оно не могло не оттолкнуться отъ человѣка, который великое общественное дѣло совершенно превратилъ въ личное. Никонъ проигрывалъ свое дѣло тѣмъ, что велъ борьбу съ Алексѣемъ Михайловичемъ, котораго благочестiе и благоговѣйное уваженiе къ церковнымъ властямъ было хорошо всѣмъ извѣстно, и тѣмъ сильнѣе бросалась въ глаза печальная противоположность между мягкостiю представителя свѣтской власти и жесткостiю представителя власти духовной, архiерея, монаха, который скорѣе всякаго воеводы готовъ былъ давать чувствовать свою власть и силу. Такимъ образомъ вторая половина XVII вѣка представила явленiе совершенно обратное тому явленiю, какое мы видѣли во второй половинѣ XVI вѣка. Тогда произошло также столкновенiе между представителями свѣтской и духовной власти и, повидимому, побѣда осталась на сторонѣ перваго; но это было только повидимому. Поведенiе св. Филиппа, его мученичество за самое святое право пастыря церкви, право сдерживать силу, не допускать ее до насилiй, были великимъ торжествомъ для Русской церкви и ея верховнаго пастыря, ибо высшая степень могущества, до котораго можетъ достигать духовная власть по своей природѣ— это святость, это мученичество вслѣдствiе исполненiя своей обязанности полагать душу за овцы, а низшая ступень, до которой можетъ ниспасть представитель свѣтской власти — это мучительство, мучительство надъ праведникомъ. Никонъ, по своей природѣ, не умѣлъ понять этого великаго явленiя, смотрѣлъ на него не духовными глазами: его поражало и раздражало видимое низложенiе представителя духовной власти представителемъ свѣтской, онъ не понималъ, что побѣдилъ здѣсь тотъ, кто спасъ свою душу, погубивши ее. При такомъ непониманiи сущности дѣла, Никону хотѣлось, какъ онъ думалъ, поправить его и заставить царя Алексѣя Михайловича послать къ гробу св. Филиппа умилостивительную грамоту, просить прощенiе за Iоанна Грознаго. Перенося мощи св. Филиппа изъ Соловокъ въ Москву, Никонъ хотѣлъ ихъ сдѣлать щитомъ для себя, но въ какой борьбѣ и съ кѣмъ? Онъ не понималъ, что по характеру своему былъ болѣе похожъ на Iоанна

Грознаго, чѣмъ на Филиппа, былъ болѣе похожъ на мучителя, чѣмъ на жертву, и что тишайшій Алексѣй Михайловичъ не былъ вовсе похожъ на Грознаго.

Не духовныя стремленія Никона были особенно вредны въ то время, когда, въ виду страшнаго переворота, нужно было собрать нравственныя силы духовенства и дать ему достойное вооруженіе для разнаго рода опасныхъ встрѣчъ. Чтобы поддержать значеніе духовенства, нужно было стать въ челѣ движенія, совершавшагося безъ спросу съ кѣмъ бы то ни было, нужно было начать преобразованія въ церкви; но эти преобразованія нельзя было ограничить требованіями большаго порядка во внѣшнемъ богослуженіи, разсылкою нѣсколькихъ благонамѣренныхъ указовъ, причемъ посылались указы и о томъ, чтобъ перекрещивать православныхъ Бѣлоруссовъ: церковь требовала преобразованій другаго рода. Нужно было соединять духовенство, раздѣлявшееся на черное властвующее и бѣлое подчиненное, соединять любовными, благодушными отношеніями властвующаго къ подчиненному; нужно было всѣми силами противодѣйствовать утвержденію въ духовномъ управленіи системы кормленія, чтобы на подчиненное духовенство не смотрѣли какъ только на тяглое, обязанное кормить начальствующихъ, чтобъ эти начальствующіе не заражались властелинскимъ, воеводскимъ духомъ, и чтобъ подьячіе ихъ не были похожи на воеводскихъ подьячихъ. Къ несчастію, не только мелочной Іосифъ, но и преемникъ его Никонъ, по характеру своему, не былъ способенъ мягко и благодушно относиться къ подчиненнымъ, уважать въ нихъ высокость пастырскаго сана и поднимать ихъ этимъ самымъ уваженіемъ. Послышались сильныя жалобы на Іосифа и Никона, что они перемѣнили прежнее благодушное обращеніе патріарховъ съ священниками, перестали обращать вниманіе на ихъ положеніе, отдали ихъ на жертву своему ненасытному дьяку, этому Кокошилову, пріобрѣтшему такую печальную извѣстность въ Москвѣ: священникъ долженъ былъ дарить не только Кокошилова и жену его, но и слугъ, иначе просителя и на дворъ не пускали. Въ областяхъ то же самое: въ большіе праздники подчиненнымъ нужно было обдарить болѣе сорока лицъ, приближенныхъ къ архіерею: каз-

начея, приказнаго, двухъ дьяковъ, шестерыхъ подьячихъ, стряпчаго, дворецкаго, житника, ключника, ризничаго, чашника, гвоздаря, придѣльнаго попа и дьякона, архіерейскихъ келейниковъ, казначейскаго келейника, пономарей и звонарей, приказнаго сторожа, воротнаго сторожа, протопопа съ братіею, подьяконовъ, іеромонаховъ, іеродьяконовъ. Мы теперь не можемъ объяснить, какимъ образомъ въ этотъ списокъ даримыхъ попали двѣ женщины, и одна съ двумя сыновьями, изъ которыхъ каждаго должно было дарить; про то знали современники[103]. Для священника двери патріаршаго дома были заперты, не смѣлъ онъ придти къ патріарху, поговорить о важныхъ дѣлахъ, касавшихся его служенія, испросить разрѣшенія недоумѣній; а для мірянъ, для женщинъ двери были отворены. Мы не можемъ отвергать этихъ жалобъ на томъ основаніи, что они шли отъ защитниковъ Іосифовскаго исправленія книгъ, ибо жалобщики соединяютъ Никона съ Іосифомъ, упрекаютъ Никона за то, что онъ подражалъ Іосифу. По удаленіи Никона наступило въ церкви продолжительное междупатріаршіе, которое также должно было имѣть вредныя послѣдствія для духовенства въ такое важное для него время. Знаменитый Кокошиловъ остался съ прежнимъ значеніемъ и жалобы на него не прекратились. Въ 1661 году били челомъ на него патріаршіе дѣти боярскіе: «Обогатясь многою домовою казною, началъ нынѣ принимать въ патріаршій домъ племянниковъ своихъ и богатить ихъ, а насъ изгоняетъ и губитъ; принялъ онъ въ патріаршій домъ племянника своего и отпустилъ его на двѣ десятины лучшія, а прежде на тѣ десятины посылываны мы на жалованье, человѣка по два и по три, а иныя десятины, на которыхъ десятильничья доходу собирается побольше, Кокошиловъ беретъ за себя. Покупилъ себѣ многія вотчины и на Москвѣ большіе дворы. Дѣлаетъ это, надѣясь на свою мочь, что сидитъ въ патріаршихъ приказахъ, обрався зятьями своими и друзьями. Наконецъ соблазнъ Никонова дѣла былъ вреденъ православной церкви въ борьбѣ ея съ расколомъ; раскольники получили возможность говорить: «Аще Никонъ, наставникъ вашъ, правый путь вамъ обрѣте, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя сво-

его ратуютъ? Аще ли Никонъ врагъ Богу и Богородицѣ и святымъ Его и вамъ, то почто его пестрые законы держите?»[104]

Кончилось Никоново дѣло; но печальное впечатлѣніе, какое оно должно было произвести, подновилось дѣломъ Коломенскаго архіепископа Іосифа. Этотъ архіерей позволялъ себѣ сердиться на то, что при общей земской тяжести отъ продолжительныхъ войнъ, подати падали и на церковныя имущества. Станетъ Іосифъ прохладенъ (навеселѣ), и не щадитъ никого, ни царя, ни патріарха, ни бояръ, говоритъ про великаго государя, что «не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ; прежніе государи святыя мѣста снабжали, а теперь разоряютъ, берутъ всякія подати лишнія большія; а бояре, Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ; а патріархъ Іоакимъ мало и грамотѣ умѣетъ; на соборѣ только и говоритъ Нижегородскій митрополитъ да я, а патріархъ только бороду уставя сидитъ, ничего не знаетъ, непостояненъ, трусъ, прикажетъ благовѣстить то такъ, то иначе, а поученіе станетъ читать, только гноитъ, и слушать нечего.» Іосифъ тронулся новымъ временемъ: позоритъ патріарха за невѣжество, за неумѣнье говорить на соборѣ, читать поученіе. Но требовательный мудрецъ не понималъ одного, что высшая мудрость для архіерея состояла въ умѣньѣ самому привыкнуть и другихъ пріучить къ христіанскому обращенію съ ближними, заставлять дурнаго воеводу перемѣнять свое обращеніе съ подчиненными, а не самому превосходить жестокостями самаго дурнаго воеводу: «Кого начнетъ смирять Іосифъ, кричитъ: «Кто васъ у меня отниметъ? не боюсь я никого, ни царь, ни патріархъ васъ у меня не отниметъ». Виноватымъ наказанья были жестокія: били шелепами и плетьми, сажали на цѣпи, дня по три ѣсть не давали: холодною водою со снѣгомъ за заутренею соборныхъ поповъ и пѣвчихъ знобили, водою поливали, снѣгъ за пазуху клали, какого то Петрушу Кириллова самъ архіерей на молебнѣ въ соборной церкви зашибъ до крови; поповъ билъ плетьми нагихъ и приговаривалъ: «бей гораздо, мертвые наши!» Іосифъ на соборѣ во всемъ заперся, на очныхъ ставкахъ противъ свидѣтельствъ никакого отвѣта не далъ. Соборъ произнесъ

низверженіе; патріаршая грамота, перечисляя вины Іосифа, между прочимъ говоритъ: «Звѣрскимъ весьма образомъ и стремленіемъ уловляше овцы во снѣдь своего звѣрообразнаго глощенія, сирѣчь безмѣрнаго мздоиманія и неправды. Ему же никоего же оправданія во своихъ винахъ намъ изнесшу и отъ обличникъ своихъ во всемъ обличену и укорену бывшу и весьма яко нѣму и безгласну стоящу.» Іосифъ былъ сосланъ въ одинъ изъ Новгородскихъ монастырей, но съ правомъ управлять имъ.

Въ ноябрѣ 1674 года государь жилъ въ Преображенскомъ: вдругъ пріѣзжаетъ къ нему стольникъ Посниковъ, сынъ его духовника съ челобитьемъ отъ отца: духовникъ писалъ, что патріархъ Іоакимъ велѣлъ посадить его въ смиренье на цѣпь безвинно, такъ чтобъ великій государь изволилъ придти въ Москву и его изъ смиренья освободить. Можно догадываться, что вѣсть о Конотопскомъ или Чудновскомъ пораженіи производила не болѣе сильное впечатлѣніе на благочестиваго царя. Онъ велѣлъ сказалъ духовнику, что будетъ въ Москвѣ завтра рано поутру нарочно; пріѣхалъ, позвалъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей — Долгорукаго, Хитрова, Матвѣева, послалъ за патріархомъ; тотъ явился и «протопопово неистовство, невѣжество и мздоимство многое извѣщалъ: держитъ у себя жонку многое время, духовника патріаршаго къ себѣ не пустилъ и его патріарха безчестилъ». Патріархъ сердитъ, улики явныя—жонка, отъ которой Іоакимъ уже успѣлъ отобрать показаніе. Царь съ просьбами къ патріарху, и тотъ умилостивился, оставилъ протопопа подъ запрещеніемъ до собора. Но скоро подошелъ патріаршій праздникъ Петра митрополита (21 декабря); Іоакимъ, по обычаю, пришелъ во дворецъ звать государя къ себѣ обѣдать; Алексѣй Михайловичь воспользовался этимъ случаемъ и упросилъ патріарха простить духовника и не поднимать дѣла на соборѣ[105].

Такія явленія происходили въ Москвѣ, въ Коломнѣ; но что̀ могло происходить подальше, тамъ, гдѣ было до Бога высоко, до царя далеко? Изъ Тотемскаго уѣзда, напримѣръ, дали знать, что тамъ появились разбойники: въ разбояхъ участвовалъ и грабежную рухлядь укрывалъ строитель Тафтенской пустыни, старецъ Ѳеропонтъ[106].

Никонъ, Іосифъ Коломенскій жаловались на разоренье: но общество не могло сочувствовать ихъ жалобѣ, во-первыхъ потому, что терпѣли всѣ за общее народное дѣло, терпѣли всѣ отъ войны, начатой за православіе; во-вторыхъ всѣ знали, что архіереи не разорены. Въ 1653 году посыланы были государевы дворяне въ патріаршую область описывать въ городахъ и уѣздахъ приходскія церкви и во дворахъ церковниковъ, церковную землю и всякія усадьбы, и прихожанъ по именамъ, и описавши, окладывали данью: съ попова двора по 4 деньги, съ дьяконова по 2, дьячкова, пономарева, просвирницына и бобыльскихъ по деньгѣ; съ боярскихъ, княжнецкихъ, дворянскихъ, дѣтей боярскихъ и государевыхъ дворцовыхъ или съ прикащиковыхъ по 6 денегъ съ двора, съ посадскихъ и крестьянскихъ по 4, съ казачьихъ, стрѣлецкихъ и пушкарскихъ по 2, съ бобыльскихъ и боярскихъ дѣловыхъ людей по деньгѣ; съ бортныхъ ухожаевъ, съ рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ съ знамени по 3 алтына съ деньгою; съ церковной земли съ пашни съ четверти по 3 деньги, съ сѣнныхъ покосовъ по двѣ деньги съ копны; да сверхъ этого окладу десятильничьихъ и за ѣзду по 3 алтына по 2 деньги съ церкви, да казенныхъ платежныхъ пошлинъ по 3 алтына по 3 деньги съ церкви [107]. И другіе архіереи также окладывали для себя свои епархіи. Въ пользу архіереевъ сбирались также вѣнечныя и похоронныя пошлины. Наконецъ были и другія вспоможенія. Ростовскій митрополитъ Іона писалъ одному Ярославскому священнику: «Помози тебѣ Богъ, что ты насъ кормишь Волгскою свѣжею рыбою; богатѣе ты всѣхъ своихъ братьи Ярославскихъ поповъ» [108]. Во второй половинѣ XVI вѣка, при Іоаннѣ Грозномъ, на соборѣ было постановлено прекратить дальнѣйшее увеличеніе монастырской земельной собственности. Но постановленіе не соблюдалось. При составленіи уложенія всѣ свѣтскіе чины били челомъ, чтобъ государь указалъ вотчинныя земли, которыя даны духовенству послѣ 1580 года вопреки уложенію царя Іоанна, взять на себя и велѣть раздать ихъ служилымъ людямъ [109]. Велѣно эти земли переписать, но на этомъ дѣло и остановилось: царь Алексѣй Михайловичь, особенно въ патріаршество Никона, не былъ способенъ провести такую мѣру, а былъ способенъ продолжать

нарушеніе постановленія царя Іоанна· такъ въ 1654 году онъ далъ Иверскому монастырю, который строилъ Никонъ, цѣлый пригородъ Холмъ[110].

Алексѣй Михайловичъ отступился также отъ мѣры относительно дѣтей бѣлаго духовенства. Не всѣ сыновья духовныхъ лицъ и церковныхъ причетниковъ могли получить мѣста при церквахъ: кромѣ того, что ихъ было больше, чѣмъ мѣстъ, для занятія этихъ мѣстъ требовалось необходимое условіе — грамотность, которому не всѣ могли удовлетворить; безграмотный не могъ поступить и въ подьячіе; что же ему оставалось дѣлать? Правительству давали знать, что эти безграмотные дѣти бѣлаго духовенства «живутъ въ гулякахъ, ходятъ за неподобными промыслами и воровствомъ» Чтобъ найти имъ лучшее занятіе въ концѣ 1660 года, когда затянувшаяся война потребовала увеличенія числа ратныхъ людей, изданъ былъ указъ о взятіи на службу лишнихъ людей священно-и-церковнослужительскихъ: брать отъ двоихъ третьяго, отъ четырехъ двоихъ, смотря по людямъ; а у церквей съ отцами оставлять тѣхъ, которые умѣютъ грамотѣ, чтобъ у церквей безъ пѣнія не было. Но указъ, какъ видно, произвелъ сильныя жалобы, а жалобы духовенства производили на Алексѣя Михайловича сильное впечатлѣніе, и въ началѣ слѣдующаго года новый указъ: «мы, великій государь, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и всякихъ церковныхъ причетниковъ пожаловали, дѣтей ихъ въ службу писать не велѣли, а велѣли имъ быть у церквей Божіихъ въ церковныхъ причетникахъ, а инымъ въ добрыхъ и законныхъ промыслахъ. Чтобъ они дѣтей своихъ, братью и племянниковъ отъ всякихъ неподобныхъ и воровскихъ промысловъ унимали, всякому доброму дѣлу учили, чтобъ они за воровствомъ впередъ не ходили, а которые захотятъ добровольно записываться въ нашу службу, тѣмъ бы не запрещали» [111].

Только Никонъ, Іосифъ Коломенскій и подобные имъ могли жаловаться на разореніе церковнаго имущества; его не разоряли; но понятно, что въ тяжелое время, а такимъ было почти все время царствованія Алексѣя Михайловича, монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, какъ всѣмъ и мірскимъ владѣльцамъ движимаго и недвижимаго имущества, было тяжело.

У монастырей не тронули недвижимаго имущества, не ограничили его распространенія; но уничтожены были тарханы, жалованныя грамоты архіереямъ и монастырямъ на беспошлинные промыслы; у монастырей брали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Такъ въ 1655 году царь писалъ въ Тихвинъ монастырь: «Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть деньги многія, и мы указали взять у васъ на жалованье ратнымъ людямъ 10,000 рублей; а въ оскорбленье себѣ вы бъ того не ставили: какъ служба минется, мы тѣ деньги велимъ вамъ отдать» [112]. Кромѣ того правительство разсылало по монастырямъ тяжело раненыхъ ратныхъ людей; монастыри ихъ кормили и одѣвали [113]. Наконецъ престарѣлые служилые люди, по царскому указу, постригались безъ вклада, тогда какъ всѣ другіе должны были вносить вкладъ. Мірскіе люди заключали иногда съ монастырями слѣдующія любопытныя записи: «Вложися въ Тихвинскій монастырь N. N., а вкладу далъ меринъ рыжъ за 10 рублевъ, да денегъ два рубли. И какъ онъ придетъ въ монастырь къ своему вкладу жить, и намъ игумену съ братьею его приняти и покоити, какъ и прочую братію, а не лучится ему у своего вкладу жити, пошлетъ Богъ по душу его, и намъ его написати въ литію и въ синодикъ, въ вѣчное поминаніе» [114].

Мы уже сказали, что обличенія нравственной несостоятельности не могли произвести непосредственнаго добраго вліянія, ибо не могли вдругъ отстраниться тѣ условія, которыя ее производили. Главныя условія были: застой, коснѣніе, узкость горизонта, малочисленность интересовъ, которые поднимаютъ человѣка надъ мелочами ежедневной жизни, очищаютъ нравственную атмосферу, даютъ человѣку необходимый отдыхъ, необходимый праздникъ, уравновѣшиваютъ его силы, возстановляютъ ихъ, однимъ словомъ недостатокъ просвѣщенія. Отсутствіе пищи для духа условливало необходимо господство матеріальныхъ стремленій, матеріальныхъ взглядовъ. Церковь обличала эти стремленія и взгляды, требовала ихъ измѣненія. Но обличенія и требованія оказывались недѣйствительными; церковь старалась внушить, что бракъ есть таинство, къ которому должно приступать съ благоговѣніемъ, но

общество смотрѣло на него другимъ взглядомъ и выражало этотъ взглядъ въ «нелѣпыхъ козлогласованіяхъ и безстудныхъ словесахъ», съ которыми провожали жениха и невѣсту въ церковь[115]. Иностранцы съ изумленіемъ описываютъ обычай мущинамъ и женщинамъ мыться вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ; церковь вооружалась и противъ него, но обычай оставался на долго; онъ всего лучше объясняетъ намъ реакцію, которая высказалась въ заключеніи женщины въ теремъ у людей знатныхъ и богатыхъ; одно явленіе необходимо вызывало другое. По свидѣтельствамъ, достойнымъ полной вѣры, нигдѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ, не смотрѣли такъ легко какъ въ Россіи на гнусный, противуестественный грѣхъ. Иногда слѣдствія были ужасны[116]. Благочестивый Алексѣй Михайловичь считалъ своею обязанностію заботиться и о душевномъ спасеніи подданныхъ: онъ требовалъ отъ воеводъ, чтобъ они въ походахъ силою заставляли ратныхъ людей исповѣдываться[117]; понятно, что онъ долженъ былъ требовать этого отъ мирныхъ гражданъ. Въ 1659 году было разослано по приказамъ повелѣніе: дьякамъ, подьячимъ и дѣтямъ боярскимъ и всякаго чина людямъ говѣть на страстной недѣлѣ[118]. Въ слѣдующемъ году указъ: списки людей неговѣвшихъ присылать въ монастырскій приказъ и такимъ ослушникамъ указъ будетъ съ опалою, безо всякой пощады[119]. Въ томъ же году приказано было въ Филипповъ постъ всѣмъ поститься и въ церковь ходить каждый день[120]. Еще въ началѣ царствованія изданъ былъ указъ: въ воскресный день и господскіе праздники не работать ни кому, въ субботу прекращать работу какъ заблаговѣстятъ къ вечернѣ[121]. Не работать: но что̀ же дѣлать? Правительство, которое брало на себя родительскія обязанности въ отношеніи къ подданнымъ — дѣтямъ, запретило цѣлый рядъ увеселеній и повсемѣстныхъ суевѣрныхъ обычаевъ: «въ воскресные, господскіе праздники и великихъ святыхъ приходить въ церковь и стоять смирно, скомороховъ и ворожей въ домы къ себѣ не призывать, въ первый день луны не смотрѣть, въ громъ на рѣкахъ и озерахъ не купаться, съ серебра не умываться, олову и воска не лить, зернью, картами, шахматами и лодыгами не играть, медвѣдей не водить и съ сучками не

плясать, на бракахъ пѣсенъ бѣсовскихъ не пѣть и никакихъ срамныхъ словъ не говорить, кулачныхъ боевъ не дѣлать, на качеляхъ не качаться, на доскахъ не скакать, личинъ на себя не надѣвать, кобылокъ бѣсовскихъ не наряжать. Если не послушаются, бить батогами; домры, сурны, гудки, гусли, и хари искать и жечь [122]. Такимъ образомъ въ обществѣ, въ которомъ, по извѣстнымъ причинамъ, господствовало открыто стремленіе къ чувственнымъ удовольствіямъ, правительство предписывало монастырское препровожденіе праздниковъ, дней отдыха. Батоги грозили одинаково и тому, кто пѣлъ на свадьбѣ непристойныя пѣсни, и тому, кто водилъ медвѣдей, которыхъ поводчики позволяли себѣ передъ дѣтьми самыя безнравственныя представленія, и тому, кто качался на качеляхъ и игралъ въ шахматы! Угрозы были не на бумагѣ только: въ 1669 году великій государь указалъ стольника князя Григорья Оболенскаго послать въ тюрьму за то, что у него въ воскресенье на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же князь Григорій говорилъ скверныя слова [123]. Но мы, къ несчастію, знаемъ, какъ батоги и тюрьмы мало содѣйствовали истребленію привычки, позорящей народъ нашъ, и надѣемся, что она истребится другими средствами.

Вмѣстѣ съ непристойными запрещены были самыя невинныя удовольствія. Но батоги и тюрьма не грозили за порокъ, противъ котораго слышались сильные вопли, но которому всѣ предавались, наказанія не было за пьянство. Пьянство, господствовавшее въ древней Руси, всего лучше показываетъ намъ, съ какимъ обществомъ имѣемъ дѣло: человѣку для возстановленія, уравновѣшенія силъ своихъ необходимо покидать иногда будничныя, ежедневныя занятія и переноситься въ иной міръ, перемѣнять занятія и состояніе духа: для человѣка образованнаго, для котораго открыто широкое многообразіе Божьяго міра и человѣческой дѣятельности, эти переходы легки и естественны; но для человѣка, замкнутаго постоянно среди немногихъ явленій бѣдной жизни, обыкновенно является стремленіе искусственными средствами, виномъ и опіумомъ или чѣмъ-нибудь другимъ переходить въ иное возбужденное состояніе, производить искусственно веселое, праздничное состояніе духа,

переноситься въ другой фантастическій міръ, забываться. Самъ благочестивый и нравственный Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда забываться такимъ образомъ. Въ 1674 году 21 октября было у государя вечернее кушанье въ потѣшныхъ хоромахъ, ѣли бояре всѣ безъ мѣстъ, думные дьяки и духовникъ. Послѣ кушанья изволилъ себя тѣшить всякими играми, игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били; жаловалъ духовника, боярь и дьяковъ думныхъ, напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ, поѣхали въ двѣнадцатомъ часу ночи[124].

Главное зло для подобнаго общества заключалось въ томъ, что человѣкъ входилъ въ него нравственнымъ недоноскомъ. Для стариннаго Русскаго человѣка не было того необходимаго переходнаго времени между дѣтскою и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что превосходно выражаетъ слово: образованіе. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской, развитіе физичекое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что же удивительнаго, что онъ являлся предъ общество преимущественно своимъ физическимъ существомъ. Быть можетъ скажутъ, что и въ старину, до эпохи преобразованія, Русскіе люди учили дѣтей своихъ, и между старинными, Русскими людьми были люди грамотные, начитанные. Безспорно, что нѣкоторые учились, что были люди грамотные и между крестьянами, за то были неграмотные между знатью, и это всего яснѣе указываетъ на случайность явленія. Дѣло не въ томъ, что учились, но многіе ли, и чему, и какъ учились? Давно начались толки о необходимости завести училище, гдѣ бы учили не читать и писать только, но не ранѣе конца XVII вѣка собрались учредить такое училище; главнымъ препятствіемъ дѣлу былъ недостатокъ учителей, опасеніе, чтобъ не взять учителей неправославныхъ. До учрежденія академіи Русскій человѣкъ, хотѣвшій учить дѣтей своихъ, бралъ въ домъ учителя, какого-нибудь западнорусскаго шляхтича; но многіе ли богачи вельможи это дѣлали? да и примѣры эти относятся ко времени передъ самымъ преобразованіемъ; люди, воспитанные такимъ образомъ, дѣйствуютъ уже въ Петровскую эпоху, людямъ не

богатымъ и не знатнымъ, но хотѣвшимъ выучить дѣтей своихъ грамотѣ, оставалось посылать ихъ въ школу, содержимую какимъ-нибудь учителемъ. Здѣсь учили читать и писать, кромѣ того добросовѣстный учитель прочитывалъ передъ учениками такъ называемые азбуковники, сборники, содержащіе наставленія, какъ ученики должны держать себя въ школѣ, также высокопарныя опредѣленія разныхъ наукъ или мудростей, иногда и самое содержаніе наукъ, грамматики, реторики. Школу азбуковники называютъ храмомъ учителевымъ, и этимъ всего лучше опредѣляютъ старинную школу; хорошо также уясняетъ дѣло наставленіе азбуковниковъ, чтобъ ученики, уходя домой, не оставляли указки въ книгѣ, и не бросали книгъ на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ старостѣ, или старшему, который долженъ прибирать ихъ на мѣсто. Ученики обязаны были, по азбуковникамъ, носить воду въ школу, къ учителю въ день недѣльный на поклонъ приходить, и отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносить. Азбуковникъ, дававшій нѣсколько свѣдѣній, былъ роскошью, дополненіемъ къ обычному курсу, т. е. Часослову и Псалтырю, добрый учитель прочитывалъ ежедневно статьи его предъ учениками; но и эти поверхностные учебники, заключавшіе въ себѣ всю школьную мудрость, являются поздно. Главное и постоянное было — выучиться читать и писать, чтобъ имѣть возможность заниматься дѣлами. Авторы азбуковниковъ знали очень хорошо эту цѣль учащихся, т. е. родителей ихъ, и привлекаютъ къ изученію азбуки, Часослова и Псалтыря обѣщаніемъ, что послѣ этого изученія ученику откроются всѣ книги печатныя и письменныя «и всякія дѣла и крѣпости, откуда вразумляются и вчиневаются, и чѣмъ устрояются». Какъ рано, относительно образованія, молодые люди въ старину вступали въ жизнь и на службу, видно изъ того, что сынъ одного изъ самыхъ образованныхъ тогдашнихъ вельможъ, князя Василья Васильевича Голицына, Алексѣй, уже ѣздилъ въ походы за государемъ, подавалъ челобитныя о земляхъ, и въ то же самое время только начиналъ склады писать[125]. Съ одной стороны древній Русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недоноскомъ относительно приготовленія, образованія,

съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, старыхъ родителей (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго, который самъ былъ отцомъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго Русскаго человѣка: отсутствіе образованія, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека необходимая впрочемъ, потому что, вопервыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а вовторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что впрочемъ нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и самодурства.

Замѣчено, что особенно даютъ чувствовать свою силу низшимъ, слабымъ тѣ, которые сами находятся или долго находились подъ гнетомъ чужой силы. Дѣти бываютъ безжалостны въ отношеніи къ пойманной стрекозѣ, къ собакѣ, кошкѣ; рабъ безжалостенъ къ подчиненному ему рабу или животному. Естественное влеченіе упражнять свою силу надъ слабымъ господствуетъ, если не сдерживается нравственными сдержками, и если виденъ ежедневный примѣръ несдержанности. Отсюда понятно, почему отношенія мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ въ древнемъ Русскомъ обществѣ не отличались особенною мягкостію. Человѣкъ, не вышедшій изъ родовой опеки, становился мужемъ, т. е. съ нимъ соединяли существо, незнакомое ему прежде, съ которымъ онъ прежде не привыкъ встрѣчаться какъ съ существомъ свободнымъ. Молодой человѣкъ послѣ вѣнца впервые встрѣчался съ существомъ слабымъ, робкимъ, безмолвнымъ, которое отдавали ему въ полную власть, которое онъ былъ обязанъ учить, т. е. бить, хотя бы и вѣжливенько, по правилу Домостроя. Легко предвидѣть слѣдствія, особенно когда еще обманули, показали красивую, а выдали безобразную, потому что, во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣв-

ки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ, говоритъ Котошихинъ. Хлопотали, нельзя ли какъ обмануть и на царскихъ смотринахъ: въ 1670 году бояринъ Богданъ Матвѣевичь Хитрово объявилъ: «приходилъ ко мнѣ докторъ Стефанъ и сказывалъ: тому нынче дня съ три съѣхался съ нимъ на Тверской улицѣ Иванъ Шихиревъ и говорилъ, что взята вверхъ племянница его Бѣляева для выбору, возили ее къ боярину Хитрово, бояринъ смотрѣлъ у нея рукъ и сказалъ, что руки худы; смотришь ты ихъ, докторъ Стефанъ, а племянница моя человѣкъ беззаступный, какъ станешь смотрѣть рукъ, и ты вспомоги». Докторъ отвѣчалъ, что его къ такому дѣлу не призываютъ, да и племянницы его онъ не знаетъ; на это Шихиревъ сказалъ: «Какъ рукъ у нея станешь смотрѣть, и она перстомъ за руку придавитъ, потому ее и узнаешь.» Шихиревъ повинился[126].

Неправильныя отношенія нравственно несовершеннолѣтняго мужа къ еще менѣе совершеннолѣтней женѣ иногда вели къ тому, что мужъ старался избыть жены, а жена мужа. Говорятъ, что часто употреблялось для этого крайнее средство, отрава[127]. Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что дѣйствительно это средство употреблялось часто, и остановимся на другомъ средствѣ, постриженіи мужа отъ живой жены, и на оборотъ. Жена, постригшаяся отъ живаго мужа, называлась въ отношеніи къ нему посестріею, мужъ побратимомъ. Одна такая посестрія подала жалобу, что побратимъ, избываючи ее, бивалъ и мучивалъ, въ подполы и въ коникъ, крапивы настлавши, сажалъ и въ соху впрягалъ. Оказалось, что она пострижена была неволею, въ пустой избѣ, а не въ монастырѣ, родственниковъ ея при постриженіи и у записи никого не было[128].

Въ случаѣ убійства мужа женою, уложеніе постановило: казнить преступницу, живую окопать въ землю, и казнить ее такою казнію безо всякой пощады, хотя бы дѣти убитаго и ближніе его родственники и не захотѣли, чтобы ее казнили, не давать ей отнюдь милости, держать въ землѣ до тѣхъ поръ, пока умретъ. О наказаніи мужу за убійство жены уложеніе промолчало; но случаи представились: въ 1664 году Иванъ Дол-

говъ убилъ жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки [129]. Но въ уложеніи ничего нѣтъ; воеводы поэтому не смѣли приговаривать къ наказанію, отсылали въ Москву; здѣсь руководствовались прежними примѣрами, сравнивая, соображая обстоятельства, при которыхъ совершено было преступленіе. Въ 1674 году Тотемскаго уѣзда крестьянинъ Баженовъ повинился: убилъ свою жену за то, что утаила она у него два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея не было, жилъ онъ съ нею въ совѣтѣ; съ пытки говорилъ то же. Воевода послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь велѣли выписать случаи: стрѣльца Еремѣева за убійство жены казнили смертью, убилъ ее въ пьяномъ видѣ; другой стрѣлецъ, тоже пьяный, зарѣзалъ жену за невѣжливыя слова; здѣсь уже была причина гнѣва, и потому убійцѣ отсѣкли лѣвую руку, да правую ногу; то же самое велѣно сдѣлать и съ Баженовымъ и потомъ освободить безъ поруки, «потому что убилъ жену не за великое дѣло» [130].

Кромѣ неправильности и грубости семейныхъ отношеній, вредное вліяніе на народную нравственность оказывали дѣла насилія, совершавшіяся въ обширныхъ размѣрахъ: человѣкъ привыкалъ къ случаямъ насилій, грабежа, смертоубійства, привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него болѣе не ужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную, и легко понять, какъ вслѣдствіе этого ослаблялось въ немъ сознаніе общественной связи, онъ привыкалъ жить въ лѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому. Жизнь въ самой столицѣ не представляла безопасности. На западѣ въ средніе вѣка завидитъ путникъ за́мокъ, возвышающійся на скалѣ, и трепещетъ: это разбойничье гнѣздо; въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ чѣмъ выше и обширнѣе былъ домъ, тѣмъ опаснѣе онъ былъ для прохожаго, не потому чтобы самъ владѣлецъ дома, бояринъ или окольничій, напалъ на прохожаго и пограбилъ его; но у этого знатнаго боярина или окольничаго нѣсколько сотъ дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счетъ каждаго встрѣчнаго, будь это про-

ситель къ боярину или просто прохожій. Люди боярина князя Юрья Ивановича Ромодановскаго позвали съ товарами старосту Серебрянаго ряда къ себѣ на загородный дворъ и убили до смерти; они повинились сверхъ того въ убійствѣ 20 человѣкъ и говорили на свою братью дворовыхъ людей. На Дмитровкѣ не было ни проходу, ни проѣзду отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Татева. По Коломенской дорогѣ должны были высылать за разбойниками по 300 стрѣльцовъ. Въ 1675 году велѣно чистить дороги по причинѣ разбойныхъ пристаницъ, чтобъ около Москвы разбоевъ и душегубства большаго не было, чистить отъ Москвы длиннику 50 верстъ, а по берегу по 100 саженъ[131]. Такъ было въ Москвѣ и около Москвы: что же подальше, гдѣ пропьются крестьяне—первое дѣло разбой, гдѣ и строитель пустыни участвовалъ въ разбояхъ, скрывалъ пограбленную рухлядь? Любопытно колебаніе въ уголовныхъ законахъ относительно воровъ и разбойниковъ: въ 1663 году велѣно было наказывать воровъ и разбойниковъ, вмѣсто смертной казни, отсѣченіемъ ноги и лѣвой руки; но въ 1666 году членоотсѣченіе отмѣнено и опять введена смертная казнь[132]; потомъ опять введено членоотсѣченіе.

Но Русскій человѣкъ XVII вѣка былъ робокъ, чувствовалъ себя небезопаснымъ вслѣдствіе не однихъ разбоевъ, онъ окруженъ былъ опасностями другаго рода, отъ которыхъ не было возможности защититься никакимъ оружіемъ. Вотъ какая, напримѣръ, бѣда постигла жителей города Шуи: «Пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы изъ многихъ городовъ и уѣздовъ мужскій, женскій и дѣвичій полъ, привозятъ одержимыхъ нечистыми духами, и страждущіе въ молебное время мечтаются всякими различными казнодѣйствами и кличутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ: кликала Иринка Маурина на Ѳедьку Якимова, и по царскому указу Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертію.» Принимались мѣры противъ порчи, для отпуска свадьбы приглашался знающій человѣкъ, который умѣлъ отвратить всякое лихо, но и это не помогало. Въ Шуйскую земскую избу пришелъ посадскій человѣкъ и извѣщалъ: «была у насъ свадьба, женился

братъ мой, и на свадьбѣ приключилась надъ матерью нашею и снохою скорбь, стали кликать въ порчѣ, а отпускалъ свадьбу отъ всякаго лиха Шуянинъ посадскій человѣкъ Гришка Панинъ; а на другой день послѣ свадьбы пришелъ къ намъ въ домъ тюремный сторожъ Палатовъ, взялъ съ насъ посулу денегъ 10 алтынъ 4 деньги, да шапку, да два перстня, да ширинку, да платокъ миткалевый и взялся мать и сноху отъ скорби отходить, но онъ ихъ въ цѣломъ умѣ не поставилъ.» Однажды тотъ же городъ Шуя былъ встревоженъ, собрали всѣхъ жителей и спросили, по указу Суздальскаго архіепископа: «не видѣлъ ли кто и не слыхалъ ли, какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ?» Всѣ отвѣчали, что отъ слуху не слыхали и видѣньемъ не видали[133]. Въ 1674 году въ Тотьмѣ сожжена была въ срубѣ при многихъ людяхъ женщина Ѳедосья по оговору въ порчѣ: при казни она объявила, что никого не портила, но что передъ воеводою поклепала себя, не перетерпя пытокъ. Для характеристики времени приведемъ еще два любопытныхъ случая дьявольскаго навѣта. Въ 1671 году на дорогѣ въ Польшу пойманъ былъ подозрительный человѣкъ, Ивашка Клеопинъ, который при допросѣ въ Торопцѣ показалъ: «Называетъ онъ Новгородца Алексѣя Кирилова сына Клеопина отцомъ себѣ, а жену его Марью матерью и жилъ у нихъ, а кто у него родной отецъ былъ, и про то вѣдаетъ Алексѣй Клеопинъ, а принесъ его Ивашка съ Москвы въ младенчествѣ Новгородскаго уѣзда Бѣжецкой пятины Телбовскаго погоста церкви Николая Чудотворца бобыль Гришка Абакумовъ и отдалъ ему Алексѣю и крещенъ у него Алексѣя въ дому и называлъ онъ Алексѣй его Ивашкой царевичемъ. 6 августа на Телбовскомъ погостѣ, на церковномъ крыльцѣ, говорилъ онъ шестерымъ дворянамъ, что онъ Ивашка пойдетъ въ Польшу, и чтобъ де за него въ Польшѣ стали, а называться было ему въ Польшѣ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и наговаривать Поляковъ, чтобъ шли на Луки войною, и дворяне сказали ему: «куды себѣ хошь, туды и поди». Слышалъ онъ отъ жены Ѳедора Клеопина, Анисьи, сказывалъ ей Телбовскаго погоста попъ Кузьма про него Ивашку: такой де онъ великій человѣкъ, а не сумѣетъ за себя стать, а тотъ попъ

еретикъ и еретическія книги знаетъ и у себя держитъ, а грамотѣ и писанью учился онъ Ивашка у него попа Кузьмы Григорьева, а про еретичество слыхалъ отъ 18 дворянъ. На Мошенскомъ погостѣ Петръ Лупандинъ называлъ его царемъ, а слышалъ то Данила Чоглоковъ, и онъ Ивашка его Петра за такое слово и за бороду дралъ.» Всѣ оговоренныя лица отреклись, что ничего не слыхали и не говорили. Попъ Кузьма и 16 человѣкъ дворянъ сказали, что Ивашка Клеопинъ умовреженъ, а умовредство ему учинилось тому шестой годъ и почалъ забываться въ то время, какъ онъ былъ на государевой службѣ, отца своего роднаго и мать хотѣлъ саблею сѣчь, а брата своего посѣкъ саблею, иконы божественныя и книги словами безчестилъ и за людьми гонялся и въ лѣсъ бѣгивалъ и говаривалъ, что онъ Ивашка прощалъ и исцѣлялъ многихъ людей и надъ матерью своей родной хотѣлъ неистовственное дѣло учинить и самъ ножомъ рѣзался и въ огонь бросался и платье на себѣ дралъ. Отецъ Ивашки, Алексѣй Клеопинъ, объявилъ, что Ивашка, 20 лѣтъ слишкомъ, отъ него изъ деревни бѣжалъ въ лѣсъ, потому что умовреженъ и говорилъ всякія многія непристойныя слова и называлъ себя великимъ человѣкомъ царевичемъ, и билъ онъ Алексѣй на него челомъ Новгородскому воеводѣ и хотѣлъ его везти въ Новгородъ къ разспросу. Съ пытки Ивашка говорилъ: отецъ его родной Алексѣй Клеопинъ, а царевичемъ сталъ называться собою, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ, и въ Польшу было пошелъ собою наговарить Поляковъ, чтобъ шли войною на Луки Великія, а въ прежнихъ своихъ рѣчахъ всѣхъ поклепалъ, потому что умовреженъ навѣтомъ дьявольскимъ. Ивашку повѣсили.

Другой случай былъ въ Москвѣ. Въ 1651 году Ѳедоръ Шиловцовъ въ допросѣ объявилъ: «Отданъ онъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ черному попу Ильѣ, да съ нимъ же сидѣлъ подъ началомъ иноземецъ Кроковскій, и онъ испилъ у того иноземца квасу и у него въ брюхѣ почало шумѣть и чаетъ, что въ тѣ поры онъ испорченъ. И послѣ того ходилъ онъ по отпуску изъ монастыря къ себѣ на дворъ, и пришедъ въ монастырь учалъ говорить псалтырь, и въ тѣ поры передъ нимъ зашумѣ-

ло, какъ бы пролетѣлъ ангелъ или бѣсъ, и ангелъ велѣлъ ему Богородицы образъ со стѣны снять, для того что непригоже образамъ кланяться, и онъ, снявъ со стѣны образъ да крестъ, положилъ на землю, и крестъ началъ вспрядывать, и онъ на образъ и на крестъ вступалъ ногами, а то дѣло Божье учинилъ онъ, то не просто, по ангелову велѣнью. А началъ онъ помышлять недѣль съ десять и больше, что иконамъ кланяться не подобаетъ, потому что Богъ на небеси, а то образъ Божій.» Когда ему сказали, что Богъ невидимъ, мы св. иконы почитаемъ, а иконная честь на первообразное восходитъ, то онъ отвѣчалъ: «всякому человѣку можно Бога умными очами видѣть. Тому недѣли три или четыре говорилъ ему казеннаго приказа дьякъ Захаръ Онуфріевъ: худо у насъ то учинено, гдѣ торгуютъ хлѣбами и калачами, тутъ торгуютъ и образами, и ему Ѳедору съ тѣхъ поръ вмѣстилось въ мысль о иконахъ, что не подобаетъ поклоняться. Не стало Кодашевца Рагозина, а ему Ѳедькѣ былъ другъ большой, и онъ по немъ тужилъ и плакалъ долгое время, и отъ той кручины ходилъ внѣ ума, и началъ мыслить о св. иконахъ, достойно ли поклоняться, потому что иконы пишутъ мужики простые и пьяные небреженьемъ и продаютъ въ торгу просто, и какъ государь праздновалъ въ соборной церкви Ризѣ Господней, и онъ Ѳедька началъ себѣ мыслить: какъ онъ деньги, которыя, будучи на денежномъ дворѣ, кралъ, объявитъ и отдастъ, и государь его пожалуетъ, вину его отдастъ, и начнетъ его Ѳедьку жаловать, и онъ, надѣяся на государеву милость, начнетъ государю говорить, что Богъ на небеси, а иконамъ достойно ли поклоняться? Чтобъ государь велѣлъ свидѣтельство учинить, и будетъ достойно иконамъ поклоняться, и государь бы указалъ для иконъ устроить дворъ особый и писать тѣ иконы всѣмъ иконописцамъ справчиво, и приставилъ бы къ иконному дѣлу честныхъ людей. И какъ онъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ подъ началомъ и приведенъ былъ въ келью, и тутъ стоялъ образъ Спасовъ нерукотворенный, и онъ Ѳедька началъ на тотъ образъ смотрѣть, и тотъ образъ началъ претворяться разными виды.»

Подобныя явленія имѣли одинакую силу и въ верхнихъ слояхъ общества. При царѣ Михаилѣ на стольника Илью Данило-

вича Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя) подкинули письмо, будто у него хранится волшебный перстень знаменитаго дьяка Грамотина; Милославскаго долго держали за приставомъ, пересматривали всѣ пожитки. При царѣ Алексѣѣ обвиненъ былъ въ волшебствѣ родственникъ царскій, бояринъ Семенъ Стрѣшневъ, и это обвиненіе не прошло ему даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Вологду. Подкинуты были письма и на Матвѣева съ обвиненіями въ волшебствѣ, изъ желанія помѣшать браку царя Алексѣя на воспитанницѣ его Нарышкиной[134].

Экономическая и нравственная несостоятельность общества были сознаны; народъ живой и крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь былъ рѣшенъ; новости являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались страшныя слова: «у другихъ лучше», и не перестанутъ повторяться: слова страшныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствованій, ученія, время духовнаго ига, хотя и облегченнаго политическою независимостію и могуществомъ, но все же тяжелаго. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойно, безъ сопротивленія, которое вызывало борьбу, вело къ перевороту, т. е. къ дѣйствію насильственному. Церковныя преобразованія пошли и отъ своихъ, отъ православныхъ, но мы видѣли, какъ они были встрѣчены, и свои православные показались неправославными. Относительно собственно науки, ученія здѣсь остановились: не хотѣли принимать учителей неправославныхъ, учителями могли быть только Греки и западно-Русскіе ученые. Но иновѣрцы заходили толпами съ другой стороны, въ видѣ наемныхъ офицеровъ, мастеровыхъ всякаго рода, заводчиковъ, лѣкарей. По естественному ходу дѣла, новое должно было явиться въ видѣ вещей непосредственно полезныхъ, должно было начаться съ мастерства. Кромѣ того цивилизація закинула уже свои сѣти на Русскихъ людей, приманивая ихъ къ себѣ новыми для нихъ удовольствіями и удобствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструментъ, сценическое представленіе — вотъ

чѣмъ сначала мало-по-малу подготовлялись Русскіе люди къ преобразованіямъ, какъ дѣти приманивались игрушками къ ученію. Все это уже мы видимъ въ Москвѣ въ описываемое время, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Понятно, что заморскія штуки должны были появляться сперва на верху, во дворцѣ и въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ было больше знакомства съ заморскимъ и больше средства пріобрѣтать заморскія диковинки. Простымъ людямъ запрещалось забавляться музыкою, велѣно было искать и жечь музыкальные инструменты, потому что какъ явится музыка, такъ непремѣнно примѣшается тутъ какое-нибудь суевѣріе и безчинство; но на пиру у царя «игралъ въ органы Нѣмчинъ, и въ сурну, и въ трубы трубили, и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били». Не надобно забывать, что воспитателемъ царя Алексѣя Михайловича былъ западникъ Морозовъ, который еще при царѣ Михаилѣ шилъ Нѣмецкое платье своимъ воспитанникамъ царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, воспитывавшимся съ ними вмѣстѣ[135]. Въ царствованіе Алексѣя подражатели Морозова размножились, самые близкіе къ царю люди были самые большіе охотники до заморскаго и дарили государя иностранными вещами: Богданъ Матвѣевичь Хитрово подарилъ ему полукарету; Матвѣевъ подарилъ царю карету черную Нѣмецкую на дугѣ, стекла хрустальныя, а верхъ раскрывается на двое; царевичу Ѳедору подарилъ карету бархатную, около кареты письмо живописное[136]. Во всей христіанской Европѣ начатки драматическихъ представленій или такъ называемыя мистеріи находились въ тѣсной связи съ богослуженіемъ, содержаніемъ ихъ служили событія священной исторіи. И у насъ было подобное въ Пещномъ дѣйствіи (вверженіе трехъ отроковъ въ Вавилонѣ), въ шествіи патріарха на ослѣ въ вербное воскресенье. Еще при царѣ Михаилѣ Русскіе послы, возвращавшіеся изъ Варшавы, разказывали о театральныхъ представленіяхъ, которыми потѣшался король во дворцѣ своемъ; при сынѣ Михаила подобныя представленія происходятъ и въ Москвѣ для великаго государя. Содержаніе пьесъ бралось изъ Св. Писанія, сочинялъ ихъ обыкновенно монахъ Симеонъ Полоцкій; изъ комедій свѣтскаго содержанія упоминается Темиръ-Аксаково дѣйство; книга эта,

была на верху у великаго государя, но игралась ли она — неизвѣстно. Разыгрывали комедіи Нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. Въ 1674 году была въ селѣ Преображенскомъ комедія, тѣшили иноземцы, какъ Алаферну царю царица голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые А. С. Матвѣева. Другая комедія была дана въ присутствіи царицы, царевичей и царевенъ, тѣшили Нѣмцы и люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана. Дѣло дошло и до балета: на заговѣнье была потѣха: Нѣмцы и люди Матвѣева играли на органахъ, на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали. При описаніи этихъ новостей насъ останавливаетъ одно обстоятельство, что на представленіи были царица и царевны; важно также извѣстіе, что царица сопровождала царя и на охоту[137]. Начальникомъ Нѣмцевъ, потѣшавшихъ великаго государя, былъ Іоганъ Годфридъ, при немъ «перспективаго письма мастеръ» Петръ Инглесъ. Но однихъ пріѣзжихъ Нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева оказалось недостаточно для «комедійныхъ дѣйствъ»: въ 1673 году Матвѣевъ приказалъ въ Новомѣщанской слободѣ изъ мѣщанскихъ дѣтей выбрать 26 человѣкъ въ камидіанты и отвести въ Нѣмецкую слободу къ магистру Годфриду. Такъ основалось въ Москвѣ театральное училище прежде Словяно-Греко-Латинской академіи! Но и этихъ учениковъ не доставало, брали подьячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комедійнаго дѣла[138].

Прежде другихъ школъ устроена была театральная школа для потѣхи великаго государя; но по всему было видно, что и другія школы не замедлятъ; сильно чувствовалось, что отстали, сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться. Въ литературѣ, какъ и во всемъ бытѣ, явственны признаки приближенія новаго времени. Бытъ Русскаго народа до эпохи преобразованія вполнѣ выражается въ его поэзіи; однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной общей оцѣнки этого быта. Поэтому намъ необходимо остановиться на памятникахъ древней народной поэзіи, тѣмъ болѣе, что если памятники народнаго творчества условливаются бытомъ народа, то, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь оказываютъ могущественное вліяніе на бытъ.

Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню Русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода, и ведетъ черезъ Волынь, Галичъ, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ, прожившій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи пѣвцовъ это богатырь-козакъ, названія однозначащія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ Русскій міръ былъ на украйнѣ; какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ человѣкъ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у котораго «сила по жилочкамъ живчикомъ переливалась, которому было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени», отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найдти на комъ попробовать свою силу молодецкую. Многое перемѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго Кіевскаго князя Владиміра до временъ великаго государя царя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, но удальцы по прежнему шли въ степь поляковать (отъ поле), на Дону образовалось большое военное братство удалыхъ поляницъ (опять отъ поле), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружину и идти на подвигъ. Такимъ образомъ для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами; богатырь не умиралъ въ козакѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни козацкія, о козакахъ.

Знакомый съ этими пѣснями знаетъ, что самое видное мѣсто между богатырями занимаетъ Илья Муромецъ; онъ обыкновенно называется старымъ козакомъ и прямо Донскимъ козакомъ[139], атаманомъ Донскихъ козаковъ: «помутился весь тихій Донъ, помѣшался весь козачій кругъ: что не стало у нихъ атамана, что стараго козака Ильи Муромца»[140]. Разбойники, испуганные его силою, просятъ его, чтобъ взялъ ихъ къ себѣ въ товарищи, въ Донскіе козаченки[141].

Молодой человѣкъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по степи, и говоритъ матери: «Ай же ты, государыня

моя матушка! давай же прощеньице-благословленьице: поѣду я во далече-далече чисто поле, хочу разгонять бурушка космотаго, хочу поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія[142]. Долго ли мнѣ жить во глупомъ во маломъ во ребячествѣ, ходить мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться?» Пока молодой человѣкъ не вырвется въ чисто-поле, все онъ будетъ жить въ глупомъ, маломъ ребячествѣ: отъ глупаго ребячества до возмужалости нѣтъ переходнаго времени образованія! Страшенъ бывалъ сильный человѣкъ, вырвавшійся прямо изъ глупаго, малаго ребячества на полную волю, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объяснятъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пиръ, стрѣляетъ по Божьимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдаетъ золоченыя маковки кабацкой голи на пропивъ, хочетъ застрѣлить князя Владиміра съ княгиней[143]. Когда Василій Буслаевъ расходился въ бою съ Новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца; мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и падаетъ на плеча могучія; богатырь говоритъ ей: «ты старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго»[144].

Богатырь въ полѣ, въ степи; первое его дѣло набрать себѣ дружину такихъ же богатырей, такихъ же поленицъ удалыхъ. Чѣмъ же занимается атаманъ съ дружиною? Ловятъ звѣрей и птицъ, рубятъ суденушко дубовое и выѣзжаютъ въ море ловить рыбу: таковы были козацкія занятія въ степи. Богатырь-козакъ не охотникъ до женитьбы и не очень высокаго мнѣнія о женщинѣ: «хороша жена — чужая корысть, а худа-то-мнѣ-ка ненадобна[145]». Пѣсня знаетъ два рода женщинъ: богатырокъ, которыя обыкновенно и чародѣйки, и женщинъ — теремныхъ затворницъ. Первыя, понятно, не могутъ отличаться женствен-

ностію, но нѣкоторыя изъ нихъ съ силою физическою соединяютъ и нравственную, какъ наприм. грозная Настасья Никулишна, которая не хочетъ пережить смерти мужа, не хочетъ выходить за его убійцу; вторыя изображаются съ характеромъ, соотвѣтствующимъ ихъ теремному воспитанію, т. е. совершенно безъ характера. Дѣвушка—дорогая вещь, и потому ее запрятали въ теремъ, чтобъ не подвергнуть никакому враждебному вліянію, и тѣмъ больше въ ней достоинства, чѣмъ она больше отстранена отъ всякихъ вліяній, въ этомъ полагается вся похвала; она красавица и отлично убережена: «Сидитъ она въ теремѣ въ златомъ верху, за тридесятью замками булатными, на ню красное солнышко не оппекетъ, буйные вѣтрушки не оввѣютъ, многіе люди не обгалятся (не глазѣютъ)»[146]. Братья хвастаются сестрою: «что есть у насъ сестрица, изъ терема не ходитъ, бѣлилъ съ лица не ронитъ, бѣла лица не кажитъ[147]». Ее просватываютъ; но пріѣжаетъ богатырь, врывается къ ней въ теремъ, она отдается безъ сопротивленія; потомъ встрѣчается прежній женихъ, прельщаетъ ее обѣщаніемъ лучшей доли, и она передается ему; новый мужъ скоро гибнетъ, и несчастная женщина въ самомъ печальномъ положеніи: «отъ бережкуя откачнулася, къ другому бережку не прикачнулася». Богатырь жестоко мститъ ей за невѣрность[148].

Богатырь-козакъ выдѣлился изъ толпы, ушелъ изъ общества въ степь въ сознаніи своей силы, своего преимущества или изгнанный изъ общества, которое не могло позволить ему среди себя расправлять плечо богатырское; дѣло неестественное, чтобъ онъ сталъ уважать толпу, щадить мужиковъ: «Какъ начали они (богатыри) мужиковъ чевствовать, чевствовать мужиковъ жаловать, оплетьми они нахлыстывать; тутъ клянутся мужики, проклинаются: а будетъ трое проклятъ на вѣку тотъ бы, кто съ вами съ молодцами свяжется, до заведетъ драку великую Нахлыстали мужиковъ они до́-люби. Василій Буслаевъ, образецъ Новгородскихъ козаковъ-ушкуйниковъ, позвалъ Новгородскихъ мужичковъ на пиръ, но кормилъ - поилъ только свою дружинушку храбрую, а мужиковъ посылалъ въ-зашей, да въ-сутычь[149].

Богатырь - козакъ представлялъ противоположность осѣд-

лому земскому человѣку, занимающемуся мирнымъ промысломъ. Богатырь-козакъ, которому было грузно отъ силушки какъ отъ тяжелаго беремени, не могъ по этому самому успокоиться, долженъ былъ находиться въ безпрестанномъ движеніи, подвигахъ, онъ гуляетъ изъ земли въ землю[150]. Богатырь-козакъ можетъ жить только въ широкой степи, въ городѣ онъ жить не можетъ: «отправлялись тутъ могучіе богатыри что на поле, на Куликово. Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить; разгуляются, распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать; а такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть, котораго толкнутъ — тому смерть, да смерть»[151]. Богатырь-козакъ не могъ быть въ городѣ и воеводою: «Не дай Господи дѣлати съ барина холопа, съ холопа дворянина, изъ попа палача, изъ богатыря воеводу»[152].

Земскій человѣкъ работаетъ, богатырь-козакъ гуляетъ по широкому полю, полякуетъ; но съ понятіемъ о гуляньѣ было необходимо связано понятіе о зеленомъ винѣ, о царевѣ кабакѣ, и степной богатырь козакъ былъ очень хорошо извѣстенъ древнему Русскому человѣку, извѣстенъ какъ записной гуляка, охотникъ до зелена вина. Илья Муремецъ, самый почтенный изъ богатырей, пьетъ въ кабакѣ вмѣстѣ съ голями кабацкими[153].

Наконецъ сила перестаетъ по жилочкамъ живчикомъ переливаться, отъ нея уже не грузно болѣе, какъ отъ тяжелаго беремени, богатырь-козакъ старѣетъ. Приближается смерть, судъ, надобно будетъ расплатиться за то, что съ молоду было много бито, граблено, надобно душу спасти, средство къ тому—монастыри. Молодые смѣются надъ старымъ богатыремъ - козакомъ: «пора ти, старому, въ монастырь идти»![154] И бѣда старому, если пропуститъ эту пору, встрѣтится въ чистомъ полѣ съ чудовищемъ, котораго не осилитъ, это чудовище—смерть; онъ замахнется острой саблею, но рука застоится въ плечѣ, не согнется, сабля выпадетъ изъ руки; тщетно взмолится богатырь, чтобъ смерть дала сроку хоть на три года, хоть на три часа, чтобъ имѣніе по церквамъ разнести, золоту казну по нищей братіи; смерть отвѣтитъ: «Не дамъ я тебѣ сроку: твое имѣніе неправедное, золота казна не заработана, и твоей душѣ

не будетъ помощи.» Зашатается богатырь на добромъ конѣ и упадетъ на сыру землю [155].

Богатырь-козакъ есть герой народной исторической пѣсни въ продолженіе осьми вѣковъ, потому что во все это время богатырство-козачество на лицо и потому что во все это время идетъ одна и та же борьба въ чистомъ полѣ съ степными кочевниками, съ этимъ идолищемъ поганымъ, какъ олицетворяется кочевникъ въ пѣсни; богатыри-козаки, какъ обитатели того же чистаго поля, главные участники въ этой борьбѣ, эта самая чистая, самая поэтическая сторона ихъ дѣятельности. Борьба въ степи и на украйнѣ идетъ постоянная, съ однимъ и тѣмъ же характеромъ, отсюда и пѣсня тянется черезъ восемь вѣковъ съ одними и тѣми же лицами, съ одними и тѣми же дѣйствіями этихъ лицъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ обыкновенно смѣшиваются лица, дѣйствія и мѣстности, то тѣмъ большее смѣшеніе должно было господствовать въ нашемъ народномъ эпосѣ именно по продолжительности и однообразію воспѣваемаго явленія. Одно и то же происходило и при Владимірѣ 1-мъ, и при Владимірѣ Мономахѣ, и при Димитріѣ Донскомъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и потому какъ разъ пропѣлась пѣсня о Кіевѣ, о ласковомъ князѣ Владимірѣ и объ извѣстномъ числѣ богатырей, такъ къ этимъ мѣстностямъ и лицамъ и начало приставляться все послѣдующее изъ той же безконечной борьбы, изъ того же безконечнаго ряда подвиговъ. Мамай осаждаетъ Кіевъ, тутъ же и Куликово поле, тутъ же и Ермакъ, ставшій племянникомъ князя Владиміра [156].

Но кромѣ борьбы съ степняками были и другія историческія явленія, которыя не могли не поразить воображеніе народа, не могли не отозваться въ его пѣсняхъ, какъ наприм. борьба съ Литвою [157]. Поразилъ воображеніе народа первый царь, Іоаннъ Грозный, покорившій три царства Татарскихъ, страшными казнями выводившій измѣну изъ Москвы и Новгорода. Грозный въ пѣсни такъ говоритъ на пиру: «Повынесъ я порфиру царскую изъ Царя-града, и повывелъ я измѣну съ каменной Москвы, уже я выведу измѣну изъ Нова-города» [158]. Осталось въ народной пѣсни страшное событіе въ семействѣ Грознаго, убіеніе сына отцомъ. Спѣлась пѣсня и про таинственное лицо

Самозванца и про жену его, чародѣйку Марину, и про любимца народнаго, князя Скопина-Шуйскаго [159]. Наконецъ отъ царствованія Алексѣя Михайловича въ пѣсни осталась память о знаменитой борьбѣ съ Польшею за Русскія земли. Пѣсня начинаетъ соборомъ: царь Алексѣй Михайловичь выходитъ изъ церкви, отъ долгой обѣдни, становится на лобное мѣсто и объявляетъ боярамъ, купцамъ и солдатамъ: «пособите государю дума думати: надо думать крѣпка дума, не продумати.» Король (Шведскій?) проситъ Смоленска, а вмѣсто его даетъ Химскую (Китайскую) землю. Соглашаться ли на промѣнъ? спрашиваетъ царь. За бояръ отвѣчаетъ князь Астраханскій, говоритъ, что Смоленскъ строеніе не Московское, а Литовское, что въ городѣ нѣтъ ни стрѣльцовъ, ни казны, и потому надобно согласиться на мѣну. Государю не полюбились эти рѣчи; онъ обращается къ купцамъ, вмѣсто которыхъ отвѣчаетъ князь Бухарскій, говоритъ то же самое, что и Астраханскій. Государь обращается къ солдатамъ, вмѣсто нихъ отвѣчаетъ Данила Милославскій, что Смоленскъ строеніе Московское, а не Литовское, что въ немъ много стрѣльцовъ, много казны, что надобно за него стоять. Обрадованный государь жалуетъ Милославскаго Смоленскимъ воеводою, Астраханскаго князя вѣшаетъ, Бухарскому рубитъ голову [160]. Любопытно, что правительство допускало на соборахъ свободу мнѣній; но народъ, вѣрный старымъ вѣчевымъ обычаямъ, не допускаетъ ее въ произведеніяхъ своей фантазіи и заставляетъ царя казнить смертію людей, мнѣнія которыхъ не понравились.

Понятно, что появленіе въ XVII вѣкѣ богатыря - козака, какого еще не бывало, Стеньки Разина, сильно отозвалось въ пѣснѣ; самъ старъ-матеръ козакъ Илья Муромецъ является при Разинѣ есауломъ только. Такъ самый видный изъ богатырей отодвигается уже на второй планъ. Но въ Великой Россіи новое богатырство или козачество, благодаря существованію крѣпкаго государства, никогда не играло главной, исключительной роли; Разины, богатыри, которые въ старину, въ богатырскія эпохи, дѣлались основателями государствъ, тутъ гибли отъ государства, да и немного было Разиныхъ; вотъ почему въ Великой Россіи имена старыхъ богатырей и

сохранились. Другое дѣло въ Малой Россіи: здѣсь козачество разгулялось широко, его дѣятельность, его борьба съ Крымцами, Турками и Поляками явилась на первомъ планѣ, исключительною, овладѣла безраздѣльно народнымъ вниманіемъ и воображеніемъ; здѣсь козакъ Хмельницкій чуть-чуть не сдѣлался основателемъ новаго государства, родоначальникомъ новой династіи, здѣсь поэтому старый козакъ Илья Муромецъ не удержался при немъ даже и есауломъ, здѣсь старые богатыри совершенно исчезли. При томъ же въ широкой степи было очень бурно-вѣтрено: здѣсь старина, какъ и все, плохо держалась, разносясь буйнымъ вѣтромъ на всѣ четыре стороны. На сѣверѣ, въ лѣсу, все удобнѣе удерживалось, удерживалась и старина.

Кромѣ своихъ пѣсенъ и сказокъ, Русскій человѣкъ охотно слушалъ и читалъ сказки иноземныя въ переводѣ, какимъ бы путемъ онѣ къ нему ни приходили, лишь бы удовлетворяли потребности высвободиться изъ узкой среды будничной жизни, перенестись въ другую, новую, болѣе широкую сферу, къ дѣламъ выше обыкновенныхъ. Сначала эти иноземныя сказанія, Византійскія, переходили на Русь въ южно-Славянскихъ Сербскихъ и Болгарскихъ переводахъ, потомъ въ XVII вѣкѣ западно-Европейскія сказанія переходятъ преимущественно при посредствѣ Польской литературы. Такъ уже давно любимымъ чтеніемъ Русскаго грамотнаго человѣка были сказанія о подвигахъ Александра Македонскаго. Въ XVII вѣкѣ была извѣстна у насъ въ Русскомъ переводѣ знаменитая въ средневѣковой Европейской литературѣ Троянская исторія Гвидона Мессинскаго. Въ западно-Европейскихъ литературахъ XVII-й вѣкъ былъ временемъ упадка рыцарскаго романа, который уже становится здѣсь чтеніемъ простонародья; у насъ же, во второй половинѣ XVII вѣка западный, рыцарскій романъ, въ переводѣ съ Польскаго, усердно читается въ высшемъ грамотномъ обществѣ, что̀ свидѣтельствуетъ значительное количество списковъ, является во дворцѣ, между книгами царевичей подъ названіемъ «потѣшныхъ книгъ». Это явленіе служитъ также указаніемъ того возраста, въ какомъ находимъ народъ нашъ въ описываемое время, возраста дѣтскаго, когда фантазія преобладаетъ и требуетъ чудеснаго; рыцарскій

романъ—родной братъ нашей богатырско-козацкой пѣснѣ и сказкѣ, а потому долженъ былъ найти радушный пріемъ въ Русскомъ обществѣ XVII вѣка, и западный богатырь Буово д'Антона сталъ такимъ Русскимъ Бовой-королевичемъ. Посредствомъ переводовъ съ Польскаго Русскіе люди XVII вѣка познакомились съ нравоучительными повѣстями. Въ началѣ XVII вѣка толмачъ Греческаго и Польскаго языка Өедоръ Гозвинскій перевелъ басни Езопа, который, по словамъ переводчика: «Нравоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ и въ притчахъ полезная къ житію даруетъ». Этотъ переводъ не былъ единственнымъ въ XVII вѣкѣ. Въ то же время переводились съ Польскаго огромные средневѣковые сборники нравоучительныхъ повѣстей—Gesta Romanorum (Дѣла Римскія), Зерцала; собранія анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, такъ называемыя «Апоөегмата»; наконецъ переводились съ Польскаго сборники ф а ц е ц і й, т. е. смѣшныхъ и скандалезныхъ разказовъ и анекдотовъ, острыхъ словъ и шутокъ (смѣхотворныя повѣсти) [161]. Знакомство съ иностранными повѣстями не осталось безъ вліянія, и мы видимъ въ XVII вѣкѣ попытки къ Русской повѣсти, гдѣ описываются любовныя и другія похожденія Русскихъ людей. Одна изъ дошедшихъ до насъ такихъ повѣстей, болѣе древняя, еще связана тѣми условіями, въ которыхъ въ старину обыкновенно являлась въ Русской литературѣ повѣсть, сказаніе, т. е. въ условіяхъ религіозныхъ. Любовныя и служебныя похожденія одного купеческаго сына въ царствованіе Михаила Өеодоровича озаглавливаются такъ: «Повѣсть зѣло предивная града Великаго Устюга купца Өомы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресв. Богородицы Казанскія» [162]. Другой дошедшій до насъ образчикъ Русской повѣсти, «исторія о Фролѣ Скобѣевѣ», уже свободенъ отъ этихъ древнихъ условій [163].

Но поворотъ общества на новую дорогу, столь слышный въ XVII вѣкѣ, обозначался не тѣмъ только, что переводились и переписывались западныя повѣсти, потѣшныя книги, смѣхотворныя повѣсти. Дѣйствительно западъ сманивалъ Русскаго человѣка и комедійнымъ дѣломъ и потѣшною книгою; но поворотъ

главнымъ образомъ сказывался въ томъ, что сознана была необходимость учиться у запада, въ томъ, что переводились и переписывались грамматики, ариѳметики, лѣчебники, космографіи. По Русской географіи еще съ конца XVI вѣка былъ извѣстенъ «большой чертежъ земли Русской», возобновляемый и дополняемый въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ книгою «Большой чертежъ», описаніемъ Московскаго государства по дорогамъ и рѣкамъ. Понятно, что болѣе всего нуждались въ книгахъ люди, часто сталкивавшіеся съ западнымъ міромъ, люди, которые должны были знать, что тамъ дѣлается, въ этомъ мірѣ, котораго превосходство такъ кидалось въ глаза. Понятно, что прежде всего нуждались въ книгахъ во дворцѣ и въ посольскомъ приказѣ, и книги строились въ двухъ экземплярахъ: одинъ брался на Верхъ къ великому государю, другой отдавался въ посольскій приказъ. Посолъ, отправлявшійся за границу, преимущественно въ Польшу, привозилъ съ собою большое количество Польскихъ и Латинскихъ книгъ. Князь Репнинъ-Оболенскій, будучи посломъ въ Польшѣ въ 1653 году, по государеву указу купилъ тамъ слѣдующія книги: 1) лексиконъ Славяно-Русскій—дано 4½ злотыхъ Польскихъ; 2) гранографъ Пясецкаго — дано десять злотыхъ; 3) дикціонеръ или лексиконъ Гданскій на трехъ языкахъ: на Нѣмецкомъ, Латинскомъ и Польскомъ—дано 15 злотыхъ; 4) Гвагвинъ, дано 40 злотыхъ; 5) Библія на Польскомъ языкѣ, дано 50 злотыхъ; 6) книга—описаніе Польши, дано 24 злотыхъ, да отъ переплету 6 злотыхъ; 7) конституція нынѣшняго 161 года, дано левокъ; всего куплено книгъ на 25 золотыхъ. Легко представить, что два знаменитыхъ начальника посольскаго приказа, два знаменитыхъ западника, Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ, будутъ самыми усердными собирателями иностранныхъ книгъ: въ 1669 году Ордину-Нащокину прислано было изъ-за границы 82 латинскія книги. Справки непосредственно по Русскимъ лѣтописямъ и хроникамъ иностраннымъ были тяжелы, явилась необходимость дѣлать изъ нихъ выборки, а прежде всего составлять наглядныя генеалогическія таблицы съ парсунами (портретами) государей и ихъ гербами, при чемъ какъ для царя, такъ и для посольскаго приказа необходимо было означить, какой Россійскій государь съ какими иностранными го-

сударями имѣлъ сношенія. Матвѣевъ въ посольскомъ приказѣ съ товарищами своими, съ приказными людьми и переводчиками, сдѣлалъ «Государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуду корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими жъ государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титлы писаны къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и Московскихъ патріарховъ, и Римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы». Персоны эти писали иконописцы, Иванъ Максимовъ и Дмитрій Львовъ, пять мѣсяцевъ. Великій государь указалъ этой книгѣ быть въ посольскомъ приказѣ, а себѣ и сыну своему царевичу Өедору Алексѣевичу указалъ сдѣлать двѣ такія же книги, и въ прибавку написать персоны дѣтей своихъ всѣхъ и Польскихъ королей съ Стефана Абатура (Баторія). Въ этомъ же родѣ дьякъ Грибоѣдовъ построилъ: «Исторію, сирѣчь повѣсть, или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и святопожившихъ боговѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй земли богоугодно державствующихъ.» Трудъ Грибоѣдова представляетъ генеалогическое перечисленіе лицъ съ прибавленіемъ витіеватыхъ похвалъ; цѣль—вывести родъ Московскихъ государей и примкнуть къ нимъ новую династію. Перечисленіе государей начинается съ Владиміра Св. О переходѣ первенствующаго значенія отъ южныхъ князей къ сѣвернымъ говорится такъ: «По преставленіи же в. к. Владиміра Всеволодовича Мономаха, Россійское царство начатъ раздѣлятися на многія начала и первоначальство же Кіевское и съ честію начинашеся преходити инамо. Истинный же наслѣдникъ отечества Россійскаго царствія в. князь Георгій Долгорукій, иже бысть седьмой сынъ в. к. Владиміра Мономаха, аще и не въ Кіевѣ тогда началствуя, но въ Суждалѣ государствуя и въ Ростовѣ, честію же преспѣвая паче всѣхъ братій своихъ.» Описавъ изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича Изяславомъ Мстиславичемъ, авторъ говоритъ: «Великій же князь Георгій Владиміровичь тогда государствуя въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, обновляя въ немъ первоначальственное скиптродержавіе благочестиваго цар-

ствія, идѣже нынѣ благородное ихъ сѣмя царское преславно царствуютъ.» Перечисливъ сыновей Долгорукаго, Грибоѣдовъ продолжаетъ: «Изъ нихъ же учинися Россійскаго царствія наслѣдникъ истинный коренеплодитель, первоначальствующимъ Россійскимъ самодержцемъ богохранимый в. князь Всеволодъ. И уже тогда Кіевскіи велицыи князи подручны бяху Владимірскимъ самодержствамъ, въ градѣ бо Владимірѣ тогда начальство удерживашеся пришествіемъ чудотворнаго образа Богоматери, съ нимъ же пріиде изъ Вышеграда в. к. Андрей Георгіевичь и державствовалъ. А братъ его сей великій богохранимый князь Всеволодъ Георгіевичь государствова въ Переславли, а оттуду по братѣ его призваше его во Владиміръ Владимірстіи люди и тако надъ всѣми владомыми въ Россійстѣй земли бысть единъ всѣмъ любимъ самодержецъ, такожде и самъ всѣхъ любя и самодержствуя.» Ярославъ Всеволодовичь является старшимъ сыномъ Всеволода; о нашествіи Татаръ ни слова. Послѣ Невскаго авторъ сейчасъ же переходитъ къ Даніилу Московскому: «понеже убо тогда честь и слава в. княженія возхождаше на боголюбивый градъ Москву.» За Даніиломъ непосредственно слѣдуетъ Калита, за Калитою прямо Іоаннъ II-й, Симеонъ Гордый пропущенъ. Объ Іоаннѣ Грозномъ такой отзывъ: «Еще же и житіе благочестно имѣя и ревностію по Бозѣ присно препоясуясь и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, а народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя хвалы Богу возсылаху.» О первомъ бракѣ Грознаго говорится: «Законному браку сочетася, избра себѣ онъ в. государь по своему царскому достоинству богомудрую супругу аки свѣтлый бисеръ или анфраксъ камень драгій всечестную отроковицу и блаженную дщерь нѣкоего вельможи Романа Юрьевича Романова.» Слѣдуетъ похвала Анастасіи. Послѣ царя Ѳеодора слѣдуетъ извѣстіе о происхожденіи Романовыхъ: «Отъ матери его Анастасіи Романовны родословіе сице: въ древнихъ лѣтѣхъ въ Россійское царствіе выѣхалъ изъ Прусскія земли государя Прусскаго сынъ Андрей Іоанновичь Романовъ, а Прусскіе государи сродники Августу Кесарю Римскому.» Книга, оконченная въ 1669 году, первона-

чально состояла изъ 36 главъ и заключалась длиннымъ описаніемъ объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича наслѣдникомъ. Въ послѣдствіи прибавлены извѣстія о смерти царицы, царевичей, самого царя Алексѣя Михайловича и о восшествіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича [164].

Любопытно сравнить это произведеніе Московскаго дьяка съ современнымъ произведеніемъ Малороссійскаго ученаго, съ знаменитымъ Синопсисомъ Гизеля. Малороссійскій ученый начитался Польскихъ книгъ, коротко познакомился съ Стрыйковскимъ, и высказываетъ свою ученость тѣмъ, что производитъ Русскій народъ отъ Мосоха, сына Яфетова, названіе Руссовъ производитъ отъ разсѣянія, имя Славянъ отъ славы, которую предки наши снискали воинскою храбростію, говоритъ о помощи, поданной Славянами Филиппу и Александру Македонскимъ. Основатели Кіева, Кій съ братьями, происходятъ отъ Мосоха; Аскольдъ и Диръ названы потомками Кія; Варяговъ авторъ называетъ Славянами, а чрезъ нѣсколько строкъ говоритъ, что князья Варяжскіе пришли отъ Нѣмецъ; Аскольдъ и Диръ, названные прежде потомками Кія, являются мужами Рюрика, и дѣло соглашено такъ: «Бѣста у Рюрика, князя Великоновгородскаго, нѣкая два нарочита мужа, о нихже не бѣ тамо извѣстно, аще идоша отъ колѣна основателя и перваго князя Кіевскаго Кія.» По смерти Ярослава 1-го авторъ перемѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначащее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи, какъ наприм. говоритъ, что Владиміръ Мономахъ добылъ цѣпь, поясъ и шапку княжую отъ старосты Каѳинскаго, котораго поборолъ на поединкѣ, и на другой же страницѣ говоритъ, что всѣ эти вещи были присланы Мономаху изъ Византіи. О сѣверной Россіи мы не находимъ ничего въ Синопсисѣ, и послѣ взятія Кіева Батыемъ авторъ прямо переходитъ къ длинному описанію Мамаева побоища; потомъ обращается опять къ Батыю, къ его походамъ на западъ; перечисляетъ князей сѣверныхъ и южныхъ, говоритъ о перенесеніи митрополичьяго престола изъ Кіева прямо въ Москву, о взятіи Кіева Гедиминомъ, о раздѣленіи митрополіи, объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ, о превращеніи княжества Кіевскаго въ вое-

водство, о присоединеніи Кіева къ Москвѣ—кратко, въ общихъ чертахъ.

Таковы были первыя попытки, первый младенческій несвязный лепетъ Русской исторіографіи у насъ на сѣверѣ и югѣ. Разумѣется, мы не рѣшимся отдавать преимущество одному сочиненію передъ другимъ, замѣтимъ только, что царскій характеръ исторіи сѣверной Россіи рѣзко сказался въ сочиненіи Московскаго дьяка. Записываніе современниками важнѣйшихъ общихъ или наиболѣе занимавшихъ ихъ, наиболѣе къ нимъ близкихъ событій, не прекращается ни на сѣверѣ, ни на югѣ; но составленіе лѣтописныхъ сборниковъ въ старой формѣ останавливается, и, вслѣдствіе новыхъ потребностей, являются сочиненія въ родѣ «исторіи о царяхъ» или Синопсиса. На Верху у великаго государя были уже книги Василіологіонъ—персоны Ассирійскихъ, Перскихъ, Греческихъ, Римскихъ царей и великороссійскихъ великихъ князей и царей; въ 1675 году Матвѣевъ приказалъ построить еще два экземпляра Василіологіона. Въ посольскомъ же приказѣ при Матвѣевѣ построены были книги: Мусы или седмь свободныхъ ученій въ лицахъ; о Сивиллахъ; Хрисмологіонъ на откровеніе сна Даніиломъ пророкомъ Навуходоносору о четырехъ монархіяхъ; исторія о мужественнѣйшихъ въ воинскихъ ополченіяхъ Ассирійскихъ, Перскихъ, Еврейскихъ, Греческихъ, Римскихъ царяхъ и великороссійскихъ великихъ князьяхъ и царехъ. Слагалъ эти книги и сбиралъ изъ различныхъ книгъ посольскаго приказа Еллиногреческаго языка переводчикъ Николай Спафарій да подьячій Петръ Долговъ. Стараніемъ Матвѣева же построена была книга о важнѣйшемъ событіи для новой династіи, о избраніи на царство Михаила Өеодоровича[165].

Въ 1650 году вызваны были въ Москву два Кіевскихъ ученыхъ монаха, извѣстные намъ Епифаній Славинецкій и Арсеній Сатановскій для перевода съ библіи Греческой на Славянскую рѣчь и для риторскаго ученія, дано имъ жалованья—поденнаго корму по 4 алтына, питья съ дворца по 2 чарки вина, по 2 кружки меду, по 2 кружки пива. Но старцы не могли ограничиться переводомъ библіи и риторскимъ ученьемъ; Епифаній перевелъ «уставы граждано-правительные изъ первой книги Өукидидовой

исторіи и изъ конца панегирика Траяну Плинія младшаго; съ латинскаго: географіи 2 части—Европу и Азію; книгу врачевскую анатомію Андрея Вессалія Брукселенска; о убіеніи Краля Аггельскаго (Англійскаго короля Карла I-го); гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ [166]. Сатановскій перевелъ большой сборникъ: О градѣ царскомъ, или поученіе нѣкоего учителя именемъ Мефрета, собрано отъ 120 творцовъ Греческихъ и Латинскихъ, какъ внѣшнихъ философовъ, стихотворцевъ и историковъ, врачевъ, тако же и духовныхъ богословцевъ и сказателей писанія божественнаго. А писано въ той книгѣ имяна и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, зміевъ и всякихъ пресмыкающихся, каменей драгихъ, бисеръ, древесъ всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій, воды, земли, воздуха, огня. Обрѣтаютжеся еще повѣсти на всякую вещь, философовъ, царей, врачеваніе на многовидныя болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, выспрь горъ, различныя сѣмена, злаки травные, притчи и иная многая собранная и въ едино мѣсто совокупленная. А сложено то все разумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Св. Единому, ко ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелемъ и злобамъ, такожде и къ коварству демоновъ и къ похваленію святыхъ Божіихъ, къ хуленію же еретиковъ удивительнымъ приривняніемъ и свидѣтельствомъ ветхаго и новаго завѣта писанные и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приводятся. И таковыми приводы и чуднымъ остроуміемъ сочинены поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на праздники господскіе и богородичны и на святыхъ и на всю четыредесятницу по двѣ и по три, всякое же поученіе таково есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять поученій содѣлати [167]. Сатановскому за переводъ этой книги велѣно было давать по гривнѣ на день вмѣсто прежнихъ четырехъ алтынъ.

Изъ обзора этихъ книгъ, переводившихся и строившихся преимущественно для дворца и посольскаго приказа, мы видимъ, что вслѣдствіе пробудившейся потребности знанія особенно нуждались въ такихъ книгахъ, изъ которыхъ бы можно было поскорѣе узнать какъ можно болѣе необходимыхъ вещей.

Для взрослыхъ людей, хотѣвшихъ быть и слыть образованными, всего нужнѣе были краткіе учебники и энциклопедіи, чтобъ изъ немногихъ книгъ узнать какъ можно больше. Но если старикъ Морозовъ, въ разговорѣ съ учеными иностранцами, горько жаловался, что въ молодости не получилъ образованія, то люди, подобные Морозову, которыхъ становилось все больше и больше, необходимо должны были придти къ мысли дать образованіе своимъ дѣтямъ, чтобъ они послѣ не жаловались, будучи принуждены сами, безъ руководствъ и опытности, узнавать кое-что изъ кое-какихъ переводныхъ книжекъ. Поэтому неудивительно, что сперва во дворцѣ, а потомъ и въ домахъ вельможескихъ мы видимъ при дѣтяхъ наставниковъ, людей способныхъ изъ многихъ книгъ собрать разнаго рода знанія и живымъ, легкимъ способомъ передать ихъ молодымъ людямъ и при этомъ, главное, сообщить имъ средство самимъ потомъ продолжать ученіе, т.-е. сообщить имъ знаніе иностранныхъ языковъ.

Первыми и сначала исключительными наставниками царевичей были подьячіе, которые учили ихъ грамотѣ, читать и писать. Разумѣется, изъ дьяковъ выбирались для этого безупречные чтецы и краснописцы и также люди нравственные, пріятной наружности и съ хорошими манерами, т.-е. чтобъ умѣлъ «крестъ сполна класть по писаному, и поклонъ вести по ученому». Учителемъ царевича Ѳеодора Алексѣевича былъ подьячій посольскаго приказа Памфилъ Бѣляниновъ [168]. Но однимъ подьячимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича уже нельзя было довольствоваться и вызванъ былъ наставникъ другаго рода. Здѣсь, разумѣется, употреблена была та же сдѣлка, которая вообще употреблялась у насъ въ XVII вѣкѣ для введенія образованія: иностранца-иновѣрца призвать не хотѣли, призвали ученаго западнорусскаго монаха, Симеона Петровскаго Ситіановича, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Полоцкаго по мѣсту происхожденія.

Симеонъ Полоцкій былъ образцомъ домашняго учителя, какой требовался у насъ въ XVII, XVIII и даже въ XIX вѣкахъ: выучить дѣтей всему, но безъ принужденія, умѣть подсластить науку, пріохотить къ ней; но кромѣ ученія дѣтей, домашній

учитель долженъ быть годенъ и на другія послуги въ домѣ; именины господина или госпожи: домашній учитель пишетъ поздравительные стихи и рѣчи; пишетъ театральныя пьесы; умретъ кто-нибудь въ семействѣ, — у домашняго наставника готовы и жалобные стихи. Таковъ былъ и Симеонъ Полоцкій, ходячая энциклопедія, неутомимый борзописецъ, умѣвшій писать обо всемъ, ловкій собиратель отовсюду чужихъ мнѣній и старающійся представить ихъ занятно, заставить выучить ихъ шутя; разумѣется, отъ такого человѣка нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. Мы видѣли переводы энциклопедій въ родѣ «Града царскаго», сборниковъ съ анекдотами о знаменитыхъ людяхъ, замѣчательныхъ изреченій: Полоцкій, зная языки Латинскій и Польскій, собираетъ отовсюду анекдоты, изреченія, опредѣленія, и все это переводитъ стихами, виршами, въ виршахъ излагаетъ главныя событія ветхаго и новаго завѣта, исторію Римскихъ императоровъ, «того ради да присвойственною себѣ сладостію сердцамъ читателей пріятнѣйши суще, аки нуждею влекутъ яко читанью частѣйшему и удобнѣе памятію содержаться могутъ». Войдемъ же въ учебную комнату царевича, и посмотримъ, что̀ Полоцкій предлагаетъ въ виршахъ своему ученику. Онъ говоритъ ему о гражданствѣ, и предлагаетъ опредѣленія семи Греческихъ мудрецовъ, внушая, что всѣ они хороши:

Како гражданство преблаго бываетъ
Гражданствующимъ знати подобаетъ.
Разная седми мудрыхъ суть мнѣнія,
Но вся виновна гражданъ спасенія,
Премудрый Віасъ даде слово свое
Гражданство быти преизрядно тое
Въ немъ же закона яко царя боятся
И царя яко закона страшатся.
Хилонъ то блажитъ, гдѣ законовъ слушаютъ
Велесловныхъ же риторъ не глашаютъ.
Клеовулъ паки тои градъ похваляетъ
Гдѣ безчестія всякъ ея устрашаетъ
Гражданинъ, паче закона самого
На преступника въ книгахъ писаннаго и т. д.

Въ виршахъ Полоцкій представляетъ своему ученику образецъ добраго начальника:

Пастырь съ овцами образъ предлагаетъ
Како намъ жити въ мірѣ подобаетъ;
Пастырь начальны знаменуетъ люди,
Стадо подданныхъ въ образъ намъ буди.
Едаже пастырь стадо присѣщаетъ
Овца на пути не лежитъ, не встаетъ,
Аки честь ему хотящи творити.
Взаимъ же пастырь овцы соблюдаетъ
И на рамахъ си блудныя ношаетъ,
Тако начальникъ долженъ есть творити
Бремя подданныхъ крѣпостно носити.
Не презирати, не за псы имѣти,
Паче любити яко своя дѣти.
И то въ памяти выну содержати,
Яко земля тѣхъ и его есть мати.
Пастырь жезломъ укрощаетъ стада
Женетъ на паству, женетъ и внудь града:
Тако начальникъ жезломъ да управитъ
Винна накажетъ, невѣжду наставитъ,
Обаче косенъ да будетъ язвити
Идеже довлѣ есть токмо страшити.

Въ виршахъ описываетъ добродѣтели, приличныя державнымъ, прежде всего благочестіе, потомъ:

Вторая сану начальныхъ прилична
Есть добродѣтель въ мірѣ необычна:
Та смиреніе есть божественное
Христомъ Господомъ въ конецъ храненное.
Имать начальникъ въ памяти держати
Яко не въ вѣки будетъ обладати:
Смерть бо пришедши хочетъ власть отъяти
Съ прочими людьми въ персти сравняти.
Третіе властей добротвореніе
Еже хранити имъ разсужденіе
Во всякихъ дѣлахъ, а не уповати
На единъ свой умъ, выну вопрошати
Умныхъ совѣта, тако бо вершити

Благо вся мощно, а не погрѣшити.
Очеса лучше видятъ неже око,
Никто о себѣ да держитъ высоко;
Въ мнозѣ совѣтѣ есть спасеніе
Въ единомъ умѣ поползновеніе.
Четвертая есть добродѣтель властей
Правду хранити. Блюсти отъ напастей
Подчиненныя, и чести давши
Достойнымъ, а не на злато смотрѣти,
Равно судити мала и велика
На лице зрѣти прещаетъ Владыка.
Не яко сѣть имъ законъ да бываетъ
Юже не крѣпку паукъ соплетаетъ:
Табо живогно мало уловляетъ
Большее, сѣти; самыя терзаетъ.
Не буди тако, но единъ судъ буди
Всѣмъ иже въ единой области суть люди.

Въ виршахъ высказалъ Полоцкій господствовавшее правило тогдашняго воспитанія дѣтей:

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.
Родителямъ древяный жезлъ буди на чада,
Да не страждутъ желѣзна отъ судіи града:
Уне въ дому древянымъ въ дѣтствѣ оны бити
Неже возросшихъ градскимъ желѣзомъ казнити.
Моисій донележе жезлъ въ руцѣ си держаше,
Нечто ино, точію жезлъ древяный бяше;
Егда же поверже, въ змія превратися
Даже и Моисій его зѣло устрашися:
Тако аще на чада жезлъ въ рукахъ бываетъ
Отчихъ, наказанія жезлъ онъ пребываетъ,
Не могущъ умертвити. Аще же пустится
Изъ руку, тогда въ змія люта претворится.
Абіе бо ко грѣхомъ чада ся склоняютъ
И тѣми уязвлени бывше умираютъ.

Пришлецъ, достигшій важнаго значенія при дворѣ, явившійся въ Москвѣ съ опасными преимуществами учителя, оскорблявшими самолюбіе старыхъ учителей, Симеонъ Полоцкій не могъ

не столкнуться съ послѣдними, имѣвшими за собою толпу; онъ столкнулся съ архіереями, которые опирались на свое важное архипастырское значеніе, а Симеонъ Полоцкій опирался на свое образованіе, дававшее ему сильный голосъ при рѣшеніи важныхъ вопросовъ, опирался на свое положеніе, на свой входъ на Верхъ; Симеонъ Полоцкій столкнулся съ самимъ патріархомъ Іоакимомъ, тѣмъ болѣе, что не отличался смиреніемъ Епифанія Славинецкаго, скромнаго келейнаго труженика, а патріархъ Іоакимъ, какъ мы видѣли изъ дѣла духовника царскаго, не любилъ, чтобъ кто-нибудь изъ духовенства, опираясь на свое положеніе на Верху, забывалъ о своемъ непосредственномъ подчиненіи святѣйшему. О Полоцкомъ пошли толки, что его ученіе не совсѣмъ правильно: обвиненіе страшное при тогдашней подозрительности относительно новыхъ учителей. Полоцкій, благодаря своей ловкости, недоступности такимъ обвиненіямъ, какимъ былъ доступенъ, напримѣръ, духовникъ Савиновъ, удержался, но не могъ не выразить своего негодованія на пустые толки толпы, на которые не слѣдуетъ власти обращать вниманіе, не могъ удержаться, чтобъ не задѣть и архіереевъ:

Не вѣруй убо гласу общему народа,
Ищи въ дѣлѣ правды человѣча рода.
Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣритъ
Безразсудно, срамоты мзду себѣ возмѣритъ.

Объ архіереяхъ Полоцкій сложилъ вирши:

Архіереемъ къ тому сущимъ въ благодати
Желалъ бымъ реченіе образъ приписати
Ежебы не точію истину учити
Но и житіемъ святымъ образы всѣмъ быти.

Понятно, что Полоцкій долженъ былъ усердно проповѣдывать въ пользу новаго порядка вещей, наступленіе котораго и дало ему важное значеніе въ Москвѣ, на Верху у великаго государя. Между виршами его находится любопытное указаніе на то, какъ примѣръ съ Верху долженъ способствовать распространенію просвѣщенія:

Франтискъ именемъ первый краль Франційскій бяше
Сей яко писаніе и мудрость любяше
(Еяже родители его не любяху
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живяху)
Абіе честныхъ дѣти писаній взискаша
Кролевску люблению тако угождаша.
И бысть въ малѣ времени мудрость разширена
Образомъ краля во всѣ земли умножена:
Обычай бо есть въ людяхъ царю подражати
Еже ему любезно—всѣмъ то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
Царствуяй воспріемлеть, ради всѣхъ исправы.

Полоцкій провозглашаетъ о необходимости научнаго образованія и въ проповѣдяхъ своихъ. Такъ въ словѣ на день Рождества Христова проповѣдникъ, отъ лица патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, именемъ Божіей Премудрости, рожденной въ Виѳлеемѣ, умоляетъ Русскихъ людей взыскать науку, потому что она свѣтъ умственныхъ очей и правило всему житію человѣческому. Обращаясь отъ лица патріарховъ къ царю, онъ убѣждаетъ его основывать школы, умножать спудеовъ (студентовъ) своею милостію и вниманіемъ, сыскать хорошихъ учителей и всѣхъ почестями поощрять къ трудолюбію.

Ревнитель просвѣщенія, призванный въ Москву для его распространенія, Симеонъ Полоцкій въ проповѣдяхъ своихъ напалъ на старыхъ учителей, священниковъ за ихъ невѣжество: «Великимъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о духовныхъ дѣтяхъ, премногіе несмысленные люди, какъ безсловесныя овцы, отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погибельной жизни уклонились... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и ни гдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учители, но мучители. Оттого умножилась въ людяхъ злоба, преуспѣло лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійства, пьянство и нелѣпыя игрища, грабежи, хищенія и тому подобное, наконецъ и возстаніе противъ власти. Виною всего этого преимущественно неумѣнье и нерадѣнье духовныхъ отцовъ: не учатъ и не наставляютъ дѣтей своихъ духовныхъ»[169].

Одними обличеніями въ невѣжествѣ нельзя было вдругъ сдѣлать всѣхъ священниковъ свѣдущими и искусными проповѣдниками, и потому въ числѣ проповѣдей Полоцкаго находимъ слово, написанное имъ для того, чтобъ священники читали его своимъ прихожанамъ. Но любопытно взглянуть на дѣятельность одного достойнаго священника, который явился подражателемъ Полоцкаго въ отдаленномъ углу Россіи. Именитый человѣкъ, Григорій Дмитріевичь Строгановъ, «истинное всѣмъ Россійскимъ вельможамъ и богачамъ ясное свѣтило по благочестію», отличался въ Пермской странѣ своею щедростію, гостепріимствомъ и любовію къ церковному благолѣпію. Въ своемъ отчинномъ городкѣ Орлѣ онъ построилъ церковь Похвалы Богородицы, завелъ при ней отличный хоръ пѣвчихъ и сталъ искать отличнаго священника; ему сказали, что есть такой въ Соликамскѣ, и Строгановъ поспѣшилъ перезвать его къ себѣ въ Орелъ, принялъ съ большою ласкою и почетомъ, и сталъ уговаривать ко введенію новизны, говоренію проповѣдей. Священникъ, слыша, что въ Россіи (такъ въ Пермскомъ краю называли центральныя Московскія области) по многимъ городамъ говорятъ устно поученія, согласился подражать проповѣдникамъ, но какъ это сдѣлать? Взять проповѣди Симеона Полоцкаго—слогъ неудобенъ: простѣйшимъ людямъ «за высоту словесъ» тяжело слышать; взять переводы проповѣдей Златоуста—ихъ не понимаютъ не только слушающіе, но и читающіе, не только міряне, но и священники, прямо говорятъ, что писаны иностраннымъ языкомъ. Священникъ взялъ бесѣды Златоуста, но сталъ излагать ихъ простѣйшимъ языкомъ, иногда наизусть, иногда по тетради. Но эта попытка не прошла даромъ нововводителю: начали его бранить, смѣяться надъ нимъ, не щадили укорительныхъ словъ, подучали другъ друга не слушать его проповѣдей, кричали: «прежде здѣсь были священники добрые и честные, да такъ не дѣлали, жили по просту, и мы жили въ изобиліи; а этотъ съ чего взялъ вводить новизны?» Неудовольствіе происходило отъ того, что прежніе священники жили слишкомъ попросту, не имѣя уваженія къ самимъ себѣ, къ своему званію, не умѣли внушать прихожанамъ уваженія къ себѣ и потворствовали мірянамъ, которые привыкли смотрѣть на

священника какъ «на послѣднѣйшаго раба», привыкли распоряжаться церковнымъ уставомъ, порядкомъ службы какъ имъ хотѣлось: священники не прекословили. Священники, въ возстанiи на Орловскаго нововводителя, приняли сторону недовольныхъ мiрянъ. Нововводитель не остался у нихъ за это въ долгу и громилъ ихъ въ проповѣдяхъ своихъ. «Пастыри наши не о стадѣ Христовѣ прилежатъ, но о златѣ и серебрѣ, о рабахъ предходящихъ, о колесницахъ и коняхъ, о зданiяхъ и селахъ, о вина множествѣ, о ризъ украшенiи. Обрѣтаются въ родѣ моемъ такiе слѣпые вожди, думаютъ, что мудры, а на дѣлѣ грубѣйшiе невѣжды, говорятъ: что̀ намъ въ книгахъ учительныхъ? достаточно часослова и псалтыря. Правду говорить, достаточно, если кто знаетъ силу въ нихъ написаннаго, но это знанiе далеко отъ тебя и отъ разума твоего. Безумецъ! сидя за полными чашами въ корчемницѣ, ты разсуждаешь, въ корчемницѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви связанъ безгласiемъ, плѣненъ неразумiемъ. Говорятъ, что довольно, если священникъ книгу читаетъ предъ народомъ въ церкви, а устное ученiе укоряютъ и еретическимъ называютъ. Безумецъ! кого къ еретикамъ причисляешь? патрiарховъ, пророковъ, апостоловъ!—Теперь святители и священники, пьянства ради и человѣкоугодiя, желая власти, и виноградъ Христовъ презирая, высокую честь и достоинство свели въ безчестiе, укоризну и посмѣянiе: сего ради не отъ царей и князей, но отъ худыхъ людей, какъ отъ шелудивой овцы и отъ смраднаго козла пастырь бѣдный срамоту, хуленiе, злорѣчiе, досажденiе и бiенiе, узы и смерть принимаетъ. О прочемъ помолчу и слезами утолю, по какой причинѣ явилось это дѣло лукаваго демона.» Проповѣдникъ собралъ всѣ свои бесѣды въ одну книгу, которую назвалъ Статиръ [170].

Подлѣ двухъ пришельцевъ въ Москву, Грека Паисiя Лигарида и Бѣлорусца Симеона Полоцкаго, громко провозглашавшихъ необходимость науки, мы должны поставить третьяго, Серба Юрiя Крижанича. Въ то время, когда Русское общество тронулось, сознавши необходимость новаго пути, но сильно колебалось при этомъ, далеко не сознавая, какъ идти безопаснѣе и скорѣе по этому новому пути, является ученый Сербъ, горячiй Славянскiй патрiотъ, который съ молоду удрученъ скорбiю о

печальной участи Славянскихъ народовъ и въ Русскомъ царѣ видитъ единственнаго Славянскаго государя, могущаго подать руку помощи всѣмъ остальнымъ соплеменнымъ народамъ: «Тебѣ, пречестной царь! выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ Славянскомъ; ты, какъ отецъ, долженъ заботиться о собраніи разсыпанныхъ дѣтей. Ты одинъ, о царь, данъ намъ отъ Бога, да пособишь Задунайцамъ, Ляхамъ и Чехамъ: да познаютъ свое притѣсненіе отъ чужихъ, свой позоръ, и начнутъ промышлять о просвѣщеніи народа и сбрасывать съ шеи Нѣмецкое ярмо. Задунайскіе Славяне (Болгары, Сербы и Хорваты) уже давно сгубили и государство свое, и всю силу, и языкъ, и весь разумъ: не разумѣютъ, что̀ такое честь народная, не думаютъ о ней и сами себѣ никакъ не могутъ помочь: внѣшняя сила имъ надобна, чтобъ поставить ихъ опять на ноги и включить въ число народовъ. Если ты, царь, не можешь въ настоящее трудное время пособить имъ, государство ихъ привести въ прежнее состояніе и устроить: то, по крайней мѣрѣ, можешь языкъ Славянскій въ книгахъ исправить и пригодными разумными книгами этимъ людямъ умныя очи открыть, да начнутъ познавать честь народную и думать о своемъ возстановленіи. Чехи, а недавно и Ляхи, впали въ одинаковое съ Задунайцами окаянство. Ибо хотя Ляхи и хвастаютъ обманчивою тѣнію государства и своимъ своевольствомъ, однако дѣло извѣстное, что сами они не могутъ избавиться отъ своихъ бѣдъ и позора. Помочь имъ и дать имъ народное просвѣщеніе ты, царь, можешь легко. «Крижаничь, по его словамъ, пришелъ въ Россію, чтобъ совершить три работы: во-первыхъ, поднять Славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобъ могли мы правильно говорить и писать, чтобъ было у насъ обиліе реченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ. Во-вторыхъ, написать исторію Славянъ, въ которой опровергнуть Нѣмецкія лжи и клеветы. Въ-третьихъ, обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ, Славянъ. Крижаничь исполнилъ первое (относительно грамматики) и послѣднее намѣреніе. Насъ, разумѣется, должны занять его «политичныя думы», обширное сочиненіе, въ которомъ онъ

начертываетъ печальную картину состоянія Россіи, требуетъ важныхъ преобразованій, требуетъ науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается возбудить самую сильную недовѣрчивость, ненависть къ людямъ, отъ которыхъ можно было заимствовать науку, средства къ выводу Россіи изъ ея печальнаго состоянія, къ иностранцамъ, къ Нѣмцамъ, какъ прирожденнымъ врагамъ Славянъ. Понятно, что по этому самому преобразовательный планъ Крижанича въ основной мысли своей былъ неудобоисполнимъ—общая участь плановъ, проектовъ, конституцій, составляемыхъ теоретиками въ кабинетахъ, безъ соображенія съ историческими законами жизни народовъ. Не смотря на то, сочиненіе Крижанича для насъ очень важно: оно дополняетъ и подтверждаетъ наши свѣдѣнія о Россіи передъ эпохою преобразованія, и во многихъ случаяхъ объясняетъ намъ тѣ пути, по которымъ дѣйствительно пошла преобразовательная дѣятельность. Книга Крижанича была на Верху у великаго государя, слѣдовательно есть основаніе предполагать, что она не оставалась безъ вліянія [171].

Если книга Крижанича имѣла вліяніе, то прежде всего должна была въ читавшихъ ея окончательно уничтожить китаизмъ, высокое мнѣніе о самихъ себѣ и презрѣніе къ другимъ народамъ, прояснить сознаніе о собственныхъ недостаткахъ, о преимуществахъ другихъ народовъ и этимъ самымъ подвинуть къ перемѣнамъ, которыя естественно должны были прежде всего высказаться въ подражаніи. «Главный вредъ для общаго блага проистекаетъ отъ незнанія самого себя, когда люди сами себя, свои обычаи излишне любятъ, когда считаютъ себя сильными, богатыми, мудрыми, не будучи на самомъ дѣлѣ таковыми.» Русскихъ людей тяготила страшная бѣдность: Крижаничь указываетъ на богатѣйшія западныя государства, указываетъ и на то, почему они такъ богаты: Англія и Нидерланды потому богаты, что тамъ разумы у народа хитры, морскія пристанища и торги отличные, цвѣтетъ всякое ремесло, земледѣліе и обширная морская торговля; еще славнѣе и счастливѣе бываетъ государство, когда въ немъ при этомъ и законы хороши, какъ напримѣръ во Франціи. А Россія? При всей своей неизмѣримой широтѣ и длинѣ она со всѣхъ сторонъ заперта для тор-

говли; мало въ ней торговыхъ городовъ, нѣтъ дорогихъ произведеній; умы народа тупы и косны, нѣтъ никакого умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ, Русскіе, Поляки и всѣ Славяне не умѣютъ вести дальнюю торговлю ни сухимъ путемъ, ни по морю; купцы Русскіе не учатся даже ариѳметикѣ: оттого иностраннымъ купцамъ ничего не стоитъ ихъ обмануть. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; книгъ у него никакихъ нѣтъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ; онъ лѣнивъ, не промышленъ, самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ; языкъ его бѣденъ, беднѣе всѣхъ главныхъ Европейскихъ языковъ, потому неудивительно, что и разумы наши тупы и косны: чего не можемъ словомъ сказать, того не можемъ и думою замыслить; исторіи Русскій человѣкъ не знаетъ, никакихъ политическихъ разговоровъ вести не можетъ и потому иностранцы его презираютъ. Въ покроѣ платья высказывается разумъ народа: Русское платье некрасиво и неудобно, за него иностранцы зовутъ насъ варварами, особенно нерасчесанные волосы и борода, остриженная голова дѣлаютъ насъ мерзкими, смѣшными, какими-то лѣсовиками. Ѣдимъ мы нечисто, деньги прячемъ въ ротъ; мужикъ держитъ полную братину и пальцы въ ней окунуты: такъ и гостю подаетъ; квасъ продается погано, посуда не моется. Датскій король сказалъ о нашихъ послахъ: «если эти люди еще ко мнѣ придутъ, то долженъ буду построить имъ свиной хлѣвъ: потому что гдѣ они постоятъ, тамъ полгода никто не можетъ жить отъ смрада » Неумѣнье изъясняться, лѣнь, пьянство и расточительность — главныя наши природныя свойства; отъ расточительности происходитъ жестокость относительно подчиненныхъ. У насъ нѣтъ природной бодрости, благородной гордости, одушевленія, не умѣемъ держать себя съ достоинствомъ. Турки и Татары, хотя и побѣгутъ, не дадутъ себя даромъ убить, но обороняются до послѣдняго издыханія. А наши ратные люди, когда побѣгутъ, то уже не оборотятся, но даютъ себя сѣчь какъ мертвые. Великое наше народное несчастіе—эта неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропа-

стямъ блуждаютъ. То у насъ правительство въ конецъ распущено, господствуетъ своеволіе, безнарядье, то уже черезъ чуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распутнаго государства, какъ Польское, и нѣтъ такого крутаго правительства, какъ въ Россіи. Расплодились въ Русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами Русскіе являются обманчивыми, не вѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отъ чего все это происходитъ? Оттого, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться отъ такой огромной толпы правителей или палачей. А сами эти цѣловальники и притѣснители народа, не получая достаточнаго жалованья, не могутъ какъ должно исполнять своихъ обязанностей, нужда заставляетъ ихъ искать корысти и брать подарки отъ воровъ. Такимъ образомъ люди, привыкши все дѣлать тайкомъ, какъ воры, со страхомъ, съ обманомъ, забываютъ всякую честь, становятся трусливы на войнѣ, дѣлаются склонны ко всякой нелюдскости, нескромности и нечистотѣ; не умѣютъ они цѣнить чести, не умѣютъ дѣлать различія между людьми. Первый вопросъ, съ которымъ обращаются къ незнакомому человѣку: есть ли у тебя жена? второй: сколько получаешь царскаго жалованья? сколько у тебя имѣнія? не стыдятся купаться передъ всѣмъ народомъ. Если они въ комъ-нибудь нуждаются, то не знаютъ мѣры униженію. Италіанцы, Испанцы, Турки бережливы и трезвы; Нѣмцы бережливы, но большіе пьяницы; всѣ Славяне расточительны и любятъ попировать: однако ни у Нѣмцевъ, ни у остальныхъ Славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной Русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мущины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ. У Турокъ намъ должно учиться трезвости, стыдливости и правосудію. Эти невѣрные не менѣе насъ грѣшатъ противуестественнымъ грѣхомъ; но они соблюдаютъ стыдливость: ни-

кто у нихъ не промолвится объ этомъ грѣхѣ, не станетъ имъ хвастаться, ни упрекать другаго. Если кто проговорится, то не останется безъ наказанія, а у западныхъ народовъ сожигаютъ такихъ преступниковъ. Въ Россіи же этотъ гнусный грѣхъ считаютъ шуткою. Публично, въ шутливыхъ разговорахъ, одинъ хвастаетъ грѣхомъ, иной упрекаетъ другаго, третій приглашаетъ къ грѣху, недостаетъ только, чтобъ при всемъ народѣ совершали преступленіе. Необходимо въ этомъ государствѣ употребить какія-нибудь средства, чтобъ поднять стыдливость противъ содоміи, общественную трезвость противъ гнуснаго пьянства, правосудіе противъ чиновниковъ, о которыхъ говоритъ Исаія: «Начальники твои сообщники воровъ.»

Такую-то печальную картину народнаго банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи начертываетъ намъ Славянскій патріотъ, котораго нельзя заподозрить въ равнодушіи или злорадствѣ относительно язвъ древней Россіи, какъ можно заподозрить какого-нибудь Нѣмецкаго путешественника: читая описаніе этихъ язвъ у нашего Серба, чувствуешь, какъ сердце автора обливалось кровію при исполненіи печальнаго долга обличенія. Онъ писалъ не для того только, чтобъ обличать: при обличеніи онъ предлагаетъ средство къ исправленію зла.

Первое, главное средство—это наука, окруженіе себя мертвыми совѣтниками, книгами, ибо между живыми людьми мало добрыхъ совѣтниковъ: «книги не увлекаются ни алчностію, ни враждою, ни любовію, книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истины. Всякимъ другимъ людямъ хорошо учиться мудрости изъ практическаго опыта, не полезно это однимъ верховнымъ владѣтелямъ: частный человѣкъ учится ошибками, но ошибки государей влекутъ за собою неисправимыя бѣдствія народныя. И такъ государямъ необходимо учиться мудрости отъ добрыхъ учителей, книгъ и совѣтниковъ, а не изъ опыта. Да не скажетъ кто-либо, что намъ, Славянамъ, путь къ знанію закрытъ рѣшеніемъ небесъ, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки: и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало-по-малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и по-

стараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство Славянское, какого прежде никогда не бывало въ нашемъ племени, а извѣстно, что у народовъ науки начинаютъ цвѣсти въ періодъ наибольшей силы политической. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Магометъ былъ не мудрецъ, крайнюю глупость написалъ въ своихъ книгахъ, а между тѣмъ наплодилъ ересь самую распространенную на свѣтѣ. А на Руси ересь встала развѣ не отъ глупыхъ, не книжныхъ мужиковъ? Мудростію ереси искореняются, вслѣдствіе невѣжества пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ нихъ и жить нельзя: точно также и мудрость потребна людямъ.»

Но Крижаничь не довольствуется распространеніемъ просвѣщенія, какъ единственнымъ средствомъ излѣченія язвъ Россіи. Онъ предлагаетъ и другія средства, и въ нихъ указываетъ тотъ путь, какимъ дѣйствительно пошло преобразованіе. «Въ Россіи полное самодержавіе, говоритъ онъ: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное. Такимъ образомъ преобразованіе должно идти сверху, отъ самодержавной власти: Русскіе сами себѣ не захотятъ добра сдѣлать, если не будутъ принуждены къ тому силою.» Какъ же самодержавный государь начнетъ преобразованія? Для поднятія торговли онъ долженъ запретить имѣть лавку съ товарами тому купцу, который не знаетъ грамотѣ и цифири. Торговые люди должны имѣть своихъ выборныхъ старостъ и лавниковъ, и судиться между собою въ нѣкоторыхъ наименьшихъ дѣлахъ; должно быть имъ облегчено средство бить челомъ великому государю и защищаться отъ воеводскихъ притѣсненій. Для введенія и процвѣтанія ремеслъ нуженъ особый приказъ, который бы ихъ вѣдалъ исключительно; нужно перевести на Русскій языкъ сочиненія о ремеслахъ, перевести книги о земледѣліи; нужно вызвать отличныхъ ремесленниковъ изъ-за границы съ правомъ свободнаго возвращенія домой, но не прежде, какъ выучатъ Русскихъ молодыхъ людей своему ремеслу; нужно ввести цеховое устройство. Надобно промышлять, чтобъ изъ

чужихъ странъ привозился въ Россію сырой матеріалъ, и чтобъ здѣшніе ремесленники обрабатывали его, и заповѣдать накрѣпко, подъ страхомъ казни, вывозить за границу сырье. Царь долженъ взять въ свои руки всю заграничную торговлю: только такимъ способомъ можно будетъ знать смѣту товарамъ, чтобы не вывозить слишкомъ много нашихъ товаровъ, въ которыхъ нѣтъ избытка, и не привозить чужихъ ненужныхъ Русь рѣдко населена и не такъ людна, какъ бы могла быть, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Крымцы пустошатъ землю безпрестанными наѣздами: на всѣхъ военныхъ корабляхъ Турецкихъ не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ Русскихъ людей; по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Турецкой имперіи такое множество Русскихъ плѣнныхъ, что Турки обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: остались ли еще на Руси какіе-нибудь люди? 2) Нѣмцы своими промыслами земли убожатъ, хлѣбъ вывозятъ, торговлею всею завладѣли, въ военной службѣ высшія мѣста взяли. Третья причина малолюдства—жестокое правленіе. Четвертая причина—недостатокъ камня, изъ котораго бы можно было строить прочныя зданія. Пятая—выселеніе людей въ Сибирь и на Украйну. Для увеличенія народонаселенія правительство должно способствовать увеличенію числа браковъ, должно опредѣлить, сколько священникъ долженъ брать за вѣнчаніе, чтобъ бѣднымъ людямъ было не убыточно; правительство должно озаботиться, чтобъ по городамъ и селамъ для новобрачныхъ были готовые дворы, чтобъ бѣдность, неимѣніе гдѣ жить не останавливали браковъ, должно запретить бѣднымъ людямъ истрачиваться на свадебные пиры; дѣвицамъ изъ черни запретить носить богатое платье и украшенія. Авторъ щедръ на сильныя выходки противъ Русскаго платья и бороды, упрекаетъ Русскихъ, что они въ одеждѣ своей лучше хотятъ подражать Азіятскимъ варварамъ, чѣмъ образованнымъ Европейцамъ.

Такова преобразовательная программа ученаго Серба. Всякому легко можетъ показаться, что Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности находился подъ вліяніемъ этой программы. Мы далеки отъ мысли предполагать здѣсь непосредственное вліяніе; но сравненіе программы Крижанича съ

дѣятельностью Петра очень важно: оно ясно показываетъ, что пути преобразованій, избранные Петромъ, не были слѣдствіемъ его личнаго произвола, его личныхъ взглядовъ, а были слѣдствіемъ общихъ взглядовъ тогдашнихъ лучшихъ людей, тогдашнихъ авторитетовъ.

Но понятно, что въ одномъ программа Крижанича никакъ не могла быть выполнена, на дѣлѣ Русскіе люди въ эпоху преобразованія никакъ не могли разрѣшить того противорѣчія, которое въ теоріи, повидимому, разрѣшалось; мы видѣли, что Крижаничь старался внушить Русскимъ людямъ сознаніе своихъ недостатковъ, указывалъ, какъ западные Европейцы далеко опередили ихъ, требовалъ, чтобъ Русскіе люди учились у нихъ, учились не только наукамъ, но и нравственности, переводили ихъ книги, вызывали ихъ ремесленниковъ, и въ то же самое время отвращались отъ нихъ какъ отъ самыхъ злыхъ враговъ. Авторъ видѣлъ противорѣчіе, и чтобъ выпутаться изъ него, потребовалъ отъ Русскихъ людей умѣнья положить границы между подражаніемъ и подчиненіемъ вліянію того, кому подражаемъ, потребовалъ умѣнья при заимствованіи цивилизаціи у иностранцевъ отличать добро отъ зла, т. е. потребовалъ, чтобъ Русскіе люди перескочили вдругъ нѣсколько вѣковъ, отъ низшей степени образованности къ самой высшей, изъ дѣтства къ полной возмужалости; но народы скачутъ такимъ образомъ только подъ перьями теоретиковъ, не хотящихъ знать исторіи, дѣйствительности. По мысли Крижанича, иностраннымъ купцамъ никакъ не должно позволять имѣть въ Россіи дома, лавки, склады, погреба, никакъ не должно пускать къ себѣ иностранныхъ купеческихъ агентовъ, консуловъ, резидентовъ: «нашъ Славянскій народъ весь подверженъ такому окаянству: вездѣ на плечахъ у насъ сидятъ Нѣмцы, Жиды, Шотландцы, Цыганы, Армяне и Греки, которые кровь изъ насъ высасываютъ. Презрѣнію, съ какимъ обращаются съ нами иностранцы, укорамъ, которыми они насъ осыпаютъ, первая причина есть наше незнаніе и наше нерадѣніе о наукахъ, а вторая причина есть наше чужебѣсіе или глупость, вслѣдствіе которой иностранцы надъ нами господствуютъ, обманываютъ насъ всячески и дѣлаютъ изъ насъ все, что хотятъ, потому и зовутъ насъ

варварами.» Не постигая историческаго закона, по которому народъ менѣе образованный необходимо подвергается вліянію и даже господству народа болѣе образованнаго, Крижаничь смѣшалъ слѣдствіе съ причиною и опозорилъ Славянъ, приписавъ имъ какъ врожденный недостатокъ это чужебѣсіе, которое было только необходимымъ слѣдствіемъ первой и единственной причины—незнанія. Требуя недопущенія купцовъ иностранныхъ во внутреннія области, Крижаничь требуетъ, чтобъ не принимать въ службу ни одного иностранца, ни одному не давать права гражданства, потому что Нѣмцы, принятые въ службу, могутъ причинять только одно зло: Нѣмецъ былъ и Басмановъ, любимецъ Разстриги, Нѣмецъ былъ и Шеинъ, погубившій Русское войско подъ Смоленскомъ!

Но Крижаничь вооружается не противъ однихъ Нѣмцевъ: одинаково сильно, если еще не сильнѣе, вооружается онъ и противъ Грековъ. Ложность положенія, въ какомъ нашелся нашъ ученый Сербъ въ Москвѣ, заключалась въ томъ, что будучи единоплеменникомъ, своимъ, Славяниномъ, онъ въ то же время былъ чужой, былъ латинецъ, католическій священникъ. До Крижанича въ Россіи сознали необходимость учиться у иностранцевъ, но главное затрудненіе, главное возраженіе здѣсь состояло въ томъ, что эти иностранные учителя—иновѣрцы, неправославные. Чтобъ избѣжать опасности для вѣры, обратились за наукою къ своимъ, не въ смыслѣ единоплеменности, но въ смыслѣ единовѣрія, обратились къ Малороссіянамъ, къ Грекамъ. И вотъ въ то время, когда авторитетъ Грековъ былъ наивысшимъ, когда хотѣли учиться, но вмѣстѣ съ этимъ и прежде всего хотѣли сохранить чистоту Греческой вѣры, является въ Москву ученый Славянинъ, предлагаетъ свои учительскія услуги, но не можетъ удовлетворить главному условію, при которомъ могъ быть допущенъ учитель—быть православной, Греческой вѣры; Крижаничь не могъ скрыть, что онъ латинецъ, и даже латинскій попъ. Ученый Сербъ пришелъ не во-время: незванаго учителя сослали въ Сибирь. Разумѣется, можно предположить, что злыя выходки Крижанича противъ Грековъ могли быть слѣдствіемъ его несчастія, которое, какъ видно, онъ приписывалъ Грекамъ; но еще съ боль-

шимъ основаніемъ можно предположить и то, что латинскій попъ, когда еще находился въ Москвѣ, не могъ удержаться отъ выходокъ противъ Грековъ, какъ схизматиковъ, не могъ удержаться и отъ другихъ выходокъ, которыя сильно должны были оскорбить тогдашнихъ Русскихъ людей.

Крижаничь противополагаетъ Грековъ Нѣмцамъ въ томъ отношеніи, что эти прирожденные враги Славянъ влекутъ ихъ къ противоположнымъ крайностямъ. «Нѣмцы приносятъ намъ ядовитыя новизны: Греки, безразсудно охуждая всякую новизну, предлагаютъ свои глупости подъ важнымъ именемъ древности. Нѣмцы сѣютъ ереси: Греки хотя научили насъ истинной вѣрѣ, однако приплели къ ней схизму. Нѣмцы преподаютъ намъ и добрыя и вмѣстѣ дьявольскія науки: Греки восхваляютъ невѣжество и всякую науку считаютъ еретическою. Нѣмцы думаютъ получить спасеніе одною проповѣдію: Греки, пренебрегаютъ проповѣдію и считаютъ полезнѣйшимъ молчаніе. Нѣмцы кричатъ, что не позволяется никого судить: Греки наоборотъ, утверждаютъ, что надобно осуждать людей, не выслушавъ ихъ» (здѣсь можно видѣть намекъ на судьбу самого автора). Подробно исчисляетъ Крижаничь случаи злоупотребленій, какія позволяли себѣ Греческіе духовные, приходившіе за милостынею въ Россію, и не разбиравшіе иногда средствъ для увеличенія этой милостыни; между прочимъ Крижаничь разказываетъ любопытный случай, бывшій съ нимъ самимъ: «Нѣкто Софроній, называвшій себя митрополитомъ Филиппополя и Драмы, а въ народѣ извѣстный подъ именемъ Македонскаго, принуждалъ меня сочинить ему подложныя грамоты отъ имени патріарха Іоанникія, какъ будто бы онъ былъ отправленъ имъ по общимъ нуждамъ церковнымъ. Когда я не соглашался на это, то онъ, вмѣстѣ съ другимъ какимъ-то митрополитомъ, хотѣли меня высѣчь, но я вырвался и убѣжалъ къ городскому писарю. Но признаюсь, что послѣ я сочинилъ ему грамоты, опасаясь за свою жизнь.»

Въ Россіи знали о подобныхъ злоупотребленіяхъ и принимали противъ нихъ средства, съ большими предосторожностями допуская собирателей милостыни; но въ Россіи знали также очень хорошо, что самые видные изъ Грековъ, являв-

шихся въ Москвѣ, вовсе не были проповѣдниками невѣжества, считавшими полезнѣе молчать, чѣмъ проповѣдывать. Какъ уже было замѣчено, Крижаничь, въ своей католической ревности, задѣлъ не однихъ Грековъ, задѣлъ и Русскихъ, вооружаясь противъ тѣхъ священныхъ для народа сочиненій, въ которыхъ были неблагосклонные отзывы о католицизмѣ, напримѣръ противъ житія св. Сергія[172]; или выставляя, что Русскіе грѣшнѣе Поляковъ, и потому терпятъ отъ нихъ пораженія. Наконецъ Крижаничь позволяетъ себѣ прямо вооружаться противъ православія, «разрушающаго въ церкви монархію, установленную Христомъ, какъ лучшее правленіе, и вводящаго въ церковь многихъ вселенскихъ первосвященниковъ»[173].

Ученый Сербъ пріѣхалъ въ Россію проповѣдникомъ просвѣщенія, которое должно было открыть умныя очи всѣмъ Славянамъ; но Россія, стремившаяся къ просвѣщенію, прежде всего хотѣла остаться православною. Ученый Сербъ, хотѣвшій посредствомъ просвѣщенія открыть умныя очи своимъ соплеменникамъ, не могъ этого сдѣлать относительно самого себя, не могъ уразумѣть противорѣчія, какое носилъ въ собственномъ нравственномъ существѣ, будучи Славянскимъ патріотомъ и католикомъ.

Сосланный въ Сибирь за неправославіе, Крижаничь написалъ тамъ сочиненіе, драгоцѣнное по изображенному въ немъ состоянію Московскаго государства, объяснявшему такъ хорошо необходимость приближающагося переворота. Въ то же время Московскій подьячій бѣжитъ за границу и тамъ начертываетъ столь же важное для насъ изображеніе Московскаго государства: то былъ извѣстный Котошихинъ (Кошихинъ). Оба эти явленія одинаково служатъ знаменіями времени.

Но въ то время, когда въ Москвѣ съ разныхъ сторонъ раздавались все громче и громче крики о необходимости перемѣнъ, о необходимости заимствованія науки, искусства и ремесла у другихъ образованнѣйшихъ народовъ, не оставались въ молчаніи люди, которые уперлись противъ новшествъ, уперлись противъ движенія народа на новый путь, и въ этомъ движеніи видѣли движеніе къ царству антихристову, не молчали раскольники. Они пропѣли и свою историческую пѣсню про

осаду Соловецкаго монастыря, какъ царь Алексѣй Михайловичь говорилъ воеводѣ своему Салтыкову: «Ты ступай-ко ко морю ко синему, ко тому острову ко большому, ко тому къ монастырю ко честному къ Соловецкому; ты порушь вѣру старую, правую, постановь вѣру новую, неправую.» Но изъ памятниковъ раскольнической литературы, о которыхъ еще не было упомянуто прежде, для насъ особенно важенъ одинъ — это похожденія знаменитаго протопопа Аввакума, описанныя имъ самимъ [174]. Важность памятника заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать, что̀ такое былъ сильный человѣкъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онѣ не были устроены и направлены воспитаніемъ, образованіемъ, ибо плеть и палка однѣ не могутъ содѣйствовать этому устроенію и направленію, какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ-подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что̀ могло тутъ сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, невыработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемся въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патріаршеской митрѣ и саккосѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, и Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею силою—и безсиліемъ. Въ соотвѣтствіе богатырю-патріарху, XVII вѣкъ выставляетъ намъ богатыря-протопопа, вслѣдствіе несдержанной силы ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуія и не могли найдти себѣ удержу; тутъ же близко знакомимся съ особаго рода богатырями—юродивыми, которымъ также грузно отъ силушки,

какъ отъ тяжелаго беремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые морозы босикомъ въ одной рубашкѣ: толпа, видя проявленіе такой силы, вполнѣ вѣритъ и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ. Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ, воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу, встрѣчаемъ и Сибирскихъ воеводъ, этихъ Русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на пріиски новыхъ землицъ и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей[175]. Наконецъ встрѣчаемся и съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насиліи.

«Рожденіе мое, говоритъ Аввакумъ, въ Нижегородскихъ предѣлахъ (тамъ же гдѣ и Никоново), за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ мой (священникъ) прилежаше питія хмѣльнаго, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію.» Живая, впечатлительная натура Аввакума высказалась рано: въ дѣтствѣ увидалъ онъ у сосѣда мертвую скотину: это такъ его поразило, что ночью онъ не могъ спать, всталъ и началъ молиться «поминая смерть, яко и мнѣ умереть.» Бѣда въ дѣтствѣ, изгнаніе отъ родственниковъ послѣ смерти отца, развила силы молодаго богатыря. 21 года Аввакумъ поставленъ былъ въ діаконы, черезъ два года въ священники. Сила не замедлила обнаружиться; Аввакумъ началъ отличаться дѣятельностію, усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей; это привлекло къ нему много духовныхъ дѣтей; но эта же сила повлекла его къ столкновенію съ другими силами, Аввакумъ началъ ссориться съ начальными людьми, а извѣстно, что̀ такое были начальные люди въ XVII вѣкѣ: одинъ, разсердившись на Аввакума за ходатайство о дѣвицѣ, отнятой имъ у матери, пришелъ въ церковь съ толпою и задавилъ священника до полусмерти. Въ другой разъ тотъ же начальный человѣкъ билъ Аввакума въ церкви, волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ. Другой начальный человѣкъ, разсердившись, прибѣжалъ въ домъ къ Аввакуму, билъ его и зубами отгрызъ пальцы у руки; потомъ настигъ Аввакума на дорогѣ въ церковь, стрѣлялъ въ него изъ двухъ пищалей, но, къ сча-

стію, обѣ осѣклись. Кончилъ этотъ начальникъ тѣмъ, что отнялъ у Аввакума дворъ, всего ограбилъ и даже не далъ хлѣба на дорогу. Въ это самое время у Аввакума родился ребенокъ: отецъ взялъ клюку, мать—некрещеннаго младенца, и побрели въ Москву. Здѣсь Аввакумъ сблизился съ самыми видными лицами изъ бѣлаго духовенства, духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ и протопопомъ Иваномъ Нероновымъ[176]: они замѣтили въ Аввакумѣ сильнаго человѣка и объявили о немъ государю, который такъ любилъ, такъ искалъ сильныхъ людей между духовенствомъ. Вонифатьевъ и Нероновъ отправили Аввакума опять на старое мѣсто: здѣсь онъ нашелъ и стѣны старыхъ хоромъ своихъ разоренными, обзавелся снова, но не могъ долго нажить въ покоѣ. «Пришли въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ, и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнявъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле.» На бѣду въ это время плылъ Волгою въ Казань на воеводство Василій Петровичъ Шереметевъ; ему пожаловались на ревнителя; бояринъ призвалъ Аввакума къ себѣ на судно и много бранилъ; но этимъ бѣда не кончилась: съ Шереметевымъ ѣхалъ сынъ его Матвѣй; у Шереметевыхъ была сильная склонность къ иноземщинѣ, и Матвѣй брилъ бороду; когда старый Шереметевъ, разбранивши Аввакума за медвѣдей, велѣлъ однако ему благословить сына своего, то ревнитель, увидавъ блудоносный образъ, объявилъ, что ни за что не благословитъ, и началъ порицать отъ писанія; бояринъ сильно разсердился и велѣлъ бросить обличителя въ Волгу; грозный приказъ впрочемъ не былъ исполненъ, Аввакумъ отдѣлался тѣмъ, что его, много томя, протолкали.

Аввакумъ не могъ ужиться въ селѣ; его выгнали въ другой разъ; въ другой разъ сволокся онъ къ Москвѣ, и государь велѣлъ его поставить въ протопопы въ Юрьевецъ Поволжскій. Но здѣсь Аввакумъ столкнулся не съ воеводою, а съ другою силою, съ міромъ. Въ 8 недѣль новый протопопъ успѣлъ вооружить противъ себя духовенство и мірскихъ людей, мущинъ и женщинъ. Огромная толпа собралась къ патріаршему приказу,

гдѣ сидѣлъ Аввакумъ за духовными дѣлами, протопопа вытащили изъ приказа, среди улицы били батогами и топтали, прибили до полусмерти и бросили подъ избной уголъ. Воевода прибѣжалъ съ пушкарями на выручку, схватилъ Аввакума, посадилъ на лошадь, привезъ домой и около дома разставилъ пушкарей. Предосторожность была далеко не лишняя, толпа приступила къ протопопову дому, особенно кричатъ попы и бабы: «убить вора, б...... сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ.» Аввакумъ ночью, покинувъ жену и дѣтей, ушелъ по Волгѣ самъ-третей; прибѣжалъ въ Кострому, а здѣсь та же исторія: Костромичи выгнали своего протопопа Даніила. Для объясненія этихъ явленій, вспомнимъ[177], что въ описываемое время Вонифатьевъ, Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ были передовыми людьми, нововводителями и своими нововведеніями возбуждали противъ себя сильное негодованіе.

Въ Москвѣ духовникъ и самъ царь встрѣтилъ Аввакума упрекомъ, зачѣмъ покинулъ соборную церковь. Однако его не возвратили въ Юрьевъ, оставили въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ другими передовыми людьми, поручили исправленіе книгъ. Мы знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло, какъ Аввакумъ съ товарищами изъ передовыхъ людей стали главами старообрядства, и Аввакумъ всею своею силою зашумѣлъ противъ новшествъ. Тутъ онъ столкнулся съ Никономъ. Пусть онъ самъ разкажетъ слѣдствія этого столкновенія: «меня взяли отъ всенощнаго со стрѣльцами, на патріарховѣ дворѣ на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ во тьмѣ сидя, кланяяся на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. На утро архимандритъ съ братьею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа Муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ (его Никонъ) въ обѣдню. Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностію божественнаго

огня, Никона порицая, и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопорясь рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ. И меня привезли къ соборной церкви стричь. Государь съ мѣста сошелъ и приступя къ патріарху, упросилъ не стричь. Послали меня въ Сибирь съ женою и дѣтьми.» Аввакума вообще очень щадили въ сравненіи съ другими расколоучителями, и послѣ, какъ увидимъ, сильно ухаживали за нимъ, уговаривая отстать отъ раскола, или, по крайней мѣрѣ, не кричать за него. Причиною было то, что Аввакумъ имѣлъ славу отлично благочестивой жизни и понятно, какъ благочестивѣйшему Алексѣю Михайловичу было тяжело преслѣдовать такого человѣка.

Въ Тобольскѣ Аввакума приняли хорошо, архіепископъ далъ ему мѣсто при одной церкви, воевода князь Хилковъ принималъ ревнителя съ уваженіемъ. Но въ отсутствіе архіепископа произошелъ случай, въ которомъ богатырь показалъ свою силу, и опять возбудилъ противъ себя другую силу. Архіепископскій дьякъ Струна, которому безъ владыки была своя воля, захотѣлъ мучить напрасно дьякона той церкви, гдѣ Аввакумъ былъ священникомъ. Дьяконъ ушелъ отъ него въ церковь подъ покровительство священника, но Струна не хотѣлъ отстать отъ дьякона: во время вечерни съ толпою человѣкъ въ 20 вскочилъ онъ въ церковь и схватилъ дьякона на клиросѣ за бороду. Аввакумъ покинулъ вечерню, прибѣжалъ на помощь къ дьякону, вмѣстѣ съ нимъ схватилъ Струну, посадилъ его на полу среди церкви и «за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито таки;» товарищи Струны разбѣжались, и дьякъ, подъ ремнемъ протопопа, принесъ покаяніе. Но этимъ дѣло не кончилось: родственники Струны, попы и чернецы подняли весь городъ на Аввакума; въ полночь подвезли сани къ его двору, ломились въ избу, хотѣли схватить протопопа и свезти въ воду. «Мучился я съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгаючи втай, говоритъ Аввакумъ: иное въ церкви ночую, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился—ино не пустятъ.»

Ревность по старыхъ книгахъ начала было утихать въ Аввакумѣ въ Тобольскѣ: «Былъ я у заутрени въ соборной церкви,

шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ, да съ прiѣзду смотрѣлъ у нихъ просфиромисанiя дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвенника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ духомъ антихристовымъ и ужалило было». На бѣду кто-то во снѣ сказалъ Аввакуму: «Блюдися отъ мене, да не полма разтесанъ будеши». Аввакумъ подумалъ, что это самъ Христосъ грозится наказать его за уступку антихристову духу; онъ не пошелъ къ обѣднѣ, но пошелъ обѣдать къ воеводѣ, князю Хилкову, и разказалъ ему сонъ; бояринъ расплакался. Аввакумъ, разумѣется, спѣшилъ загладить грѣхъ своей слабости. Вслѣдствiе этого пришелъ указъ—везти его изъ Тобольска на Лену; на дорогѣ, въ Енисейскѣ, другой указъ—везти въ Даурiю и отдать въ полкъ Аѳанасью Пашкову, искавшему новыхъ землицъ и приводившему инородцевъ подъ высокую руку великаго государя. Пашковъ не былъ похожъ на Хилкова: «На Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать; для де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ де ты; поди де по горамъ, а съ козаками не ходи. О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменный, яко стѣна стоитъ,—и поглядѣть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змiи великiя; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—перье красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречеты и курята индѣйскiя, и бабы, и лебеди, и иныя дикiя, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многiе: дикiя козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикiе во очiю нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами витати, и азъ ему малое писаньице написалъ, сице начало: «человѣче! убойся Бога, Его же трепещутъ небесныя силы, единъ ты презираешь и неудобство показуешь». Тамъ многонько писано; и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ 50; взяли мой дощеникъ и помчали къ нему. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожитъ, рыкнулъ, яко дикiй звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чепь ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, разболокши, по той же спинѣ 72

удара кнутомъ». Нашелся заступникъ, сынъ Пашкова Еремѣй, сталъ уговаривать отца не грѣшить, не бить протопопа. Еремѣй поступилъ неосторожно, зашелъ къ отцу съ увѣщаніями спереди, а не сзади: старикъ расходился и погнался за сыномъ со шпагою, тотъ едва успѣлъ убѣжать. Послѣ этого и съ Пашковымъ случилась бѣда: дощаникъ его попалъ на мель; Еремѣй воспользовался случаемъ и началъ говорить отцу: «Батюшка! за грѣхъ наказываетъ Богъ, напрасно протопопа кнутомъ избилъ; пора покаяться, государь!» Старикъ рыкнулъ на Еремѣя какъ звѣрь; тотъ увидалъ бѣду, отошелъ къ соснѣ, сложилъ руки и говоритъ: Господи, помилуй! Старикъ схватилъ пищаль, приложился въ сына, спустилъ курокъ — осѣклось; въ другой разъ — осѣклось; въ третій — осѣклось. Старикъ въ ярости бросилъ пищаль на землю. Малый взялъ ее, спустилъ на сторону — выстрѣлилъ. Старикъ сѣлъ на стулъ, подперся шпагою, задумался, началъ плакать и говоритъ: «Согрѣшилъ, окаянный; пролилъ кровь неповинную, напрасно протопопа билъ, за то меня наказываетъ Богъ.» Въ это время дощаникъ сдвинулся съ камня; Пашковъ подозвалъ къ себѣ сына и сказалъ ему: «прости, Еремѣй; правду ты говоришь!» Тотъ отвѣчалъ съ поклономъ: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ.»—«Гораздо Еремѣй разуменъ и добръ человѣкъ, заключаетъ Аввакумъ: ужь у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца и боится его.» Привезли послѣ этого протопопа въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали: «что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ, — и батожка не дадутъ дурачки. Хотѣлъ на Пашкова кричать: прости; но воля Божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу. На весну паки поѣхали впередъ. Охъ времени тому! у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающеся по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеся, кое какъ мучилися. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко дали двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми идти не поспѣемъ. Протопопица бѣдная

бредетъ, бредетъ да и повалится; скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушка государыня! прости!» а протопопица: «что ты, батько, меня задавилъ!» я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: «Марковна! до самыя смерти.» Она, вздохня, отвѣчала: «добро, Петровичь; ино еще побредемъ.»

Пришелъ чередъ и протопопу упасть духомъ и получить помощь отъ протопопицы. «Десять лѣтъ, говоритъ Аввакумъ, Пашковъ меня мучилъ или я его, не знаю, Богъ разберетъ. Наконецъ пришла грамота—велѣно Аввакуму ѣхать на Русь. Протопопъ отправился, приплылъ въ Русскіе города и «уразумѣлъ о церкви, яко ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Опечалясь, сидя, разсуждаю; что̀ сотворю? проповѣдую ли слово Божіе, или скрыюся? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопопица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «жена! что̀ сотворю? зима еретическая на дворѣ, говорить мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говоритъ: Господи, помилуй! что ты, Петровичь, говоришь! поди, поди въ церковь, Петровичь! обличай блудню еретическую!» Аввакумъ разказываетъ еще одну любопытную семейную сцену. «У меня былъ на Москвѣ бѣшеной, Филиппомъ звали, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсъ былъ суровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егдаже азъ грѣшный съ крестомъ и съ водою пріиду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ Христовымъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Ѳеодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилось нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побранились. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ. Та же бѣсъ вздивьялъ въ Филиппѣ: и началъ чепь ломать, бѣсясь, и кричать не удобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити,

но не бысть по прежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и драть. Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: «Не боюсь я тебя». Мнѣ въ тѣ поры горько стало; «бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ.» Полежалъ маленько, съ совѣстію собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна; прости меня грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фотиньею тѣмъ же образомъ простился; тоже легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20; и жена, и дѣти, и всѣ, плачучи, стегали. Егдаже всѣ отбили и я, воставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсъ же, видѣвъ неминучую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ. »

Въ Москвѣ приняли Аввакума отлично, ласкою хотѣли отвратить такого сильнаго человѣка отъ раскола: «Яко ангела Божія пріяша мя, говоритъ Аввакумъ: государь и бояре всѣ мнѣ рады. Къ Өедору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учалъ говорить много: три дня и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ. И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь что повелитъ Богъ.» Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое-что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися обо мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и всѣ бояре послѣ его челомъ да челомъ: «протопопъ! благослови и молися о насъ». Какъ мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль видѣть каковы были добры, давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники

звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же, вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу. Видятъ они, что я не соединяюся съ ними, приказалъ государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобъ я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо помаленьку исправиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ, Лука духовникъ 10 рублевъ же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублевъ же, а дружище наше старое Ѳедоръ Ртищевъ тотъ и 60 рублевъ казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть, а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащитъ, да несетъ всячиною. У свѣта моей, Ѳедосьи Прокофьевны Морозовы, не выходя жилъ во дворѣ, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня Евдокія Прокофьевна (Урусова), дочь же моя. И у Анны Петровны Милославскія всегда же въ дому былъ; и къ Ѳедору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ, — паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика. Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ; не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Христа многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвши истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти де на тебя жалуются, церкви де ты запустошилъ: поѣдь-де въ ссылку опять.» Да и повезли на Мезень. По городамъ паки людей Божіихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И привезли на Мезень. Полтора года державъ, паки къ Москвѣ взяли. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка была, то же да то же говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? соединись

съ нами, Аввакумушка!» Я отрицался что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ. Изъ Пафнутьева взяли меня паки въ Москву и въ Крестовой стяжашася власти со мною; ввели меня въ соборный храмъ и стригли (разстригали) по переносѣ меня и діакона Ѳеодора, потомъ опроклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мнѣ тяжко въ обѣдню ту. И повезли ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь, держали въ студеной палаткѣ 17 недѣль. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моея походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею; она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча многажды въ Чудовъ, поставили предъ вселенскихъ патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патріархи говорилъ много. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двумя персты; такъ не подобаетъ.» И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: «Вселенскіе учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія Турскаго Магмета, немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ Божіею благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь не мятежна».... Я отошелъ къ дверямъ де на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу», говорю имъ. Такъ они смѣются; «дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны». Повели меня на чепь, потомъ на Воробьевы горы, тоже къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присылалъ ко мнѣ голову

Юрья Лутохина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Таже опять ввезли насъ въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насъ о правовѣріи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди многажды присыланы были, Артемонъ (Матвѣевъ) и Дементій (Башмаковъ),—и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «Протопопъ, вѣдаю де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады, помолись о насъ. Пожалуй де, послушай меня, соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ.» И я говорю: «аще и умрети мнѣ Богъ изволитъ, со отступниками не соединюся. Ты мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися.» Таже, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье.»—Аввакумъ до конца остался непреклоненъ; вотъ его исповѣданіе: «Аще я и не смысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ св. отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, яко же пріяхъ; не прелагаю предѣлъ вѣчныхъ: до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ.»

Приходили отовсюду новые учителя: во дворцѣ и съ церковной каѳедры, изъ монашеской кельи и изъ Сибирскаго заточенья толковали они о необходимости перемѣнъ, о необходимости науки; задѣтые ими, оскорбленные старые учителя, бывшіе прежде сами передовыми людьми, возбуждавшіе негодованіе своими новшествами, возстали противъ новшествъ, принесенныхъ соперниками, провозгласили, что не должно быть никакихъ перемѣнъ: «до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ». Но въ то время какъ старые и новые учителя въ священническихъ и монашескихъ рясахъ препираются о двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, когда Русскіе раздѣлились въ ожесточенной борьбѣ, когда сдѣлка съ наукою, попытка ввести науку чрезъ православныхъ учителей, не вредя православію, далеко не удалась какъ бы желалось, когда старые учителя провозгласили и православныхъ Грековъ, и православныхъ Малороссіянъ и Бѣлоруссовъ еретиками, латинцами, — въ это время являются новые учителя особаго рода, не желанные ни старымъ учителемъ, ни новымъ въ рясахъ, яв-

ляются иновѣрцы-Нѣмцы, являются вслѣдствіе того, что прежде грамматики и реторики нужно было выучиться сражаться, вслѣдствіе того, что явно было экономическое банкротство по неумѣнью производить и продавать и по неимѣнію моря, являются вслѣдствіе того закона, по которому внѣшнее предшествуетъ внутреннему. Мы должны обратить вниманіе и на этихъ новыхъ учителей, посмотрѣть, что это за люди и какъ они живутъ въ своей Нѣмецкой слободѣ, которая играетъ такую роль въ исторіи преобразованія.

Мы уже имѣли случай говорить о наемныхъ войскахъ, о ихъ историческомъ значеніи. Мы видѣли, что они образовались изъ добровольныхъ и невольныхъ изгнанниковъ изъ родныхъ странъ, однимъ словомъ изъ козаковъ западной Европы. Для нашихъ козаковъ служила привольнымъ убѣжищемъ широкая степь, поле, гдѣ они могли поляковать, козаковать на свободѣ, признавать только по имени власть Русскаго государства, враждебно дѣйствовать противъ него при первомъ столкновеніи, но все оставаясь православными Русскими людьми. Въ западной Европѣ не было степей, гдѣ бы могло образоваться козачество; западно-Европейскимъ козакамъ было два выхода — или плыть за океанъ для пріисканія и завоеванія новыхъ землицъ, и эта дѣятельность западныхъ козаковъ въ Новомъ Свѣтѣ совпадаетъ съ дѣятельностію нашихъ восточныхъ козаковъ за Камнемъ. Другой выходъ — извѣчное занятіе богатырскихъ, козацкихъ дружинъ — *служить въ семи ордахъ семи королямъ*, искать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей; съ XVII вѣка въ числѣ этихъ государей былъ и великій государь всея Руси. Изъ происхожденія и занятія этихъ западныхъ козаковъ, явившихся въ Москвѣ подъ именемъ *служилыхъ иноземцевъ*, объясняется уже ихъ характеръ. Волею или неволею оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена смотря потому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностію; побольше жалованья, побольше добычи — оставалось всегда

главною цѣлію. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кой о чемъ порасказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попировать за-полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы, нынче хорошо, завтра дурно, нынче побѣда, богатая добыча, завтра проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну.

Таковы были люди, которыхъ постоянно вызывали въ Москву, въ продолженіе XVII вѣка; сперва увеличеніе числа иностранцеп въ Москвѣ возбудило сильный ропотъ, жалобы священниковъ; иноземцевъ выдѣлили, переселили въ особую слободу. Казалось, что Русь отгородилась отъ Нѣмцевъ, но это могло только казаться такъ. Русь трогалась съ востока на западъ, и западъ выставилъ ей на пути, какъ свою представительницу, Нѣмецкую слободу. Историческій чередъ былъ за Нѣмецкой слободой, и скоро старая Москва преклонится передъ этою слободою своею, какъ нѣкогда старый Ростовъ преклонился передъ пригородомъ своимъ Владиміромъ, скоро Нѣмецкая слобода перетянетъ царя и дворъ его изъ кремля, обзаведется своими дворцами. Нѣмецкая слобода — ступень къ Петербургу, какъ Владиміръ былъ ступенью къ Москвѣ.

Служилые иноземцы не прожили молча въ Нѣмецкой слободѣ. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей между ними изо дня въ день записалъ свои похожденія, свое житье-бытье и оставилъ намъ любопытныя извѣстія о себѣ самомъ, о своихъ собратіяхъ, о Россіи предъ эпохою преобразованія. Я разумѣю Дневникъ Гордона.

Патрикъ Гордонъ былъ родомъ Шотландецъ, католикъ. Послѣднее обстоятельство затворило ему двери отечественныхъ университетовъ. На досугѣ молодой человѣкъ влюбился, но не могъ жениться на предметѣ своей страсти. Частію это обстоятельство, частію жажда къ свободѣ тянули Гордона изъ родной страны, тѣмъ болѣе, что на родинѣ ему нечего было терять: онъ происходилъ изъ младшей линіи Гордоновской фамиліи и самъ былъ младшій сынъ. Молодой Гордонъ за грани-

цею. Сначала онъ поступилъ въ Іезуитскій Брауноберскій коллегіумъ, но скоро замѣтилъ, что затворническая жизнь ему не по характеру. Въ 1655 году онъ вступилъ въ войска Шведскаго короля Карла X, который воевалъ тогда съ Поляками. Въ слѣдующемъ же году Гордонъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ и освобожденъ подъ условіемъ вступленія въ Польскую службу; въ томъ же самомъ году попался въ плѣнъ къ Шведамъ и вступилъ опять въ Шведскую службу. Наемному офицеру жалованья не платили: за то онъ не упускалъ удобнаго случая поживиться добычею, подкарауливалъ ее въ лѣсу какъ разбойникъ, и записывалъ въ своемъ дневникѣ, что, напримѣръ, ему удалось, хотя и не безъ труда, отнять лошадей у двоихъ крестьянъ; Гордонъ служилъ въ Шотландской дружинѣ, которая прославилась своими грабительствами. Въ 1658 году онъ опять попался въ плѣнъ къ Полякамъ и вторично вступилъ въ Польскую службу: «Вѣдь главная цѣль Гордона, говоритъ онъ о себѣ въ третьемъ лицѣ, была составить себѣ счастіе, но въ Шведской службѣ теперь это трудно было сдѣлать, потому что у Шведовъ на шеѣ были — императоръ, короли Датскій и Польскій и царь Русскій. Правда, что честному человѣку хорошо у Шведовъ служить: это народъ справедливый, цѣнитъ каждаго по заслугамъ; но и между Поляками можно составить себѣ счастіе. Польскіе генералы гордо обращаются съ иностранцами, но остальная шляхта и кто пообразованнѣе обращаются съ ними хорошо». Но и между Поляками Гордонъ не нашелъ возможности составить себѣ счастіе, и въ 1661 году вступилъ въ Русскую службу въ званіи майора; въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Москву, въ Нѣмецкую слободу. Здѣсь сначала Гордону не понравилось. Его позвали къ начальнику иноземнаго приказа, тестю царскому, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому; тотъ велѣлъ ему взять копье и мушкетъ и показать, какъ онъ умѣетъ ими дѣйствовать. Гордонъ отвѣчалъ, что еслибъ ему прежде сказали объ этомъ, то онъ бы привелъ съ собою своего деньщика, который, вѣроятно, знаетъ лучше его ружейные пріемы, и прибавилъ, что для офицера эти пріемы послѣднее дѣло, а главное начальствовать надъ солдатами. Бояринъ возразилъ, что всякій служилый иноземецъ, пріѣзжающій въ

Россію, хотя бы былъ полковникъ, долженъ показать, умѣетъ ли дѣйствовать копьемъ и мушкетомъ. Дѣлать было нечего: Гордонъ принялся за копье и мушкетъ, и бояринъ остался доволенъ.

Тутъ же на первыхъ порахъ опытный искатель добычи столкнулся съ знаменитыми также искателями добычи, Московскими дьяками. Велѣно было Гордону, за его выѣздъ въ Россію, сдѣлать подарокъ: 25 рублей чистыми деньгами и на 25 рублей соболями. Иностранецъ не зналъ обычая, что для полученія этого подарка надобно прежде подарить дьяка. Гордонъ къ дьяку за подаркомъ — тотъ отговаривается пустяками, Гордонъ бранится — нѣтъ успѣха; Гордонъ къ боярину съ жалобою, бояринъ велитъ дьяку выдать подарокъ, но тотъ не выдаетъ. Гордонъ въ другой, въ третій разъ съ жалобою къ боярину, говоритъ ему прямо, что не понимаетъ, кто имѣетъ больше силы, —онъ, бояринъ, или дьякъ, потому что дьякъ и не думаетъ исполнять его приказаній. Бояринъ разсердился, велѣлъ позвать дьяка, схватилъ его за бороду, потаскалъ его добрымъ порядкомъ и обѣщалъ кнутъ, если Гордонъ придетъ еще разъ съ жалобою. Дьякъ приходитъ къ Гордону съ ругательствами; тотъ платитъ ему такою же монетою, и оканчиваетъ угрозою, что потребуетъ увольненія отъ службы. Дѣйствительно Гордонъ началъ серіозно думать, какъ бы выбраться изъ Россіи: жалованье не большое, и то мѣдными деньгами (4 копѣйки идутъ за одну серебряную), и жить нельзя, не только что скопить что нибудь. Въ иноземномъ приказѣ провѣдали, что Гордонъ хочетъ просить увольненія у боярина, испугались и выдали ему свидѣтельство для полученія денегъ и соболей. Гордонъ заупрямился, не хотѣлъ брать подарка; толковалъ объ отпускѣ; но ему внушили, что просьбою объ отпускѣ онъ только можетъ погубить себя; онъ католикъ, пріѣхалъ изъ Польши, съ которою идетъ война, и сейчасъ же хочетъ опять уѣхать: ясно, что пріѣзжалъ для лазутчества; вмѣсто отпуска познакомится пожалуй съ Сибирью. Гордонъ испугался, взялъ подарокъ и остался въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, въ которой иногда происходили любопытныя событія.

Въ Нѣмецкой слободѣ, какъ во всякой другой, полицейскій надзоръ былъ порученъ десятскимъ, которымъ давался наказъ. «Вѣдать тебѣ и беречь накрѣпко въ своемъ десяткѣ и приказать полковникамъ и полуполковникамъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ и торговымъ и всякимъ жилецкимъ людямъ и иноземкамъ, чтобъ они Русскихъ бѣглыхъ и новокрещенныхъ и Бѣлорусцевъ и гулящихъ людей въ дворахъ у себя для работы безъ крѣпостей не держали, и поединковъ и никакого смертнаго убійства и дракъ не чинили, и корчемнымъ продажнымъ питьемъ, виномъ и пивомъ и табакомъ не торговали и воровскимъ людямъ приходу и пріѣзду и б...., и неявясь въ приказъ новыя четверти никакова питья не держали, а для работы во дворѣ у себя держали всякихъ разныхъ вѣръ иноземцевъ некрещенныхъ.»[178] Но мы уже знаемъ, какъ солдаты мало обращали вниманія на указы относительно вина, и какъ иностранные офицеры ихъ сквозь пальцы смотрѣли на это. Однажды въ Москвѣ узнали, что солдаты держатъ вино въ Нѣмецкой слободѣ въ извѣстномъ домѣ. Подьячій съ отрядомъ стрѣльцовъ явился на выимку и нашелъ вино, хотя солдаты успѣли спрятать его въ саду. Стрѣльцы взяли вино, захватили и нѣсколько солдатъ; но прибѣжали другіе солдаты, освободили товарищей, отняли вино и протолкали стрѣльцовъ до городскихъ воротъ. Тутъ къ стрѣльцамъ пришла подмога, и солдаты принуждены были бѣжать въ свою очередь; но скоро и они получили подкрѣпленіе: солдатъ набралось 800 человѣкъ, стрѣльцовъ было 700, завязался бой въ узкихъ улицахъ, и солдаты втиснули стрѣльцовъ въ ворота Бѣлаго города; но на помощь къ стрѣльцамъ явилось 600 товарищей съ главнаго кремлевскаго караула и отрѣзали путь солдатамъ, ворвавшимся въ Бѣлый городъ; 22 человѣка были схвачены, биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

Игра въ карты была также запрещена, и солдаты играли тайкомъ, ночью. Однажды Русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ ихъ и, по обычаю тагдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только тѣ деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши объ этомъ знать по начальству, т. е.

Гордону. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ, и сдѣлалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что впередъ ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ внушеніямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другаго рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ, и такъ отколотилъ дубинкою, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику; но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину: Гордонъ и тутъ заперся.

Хозяинъ дома, гдѣ квартировалъ Гордонъ, захотѣлъ освободиться отъ своего постояльца, и челобитье его было исполнено. Два раза присылали Гордону письменныя приказанія очистить квартиру, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Однажды, когда Гордонъ сидѣлъ за обѣдомъ, входитъ къ нему въ комнату подьячій съ указомъ, чтобъ онъ немедленно перебирался на другую квартиру. Съ подьячимъ пришло 20 человѣкъ трубниковъ, большая часть которыхъ остались внизу. «Покажи указъ!» говоритъ Гордонъ подьячему.—«Не покажу, отвѣчаетъ тотъ, потому что ты два прежніе указа оставилъ у себя или, быть можетъ, разодралъ».—«До тѣхъ поръ не очищу квартиры, пока не покажешь указа», говоритъ Гордонъ. Тогда подьячій велитъ трубникамъ взять чемоданъ и нести вонъ, а самъ беретъ полковыя знамена. Гордонъ вскакиваетъ изъ-за стола, и съ помощію деньщика и двоихъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подьячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подьячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ на верхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодою своего положенія на верху, прогоняетъ ихъ, тѣмъ легче, что трубники были вооружены однѣми палками. На шумъ прибѣгаютъ солдаты, нападаютъ на подьячаго и трубниковъ, и тѣ бѣгутъ, солдаты гонятъ ихъ до Яузскаго моста и отнимаютъ у нихъ шапки. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что на счастье Гордона, Милославскій поссорился съ Ртищевымъ, къ приказу котораго принадлежалъ подьячій, а между тѣмъ Гордонъ перемѣнилъ квартиру.

Остался въ Москвѣ,—дѣлать нечего, надобно было сообразоваться съ обычаями. Гордонъ позвалъ всѣхъ подьячихъ ино-

земнаго приказа къ себѣ на пирушку и каждому подарилъ — кому два соболя, кому одинъ. Съ этихъ поръ онъ пользовался ихъ полнымъ расположеніемъ и уваженіемъ; какое бы ни было у него дѣльце въ приказѣ, все сейчасъ обдѣлаютъ.

Не смотря на это, Гордону все еще очень не нравилось въ Москвѣ; человѣкъ привыкъ пріобрѣтать добычу съ оружіемъ въ рукахъ, а тутъ надобно задаривать людей, которые перомъ ловятъ соболей! Нельзя вырваться на западъ, то нельзя ли хотя еще дальше на востокъ. Назначался Θедоръ Андреевичъ Милославскій посломъ въ Персію; Гордонъ сталъ проситься въ свиту, но, зная, что однѣ просьбы не принимаются, снесъ самому Милославскому 100 золотыхъ, да его дворецкому подарокъ въ 20 золотыхъ. Но золотые пропали, дѣло было невозможное: иноземца выписали для ратной службы, а онъ хочетъ ѣхать съ посломъ въ Персію, куда могутъ отправиться и Русскіе: пожалуй еще оттуда уйдетъ, или передастся шаху!

Хотя десятскіе Нѣмецкой слободы получали наказъ—беречь накрѣпко, чтобъ не было поединковъ, однако служилые иноземцы мало обращали вниманія на это запрещеніе. Гордонъ въ 1666 году имѣлъ поединокъ съ майоромъ Монгомери: поссорился онъ съ нимъ у себя на пирушкѣ, которую давалъ придворнымъ въ царскія именины.

Служилые иноземцы не всегда ссорились другъ съ другомъ только на пирушкахъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. По возвращеніи изъ похода 1676 года Гордонъ, бывшій тогда уже полковникомъ, узналъ, что нѣкоторые драгуны его полка хотятъ на него жаловаться и что подбиваетъ ихъ къ тому генералъ-майоръ Трауернихтъ. Встрѣтившись съ Трауернихтомъ въ домѣ князя Трубецкаго, Гордонъ, въ присутствіи многихъ полковниковъ, рѣзко выговорилъ ему, что онъ связался съ негодяями его полка и подучаетъ ихъ подать на него жалобу. Трауернихтъ смолчалъ; но на другой же день проводилъ въ Разрядъ солдатъ, которые отнесли туда свое челобитье на Гордона. Чрезъ нѣсколько дней является къ Гордону полковникъ Шиль, родственникъ Трауернихта, и предлагаетъ, что если Гордонъ заплатитъ Трауернихту 300 фунтовъ, то онъ уладитъ дѣло между нимъ и драгунами. Гордонъ отвѣчалъ бранью на это предложеніе. Ког-

да онъ узналъ, что дѣло на слѣдующій день будетъ докладываться царю, то послалъ думному дьяку подарокъ въ 20 рублей; дьякъ обѣщалъ быть за Гордона; за него же былъ и самъ воевода, князь Григ. Григ. Ромодановскій, который при докладѣ объявилъ, что все написанное въ челобитной ложь, дѣло въ томъ, что Гордонъ содержитъ строгую дисциплину и не позволяетъ своимъ подчиненнымъ воровать и бѣгать: «Я говорю это, прибавилъ князь, не потому, что Гордонъ мнѣ далъ что-нибудь или обѣщалъ, но зная его усердіе къ службѣ царскаго величества.» Крестьяне 20 деревень, въ которыхъ стоялъ Гордоновъ полкъ, прислали сказку за руками троихъ священниковъ, что они не могутъ ни въ чемъ пожаловаться на Гордона. Жалобщики, увидавши, что дѣло не можетъ кончиться въ ихъ пользу, предложили Гордону мировую, если онъ дастъ имъ пять рублей. Гордонъ отвѣчалъ, что дастъ пять рублей, если они откроютъ ему всѣхъ сообщниковъ, чтобъ ему знать, кто у него въ полку друзья и кто враги, безъ этого не дастъ ни копѣйки. Драгуны не согласились[179].

ГЛАВА II.

Царствованіе Өеодора Алексѣевича.

Различіе въ преобразовательной дѣятельности преемниковъ царя Алексѣя Михайловича. — Дѣти царя Алексѣя отъ обоихъ браковъ. — Польское и Нѣмецкое вліянія. — Извѣстія о вступленіи на престолъ Өеодора. — Ссылка Матвѣева. — Ссылка духовника Андрея Савинова. — Отягченіе участи Никона. — Любимцы царя — Языковъ, Лихачевы. — Бракъ Өеодора на Агаөіи Семеновнѣ Грушецкой. — Быстрое возвышеніе Языкова и Лихачева. — Князь Вас. Вас. Голицынъ. — Окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ. — Дѣла Рославца и Адамовича. — Дорошенко въ Москвѣ. — Манифестъ Юрія Хмельницкаго. — Пересылка съ гетманомъ Самойловичемъ о Сѣркѣ и Дорошенкѣ. — Ссылка Рославца и Адамовича. — Первый Чигиринскій походъ. — Мнѣнія Ромодановскаго и Самойловича о Чигиринѣ. — Дѣла Запорожскія и посольство въ Турцію. — Второй Чигиринскій походъ. — Сношенія съ Польшею. — Мирные переговоры съ Турціею. — Переговоры въ Крыму и миръ съ султаномъ и ханомъ. — Дорошенко-воевода. — Смерть Сѣрка. — Дѣла Шведскія, Датскія, Австрійскія. — Калмыки и козаки. — Волненія Башкирцевъ. — Борьба съ Киргизами, Самоѣдами, Якутами и Тунгусами въ Сибири, злоупотребленія здѣсь приказныхъ людей. — Внутренняя дѣятельность правительства при царѣ Өеодорѣ. — Вопросъ о торговлѣ шелкомъ съ Армянами. — Постановленіе о торговлѣ съ Греками. — Смягченіе наказаній за уголовныя преступленія. — Новая форма челобитныхъ. — Расколъ. — Церковный соборъ 1681 года — Обращеніе иновѣрцевъ въ христіанство. — Постановленія о воеводахъ — Финансовыя мѣры. — Уничтоженіе мѣстничества. — Проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ. — Проектъ академіи. — Смерть царицы Агаөіи и царевича Ильи. — Второй бракъ царя и кончина его. — Смерть Никона. — Облегченіе участи Матвѣева.

Русская земля всколебалась и замутилась, Русскій народъ послѣ осьмивѣковаго движенія на востокъ, круто началъ поворачивать на западъ; поворота, новаго пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса о необходимости пріобрѣсть средства, которыя бы сдѣлали народъ сильнымъ, снискали ему уваженіе другихъ народовъ, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться, и явились учителя

съ разныхъ сторонъ: Греческіе и западно-Русскіе монахи, западно-Русскіе шляхтичи съ Польскимъ школьнымъ образованіемъ, явились и учителя иноплеменные и иновѣрные съ дальнѣйшаго запада, Нѣмцы, учителя ратнаго искусства и разныхъ другихъ искусствъ и ремеслъ. Учителя эти столкнулись съ старыми учителями, произошла борьба и расколъ; люди, испуганные движеніемъ, новшествами, завопили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ. И они были правы въ извѣстномъ смыслѣ: старая Россія оканчивалась, начиналась новая.

Но при этой несостоятельности стараго, при этихъ требованіяхъ новаго, какимъ же путемъ долженъ былъ совершиться переворотъ? Мы видимъ, что все и со всѣмъ обращается въ Москву къ великому государю, и видимъ также ясно, что это обращеніе происходитъ необходимо отъ слабости, мелкости отдѣльныхъ міровъ, отъ особности ихъ другъ отъ друга, и въ то же время отъ внутренней розни, происходящей при всякомъ соединеніи силъ, при всякомъ общемъ дѣйствіи, однимъ словомъ отъ дѣтскаго состоянія ихъ, отъ дѣтской безпомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о какомъ-нибудь новомъ распорядкѣ принимается, пусть распоряжаются какъ хотятъ; поссорятся, одни захотятъ одного, другіе другаго— правительство приказываетъ спросить всѣхъ, чтобъ узнать, чего хочетъ большинство? Мы упомянули о дѣтской безпомощности; слово всего лучше объяснитъ тутъ дѣло: всѣ тяглые, не служилые люди называютъ себя сиротами государевыми; это низшая рабочая часть народонаселенія, мужики; но высшая, военные, мужи, какъ себя называютъ? они называютъ себя холопями государевыми. Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопяхъ нельзя искать силы и самостоятельности, собственнаго мнѣнія. И тѣ и другіе чувствуютъ несостоятельность стараго, понимаютъ, что оставаться такъ нельзя, но, при отсутствіи просвѣщенія, не могутъ ясно сознавать, какъ выйдти на новую дорогу, не могутъ имѣть инніціативы, которая потому должна явиться сверху; повести дѣло долженъ великій государь.

Вести дѣло переворота или преобразованія должны были пре-

емники царя Алексѣя Михайловича. Какимъ образомъ пойдутъ они по пути, на который уже поворотилъ народъ?—это будетъ зависѣть отъ ихъ природы и отъ ихъ воспитанія. Мы видѣли, что при сознаніи необходимости учиться, явились разнаго рода учителя; чтобъ новая наука не повредила древнему благочестію, призывались учителя изъ православнаго духовенства, Греческаго и западно-Русскаго. Эти люди принесли въ Москву школьную науку, требованіе учрежденія школъ; но западно-Русскіе ученые могли устроить школы по образцу западно-Русскихъ школъ, а эти были устроены по образцу школъ Польскихъ. Вообще западно-Русскіе ученые были воспитаны подъ сильнымъ Польскимъ вліяніемъ вслѣдствіе той тѣсной связи, въ какой родина ихъ находилась съ Польшею; у западно-Русскихъ людей не было своего книжнаго языка: они писали или на такъ называемомъ церковно-Славянскомъ языкѣ, или по-латыни, или по-польски, литература Польская доставляла имъ много матеріала. Эту привычку къ Польскому языку и литературѣ они принесли и въ Москву; усиленію вліянія Польскаго языка и литературы содѣйствовала здѣсь тѣсная связь съ Польшею и во время войны при безпрестанныхъ переговорахъ о мирѣ и во время мира при союзѣ и безпрестанныхъ сношеніяхъ на счетъ болѣе тѣснаго союза, и на счетъ выбора въ короли царя или сына его. Русскій языкъ запестрѣлъ полонизмами; стоитъ только прочесть письма и донесенія Русскаго резидента въ Варшавѣ, Тяпкина, чтобъ убѣдиться въ силѣ Польскаго вліянія на Русскій языкъ, и какъ это вліяніе обнаруживалось безсознательно, невольно со стороны Русскаго человѣка: Тяпкинъ, какъ мы видѣли и увидимъ, былъ чистый Русскій человѣкъ, умиралъ въ Польшѣ съ тоски по родинѣ, не могъ ужиться съ Поляками, смотрѣлъ на нихъ съ самой черной стороны, а между тѣмъ сталъ писать полупольскимъ языкомъ, отдалъ сына въ Польскую школу, и тотъ говорилъ королю рѣчь на модномъ тогдашнемъ языкѣ, т. е. на половину по-польски, и на половину по-латынѣ[180]. Западно-Русскіе учителя принесли къ намъ Польское вліяніе. Эти учителя принесли къ намъ грамматику, реторику, философію, богословіе, при царѣ Алексѣѣ толковали о необходимости

устроить школы для преподаванія этихъ наукъ и при наслѣдникахъ царя Алексѣя успѣли достигнуть своей цѣли.

Но эти учителя не могли выучить тому, нудящая необходимость чего была такъ очевидна. Прежде всего нужно было выйдти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усилиться; чтобъ разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ, нужно было море, пробиться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; съ оружіемъ въ рукахъ нужно было свести старые счеты, освободиться отъ Татарской дани, которую платили въ Крымъ подъ именемъ поминковъ, нужно было слѣдовательно выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости; чтобъ поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ. Ни Греческіе, ни западно-Русскіе монахи, ни ополяченные западно-Русскіе мелкіе шляхтичи, которыхъ Русскіе вельможи брали въ домашніе учителя къ своимъ дѣтямъ, всему этому выучить не могли; для этого нужны были Нѣмцы, для этого нужно было ѣхать не въ Кіевъ или Варшаву, а далѣе на западъ, въ Нѣмецкія поморскія государства. Такимъ образомъ при нудящей потребности учиться, которой должны были удовлетворять преемники царя Алексѣя, были предъ ними на лицо двоякаго рода учителя: западно-Русскіе вмѣстѣ съ Греческими и Нѣмцы; учителя должны имѣть вліяніе надъ учениками—отсюда два вліянія: Польское и Нѣмецкое. Преемники царя Алексѣя раздѣлились между этими учителями и этими вліяніями, вслѣдствіе различія природныхъ свойствъ и воспитанія.

Многочисленное семейство царя Алексѣя Михайловича представляетъ любопытное явленіе. Отъ перваго брака на Милославской онъ имѣлъ восемь дочерей и пять сыновей. Шесть оставшихся въ живыхъ дочерей отличались крѣпкимъ, здоровымъ сложеніемъ, и одна изъ нихъ, Софья, отличалась и силами духовными, была, по отзыву врага, «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва». Напротивъ сыновья были слабы, болѣзненны, трое умерло при жизни отца, изъ двоихъ оставшихся старшій

страдалъ сильною цынгою, младшій Іоаннъ къ слабости физической присоединялъ и неразвитость умственную. За то отъ втораго брака на Нарышкиной родился богатырь физически и духовно, соотвѣтствующій по природѣ сестрѣ Софьѣ. Отъ слабаго и болѣзненнаго Ѳеодора нельзя было ожидать сильнаго личнаго участія въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя стояли первыя на очереди, въ которыхъ болѣе всего нуждалась Россія, онъ не могъ создавать новое войско и водить его къ побѣдамъ, строить флотъ, крѣпости, рыть каналы, и все торопить личнымъ содѣйствіемъ; Ѳеодоръ былъ преобразователемъ, во сколько онъ могъ быть имъ, оставаясь въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты и спальни; этимъ условіямъ соотвѣтствовало и воспитаніе: Ѳеодоръ былъ воспитанникъ западно-Русскаго монаха Симеона Полоцкаго, и въ этомъ воспитаніи необходимо преобладалъ элементъ церковный; Польское вліяніе было тутъ; Ѳеодоръ владѣлъ Польскимъ языкомъ. Лазарь Барановичь, посвящая въ 1672 году книги свои: «Житія св. отецъ» царевичу Ѳеодору, а «Духовныя струны» царевичу Іоанну, пишетъ царю: «Издахъ же (эти книги) языкомъ Польскимъ, яко писахъ въ то время, егда Поляки отъ имени твоего царского къ скипетру коруны Польскіе молити помышляху, да крѣпчайше союзъ мирнаго соединенія укрѣпятъ. Издахъ языкомъ Ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичь не точію нашимъ природнымъ, но и Ляцкимъ языкомъ чтетъ книги. Благовѣрному же государю царевичу Іоанну Алексѣевичу книгу «Духовныя струны» приписахъ, издахъ же языкомъ Ляцкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества сигклитъ сего языка не гнушается, но чтутъ книги и исторіи Ляцкія въ сладость.» Говорили, что Ѳеодоръ зналъ и по-латыни, хотя не такъ хорошо, какъ покойный братъ его царевичъ Алексѣй Алексѣевичь; благодаря Полоцкому, Ѳеодоръ выучился складывать вирши; говорили, что въ псалтыри, переложенной Полоцкимъ на вирши, переводъ псалмовъ 132-го и 145-го принадлежалъ Ѳеодору[181]. За царствованіемъ Ѳеодора послѣдовало правленіе Софьи: Софья также воспиталась подъ вліяніемъ Полоцкаго съ братіею; также читала житія святыхъ, изданныхъ Барановичемъ по-польски; Симеонъ Полоцкій, поднося ей книгу свою: «Вѣ-

нецъ Вѣры», писалъ виршами: «О благороднѣйшая царевна Софіа, ищеши премудрости выну небесныя. По имени твоему жизнь твою ведеши: мудрая глаголеши, мудрая дѣеши. Ты церковныя книги обыкла читати и въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати. Увѣдѣвши же, яко и книга новая писася, яже Вѣнецъ вѣры реченная, возжелала ту еси сама созерцати и еще въ черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну въ духовности быти, велѣла еси чисто ону устроити»[182]. Притомъ же, Софья, по своему полу, не могла дѣйствовать иначе, какъ изъ дворца. Такимъ образомъ въ царствованіе Θеодора и въ правленіе Софьи господствуетъ направленіе, принесенное западно-Русскими учителями; это господство выразилось въ основаніи Славяно-Греко-Латинской Академіи; но тутъ же патріархъ заподозриваетъ направленіе, принесенное Полоцкимъ въ Москву, въ неправославіи и спѣшитъ опереться на Греческихъ учителей; начинается сильная борьба, въ которой патріархъ беретъ верхъ, благодаря паденію Софьи и приверженца ея Медвѣдева, главнаго противника патріарху, ученика Симеона Полоцкаго. Здѣсь конецъ Польскому вліянію; католическая пропаганда остановлена, іезуиты выгнаны. У младшаго сына царя Алексѣя была другая природа и другое воспитаніе, чѣмъ у старшаго; невиданный богатырь, которому было грузно отъ силъ, какъ отъ тяжелаго бремени, Петръ, хотѣлъ все узнать, какъ, что̀ и почему? и хотѣлъ самъ все сдѣлать; ему тѣсно было въ старинномъ дворцѣ кремлевскомъ, негдѣ расправить плеча богатырскаго, не отъ кого узнать что-нибудь; онъ бросился на улицу, съ улицы попалъ въ Нѣмецкую слободу—и преобразованіе приняло другое направленіе; великій государь любилъ читать книги не меньше братьевъ своихъ, учениковъ Полоцкаго, но великій государь не былъ похожъ на ученика реторики, это былъ корабельный плотникъ, это былъ шкиперъ. Вслѣдствіе этого Славяно-Греко-Латинская Академія отходитъ уже на второй планъ; являются другія школы, другаго рода учителя, преимущественно Нѣмцы-протестанты; и блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій считаетъ нужнымъ бороться съ протестантскими стремленіями, протестантскою

пропагандою, какъ прежде патріархи Іоакимъ и Адріанъ считали нужнымъ противодѣйствовать католицизму.

—

Царь Алексѣй Михайловичь умеръ неожиданно, недостигши старости, и оставилъ семейство свое въ очень печальномъ для государства положеніи, предвѣщавшемъ большія смуты, и это въ такое время, когда столько важныхъ вопросовъ стояло на очереди, когда все колебалось при страшномъ поворотѣ на новый путь, когда при всеобщемъ истощеніи отъ прежнихъ войнъ предстояла еще опасная война съ могущественными Турками. Старшій сынъ, торжественно объявленный при отцѣ наслѣдникомъ престола, былъ четырнадцатилѣтній, болѣзненный мальчикъ; самый близкій и довѣренный человѣкъ при покойномъ государѣ былъ Матвѣевъ, по праву пользовавшійся этою близостію и довѣренностію, человѣкъ съ обширною начитанностію по тогдашнему, большой охотникъ до образованія и людей образованныхъ, ловко владѣвшій перомъ, опытный въ дѣлахъ правленія, давно уже завѣдывавшій внѣшними сношеніями. Матвѣевъ могъ быть самымъ лучшимъ совѣтникомъ, подпорою молодаго царя: но, къ несчастію, между Ѳеодоромъ и любимцемъ отца его уже разступилась бездна: воспитанница этого Матвѣева была мачиха Ѳеодора, а извѣстно, какое страшное значеніе имѣло тогда слово: мачиха. Никогда еще въ семействѣ царей Русскихъ не было этого печальнаго явленія, этой вражды между дѣтьми отъ разныхъ матерей, и какъ нарочно это печальное явленіе произошло въ такое опасное время, когда предстояло преобразованіе и долженъ былъ воспитываться преобразователь; первое чувство, которое онъ встрѣтитъ въ родной семьѣ, будетъ вражда! И безъ подробныхъ извѣстій, которыхъ мы не имѣемъ, легко понять, какое вліяніе долженъ былъ имѣть на дворецъ, на тамошнія отношенія второй бракъ царя Алексѣя при такомъ большомъ числѣ дѣтей отъ перваго брака. Помѣшать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметныя письма въ грановитыхъ сѣняхъ и проходныхъ съ обвиненіями Матвѣева въ чародѣйствѣ. Матвѣевъ оправдался и государь женился на его воспитанницѣ. Царевнамъ, особенно тѣмъ, особенно той, которая такъ выдавалась впередъ, царевнѣ

Софьѣ Алексѣевнѣ, надобно было преклониться предъ молодою царицею, войдти въ дочернія отношенія къ молодой женщинѣ, матери только по имени, у которой всѣ права матери безъ смягчающаго эти права материнскаго чувства. И это, какъ нарочно, въ то время, когда проникли во дворецъ новые обычаи и взгляды, когда двери въ терема царевенъ растворились, и заключенницы увидали свѣтъ Божій, когда болѣе сильнымъ изъ нихъ представилась возможность пройдти дальше за порогъ, расправить силы, поглядѣть, почитать и послушать прежде не виданное, не читанное и не слыханное, набраться новыхъ мыслей, познакомиться съ новыми чувствами. Стремленіе силы бываетъ соразмѣрно прежней сдержанности: отсюда легко понять стремленіе теремныхъ затворницъ пріобрѣсти какъ можно больше простора для своей дѣятельности, для расправленія силъ. И тутъ-то вдругъ помѣха! Дѣло не въ томъ, что новая царица непремѣнно враждовала къ падчерицамъ, преслѣдовала ихъ, гнала назадъ въ теремъ: для раздраженія и вражды довольно было одной нравственной помѣхи, появленія лица, которое невольно становилось на дорогѣ, на дорогѣ къ вліянію на отца, къ вліянію на всѣхъ окружающихъ, необходимо обращавшихся къ новому солнцу. Но оставимъ царевенъ, и между ними богатыря-царевну, Софью Алексѣевну. Алексѣй Михайловичъ жилъ долго съ первою женою, привязался къ ней, вслѣдствіе чего во дворцѣ образовалось и утвердилось много крѣпкихъ отношеній. Укрѣпили свое вліяніе Милославскіе съ своими родичами, людьми близкими и сблизившимися, Милославскіе, люди даровитые, дѣятельные, умѣвшіе пріобрѣтать вліяніе и пользоваться имъ, люди съ легкою нравственностію, съ неразборчивостію средствъ. И вдругъ, вслѣдствіе новаго брака царя, все это теплое гнѣздо, свитое ими и друзьями ихъ во дворцѣ, должно разрушиться! Новая царица съ своею родней, съ своими ближними людьми; Матвѣевъ хозяйничаетъ во дворцѣ. Столкновеніе интересовъ страшное, и ненависть страшная.

Смертію царя Алексѣя и восшествіемъ на престолъ Өеодора, сына Милославской, отношенія перемѣнились. Чего могла ждать хорошаго теперь царица Наталья съ дѣтьми и Матвѣевъ отъ этой накопившейся ненависти царевенъ, Милославскихъ

и друзей ихъ? Здѣсь такъ естественно рождается вопросъ: неужели Матвѣевъ прежде не подумалъ объ этомъ и не постарался обезпечить себя и своихъ насчетъ перемѣны царствованія? Оставя въ сторонѣ нравственныя побужденія, которыя еслибы не были сильны у Матвѣева, то были очень сильны у царя Алексѣя, можно объяснить дѣло разчетомъ: царь Алексѣй былъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны послѣдовать за своими единоутробными братьями, не переживутъ отца, и Петръ будетъ наслѣдникомъ. Но другое дѣло, когда царь умеръ скоропостижно: о движеніяхъ Матвѣева въ пользу Петра въ эту страшную минуту сохранились извѣстія у иностранцевъ; вотъ самое подробное изъ нихъ, оставленное Полякомъ, авторомъ любопытнаго разказа о стрѣлецкомъ бунтѣ. «Когда первая жена царя, Марья Ильинична Милославская, умерла и оставила двоихъ сыновей и шесть дочерей, то они много терпѣли отъ Артемона, а потомъ подверглись еще большему преслѣдованію, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирилла Нарышкина, капитана изъ Смоленска [183]. Умирая, Алексѣй благословилъ на царство сына отъ Милославской, Θеодора, который въ то время лежалъ больной, и опекуномъ назначилъ князя Юрія Долгорукаго. Артемонъ утаилъ смерть царя, подкупилъ стрѣльцовъ, чтобъ они стояли за маленькаго Петра, и потомъ уже ночью повѣстилъ боярамъ о преставленіи государя. Когда они начали собираться, онъ посадилъ маленькаго Петра на престолѣ и уговаривалъ бояръ, чтобъ они признали его безпрекословно государемъ, потому что Θеодоръ опухъ, лежитъ больной, и плоха надежда, что будетъ жить. Но бояре, узнавши отъ патріарха, который былъ при смерти царской, что отецъ благословилъ Θеодора на царство и Юрія Долгорукаго назначилъ опекуномъ, ждали послѣдняго. Пріѣзжаетъ наконецъ Долгорукій во дворецъ, какъ волъ реветъ съ жалости по царѣ и прямо къ патріарху: «кого отецъ благословилъ на царство?» «Θеодора,» отвѣчаетъ патріархъ. Тогда Долгорукій съ боярами, не слушая увѣщаній Артемона, что надобно избрать Петра, стремятся къ покоямъ Θеодора, подходятъ — двери заперты! Долгорукій приказываетъ выломать двери, бояре берутъ на руки Θеодора, по-

тому что самъ идти не можетъ, ноги распухли, несутъ, сажаютъ на престолъ, и сейчасъ же начинаютъ подходить къ рукѣ, поздравляя на царствѣ. Мать царя Петра и Артемонъ скрылись, видя, что ничего не могутъ сдѣлать противъ Долгорукаго и всѣхъ бояръ.»

Мы никакъ не можемъ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что послѣ, когда нужно было погубить Матвѣева, когда дали силу всякаго рода обвиненіямъ безъ разбора, лишь бы только къ чему-нибудь привязаться, въ это время не послышалось ни слова обличенія ни отъ кого изъ вельможъ, которыхъ Матвѣевъ уговаривалъ мимо больнаго Θедора присягнуть маленькому Петру.

Какъ бы то ни было, Θедоръ вступилъ на престолъ спокойно, не произошло никакихъ перемѣнъ, Матвѣевъ остался въ прежнемъ важномъ санѣ великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя. Но враги его уже владѣли дворцомъ и не могли оставить его въ покоѣ. За больнымъ Θедоромъ ухаживали тетки и шесть сестеръ одноутробныхъ[184]; мачиха была удалена; противъ нея особенно кричала верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, пользовавшаяся большимъ значеніемъ, постница; крича противъ царицы-вдовы, Хитрово должна была кричать и противъ Матвѣева, раздѣлять ихъ было нельзя. Съ постницею заодно дѣйствовали и мущины, не постники, но сильные люди, бояринъ Иванъ Михайловичь Милославскій, злобившійся на Матвѣева особенно за то, что его внушенію приписывалъ удаленіе свое на Астраханское воеводство при царѣ Алексѣ; съ Милославскимъ за одно дѣйствовалъ другой могущественный бояринъ — дворецкій Богданъ Матвѣевичь Хитрово: Хитрово былъ самъ не знатнаго происхожденія, изъ городовыхъ Алексинскихъ дворянъ, и былъ выведенъ въ люди Морозовымъ[185]; но онъ былъ неохотникъ до другихъ новыхъ людей, которые были виднѣе его по талантамъ, онъ былъ неохотникъ до Ордина-Нащокина, былъ неохотникъ и до Матвѣева, особенно, когда узналъ навѣрное или подозрѣвалъ, что Матвѣевъ указывалъ царю Алексѣю на злоупотребленія его Богдана и племянника его Александра Савостьяновича Хитрово по упра-

вленію приказомъ большаго дворца, «которые (Хитрово) изъ государственныхъ дворцовыхъ селъ и волостей повсевременно вотчины свои всякими изобиліи и заводы строили и наполняли, також де и изъ всѣхъ, сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовалися, великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ богатили себя»[186]. Главнымъ орудіемъ Милославскаго и Хитрово былъ окольничій Василій Семеновичь Волынскій, давній завистникъ Матвѣева, человѣкъ посредственныхъ способностей и малограмотный по тогдашнему, но крикунъ, умѣвшій подбиваться къ сильнымъ людямъ; говорятъ, будто онъ особенно сдѣлался извѣстенъ тѣмъ, что у жены его были отличныя мастерицы-швеи, и вся знать обращалась къ ней съ заказами.

Паденіе Матвѣева было рѣшено: представили, что нельзя такого подозрительнаго человѣка оставить правителемъ аптеки когда государь боленъ, и аптеку отняли у Матвѣева; потомъ Датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы, прислалъ жалобу, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за Рейнское вино, поставленное имъ ко двору, и что на его требованіе прислали ему изъ посольскаго приказа фальшивый контрактъ на эту поставку[187]. 500 рублей велѣли заплатить Гею, и воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отнять у Матвѣева завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить его изъ Москвы. Когда Матвѣевъ пріѣхалъ, по обычаю, во дворецъ, бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и объявилъ ему: «указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою.» Посольскій приказъ былъ порученъ думному дьяку Ларіону Иванову. Матвѣевъ съ сыномъ и племянниками отправился въ почетную ссылку; при нихъ былъ монахъ, священникъ, учитель сына Польскій шляхтичъ Поборскій, большая дворня; взяты были двѣ пушки для безопасности. Но въ Лаишевѣ Матвѣева остановили: пріѣхалъ полуголова Московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ и потребовалъ книги лѣчебника, въ которомъ многія статьи писаны цифирью, потребовалъ двоихъ людей: Ивана Еврея и карлу Захара; Матвѣевъ отвѣчалъ, что книги нѣтъ, а людей выдалъ. Съ мѣсяцъ послѣ этого прожилъ Матвѣевъ въ

Лаишевѣ, какъ однажды разбудили его ночью: пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковнинъ и думный дьякъ Семеновъ: «давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай племянниковъ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей»! Матвѣевъ сейчасъ все и всѣхъ выдалъ; Соковнинъ и Семеновъ поѣхали на съѣзжій дворъ и послали оттуда за Матвѣевымъ, чтобы пришелъ сейчасъ же: бояринъ пошелъ пѣшкомъ; здѣсь разспрашивали его племянниковъ и людей о знаменитомъ лѣчебникѣ, взяли сказки за руками, взяли съ Матвѣева сказку о томъ, какъ составлялись и подносились лѣкарства больному царю. Матвѣевъ показалъ, что лѣкарства составлялись докторами Костеріусомъ и Стефаномъ Симономъ, по рецепту, а рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; всякое лѣкарство отвѣдывалъ прежде докторъ, потомъ онъ Матвѣевъ, а послѣ него дядьки государевы, бояре, князь Ѳед. Ѳед. Куракинъ и Иванъ Богдановичь Хитрово, послѣ же пріема что̀ оставалось лѣкарства, допивалъ опять онъ же Матвѣевъ въ глазахъ государя. За Соковнинымъ и Семеновымъ явился въ Лаишевъ дворянинъ съ указомъ перевести Матвѣева въ Казань. Здѣсь воевода Иванъ Богдановичь Милославскій приставилъ къ нему караулъ, и скоро пришелъ царскій указъ — отпустить людей по деревнямъ, другихъ на волю; потомъ ночью пріѣхалъ дьякъ Гороховъ: «Гдѣ имѣніе? давай сейчасъ!» Матвѣевъ отвѣчалъ: «Въ животахъ моихъ ни краденаго, ни разбойнаго, ни воровскаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ, животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои нажитые милостію Божіею и великихъ государей жалованьемъ, за посольскія службы и за мои работы ратныя, за крови и за всякія великія работы въ 69 лѣтъ нажитые, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его государская!» Пріѣхалъ стольникъ Тухачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ него пушекъ, пороху, свинцу, панцырей, шапокъ, наручей: «къ унятію всякаго воровства былъ я починщикъ, а не къ начинанію», отвѣчалъ Матвѣевъ. За тѣмъ явился присланный отъ воеводы стрѣлецкій голова, взялъ Матвѣева, сына его, людей съ женами и дѣтьми

и повелъ въ съѣзжую избу пѣшкомъ, на позоръ людямъ. Тутъ въ съѣзжей избѣ объявили ему вины: онъ написалъ въ сказкѣ своей въ Лаишевѣ, что послѣ пріема лѣкарства государемъ, остатокъ выпивалъ онъ, Матвѣевъ; но дядьки государевы, князь Куракинъ и Хитрово объявили, что никогда онъ не выпивалъ остатковъ. Лѣкарь Давыдъ Берловъ донесъ, что лѣчилъ онъ у Матвѣева человѣка его, карлу Захара, и тотъ говорилъ ему, что боленъ отъ господскихъ побой: однажды онъ заснулъ за печью въ палатѣ, въ которой Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ читали черную книгу; во время этого чтенія пришло къ нимъ множество злыхъ духовъ и объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ; Матвѣевъ вскочилъ, и найдя его за печью, сорвалъ съ него шубу, поднялъ, ударилъ о землю, топталъ и выкинулъ изъ палаты за-мертво. Берловъ прибавилъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Грекомъ Спафари, запершись, читали черную книгу; Спафари училъ по этой книгѣ Матвѣева и сына его Андрея. Матвѣевъ хотѣлъ было говорить, но дьякъ Гороховъ крикнулъ: «слушай! молчи, а не говори». У Матвѣева отняли боярство, все имѣніе, дали только тысячу рублей и сослали на житье въ Пустозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ страшномъ горѣ, среди лишеній всякаго рода Матвѣевъ отправилъ три челобитныя къ царю съ оправданіемъ, къ патріарху и ближнимъ боярамъ съ просьбами о ходатайствѣ. Старикъ опытный въ дѣлахъ правленія, но неопытный въ бѣдствіяхъ жизни, не могъ отказать себѣ въ утѣшеніи жаловаться, и надѣяться, что жалоба будетъ имѣть дѣйствіе, не разсудилъ, что самая безсмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отнимали всякую надежду къ оправданію и облегченію участи, пока несовершеннолѣтній царь окруженъ Милославскими и Хитрово съ товарищими. «Я, холопъ твой, писалъ Матвѣевъ государю, хочу быть правъ размолвкою лѣкаря Давыдка и человѣка моего, карла Захарка. Передъ твоими боярами Захарка разспрашиванъ и пытанъ, и сказалъ, что въ то время какъ я съ докторомъ Стефаномъ и Спафаріемъ читалъ книгу, онъ, Захарка, за печью уснулъ и захрапѣлъ, и будто я, услыхавъ его храпѣніе, схватилъ его

за волосы и толкнулъ черезъ порогъ; но онъ ничего не сказалъ съ пытки о приходѣ злыхъ духовъ; ясно, что воръ Давыдка это выдумалъ. А хотя бы Захарка и сказалъ, что видѣлъ злыхъ духовъ, то вѣрить нечему, надлежало бы допросить его, какъ онъ нечистыхъ духовъ могъ видѣть, каковы ихъ образы и почему онъ знаетъ образъ духовъ нечистыхъ? А воръ Давыдка почему не сказалъ, что̀ мы читали въ черной книгѣ, какія дѣла и какія слова слышалъ онъ въ чтеніи? и чему меня и сынишку моего Спафарій училъ? У карлы Захарки два ребра переломлены: но переломилъ ихъ ему Иванъ Соловцовъ, съ которымъ онъ игралъ, а не отъ моихъ побоевъ онъ былъ боленъ. Злые духи сказали, что «есть у васъ въ комнатѣ третій человѣкъ», т. е. Захарка, но самъ Захарка показалъ, что трое насъ читали черную книгу: я, докторъ Стефанъ и Спафарій, и я не знаю, кто очелся; духи ль проклятые и низверженные, или воры, Давыдка и карла, четырехъ человѣкъ считаютъ за три? Захарка сказалъ, что спалъ за печью; а у меня въ той палатишкѣ за печью спать нельзя: двѣ стѣны у печи свободны, третья печью придѣлана къ самой палатишкѣ и промежка нѣтъ, а четвертая стѣна, у той печное устье. Захарка же сказалъ, что онъ спалъ и храпѣлъ: какъ спящему человѣку возможно слышать, кто что̀ говоритъ? или человѣку храпленіе свое слышать? Спафарій меня не училъ не только что богопротивному чему-нибудь, но и ничему: не до ученья было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ, а сынишка моего училъ по-гречески и по-латыни, литерамъ малой части. А книги я читалъ и строилъ въ домишкѣ своемъ ради душевныя пользы и которыя Богу не противны. А служа вамъ, великимъ государямъ, сдѣлалъ книги съ товарищами своими, и съ приказными людьми и съ переводчиками, въ посольскомъ приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство моей и ихъ работы въ посольскомъ приказѣ. Доносятъ на меня, будто я многія взятки бралъ и тѣсноту твоимъ людямъ чинилъ, покупалъ отчины тѣснотою: но изъ городовъ и уѣздовъ, которые я вѣдалъ въ приказахъ, никто тебѣ на меня челомъ не бивалъ и впередъ бить не будетъ; когда я ѣхалъ въ ссылку нѣкоторыми изъ этихъ городовъ, то кромѣ пріятства и подаянія пищи какъ подаютъ убогимъ и ра-

зореннымъ, не слыхалъ на себя никакого нареканія. Служилъ я дѣду твоему и отцу въ полковыхъ службахъ. Когда ратные люди пошли изъ-подо Львова и пришла самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечутъ, и пришелъ холодъ и голодъ, солдаты, стрѣльцы и дворяне пушки и всякіе ратные припасы покинули на степи и разбѣжались, бояринъ Бутурлинъ пошелъ скорымъ походомъ, а меня оставилъ съ пометанными пушками и запасами на степи; и я, съ остальными людьми, впрягаясь самъ подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасами допроводилъ до Бѣлой церкви и до Москвы. Какъ подъ Конотопомъ упадокъ учинился вашимъ государскимъ людямъ и отступили воеводы къ Путивлю, окопъ, обозъ, образецъ и путь строилъ я холопъ твой, и отошли въ Путивль въ цѣлости, а когда князь Алексѣй Никитичь Трубецкой хотѣлъ идти въ Черкасскіе города, и ратные люди, не хотя идти, учинили бунтъ и привели его боярина за епанчу, то я съ стрѣльцами его отнялъ. Прежде взятія Астрахани писалъ я къ отцу твоему въ Троицкій походъ, чтобъ вора Стеньку Разина изъ Астрахани не отпускать для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море. Я съ цесарскими посланниками договоръ учинилъ, чтобы васъ великихъ государей впередъ писать величествомъ, а не пресвѣтлѣйшествомъ; я съ Польскими и Шведскими послами договорился, чтобы они передъ вами не сидѣли въ шапкахъ и шляпахъ. Я, будучи въ приказѣ, учинилъ прибыли великія, вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ тѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные, посольскій, Греческій, лавки. До моего сидѣнія въ Малороссійскомъ приказѣ посылывали ратнымъ людямъ въ Кіевъ и иные города хлѣбные запасы изъ Брянска въ судахъ; а тѣ суда дѣлывали тутъ же въ Брянскѣ, и четверть цѣною ставливалось въ Кіевѣ по 7 рублей и больше. А какъ я началъ посылать на хлѣбъ деньги, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала. За тѣми расходами послѣ преставленія отца твоего, объявилъ я тебѣ 182.000 золотыхъ и ефимковъ и денегъ мелкихъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, туда серебра въ заводѣ на денежное дѣло не бывало; я же завелъ дѣлать на томъ дворѣ деньги, и отъ того дѣла непрестанная прибыль была въ казну. И за всѣ мои службиш-

ки пожалованъ я былъ вашею государскою милостію, боярствомъ, отчинами, помѣстьями; я наживалъ вашею государскою милостію на службахъ полковыхъ, и въ посылкахъ, и въ посольскихъ подаркахъ, и у вашихъ государскихъ дѣлъ будучи, и то все безъ вины отнято. Есть, великій государь, которые въ чужихъ домахъ живали, и чужія платья нашивали, и чужой хлѣбъ ѣдали, и тѣ при дѣдѣ твоемъ и отцѣ столько же или и больше моего, у такихъ дѣлъ будучи, наживали. Одинъ я возненавидѣнъ и оглашенъ многими деньгами, и золотыми и животы; а нынѣ о всѣхъ моихъ деньгахъ и о всей моей рухлядишкѣ тебѣ извѣстно: не таковы объявились, какъ объ нихъ донесено. Дано мнѣ изъ нажитковъ отца и моего пожитченка тысяча рублевъ денегъ, и то твое жалованье невѣмъ, на что издавать, на пищу ль себѣ, или червю своему бѣдному сиротинѣ въ наслѣдіе? Кому повѣрено? пьяному вору, Датскому Нѣмчину, который, будучи на Москвѣ, только славы учинилъ, какъ его возили пьянаго, черезъ лошадь и черезъ сѣдло перекиня или въ каретѣ положа верхъ ногами, и ребята вопили вслѣдъ: «пьяница! пьяница! шишъ на Кокуй!» * Петру Марселису пьяный разрѣзалъ рюмкою горло, чаять оттого и скончался. Чего ради я съ нимъ не ставленъ и не допрошенъ? за что онъ воръ не возвращенъ съ пути? Стеньку Разина всѣ бояре на земскомъ дворѣ разспрашивали и очныя ставки давали: а меня, боярина, безъ суда осудили! Не ложно холопи твои у тебя, великаго государя, чрезъ кровавыя свои слезы милости просимъ: съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо мяса или калачъ, ей, ей, и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ; прожиточные люди здѣсь единъ борщъ ѣдятъ да прибавляютъ по горсти муки ржаной, а убогіе одинъ борщъ да и тотъ не родится въ Пустозерскѣ, привозятъ съ Ижмы; бредутъ врознь глада ради и остальные въ тотъ же путь смотрятъ.»

Три письма отправилъ Матвѣевъ къ патріарху, писалъ къ духовнику царскому, протопопу Никитѣ Васильевичу, къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому, князю Михайлѣ Юрьевичу Долгорукому, къ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и

* Кокуемъ называлась мѣстность, гдѣ была построена Нѣмецкая слобода.

къ князю Якову Никитичу Одоевскому, къ боярину Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, все съ просьбами о заступничествѣ. Онъ рѣшился даже обратиться съ этими просьбами и къ врагамъ своимъ, виновникамъ своего несчастія, къ Ивану Михайловичу Милославскому и Богдану Матвѣевичу Хитрово, клялся передъ Милославскимъ, что не онъ былъ причиною отправленія его на воеводство Астраханское; въ письмѣ къ Хитрово рѣшился написать слѣдующее: «еще сугубой милости у тебя прошу: попроси милости и милосердія у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтобъ она, видя мою невинность и слезы кровавыя и непрестанныя съ червемъ моимъ, и разореніе мое всеконечное, для воздаянія на небесахъ будущихъ благъ въ некончаемомъ царствіи, предстательствовала о мнѣ убогомъ у великаго государя съ тобою.» Не зная, что̀ дѣлается при дворѣ, Матвѣевъ писалъ даже и къ боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, отцу царицы Натальи, просилъ, чтобъ царица и царевичъ Петръ ходатайствовали за него у царя; Матвѣевъ не зналъ, что царица не могла защитить и роднаго брата своего, Ивана Кирилловича Нарышкина, на котораго тотъ же лѣкарь Давыдъ Берловъ подалъ доносъ. Вслѣдствіе этого доноса Нарышкина привели въ кремль передъ грановитую палату, стрѣльцы съ своимъ сотникомъ окружили его, вышелъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичь Долгорукій съ думнымъ дьякомъ, который читалъ сказку: «Говорилъ ты Иванъ державнику своему Ивашку Орлу на Воробьевѣ и въ иныхъ мѣстахъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: ты де орелъ старый, а молодой де орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ; и державникъ твой Ивашка Орелъ тебѣ говорилъ: убилъ бы да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ. Давыдка въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ и клещами жженъ многажды; и передъ государемъ, и передъ патріархомъ, и передъ бояры и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія жъ рѣчи: какъ ты Ивашку Орлу говорилъ, чтобы благочестиваго царя убилъ. И великій государь

указалъ и бояре приговорили: за такія твои страшныя вины и воровство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертію казнить; и великій государь тебя жалуетъ, вмѣсто смерти велѣлъ тебѣ дать животъ; и указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань въ Ряскій городъ, и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего»[188]. Братъ Івановъ, Аѳанасій Нарышкинъ, также былъ сосланъ.

Въ то время, какъ Милославскій и Хитрово управлялись съ Матвѣевымъ и Нарышкинами, патріархъ Іоакимъ управлялся съ двумя духовными лицами, которыя въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ лишились своего защитника. Мы видѣли уже покушеніе Іоакима на духовника царскаго, Андрея Савинова, котораго онъ обвинялъ въ безнравственномъ поведеніи и въ неуваженіи къ нему, патріарху. Царь Алексѣй упросилъ патріарха простить духовника. Но въ самый день похоронъ царскихъ вражда между ними разгорѣлась въ высшей степени: патріархъ на отпѣваніи вложилъ въ руки покойника прощальную грамоту; духовникъ считалъ это своимъ правомъ и вышелъ изъ себя: послѣ похоронъ пришелъ на Верхъ, въ комнату, гдѣ собрано было все царское семейство, и началъ кричать: «покойный государь прощеніе не получилъ, патріархъ не далъ мнѣ вручить ему прощальную грамоту; дайте мнѣ 2.000 человѣкъ войска, я пойду на патріарха и убью его; или оружіемъ или какою отравою убейте мнѣ супостата моего патріарха, если же не предадите смерти патріарха, то я васъ прокляну, а съ патріархомъ управлюсь самъ, я уже нанялъ 500 ратныхъ людей, чтобъ убить его». Царь, царица и царевны «не соизволиша» на это, говоритъ наивно оффиціальный актъ. Они выдали патріарху расходившагося протопопа; Іоакимъ созвалъ соборъ, и 14 марта 1676 года произнесено было осужденіе. Кромѣ выходки во дворцѣ показаны были еще слѣдующія вины: 1) Когда по изволенію царскому сей злый іерей взятъ былъ на управленіе духовное царскаго дома, то онъ, самочиніемъ своимъ и неправильно, не востребовавъ архіерейскаго благословенія, восхитилъ самочинно духовную власть и называлъ себя протопопомъ безъ ставленной грамоты. 2) Вмѣсто заступленія за несчастныхъ многимъ мученія и казни исходатайствовалъ, обличае-

мый въ своихъ винахъ письмами отъ нѣкоторыхъ людей вправду, что съ замужнею женщиною прелюбодѣйствовалъ. Лучше было ему въ томъ грѣхѣ каяться, а не обличителямъ пакости творить и мстить, многіе изъ-за него были замучены и посланы въ оземствованіе. 3) Пьянствовалъ съ зазорными лицами, блудническими пѣснями услаждаясь, съ приложеніемъ различныхъ игръ и бряцаній. 4) Безъ благословенія нашего церковь самъ собою воздвигъ; будучи подъ нашимъ патріаршескимъ запрещеніемъ и ни во что его вмѣняя, обѣдню служилъ. 5) Вражду положилъ между царемъ и нами патріархомъ, не хотя себя видѣть отъ насъ правильно обличаема, привелъ царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковь и къ нашему благословенію. 6) Восхитилъ отъ живаго мужа жену и нуждою ее въ супружество другому мужу отдалъ и въ отчинѣ своей священнику неволею приказалъ ихъ вѣнчать, потомъ у втораго мужа отнялъ ее, прелюбодѣйствовалъ съ нею, а перваго мужа безвинно въ дальнее оземствованіе послалъ въ темницѣ въ оковахъ держать велѣлъ. — Савиновъ былъ лишенъ священства и сосланъ въ Кожеезерскій монастырь[189].

Черезъ два мѣсяца по осужденіи духовника Андрея соборъ осудилъ на исправленіе стараго заточника, Никона, который, какъ видно, былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ осужденному духовнику. Съ извѣстіемъ о кончинѣ царя Алексѣя пріѣхалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь Ѳедоръ Лопухинъ. Никонъ выслушалъ неожиданное извѣстіе въ сильномъ волненіи, слезы выступили у него на глазахъ, но жесткія слова показали, какое чувство сейчасъ же взяло верхъ: «онъ будетъ судиться со мною въ страшное пришествіе Христово», сказалъ Никонъ, и когда Лопухинъ началъ упрашивать его дать покойному письменное прощеніе, то Никонъ отвѣчалъ: «подражая учителю своему Христу, повелѣвшему оставлять грѣхи ближнимъ, я говорю: Богъ да проститъ покойнаго; но письменнаго прощенія не дамъ, потому что онъ при жизни своей не освободилъ насъ отъ заточенія.» Никонъ не воображалъ, что если царь Алексѣй при жизни своей не вывелъ его изъ Ѳерапонтова, то смерть царя приготовила ему еще бо̀льшую бѣду, на которую впрочемъ онъ самъ напрашивался. 13 ап-

рѣля приставъ Никона, кн. Шайсуповъ, далъ знать, что Никонъ требуетъ отправленія въ Москву Игнатія Башковскаго и дворовой его женки Киликейки, зная за Башковскимъ великаго государя великое и страшное дѣло; въ челобитной, присланной Никономъ по этому случаю, онъ подписался патріархомъ. Этого уже было достаточно, чтобъ возбудить гнѣвъ настоящаго патріарха; кромѣ того Никонъ самъ послалъ на себя въ Москву доносщика, въ то время, когда доносы на него начали принимать охотно. Башковскій разказалъ, что Никонъ лѣчилъ крестьянина Кириллова монастыря, и больной умеръ отъ его лѣкарства, что Никонъ изъ своей кельи стрѣляетъ изъ пищали и застрѣлилъ птицу баклана, что къ Никону пріѣзжаетъ много родственниковъ его изъ Курмыша. Въ это же время перемѣненъ былъ приставъ, князь Шайсуповъ; онъ также, пріѣхавъ въ Москву, поразказалъ много разныхъ вещей про Никона, разказывалъ, что Никонъ ни въ чемъ его не слушалъ и никому слушать не велѣлъ; приказалъ себя называть и въ письмахъ писать св. патріархомъ; на озерѣ и по дорогѣ на крестахъ сдѣлалъ надписи: «Смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ, поставилъ, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. церковь.» Баклана подстрѣлилъ и велѣлъ у него крылья, голову и ноги отсѣчь, за то, что онъ поѣдалъ у него рыбу. На кого Никонъ осердится, тѣхъ людей стрѣльцы и монастырскіе служки били палками и плетьми; хвасталъ Шайсупову, что напередъ предсказалъ Родіону Стрѣшневу разореніе отъ Стеньки Разина; присланному изъ Москвы Лопухину говорилъ, что у него въ Турціи живутъ свойственники четыре человѣка стряпчихъ и деньги къ нимъ посланы, что Цареградскій патріархъ проклялъ патріарховъ, которые его, Никона, осудили, и называлъ патріарховъ ворами. По преставленіи царя Алексѣя во весь великій постъ пилъ до-пьяна и, напившись, всякихъ людей мучилъ безвинно, по его же приказу старца Пафнутія били на правежѣ цѣлую недѣлю въ великій постъ; своими руками билъ служку Обросимова, который отъ этихъ побоевъ умеръ; старца Лаврентія били палками, а послѣ Никонъ его запоилъ виномъ, отчего тотъ и умеръ. Игуменъ съ братіею и служки приходятъ къ Никону въ праздники, и онъ,

сидя въ креслахъ, даетъ имъ цѣловать руку; сдѣлалъ у себя приказъ и губу. Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для лѣченія, и Никонъ ее запоилъ допьяна, отчего она умерла.

Новый приставъ, Ададуровъ, какъ пріѣхалъ въ монастырь, такъ написалъ въ Москву, что Никонъ живетъ вовсе не заточникомъ: построено у него 25 келлій, изъ нихъ подѣланы сходы и всходы и окна большія въ монастырь и за монастырь, и живутъ въ этихъ кельяхъ всякихъ чиновъ люди человѣкъ съ десять.

Явился новый доносчикъ, самый близкій человѣкъ, Никоновъ келейникъ, старецъ Іона. Онъ объявилъ, что Никонъ въ церковь ходитъ мало, за государя и патріарха Бога не молитъ и священникамъ, которые живутъ у него, молить запрещаетъ; когда бываетъ въ церкви, никого не пускаетъ, причащается въ алтарѣ у престола съ служащимъ попомъ вмѣстѣ, отца духовнаго не имѣетъ четвертый годъ, на ектеніяхъ поминаетъ себя патріархомъ Московскимъ; государево жалованье, присланное къ нему, ни во что ставитъ, ногами топчетъ и всякими неистовыми словами великаго государя злословитъ [190], и т. д.

На основаніи этихъ доносовъ Іоакимъ съ соборомъ приговорили исправить Никона, и великій государь отправилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь думнаго дворянина Желябужскаго да архимандрита Павла, съ приказомъ—перевести Никона въ Кирилловъ монастырь; жить у него въ кельѣ двоимъ искуснымъ добрымъ старцамъ, подобающую ему честь воздавать, а другихъ иноковъ и мірянъ не пускать, чернилъ и бумаги не давать, никакого приношенія къ нему не принимать. 16-го мая 1676 года посланные получили наказъ, въ іюнѣ пріѣхали въ Ѳерапонтовъ монастырь, и послѣ обѣдни прочли Никону указъ и вины. Никонъ слушалъ указъ со смиреніемъ, безъ всякаго прекословія; обвиненія—одни отвергъ, другія объяснилъ, напримѣръ: «Ивашка Кривозуба, который на меня извѣщалъ, за его воровство, по сыску, билъ я съ игуменомъ и священникомъ вмѣстѣ; неволею я никому не приказывалъ цѣловать себя въ руку, а которые люди ко мнѣ приходили, и я имъ руку цѣловать давалъ. Губы я у себя не заводилъ, а сыскивали мы съ

игуменомъ вмѣстѣ про Ивашку Кривозуба. Келльи строены по указу царя Алексѣя Михайловича, за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ всечасно Бога молю, а за Іоакима патріарха не молю, потому что писалъ Вологодскій архіепископъ въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за патріарха, да потому, что отъ него Іоакима всякое зло учинилось и нынѣ меня губитъ, а попамъ я за патріарха Іоакима Бога молить не заказываю. Съ служащимъ священникомъ Варлаамомъ причащался я у престола въ алтарѣ, а у отца духовнаго не бывалъ года съ три, потому что отецъ мой духовный, Кирилловскій архимандритъ, ко мнѣ не ѣздитъ; на ектеньяхъ священники и дьяконы какъ хотятъ, такъ меня и поминаютъ, а я имъ не заказывалъ; Московскимъ патріархомъ я себя называть не великалъ и никого къ этому не принуждалъ; которые присыльщики пріѣзжали отъ царя Алексѣя, и они называли меня великимъ святымъ отцомъ. При князѣ Шайсуповѣ за лѣкарствомъ ко мнѣ хаживали, и князь ко мнѣ ходить всякимъ людямъ не запрещалъ, а только бы отъ него заказъ былъ, и я бы къ себѣ никого ни пускалъ; а какъ Ададуровъ пріѣхалъ и не велѣлъ ко мнѣ никого пускать, и я никому къ себѣ ходить не велѣлъ.»

Желябужскій и Павелъ говорили Никону въ соборной церкви всякими мѣрами, чтобъ за св. патріарха Бога молилъ и никакихъ непристойныхъ словъ не испускалъ; но Никонъ, идя изъ церкви, говорилъ: «стану Бога молить за великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ, а за Московскаго Бога молить и патріархомъ его называть не стану.» Въ тотъ же день его перевезли въ Кирилловъ монастырь. Это перемѣщеніе во враждебный монастырь, гдѣ онъ уже не могъ такъ хозяйничать, какъ хозяйничалъ послѣднее время въ Ѳерапонтовѣ, заставило Никона перемѣнить тонъ; его испугало также извѣстіе, что двоихъ самыхъ близкихъ и вѣрныхъ къ нему людей, священника Варлаама и дьякона Мардарія, возьмутъ отъ него и сошлютъ въ Крестный монастырь. Когда архимандритъ Павелъ пришелъ къ нему передъ отъѣздомъ и сталъ опять уговаривать молиться за патріарха, то Никонъ отвѣчалъ: «чтобъ св. патріархъ былъ ко мнѣ милостивъ, и не велѣлъ меня здѣсь на-

прасною смертію отъ тѣсноты поморить, а я за него Бога молить и патріархомъ называть стану; когда я при царѣ Алексѣѣ у допросу объ отходѣ своемъ въ Воскресенскій монастырь былъ, въ то время государю говорилъ, что за смиреніе въ патріархахъ быть можно ему Іоакиму.» Со слезами просилъ Никонъ Павла бить челомъ государю и патріарху, чтобъ не велѣли отсылать въ Крестный монастырь Варлаама и Мардарія, а приказали имъ по прежнему жить у него, «потому что они къ нему пріобытчились, а онъ къ нимъ.» Эти Варлаамъ и Мардарій въ допросѣ объявили, что у Никона ничего дурнаго не было, но Мардарій проговорился: «я возилъ, сказалъ онъ, отписки и челобитныя къ великому государю отъ Никона въ Москву и подавалъ духовнику и дьяку тайныхъ дѣлъ Полянскому, а они эти отписки передавали великому государю; къ духовнику возилъ я отъ Никона всякія посудцы деревянныя, братины, стаканы, ложки, и рыбу отвозилъ, а Полянскому возилъ одну рыбу.» Понятно, что извѣстіе о посредничествѣ ненавистнаго Савинова между Никономъ и царемъ не могло очень склонить Іоакима на милость къ Никону [191].

Савиновъ былъ сосланъ въ Кожеезерскій монастырь, Никонъ переведенъ въ Кирилловъ; но царскій учитель Симеонъ Полоцкій былъ сильнѣе прежняго, и печаталъ свои проповѣди безъ благословенія св. патріарха; кромѣ близкихъ отношеній къ царю, Іоакиму нельзя было дотронуться до Полоцкаго и потому, что онъ не подавалъ повода къ такимъ обвиненіямъ, на основаніи которыхъ можно было осудить Савинова.

Изъ адресовъ на письмахъ Матвѣева мы видимъ, кто были самые вліятельные, самые близкіе къ царю люди. Къ нимъ скоро присоединился другой Милославскій, бояринъ Иванъ Богдановичь, котораго мы видѣли воеводою въ Казани во время ссылки Матвѣева. Иванъ Богдановичь былъ самый энергическій изъ Милославскихъ, ибо Ивана Михайловича ставало только на интригу, на подземный подкопъ противъ кого-нибудь. По возвращеніи изъ Казани Иванъ Богдановичь, какъ говорятъ, схватился за всѣ дѣла, но сейчасъ же пошли на него со всѣхъ сторонъ жалобы, и это отдалило отъ него молодаго царя, у котораго уже было двое любимцевъ—первый постельничій Иванъ

Максимовичъ Языковъ, другой комнатный стольникъ Алексѣй Тимоѳеевичъ Лихачевъ, бывшій учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Приближеніе Языкова объясняется легко изъ самой должности его: та же должность дала значеніе Адашеву при Іоаннѣ IV, Ртищеву при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но есть извѣстіе, что двое старыхъ бояръ, князь Долгорукій и Хитрово, не имѣя личной возможности соперничать съ Милославскимъ и быть постоянно съ царемъ, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевѣшивать вліяніе Милославскаго. Объ Языковѣ сохранились отзывы какъ о чрезвычайно ловкомъ придворномъ, его называютъ «человѣкомъ великой остроты, глубокимъ московскихъ прежде площадныхъ (*), потомъ же дворскихъ обхожденій проникателемъ.» Лихачева называютъ «человѣкомъ доброй совѣсти, исполненнымъ великаго разума и самаго благочестиваго состоянія;» такой же отзывъ встрѣчаемъ и о братѣ его, Михайлѣ Тимоѳеевичѣ. Понятно, что для всѣхъ этихъ лицъ самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о бракѣ царя: молодая царица можетъ уничтожить или ослабить вліяніе царевенъ—тетокъ и сестеръ, а слѣдовательно и Милославскихъ, можетъ привести во дворецъ своихъ родственниковъ! Разказываютъ, что идя однажды въ крестномъ ходу, Ѳедоръ увидалъ дѣвушку, которая ему очень понравилась; онъ поручилъ Языкову справиться о ней, и тотъ донесъ, что это Агаѳья Семеновна Грушецкая, живетъ у родной тетки, жены думнаго дьяка Заборовскаго, и дьяку дано знать, чтобъ не выдавалъ племянницы впредь до указа. Милославскій, узнавъ о намѣреніи царя жениться на Грушецкой, подумалъ, что это происки Языкова и Лихачева, и сталъ чернить Грушецкую и мать ея; но Языковъ и Лихачевъ обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой, въ іюлѣ 1680 года, а Милославскому запретилъ являться ко двору, и хотя молодая царица, по велокодушію своему, выпросила ему прощеніе, однако онъ потерялъ съ этихъ поръ всякое вліяніе. Языковъ съ 1678 года называется постельничимъ думнымъ; въ 1680 году государь пожаловалъ его изъ

(*) Здѣсь разумѣется площадь или площадка на крыльцѣ, гдѣ собирались молодые придворные, см. выше 1-ю главу.

постельничихъ думныхъ въ окольничіе и указалъ быть ему въ оружейничихъ; въ тотъ же день на мѣсто Языкова въ постельничіе пожалованъ былъ Лихачевъ[192]. Въ концѣ царствованія Языковъ былъ пожалованъ въ бояре. Такимъ образомъ самыми близкими къ царю, самыми вліятельными на дѣла правленія явились люди новые, молодые, Языковъ и Лихачевъ. Но подлѣ нихъ, если не въ такой близости, однако съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, видимъ человѣка изъ одного изъ самыхъ стародавнихъ родовъ, еще молодаго по лѣтамъ, боярина князя Василья Васильевича Голицына, не однимъ именемъ и отчествомъ напоминавшаго знаменитаго предка своего, слывшаго столпомъ въ смутное время. Безспорно, что Голицынъ былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ описываемаго времени, къ этому присоединялъ онъ еще далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, дававшее ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднѣе, чѣмъ для другихъ. Итакъ, говоря о правительственной дѣятельности Θеодора Алексѣевича, царя очень молодаго и болѣзненнаго, мы обязаны постоянно имѣть въ виду людей, его окружавшихъ, сначала Милославскихъ, потомъ, особенно съ 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына, хотя разумѣется, по недостатку подробныхъ извѣстій, мы не можемъ опредѣлить долю каждаго изъ нихъ въ правительственной дѣятельности.

Θеодоръ наслѣдовалъ отъ отца три трудныя задачи внѣшней политики: окончаніе дѣла съ Дорошенкомъ, отклоненіе притязаній Польши на буквальное исполненіе Андрусовскихъ статей, и войну Турецкую.

Еще при жизни царя Алексѣя, въ январѣ 1676 года Дорошенко далъ знать князю Ромодановскому, что онъ уже присягнулъ великому государю передъ Запорожскимъ кошевымъ и Донскими козаками, и въ другой разъ не только передъ бояриномъ и гетманомъ, и передъ самимъ царскимъ величествомъ присягать не станетъ. Въ Москву ѣхать ему теперь никакъ нельзя, потому что ежечасно ожидаетъ прихода подъ Чигиринъ непріятелей, Турокъ и Татаръ, озлобленныхъ на него за присягу великому государю. Булавы онъ не пошлетъ, потому что

булаву дали ему войскомъ, войскомъ пусть и возьмутъ; гдѣ булава, тутъ и голова, изъ давныхъ лѣтъ Чигиринъ при булавѣ, и безъ гетмана въ Чигиринѣ по сіе время не бывало. Въ государевой грамотѣ написано, что жить ему съ родственниками гдѣ захочетъ: но онъ хочетъ жить тамъ, гдѣ родился и выросъ, т. е. въ Чигиринѣ. Потомъ Дорошенко понизилъ тонъ и сталъ требовать, чтобъ государь прислалъ къ нему какую-нибудь знатную особу, при которой онъ и присягнетъ вторично. Въ Чигиринѣ разказывали, что когда митрополитъ Іосифъ Тукальскій лежалъ при смерти, то Дорошенко навѣщалъ его безпрестанно, и умирающій заклиналъ его именемъ Божіимъ, чтобъ отсталъ отъ Турецкаго султана и билъ челомъ въ подданство великому государю, если же этого не сдѣлаетъ, то пропадетъ. Дорошенко за это осердился на Іосифа и не ходилъ къ нему до самой смерти.

Новый государь въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Чигиринъ стольника Деремонтова съ грамотою къ Дорошенку. Но стольникъ скоро возвратился и объявилъ, что гетманъ Самойловичь не пустилъ его изъ Батурина въ Чигиринъ. Для объясненія своего поступка Самойловичь писалъ государю, что Дорошенко вовсе не думаетъ исполнять требованій, изъявленныхъ покойнымъ царемъ, лукавитъ по прежнему; притомъ посылка Деремонтова показываетъ, что государь перемѣнилъ прежнее рѣшеніе, потому что указомъ царя Алексѣя всѣ переговоры съ Дорошенкомъ поручены боярину князю Гр. Гр. Ромодановскому и ему, гетману. Наконецъ Самойловичь писалъ, чтобъ великій государь пожаловалъ, послалъ къ Дорошенку обнадеживальную грамоту безъ вича (не: Петру Дороѳеевичу, какъ обыкновенно писалось) и безъ упоминовенія при немъ старшины, а къ Чигиринскому поспольству послалъ бы особую жалованную и обнадеживальную грамоту, съ приказомъ не называть Дорошенка гетманомъ, ни въ чемъ ему не вѣрить, а быть въ послушаніи у него, гетмана Ивана Самойловича. Государь отвѣчалъ, что онъ не перемѣняетъ прежнихъ указовъ отца своего, и отпускъ Деремонтова положенъ на разсмотрѣніе князя Ромодановскаго и его, гетмана, какъ ихъ Господь Богъ вразумитъ. Ромодановскій рѣшилъ, что не для чего удерживать тестя Дорошенкова, Яненка Хмельницкаго, и отпу-

стилъ его въ Чигиринъ съ адъютантомъ рейтарскаго строя Горяиновымъ. Во время обѣда при Горяиновѣ, Дорошенко, наливъ вина, говорилъ: «Пью на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не взять!» — «Не отдадимъ булавы никогда, говорили начальные люди: а если поповичъ (Самойловичь) станетъ ее у насъ насильно отнимать, то мы будемъ за нее биться.» — «Богъ судья гетману Ивану Самойловичу, продолжалъ Дорошенко: городъ Чигиринъ всему Малороссійскому краю отъ бусурманъ не малая защита: надобно бы ему въ Чигиринъ клейнотъ прибавить, а онъ и послѣдній отнимаетъ и хлѣба къ намъ привозить на продажу заказалъ, а пишетъ ко мнѣ такъ какъ я и къ хлопцу своему не пишу.» За столомъ сидѣли Запорожцы, шесть человѣкъ, присланные за тѣмъ, чтобъ Дорошенко съ клейнотами и булавою ѣхалъ къ нимъ на кошъ. Подпивши, Дорошенко обратился къ нимъ: «Не выдайте вы меня, какъ Донцы Стеньку Разина выдали; пусть Донцы выдаютъ, а вы не выдавайте.» — «Не выдадимъ!» отвѣчали Запорожцы.

Между тѣмъ Самойловичь дѣйствовалъ, чтобъ ускорить развязку тяжелаго для него дѣла: онъ двинулъ къ Днѣпру войско съ семью полковниками; изъ нихъ Черниговскій Василій Бурковскій переправился за Днѣпръ съ выборными отъ всѣхъ полковъ людьми и 18 марта приблизился къ Чигирину. Дорошенко вышелъ изъ города, окруженный своею пѣхотою, и послалъ спросить: за чѣмъ пришли и по чьему указу? — «Государь требуетъ и все войско тебя увѣщеваетъ: принеси присягу и сложи начальство,» отвѣчалъ Бурковскій. Выслушавъ отвѣтъ, Дорошенко поворотилъ въ городъ, а полковнику послалъ сказать, что никакого дѣла не можетъ начать безъ согласія всего войска Запорожскаго Низоваго. Потомъ Дорошенко прислалъ Бурковскому грамоту для передачи Самойловичу; грамота была подписана: гетману войска Запорожскаго, но не обѣихъ сторонъ Днѣпра. «Не только теперь, писалъ Дорошенко, послѣ присяги царскому величеству, хочу я быть единомышленнымъ и единоутробнымъ (отъ одной матери Украйны) братомъ и пріятелемъ вашей милости, но и прежде, когда, за грѣхи, мы были разрознены, я всегда оказывалъ любовь и дружбу вашей

сторонѣ, тайно засылая и остерегая на счетъ приближенія непріятелей. И въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, получивъ предостереженіе изъ коша на счетъ Турецкаго и Татарскихъ замысловъ, я увѣдомилъ о нихъ боярина и вашу милость, вслѣдствіе чего вы и двинули полковника Черниговскаго и другихъ на защиту нашему углу и той сторонѣ. Благодарю за помощь бѣдному нашему уголку и желаю присланному войску побѣды надъ общими непріятелями. Одному поступку вашей милости удивляюсь: послали вы войско на встрѣчу непріятелю, а между тѣмъ мимо меня, тайно засылаете и наговариваете не только города, но и пѣхотные полки, обѣщая имъ хлѣбъ и довольство, а городовымъ жителямъ мирное и безобидное пребываніе подъ чужими забралами. Неужели это защита—войска отводить на свою сторону? Неужели это мирное пребываніе—чужіе углы портить? Вы подвинули войска свои къ Днѣпру, какъ пишете, для того, чтобъ намъ надежнѣе было, покинувъ городъ, дома, женъ и дѣтей, переѣхать съ клейнотами войсковыми и старшиною къ вамъ для принесенія присяги новому государю и сложенія регимента. И прежде писалъ я о причинахъ, почему не могу ѣхать; и теперь (такъ какъ вижу, что ваша милость больше всего хлопочетъ о клейнотахъ) напоминаю: ѣхать мнѣ не только къ вамъ, но и въ столицу, какъ человѣку ни въ чемъ невинному, не страшно; но для своей прихоти отдать вашей милости клейноты, повѣренные мнѣ не одинъ разъ въ продолженіе десяти лѣтъ всѣмъ войскомъ, безъ собранія этого войска, городоваго и низоваго—это было бы съ моей стороны слишкомъ смѣло: какой бы я благодарности за это дослужился? какой на будущее время славы и чести дому своему добылъ? Разсуди самъ высокимъ своимъ разумомъ, и оставь это дѣло. Имѣетъ ваша милость благодатію Божіею отъ его царскаго величества полный свой регименть; никто вашей милости не завидуетъ, ни мѣшаетъ. Пишете, что если не послушаю вашего совѣта и не поѣду къ вамъ, то полковнику Черниговскому велѣно промышлять противъ насъ съ войскомъ: очень хорошо для временной чести и прихоти начинать междоусобіе! Благословитъ ли насъ за это Богъ? не будетъ ли непріятель надъ нами смѣяться? не будемъ ли за это осуждены? Довольно намъ

отвѣчать и за прежнюю кровь невинную, за неволю, въ которую попались люди невинные; а мы еще на худшее преуспѣваемъ! Я, при моей невинности, никому зла не желаю, и всякому прошенію отвѣтъ давать готовъ». Одинъ изъ Дорошенковыхъ полковниковъ, Петриковскій, съѣхавшись съ Бурковскимъ, говорилъ ему: «Ради Бога, не вѣрьте Дорошенку, онъ все обманываетъ, за ордою въ Крымъ давно послалъ и надеженъ во всемъ на прежнее постановленіе съ Сѣркомъ и Запорожцами.»

Самойловичь долженъ былъ ограничиться однѣми угрозами, потому что къ нему пришелъ царскій указъ: обнадеживать Дорошенка царскою милостію, перезывать его всякими мѣрами на эту сторону, но задоровъ съ нимъ не дѣлать, если съ его стороны не окажется ничего противнаго. Вслѣдствіе этого Бурковскій съ товарищами, по указу гетманскому, отошелъ отъ Чигирина и распустилъ войска по домамъ. Съ другой стороны безпокоилъ Самойловича Сѣрко: «Хотя мы теперь новому великому государю и присягнули, писалъ кошевой гетману: однако если ты и впередъ не будешь насъ допускать къ милости царской, то вредно это будетъ одному тебѣ. Много уже терпимъ!» Сѣрко досадовалъ на Самойловича, что тотъ не присылаетъ въ сѣчь клейнотовъ, которые взялъ у Ханенка, не пропускаетъ хлѣбныхъ запасовъ на Запорожье, Запорожцевъ изъ городовъ велѣлъ выбивать, царскаго жалованья, Переволоченскаго перевоза и мѣстечка Кереберды не далъ, не позволилъ стаду Запорожскому зимовать въ Полтавскомъ полку. Посланецъ гетманскій слышалъ, какъ на радѣ чернь Запорожская кричала про гетмана всякія позорныя слова; а на другой день пьяный Сѣрко призвалъ посланца къ себѣ, ухватилъ его за грудь, просилъ сабли и кричалъ: «Знаешь ли, какъ я тебѣ голову отсѣку! узнаетъ гетманъ, какъ я зайду отъ Стародуба, а тамъ ихъ ужь станутъ и бить. Присягалъ я великому государю царю въ службѣ, только дѣдичнаго государя Польскаго короля не оставлю. Какъ гетманъ Иванъ Самойловичь придетъ къ намъ на Запорожье и войску поклонится, то пусть будетъ гетманомъ, а если къ намъ не придетъ, а придетъ къ намъ Дорошенко, то гетманомъ будетъ Дорошенко.» Въ Москвѣ уже

сдѣланъ былъ выборъ между постояннымъ до сихъ поръ гетманомъ и издавна шаткимъ кошевымъ: всѣ дѣла по жалобамъ Сѣрка отданы были на разсмотрѣніе гетмана, только велѣно ему было безусловно не задерживать хлѣбныхъ запасовъ, идущихъ въ сѣчь, чтобъ не отлучить Запорожцевъ отъ царской милости.

Ходили слухи, что Дорошенко сбирается уйти на Запорожье; но онъ хотѣлъ сдержать свое слово—оставаться тамъ, гдѣ родился и воспитанъ былъ, сидѣлъ въ Чигиринѣ, и Самойловичь по прежнему посылалъ въ Москву извѣстія о его поведеніи: «Не только къ пашамъ, но къ самому султану и хану знатныхъ людей посылаетъ, также и къ Полякамъ. А что санжаки Турецкіе къ вашему царскому величеству послалъ, на это надѣяться нечего: у него давно такой обычай, ко всѣмъ монархамъ, особенно къ христіанскимъ, на словахъ склоняться, но на дѣлѣ никому не хочетъ быть вѣренъ кромѣ Турскаго: самъ султанъ ему позволилъ отослать санжаки въ случаѣ нужды, если какой-нибудь христіанскій государь будетъ сильно на него наступать. На эту сторону онъ никогда не переѣдетъ и старшинства съ себя не сложитъ, того у него и въ помышленіи не было, нѣтъ и не будетъ. Все посылать къ нему объ этомъ грамоты для насъ съ бояриномъ безчестно, потому что онъ изъ этого смѣхъ строитъ и между Малороссійскимъ народомъ разныя всеваетъ небылыя слова.» Самойловичь просилъ указа идти на Дорошенка, пока не пришли къ нему Турки и Татары на помощь.

Гетманъ не могъ уладиться съ Дорошенкомъ и Сѣркомъ, архіепископъ Лазарь Барановичь ссорился съ протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ. Дѣло пошло изъ-за того, что протопопъ владѣлъ многими маетностями, архіепископія же Черниговская маетностями была скудна. «Архіепископіи, говорилъ Барановичь, больше нужно доходовъ на украшеніе церквей, на монастырь и на другія потребы, нежели протопопу только на домовое его строеніе. Я недавно двѣ архимандріи, Черниговскую и Новгородскую, воскресилъ.» Гетманъ и старшина согласились съ мнѣніемъ архіепископа, и протопопу дали знать, что села его и деревня съ мельницами отписаны на архіепископа. Ада-

мович въ Москву, съ жалобою, что архіепископъ насильно завладѣлъ его маетностями. Барановичь, узнавши о жалобѣ, велѣлъ нарядить судъ надъ Адамовичемъ изъ архимандрита и протопоповъ; но Адамовичь не заблагоразсудилъ явиться на этотъ судъ и уѣхалъ въ Москву. Барановичь съ просьбою къ государю: «Аще бы смѣлъ каковы ложныя разсѣвати клеветы, смиренно молю вашего царскаго пресвѣтлаго величества, чтобъ ложнымъ его клеветамъ вѣра не была дана, но паче да заградятся уста глаголющаго неправду, дабы та дерзость его совершенное воспріяла непохваленіе.» Гетманъ также прислалъ грамоту, заступаясь за архіепископа, объясняя, что онъ, гетманъ, имѣлъ право, по совѣту съ старшиною, отнять маетности у протопопа и отдать архіерею, потому что послѣднему больше нужно доходовъ. Въ Москвѣ, въ Малороссійскомъ приказѣ, дѣло кончилось тѣмъ, что Адамовичь отказался отъ спорныхъ маетностей, а государь послалъ грамоту Барановичу, излагая дѣло такъ, что протопопъ билъ ему, государю, челомъ съ слезнымъ прошеніемъ, что онъ своего пастыря прогнѣвалъ и повелѣнія его страха ради не исполнилъ безъ хитрости. Государь просилъ архіепископа, чтобъ онъ для милосердія Божія и для государской милости отдалъ протопопу его безхитростную вину и велѣлъ ему жить по прежнему въ своей паствѣ.

Улаживалось одно дѣло, начиналось другое. 4-го августа явился въ Малороссійскій приказъ Стародубскій полковникъ Петръ Рославецъ и подалъ жалобу: «послѣ Велика Дня прислалъ ко мнѣ въ Стародубскій полкъ гетманъ Иванъ Самойловичь Заднѣпровскихъ козаковъ, которые перешли на его сторону Днѣпра, пять сотъ человѣкъ. Я ихъ размѣстилъ по селамъ и деревнямъ, велѣлъ поить и кормить и съ лошадьми, и давать денегъ — сотникамъ по пяти рублей въ недѣлю, атаманамъ по девяти алтынъ, рядовымъ по двѣ гривны, да по двѣ кварты вина да по квартѣ масла. Но козаки, не довольствуясь этимъ, стали собирать самовольствомъ съ жителей деньги и кормы. Потомъ 9-го іюля прислалъ изъ Чернигова владыка грамоту съ запрещеніемъ, чтобъ священники въ церквахъ не служили и никакихъ требъ не исправляли: за твое государское здоровье молитвъ нѣтъ, много людей безъ покаянія померли,

младенцы некрещены, роженицы лежатъ безъ молитвъ! Гетманскіе посланцы собираютъ поборы не въ мѣру, уѣздныхъ людей и козаковъ разоряютъ, и меня скидываютъ съ полковничества.» Рославецъ просилъ, чтобъ Стародубскій полкъ отошелъ подъ непосредственную власть государя, подъ начальство князя Гр. Гр. Ромодановскаго, подобно полкамъ Сумскому, Рыбенскому, Ахтырскому и Харьковскому, потому что города: Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Погарь и Мглинъ вотчина государева, бывали Московскими городами. Наконецъ Рославецъ просилъ, чтобъ церкви въ Стародубскомъ полку вѣдалъ Московскій патріархъ.

Въ тотъ же день, 4-го августа, пришло письмо по почтѣ отъ гетмана: Самойловичь доносилъ, что Рославецъ склонялъ Стародубскихъ полчанъ отложиться отъ гетманскаго регимента; тѣ дали знать объ этомъ гетману и просили, чтобъ позволилъ имъ выбрать другаго полковника; гетманъ далъ позволеніе, а Рославецъ убѣжалъ въ Москву. Полковнику сдѣлали выговоръ отъ имени царскаго, что онъ учинилъ противно войсковому праву, не оказавши должнаго послушанія гетману, и поѣхалъ въ Москву безъ его вѣдома, надобно было ему другихъ отъ своевольства унимать, а онъ самъ своевольничаетъ! Для разъясненія дѣла въ Малороссію отправился стольникъ Алмазовъ, которому наказано: говорить съ гетманомъ многими пространными разговорами, примѣняясь, что можно, чтобъ ему было не въ оскорбленье, приводить, чтобъ между ними злоба не выростала, и привесть гетмана къ склонности, обѣщая, что полковникъ окажетъ ему должное послушанье. Смотрѣть, чтобъ и старшинѣ было не въ досаду, говорить, усматривая ихъ намѣренія, какъ они о томъ станутъ мыслить. Провѣдывать обо всемъ тайно, чтобъ то дѣло между ними и всѣмъ войскомъ успокоить, и злобѣ вдаль распространяться не дать.

Только что Алмазовъ промолвилъ о мировой, гетманъ отвѣчалъ: «хотя бы Рославецъ въ чемъ-нибудь мнѣ и побольше досадилъ, то я бы ему простилъ; но этого дѣла никакъ такъ оставить нельзя, потому что Рославецъ говорилъ, будто къ нынѣшнему его дѣлу много совѣтниковъ, будто меня гетмана на этой сторонѣ не любятъ: такъ пусть его судитъ старшина по вой-

сковымъ правамъ, пусть онъ совѣтниковъ своихъ укажетъ, кто меня не любитъ. Не только у насъ въ Малороссійскихъ городахъ плуты и своевольные люди есть, но и въ Великороссійскихъ городахъ, и въ иныхъ странахъ; гдѣ и подъ страхомъ живутъ, и тамъ безъ плута не бываетъ, а у насъ въ Малороссійскихъ городахъ вольность; еслибъ государской милости ко мнѣ не было, то у нихъ бы на всякій годъ было по десяти гетмановъ.» Возвратясь въ Москву, Алмазовъ донесъ, что всѣ начальные люди бранятъ Рославца, а про гетмана никакихъ словъ дурныхъ не говорятъ. Архіепископъ запретилъ Стародубскому духовенству служить за то, что Рославецъ прибилъ одного священника. Наконецъ Самойловичь далъ знать въ Москву, что Рославецъ затѣялъ дѣло по совѣту протопопа Симеона Адамовича.

Алмазова немедленно опять отправили въ Батуринъ, онъ повезъ Рославца на войсковой судъ; но въ грамотѣ своей къ гетману царь писалъ, чтобъ онъ простилъ преступника, который раскаевается.

Между тѣмъ всю весну и лѣто ходили слухи, что султанъ собирается подъ Кіевъ; для подкрѣпленія Ромодановскаго и Самойловича двинулся въ Путивль бояринъ князь Василій Васильевичь Голицынъ. Ромодановскій и Самойловичь получили указъ давать отпоръ непріятелю; если же Турки и Татары подъ Кіевъ и на восточную сторону не придутъ, то идти къ Днѣпру и за Днѣпръ, промышлять надъ Чигиринымъ и Дорошенкомъ, примѣняясь къ прежнимъ указамъ царя Алексѣя Михайловича и смотря по тамошнему дѣлу. О Туркахъ не было слышно, и Ромодановскій съ Самойловичемъ двинулись къ Днѣпру. Не доходя ста верстъ до рѣки, они отправили впередъ стольника Григорья Косогова съ 15.000 Московскаго войска и бунчужнаго Леонтья Полуботка съ четырьмя полками. Увидавъ царское войско, прибрежныя мѣста, зависѣвшія отъ Чигирина, начали поддаваться. Косоговъ съ Полуботкомъ, подошедши подъ Чигиринъ, схватились съ тамошними козаками; но послѣ бою начались переговоры; Косоговъ послалъ къ Дорошенку увѣщательную государеву грамоту. На этотъ разъ Дорошенку ничего больше не оставалось, какъ исполнить царскія требованія.

Священники съ крестами, старшина и Чигиринскіе жители явились въ обозъ къ осаждающимъ на рѣчку Янычару, въ трехъ верстахъ отъ города, и принесли присягу. Дорошенко отправилъ своего двоюроднаго брата Кондрата Тарасенка и писаря Воехевича къ Ромодановскому и Самойловичу съ просьбою, чтобъ прежнія обѣщанія, ему данныя на счетъ сохраненія здоровья и имущества, были исполнены, и когда воевода и гетманъ увѣрили его въ этомъ, онъ пріѣхалъ къ нимъ въ сопровожденіи 2.000 человѣкъ и положилъ предъ ними клейноты—булаву, знамя и бунчукъ. Чигиринъ «великому государю и всей Украйнѣ надобный городъ» былъ занятъ царскими войсками, пополамъ Московскими и Малороссійскими.

Съ торжествомъ возвращался Самойловичь отъ Днѣпра. Въ Переяславлѣ онъ нашелъ Алмазова съ Рославцемъ. Выслушавъ о желаніи великаго государя, чтобъ преступникъ былъ прощенъ, Самойловичь отвѣчалъ: «Я безъ государева указа никакого наказанія Рославцу не учиню; но теперь объявилось новое дѣло: бывшій Дорошенковъ генеральный писарь Воехевичь подалъ мнѣ сказку на письмѣ за своею рукою, что Нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовъ присылалъ къ Дорошенку козака Дубровскаго, приказывая съ нимъ, что всѣ хотятъ имѣть гетманомъ Дорошенка, а именно полковники: Стародубскій Петръ Рославецъ, Прилуцкій Лазарь Горленко, Дмитрашка Райча, бывшій генеральный писарь Карпъ Мокріевъ; да не только старшина и чернь, самъ государь не хочетъ меня, Самойловича, имѣть гетманомъ. Чего Дорошенко хочетъ, то надо мною и сдѣлаютъ: захочетъ убить—убьютъ, или въ Москву отошлютъ какъ Многогрѣшнаго. Протопопъ поцѣловалъ крестъ на томъ, что такъ сдѣлается, и прислалъ этотъ самый крестъ къ Дорошенку, а Дорошенко отдалъ его мнѣ.»

3-го октября привели Рославца предъ гетмана и старшину: «Я было надѣялся, сказалъ ему Самойловичь, что такого другаго пріятеля у меня и нѣтъ, какъ ты, Петръ; а ты, забывъ Бога и присягу, хотѣлъ за добродѣтель мою къ тебѣ убить меня, да Господь Богъ не помогъ!»

«Я ни въ какомъ совѣтѣ съ протопопомъ не бывалъ, отвѣчалъ Рославецъ, дѣлъ его никакихъ не знаю; моя вина одна, что по-

ѣхалъ безъ гетманскаго вѣдома и отпуска къ царскому величеству, побоясь черной рады, чтобъ меня не убили.» Тутъ Рославецъ повалился на землю передъ гетманомъ и лежалъ долго.

27-го октября великій государь указалъ и бояре приговорили въ передней при святѣйшемъ патріархѣ: Рославца съ совѣтниками судить войсковымъ правомъ. Судъ назначенъ былъ въ январѣ.

Но прежде Рославца надобно было рѣшить важный вопросъ— что дѣлать съ Дорошенкомъ? гдѣ ему жить? Сначала Ромодановскій и Самойловичь помѣстили его въ Сосницѣ (въ Черниговскомъ полку). Въ ноябрѣ отправился въ Батуринъ стольникъ князь Иванъ Волконскій съ приказомъ гетману прислать Дорошенка въ Москву для подтвержденія присяги; для успокоенія Самойловича, Волконскій долженъ былъ ему говорить, что Дорошенко берется въ Москву изъ уваженія къ его же Самойловичевой вѣрной службѣ: Дорошенко ему, гетману, давній непріятель, такъ чтобъ будучи на этой сторонѣ, по прежнему своему злоковарству, не вымышлялъ какихъ-нибудь противныхъ на него дѣлъ и не побуждалъ бы ко злу людей, не желающихъ покоя.

Въ Батуринъ пріѣхалъ Волконскій въ началѣ декабря и для переговоровъ о Дорошенкѣ отправился къ Самойловичу часа за четыре до свѣту: «Теперь вскорѣ послать Дорошенка въ Москву нельзя, говорилъ гетманъ: онъ переѣхалъ на эту сторону недавно и двора себѣ не построилъ, многихъ пожитковъ своихъ не перевезъ. Когда будутъ судить Нѣжинскаго протопопа и Рославца, то это дѣло начнется Дорошенкомъ: онъ главный обличитель. Потомъ мы обѣщали Дорошенку подъ Чигириномъ, что жить ему по волѣ, гдѣ захочетъ, и прежнихъ дѣлъ его не вспоминать. Чигиринскіе старшины били мнѣ челомъ, чтобъ я позволилъ имъ поселиться на этой сторонѣ, я позволилъ; но если теперь послать Дорошенка въ Москву, то старшины усомнятся и сюда не поѣдутъ, да не было бы смуты и потому, что у Дорошенка много своихъ друзей на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, подумаютъ, что его хотятъ заслать въ Сибирь. А мнѣ опасаться его не для чего: когда онъ и не былъ въ подданствѣ у великаго государя и не жилъ подъ

моимъ регинентомъ, то и тогда я зналъ всѣ его замыслы, а теперь и подавно все буду знать.» Наконецъ гетманъ объявилъ, что безъ совѣту со старшиною онъ не можетъ рѣшить этого дѣла; но и послѣ совѣта Волконскому объявлено было тоже, что отпустить Дорошенка нельзя по изложеннымъ причинамъ. Рѣшили, что гетманъ пошлетъ объ этомъ грамоту государю, а Волконскій будетъ дожидаться въ Батуринѣ указа. Указъ пришелъ—оставить Дорошенка въ Малороссіи.

Въ январѣ 1677 года, на третій день послѣ Богоявленія, въ Батуринѣ начался судъ надъ протопопомъ Адамовичемъ и полковникомъ Рославцемъ; отъ Барановича присланы были Черниговскаго Елецкаго монастыря архимандритъ Іоанникій Голятовскій, игуменъ Кіевскаго Кириллова монастыря Мелетій Дзикъ и трое протопоповъ. Выслушавъ свидѣтелей, судъ приговорилъ Адамовича и Рославца къ смертной казни, совѣтника ихъ, бывшаго генеральнаго писаря Карпа Мокріева выслать вонъ изъ Украйны, бывшіе полковники—Переяславскій Дмитрашка Райча и Прилуцкій Лазарь Горленко должны присягнуть, что къ протопопову и Рославцеву злому умыслу не приставали. Но на другой день гетманъ прислалъ государевы грамоты, въ которыхъ говорилось о помилованіи преступниковъ. Выслушавъ грамоты, духовныя особы и генеральная старшина сказали: если протопопа смертью не карать, то велѣть его постричь. Самъ Адамовичь билъ челомъ, чтобъ его постригли. «Я и прежде этого желалъ, говорилъ онъ, да не исполнилъ, вѣрно за это меня Богъ и смиряетъ.» Приговорили: протопопа постричь, а Рославца нѣсколько лѣтъ держать за карауломъ. Адамовича для постриженія отправили съ бунчужнымъ Леонтіемъ Полуботкомъ въ Черниговъ къ архіепископу Лазарю Барановичу; но тутъ протопопъ объявилъ, что не хочетъ постригаться: «Не хочу иночества, говорилъ онъ, да не будутъ послѣдняя горше первыхъ.» Тогда Барановичь лишилъ его священства и отдалъ Полуботку уже какъ мірскаго человѣка подъ мірской судъ. Полуботокъ велѣлъ посадить его въ «тѣсное узилище». Не вытерпѣвъ тѣсноты, Адамовичь объявилъ, что дастъ подробное показаніе о своихъ замыслахъ и соучастникахъ. Полуботокъ созвалъ къ себѣ многихъ духов-

ныхъ и свѣтскихъ особъ и въ ихъ присутствіи Адамовичь показалъ: «Дмитрашка Райча говорилъ, что застрѣлитъ гетмана изъ пистолета въ войскѣ; въ другой разъ говорилъ, что пойдетъ въ Запорожье и тамъ станетъ бунтовать. Карпъ Мокріевичь дважды говорилъ, что пойдетъ съ Дмитрашкою въ Запорожье бунтовать противъ гетмана. Я Дорошенку совѣтовалъ и наказывалъ, чтобъ спѣшилъ на эту сторону съ войскомъ Запорожскимъ и своимъ, обѣщая ему гетманство. Рославецъ говорилъ мнѣ: порадѣемъ о здоровьѣ господина гетмана, за то что онъ ко мнѣ не милостивъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ селѣ Семеновскомъ (я ѣхалъ изъ Москвы, а онъ въ Москву), то онъ велѣлъ мнѣ идти на Украйну бунтовать Запорожцевъ и Дорошенка для исполненія нашего намѣренія. Дмитрашка говорилъ, что вмѣстѣ съ гетманомъ надобно убить судью и бунчужнаго. Мы рѣшили, что, убивши гетмана, жить не подъ царскою рукою, но поддаться хану.» Адамовичь подписалъ это показаніе.

Между тѣмъ въ Москвѣ продолжали думать, что старый Чигиринскій гетманъ будетъ гораздо безвреднѣе здѣсь, чѣмъ въ Малороссіи, и въ февралѣ извѣстный уже намъ стольникъ Семенъ Алмазовъ поѣхалъ опять въ Батуринъ съ требованіемъ высылки Дорошенка. «Надобно объ этомъ съ старшиною посовѣтоваться, сказалъ ему Самойловичь, потому что это народъ мнительный; послыша, что Дорошенко усланъ въ Москву, станутъ разсѣвать плевосѣятельныя слова, пронесутся эти слова къ Сѣрку, а Сѣрко и подавна станетъ къ этимъ словамъ привмѣщать такія же, и оттого, сохрани Боже, чтобъ какого зла не случилось? Поляки сильно боятся, что Дорошенко на этой сторонѣ, боятся, чтобъ я и Дорошенко не заключили съ султаномъ перемирія и не стали ихъ воевать. Того не знаютъ, какое здѣсь своеволіе: кто какое слово молвитъ, и всѣ къ нему пристанутъ. И меня заподозриваютъ; но если я помыслю какое-нибудь зло, то пусть Господь Богъ казнитъ душу мою и тѣло, жену мою и дѣтей и весь домъ разоритъ; дѣтей своихъ держу на Москвѣ для вѣрности; и если случится въ Украйнѣ какое зло, то сейчасъ же, покинувъ все, поѣду въ Москву. Воля его царскаго величества, но лучше бы было,

еслибъ Дорошенко остался жить въ Москвѣ; пусть мои посланцы и Сѣрковы, какъ будутъ въ Москвѣ, видаютъ его и знаютъ, что онъ живетъ при милости царскаго величества. Я его съ тобою отпущу, но чтобъ про то никто не зналъ. Да хорошо было бы, еслибъ брата его Грицка изъ Москвы отпустили въ Малороссійскіе города: родственники ихъ, видя царскаго величества милость, обрадовались бы и на милость государеву обнадежились; много разъ писала ко мнѣ изъ Чигирина мать ихъ объ отпускѣ Грицка.»

Въ Сосницу отправилъ гетманъ вмѣстѣ съ Алмазовымъ генеральнаго судью Ивана Домонтова и съ нимъ писалъ къ Дорошенку, чтобъ ѣхалъ въ Москву безо всякаго опасенія, что и прежде былъ царскій указъ объ отпускѣ его въ Москву, но его не отправили, потому что онъ еще не осмотрѣлся, а теперь онъ поѣдетъ въ Москву не для чего инаго, какъ только для переговоровъ по дѣламъ Турецкимъ и Крымскимъ. Дорошенко, однако, сильно встревожился, когда Алмазовъ пріѣхалъ за нимъ вдругъ неожиданно: «Кого и къ смерти приговариваютъ, и тому заранѣе о томъ даютъ знать, говорилъ онъ: Богъ судитъ гетмана, что меня не увѣдомилъ.» Но, дѣлать нечего, поѣхалъ.

20 марта Дорошенко видѣлъ государевы очи; думный дьякъ говорилъ ему рѣчь, объявилъ, что всѣ вины его прощаются и никогда не будутъ вспомянуты, государь указалъ быть ему при своей милости въ Москвѣ для способовъ воинскихъ противъ непріятельскаго наступленія Турокъ и Татаръ на Украйну; въ надежду своей государской милости, по челобитью гетмана Самойловича, царское величество велѣлъ брата его Дорошенкова, Григорья, расковать и ходить ему за карауломъ къ гетманскому сыну Семену, а теперь, по гетманскому челобитью, велѣно Григорья отпустить въ Малороссійскіе города. Дорошенко билъ челомъ, чтобъ государь приказалъ привезти въ Москву жену его и дочь. За ними отправился подьячій Юдинъ; но братъ Дорошенка, Андрей, объявилъ ему: «Братъ мнѣ писалъ, что если жена его ведетъ себя хорошо, какъ обѣщала ему въ то время, когда онъ взялъ ее къ себѣ изъ чернаго платья (изъ монастыря), то присылать ее въ Москву; а

иначе отписать къ нему безъ утайки. Я объ ея поступкахъ объявилъ гетману, объявляю тебѣ и къ брату посылаю письмо. Братъ Петръ за злодѣйскія ея дѣла положилъ на нее черное платье, но, видя маленькую дочь свою въ сиротствѣ, умилосердился надъ злодѣйкою и взялъ ее къ себѣ въ жены попрежнему, а она ему обѣщала, что до смерти ничего хмѣльнаго пить не станетъ. Но по отъѣздѣ брата въ Москву стала она пить безобразно, безъ моего вѣдома ходить и чинить злодѣйство. Теперь велѣлъ я ей собираться ѣхать въ Москву, а она при отцѣ своемъ Яненкѣ кричитъ: «если ты въ Москву пошлешь меня насильно, то брату твоему Петру не долго на свѣтѣ жить!» Юдину этотъ разказъ показался подозрителенъ, тѣмъ болѣе, что гетманъ показалъ ему письмо Дорошенка къ себѣ, въ которомъ тотъ умолялъ Самойловича исходатайствовать ему у царя позволеніе возвратиться въ Малороссію, напоминалъ о данномъ ему обѣщаніи оставить его жить тамъ, гдѣ захочетъ: «Я знаю, писалъ Дорошенко, что я здѣсь въ Москвѣ не нуженъ, и пріѣздъ жены моей сюда также не нуженъ, а что приказываютъ, то исполняю по нуждѣ.» Гетманъ не отпустилъ Дорошенковой жены въ Москву.

Между тѣмъ, по обыкновенію, всю весну готовились въ Украйнѣ къ встрѣчѣ непріятелей, Турокъ и Татаръ. Султанъ, на мѣсто Дорошенка, провозгласилъ гетманомъ и княземъ Малороссійскимъ плѣнника своего Юрія Хмельницкаго, который прислалъ на Запорожье грамоту отъ 5 апрѣля: «Спасителю нашему все возможно, писалъ Хмельницкій: нищаго посадить съ князьями, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убѣгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, попалъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце наияснѣйшаго цесаря Турскаго, тремя частями свѣта государствующаго, который грѣшныхъ больше милуетъ, чѣмъ наказываетъ (съ меня берите образецъ!): даровалъ мнѣ цесарь свободу, удоволилъ меня своею милостію и княземъ Малороссійскимъ утвердилъ. Когда былъ я въ Запорожьѣ, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть; такъ теперь обѣщаніе исполните, и отправляйте пословъ своихъ въ Казыкермень для переговоровъ

со мною.» Подписано: «Георгій Гедеонъ Венжикъ Хмельницкій, князь Малороссійскій, вождь войска Запорожскаго.» Грамота подѣйствовала на Запорожьѣ. 15-го мая отправился туда изъ Москвы стряпчій Перхуровъ съ государевымъ жалованьемъ; когда, по обычаю, прочли на радѣ государеву грамоту, то въ войскѣ раздался крикъ: «Суконъ прислано мало! подѣлиться нечѣмъ! достанется по одной рукавкѣ! Мы служили отцу государеву и ему государю служимъ вѣрно, надъ бусурманами всякій промыслъ воинскій чинимъ неотмѣнно, а жалованья намъ прислано мало! а мы и впередъ обѣщаемся вѣрно служить.» Сѣрко говорилъ: «Войско меня не слушается, потому что государскаго жалованья, знамени и булавы у меня нѣтъ; а еслибы знамя и булава ко мнѣ были присланы, то козаки были бы мнѣ послушны.» Козаки продолжали кричать: «Гетманъ Самойловичь отнялъ у насъ перевозъ подъ Переволочною, даромъ возить не велитъ и запасовъ къ намъ не присылаетъ. Если Турецкое войско на кошъ къ намъ придетъ, то мы сѣчь сожжемъ, а сами пойдемъ по островамъ на воду; а тутъ намъ сидѣть не у чего, запасу у насъ никакого нѣтъ.» Самойловичь опять началъ доносить въ Москву на Сѣрка, что съ ханомъ Крымскимъ заключилъ перемиріе, что къ Хмельницкому часто посылаетъ и совершенно уже къ нему склоняется.

Въ іюлѣ пріѣхалъ въ Батуринъ стольникъ Карандѣевъ отъ государя съ соболями и атласами для гетмана и старшины за вѣрную ихъ службу. Ему поручено было переговорить съ Самойловичемъ о Сѣркѣ, о Дорошенкѣ и о нерѣшенномъ еще дѣлѣ Рославца и Адамовича. Карандѣевъ требовалъ отъ гетмана, чтобъ онъ послалъ въ Запорожье знатнаго человѣка и всячески старался не допускать Сѣрка до перемирія съ ханомъ; чтобъ не допустить Турокъ овладѣть Кодакомъ, осадилъ бы его своими людьми; иначе низовому войску Запорожскому будетъ тѣснота и разоренье, а непріятелю свободный путь въ Малороссійскіе города; если же пошлется войско Малороссійское въ Кодакъ, то Запорожцы обнадежатся.

— «Послать мнѣ войска въ Кодакъ нельзя, отвѣчалъ гетманъ, потому что этимъ городомъ завѣдываетъ Сѣрко, а послать, не спросясь съ Запорожцами — только озлить ихъ.»

Потомъ Карандѣевъ началъ говорить о Дорошенковой женѣ, чтобъ прислать ее въ Москву, мужъ не перестаетъ объ этомъ просить.—«Я не мѣшаю, отвѣчалъ гетманъ, пусть ѣдетъ.»— «Но зачѣмъ ты, гетманъ, продолжалъ Карандѣевъ, хлопочешь объ отпускѣ Дорошенка назадъ на Украйну, чего ты боишься? Дорошенко взятъ въ Москву для тебя и для цѣлости Малороссіи, чтобъ онъ, будучи въ Украйнѣ, не надѣлалъ какогонибудь зла.»—«Объ отпускѣ Дорошенка на Украйну я и не думаю бить челомъ, отвѣчалъ гетманъ; въ настоящее военное время Дорошенку быть на Украйнѣ нельзя.» Наконецъ рѣчь дошла до Рославца и Адамовича: «Протопопа и Рославца, сказалъ гетманъ, я отправлю съ нарочными посланцами въ Москву, чтобъ великій государь пожаловалъ меня, приказалъ сослать ихъ на вѣчное житье въ дальніе Сибирскіе города для страха другимъ.»

11 августа привезли въ Москву Рославца и Адамовича, и на другой день состоялся указъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь. Спѣшили покончить съ этимъ дѣломъ и успокоить гетмана, который уже двигался съ двадцатитысячнымъ войскомъ къ Днѣпру: съ 4 августа Ибрагимъ паша съ Хмельницкимъ стояли подъ Чигириномъ, ожидая хана. Хмельниченко, величая себя княземъ Сарматскимъ, прислалъ требованіе, чтобъ сдали ему его стольный городъ, которымъ Дорошенко не имѣлъ права распоряжаться. Воеводою въ Чигиринѣ былъ генералъ-майоръ Трауернихтъ. 7 августа ночью онъ сдѣлалъ удачную вылазку и схватилъ 11 человѣкъ языковъ; Турки повели было подкопъ къ верхнему замку, но остановились рыть, встрѣтивъ дикій камень. Между тѣмъ 10 августа Самойловичь соединился съ Ромодановскимъ, и 17 числа изъ-подъ Снятина отправили въ Чигиринъ полкъ пѣхоты сердюковъ и 1.000 человѣкъ драгуновъ, съ приказаніемъ спѣшить днемъ и ночью. Посланные исполнили приказаніе, перебрались на правый берегъ Днѣпра, ночью прокрались чрезъ непріятельскіе полки и явились въ Чигиринѣ къ неописанной радости осажденныхъ, которые уже истомились и упали духомъ, не имѣя извѣстій о своихъ, а къ Туркамъ пришелъ ханъ съ ордою. 25 августа явились къ Днѣпру противъ Чигирина, у Бужинской пристани, князь Ромодановскій

и гетманъ Самойловичь; на противоположной сторонѣ Днѣпра, уже стоялъ ханъ съ своими Татарами и частію Турецкаго войска. Непріятель занялъ островъ на Днѣпрѣ, чтобъ не допускать Русскихъ до переправы, но былъ выбитъ. Русскіе съ острова переправились на западный берегъ, 28 августа схватились съ непріятелемъ, поразили его и гнали пять верстъ отъ берега. Испуганные Турки и Татары на другой же день ушли отъ Чигирина, покинувъ запасы и пушки и оставивъ подъ городомъ 4.000 янычарскихъ труповъ. Ибрагимъ-паша складывалъ всю вину на хана, который во-время не пошелъ на лѣвую сторону Днѣпра и не далъ знать о Московскихъ и козацкихъ войскахъ. Честь этого дѣла, на долго оставшагося памятнымъ, принадлежала полуполковнику выборнаго полка генералъ-майора Агея Шепелева, Семену Воейкову, солдатскому полковнику Самуилу Вестову, стольнику и полковнику Григорью Косогову, а изъ Малороссіянъ полковникамъ: Полтавскому Левенцу и Нѣжинскому Барсуку. Ромодановскій и Самойловичь, подождавши у Чигирина до 9-го сентября и слыша, что Турки бѣгутъ къ границамъ, отправились назадъ за Днѣпръ, тѣмъ болѣе, что конскіе кормы всѣ были истреблены непріятелемъ, а у ратныхъ людей запасовъ стало мало Самойловичь возвратился съ торжествомъ, потому что, по его настоянію, Московское правительство рѣшило держаться въ Чигиринѣ. И теперь гетманъ настаивалъ, чтобъ государь указалъ укрѣпить Чигиринъ, ратными людьми осадить и хлѣбными запасами озапасить, точно также какъ и Кіевъ, да послать туда боярина съ государевыми ратными людьми, а онъ гетманъ съ своими людьми Чигирина не удержитъ, и безъ Московскихъ людей на своихъ онъ ненадеженъ. Чигиринъ покинуть нельзя, потому что всей Украйнѣ защита и оборона добрая; стоитъ онъ на рѣкѣ Тясмѣ (Тясминѣ), черезъ которую ордѣ нигдѣ бродовъ и переправы нѣтъ. Чигиринская война дала также Самойловичу случай выставить передъ царемъ въ черномъ свѣтѣ поведеніе Сѣрка: «Кошевой къ пресвѣтлому престолу вашему государскому и ко мнѣ не желателенъ, потому что передъ Чигиринскимъ походомъ помирился съ ханомъ и Турками, во время войны никакой намъ помощи не далъ, и когда ханъ бѣ-

жалъ черезъ Днѣпръ вплавь съ ордами, не билъ его, а велѣлъ козакамъ перевозить Татаръ въ члeнахъ.»

Эти нелады у гетмана съ знаменитымъ полевымъ воиномъ очень не нравились въ Москвѣ; бояре приговорили—привесть Сѣрка съ гетманомъ въ союзъ: «За такіе злые поступки Сѣрка воздастся ему въ день праведнаго суда Божія, писалъ государь Самойловичу: но мы, государь христіанскій милосердый, не допуская его для имени христіанскаго къ вѣчной погибели, ожидая его обращенія, тѣ его вины и преступленія отпускаемъ, если онъ эти свои вины вѣрною службою заслужитъ и къ тебѣ будетъ также желателенъ, какъ и прежніе гетманы.» Съ милостивымъ словомъ Ромодановскому и гетману за Чигиринскую войну отправился въ Малороссію стольникъ и полковникъ Тяпкинъ. Посланному наказано было спросить Ромодановскаго: «Какое его намѣреніе о Чигиринѣ на будущее время? можно ли этотъ городъ держать, или надобно его разорить? если держать—то какая отъ этого будетъ прибыль? сколько въ него надобно будетъ послать Московскихъ ратныхъ людей и козацкихъ полковъ? и откуда въ Чигиринъ возить хлѣбные и оружейные запасы, и чрезъ такую великую Днѣпровую переправу какими способами помощь давать ратными людьми?»—«Мое намѣреніе такое, отвѣчалъ Ромодановскій: разорить Чигиринъ отнюдь нельзя, очень безславно и отъ непріятеля страшно, и не только Украйнѣ убыточно, но и самому Кіеву будетъ тяжко. На остальные же вопросы напишу по статьямъ, снесшись съ гетманомъ.»

Тѣ же вопросы Тяпкинъ предложилъ въ Батуринѣ Самойловичу. —«Если Чигиринъ разорить или допустить непріятеля имъ овладѣть, отвѣчалъ гетманъ, то развѣ прежде разоренья или отдачи сказать всѣмъ въ Украйнѣ народамъ, что уже они великому государю ненужны. У насъ во всемъ козацкомъ народѣ одно слово и дѣло: при комъ Чигиринъ и Кіевъ, при томъ и они всѣ должны въ вѣчномъ подданствѣ быть. Если Юраска Хмельницкій засядетъ въ Чигиринѣ съ своими бунтовщиками, тогда всѣ народы, которые изъ-за Днѣпра на эту сторону вышли, пойдутъ опять за Днѣпръ къ Юраску. А если засядутъ въ Чигиринѣ Турки, то султанъ не будетъ посылать имъ

запасовъ изъ своихъ городовъ, будутъ брать запасы съ городовъ и селъ этой стороны, и дорога будетъ открытая Туркамъ подъ Путивль и Сѣвскъ, потому что Днѣпръ и Заднѣпровье будутъ у нихъ въ рукахъ.» Тутъ гетманъ, взглянувъ на Спасовъ образъ, заплакалъ и сказалъ: «Молимся, да избавитъ Господь Богъ и великій государь насъ и потомковъ нашихъ отъ такого тяжкаго бусурманскаго ярма!» Касательно Сѣрка Самойловичъ прямо объявилъ Тяпкину, что кошевой поддался султану: Султанъ прислалъ Казыкерменскому бею 30.000 червонныхъ золотыхъ, чтобъ подкупить Сѣрка съ козаками. Бей изъ Польскихъ Татаръ, учился въ школахъ, знаетъ языки; онъ съѣзжался съ Сѣркомъ въ степи, ходили они между кустами, взявшись за руки, и тутъ кошевой присягнулъ султану.»

Для уясненія этого важнаго дѣла въ декабрѣ отправился въ Запорожье подьячій Шестаковъ, съ которымъ гетманъ отпустилъ своего посланца, войсковаго товарища Артему Золотаря. Шестаковъ на радѣ выговаривалъ Запорожцамъ, зачѣмъ они не подали помощи царскому войску подъ Чигириномъ? зачѣмъ не били Татаръ, бѣжавшихъ черезъ Днѣпръ отъ этого города?

— «Мы подъ Чигиринъ не ходили потому, что войска было на кошѣ мало, отвѣчалъ Сѣрко; да и потому не ходили, что Турки и Татары прежде Чигирина хотѣли идти на сѣчь. Чтобъ упредить этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, да хотѣли мы при этомъ, чтобъ Татары выкупили у насъ плѣнныхъ, потому что войско было голодно, добычи никакой, запасовъ также. Да и для того помирились съ ханомъ, что много разъ писали къ гетману Ивану Самойловичу, чтобъ царское величество прислалъ къ намъ своихъ ратныхъ людей на оборону, какъ присылалъ царь Алексѣй Михайловичъ, да и самъ бы гетманъ пустилъ къ намъ городовыхъ козаковъ; но гетманъ козаковъ къ намъ не пустилъ и запасовъ не прислалъ, войско только и кормилось, что рыбою; а когда съ ханомъ заключили перемирье, то за Татаръ брали большой окупъ, да ходили за солью къ морю; а еслибы съ ханомъ мы не помирились, то войско померлобы съ голоду. Турокъ и Крымцевъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, мы не громили потому, что войска въ сѣчи было мало: всѣ, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промы-

сламъ, и теперь войска въ сѣчи мало: всѣ по промысламъ. Пожаловалъ бы государь, велѣлъ прислать къ намъ своихъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ прислать Полтавскій полкъ, и мы по веснѣ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемирье съ ханомъ нарушимъ и пойдемъ въ Крымъ войною.» Гетманскому посланцу Сѣрко говорилъ наединѣ, что онъ царскому величеству не измѣнилъ и если помирился съ Турками и Татарами, то для того только, чтобъ приманить къ себѣ Хмельницкаго и, схвативъ его, отослать въ Москву. Для увѣренія Сѣрко вынулъ изъ-за пазухи крестъ и цѣловалъ.

Это не заставило Самойловича смотрѣть доброжелательнѣе на Запорожскаго кошеваго, и скоро послѣдній усилилъ еще это недоброжелательство, начавъ совѣтовать государю разрушить и покинуть Чигиринъ. «Для чего это онъ совѣтуетъ? писалъ Самойловичь: чтобъ вмѣстѣ съ Хмельниченкомъ привести въ исполненіе свой злобный замыселъ. Пусть только Чигиринъ достанется имъ въ руки, хотя бы и разоренный; они снова его укрѣпятъ, Хмельниченко сдѣлаетъ въ немъ столицу своего княжества, Сѣрко—главный городъ своего гетманскаго регимента, потому что уже и теперь Сѣрко величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи, а Хмельниченко Сѣрка—кошевымъ гетманомъ войска низоваго Запорожскаго.» Изъ Турецкихъ владѣній въ Кіевъ дошелъ и списокъ условій, заключенныхъ Сѣркомъ съ Хмельницкимъ: 1) чтобъ вѣрѣ православной гоненія не было; 2) податей никакихъ и ясырю не давать; 3) вольности войска Запорожскаго не нарушать; 4) чтобъ старшинъ и войска Турецкаго и Татаръ ни въ какихъ Малороссійскихъ городахъ не было. Изъ самого Царяграда давали знать, что Сѣрко присылаетъ султану всѣ государевы грамоты и гетманскіе листы.

Надобно было приготовляться къ тяжелой войнѣ съ разныхъ сторонъ; зиму и весну 1678 года приходили постоянно вѣсти, что Турки съ огромными силами нагрянутъ подъ Чигиринъ, съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно взять этотъ городъ. Въ Царѣградѣ въ это время находился стольникъ Поросуковъ, присланный къ султану съ царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и, по край-

ней мѣрѣ, развѣдать обстоятельнѣе о Турецкихъ замыслахъ Для послѣдняго Поросуковъ обратился къ патріарху; тотъ отвѣчалъ, что желаетъ всякаго добра великому государю какъ себѣ царства небеснаго и о замыслахъ непріятеля креста Христова объявляетъ: султанъ Турецкій, имѣя чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этимъ лѣтомъ съ войсками своими поганскими и желаетъ изъ-подъ державы его царскаго величества владѣнія Петра Дорошенка отобрать, а потомъ и всею Украйною овладѣть. И сами они явно пророчествуютъ, что царскимъ величествомъ побѣждены будутъ, только не могутъ узнать, въ какое время. Боясь этого пророчества, султанъ пойдетъ только до Бабы, а визиря пошлетъ подъ Чигиринъ. Поросуковъ спросилъ объ Юраскѣ Хмельницкомъ, по его ли патріаршему благословенію монашество съ него снято? Патріархъ отвѣчалъ: «Хмельницкій снялъ съ себя монашество своевольно, желая себѣ столько же освобожденія изъ неволи, сколько княженія и гетманства. По его наущенію визирь нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ съ просьбами и угрозами, чтобъ я съ Юраски монашество снялъ, на княженіе Малороссійское и гетманство Запорожское его благословилъ; но я отъ этого принужденія освободился подарками и Юраску къ себѣ не пустилъ. Вчера, продолжалъ патріархъ, султанъ слушалъ привезенную тобою грамоту, приказалъ тебя отпустить, а къ царскому величеству писать объ уступкѣ въ Турецкую сторону Чигирина и владѣній Дорошенковыхъ по Днѣпръ. Молю царское величество, чтобы ради церквей Божіихъ и вѣры христіанской Чигирина и Украйны султану не уступалъ, а если уступитъ, то не только малой Россіи, но и государству Московскому тяжекъ будетъ непріятель.» Государь согласился съ мнѣніемъ Самойловича, Ромодановскаго и Цареградскаго патріарха, что необходимо удержать Чигиринъ, укрѣпить его и снабдить войскомъ. Въ Чигиринскіе воеводы назначенъ былъ окольничій Ив. Ив. Ржевскій, извѣстный своею распорядительностію, умѣвшій ладить съ Малороссіянами, что доказалъ во время своего воеводства въ Нѣжинѣ. Въ Кіевѣ Ржевскій долженъ былъ взять хлѣбные запасы, подъ которые гетманъ выставлялъ подводы; ко Ржевскому должны были при-

соединиться назначенные для Чигиринскаго осаднаго сидѣнья полки Малороссійскіе, также отрядъ войска Ромодановскаго. Но ничего этого Ржевскій не нашелъ, и 17 марта вступилъ въ Чигиринъ одинъ, безъ хлѣба, потому что подводы отъ гетмана не были присланы, о войскахъ въ Чигиринъ не было вѣсти; въ Чигиринѣ Ржевскій нашелъ разбитыя стѣны, пустыя житницы и услыхалъ разказы о безпрестанныхъ набѣгахъ Татарскихъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то въ Курскъ къ Ромодановскому и въ Батуринъ къ гетману поскакалъ въ апрѣлѣ стольникъ Алмазовъ спросить, что̀ они думаютъ? Ромодановскій отвѣчалъ, что идетъ къ Днѣпру немедленно и о Чигиринѣ будетъ радѣть; гетманъ отвѣчалъ, что у него войска не въ сборѣ, и онъ пойдетъ къ Ромодановскому одинъ для переговоровъ, что пугаться нечего, войска и запасы поспѣютъ въ Чигиринъ, хотя подводы стоили страшно дорого, каждую нанимали за четыре и за пять рублей, а неизвѣстно, придетъ ли и половина ихъ назадъ.

Дѣйствительно подкрѣпленія и запасы успѣли придти въ Чигиринъ, потому что визирь Мустафа явился осаждать этотъ городъ только 9 іюля. Ромодановскій съ Самойловичемъ стояли у Днѣпра у Бужинской пристани, въ первыхъ числахъ іюля, и 6 числа начали переправлять войска свои на правую сторону. Переправа шла очень медленно; большая часть войска находилась еще на лѣвомъ берегу, когда 10 числа Татары, переправясь на этотъ берегъ тайкомъ у Крылова, подкрались и ударили на Русскіе обозы, но были прогнаны съ урономъ. Также неудачно кончилось нападеніе непріятелей 11 числа на тѣ передовые Русскіе полки, которые уже переправились на правую сторону. 12 іюля всѣ Русскія войска стояли на правой сторонѣ на Бужинскихъ поляхъ, и на другой день выдержали бой съ пятью пашами Турецкими и ханомъ Крымскимъ. Съ тѣхъ поръ бои не прерывались, потому что Турки, пришедши изъ-подъ Чигирина черезъ Крыловъ, расположились обозомъ въ 7 верстахъ отъ Русскихъ и дѣлали на ихъ таборы безпрестанные наѣзды. 29 іюля къ Русскимъ на подмогу явился князь Каспулатъ Муцаловичь Черкаскій съ Калмыками и Татарами и принималъ дѣятельное участіе въ бояхъ.

3 и 4 августа, послѣ упорныхъ битвъ, Русскіе овладѣли важнымъ пунктомъ — Стрѣльниковою горою, приблизились къ Чигирину и вступили съ нимъ въ сообщеніе. Здѣсь уже не было воеводы Ржевскаго: 3 августа взошелъ онъ на стѣны и сильно обрадовался, увидавъ приближеніе Русскихъ полковъ; но въ эту самую минуту изъ непріятельскаго обоза поднялась граната и поразила воеводу.

Чигиринъ не долго простоялъ послѣ Ржевскаго. Турки вели три подкопа подъ нижній большой городъ; 11 августа подкопы взорвало у рѣки Тясмины близь домовъ, которые загорѣлись; осажденные, видя пожаръ, побѣжали въ обозъ къ своимъ черезъ Московскій мостъ, но Турки зажгли мостъ, онъ обрушился и много Русскихъ погибло, въ томъ числѣ Гадяцкій полковникъ Криницкій; много козаковъ погибло также отъ подкоповъ. Одновременно съ нижнимъ городомъ, Турки успѣли зажечь новый верхній, сдѣланный недавно Ржевскимъ; Русскіе засѣли въ старомъ верхнемъ городѣ, и бились съ непріятелями до самаго вечера, дважды выбивая Турокъ изъ города. Ночью пришелъ къ нимъ приказъ отъ Ромодановскаго и Самойловича зажечь городъ и выходить къ нимъ въ обозы, что̀ и было исполнено; а на разсвѣтѣ поднялись и Ромодановскій съ гетманомъ къ Днѣпру, покинувъ навсегда курящіяся развалины несчастной столицы Хмельницкаго. Непріятель преслѣдовалъ отступавшихъ, но безъ успѣха, и 20 числа подъ Чигириномъ не было болѣе и Турокъ.

Но уходомъ визиря изъ-подъ Чигирина бѣда не кончилась: Хмельницкій съ Татарами остался на западной сторонѣ, занялъ Немировъ, Корсунь и другіе города, и оттуда нападалъ и на восточную сторону; вся осень и зима прошли въ тревогахъ, а на лѣто опять ждали самого султана въ Украйну. Въ мартѣ 1679 года пріѣхалъ въ Москву отъ гетмана знатный войсковой товарищъ, Иванъ Степановичь Мазепа, и имѣлъ съ думнымъ дьякомъ Ларіономъ Лопухинымъ любопытный разговоръ: «Надобно, говорилъ Мазепа, чтобъ на оборону Кіева и всего Малороссійскаго края прислано было много войска, а бояръ и воеводъ было бы съ нимъ не много, и ратные люди слушались бы ихъ, а большой воевода былъ бы одинъ; а если будутъ бояре и вое-

воды многіе и полки у нихъ разные, то бояре и воеводы станутъ между собою мѣстами считаться и ни одинъ своего полку полчанъ никому не дастъ, будетъ всякій своихъ полчанъ беречь, и будетъ оттого нестроенье.»—«Кому боярамъ и воеводамъ быть, отвѣчалъ Лопухинъ, о томъ уже писано въ царскихъ грамотахъ; промыслъ чинить надобно смотря по тамошнему дѣлу и по совѣту съ гетманомъ, а прежде времени знать объ этомъ нельзя; надобно дѣлать такъ, какъ случай воинскій покажетъ; а боярамъ и воеводамъ быть всѣмъ вмѣстѣ и розни между ними быть не для чего.»—«Буди воля великаго государя, продолжалъ Мазепа, но въ прошлую войну съ княземъ Ромодановскимъ ратныхъ людей было много, а какъ они были на той сторонѣ Днѣпра и шли на выручку къ Чигирину и у непріятелей гору брали, и какъ шли назадъ изъ-подъ Чигирина отводомъ, то государевыхъ ратныхъ людей на бояхъ очень было мало, только были солдатскіе полки да стрѣлецкіе приказы, и въ стрѣлецкихъ приказахъ людей къ бою было мало же, человѣкъ по триста, остальные стрѣльцы всѣ были въ обозѣ у телѣгъ, а отъ рейтаръ и городовыхъ дворянъ только крикъ былъ; къ гетману полковники и головы присылали безпрестанно, просили людей въ помощь, и гетманъ людей своихъ къ нимъ посылалъ, а самъ остался только съ дворомъ своимъ и драгунскимъ полкомъ, который, по указу государеву, въ воинскихъ случаяхъ при немъ всегда бываетъ.»—Лопухинъ: «У сотенъ были головы, у рейтаръ полковники и начальные люди: и они чего смотрѣли? для чего ратныхъ людей къ промыслу не высылали? то ихъ дѣло!»—Мазепа: «Въ то время смотрѣть было некогда, всякому было до себя!»

Вторымъ неудачнымъ Чигиринскимъ походомъ князь Ромодановскій окончилъ свое продолжительное военное поприще. Онъ былъ отозванъ въ Москву. Гетманъ Самойловичъ одинъ продолжалъ военные поиски на западной сторонѣ. Онъ далъ знать государю, что посылалъ сына своего Семена съ войскомъ на западный берегъ, и жители Ржищева, Конева, Корсуня, Черкасъ и другихъ городовъ, при видѣ государева войска, изъ-подъ султановой власти выступили и добили челомъ царскому величеству; гетманскій сынъ выжегъ всѣ города,

мѣстечки, села и деревни на западной сторонѣ, чтобъ впредь непріятельскимъ людямъ пристанища не было[193].

Какъ же смотрѣли Поляки на всѣ эти событія на западной сторонѣ Днѣпра, на которую они постоянно предъявляли притязанія на основаніи Андрусовскаго перемирія?

Въ началѣ царствованія Ѳеодора, Русскимъ резидентомъ въ Польшѣ оставался Тяпкинъ, продолжавшій посылать въ Москву жалобы на свое несчастное положеніе; изъ Москвы не присылали денегъ, а въ Польшѣ не давали корму: «Въ Краковъ на коронацію мнѣ нечѣмъ подняться, писалъ онъ изо Львова: занять не добуду безъ заклада, а заложить нечего, одна была ферезеишка соболья подъ золотомъ, та и теперь въ Варшавѣ у мѣщанина пропадаетъ въ закладѣ, потому что выкупить нечѣмъ. По неволѣ не поѣду на коронацію, ежели денегъ на подъемъ не добуду. Лошадь лучшая одна и была, на которой волочился на дворъ королевскій и къ панству, и та теперь пала, выбресть не на чемъ въ люди, придется и самому также издохнуть отъ скудости, отъ старыхъ ранъ безпрестанно боленъ. Не такіе тутъ порядки, что́ въ государствѣ Московскомъ, гдѣ какъ пресвѣтлое солнце въ небеси единый монархъ и государь по вселенной просвѣщается, и своимъ государскимъ повелѣніемъ яко солнечными лучами всюду единъ сіяетъ; единаго слушаемъ, единаго боимся, единому служимъ всѣ, единъ даетъ и отнимаетъ по данной ему государю свыше благодати. А здѣсь, что жбанъ, то панъ, не боятся и самого Создателя, не только избраннаго государя своего; никакъ не узнаешь, гдѣ, у кого добиться рѣшенія дѣла, всѣ господа Польскіе на лакомствахъ души свои завѣсили.»—Нашелъ наконецъ Тяпкинъ двоихъ добрыхъ людей, у которыхъ занялъ денегъ подъ закладъ послѣдней служивой рухлядишки, и отправился въ Краковъ.

Когда Тяпкинъ объявилъ королю о подданствѣ Дорошенка, то Собѣскій очень удивился; резидентъ замѣтилъ по лицу, что вѣсть эта не очень пріятна его королевскому величеству. Паны говорили между собою: «Вотъ вамъ дружба и помощь царская: отобралъ у насъ всю Украйну!» Но другіе утѣшали себя тѣмъ, что теперь вся злоба султана и хана обратится на Москву, и

царь по неволѣ будетъ болѣе усерднымъ союзникомъ Польшѣ. Все приходили вѣсти о сильныхъ сборахъ султана, и 4 марта 1676 года, Литовскій канцлеръ Пацъ потребовалъ у Тяпкина, чтобъ тотъ испросилъ себѣ немедленно у своего двора полномочіе на подписаніе слѣдующихъ условій: чтобъ царь приказалъ своимъ войскамъ соединиться съ Польскими и идти на Турокъ подъ однимъ начальствомъ, а король отправитъ часть своихъ войскъ для соединенія съ Русскими и для похода на Крымъ; чтобъ это постановленіе было исполнено вскорѣ, на самомъ дѣлѣ, не на обѣщаніяхъ только, безъ отговорокъ. «А согласитесь ли на продолженіе перемирія еще на 13 лѣтъ?» спросилъ Тяпкинъ. — «Можемъ согласиться на половину», отвѣчалъ Пацъ. Но въ то же самое время Молдавскій посланникъ Кантакузинъ, уѣзжавшій въ Молдавію, по секрету разказалъ Тяпкину, что король тайно отправилъ резидентомъ въ Молдавію шляхтича Карбовскаго съ приказаніемъ завести съ Турками мирные переговоры чрезъ посредство господаря Молдавскаго. О ходѣ переговоровъ Карбовскаго Кантакузинъ обѣщалъ давать знать Тяпкину чрезъ епископа Антонія Винницкаго. Кантакузинъ прибавилъ, что начало мирныхъ переговоровъ у Поляковъ съ Турками уже положено посредствомъ хана Крымскаго.

Тяпкинъ при первомъ случаѣ объявилъ Литовскимъ панамъ, что до него дошли слухи о тайныхъ мирныхъ переговорахъ съ Турками, и что это противно Андрусовскимъ и Московскимъ договорамъ. Паны стали сначала домогаться, отъ кого резидентъ могъ объ этомъ провѣдать? и когда Тяпкинъ отвѣчалъ рѣшительно, что не скажетъ, начали говорить, что у нихъ мира съ Турками еще никакого нѣтъ, отправлены только посланники въ Седмиградскую землю и въ Молдавію, чтобъ какъ-нибудь задержать Турокъ отъ нападенія на Польшу, а между тѣмъ заключить окончательный договоръ о соединеніи съ царскими войсками. «Удивляться этому нечего, что посланники и гонцы у насъ бѣгаютъ, говорили паны: утопающій и за бритву радъ ухватиться; такъ и мы хотя много обѣщаній отъ царскаго величества слышимъ, но на дѣлѣ до сихъ поръ не можемъ ничего видѣть, и отъ этого республика великій

вредъ терпитъ.» — «Если царское величество, говорилъ гетманъ Пацъ, изъ подозрительности не хочетъ соединить своихъ войскъ съ нашими, то король готовъ хотя закладъ дать какой угодно, и не только закладъ, готовъ сына своего отправить въ Москву въ заложники, лишь бы только царское величество велѣлъ соединить войска безо всякаго подозрѣнія и опасенія. Если же Турецкій султанъ покажетъ склонность къ миру, то королевское величество и республика тебѣ тотчасъ объ этомъ объявятъ.»—«А на какихъ бы условіяхъ согласились вы заключить миръ съ султаномъ?» спросилъ Тяпкинъ. — «На условіи возвращенія Каменца и всѣхъ завоеваній», отвѣчалъ канцлеръ Пацъ. — «Но если султанъ не согласится на это условіе?» спросилъ опять Тяпкинъ. —«Тогда дѣлать нечего», отвѣчалъ канцлеръ, «по неволѣ уступимъ все, чтобъ республикѣ не погибнуть.»

16 марта прибѣжалъ гонецъ отъ Польскаго резидента въ Седмиградской землѣ, привезъ условія визиря, присланныя къ Седмиградскому князю; условія были: Польша должна уступить Турціи на вѣчныя времена Каменецъ, Подолію, Волынь, Украйну всю по обѣ стороны Днѣпра; Поляки не должны вступаться, когда Турки будутъ отбирать Украинскіе города, занятые Русскими; султанъ отказывается отъ дани, обѣщанной королемъ Михаиломъ; пусть Поляки какъ можно скорѣе высылаютъ коммиссаровъ для заключенія мира, пока султанъ и визирь не вошли съ войсками въ Польскіе предѣлы, а если войдутъ, то и на этихъ условіяхъ не заключать мира. Оба Паца, канцлеръ и гетманъ, прямо сказали Тяпкину, что надобно согласиться на все. «Богъ взыщетъ на тѣхъ пограничныхъ государяхъ, которые не помогаютъ Польшѣ. Пиши, говорили они резиденту, пиши къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, чтобъ по ходатайству всѣхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей государь велѣлъ соединяться войскамъ.»

Но въ Москвѣ трудно было согласиться на это соединеніе, когда резидентъ въ то же время доносилъ: «Волохи и Молдаване, знатныя особы, приходятъ ко мнѣ и говорятъ отъ имени старшихъ своихъ и отъ себя, чтобъ великій государь непремѣнно приказалъ силамъ своимъ смѣло наступать на Крымъ,

а когда Богъ благословитъ, Крымъ возьмутъ, то всѣ христіанскія земли, не только Украйна, Волынь, Подолія, но и Волохи, и Молдаване, и Сербы поддадутся подъ высокую руку его царскаго величества. Теперь Турки въ большомъ числѣ стоятъ на готовѣ, куда пойдутъ—въ Польшу или къ Кіеву—узнать не почему; только по нѣкоторому тайному согласію у Турокъ съ Поляками надобно ожидать Турокъ къ Кіеву и потому господари Молдавскій и Валахскій наказываютъ, чтобъ государство Московское было въ великой осторожности. Изъ Польши въ Турцію, Крымъ, Молдавію и Валахію безпрестанно бѣгаютъ тайные посланцы, все ищутъ способовъ, какъ бы помириться съ Турками, но отъ этихъ способовъ сосѣдямъ надобно быть въ большой осторожности. Полякамъ сильно не хочется, чтобъ Крымъ и помянутыя всѣ земли были подъ властію великаго государя, по причинѣ православной вѣры, которая бы тогда обняла кругомъ области Римской церкви. Поляки присно бытные ненавистники церкви Божіей: больницы жидовскія они почитаютъ, жидовъ братьями они считаютъ и обходятся съ ними въ сотеро лучше, чѣмъ съ православнымъ Русиномъ; духовные ихъ сильно гонятъ и ненавидятъ церковь Божію. Лютеранскихъ и Кальвинскихъ костеловъ не смѣютъ такъ разорять какъ разоряютъ и пустошатъ восточныя церкви, потому что за костелы стоитъ Шведскій король и курфирстъ Бранденбургскій, которые объ этомъ въ договорахъ написали. Поэтому здѣшніе православные христіане просятъ великаго государя внести въ договоры съ Польскимъ государствомъ, чтобъ не было гоненія имъ отъ католиковъ.»

Поляки провѣдали (чрезъ распечатываніе писемъ, какъ утверждалъ резидентъ), что Тяпкинъ не очень къ нимъ благоволитъ и пишетъ въ Москву «перестерегательства цѣлому здравію государства Московскаго отъ разныхъ противныхъ союзовъ и факцій». Король, увидавши его, обратился съ гнѣвными словами и угрозами, треся палкою: «По твоимъ затѣйнымъ письмамъ, кричалъ Собѣскій, до сихъ поръ не можемъ съ царскимъ величествомъ заключить союза и получить помощи.» Тяпкину объявили, что не будутъ признавать его резидентомъ, пока не придетъ отъ новаго царя грамота, подтверждающая

его въ этомъ званіи; удалили его изъ Кракова въ Варшаву. Слышались даже угрозы, что отошлютъ Тяпкина въ Маріенбургъ въ заточеніе. Тяпкинъ отвѣчалъ сенаторамъ: «Государь вашъ гнѣвается на меня и подозрѣваетъ напрасно, будто я своими письмами ссорю его съ царскимъ величествомъ. Что королевское величество и вы, господа сенаторы, поступали и поступаете вопреки перемирнымъ договорамъ, о томъ не я одинъ, весь свѣтъ знаетъ. Всѣ знаютъ, что вы ссылаетесь не только тайно, но и явно, съ Турками и Татарами, не объявивъ ничего великому государю ни черезъ своихъ пословъ, ни черезъ меня. Я не хочу быть здѣсь ни слѣпымъ, ни глухимъ, ни нѣмымъ, что вижу и слышу, обо всемъ писалъ, пишу и буду писат къ своему государю, всякую правду, и говорить обо всемъ буду». Дѣйствительно Тяпкинъ не переставалъ извѣщать государя о «дивныхъ замыслахъ Французской факціи»: Французскій король хлопочетъ о мирѣ Поляковъ съ Турками, чтобъ можно было Французскія и Польскія войска обратить противъ цесаря и Пруссіи; побѣдивши цесарцевъ и Прусаковъ, обратятся вмѣстѣ съ Шведами на Московское государство. Побѣдивши Москву, всѣ католическіе государи пойдутъ на Турцію, не соединяясь съ православнымъ государствомъ, чтобъ народы Греческаго православія обратить къ Римской церкви. А еслибы Московскія силы допустить на Турецкія земли, то всѣ Греки, Волохи, Сербы, Молдаване и козаки украинскіе съ ними соединятся и возьмутъ верхъ надъ католическими державами. Тяпкинъ умолялъ Матвѣева: «Умилосердись, донеси великому государю и всѣмъ ближнимъ людямъ, чтобъ непремѣнно послали войска на Крымъ; всѣ факціи непріятельскія этимъ помрачены будутъ и погаснутъ; а если не пойдутъ царскіе ратные люди этимъ лѣтомъ на Крымъ, ей, великое безславіе, поношеніе и оскорбленіе государству Московскому учинится.» Тяпкинъ боялся союза Шведовъ съ Поляками, и потому совѣтовалъ теперь же объявить войну Швеціи, пока Шведскія войска заняты неудачною для нихъ войною съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ: «Подобаетъ конечно Шведу отъ Лифлянтовъ заиграть трубными и рыцарскими гласы, гдѣ нетрудно Господь Богъ можетъ первымъ счастіемъ помазанника своего благо-

словить, и не только Лифлянтами или Ригою, но и самымъ Варяжскимъ моремъ обдарить. Теперь время разорить Шведа до основанія и отвести его отъ лукавыхъ намѣреній съ Польскимъ дворомъ, потому что Нѣмецкіе государи зѣло его изрядно потчиваютъ и онъ отъ нихъ какъ заяцъ по островамъ бѣгаетъ. А здѣсь посолъ его разглашаетъ: «Лихи на насъ были ближніе бояре, особенно Матвѣевъ, они отвращали отъ мира покойнаго государя; но теперь дай Богъ здоровья патріарху Московскому: онъ нынѣшняго молодаго государя духовными бесѣдами склонилъ къ вѣчному миру съ нами».

Весною Татары начали пустошить Волынь, Подолію, Галицію; король жилъ въ своемъ имѣніи Яворовѣ, недалеко отъ Львова, и не могъ двинуться по неимѣнію войска. Посланникъ его Чихровскій, пріѣхавшій въ Москву въ іюнѣ 1676 года поздравить царя Θеодора съ восшествіемъ на престолъ, объявилъ требованіе, чтобъ въ августѣ мѣсяцѣ сорокъ или, по крайней мѣрѣ, тридцать тысячъ Русскаго войска съ артиллеріею и запасами соединилось съ войскомъ королевскимъ; чтобъ другая часть Русскаго войска шла на Крымъ; при этомъ Чихровскій объявилъ, что только при условіи дѣйствительнаго исполненія этихъ требованій онъ имѣетъ полномочіе продолжить срокъ перемирію. Царь отвѣчалъ королю, что князю Ромодановскому и гетману Самойловичу данъ приказъ быть на готовѣ, пересылаться съ гетманами Польскими и договариваться съ ними о соединеніи войскъ. На Крымъ уже послали войско съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкаскимъ и Калмыками, также на Донъ отправленъ стольникъ Волынскій со многими ратными людьми. Когда Ромодановскій и Самойловичь съ одной стороны, а Польскіе гетманы съ другой придутъ къ Днѣпру, то прежде всего будутъ договариваться о продолженіи срока перемирія, а потомъ уже договорятся о соединеніи войскъ. Такъ какъ въ существующихъ договорахъ постановлено другъ безъ друга не мириться съ султаномъ и ханомъ, то если съ Польской стороны начнутся переговоры съ Турками, царскій резидентъ долженъ на нихъ присутствовать. Тяпкинъ писалъ въ Москву: «Плѣнныхъ, говорятъ, тысячъ съ сорокъ Татары набрали и погнали въ свою землю, а у Поляковъ однѣ рѣчи: пусть

поганая Русь, схизматики, погибаютъ!» Но когда осенью новое Турецкое нашествіе начало грозить не одной Руси, но и Польшѣ, то миръ съ Турками, необходимость котораго уже давно была провозглашена, заключенъ былъ въ октябрѣ подъ городкомъ Журавномъ: Подолія съ Каменцомъ была уступлена султану. Украйна оставлена за козаками по старымъ рубежамъ, кромѣ Бѣлой церкви и Паволочи, которыя отошли къ Польшѣ. Тяпкинъ, которому, по договору, надобно было присутствовать при заключеніи мира, не былъ даже увѣдомленъ о начатіи переговоровъ. Для своего оправданія Поляки начали указывать на подданство Дорошенка, на занятіе Русскими войсками городовъ западной Украйны. Когда Тяпкинъ пріѣхалъ къ подскарбію коронному Морштину нарочно, чтобъ что-нибудь узнать повѣрнѣе о заключеніи мира, то подскарбій встрѣтилъ его словами: «Царское величество отбираетъ украинскіе города — Чигиринъ, Каневъ, Черкасы; Дорошенко, поддавши Чигиринъ, поѣхалъ въ Москву. Мы очень удивляемся, что государь вашъ ничего не объявилъ нашему государю о взятіи этихъ городовъ.» — «Еще больше удивится царское величество, отвѣчалъ Тяпкинъ, что вашъ великій государь, презрѣвъ договоры, заключилъ миръ съ султаномъ и ханомъ, не обославшись съ царскимъ величествомъ, даже и мнѣ, резиденту, который долженъ былъ присутствовать при переговорахъ, объявить не велѣлъ.» — «Мы это сдѣлали по неволѣ,» возразилъ подскарбій. Тяпкинъ продолжалъ: «Что государь нашъ принялъ Дорошенко съ городами, тому вамъ удивляться нечего, потому что царское величество отбираетъ города и народы христіанскіе не у короля и республики, а изъ-подъ ига бусурманскаго, подъ которое вы ихъ сами поддали не только по договорамъ короля Михаила, но и по послѣднему вашему миру съ Турками.» — «Условія послѣдняго мира, сказалъ подскарбій, отложены до сейма; Богъ еще знаетъ, приметъ ли ихъ рѣчь посполитая, у насъ народъ вольный.»

Сильное раздраженіе Поляковъ на Дорошенка за то, что поддался Москвѣ, заставило Тяпкина быть осторожнымъ относительно слуховъ, распускаемыхъ насчетъ сношеній бывшаго Чигиринскаго гетмана съ Турками и Татарами: «Слухамъ этимъ,

писалъ резидентъ въ Москву, нельзя совершенно еще вѣрить, только надобно соблюдать большую осторожность и провѣдывать о немъ сущую правду, или, для большей его вѣрности, жену его, дѣтей, братьевъ, тестя и тещу держать въ Москвѣ, а ему обѣщать большую государскую милость и награжденіе, чтобъ вѣрно служилъ: потому что много Поляки изъ зависти и съ сердца на него клевещутъ, желая, чтобъ онъ пропалъ; боятся его, потому что онъ воинъ премудрый и промышленникъ великій въ войсковыхъ поступкахъ, всѣ ихъ Польскія франтовскія штуки не только знаетъ, но и видѣлъ. Король, сенаторы, гетманы и все войско про него говорятъ, что нѣтъ такого премудраго воина не только во всей Украйнѣ, но и въ цѣлой Польшѣ.»

Сеймъ утвердилъ Журавинскій договоръ. 21 марта 1677 года Тяпкина позвали къ королю, который, взявъ его за руку, повелъ въ садъ и здѣсь во время прогулки началъ говорить: «Панъ резидентъ! не могу я надивиться, отчего это у насъ идутъ такія долгія пересылки съ царскимъ величествомъ, а союза заключить никакъ не можемъ? Не знаю, отчего это самъ царское величество и вся его дума держатъ на меня подозрѣніе, тогда какъ я всегда оказывалъ доброжелательство къ государству Московскому. Многимъ боярамъ и воеводамъ извѣстно: когда подъ Чудновымъ наши Поляки сдѣлали не хорошо, боярина Василья Борисовича Шереметева въ Крымъ отдали, я противъ этого крѣпко стоялъ, не только бранился съ своими гетманами, но даже хотѣлъ идти на помощь къ князю Юрію Никитичу Барятинскому. Теперь, будучи государемъ своего народа, стараюсь сердечно быть въ братской дружбѣ со всѣми христіанскими государями, и особенно съ царскимъ величествомъ, которому желаю всякаго добра какъ самъ себѣ. Зная, что ваши государи желаютъ, чтобъ папа писалъ ихъ полный царскій титулъ, я, утаясь отъ всей рѣчи посполитой, писалъ къ отцу папѣ, съ просьбою, чтобъ описывалъ царскій титулъ по достоинству, надѣясь, что государь вашъ это мое ходатайство приметъ съ благодарностію и къ братской дружбѣ склонится. Папа соглашается съ тѣмъ однако, чтобъ и царское величество, съ своей стороны, писалъ его титулъ какъ слѣдуетъ.

Напиши объ этомъ къ царскому величеству слово въ слово, какъ отъ меня слышалъ. Давно стараюсь войти съ вашимъ государемъ въ братскую любовь, но мѣшаютъ тому ссоры отъ разныхъ недоброжелательныхъ народовъ.» Тутъ Собѣскій ударилъ себя въ грудь и сказалъ: «Панъ резидентъ! пиши всѣ мои слова, чтобъ царское величество не подозрѣвалъ меня ни въ какомъ лукавствѣ, но считалъ бы меня вѣрнымъ братомъ и ближнимъ другомъ. Нечего его царскому величеству на то смотрѣть, что теперь у меня заключенъ съ Турками миръ. Миръ этотъ не дологъ и не сладокъ онъ мнѣ; принужденъ я къ нему страшными силами поганскими, которыхъ мнѣ нельзя было одолѣть безъ помощи. Теперь поганцы на Чигиринъ, на Кіевъ и на самое государство Московское ополчаются, и ничѣмъ царское величество такъ не устрашитъ Турчина, какъ если пошлетъ козаковъ въ Крымъ и на Черное море. Отпиши и о томъ къ царскому величеству, чтобъ позволилъ посламъ нашимъ и резиденту бывать у себя запросто безъ посольскихъ чиновъ, какъ ты теперь у меня, наединѣ, говоришь что хочешь и все отъ меня узнаешь, а эти пышные посольскіе пріемы къ сближенію и союзу не ведутъ. Нечему дивиться, что прежде у васъ такого обычая не было: прежде не было такихъ большихъ между государствами ссоръ, такихъ продолжительныхъ и частыхъ коммиссій, и безпрестанныхъ посольствъ. А теперь пришло время, чтобъ всѣмъ намъ государямъ христіанскимъ чрезъ пословъ своихъ взаимно другъ другу показывать ближайшую и вѣрнѣйшую дружбу и съ послами и резидентами не все чрезъ ближнихъ сенаторовъ сноситься, но для осторожности и крѣпчайшаго въ дѣлахъ государственныхъ утвержденія самимъ намъ пословъ и резидентовъ спрашивать и взаимно свое намѣреніе къ братолюбію объявлять. Напиши все это царскому величеству, а грамоты я къ нему не посылаю для того, чтобъ сенаторы и республика ничего не знали.»

Это искреннее объясненіе было послѣднимъ. Въ апрѣлѣ кончился сеймъ, постановившій оставаться въ мирѣ со всѣми сосѣдними государствами, и въ маѣ Тяпкинъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву. Въ іюлѣ 1678 г. великіе и полномочные послы королевскіе, князь Михайла Чарторыйскій и Казимиръ Са-

пѣга, заключили въ Москвѣ договоръ — быть перемирію еще на тринадцать лѣтъ, считая съ іюня мѣсяца 1680 года, и въ это время имѣть радѣніе о постановленіи вѣчнаго мира; при этомъ договорѣ съ Русской стороны уступлены города Невль, Себежъ и Велижъ съ уѣздами, и кромѣ того заплачено 200.000 рублей Московскихъ — все за Кіевъ [194]!

Ничего не жалѣли, чтобъ не отдавать Кіева Полякамъ; но теперь, послѣ разрушенія Чигирина, надобно было готовиться къ защитѣ Кіева отъ Турокъ. Чтобъ предупредить новое нашествіе султана и хана на Украйну, въ декабрѣ 1678 года отправили въ Константинополь дворянина Даудова съ грамотою, въ которой царь предлагалъ султану возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній между Россіею и Портою, указывая на исконныя права Русскихъ государей на всю Малороссію. Даудовъ повезъ грамоту и отъ патріарха Іоакима къ муфтію: «Надѣемся, писалъ патріархъ, что вы, первый и начальнѣйшій блюститель мусульманскаго закона, на показаніе своей духовности, о покоѣ и тишинѣ всенародной большой подвигъ свой и ученіе предложите и всякимъ образомъ хитростно военное расширеніе удержите, и плодъ въ томъ правды предъ Господа Бога въ даръ принести похощете и народамъ своимъ милость и покой ходатайствомъ у салтанова величества упросите, и рати, начинающіяся неправдою, за причиною богомерзкаго законопреступника Юраски Хмельницкаго, пресѣчете.»

Но если въ Москвѣ послѣ втораго Чигиринскаго похода сильно желали мира, боясь, чтобы на лѣто не явилась Турецкая рать теперь уже подъ Кіевомъ, то и въ Константинополѣ также сильно желали мира, потому что война оказалась вовсе не прибыльной, подъ Чигириномъ Турки потеряли очень много людей и идти подъ Кіевъ у нихъ не было большой охоты. Не зная еще о посольствѣ Даудова, султанъ далъ порученіе Валахскому господарю Іоанну Дукѣ быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Портою. Въ маѣ 1679 года Валахскій посланникъ капитанъ Билевичъ имѣлъ разговоръ съ думными дьяками, объявилъ, что султанъ желаетъ мира и требуетъ только части Украйны, гдѣ бы жить Юраскѣ Хмельницкому,

иначе будетъ стыдно — ведя такую долгую войну, помириться безо всякой выгоды. Дьяки спросили, какой упадокъ былъ Турецкихъ войскъ подъ Чигириномъ? Билевичь отвѣчалъ, что въ первомъ походѣ Янычары потеряли 8.000, во второй было войска Турецкаго со 100.000 и пропало съ треть. Спросили: какъ теперь Турки смотрятъ на Юраску Хмельницкаго, и чего впередъ отъ него ожидаютъ? — «Турки рады были бы, чтобъ его не было, отвѣчалъ посланникъ: вся бѣда отъ него; по его словамъ Турки ждали, что козаки только что заслышатъ объ немъ, такъ всѣ къ нему и пойдутъ; но теперь ничего этого нѣтъ. Когда я ѣхалъ сюда и заѣзжалъ къ нему, то видѣлъ, что онъ безпрестанно пьянъ и безуменъ.» Царь въ грамотѣ къ Дукѣ писалъ, что согласенъ быть съ султаномъ въ дружбѣ съ условіемъ, чтобъ Турки не вступались въ земли Днѣпровскихъ козаковъ.

Въ это время пріѣзжаютъ въ Москву Польскіе послы, Бростовскій и Гнинскій, съ объявленіемъ, что король ихъ разорветъ миръ съ султаномъ, если царь обяжется соединить свои войска съ Польскими и давать королю ежегодно на военныя издержки, по крайней мѣрѣ, 200.000 рублей. Въ Москвѣ никакъ не согласились на послѣднее, и дѣло отложено было до коммиссіи, назначенной въ іюнѣ 1680 года.

Осенью возвратился Даудовъ и привезъ грамоту отъ визиря, который требовалъ присылки вѣрнаго и словеснаго посла съ подлиннымъ и правдивымъ словомъ, безо всякаго спора объ украинскихъ козакахъ. Визирь предлагалъ отправить посланника въ Крымъ для веденія мирныхъ переговоровъ. Пріѣхалъ вторично Билевичь и объявилъ условія мира: границею между обоими государствами долженъ быть Днѣпръ; султанъ, разъ взявши Дорошенка въ свое подданство, не можетъ отказаться отъ земель, находившихся подъ управленіемъ Дорошенка.

Турки не мирились безъ уступки имъ западной Украйны. Но въ Москвѣ не хотѣли рѣшиться на это безъ совѣта съ человѣкомъ, который назывался гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Въ концѣ октября 1679 года въ Батуринѣ шли тайные разговоры у гетмана Самойловича съ царскимъ посланнымъ, дья-

комъ Емельяномъ Украинцевымъ. «Тебѣ, говорилъ дьякъ, извѣстно все, что у великаго государя дѣлается съ королемъ Польскимъ, султаномъ Турскимъ и ханомъ Крымскимъ на покой и тишину войску Запорожскому и посполитому народу Малороссійскому, ничего отъ тебя по государской милости, не утаено. И теперь царское величество велѣлъ тебѣ объявить, что Турки склонны къ миру, а Польскіе послы въ Москвѣ говорятъ, чтоб великій государь соединилъ свои войска съ королевскими и идти обоимъ на Турскаго султана, въ государство его. Такъ ты бы, гетманъ, подумалъ объ этихъ дѣлахъ особо и съ старшиною посовѣтовался, да и написалъ бы со мною обо всемъ къ царскому величеству.»

«О Турецкомъ мирѣ мысль свою напишу и съ старшиною посовѣтуюсь, отвѣчалъ гетманъ; а что Польскій король желаетъ союза съ царскимъ величествомъ, то я Польскому королю не довѣряю, думаю, что онъ хочетъ союза съ нѣкотораго своего великаго вымысла, чтобъ отъ этого союза у великаго государя съ Турецкимъ султаномъ еще больше стало недружбы, чтобъ войска государевы частыми подъемами и дальными походами истомились. На что лучше союза съ Польскимъ королемъ! только опасно его непостоянство, потому что онъ съ Турками и Татарами въ большой дружбѣ. Во всемъ воля великаго государя; но я со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ прошу милости царскаго величества, чтобъ изволилъ великій государь съ Турскимъ султаномъ и Крымскимъ ханомъ миръ заключить, и миръ съ бусурманомъ прибыльнѣе будетъ союза. Съ Польскимъ королемъ союзъ заключить невозможно, потому что царскимъ войскамъ идти на помощь Польскому королю за дальнимъ разстояніемъ и за пустотою на той сторонѣ Днѣпра далеко; по тому же самому и Польскія войска на помощь государевымъ войскамъ не будутъ. Развѣ такой союзъ съ Польскимъ королемъ заключить, чтобъ царскимъ войскамъ идти въ Крымъ войною, а Польскимъ въ Волошскую землю и за Дунай; да и такой бы союзъ заключить не даромъ, а потребовать, чтобъ король Польскій заключилъ за то съ великимъ государемъ вѣчный миръ, безъ вѣчнаго мира вѣрить ему нельзя, потому что онъ великому государю недоброхотъ. Слышалъ я отъ

Волошскаго посланца Яна Билевича: когда онъ былъ у короля еще до Чигиринскаго разоренья, то король приказывалъ ему, чтобъ господарь его наговаривалъ султана и визиря начать войну съ царскимъ величествомъ.»

На отпускѣ гетманъ говорилъ Украинцеву: «Донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины и всего войска Запорожскаго челобитье, чтобъ великій государь изволилъ съ Турскимъ султаномъ и ханомъ Крымскимъ становить мирный договоръ, потому что козакамъ и поспольству Малороссійскому нынѣшняя съ бусурманами война наскучила, и надобно опасаться, чтобъ они отъ этой войны чего-нибудь другаго не вздумали. Теперь съ султаномъ и ханомъ миръ заключить можно, потому что непріятель до сихъ поръ надъ царскими войсками поиска никакого еще не сдѣлалъ, а если впередъ сдѣлаетъ какой поискъ, тогда къ миру будетъ гордъ, да и отъ своихъ козаковъ тогда будетъ опасно. Съ королемъ соединяться нельзя, потому что Поляки, какъ слышу, просятъ у великаго государя городовъ и денежной казны, и чтобъ идти обоимъ войскамъ къ Дунаю и за Дунай: но все это несносное и нестаточное дѣло. Хотя бы мы вмѣстѣ съ Поляками надъ непріятелемъ и побѣду одержали, то Поляки станутъ эту побѣду и славу приписывать себѣ, и войска Запорожскаго своевольные люди, по Польскимъ наговорамъ, станутъ Полякамъ же ту славу приписывать, и опасно, чтобъ эти своевольники, пришедши съ войны въ Малороссійскіе города, на завели тамъ смуты. Если вмѣстѣ съ Поляками выйдти противъ непріятелей въ степь, то сейчасъ же Татары конскіе кормы отнимутъ, и тогда отъ своевольныхъ козаковъ безъ бѣды не будетъ, а Поляки станутъ ихъ нарочно возмущать и ко всему злу наговаривать. Я опасаюсь и того, чтобъ Поляки въ нужное время царскихъ ратей и войска Запорожскаго не выдали, потому что они люди своевольные и слабые, нужды терпѣть не будутъ. Да хотя бы и побѣду царское войско одержало, и тогда все же надобно мириться съ султаномъ и ханомъ, непріятеля въ его землѣ воевать никакъ нельзя за дальнимъ разстояніемъ и за великою пустотою, и тогда Поляки при заключеніи мира только мѣшать будутъ. А теперь король Польскій

послалъ въ Запороги къ Сѣрку Бѣлоцерковскаго попа для того, чтобъ въ Запорогахъ смуту завести: попъ этотъ поручилъ моему канцеляристу Чуйкевичу, который былъ въ Запорогахъ, сказать мнѣ, чтобъ я обратился съ войскомъ Запорожскимъ къ дѣдичному своему государю, къ королю Польскому. И Сѣрко тому же Чуйкевичу говорилъ, что пора имъ, соединясь съ Поляками и Татарами, Москву воевать: ясно, что такія слова началъ Сѣрко говорить по наговору Бѣлоцерковскаго попа.»

Мнѣніе гетмана окончательно развязало руки къ начатію переговоровъ съ Крымомъ и Портою. Въ концѣ 1679 года отправились въ Крымъ къ хану Мурадъ-Гирею посланники Сухотинъ и дьякъ Михайловъ; но они не рѣшили дѣла на счетъ опредѣленія границъ, притомъ же дьякъ Михайловъ своевольно покинулъ Сухотина и уѣхалъ въ Москву. Для окончанія переговоровъ въ августѣ 1680 года поѣхалъ въ Крымъ нашъ старый знакомый, стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ вмѣстѣ съ Малороссійскимъ писаремъ Семеномъ Раковичемъ. 25-го октября пріѣхали они на рѣку Альму на посольскій станъ, и первое, что ихъ поразило—бѣдность строенія на посольскомъ дворѣ: четыре пунишки складены изъ дикаго нетесанаго камня, смазаны скареднымъ навозомъ безъ потолковъ, безъ половъ, безъ лавокъ, безъ дверей, для свѣта сдѣлано по одному окну. «Воистинну объявляемъ, пишетъ Тяпкинъ, что псамъ и свиньямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покойнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ посланникамъ царскаго величества, а лошадямъ не только никакихъ конюшенъ нѣтъ, и привязать не за что, кормовъ намъ и лошадямъ ничего не давали, а купить съ великою нуждою хлѣба и ячменя и соломы добывали, и то самою высокою цѣною.» Пріѣхалъ приставъ и объявилъ, чтобъ ѣхали къ хану, который жилъ въ селѣ отъ посольскаго двора верстъ съ пять; но когда посланники пріѣхали, то имъ объявили, что прежде хана они должны быть у ближняго его человѣка Ахметъ-аги. Посланники отвѣчали, что не бывши съ государевою грамотою у ханова величества, по инымъ дворамъ волочиться имъ не пригоже.—«Грамоту у васъ отнимутъ силою», кричали Татары. — «Гдѣ головы наши бу-

дутъ, тамъ и грамота, отвѣчали посланники, а когда увидите насъ мертвыми, тогда и грамоту возьмете, грозъ вашихъ и безчестья и всякой тѣсноты не боимся.» Татары пріутихли, стали говорить, чтобъ одинъ изъ посланниковъ остался съ царскою грамотою на подворьѣ, а другой пошелъ бы повидался прежде съ ближнимъ человѣкомъ. Тяпкинъ отправился къ Ахметъ-агѣ и, вошедши, поздоровался съ нимъ, «а Бусурманъ, надувшись поганою своею гордостію, сидѣлъ на коврахъ облокотившись на бархатныя золотныя подушки», поздоровался сидя и велѣлъ посланнику сѣсть подлѣ себя. Ахметъ-ага началъ выговоромъ, зачѣмъ посланники ханской воли ослушались и не хотѣли прежде идти къ нему, ближнему человѣку: «у насъ обычай такой изстари повелся, что посланники, прежде чѣмъ идти къ хану, бываютъ у ближнихъ людей; или уже честнѣе васъ посланниковъ здѣсь не бывало?»—«Мы съ прежними посланниками честью не считаемся, отвѣчалъ Тяпкинъ; если у васъ прежде такъ и водилось, какъ ты говоришь, то мы вашего указа не принимаемъ, мы прежде всего должны исполнить государевы дѣла. Нигдѣ не повелось, чтобъ ближнимъ людямъ, мимо государя, у пословъ грамоты принимать, это у васъ въ Крыму обычай грубый; мнѣ случалось быть въ послахъ у многихъ великихъ государей и посольскіе чины я знаю. Если прежніе царскіе посланники бывали у ближнихъ людей прежде хана, то я этому не дивлюсь, потому что у васъ всегда посланникамъ царскаго величества бываетъ великая неволя, тѣснота и безчестье, чтобъ вынудить у нихъ богатые дары, какъ теперь и надъ собою видимъ. А мы присланы къ ханову величеству не дары раздавать, а добрыя дѣла дѣлать.»

Послѣ торжественнаго пріема у хана, начались переговоры, при которыхъ присутствовалъ и плѣнный бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ. Тяпкинъ и Зотовъ предложили границу по рѣки: Рось, Тясминъ и Ингулъ. Ближніе хановы люди засмѣялись и отвѣчали: «Если за вами только дѣла и есть, то не зачѣмъ было вамъ сюда и ѣздить: по тѣ рѣки уступки не бывало и впредь не будетъ.» Тщетно посланники склоняли ближнихъ людей «всякими пріятными разговорами,» государевымъ жалованьемъ обнадеживали, инымъ и давали: Татары стояли

на своемъ, что кромѣ Днѣпра другой границы не будетъ: «до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нога войскъ султановыхъ заступила, по мусульманскому закону уступки тутъ быть не можетъ.» Чтобъ склонить хана, Тяпкинъ витіевато объяснялъ передъ нимъ важное значеніе посредника, которое Мурадъ-Гирей принялъ на себя, объяснилъ, какую честь и довѣріе оказалъ ему царь, отправивъ посланниковъ своихъ къ нему въ Крымъ, а не прямо въ Константинополь къ султану. Ханъ былъ тронутъ, но отвѣчалъ, что онъ человѣкъ невольный, долженъ исполнять указъ султана; еслибъ та земля была его ханская, то онъ бы охотно постановилъ межу, какая угодна царскому величеству. Посланники обѣщали хану 10.000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ людямъ 3.000, султану турецкому и визирю соболей на 5.000 рублей; ханъ отвѣчалъ, что не можетъ согласиться и за 100.000 червонныхъ. Видя упорство посланниковъ, ханъ велѣлъ ихъ постращать земляною ямою, гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолка, ни оконъ. И дѣйствительно посланниковъ посадили на запоръ, не велѣли пускать къ нимъ купцовъ съ съѣстнымъ и дровами.

Посланники уступили, и подали хану слѣдующія статьи: 1) Перемирію быть на 20 лѣтъ (начиная съ 3 января 1681 года), рубежомъ быть рѣкѣ Днѣпру; ханову величеству будетъ дана казна за прошлые три года, и потомъ будетъ присылаться каждый годъ по старымъ росписямъ. 2) Въ перемирныя 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султанову и ханову величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ козацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ козацкихъ земляхъ не заводить, оставить ихъ впустѣ. 3) Крымскимъ, Очаковскимъ и Бѣлгородскимъ Татарамъ вольно по обѣ стороны Днѣпра, на степяхъ, около рѣчекъ, кочевать, для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить; а со стороны царскаго величества низовымъ и городовымъ козакамъ войска Запорожскаго, промышленнымъ людямъ, плавать Днѣпромъ для рыбной ловли, и по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, для рыбы и бранья соли и для звѣринаго промысла ѣздить вольно до Чернаго моря.

4) Кіевъ съ монастырями и городами, мѣстечками и селами всего своего стараго уѣзда, т. е. ниже Кіева, Васильковъ, Триполье, Стайки съ селами, да выше Кіева два мѣстечка—Дѣдовшина и Радомышль остаются въ сторонѣ царскаго величества. 5) Запорожскіе козаки также остаются въ сторонѣ царскаго величества, султану и хану до нихъ дѣла нѣтъ, подъ свою державу ихъ не перезываютъ. 6) Титулъ царскаго величества писать сполна, какъ онъ самъ его описываетъ. Плѣнники, бояринъ Шереметевъ, стольникъ князь Ромодановскій и всѣ другіе отпускаются на окупъ и на размѣну. 7) Султанъ и ханъ не должны помогать непріятелямъ царскимъ.—Ханъ, выслушавъ статьи, сказалъ, что онѣ написаны разумно и ему годны. Поѣхалъ гонецъ въ Константинополь и привезъ согласіе султана на условія. Но когда дѣло дошло до шерти, то Тяпкинъ и Зотовъ увидали, что шертная грамота написана иначе, очень сокращенно, съ пропускомъ цѣлыхъ статей—о Запорожьѣ, о свободномъ плаваніи по Днѣпру. Посланники объявили, что они такой грамоты не примутъ. Татары, въ отвѣтъ, закричали: «или вы государей нашихъ учить пріѣхали и свои упрямые обычаи и лишнія слова писать? возьмете и не въ честь, что̀ вамъ изволитъ написать и дать ханово величество, потому что всякій государь воленъ на своемъ государскомъ престолѣ и дѣлаетъ что хочетъ, а вы насъ не учите и намъ не указывайте! А если заупрямитесь и грамотъ не примете, то грамоты посланы будутъ къ вашему государю съ ханскими послами, а васъ, за ваше упрямство, велятъ держать въ кандалахъ и зашлютъ въ вѣчную неволю.» Посланники отвѣчали, что они такой шертной грамоты принять не смѣютъ, пошлютъ гонца въ Москву и будутъ дожидаться, что̀ великій государь имъ укажетъ. Хану доложили объ этомъ и принесли отвѣтъ, что по приказу султана посланниковъ велѣно отпустить немедленно въ Москву съ шертными грамотами. Тутъ посланники объявили, что они готовы къ отпуску и шертныя грамоты примутъ по неволѣ: будутъ ли эти грамоты царскому величеству годны и къ содержанію перемирныхъ договоровъ крѣпки, о томъ великому государю какъ Богъ извѣститъ.

4 марта близъ Бакчисарая, на полѣ, въ шатрахъ, Тяпкинъ и

Зотовъ были на отпуску у хана. Мурадъ-Гирей, цѣлуя коранъ, говорилъ, что онъ и султанъ клянутся содержать мирное постановленіе непорочно двадцать лѣтъ; на посланниковъ и переводчиковъ надѣли золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказалъ имъ, чтобъ великій государь поскорѣе отправлялъ пословъ своихъ къ султану для подкрѣпленія договоровъ, а которыхъ статей нѣтъ въ его ханской шертной грамотѣ, тѣ будутъ внесены въ грамоту султанову: онъ, ханъ, объ этомъ писалъ уже къ султану и впредь писать будетъ. Наконецъ ханъ говорилъ съ свѣтлымъ и родостнымъ лицомъ: «когда царствующаго града Москвы достигнете и сподобитесь видѣть великаго государя своего пресвѣтлое лицо, то отъ нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между нимъ и султаномъ Турецкимъ, радѣніе въ мирныхъ договорахъ, откровенную передъ вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А вамъ счастливый путь!» Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли изъ шатра, провожали ихъ до лошадей беи, карачеи и мурзы, и прощались любовно; множество христіанъ и бусурманъ, заслышавъ о заключеніи мира, толпились у шатра и провожали посланниковъ радостными восклицаніями. Если въ Крыму такъ радовались заключенію мира, то еще больше радовались въ Россіи, и особенно въ Малороссіи. Во всѣхъ городахъ Малороссійскихъ, чрезъ которые проѣзжали посланники, были имъ торжественныя встрѣчи, встрѣчали духовенство съ крестами и святою водою, полковники, сотники и есаулы съ коннымъ войскомъ, съ знаменами, трубами и литаврами, сердюцкая пѣхота съ барабанами, мѣщане съ хлѣбомъ, солью и напитками; вездѣ принимали съ радостію, любовію и слезами, благодаря Бога за мирное постановленіе, кормили, поили, давали подводы. Въ Батуринѣ гетманъ Иванъ Самойловичь обнялъ посланниковъ отечески, съ великою любовію и радостными слезами, благодарилъ за любовь и совѣтъ къ писарю его Семену Раковичу, особенно благодарилъ и кланялся за то, что къ нему заѣхали и тѣмъ честь его гетманскую въ Малороссійскомъ народѣ прославили. На радостяхъ гетманъ задалъ большой пиръ; передъ замкомъ вовремя тостовъ гремѣли

пушки, музыка играла во весь обѣдъ. На отпускѣ гетманъ просилъ напомнить великому государю о Малороссіянахъ, перешедшихъ съ западной стороны Днѣпра на восточную, не имѣютъ они никакихъ хлѣбопитательныхъ промысловъ, кормитъ ихъ онъ, гетманъ, изъ своей шкатулы: чтобъ великій государь велѣлъ поселить ихъ въ Сумскихъ, Краснопольскихъ и другихъ слободскихъ угодьяхъ, на степныхъ рѣкахъ и дубравахъ; да чтобъ всѣмъ Малороссіянамъ, которые находятся подъ Бѣлогородскимъ разрядомъ, велѣлъ быть подъ его гетманскою властію и булавою въ вознагражденіе за западную сторону Днѣпра, которая теперь отошла къ Туркамъ.

Когда въ Крыму было все кончено, надобно было взять утвержденную грамоту и отъ султана. Для этого въ 1681 году отправился въ Константинополь дьякъ Возницынъ. Но Турки не захотѣли внести въ свою утвержденную грамоту статьи о Запорожьѣ, что оно принадлежитъ государю Русскому. Тщетно Возницынъ настаивалъ на внесеніе статьи и не хотѣлъ брать грамоты: визирь объявилъ рѣшительно, что посолъ или долженъ взять грамоту, или уѣхать безъ грамоты. Возницынъ обратился за совѣтомъ къ патріархамъ Константинопольскому, Іерусалимскому и Александрійскому, которые были всѣ тогда въ Царѣградѣ; патріархи присовѣтовали ему взять грамоту. Посолъ исполнилъ совѣтъ, но, принимая грамоту у визиря, протестовалъ: «я принимаю эту грамоту поневолѣ и повезу ее къ царскому величеству на произволеніе, не зная, будетъ ли она годна или нѣтъ»[195].

Царское величество произволилъ принять грамоту. Въ Москвѣ были очень довольны, избавившись отъ тяжелой и опасной войны съ пожертвованіемъ голой степи, ибо такой видъ имѣло тогда уступленное Туркамъ Заднѣпровье. Виновникъ этого запустошенія западной Украйны, виновникъ отдачи ея Туркамъ, Дорошенко жилъ покойно въ Москвѣ.

Въ октябрѣ 1679 года пріѣзжалъ къ нему дьякъ Бобининъ съ милостивымъ государевымъ указомъ: «извѣстно великому государю, что ему Петру въ кормахъ и питьѣ и въ конскомъ корму скудость: и потому великій государь пожаловалъ его, указалъ ему быть на Устюгѣ Великомъ воеводою.» Дорошенко

поклонился въ землю и спросилъ: «далеко ль этотъ Устюгъ отъ Москвы и каковъ городъ?»—«Отъ Москвы съ 600 верстъ и городъ славный, многолюдный,» отвѣчалъ дьякъ.—«Великій государь, сказалъ Дорошенко, обнадежилъ меня своею милостію, велѣлъ мнѣ быть со всѣми родственниками въ Сосницѣ, а послѣ приказалъ быть въ Москву на время. А какъ я видѣлъ царскія очи, и тогда премногою государскою милостію былъ обнадеженъ, указали мнѣ жить въ Москвѣ, дворъ мнѣ дали, кормъ и питье. Буду бить челомъ великому государю, чтобъ меня на воеводство посылать не изволилъ: у меня въ Малороссійскихъ городахъ три брата родные и родственники, какъ услышатъ, то не подумаютъ, что я отпущенъ на воеводство, а представится имъ, что я сосланъ въ ссылку, и будетъ оттого большое дурно на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Объявляю я объ этомъ, зная тамошнихъ народовъ нравы. Яненко великому государю измѣнилъ, передался Хмельниченку, и я не таю, что Яненко и Хмельниченко мнѣ родственники. Въ Сосницѣ у меня было оставлено много имѣнія; изъ этого имѣнія много взялъ гетманъ, много распропало, а если царское величество отпуститъ меня на воеводство, то и остальное все пропадетъ. И теперь я въ большомъ сомнѣніи, что изъ Сосницы и другихъ городовъ отъ сродниковъ моихъ недѣль съ шесть никакой вѣдомости ко мнѣ не было; а какъ я буду на такомъ дальномъ воеводствѣ, то и подавно всѣ отъ меня отступятся и писать ко мнѣ не будутъ за такимъ дальнимъ разстояніемъ.» Но послѣ Дорошенко одумался и взялъ Вятское воеводство.

Другая козацкая знаменитость скоро также сошла со сцены.

Въ сентябрѣ 1780 года пріѣхали въ Москву Запорожскіе посланцы, полевой полковникъ Щербиновскій и войсковой писарь Быхоцкій; они привезли извѣстіе, что Иванъ Сѣрко умеръ 1-го августа и на его мѣсто выбранъ Иванъ Стягайло. Быхоцкій въ тайномъ разспросѣ сказалъ: «Когда Сѣрко былъ кошевымъ, то отъ него никакого добра къ великому государю не было, а говорить явно никто ему о томъ не смѣлъ, для того, что чрезмѣру, или съ допущенія Божія, или какою его хитростію всѣ его боялися, и что замѣритъ, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того бы тотчасъ убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность, а еслибы на кого Сѣрко что-

нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыску смерть тутъ же въ кругу. Сѣрко не хотѣлъ добра великому государю, во-первыхъ за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири; во-вторыхъ, злобился на гетмана за то, что женѣ его и дѣтямъ была великая тѣснота и обида, за то, что отнялъ у Запорожья старинныя маетности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сѣрку посылки отъ Польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украйнѣ сдѣлать кровопролитіе. Послышавъ объ этомъ намѣреніи, король прислалъ къ нему изъ Бѣлой церкви попа; Сѣрко чрезъ этого попа обнадежился, послалъ къ королю сына своего и съ нимъ сотню козаковъ, отзываясь съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска послалъ по задесенью, Сѣрко же въ это время подъ королевскимъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда Малороссійскіе жители увидятъ на себя такую тѣсноту, а про Сѣрку услышатъ, что онъ служитъ королю, то начнутъ бунтъ, гетмана убьютъ, а Сѣрка провозгласятъ гетманомъ, обнадежась на то, что онъ чрезъ Польскаго короля отъ Турокъ и Татаръ дастъ имъ покой. Сила Божія не допустила этого намѣренія до совершенія, мы съ судьею Яковомъ Константиновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злаго намѣренія Сѣрко не допустили, не дали ему и съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною Турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сѣрко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить свое намѣреніе и началъ хворать, заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасекѣ своей, которая отъ сѣчи въ десяти верстахъ въ Днѣпровыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говорилъ козакамъ: «Слушайтесь меня, я человѣкъ старый и воинскій, знаю, что въ какое время дѣлать, и такъ вы добрыхъ молодцовъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь. Король присылалъ къ нему Волоха, именемъ Апостольца, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ; мы съ судьею узнали объ этомъ отъ Апо-

столца, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сѣрка, что̀ намъ прикажетъ, исполняли бы. Мы спрашивали у Сѣрка, зачѣмъ пріѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не объявилъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Не задолго передъ смертію Сѣрко велѣлъ себѣ сдѣлать гробъ и въ немъ ложился, говорилъ, что прежняго себѣ здоровья не чаетъ, и 1-го августа умеръ въ своей пасекѣ скоропостижно.»

Въ Сѣчь отправился царскій посланецъ Бердяевъ, повезъ подарки кошевому и старшинѣ, всему войску повезъ 500 золотыхъ червонныхъ, 150 половинокъ суконъ, по 50 пудъ пороху и свинцу. Бердяевъ пріѣхалъ на кошъ въ ноябрѣ и говорилъ на радѣ, чтобъ Запорожцы не держались впередъ противныхъ поступковъ, какіе дѣлали при Сѣркѣ, и чтобъ присягнули на вѣрность царскому величеству. —«Для чего намъ присягать? раздались въ отвѣтъ голоса. мы великому государю не измѣняли и измѣнять не хотимъ; а суконъ прислано намъ мало, подѣлиться нечѣмъ, не будетъ на человѣка и по полъаршину; на Донъ великій государь посылаетъ денегъ, суконъ и хлѣбныхъ запасовъ много; мы противъ Донскихъ козаковъ оскорблены.» Тутъ же на радѣ былъ гетманскій посланецъ Соломаха; онъ началъ говорить: «Гетманъ обѣщается присылать вамъ хлѣбные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вамъ въ годъ надобно; и денегъ будетъ присылать, изъ тѣхъ, что сбираются съ арендъ.»

Сталъ говорить кошевой: «Хотите или не хотите великому государю присягу дать? а я отъ себя дамъ, потому: прежде у бывшаго кошеваго атамана Ивана Сѣрка съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ была недружба и непослушанье и войску было худо, государева жалованья и отъ гетмана хлѣбныхъ запасовъ не приходило много лѣтъ.»

—«Есть намъ за что присягать! закричала толпа; къ вамъ старшимъ прислано государево жалованье большое; вы и въ Москву посылали бить челомъ себѣ о жалованьѣ, а чтобъ войску было жалованье, о томъ челомъ не били.» Кошевой хотѣлъ идти въ церковь присягать, но его не пустили; сильнѣе всѣхъ мутилъ войсковой писарь Петръ Гукъ, потому что ему не прислано подарковъ: но въ Москвѣ думали, что въ сѣчи

одинъ только писарь Быхоцкій, и дали ему подарки, не зная, что Быхоцкій былъ старый писарь, а на его мѣстѣ давно уже былъ Гукъ. На другой день послѣ заутрени собралась другая рада; Гукъ перемѣнился, началъ уговаривать козаковъ, чтобъ принесли присягу, и толпа пошла въ церковь цѣловать крестъ. Когда Бердяевъ возвратился, то въ Запорожье послали немедленно еще 50 половинокъ суконъ и жалованье Гуку[196].

Опасная Турецкая война, продолжавшаяся во все почти царствованіе Θеодора, разумѣется, должна была имѣть вліяніе на отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Съ Швеціею шли прежніе споры вслѣдствіе пограничныхъ столкновеній; но тщетно Данія убѣждала Русское правительство разорвать миръ съ Швеціею: гроза на югѣ не давала возможности думать о войнѣ на сѣверѣ. Отказавшись отъ предложеній Датскихъ относительно Швеціи, Московскій дворъ попытался было отвлечь отъ Россіи силы Турціи, воруживъ противъ нея Австрію: бояринъ Бутурлинъ ѣздилъ въ Вѣну склонять императора къ разрыву съ Турціею, но получилъ отказъ, подъ предлогомъ враждебныхъ отношеній Австріи къ Франціи и бездѣйствія Польши[197]. Но если съ западными державами можно было вести дѣло путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то на востокѣ съ степными хищными ордами это средство было недѣйствительно, тѣмъ болѣе, что тамъ же въ степи жили козаки, которые не спрашивались съ государствомъ, когда имъ надобно было добыть зипунъ или отомстить за обиду. Мы видѣли[198], что новые кочевые сосѣди Россіи, Калмыки, волею-неволею должны были признать надъ собою власть великаго государя и ходить на помощь Русскимъ войскамъ. Правительству нужно было поэтому щадить ихъ, и въ 1677 году въ Москвѣ съ неудовольствіемъ узнали, чта между Калмыками и Донцами началась ссора. Съ разныхъ мѣстъ по Волгѣ начали приходить вѣсти, что козаки ходили громить Калмыцкіе улусы. Стрѣлецкіе сотники погнали для провѣдыванія; наѣдутъ козаковъ, спрашиваютъ: зачѣмъ ходили на Калмыковъ, по какому указу? Козаки, которые подобросовѣстнѣе отвѣчаютъ: «Государева указа у насъ нѣтъ, чтобъ за Калмыками войною ходить, но Калмыки чинятъ намъ обиды большія, и мы, не хотя отъ нихъ обиды терпѣть, со-

брались да и пошли на нихъ войною, а не для ради иного воровства.» Другіе, менѣе добросовѣстные, отвѣчаютъ: «Мы ходили на Калмыцкіе улусы войною по указу великаго государя, а тотъ указъ у насъ на Дону въ войскѣ.» Разумѣется, на Дону никакого указа не было, а былъ указъ въ Астрахани, по которому тамошніе воеводы отправили голову конныхъ стрѣльцовъ Змѣева вверхъ по Волгѣ остановить козаковъ и поворотить ихъ назадъ на Донъ. Выше Чернаго Яру Змѣевъ встрѣтилъ 22 лодки, въ нихъ 245 козаковъ съ атаманомъ Игнатьевымъ. Змѣевъ объявилъ имъ указъ великаго государя — на Калмыцкіе улусы войною не ходить, поворотиться въ свои козацкіе городки и жить съ Калмыками въ миру, потому что они служатъ великому государю. Козаки отвѣчали: «Вышли мы на Волгу рѣку на Калмыцкіе улусы для того: въ нынѣшнемъ году приходили подъ многіе наши козачьи городки Калмыцкіе люди войною, женъ и дѣтей многихъ въ полонъ взяли, стада отогнали; и мы ходили на нихъ войною по многимъ задорамъ, хотѣли у нихъ отбить изъ полону женъ, дѣтей и стада, и отбили только со 150 лошадей, а женъ и дѣтей своихъ въ улусахъ нигдѣ не застали, и хотѣли было еще на Калмыцкіе улусы идти, чтобъ отбить женъ и дѣтей и остальныя стада, но теперь, слыша великаго государя указъ, на Калмыцкіе улусы не пойдемъ, поворотимъ въ свои козачьи городки.» И дѣйствительно поворотились. Въ январѣ слѣдующаго 1678 года вѣрный слуга царскій, князь Каспулатъ Муцаловичь Черкаскій, писалъ къ государю, что ѣздилъ онъ въ Калмыцкіе улусы, къ Аюкѣ и другимъ тайшамъ звать ихъ на государеву службу на Крымъ, но Аюка сказалъ, что на службу нейдетъ за разореньемъ отъ Донскихъ и Яицкихъ козаковъ, которые людей у нихъ побили, женъ и дѣтей побрали. Царь немедленно отправилъ князю Каспулату приказъ ѣхать въ Калмыцкіе улусы и помирить Калмыковъ съ Донскими козаками.

На Волгѣ Донцы поворачивались назадъ, услыхавъ указъ великаго государя; но на Яикѣ сильно пахло Разинскимъ духомъ. Въ іюлѣ 1677 года, въ Москвѣ получена была вѣсть, что воровскіе козаки, вышедшіе изъ Яицкихъ городковъ подъ начальствомъ Васьки Касимова, взяли на Яикѣ городокъ Гурьевъ

(названный такъ по имени строителя Михайлы Гурьева), государеву казну, пушки, свинецъ и порохъ забрали и расположились на Каменномъ островѣ въ устьѣ Яика; Астраханскій воевода, князь Константинъ Щербатовъ выслалъ противъ нихъ 800 стрѣльцовъ въ пятнадцати стругахъ; но въ Москвѣ вспомнили о Разинѣ и сильно испугались, выслали въ Астрахань боярина Петра Михайловича Салтыкова съ приказомъ идти съ великимъ радѣньемъ и поспѣшеньемъ, неоплошно, для того, что въ Астрахани малолюдно и надъ воровскими людьми промышлять не кѣмъ. Голова Казанскихъ стрѣльцовъ Мамонинъ нагналъ воровъ на морѣ и поразилъ. Воры въ числѣ 230 человѣкъ (въ томъ числѣ 40 раненыхъ), пристали къ Трухменскому берегу, но Трухменцы прогнали ихъ, и они объявились у Персидскаго берега на островѣ Сары, на которомъ стоялъ и Стенька Разинъ; живя на островѣ, они выѣзжали на море воровать; но шахъ послалъ на нихъ ратныхъ людей, съ которыми у нихъ опять былъ неудачный бой. Въ концѣ года воры явились подъ Бакою въ четырехъ стругахъ, но тутъ ихъ выкинуло на берегъ 29 человѣкъ, которые забраны жителями и отвезены къ Шамахинскому хану.

Мы видѣли волненія Башкиръ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; при Ѳеодорѣ волненія возобновились, тѣмъ болѣе, что война Россіи съ Турціею не могла не отозваться между мусульманскимъ народонаселеніемъ степей. Въ началѣ 1679 года изъ Верхотурья дали знать въ Москву, что крестьянскій садчикъ (призывавшій и селившій, садившій крестьянъ) и прикащикъ одной изъ слободъ Араповъ, былъ въ Кунгурскомъ уѣздѣ въ Татарской деревнѣ для разныхъ покупокъ; въ эту деревню при немъ пришло къ Татарамъ десять человѣкъ Башкирцевъ и говорили между собою, что на весну они будутъ воевать Кунгуръ, Сибирскія слободы и подгороды; Башкирцы говорили: «Чигиринъ Турки и Крымцы взяли и государевыхъ людей побили, и мы будемъ воевать, потому что мы съ ними одна родня и душа.» Араповъ извѣщалъ, что всѣ Татары и Башкирцы кормятъ лошадей, луки и стрѣлы дѣлаютъ, и ружья у нихъ много, у всякаго человѣка по двѣ и по три пищали винтовки. Вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно Татары явились на

лыжахъ подъ Кунгуръ, взяли острогъ и деревни вырубили. Лѣтомъ 1680 года получены были извѣстія, что Калмыцкій тайша Аюка заключилъ миръ съ Крымскимъ ханомъ, отпустилъ 1.000 человѣкъ своихъ улуснисовъ въ Крымъ, и двѣ тысячи отправилъ подъ Русскіе украйные города, извѣщали, что Аюка хочетъ помириться и съ Уфимскими Башкирами, чтобъ вмѣстѣ съ ними ходить войною подъ козачьи городки, подъ Самару и другіе украйные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ больше трехъ тысячъ Татаръ, Калмыковъ и Черкесъ явились подъ Пензою, сожгли посадъ и ушли въ степь. Башкиры также начали перевозиться за Волгу съ луговой стороны на Ногайскую. Въ 1681 году по Тоболу неслись слухи, что Башкиры выѣхали всѣ изъ улусовъ вооруженные, остались только тѣ, которые сидѣть на коняхъ не могутъ.

Въ южной Сибири продолжалась борьба съ Киргизами, которые осенью 1679 года опустошали Томскій уѣздъ, будучи подведены измѣнниками, государевыми ясачными людьми. Конные и пѣшіе козаки выступили противъ разбойниковъ, поразили ихъ и отняли добычу, съ потерею пяти человѣкъ своихъ. Въ то же время другая большая толпа Киргизовъ приступала къ Красноярску и къ острожкамъ его уѣзда; крѣпостей взять имъ не удалось, но 16 деревень было сожжено; Тубинцы соединились съ Киргизами; это озлобило Красноярскихъ дѣтей боярскихъ и козаковъ: они взяли Тубинскихъ аманатовъ, вывели за городъ и разстрѣляли въ виду ихъ родичей. Узнавши объ этомъ, государь велѣлъ Красноярскаго воеводу Загрязскаго посадить въ тюрьму на день, зачѣмъ выдалъ аманатовъ служилымъ людямъ, а служилымъ людямъ велѣлъ сказать: «довелись изъ нихъ лучшіе люди за ту вину, что аманатовъ разстрѣляли, смертной казни; но для нынѣшней ихъ службы и разоренія мы ту вину велѣли имъ отдать; и они бы, видя нашу такую премногую милость, намъ служили и у Тубинскихъ князцовъ аманатовъ взяли добрыхъ родовъ.»

На сѣверѣ Самоѣды не хотѣли платить ясака; когда лѣтомъ 1679 года ясачные сборщики пріѣхали въ старый Мангазейскій городъ, то къ нимъ явился Самоѣдскій князецъ Ныла и бросилъ на землю ясакъ—76 песцовъ, тогда какъ прежде пла-

тили соболями и бобрами. «Давайте ясакъ по прежнему», сказали ему сборщики. Въ отвѣтъ Ныла крикнулъ своимъ родичамъ: «Промышляйте надъ ними!» Самоѣды бросились съ ножами на сборщиковъ, но тѣ оттолкнули ихъ, схватили Нылу и убили; родичи его бѣжали изъ города, но, собравшись съ силами, начали приступать къ нему; Русскіе отбивались отъ нихъ три дня и три ночи; осажденныхъ выручили двое Самоѣдскихъ же князьковъ, которые ударили на своихъ и отбили ихъ отъ города. Другіе Самоѣды осаждали Обдорскій городокъ и свирѣпствовали противъ своихъ, не хотѣвшихъ дѣйствовать за одно съ ними противъ Русскихъ.

На востокѣ поднимались то Якуты, то Тунгусы. Изъ Верхневилюйскаго зимовья ясачный сборщикъ далъ знать Якутскому воеводѣ, что разныхъ родовъ ясачные Тунгусы стояли съ мѣсяцъ около зимовья, хотѣли побить козаковъ и зимовье взять. Еще осенью 1675 года Якуты убили нѣсколько Русскихъ промышленниковъ, и заводчикомъ оказался родоначальникъ Балтуга, Якутъ Ярканской волости. Къ нему отправлены были для разговору двое козаковъ да нѣсколько мирныхъ Якутовъ; но одинъ изъ козаковъ былъ убитъ самымъ варварскимъ образомъ. Якутскій воевода послалъ на Балтугу отрядъ изъ Русскихъ и мирныхъ Якутовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Балтуга прислалъ аманатовъ, двоихъ дѣтей—сына и племянника своего, и объявилъ, что самъ придетъ когда захочетъ; если же Русскіе люди и Якуты пойдутъ на него войною, то онъ всѣхъ побьетъ и станетъ драться до послѣдняго ребенка, а живой Русскимъ людямъ не дастся; мирныхъ Якутовъ уговаривалъ, чтобъ они къ Русскимъ не приставали и на него войною не ходили, если же пойдутъ, то онъ и ихъ побьетъ вмѣстѣ съ Русскими. Но смѣлость не была въ уровень съ силами. Якутскій патріотъ принужденъ былъ бѣжать передъ врагами его свободы, и раненый былъ схваченъ и привезенъ въ Якутскъ. Туда же привезли изуродованный трупъ козака, убитаго Якутами. Это зрѣлище взволновало Якутскихъ служилыхъ людей и они подали челобитную: «Посылаютъ насъ на твои, великаго государя, службы и для ясачнаго сбора, и въ посылки за измѣнниками въ походы ходимъ: и твои измѣнники, ясачные и

неясачные иноземцы, насъ побиваютъ до смерти и наругательство чинятъ многое, груди вспарываютъ, сердце вынимаютъ, руки обсѣкаютъ, глаза выкапываютъ. Божіею милостію измѣнника Балтугу съ родниками поймали въ бою, и на поимкѣ онъ многихъ служилыхъ людей переранилъ. Милосердый государь! вели своему воеводѣ тѣмъ измѣнникамъ по соборному уложенью указъ учинить.» Братъ убитаго козака не вытерпѣлъ, подошелъ къ раненому и связанному брату Балтуги и прокололъ его копьемъ до смерти. Воевода приговорилъ бить его кнутомъ на козлѣ: не бей самовольствомъ пойманныхъ и связанныхъ! градскіе всѣхъ чиновъ люди упросили вмѣсто кнута бить батогами; но служилые люди оскорбились, что ихъ братью наказываютъ за измѣнниковъ и подали другую челобитную: «ходимъ мы промышлять по великой рѣкѣ Ленѣ и по Витиму и по инымъ стороннимъ рѣкамъ, съ нашихъ промысловъ въ твою великаго государя казну сбирается со всякаго звѣря десятая, и съ отпуску денежная казна; а теперь иноземцы Якуты и Тунгусы насъ, сиротъ твоихъ, грабятъ, огнемъ жгутъ и убиваютъ вмѣсто свиней, разорили насъ въ конецъ и промыслы всѣ остановили, а мы отъ нихъ оборонятъся не смѣемъ, боясь отъ тебя казни, и намъ впредь на промыслы ходить никакъ нельзя, а твоей казнѣ въ томъ учинится недоборъ и поруха великая.» Воевода, выслушавъ челобитье служилыхъ людей, пріискалъ въ соборномъ уложеніи главу объ измѣнникахъ, нашелъ, что ихъ должно казнить смертью, и послалъ за указомъ въ Москву. Здѣсь было принято искони — приводить иноземцевъ подъ государеву высокую руку ласкою, а не жесточью; притомъ здѣсь хорошо знали, что служилые люди часто сами выводятъ изъ терпѣнія иноземцевъ, и потому пришелъ указъ: великій государь Балтугу въ винѣ простилъ для своего многолѣтняго здоровья и для поминовенія отца своего, смертью казнить не велѣно, велѣно бить кнутомъ на козлѣ нещадно и дать на поруки. Но въ слѣдующемъ же году поруки, 20 человѣкъ ясачныхъ Якутовъ подали челобитную, что Балтуга съ родичами свою братью Якутовъ бьетъ, грабитъ, насильства всякія чинитъ и ясака не платитъ.

Несмотря на появленіе здѣсь и тамъ сильныхъ духомъ родо-

начальниковъ между дикарями, имъ не сладить было съ Русскими людьми, роды были слишкомъ ничтожны, разбросаны на огромныхъ пространствахъ и враждебны другъ другу: вспыхнетъ возстаніе, для его подавленія пойдутъ Русскіе люди, ихъ ничтожная часть, человѣкъ пятнадцать, но съ ними толпа покорныхъ туземцевъ, которые идутъ усмирять своихъ; осадятъ дикари въ острожкѣ Русскихъ людей: на выручку къ послѣднимъ спѣшатъ другіе дикари. Подчиненіе огромныхъ пространствъ сѣверной Азіи не могло быть слѣдовательно трудно для Русскихъ; туземцы жили при такихъ формахъ быта, при которыхъ племена бываютъ не слишкомъ щекотливы при наложеніи на нихъ дани сильнѣйшимъ; предки покорителей Сибири были посильнѣе природою Якутовъ, Тунгусовъ и Бурятъ, однако и они въ IX вѣкѣ, живя въ такомъ же разъединеніи по родамъ, платили дань первому, кто съ нихъ ее требовалъ съ оружіемъ въ рукахъ, поднимались только тогда, когда какой-нибудь Игорь хотѣлъ брать двойную дань, какъ волкъ повадившійся къ овцамъ. Къ несчастію, такихъ Игорей было много въ Сибири въ описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчиненіе туземцевъ, поднимали возстанія, заводили кровь, по старинному выраженію.

Осенью 1677 года на Уракѣ ясачные Тунгусы перебили козаковъ, шедшихъ изъ Якутска въ Охотскъ, взяли пушку, ручное оружіе, товарную казну, и отпустили въ Охотскъ плѣнную козачью жену, наказавши ей: «поди, скажи приказному Петру Ярыжкину, что мы перебили козаковъ за налоги и обиды ясачнаго сборщика Юрія Крыжановскаго: бралъ съ насъ соболи добрые и рыси и олени, съ человѣка соболя по четыре и по пяти, и малыхъ ребятъ у насъ всѣхъ выискалъ и велѣлъ за нихъ приносить по соболю; бралъ у насъ соболей и оленей силою и плевалъ намъ въ глаза: что де мнѣ мало носите, то выручу!»

Но Тунгусы не ограничились этою местію. Заводчикомъ мятежа былъ уже знакомый намъ Зелемей[199]: онъ распустилъ слухъ между своими, что въ Якутскѣ всѣ козаки умерли, осталось только двое живыхъ, послать въ Охотскъ некого, и потому время надъ нимъ промышлять. По этой Зелемеевой сказкѣ

собралось Тунгусовъ человѣкъ съ 1.000 и осадили Охотскъ. Ярыжкинъ послалъ толмача перекликаться съ Зелемеемъ: «Что васъ много очень пришло и кругомъ вы острога обошли? Ступай въ Охотскъ и съ приказнымъ человѣкомъ переговори, не опасаясь ничего!» — «Въ острогъ нейду, отвѣчалъ Зелемей, ясаку у насъ нѣтъ, а зачѣмъ мы пришли, увидите сами.» Тунгусы пошли валомъ на приступъ. Крыжановскій не успѣлъ уйти въ острогъ, Тунгусы осадили его въ его домѣ, у избы окно выломали, подъ стѣну огня наклали, засѣли въ козачьихъ домахъ, находившихся за острогомъ, и начали стрѣлять въ острогъ изъ-за дворовъ, стрѣлы полетѣли на острогъ со всѣхъ сторонъ, точно комары. Между тѣмъ Крыжановскій вопилъ о помощи, Ярыжкинъ сдѣлалъ вылазку и выручилъ его, отогналъ Тунгусовъ отъ Охотска. Приступъ не повторялся. Началось дѣло о Крыжановскомъ (плѣнномъ Полякѣ, брата его звали Казимиромъ — происхожденіе ясно!). На него показали, что онъ приправочныя и ясачныя книги держалъ у себя на дому, ночью пріѣзжали къ нему Тунгусы прежде ясачнаго платежа, онъ отбиралъ у нихъ лучшіе соболи себѣ, а въ казну плохіе, бралъ у иноземцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло. Попался и Ярыжкинъ въ казнокрадствѣ и насиліяхъ своимъ и чужимъ. Обоихъ велѣно бить кнутомъ нещадно, сослать въ Даурскіе острожки и ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Но преемникъ ихъ въ Охотскѣ, Данило Бибиковъ, не задумался пойдти по ихъ слѣдамъ: вѣшалъ Тунгусовъ, билъ кнутомъ, рѣзалъ уши и носы, приказывалъ Тунгусамъ при платежѣ ясака лучшіе соболи прятать въ пазуху и подъ полу и потомъ отдавать ему. Бибиковъ не дождался наказанія изъ Москвы: его не дорогѣ изъ Охотска въ Якутскъ подстерегли Тунгусы въ 1680 году и убили вмѣстѣ со всѣмъ отрядомъ Русскихъ людей.

Въ Нерчинскѣ на приказнаго человѣка Шульгина поднялись не туземцы, но Русскіе служилые люди: Шульгинъ за взятки выпускалъ Бурятскихъ аманатовъ, которые потому измѣняли, уходили въ Монголію; но женъ аманатскихъ не выпускалъ: онѣ были ему надобны; подучалъ однихъ Бурятъ отгонять табуны у другихъ и дѣлился добычею съ хищниками; скупалъ хлѣбъ, курилъ изъ него вино, варилъ пиво, продавалъ, а другимъ ѣсть

было нечего по дороговизнѣ хлѣба, питались травою и кореньями; билъ служилыхъ людей кнутомъ и батогами, велѣлъ брать въ руку батоговъ по пяти и по шести. Служилые люди вышли изъ терпѣнія, послали челобитчиковъ въ Москву; но до Москвы далеко, когда-то придетъ указъ? и, въ ожиданіи указа, служилые люди распорядились сами: отказали Шульгину отъ съѣзжей избы и выбрали къ государеву дѣлу одного сына боярскаго да десятника козачья[200].

При тяжелой и опасной войнѣ съ Турками, при волненіяхъ степныхъ варваровъ, при несовершеннолѣтнемъ и больномъ царѣ, при смутѣ во дворцѣ, Московское правительство, волею-неволею, какъ могло, должно было заниматься важными вопросами внутренними, потому что время не терпѣло. Въ самомъ началѣ царствованія Ѳеодора опять поднялся старый вопросъ, отцовскій и дѣдовскій, вопросъ о торговлѣ иностранцевъ въ Россіи и черезъ Россію. Мы видѣли, что при царѣ Алексѣѣ заключенъ былъ договоръ съ компаніею Персидскихъ Армянъ, которые обязались доставлять въ Россію весь шелкъ, добываемый въ Персіи. Но Армяне не исполнили обязательства; а между тѣмъ Голландскій посланникъ фанъ Кленкъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ позволено было Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россіи, и пропускать Персіянъ черезъ Россію съ шелкомъ сырцомъ въ Голландію. По обычаю, позвали гостей передъ бояръ, читали имъ договорныя грамоты съ Армянами, переводы съ писемъ фанъ Кленка и спрашивали, какъ тому шелковому промыслу противъ посольскихъ писемъ впредь состояться? Гости отвѣчали: «Персіяне и Армяне своего договора не исполнили, всего своего шелка въ Россійское государство не привезли, но прежними путями весь лучшій шелкъ и теперь отпускаютъ, поэтому прибыли отъ шелковаго промысла нечего надѣяться. Если Голландскій посолъ проситъ, чтобъ Голландцамъ торговать съ Персіянами въ Россійскомъ государствѣ и пропускать Персіянъ черезъ Россію въ Голландскую землю, обѣщая оттого Россійскому государству въ торгахъ многое процвѣтаніе, то должно ему вмѣсто цвѣта явить самый плодъ и договоръ теперь же заключить, чтобъ шелкъ сырецъ, сколько его ни будетъ привезено изъ Персіи, принимать Голландцамъ

у Архангельска изъ казны великаго государя и у купецкихъ людей по уговорной цѣнѣ, противъ того, какъ у нихъ Голландцевъ и другихъ иноземцевъ заключенъ договоръ насчетъ того шелка, что идетъ изъ Персіи черезъ Турцію. А если договора заключить не захочетъ, то ясно, что никакой онъ прибыли Россійскому государству не желаетъ, только умышляетъ оставить въ Россійскомъ государствѣ тѣхъ прибылей цвѣтъ, а плоды этихъ цвѣтовъ хочетъ привлечь въ свою землю и Россійскимъ купецкимъ людямъ убытокъ сдѣлать, потому что будутъ Голландцы торговать съ Персіянами между собою — прибыль между ними и останется. Можно такъ сдѣлать: пусть Русскіе люди и Голландцы торгуютъ въ Россіи съ Персіянами и Армянами вмѣстѣ два года, и если въ эти два года государевой казнѣ порухи, а купецкимъ Русскимъ людямъ утѣсненія не объявится, то и впередъ этому торгу быть прочну; но и это опасно: Голландцы нарочно въ два года никакого притѣсненія намъ не сдѣлаютъ, чтобъ договоръ подтвердили, а какъ подтвердятъ, тутъ они насъ всѣхъ отъ торгу отлучатъ, и завладѣютъ одни такъ, какъ въ Восточной Индіи завладѣли золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себѣ пріобрѣтаютъ, а тамошнихъ жителей привели до скудости. Лучше всего оставить прежній второй договоръ съ Армянами[201], чтобъ они торговали шелкомъ съ Русскими купецкими людьми повольною цѣною, а чего у нихъ Русскіе люди не докупятъ, то принять въ казну съ уплатою изъ нея деньгами и товарами. Если же они и этого договора исполнять не захотятъ, то позволить имъ торговать въ Архангельскѣ съ иностранцами. Хотя отъ этого Русскимъ купецкимъ людямъ въ торгахъ и будетъ какая помѣшка, однако все не такъ, какъ если позволить иностранцамъ торговать между собою во всемъ Россійскомъ государствѣ, или отпускать ихъ чрезъ Россійское государство за море»[202]. Тогда же царь, поговоря съ патріархомъ, указалъ боярамъ и бояре приговорили — подтвердить постановленіе царя Алексѣя, состоявшееся въ 1647 году, чтобъ Греки торговали только въ Путивлѣ, при чемъ выставлены и причины, побудившія къ этому: сначала пріѣзжали изъ Палестинъ Греческія власти, привозили съ

собою многоцѣлебныя мощи и чудотворныя иконы, а ихъ братья, торговые Греки пріѣзжали самые знатные люди и привозили съ собою дорогіе товары самые добрые; а теперь духовнаго чина никто не пріѣзжаетъ, начали пріѣзжать Греки самые незначительные и не для прямаго торга, у которыхъ объявятся товары, и тѣ худые, вмѣсто алмазовъ и другихъ дорогихъ камней поддѣланныя стекла; да изъ нихъ же многіе начали воровать, товары провозить тайно, а иные поддѣлываютъ заочно воровскія кабалы, торгуютъ виномъ и табакомъ[203].

Замѣчательнѣйшія постановленія царствованія Θеодорова относятся преимущественно къ послѣднимъ годамъ, когда царь возмужалъ и когда, по устраненіи Милославскихъ, Языковъ, Лихачевъ и Голицынъ получили главное вліяніе. Въ 1679 и 1680 годахъ отмѣнено членоотсѣченіе: «Которые воры объявятся въ первой или въ двухъ татбахъ, тѣхъ воровъ пытавъ и учиня имъ наказанье, ссылать въ Сибирь на вѣчное житье на пашню, а казни имъ не чинить, рукъ и ногъ и двухъ перстовъ не сѣчь, ссылать съ женами и дѣтьми, которые дѣти будутъ трехъ лѣтъ и ниже, а которые больше трехъ лѣтъ, тѣхъ не ссылать[204]. Въ 1677 году окопана была во Владимірѣ на торговой площади крестьянка Жукова, за то, что отсѣкла косою голову мужу своему; сутки пробыла она въ землѣ, какъ Владимірское духовенство подало челобитную, чтобъ преступницу вынуть изъ земли и постричь въ монастырь; государь велѣлъ исполнить челобитную. Въ 1682 году былъ такой же случай въ Москвѣ: двѣ преступницы были окопаны въ землю, и въ землѣ обѣщались постричься и злыхъ дѣлъ не творить: государь велѣлъ ихъ выкопать и постричь[205]. Въ 1680 году разосланы были во всѣ города грамоты, чтобъ въ приказныхъ избахъ и тюрьмахъ колодниковъ никого, ни въ какихъ дѣлахъ, многихъ дней не держали, рѣшали бы ихъ дѣла немедленно. Въ томъ же году издано было постановленіе: «Впредь тюремнымъ сидѣльцамъ влазнаго съ новоприводныхъ людей, которые посажены будутъ на тюремный дворъ и за рѣшетку, брать не велѣно»[206]. Въ 1681 году патріархъ разослалъ память: «Если мужья отъ женъ, а жены отъ мужей захотятъ постричься, то ихъ не постригать; а если жена отъ мужа пострижется, то

мужу ея другой жены не брать, также и женамъ, послѣ пострижения мужей, замужъ не выходить[207]. Въ 1679 году били челомъ служилые люди, что родственницы ихъ выданы за мужъ съ вотчинами, и мужья ихъ бьютъ и мучатъ, приневоливаютъ, чтобъ онѣ свои приданыя вотчины продавали и закладывали своими именами: состоялся указъ, чтобъ мужья не продавали и не закладывали вотчинъ женъ своихъ ихъ именами[208].

Въ 1680 году отмѣнена неприличная форма въ челобитныхъ: «чтобъ государь пожаловалъ, умилосердился какъ Богъ;» вмѣсто этого велѣно писать: «для приключившагося котораго праздника и для его государскаго многолѣтняго здравія.» Въ томъ же году изданъ патріаршій указъ: въ приказахъ допрашивать духовныхъ отцовъ только объ изустныхъ памятяхъ и завѣщаніяхъ, при нихъ сдѣланныхъ, а не о грѣхахъ кающихся[209].

Строгія мѣры, принятыя при царѣ Алексѣѣ противъ раскола, мало помогали. Въ 1677 году узнали въ Москвѣ, что по Дону и рѣчкѣ Медвѣдицѣ, въ козачьихъ юртахъ завелись жить старцы и попы и всякіе прихожіе люди въ пустыняхъ, печатныя книги, церковную службу и иконное письмо хулятъ, образамъ Божіимъ не поклоняются, много людей изъ Донскихъ городковъ къ себѣ подговариваютъ и крестятъ въ другой разъ. Воевода Волынскій, стоявшій съ войскомъ на Дону, отправилъ стрѣлецкаго сотника Григорова развѣдать о раскольникахъ. Григоровъ возвратился и донесъ, что на рѣкѣ Медвѣдицѣ никакой пустыни не нашелъ, а былъ въ пустыни Іевской на рѣчкѣ Чиру, пониже козачьяго городка Нижняго Чира: въ этой пустыни строителемъ черный попъ Іовъ, да чернецовъ 20 человѣкъ, а бѣльцовъ человѣкъ съ 30; служитъ Іовъ по старымъ книгамъ, а новоисправленныя хулитъ, говоритъ, будто въ нихъ все изронено.—Получивши это донесеніе, въ Москвѣ сдѣлали допросъ бывшему тогда здѣсь станичному атаману Панкратьеву, что за Іевская пустынь и гдѣ рѣка Чиръ? Панкратьевъ отвѣчалъ, что Іевская пустынь въ сторонѣ, на день ѣзды отъ города Чира, начали въ этой пустыни люди жить послѣ Разинскаго воровства, тому лѣтъ съ пять; въ войскѣ про пустынь знаютъ, что въ ней живутъ мущины и

женщины, дѣвки и ребята, но безъ указу государева войско надъ нею ничего дѣлать не смѣетъ, а если государь прикажетъ разорить, то сейчасъ разорятъ. Тому другой годъ какъ пришелъ на Донъ и поселился въ пустыни въ лѣсу на Крымской сторонѣ черный попъ да два человѣка простыхъ чернецовъ; эти простые чернецы съ попомъ поссорились, и, пришедши въ Черкаскъ, донесли войску, что попъ за великаго государя Бога не молитъ и имъ молить не велитъ. По этому извѣту атаманъ Михайло Самаринъ и все войско послали за попомъ и, приведя его въ Черкаскъ, сожгли по войсковому праву, и въ пустыни его теперь никто не живетъ. Волынскому посланъ былъ указъ разорить воровъ и церковныхъ противниковъ и впередъ нигдѣ имъ въ войскѣ пристанища не дать, пущихъ заводчиковъ прислать въ Москву, а остальныхъ наказать по войсковому праву, чтобъ впередъ такіе воры не множились и войску оттого присловья не было[210]. Въ то же время изъ Сибири приходили вѣсти, что въ Тюмени сынъ Калмыцкаго толмача Никита Елизарьевъ говорилъ: «Которыя церкви сгорѣли въ Тобольскѣ, и то были не церкви, костелы;» священниковъ называлъ псами. Призванный къ допросу раскольникъ объявилъ, что троеперстнымъ проклятымъ сложеніемъ не крестится; отецъ молодаго раскольника, толмачъ, пришелъ въ приказную избу и объявилъ, что четвероконечный крестъ антихристова печать. Обоихъ били кнутомъ нещадно и отдали на поруки. Въ Тюмени же въ 1677 году въ соборной церкви трое мущинъ и одна монахиня во время херувимской закричали: «Православные христіане! не кланяйтесь, несутъ мертвое тѣло и на просвирахъ печатаютъ крыжомъ, антихристовою печатью!» Крикуновъ взяли въ приказную избу, гдѣ они объявили, что пришли на Тюмень истинной вѣры изыскивать; ихъ били кнутомъ нещадно и посадили въ земляную тюрьму. Монахъ Даніилъ въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, завелъ пустынь, поставилъ часовню и кельи, пѣли вечерни, заутрени и часы, государя, царскій домъ, патріарха и Сибирскаго митрополита не поминали, православныхъ христіанъ называли еретиками; въ этой же пустыни старицы и дѣвки бились о землю и кричали, что видятъ пресвятую Богороди-

цу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются; слыша такую прелесть, многіе всякихъ чиновъ люди, оставя домы, имѣніе и скотъ, бѣгутъ въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригаются. Тобольскій воевода, бояринъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, послалъ отрядъ войска захватить Даніила, но войско вмѣсто пустыни нашло только кучи пепла: Даніилъ съ единомышленниками своими въ избахъ сожглись ночью, а другіе разбѣжались. Примѣръ Даніила подѣйствовалъ. Въ Мехонской слободѣ крестьяне, драгуны и бѣломѣстные козаки, собравшись съ женами и дѣтьми во дворъ къ драгуну Аврамову, наносили пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской прикащикъ началъ уговаривать ихъ, чтобъ отстали отъ своей прелести, и они было послушались; но дьячокъ Иванъ Ѳедоровъ, распопъ, своими рѣчами уничтожилъ дѣйствіе прикащиковыхъ словъ. Въ 1679 году въ Исетскомъ острогѣ крестьянинъ Бархатовъ, ходя по разнымъ мѣстамъ, проповѣдывалъ, что не должно ходить въ церкви. Бархатова поймали; но братъ его Гаврила съ двадцатью товарищами отбили пойманнаго, уѣхали въ деревню Мостовку, заперлись во дворѣ и объявили, что сожгутся. Къ нимъ поѣхалъ уговаривать капитанъ Поляковъ, раскольники потребовали сроку, срокъ былъ имъ данъ и они въ это время написали челобитную государю, написали, что заперлись, испугавшись приказныхъ людей, потому что приказный человѣкъ перехваталъ тѣхъ, которые засѣли въ Мехонской слободѣ и морилъ на морозѣ цѣлый день, просилъ по полтинѣ съ человѣка, люди бѣдные, дать было нечего, онъ ихъ распустилъ по домамъ, а женъ и дѣтей разогналъ, и они руки и ноги познобили. «Ей, ей, великій государь, не знаемъ за собою никакого вымысла злаго, но только держимся стараго благочестія и Никоновыхъ новопечатныхъ книгъ не принимаемъ, потому что тѣ книги съ прежними ни въ чемъ не согласуются. Да еще нудятъ насъ креститься тремя перстами, щепотью, да велятъ оставить истинный тричастный крестъ Христовъ. Если, государь, своего царскаго указа не пожалуешь намъ, и впередъ приказнымъ людямъ, закащикамъ и попамъ попустишь насъ бѣдныхъ разорять и къ новоизло-

женной вѣрѣ нудить, и мы къ тебѣ пишемъ и плачемъ, что и не подумаемъ принять новой вѣры и новопечатныхъ Никоновыхъ книгъ, на смертный часъ готовы, пострадать и въ огнѣ горѣть, какъ у Данилы священноинока пострадали; если не дадутъ намъ собираться, то мы каждый въ своемъ домѣ пострадаемъ, а отъ Христа не отстанемъ [211].

Такія вѣсти приходили съ Украйны, изъ Сибири, съ Дону; но вотъ и въ самой Москвѣ въ 1681 году, въ крещенье, Герасимъ Шапочникъ бросилъ съ Ивановской колокольни раскольничьи листы въ народъ; схваченный, оговорилъ Антона Хвораго, а этотъ оговорилъ Осипа Сабельника, у котораго въ домѣ пѣли часы, пекли просвиры и послѣ часовъ раздавали людямъ, которые ѣли и вмѣняли въ святость [212].

Въ томъ же 1681 году собрался церковный соборъ. Царь возвѣстилъ ему о дѣлахъ, которыя требуютъ исправленія: вначалѣ къ огражденію св. церкви, а потомъ на распространеніе христіанамъ, вопервыхъ о прибавкѣ вновь архіереевъ по городамъ вслѣдствіе умноженія церковныхъ противниковъ и о другихъ нуждахъ, требующихъ исправленія. Въ первомъ царскомъ предложеніи говорилось: каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископа, подвластнаго ему, а св. патріарху, отцамъ отцу, имѣть многихъ епископовъ. Соборъ отвѣчалъ: великому государю бьютъ челомъ митрополиты и архіепископы, назначить вновь въ пристойныхъ мѣстахъ, въ дальнихъ и многонародныхъ городахъ, архіереевъ особыми епархіями, а не подвластныхъ митрополитамъ, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было церковнаго разгласія, распри и высости, чтобъ въ такомъ нестроеніи не было св. церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны.

Во второмъ предложеніи говорилось: Изъ многихъ городовъ пишутъ, что многіе неразумные люди, оставя св. церковь, подѣлали въ домахъ своихъ мольбища, и, собравшись, совершаютъ противное христіанству, а на св. церковь износятъ страшныя хулы.—Соборъ въ своемъ отвѣтѣ молилъ государя отсылать этихъ раскольниковъ къ градскому суду.

Третье предложеніе: Въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ отъ предковъ государскихъ устроены монастыри на тихое и без-

молвное пристанище; на пропитаніе монахамъ даны многія села и деревни и всякое довольство, чтобъ всѣ имѣли пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чемъ, кромѣ душевнаго спасенія, а для престарѣлыхъ и больныхъ монаховъ устроены больницы. Но въ монастыряхъ теперь общаго пребыванія и больничнаго строенія нѣтъ, а гдѣ и есть, оттуда монахи, не хотя быть въ послушаніи, уходятъ въ другіе монастыри, этимъ монашеское крѣпкое житіе упразднилось. Также бы и хмѣльнаго питья въ монастыряхъ отнюдь не держать. Соборъ отвѣчалъ: Во всѣхъ монастыряхъ запрещаемъ держать пьянственное питье; архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ жить благочинно и братію къ благочинію наставлять, особой пищи и питья не держать, въ кельяхъ своихъ съ гостями особыхъ трапезъ не поставлять, ходить всякій день за общую трапезу, а въ кельяхъ пищи и питья не держать. Кто изъ мірскихъ людей пріѣдетъ по обѣщанію помолиться, дать ему упокоеніе по монастырскому чину, пищу и питье, чѣмъ братія питаются, въ гостиной кельѣ, и приставить искуснаго старца, кому за тѣмъ смотрѣть; особаго питья про гостей отнюдь не держать и отъ нихъ не принимать. Желающихъ спасенія мірскихъ людей бѣдныхъ принимать безвкладно съ разсмотрѣніемъ и постригать правильно, свободныхъ и не бѣглыхъ отъ законныхъ женъ и отъ господъ. Одежду имѣть настоятелямъ и братіи общую, давать ее изъ монастырской казны, а денегъ настоятелямъ изъ казны отнюдь не брать и братіи не давать. Престарѣлыхъ и немощныхъ старцевъ упокоивать въ больницѣ, заботиться, чтобъ не было имъ скудости въ пищѣ и питьѣ. Изъ монастырей въ монастыри монахамъ безъ повелѣнія архіерейскаго не переходить, изъ монастырей ихъ не отпускать, а непокорныхъ и строптивыхъ ослушниковъ смирять по монастырскому чину; приходящихъ монаховъ безъ повелѣнія архіерейскаго и безъ отпускныхъ не принимать. Архимандритамъ и игуменамъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ священники изъ монастырей въ домахъ мірскихъ людей мужескаго и женскаго пола не постригали и при смерти. А которые чернецы въ монастыряхъ не живутъ въ послушаніи и безчинствуютъ по

Москвѣ и въ городахъ, ходятъ по кабакамъ и корчмамъ, и мірскимъ домамъ, упиваются до пьяна и валяются по улицамъ: на такихъ безчинниковъ Троицкаго Сергіева монастыря власти должны возобновить бывшій Пятницкій монастырь, огородить его стоячимъ высокимъ тыномъ и построить четыре кельи съ сѣнями, въ этотъ монастырь безчинниковъ изъ Москвы ссылать. Женскаго пола которыя безчинно постриглись внѣ монастыря, въ домахъ своихъ, и теперь ходятъ по мірскимъ домамъ и садятся по улицамъ и переулкамъ, просятъ милостыни: для такихъ старицъ каждый архіерей долженъ построить по монастырю на счетъ какого-нибудь мужескаго монастыря съ вотчинами (потому что дѣвичьихъ монастырей мало съ вотчинами и прокормиться безъ вотчинъ въ монастыряхъ нечѣмъ), и выбрать къ нимъ изъ женскихъ монастырей старицъ добрыхъ, кому надъ ними начальствовать. По мужскимъ монастырямъ для всякаго строенія и вотчиннаго управленія мірскихъ людей не посылать, посылать архіереямъ отъ духовнаго чина добрыхъ и искусныхъ людей. Въ дѣвичьи монастыри, которые съ вотчинами, указалъ бы великій государь послать дворянъ старыхъ добрыхъ, для управленія вотчинами, чтобъ старицамъ изъ монастырей по деревнямъ не ѣздить и по мірскимъ домамъ не жить; быть этимъ дворянамъ въ послушаніи у архіереевъ, въ духовное управленіе между старицами и церковными причетниками дворянину не вступаться и ни въ чемъ не вѣдать. Мірскимъ людямъ вдовыхъ священниковъ въ домахъ своихъ не держать; а кому изъ великихъ людей нуженъ домовый священникъ, тотъ бьетъ челомъ архіерею, и архіерей благословляетъ священника не вдоваго. Вдовымъ попамъ и іеромонахамъ отнюдь не давать благословенія въ мірскихъ домахъ жить и службы церковныя совершать, потому что въ нынѣшнее время многіе попы и дьяконы живутъ безчинно и упиваются безмѣрнымъ пьянствомъ и церковныя тайны дѣйствуютъ пьяные.

По четвертому предложенію царя, соборъ постановилъ посвящать священниковъ въ зарубежныя мѣста по требованію православныхъ жителей. По пятому предложенію: такъ какъ въ

присягѣ за всякое нарушеніе долга службы церковь грозитъ страшною клятвою, вѣчною смертію, а между тѣмъ многіе люди грѣшатъ, особенно во всякихъ казенныхъ сборахъ, и тѣмъ убиваютъ себя вѣчною смертію, то великій государь изволилъ бы тѣмъ людямъ наложить свой указъ, прещеніе и страхъ по градскимъ законамъ. На осьмое предложеніе: которые монастыри окружены близко мірскими домами, тѣ перенести на другое приличное мѣсто.

Девятое предложеніе: по великаго государя указу въ Москвѣ о нищихъ разсмотрѣніе учинено и велѣно ихъ разобрать, странныхъ и больныхъ держать въ особомъ мѣстѣ со всякимъ довольствомъ отъ государевой казны: такъ чтобъ патріархъ и всѣ архіереи приказали также въ городахъ устроить пристанище нищимъ, а лѣнивые, здоровые пристали бы къ работѣ. Соборъ отвѣчалъ: да будетъ такъ. — Относительно этого разсмотрѣнія о нищихъ, о которомъ здѣсь говорится, сохранилось извѣстіе, что при царѣ Θеодорѣ велѣно было построить двѣ богадѣльни: одну въ Знаменскомъ монастырѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ за Никитскими воротами, чтобъ впередъ по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было.

Предложеніе десятое: чтобъ нищіе въ церквахъ, во время церковнаго пѣнія, милостыни не просили и тѣмъ въ церкви стоящимъ христіанамъ мятежа не чинили. Соборъ согласился. По предложенію одиннадцатому, соборъ постановилъ, чтобъ на церковныхъ земляхъ, которыя отданы подъ кладбища, духовенство избъ, лавокъ и анбаровъ не строило. По двѣнадцатому: запрещено во время храмовыхъ праздниковъ къ монастырскимъ и приходскимъ церквамъ припускать со всякими харчами и питьемъ. Предложеніе тринадцатое: многіе монахи и монахини, не хотя быть у наставниковъ своихъ подъ послушаніемъ, отходятъ изъ монастырей и селятся въ лѣсахъ, мало-по-малу прибираютъ къ себѣ такихъ же непослушниковъ и устрояютъ часовни, служатъ молебны, а потомъ бьютъ челомъ архіереямъ о грамотахъ на построеніе церквей на тѣхъ мѣстахъ, которыя называютъ пустынями, и въ пустыняхъ этихъ церковное пѣніе отправляютъ не по исправнымъ книгамъ, вслѣдствіе чего приходятъ къ нимъ многіе люди, селятся вблизи и считаютъ ихъ

страдальцами: отъ этого возрастаетъ на св. церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ челобитьемъ, чтобъ великій государь своихъ грамотъ о строеніи вновь пустынь отпускать не указалъ; они, архіереи, переведутъ эти пустыни въ монастыри, а на ихъ мѣстахъ устроятъ приходскія церкви. Предложеніе четырнадцатое: на Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ и на листахъ, и въ столбцахъ выписки, будто бы изъ книгъ божественнаго писанія, и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ этихъ письмахъ является многая ложь, а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, принимаютъ за истину и въ томъ согрѣшаютъ, особенно же выростаетъ отсюда на св. церковь противленіе. Соборъ отвѣчалъ, что для искорененія этого пусть государь укажетъ приставить особаго человѣка, а патріархъ также изберетъ особаго человѣка изъ духовныхъ; виновныхъ въ распространеніи такихъ сочиненій приводить въ патріаршій приказъ и чинить смиреніе, а на помощь выборнымъ людямъ давать стрѣльцовъ. По пятнатцатому предложенію постановлено: кто станетъ приносить книги прежнихъ печатей, тѣмъ выдавать новоисправленныя книги даромъ[213].

Въ то время, когда правительство хлопотало, чтобъ св. церкви не было противленія отъ раскола, пришли извѣстія, что Татарскіе мурзы, имѣя помѣстья и вотчины, населенныя христіанами, принуждаютъ послѣднихъ къ магометанству. Поэтому въ 1681 году изданъ былъ указъ: объ отпискѣ у мурзъ и Татаръ помѣстій и вотчинъ, населенныхъ христіанами, а испомѣстить ихъ иновѣрцами же, Мордвою; если мурзы и Татары крестятся, то оставить за ними прежнихъ крестьянъ, и давать имъ еще жалованье, да и Мордвѣ сказать, чтобъ они крестились всѣ, за что во всякихъ податяхъ получатъ льготы на шесть лѣтъ[214]. Въ февралѣ 1682 года подьячіе и приставы ѣздили по Татарскимъ деревнямъ и объявляли мурзамъ и Татарамъ, ихъ женамъ, вдовамъ, недорослямъ и дѣвкамъ указъ государевъ, чтобъ они упрямство свое отложили, во св. вѣру Греческаго закона крестились и били челомъ государю о помѣстьяхъ своихъ и вотчинахъ до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитенъ о помѣстьяхъ и вотчи-

нахъ не подадутъ, у тѣхъ помѣстья и вотчины и всякія угодья будутъ отняты и розданы тѣмъ мурзамъ и Татарамъ, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля [215].

Касательно областнаго управленія въ 1679 году отмѣнены были горододѣльцы, сыщики, губные старосты, ямскіе прикащики, осадные, пушкарскіе, засѣчные и житничные головы и присылавшіеся изъ Москвы сборщики; всѣ ихъ дѣла велѣно вѣдать воеводамъ, чтобъ впередъ градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ лишней тягости не было [216]. Въ слѣдующемъ году нашли неудобнымъ постановленіе царя Алексѣя о переносѣ дѣлъ изъ одного города въ другой по подозрѣнію на воеводу и отмѣнили его [217]. На первомъ планѣ по прежнему стояли денежные сборы: ни одного года города и уѣзды не выплатили денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, по 2 рубля съ четверти пашни, отговариваясь пустотою. Въ 1679 году бояре приговорили, вмѣсто стрѣлецкихъ денегъ, данныхъ, полоняничныхъ, четвертныхъ, ямскихъ, пищальныхъ, малыхъ ямщинъ и другихъ мелкихъ денежныхъ доходовъ, положить новый окладъ, который долженъ идти на жалованье стрѣльцамъ. Но и тутъ на первый же годъ явились недоимки, воеводы пишутъ, что посадскіе люди и уѣздные крестьяне стоятъ на правежѣ, но и съ правежа денегъ не платятъ за скудостію, за хлѣбнымъ неурожаемъ, за разными неокладными доходами, за десятою и пятнадцатою деньгою, сбиравшимися вслѣдствіе Турецкой войны, и бредутъ врозь въ Сибирскіе города. Велѣно прислать выборныхъ въ Москву и расспросить, отчего не платятъ? Выборные пріѣхали и объявили, что платить никакъ нельзя сполна. Вслѣдствіе этого въ 1681 году рѣшено брать стрѣлецкія деньги по новому окладу, передъ прежнимъ съ убавкою [218]. Эти стрѣлецкія деньги должны были собирать земскіе старосты съ товарищами и высылать въ Москву съ цѣловальниками. Но вопросъ не считали рѣшеннымъ, хотѣли принять какую-нибудь общую, рѣшительную мѣру, и, чтобъ взяться за дѣло получше, разузнать его пообстоятельнѣе, въ декабрѣ 1681 года вызвали въ Москву выборныхъ со всего государства, по два человѣка отъ каждаго города, которые должны были привезти съ собою окладныя книги, чтобъ узнать, сколько въ городахъ и волостяхъ луч-

шихъ, середней статьи и младшихъ людей, и по скольку человѣкъ въ годъ бываетъ во всякихъ службахъ и податяхъ. Въ томъ же 1681 году запрещено было по всей Россіи отдавать на откупъ таможни и кружечные дворы, велѣно имъ быть на вѣрѣ[219].

Молодой царь какъ будто торопился важными мѣрами, предчувствуя близкую кончину. Въ то время, какъ готовились къ финансовому преобразованію, князь Вас. Вас. Голицынъ съ выборными изъ разныхъ чиновъ служилыми людьми, по царскому порученію, разсуждали о необходимыхъ ратныхъ преобразованіяхъ. Но понятно, что съ первою мыслію о серіозномъ войсковомъ преобразованіи необходимо соединялась мысль объ уничтоженіи мѣстничества. Давно уже неудачныя войны заставили признать несостоятельность Русскаго войска и думать о преобразованіяхъ; выписали иностранныхъ офицеровъ и начали составлять Русскіе полки съ новымъ строемъ, съ новыми названіями; но сейчасъ же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхомъ рубищѣ мало помогаетъ. Какого, въ самомъ дѣлѣ, успѣха можно было ожидать на войнѣ при такихъ условіяхъ: назначутъ главнаго воеводу, наиболѣе способнаго, къ нему товарищей также способныхъ, и сейчасъ же пойдутъ челобитья, что товарищамъ нельзя быть вмѣстѣ съ воеводою: надобно или отставить главнаго воеводу и на его мѣсто назначить неспособнаго, но стараго боярина, отецкаго сына, съ которымъ вмѣстѣ быть можно, или отставить товарищей, опять людей способныхъ замѣнить неспособными, но такими, которымъ можно быть съ главнымъ воеводою. Единственный выходъ, къ которому правительство начало прибѣгать со временъ Грознаго,—это объявленіе передъ походомъ: «быть безъ мѣстъ,» объявленіе, что сдѣланныя для этого похода назначенія не будутъ принимаемы въ разчетъ при мѣстническихъ столкновеніяхъ. При царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что̀ необходимо пріучало къ мысли, что рано или поздно указъ: «быть всегда безъ мѣстъ», замѣнитъ повтореніе указа «быть безъ мѣстъ» передъ каждымъ походомъ. Неизбѣжное распространеніе новаго строя и на старые дворян-

скіе полки было естественнымъ побужденіемъ къ изданію такого указа.

II Турецкая война была ведена и кончилась не такъ, какъ бы хотѣлось; государство содержало болѣе 150.000 одного Великороссійскаго войска, но тягость этого содержанія не выкупалась успѣхомъ. Мысль о войсковыхъ преобразованіяхъ поэтому необходимо должна была усилиться. Виднѣе всѣхъ бояръ, доступнѣе всѣхъ новому по своей образованности и между тѣмъ членомъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ былъ князь Вас. Вас. Голицынъ. Ему-то государь указалъ вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ ратей устроенія и управленія, и съ нимъ у того дѣла быть выборнымъ стольникамъ и генераламъ, стольникамъ же и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ Эта, по нашему, коммиссія назначалась для того: «вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобъ имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріятелей пристойную осторожность и охраненіе и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалося на бояхъ не прибыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріятелями имѣются пристойны, и тѣмъ быть безъ перемѣны.»

Выборные указали на военное устройство, которое, по ихъ мнѣнію, будетъ прибыльнѣе, а именно: росписать служилыхъ людей по ротамъ, въ ротмистры и поручики назначитъ изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, изо всѣхъ родовъ и чиновъ съ головы безъ перемѣны, чтобъ были между собою безъ мѣстъ и безъ подбора, въ какомъ чинѣ великій государь быть укажетъ.—Государь согласился, составлены были списки ротмистрамъ и поручикамъ, но при этомъ выборные объявили: «по государеву указу они выборные люди, братья ихъ, дѣти и сродники написаны въ ротмистры и поручики; а Трубец-

кихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ, и другихъ родовъ въ тѣ чины никого теперь не написано, потому что за малыми лѣтами въ чины они не приказаны: такъ опасаются они, выборные люди, чтобъ послѣ отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ другихъ родовъ не было имъ и родамъ ихъ укоризны и попреку. И для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и полкахъ у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ между собою безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшки не было.»

Голицынъ доложилъ государю объ этомъ челобитьѣ выборныхъ людей. 12 января 1682 года Θеодоръ назначилъ чрезвычайное сидѣнье съ боярами, къ которому были приглашены патріархъ, архіереи и выборные начальники монастырей. Засѣданіе открылось чтеніемъ челобитья выборныхъ людей; когда чтеніе окончилось, началъ говорить царь: онъ распространился о своихъ обязанностяхъ слѣдовать во всемъ закону и примѣру Христа, заповѣдающаго любовь, потомъ перешелъ къ дѣлу: «злокозненный плевосѣятель и супостатъ общій дьяволъ, видя отъ такого славнаго ратоборства христіанскимъ народамъ тишину и мирное устроеніе, а непріятелемъ христіанскимъ озлобленіе и искорененіе, всѣялъ въ незлобивыя сердца славныхъ ратоборцевъ мѣстные случаи, отъ которыхъ въ прежнія времена въ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ происходила великая погуба, а ратнымъ людямъ отъ непріятелей великое умаленіе. Наша царская держава, разсмотря, какъ вредитъ это мѣстничество благословенной любви, какъ искореняетъ миръ и братское соединеніе, надъ непріятелемъ общій и пристойный промыслъ, разрушаетъ усердіе, особенно же какъ мерзко и ненавистно оно Всевидящему Оку, желаемъ, да божественный Его промыслъ, мира и благоустроенія виновникъ, своимъ

всесильнымъ повелѣніемъ оное разрушающее любовь мѣстничество разрушить изволитъ и отъ таковаго злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединить благоволитъ.» Далѣе государь привелъ примѣры дѣда своего и отца, которые уже заботились объ искорененіи мѣстничества, упомянулъ и о собственныхъ стараніяхъ уничтожить зло, и заключилъ вопросомъ: «по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью, всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ, или по прежнему быть съ мѣстами?»

На этотъ вопросъ отвѣчалъ патріархъ сильною выходкою противъ мѣстничества, отъ котораго «аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ нашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило, и благое начинаніе, яко возрастную пшеницу терніе подавляло и до благополучнаго совершенія къ воспріятію плодовъ благихъ не допускало, и не точію родъ, егда со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковоежъ враждованіе и ненависть содѣвались; и аще бы о всѣхъ тѣхъ противныхъ случаяхъ донести вашему царскому величеству, тобъ отъ тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе.»

Царь обратился съ вопросомъ къ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ; тѣ отвѣчали, чтобъ великій государь указалъ учинить по прошенію св. патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованія, а между ними богопротивное дѣло—великія продолжительныя вражды.» Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, всѣ эти просьбы о случаяхъ и записки о мѣстахъ изволяемъ предать огню, чтобъ злоба эта совершенно погибла и впередъ не поминалась, и соблазна бы и претыканія никто никакого не имѣлъ. У кого

есть разрядныя книги и записки, тотъ пусть присылаетъ ихъ въ разрядъ, мы всѣ ихъ повелимъ предать огню. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ въ приказахъ и у расправныхъ и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и всегда у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ между собою безъ мѣстъ, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаями не считаться, и никого не укорять и никому ни надъ кѣмъ прежними находками не возноситься.» На это всѣ присутствующіе отвѣчали: «да погибнетъ во огни оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки!»

Въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ разложили огонь и разрядныя книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патріархъ, обратясь къ свѣтскимъ членамъ думы, сказалъ: «начатое и совершенное дѣло впредь соблюдайте крѣпко и нерушимо, а если кто теперь или впредь оному дѣлу воспрекословитъ какимъ-нибудь образомъ, тотъ бойся тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и презиратель нашего благословенія.» Всѣ присутствующіе отвѣчали: «Да будетъ такъ!» Государь съ радостнымъ лицомъ сталъ хвалить ихъ за это, и объявилъ, что имъ и потомству ихъ на память велитъ въ Разрядѣ держать родословную книгу и въ домахъ своихъ такія родословныя книги могутъ они держать по прежнему. Въ награду имъ онъ велитъ эту родословную книгу пополнить недостающими въ ней именами, для чего велитъ взять у нихъ росписи за руками. Которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ были въ честяхъ, боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честяхъ, но съ царствованія Іоанна Васильевича и при его державѣ явились въ посольствахъ, полкахъ и городахъ воеводами и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, великаго государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать теперь въ особую книгу. А которые роды въ вышеписанныхъ честяхъ

и въ знатныхъ посылкахъ не были, а съ царствованія Михаила Θеодоровича и при немъ государѣ были въ полковыхъ воеводахъ и въ послахъ и въ посланникахъ и въ знатныхъ какихъ-нибудь посылкахъ и въ иныхъ честныхъ чинахъ и въ десятняхъ (въ войсковыхъ спискахъ) въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена также написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ. А которые въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а въ десятняхъ написаны въ средней и въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую книгу. А кто изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ или за свои написаны въ Московскіе чины, и тѣхъ имена написать въ особую же книгу по ихъ росписямъ, и быть всѣмъ во всѣхъ чинахъ безъ мѣстъ» [220].

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: какъ же это вдругъ сдѣлалось? легко, безъ всякаго сопротивленія отмѣненъ вѣковой обычай, отмѣненъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ людей, которые шли въ тюрьму и подъ кнутъ, отстаивая родовую честь? отмѣненъ не желѣзною волею Петра, но волею слабаго, умирающаго Θеодора? На этотъ вопросъ отвѣтимъ вопросомъ же: что̀ можно было возразить на слова царя и патріарха, порицавшихъ мѣстничество? Что̀ можно было привести въ защиту этого обычая? Всякій, при случаѣ, считалъ своею обязанностію отстаивать родовую честь, идти для этого въ тюрьму и подъ кнутъ, но при случаѣ, когда онъ зналъ, что слѣдствіемъ этого случая будетъ безчестье, позоръ и укоризны; такъ и въ послѣднемъ случаѣ служилыхъ людей росписали по новому въ разныя войсковыя должности, и они бьютъ челомъ, что члены другихъ родовъ въ эти должности не назначены, такъ не было бы имъ отъ нихъ послѣ безчестья и лучше всего уничтожить мѣста. Всѣ возставали при случаѣ, но за мѣстничество вообще, какъ за что-то полезное и нравственное, никому возстать было нельзя. Возстали съ непреодолимымъ упорствомъ за старыя книги, но потому что по нимъ молились отцы и дѣды, по нимъ спасались святые угодники и потому что авторитетъ нововводителей былъ заподозрѣнъ; но нельзя было отстаивать мѣстничество за то только, что предки изъ-

за него вовлекались въ богоненавистное, дьявольское дѣло, во вражду. Но если такъ, если мѣстничество само въ себѣ ни въ чьихъ глазахъ не могло имѣть никакого оправданія, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвѣчать легко: для всего въ исторіи есть свое время. Вѣковой, окрѣпшій обычай, коренившійся въ господствующей формѣ частнаго союза, формѣ родовой, долженъ былъ существовать до тѣхъ поръ, пока не столкнулся съ новою высшею государственною и народною потребностію, войсковымъ преобразованіемъ, пока это столкновеніе не выказало вреда его очевиднымъ для всѣхъ образомъ. Мѣстничество могло быть уничтожено только въ то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, при чемъ корни всѣхъ вѣковыхъ обычаевъ необходимо должны были расшататься и вырвать ихъ стало уже легко. Дѣду и отцу Голицына конечно не приходило въ голову, что внукъ и сынъ ихъ доложитъ царю челобитье служилыхъ людей объ уничтоженіи мѣстничества. Мѣстничество зашаталось и рушилось вслѣдствіе общаго колебанія всего древняго строя, вслѣдствіе поворота къ чужому, западному—это очевидно; во сколько уничтоженію мѣстничества содѣйствовало ослабленіе родоваго союза—этого подмѣтить нельзя; ясно обратное дѣйствіе: уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ верхнихъ слояхъ, ударъ, равный тому, какой въ низшихъ слояхъ нанесенъ былъ родовому союзу подушнымъ окладомъ.

Въ подобныя эпохи, какую мы теперь описываемъ, такое важное дѣло, какъ уничтоженіе мѣстничества, не могло стоять одиноко. Отстранивши мѣстничество, какъ препятствіе лучшему устроенію рати, успѣхамъ ея противъ непріятелей, собственно для той же цѣли должны были придти къ мысли, какъ бы покончить съ отжившимъ дружиннымъ началомъ. До сихъ поръ служилое сословіе, не смотря на разныя перемѣны въ его судьбѣ, въ отношеніяхъ его къ государю и землѣ, сохраняло еще основной характеръ дружины, войска. Бояринъ, окольничій, думный дворянинъ, спальникъ, стольникъ, стряпчій и т. д. были ратные люди, которые могли, по временамъ, занимать

гражданскія должности, имѣя въ виду преимущественно кормленіе, но при первомъ требованіи, садились на коня и спѣшили въ войско. Легко понять, какъ сильно выставилась невыгода такого порядка вещей при возбужденіи вопроса о войсковомъ преобразованіи, о необходимости постояннаго войска, постоянныхъ воеводъ. Но если одни изъ знатныхъ лицъ, наиболѣе къ тому способныя, должны быть постоянно воеводами, то очевидно, что другіе, по этому самому, должны будутъ постоянно занимать гражданскія должности. И вотъ при томъ же государѣ, при которомъ уничтожено мѣстничество, составленъ былъ проектъ объ отдѣленіи высшихъ гражданскихъ чиновъ и должностей отъ военныхъ—знакъ, что Россія начала уже выдвигаться изъ числа государствъ съ первоначальною, простою формаціею. По этому проекту о чинахъ первую степень занимаетъ сановникъ гражданскій—бояринъ, предстатель и разсмотритель надъ всѣми судіями царствующаго града Москвы, который, вмѣстѣ съ двѣнадцатью засѣдателями изъ бояръ и думныхъ людей, долженъ постоянно пребывать въ устроенной къ тому палатѣ и вѣдать, чтобы всякій судья исполнялъ царскаго величества повелѣніе и гражданскій судъ правильно и разсудительно. Вторую степень занимаетъ сановникъ военный—бояринъ и дворовый воевода, который во время похода долженъ быть при государѣ, охранять послѣдняго, но кромѣ того промышлять о всякихъ воинскихъ околичностяхъ, то-есть о смѣтѣ ратямъ, устроеніи и приготовленіи оружія и всякихъ хлѣбныхъ и военныхъ запасовъ. Третью степень занимаетъ опять сановникъ гражданскій—бояринъ и намѣстникъ Владимірскій, имѣющій первое мѣсто между намѣстниками, засѣдающими въ совѣтѣ государственныхъ дѣлъ. Четвертую степень занимаетъ военный сановникъ—бояринъ и воевода сѣверскаго разряда, имѣющій постоянное пребываніе въ Сѣвскѣ: онъ оберегаетъ Польскую (степную) украйну, имѣетъ у себя многихъ воеводъ и ратныхъ людей всегда въ готовности къ отпору непріятеля. Пятая степень—бояринъ и намѣстникъ Новгородскій: занимаетъ второе мѣсто между титулярнымъ намѣстникомъ въ государственномъ совѣтѣ. Шестая степень—боля-

ринъ и воевода Владимірскаго разряда: всегда пребываетъ во Владимірѣ, устраиваетъ рати конныя и пѣшія, всегда пребываетъ во всякомъ воинскомъ пріуготовленіи и, получивъ государское повелѣніе, идетъ противъ непріятеля съ своимъ разрядомъ куда потребуется. Седьмая степень—болярин и намѣстникъ Казанскій и т. д.[221].

Наконецъ въ послѣднее время царствованія Θеодорова составленъ былъ проектъ высшаго училища или академіи. При той потребности учиться, которую такъ живо чувствовали въ XVII вѣкѣ лучшіе Русскіе люди на верху стоящіе, слѣдовательно самые вліятельные, можно только удивляться сначала, почему этотъ проектъ явился такъ поздно, и почему давно не былъ приведенъ въ исполненіе. Но удивленію не будетъ мѣста, когда зададимъ себѣ вопросъ: откуда было взять учителей? когда вспомнимъ, какія были слѣдствія призванія чужихъ учителей въ Москву въ царствованіе Алексѣя. Надобно было ожидать, что постараются устранить затрудненія въ царствованіе образованнаго Θеодора, ученика Семеона Полоцкаго; но въ первые годы этого царствованія было не до школъ по малолѣтству царя, по придворнымъ отношеніямъ и вслѣдствіе тяжелой Турецкой войны, поглощавшей все вниманіе. Но когда вздохнули свободнѣе при открывшихся мирныхъ переговорахъ съ Крымомъ и Турціею, тогда пошла сильная внутренняя дѣятельность, стали думать и объ академіи. Говорятъ, что возвращеніе съ Востока монаха Тимоθея, сильно тронувшаго царя разказомъ о бѣдствіяхъ Греческой церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки, столь необходимой для поддержки православія, было поводомъ къ устройству небольшаго училища для 30 учениковъ при типографіи; Тимоθей былъ сдѣланъ его начальникомъ, отыскали въ Москвѣ двухъ Грековъ, которые могли учить своему языку. Но этимъ училищемъ не хотѣли довольствоваться, думали объ академіи, послали къ вселенскимъ патріархамъ просить учителей, испытанныхъ въ православіи, а между тѣмъ заготовили грамоту царскую или привилегію, очень важную для насъ потому, что здѣсь объясняется характеръ желаемаго учрежденія и съ тѣмъ вмѣстѣ объясняется положеніе тогдашняго

Русскаго общества, преимущественно Русской церкви въ отношеніи къ призываемой наукѣ.

Въ началѣ грамоты царь говоритъ, что онъ, вступивъ на престолъ юношею, подобно Соломону, ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ и всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ которою всѣ блага отъ Бога людямъ даруются. Какъ Соломонъ устроилъ семь училищъ, такъ и онъ, царь Θеодоръ, подражая Соломону и древнимъ Греческимъ царямъ благочестивымъ, намѣренъ устроить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ храмы чиномъ академіи «и въ оныхъ сѣмена мудрости, т. е. науки гражданскія и духовныя, начиная отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія постановить. Притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ составляется быти.»

На содержаніе блюстителя этой академіи и учителей даны монастыри: Спаса въ Китаѣ-городѣ близь Неглинныхъ воротъ (Заиконоспасскій), Іоанна Богослова въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго, ибо Іоаннъ Богословъ почерпнулъ мудрость небесную отъ Источника премудрости, Андреевскій на Москвѣ-рѣрѣ, ибо этотъ монастырь основанъ Ртищевымъ для ученаго братства, монастырь Даниловъ также на Москвѣ-рѣкѣ для пребыванія приходящимъ изъ-за границы ученымъ людямъ, и еще четыре монастыря со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всѣми угодьями; кромѣ того царь отъ себя далъ Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей въ разныхъ мѣстахъ.—Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикамъ. Блюститель и учителя должны быть благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ православной восточной вѣрѣ Россійскаго и Греческаго народа, но изъ Грековъ могутъ быть допущены только тѣ, которые принесутъ отъ вселенскихъ патріарховъ достовѣрное свидѣтельство о крѣпкомъ утвержденіи своемъ въ

восточной вѣрѣ, кромѣ того и въ Россіи они будутъ крѣпко въ вѣрѣ свидѣтельствованы, дабы кто-нибудь изъ нихъ не сдѣлалъ того же, что нѣкогда сдѣлалъ еретикъ Исидоръ, Россійскій митрополитъ. Новообращенные изъ Римской вѣры, также изъ Люторской, Кальвинской и другихъ ересей не допускаются въ блюстители и учителя, потому что они привыкли злохитростнымъ образомъ тайно ереси свои мало-по-малу въ учениковъ вкоренять. Пріѣдутъ изъ Литвы, Малороссіи и другихъ странъ ученые люди и станутъ искать мѣста блюстительскаго или учительскаго, выставляя свое благочестіе, то словамъ ихъ не вѣрить безъ свидѣтельства достовѣрныхъ благочестивыхъ людей и не ставить ихъ въ блюстители и учителя, если бы даже кто изъ нихъ и на письмѣ правду вѣры нашей восточной утверждалъ, а неправды Римлянъ, Лютеровъ и Кальвинъ обличалъ и укорялъ: потому что прелестники спачала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестію ревнителями крѣпкими, а потомъ мало-по-малу развратныя слова всѣваютъ и непорочную цѣлость вѣры нашей терзать начинаютъ. Блюститель и учителя должны цѣловать крестъ, что будутъ крѣпко и нерушимо содержать православную вѣру, охранять и защищать ее отъ всякихъ другихъ вѣръ и ересей. Въ случаѣ нарушенія клятвы будутъ наказаны по винѣ и лишены чина своего учительскаго, а за хулу на православную вѣру будутъ сожжены безъ всякаго милосердія; если и покается, будетъ наказанъ и лишенъ чина учительскаго. Въ академію допускаются люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Преподаваніе обнимаетъ всѣ незапрещенныя церковію науки; особенно запрещена магія естественная, и учителей подобной науки вмѣстѣ съ учениками сожигать. Никто не смѣетъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, но пусть, если хочетъ, посылаетъ дѣтей своихъ въ академію, въ единое общее училище, ибо отъ домашнихъ учителей, особенно иностранныхъ и иновѣрныхъ, могутъ быть принесены противность нашей вѣрѣ и разногласіе. Если на ученикахъ академіи объявятся долги или иныя какія вины, кромѣ убійственныхъ и другихъ великихъ дѣлъ, то ихъ нельзя подвергать суду до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ изъ училища,

чтобъ не препятствовать наукѣ. Судятъ ихъ блюститель съ учителями; въ случаяхъ уголовныхъ ихъ берутъ на судъ общій, но не безъ вѣдома блюстителя. Если блюститель самъ будетъ заподозрѣнъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то судится учителями; учитель судится блюстителемъ и учителями. Учителя не могутъ быть принимаемы ни въ какую другую службу безъ вѣдома блюстителя и учителей; за долговременную и ревностную службу учителя получаютъ пенсіи. Если нѣкоторые люботрудные отроки, сего драгоцѣннѣйшаго сокровища, т. е. мудрости по грамматической хитрости и прочихъ наукъ свободныхъ, какъ изъ нѣдръ земныхъ злата, изъ различныхъ діалектовъ писаній, особенно же Славенскаго, Еллиногреческаго, Польскаго и Латинскаго, будутъ стараться изыскивать прилежно, то имъ, за ихъ въ наукахъ успѣхи, засвидѣтельствованные блюстителемъ и учителями, отъ великаго государя будетъ достойное мздовоздаяніе; а по окончаніи свободныхъ ученій будутъ пожалованы въ приличные разуму ихъ чины и получатъ за мудрость свою особенное царское щедрое милосердіе. Не научившихся свободнымъ наукамъ въ государскіе чины, въ стольники, стряпчіе и другіе не допускать никого, кромѣ благородныхъ; изъ неблагородныхъ допускаются въ эти чины только за ученіе и за явныя на войнѣ и въ другихъ государственныхъ дѣлахъ заслуги. Всѣ ученые иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, подвергаются испытанію въ академіи, и только вслѣдствіе одобренія ея принимаются въ службу, не получившіе же одобренія изгоняются изъ государства. Академія должна блюсти за тѣмъ, чтобъ въ вѣрѣ противностей, распрей и раздоровъ не являлось отъ противномыслящихъ православной вѣрѣ. Блюститель долженъ доносить царю о такихъ противникахъ и послѣднимъ правительство не дастъ состязаться съ блюстителемъ и учителями въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ. Списокъ именамъ всѣхъ новообращенныхъ въ православіе долженъ быть отданъ блюстителю, который наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ, и если кто изъ нихъ пошатнется въ новомъ исповѣданіи, такихъ ссылать въ дальніе города, на Терекъ и въ Сибирь. Блюститель и учителя должны также усердно забо-

титься о томъ, чтобъ всякаго чина духовные и мірскіе люди волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ церковію запрещенныхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя не держали, по нимъ не дѣйствовали и другихъ тому не учили. Людямъ неученымъ Польскихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Лютерскихъ и Кальвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себя въ домахъ не держать, не читать ихъ за неимѣніемъ довольнаго разсужденія и чтобъ не было сомнѣній въ нашей вѣрѣ; нигдѣ никому не имѣть споровъ по этимъ книгамъ и не представлять предлоговъ; есть такой обычай у прелестниковъ: заведутъ споръ, да и скажутъ, что они это дѣлаютъ не потому, что сомнѣваются въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ, но просто для наукотворнаго состязанія. Такія еретическія книги жечь или приносить къ блюстителю и учителямъ. Если какой-нибудь иностранецъ или Русскій обвиненъ будетъ въ хулѣ на православную вѣру, то отдается на судъ блюстителю и учителямъ, и если обвиненіе окажется справедливымъ, то преступникъ подвергается сожженію. Если какой-нибудь пришлецъ былъ прежде восточной вѣры, а потомъ приметъ вѣру Римскую или Лютерскую, Кальвинскую или другую какую-нибудь ересь, такой долженъ быть преданъ сожженію; если же кто-нибудь прежде былъ Римской вѣры, а потомъ принялъ Лютерскую, такой долженъ быть наказанъ градскимъ судомъ и сосланъ въ ссылку. Государственная вивліоѳика на вѣки предается въ сохраненіе блюстителю училищъ и учителямъ. Издержки построенія училища принимаетъ на себя казна»[222].

Изъ этой любопытной привилегіи мы всего яснѣе можемъ видѣть господствующій взглядъ времени на науку, на училище. Необходимость науки, училища сознана, сознана въ интересахъ церкви; училище свободныхъ наукъ устроивается для поддержки православія, которое не находитъ для себя этой поддержки на Востокѣ. Но здѣсь надобно поступать съ величайшею осторожностію, ибо наука, училище, учителя вмѣсто поддержки православію могутъ нанести ему ударъ, надобно слѣдовательно набрать учителей испытаннаго православія, и

за учителями обращаются къ вселенскимъ патріархамъ, главнымъ блюстителямъ православія. Но этого мало: православіе окружено опасностями, люди, враждебные ему, люди Римской, Лютерской и Кальвинской вѣры безпрестанно являются въ Москву, ихъ много въ службѣ великаго государя, прелестники будутъ дѣйствовать противъ православія, не разбирая средствъ, православію нужно бороться съ ними неусыпно, и главнымъ орудіемъ для этой борьбы будетъ академія. Она уполномочена слѣдить за всѣми движеніями враговъ, и бить всполохъ при первой опасности. Московская академія по проекту царя Өеодора—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только, это страшный инквизиціонный трибуналъ: произнесутъ блюстители съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи», — и костеръ запылаетъ для преступника. И при царѣ Өеодорѣ, какъ послѣ при братѣ его Петрѣ, наука призывалась съ практическою цѣлію: разница въ томъ, что при Өеодорѣ она призывалась преимущественно на служеніе церкви, а при Петрѣ на служеніе государству.

И проектъ финансоваго преобразованія, и проектъ отдѣленія гражданскихъ должностей отъ военныхъ, и проектъ академіи остались только проектами. 11 іюля 1681 года у Өеодора родился сынъ, царевичь Илья; но всемірная радость, по тогдашнему выраженію, была непродолжительна: царица Агаөія умерла родами (14 іюля). Польскій авторъ не разъ уже приводимаго описанія Московской смуты 1682 года очень лестно отзывается о покойной царицѣ, говоритъ, что она, будучи Польскаго происхожденія, много добра принесла царству Московскому, уговоривъ мужа снять позорные женскіе охабни, которые должны были носить ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія; по ея вліянію начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы Польскія и латинскія закладывать, велѣно вынести изъ церквей образа, которые каждый прихожанинъ приносилъ и считалъ своими, передъ ними исключительно мо-

лился и зажигалъ свѣчи, а другимъ не позволялъ. Эти поступки, продолжаетъ авторъ, хвалили люди, принадлежавшіе къ партіи царя Ѳеодора, напротивъ порицали приверженцы Матвѣева, говоря, что царь скоро введетъ Ляцкую вѣру, и, женясь на Полькѣ, будетъ также вести себя, какъ Дмитрій Самозванецъ, женившись на Маринѣ Мнишекъ.

Царевичъ Илья черезъ шесть дней послѣдовалъ за матерью въ могилу. Начали думать о второмъ бракѣ. Конечно не безъ вліянія Языкова, царь женился на свойственницѣ его[223], Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, дѣвушкѣ не знатнаго происхожденія (14 февраля 1682 г.), но черезъ два мѣсяца съ половиною послѣ этого брака, 27 апрѣля, Ѳеодоръ скончался на двадцать первомъ году отъ рожденія.

Возмужаніе царя, устраненіе Милославскихъ, приближеніе Языкова, Лихачевыхъ, а потомъ Апраксиныхъ должны были имѣть вліяніе на судьбу двухъ знаменитыхъ дѣятелей прежняго царствованія, Никона и Матвѣева. Мы оставили Никона въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ онъ былъ гораздо болѣе стѣсненъ, чѣмъ въ Ѳерапонтовѣ. Но въ Москвѣ и въ самомъ дворцѣ нашлась у него сильная заступница: то была тетка царская, Татьяна Михайловна, старшая лѣтами изъ особъ царскаго семейства, благочестивая и тѣмъ болѣе вліятельная. Царевна Татьяна была всегда привязана къ Никону, и теперь, воспользовавшись обстоятельствами, ослабленіемъ вліянія Милославскихъ и Хитрово, начала внушать племяннику, какъ не хорошо съ его стороны мучить въ тѣсномъ заключеніи человѣка, оказавшаго такія важныя услуги всѣмъ имъ во время мороваго повѣтрія. Понятно, что въ природѣ и въ памяти Ѳеодора царевна не могла найдти сопротивленія своимъ намѣреніямъ. По ея указанію, государь началъ ѣздить въ недостроенный Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), плѣнился мѣстоположеніемъ, величественнымъ, затѣйливымъ планомъ, и не щадилъ издержекъ для довершенія построекъ. Естественно, что въ мѣстахъ, гдѣ все напоминало Никона, и напоминало только съ хорошей стороны, царь не могъ забыть о немъ. Онъ предложилъ патріарху перевести Никона въ Вос-

кресенскій монастырь, но встрѣтилъ въ Іоакимѣ сильное сопротивленіе. Іоакимъ, очень ревнивый къ своей власти, и вслѣдствіе этой ревности имѣвшій враговъ, не могъ допустить въ сосѣдство къ Москвѣ, къ царю человѣка, продолжавшаго называть себя патріархомъ, способнаго иногда смиряться при ударѣ, но сейчасъ же готоваго поднять голову, какъ только гроза миновала. Нельзя не вспомнить о слухахъ, ходившихъ между современниками, перешедшихъ и къ потомкамъ, которые не считали ихъ вздорными. Есть извѣстіе, что Симеонъ Полоцкій, неуживавшійся съ Іоакимомъ, хотѣлъ употребить Никона орудіемъ для его удаленія и уговаривалъ своего царственнаго ученика установить въ Россіи четырехъ патріарховъ на мѣстахъ четырехъ митрополитовъ, въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и Крутицахъ, послать Іоакима патріархомъ въ Новгородъ, а Никона возвратить въ Москву и назвать папою[224]. Какихъ слуховъ не распространяли тогда и какимъ слухамъ не вѣрили? Но и безъ подобныхъ слуховъ Іоакимъ имѣлъ сильныя причины не желать возвращенія Никона въ Воскресенскій монастырь, а отказъ дать свое согласіе на это могъ быть выраженъ очень благовиднымъ образомъ: «Сверженъ онъ не нами, а великимъ соборомъ и вселенскими патріархами: мы не можемъ возвратить его безъ ихъ вѣдома; впрочемъ, государь, буди твоя воля», говорилъ Іоакимъ царю. Созванъ былъ соборъ для рѣшенія этого дѣла, но соборъ ничего не рѣшилъ; предсѣдатель собора былъ противъ, да и между другими отцами не легко было найдти приверженцевъ Никона. Царю осталось утѣшить заточника собственноручнымъ письмомъ.

Между тѣмъ Никонъ сталъ изнемогать. Кирилловскій архимандритъ извѣстилъ патріарха, что заточникъ при смерти, принялъ схиму, освященъ елеемъ; архимандритъ испрашивалъ особыхъ распоряженій на счетъ похоронъ, гдѣ положить, какъ поминать? Іоакимъ велѣлъ похоронить какъ простаго монаха. Но Никонъ и на смертномъ одрѣ не считалъ себя простымъ монахомъ, не думалъ отказываться отъ патріаршества. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ братіи Воскресенскаго монастыря онъ называетъ себя патріархомъ; въ этомъ письмѣ Никонъ

увѣдомляетъ о своей тяжкой болѣзни, приковавшей его къ постели: «а милость великаго государя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять, по вашему челобитью, и писалъ жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилося, а его милостиваго указу нѣтъ, умереть мнѣ будетъ внезапу. Пожалуйте чада моя, не попомните моей грубости: побейте челомъ еще о мнѣ великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погинуть, моего житья конецъ приходитъ.» Воскресенскіе монахи подали это письмо государю; онъ показалъ его патріарху, другимъ архіереямъ, умоляя ихъ согласиться на переведеніе умирающаго. Наконецъ согласились. Никона взяли изъ Кириллова монастыря, съ большимъ трудомъ довезли до рѣки Шексны, гдѣ посадили на стругъ и повезли Шексною, а потомъ Волгою къ Ярославлю. Когда доплыли до Толгскаго монастыря, Никонъ, чувствуя крайнее изнеможеніе, велѣлъ пристать къ берегу и пріобщился. Послѣ этого стругъ былъ введенъ изъ Волги въ рѣку Которость: здѣсь Никонъ умеръ 17 августа 1681 года, 75 лѣтъ отъ рожденія. Тѣло привезли въ Воскресенскій монастырь, гдѣ похоронили съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи царя.

Конечно не плачевныя челобитныя и ловкія оправданія Матвѣева, а перемѣны придворныхъ отношеній были причиною тому, что участь и Пустозерскихъ заточниковъ въ одно время съ участью Никона, именно въ 1680 году, была облегчена: ихъ перевели въ Мезень. Облегченіе было не очень велико, если судить по новымъ жалобамъ Матвѣева: «А и на Мезень велѣно насъ переволочь отъ Пустоозерскаго и горькослезнаго мѣста, отъ моря къ тому же пустому морю, за тою жъ тѣснотою и стражею темничною, писалъ Матвѣевъ государю: а и на Мезени намъ тунедателей нѣтъ; жалованья дано 150 рублей, и того будетъ на день намъ и сиротамъ нашимъ по три денежки, а на одежду намъ твоего государеваго милостиваго указа нѣтъ. А и противникамъ церковнымъ, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена и дѣти, и тѣмъ жалованья на день по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки, а мы не противники ни церкви,

ни вашему царскому повелѣнію, плачу, что ветхій сѣдиною, древенъ работами, сверстанъ кормомъ съ единолѣтнимъ.» Въ концѣ 1681 года царь Θеодоръ помолвилъ на Апраксиной, которая, какъ говорятъ[225], была крестница Матвѣева. Первымъ дѣломъ невѣсты царской было—бить челомъ жениху о крестномъ, и въ первыхъ числахъ января 1682 года въ Мезень пріѣхалъ капитанъ Лишуковъ съ указомъ—объявить Матвѣеву и сыну его, что царское величество, разсмотря ихъ невинность и бывшее на нихъ ложное оклеветаніе и милосердуя о нихъ, указалъ ихъ изъ-за пристава освободить, Московскій ихъ дворъ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки, оставшіеся за раздачею и продажею, возвратить, сверхъ того пожаловалъ имъ государь новую вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ село Верхній Ландехъ съ деревнями, 800 дворовъ крестьянскихъ, и указалъ отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ ждать имъ новаго указа. Но этого указа они уже не дождались отъ Θеодора[226].

ГЛАВА III.

Московская смута 1682 года.

Побужденія къ избранію въ цари Петра мимо Іоанна. — Партія Іоанна и ея движенія. — Сцены на погребеніи царя Ѳеодора. — Волненія стрѣльцовъ и солдатъ. — Слабость правительства и разнузданность стрѣльцовъ. — Заговоръ Милославскаго. — Пріѣздъ Матвѣева. — Стрѣлецкій бунтъ. — Двоевластіе и правленіе Софьи. — Неловкое положеніе стрѣльцовъ. — Столпъ на красной площади для оправданія бунта. — Движеніе раскольниковъ. — Хованскій ихъ поддерживаетъ. — Раскольничья смута 5 іюля. — Стрѣльцы отстаютъ отъ раскольниковъ и дѣло послѣднихъ проиграно. — Продолженіе стрѣлецкихъ волненій. — Отъѣздъ двора изъ Москвы. — Казнь Хованскихъ. — Призывъ дворянскаго ополченія. — Волненія и ужасъ стрѣльцовъ и солдатъ. — Они просятъ помилованія у царей. — Условія помилованія. — Стрѣльцы признаютъ себя бунтовщиками. — Уничтоженіе столпа на красной площади. — Возвращеніе двора въ Москву. — Шакловитый начальникъ стрѣлецкаго приказа, его твердость. — Мѣры противъ слѣдствій мятежа. — Смуты въ Малороссіи и на Дону. — Удаленіе опасныхъ стрѣльцовъ изъ Москвы.

Разказываютъ[227], что молодая жена царя Ѳеодора, Марѳа Матвѣевна, употребила всѣ старанія, чтобъ сблизить своего мужа съ мачихою и дѣтьми ея, съ которыми у него до сихъ поръ продолжались неукротимыя несогласія. Царица успѣла въ своемъ дѣлѣ; мы видѣли, что она успѣла также выхлопотать переводъ Матвѣева изъ Мезени въ Лухъ, но не въ Москву! Вмѣстѣ съ царицею Марѳою за царицу Наталью, за Нарышкиныхъ и Матвѣева хлопотали сильно Апраксины, Языковъ, Лихачевы. Но почему же Языковъ и Лихачевы такъ поздно начали хлопотать? они могли сдѣлать это гораздо раньше. Дѣло въ томъ, что раньше не было нужды: большая сила была въ рукахъ Языкова и Лихачевыхъ, зачѣмъ же ею съ кѣмъ-нибудь дѣлиться? Царь Ѳеодоръ еще не былъ очень слабъ и была надежда на потомство отъ него. Но вотъ царица и новорожденный

царевичъ умираютъ, царь женится въ другой разъ, но это отчаянное средство не помогаетъ: Ѳеодоръ день ото дня становится слабѣе. Языкову, «глубокому Московскихъ прежде площадныхъ, потомъ и дворскихъ обхожденій проникателю,» нужно стало позаботиться о будущемъ. Послѣ Ѳеодора наслѣдниками останутся два брата: Іоаннъ, больной, слѣпой, слабоумный, и Петръ, здоровый, живой, даровитый десятилѣтній мальчикъ. Стать за Іоанна — какое будущее? много нацарствовалъ Ѳеодоръ? но Ѳеодоръ еще не всегда нуждался въ опекѣ, а за Іоанна постоянно должны управлять другіе; но кто же будетъ управлять? царевна Софья съ Милославскими? значитъ Языкову и Лихачевымъ надобно готовиться въ путь еще подальше Пустозерска, за Камень, ибо Милославскіе не забудутъ, что у нихъ была отнята власть Языковымъ и Лихачевыми. А съ Нарышкиными Матвѣевымъ сблизиться легко, содѣйствуя ихъ возвращенію, тѣмъ болѣе что старой вражды не было.

Большинство знати должно было раздѣлять взглядъ Языкова и Лихачевыхъ относительно престолонаслѣдія. Стать за неспособнаго и не долговѣчнаго Іоанна значило накликать смуту на себя и на землю, и кому изъ знати охота повиноваться Милославскимъ или тѣмъ, кого возьметъ къ себѣ въ совѣтники царевна Софья? Матвѣевъ же перебивалъ во дворцѣ дорогу Милославскимъ и Хитрово, но всегда почиталъ знатныхъ людей. И надобно замѣтить, что большинство этой знати состояло изъ людей или уже совершенно одряхлѣвшихъ или неспособныхъ къ видной дѣятельности, и потому довольныхъ, если имъ будетъ почетъ по ихъ роду. Двое изъ старинной знати, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, выдѣлялись изъ ряду, не были приверженцами Петра. Можно думать, что уже и тогда князь Голицынъ былъ соединенъ съ царевною Софьею сердечнымъ союзомъ и при ея торжествѣ съ восшествіемъ на престолъ Іоанна могъ подняться и играть первенствующую роль. Князь Хованскій, знаменитый (преимущественно своими пораженіями и жалобами на него подчиненныхъ[228]) воевода царя Алексѣя, человѣкъ энергическій, смѣлый, но безъ разсудительности, природа порывистая, безпокойная, заносящаяся, вѣрно очерченная въ народномъ

прозвищѣ Тараруй. Членъ рода знатнаго, но долго не отличавшагося почетомъ служебнымъ, Хованскій тѣмъ сильнѣе превозносился своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина, рѣзче другихъ высказывался противъ новыхъ людей, которыхъ такъ много явилось въ послѣднее время; приверженецъ старины во всемъ, Хованскій былъ сильно недоволенъ этимъ временемъ Нащокиныхъ, Матвѣевыхъ, Языковыхъ, Лихачевыхъ, Нарышкиныхъ, Апраксиныхъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда всѣ эти ненавистные для него люди исчезнутъ и ему можно будетъ наконецъ получить достойную его дѣятельность. Кто дастъ ему эту дѣятельность, къ тому онъ и примкнетъ. Отъ Нарышкиныхъ и Матвѣева Хованскій не ждалъ ничего хорошаго для себя, а слѣдовательно и для Россіи, и потому онъ не былъ приверженцемъ Петра.

Такимъ образомъ царевны, дочери Милославской и представительница ихъ Софья не могли ждать себѣ подпоры въ членахъ думы. А между тѣмъ положеніе ихъ было отчаянное: въ началѣ царствованія Ѳеодора онѣ воспользовались своимъ торжествомъ и не пощадили мачихи, ея родныхъ и воспитателя: чего же ждать имъ теперь хорошаго отъ торжества царицы Натальи, Нарышкиныхъ, Матвѣева? Софья и человѣкъ, котораго интересы были сильно связаны съ ея интересами, бояринъ Иванъ Михайловичь Милославскій дѣйствуютъ по инстинкту самосохраненія. Орудіями ихъ являются люди молодые, т. е. незначительные: стольники—Александръ Милославскій, братья Толстые—Иванъ и Петръ Андреевичи, два стрѣлецкіе подполковника — Иванъ Цыклеръ изъ иноземцевъ и Иванъ Озеровъ, да выборные стрѣльцы: Борисъ Одинцовъ, Абросимъ Петровъ, Кузьма Чермный[229]. Деньгами, богатыми обѣщаніями имъ удалось набрать толпу людей, готовыхъ отстаивать права старшаго царевича на престолъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ царя Ѳеодора. Вельможи, твердо рѣшившіеся провозгласить Петра, знали или догадывались о движеніяхъ Милославскаго, и потому думали, что при этомъ провозглашеніи можетъ быть дѣло дойдетъ и до ножей. Дядька царевича Петра, князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ съ братомъ Иваномъ и

четверо Долгорукихъ — Яковъ, Лука, Борисъ и Григорій, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, поддѣли подъ платье панцыри. На этотъ разъ однако дѣло обошлось безъ смуты. Когда всѣ, по обряду, простились съ покойнымъ царемъ и потомъ одинаково цѣловали руки у обоихъ оставшихся братьевъ его, Іоанна и Петра, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю и спросилъ: кто же изъ двухъ царевичей будетъ царемъ? Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чиновъ людьми Московскаго государства. Подъ Московскимъ государствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣли обыковенно одинъ царствующій градъ: такъ, по крайней мѣрѣ, было понято тутъ. Патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ на крыльцо, велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ собраться на площади передъ церковію Спаса, и спросилъ, кому изъ двоихъ царевичей быть на царствѣ? Раздались крики: Петру Алексѣевичу! раздались и другіе крики: Іоанну Алексѣевичу! но были заглушены. Всѣхъ чиновъ люди рѣшили дѣло: патріархъ возвратился во дворецъ и благословилъ на царство Петра.

Но кто же и по какимъ побужденіямъ кричалъ за Іоанна? Современники[230] сохранили имя одного изъ этихъ крикуновъ, дворянина Максима Сумбулова, и разказывали слѣдующее о позднѣйшей встрѣчѣ его съ Петромъ. Однажды Петръ, будучи у обѣдни въ Чудовѣ монастырѣ, замѣтилъ, что одинъ монахъ не подошелъ къ антидору; царю показалось это страннымъ, онъ спросилъ, кто этотъ монахъ? и получилъ въ отвѣтъ, что Сумбуловъ. Петръ подозвалъ монаха и спросилъ, отчего онъ не подошелъ къ антидору? «Не посмѣлъ пройти мимо тебя и поднять на тебя глаза», былъ отвѣтъ. Петръ велѣлъ ему идти къ антидору, и потомъ, подозвавши опять къ себѣ, спросилъ: «отчего я тебѣ при выборѣ на царство не показался?» Монахъ отвѣчалъ: «Іуда за тридцать сребренниковъ продалъ Христа, будучи его ученикомъ; а я твоимъ, государь, ученикомъ никогда не бывалъ: то диво ли, что я тебя продалъ, будучи мелкимъ дворяниномъ, за боярство[231]?»

Сумбуловъ съ товарищами не успѣлъ выкрикнуть Іоанна. Петръ былъ провозглашенъ царемъ, т. е. правленіе государ-

ствомъ, по извѣстному обычаю, противъ котораго никто не спорилъ, переходило къ матери его, царицѣ Натальѣ. Ненавистная мачиха будетъ правительницею—эта мысль душила Софью; она не могла выдерживать, притворяться, да и никакое притворство теперь не могло помочь. Въ день погребенія царя Θеодора она удивила всѣхъ, пошедши за гробомъ въ соборъ, вопреки обычаю, недопускавшему царевенъ участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ. Напрасно отговаривали ее, представляли, что негодится, неприлично: Софья никого не послушалась и, говорятъ, обратила на себя вниманіе народа страшнымъ воплемъ. Горе Софьи было непритворное; не притворялись, не сдерживали себя и съ другой стороны: царица Наталья и царь Петръ, простившись съ покойникомъ, возвратились во дворецъ задолго до окончанія службы, за ними послѣдовали и нѣкоторые вельможи. Легко повѣримъ извѣстію, что этотъ поступокъ произвелъ сильное негодованіе на половинѣ царевенъ, изъ которыхъ Анна и Татьяна Михайловны, какъ тетки царскія, пользовались особеннымъ уваженіемъ. Онѣ отправили монахинь къ царицѣ Натальѣ съ выговоромъ: хорошъ братъ: не могъ дождаться конца погребенія! Царица отвѣчала, что Петръ еще ребенокъ, не могъ выстоять такой долгой службы не ѣвши, а братъ царицынъ, Иванъ Кирилловичь Нарышкинъ, недавно возвращенный изъ ссылки, сказалъ: «кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ.» Погребеніе кончилось; Софья возвратилась во дворецъ, и разказывали, будто она, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ такими словами: «видите, какъ братъ нашъ царь Θеодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ.» Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на народъ[232].

Но какъ бы ни сильно было это впечатлѣніе, разчитывать на спокойную безоружную массу было нельзя, и потому обратились къ стрѣльцамъ, уже подготовленнымъ къ движенію. Мы

знаемъ, что въ то время, когда сильный, облеченный властію человѣкъ стремился прежде всего кормиться на счетъ слабаго, подчиненнаго, употреблять его на свою личную службу, жалобы приходили не отъ однихъ посадскихъ, притѣсняемыхъ воеводами, но и отъ служилыхъ людей, притѣсняемыхъ своими воеводами, и потому намъ нисколько не будетъ удивительно, что и стрѣльцы, и солдаты, въ концѣ царствованія Θеодора, жаловались на притѣсненія того или другаго изъ своихъ полковниковъ. Для стрѣльцовъ притѣсненія были очень чувствительны, потому что они въ свободное отъ службы время жили съ семействами, своими домами, въ особыхъ слободахъ и занимались выгодными промыслами: главная жалоба ихъ на нѣкоторыхъ полковниковъ состояла въ томъ, что они занимали ихъ своими работами и такимъ образомъ отрывали отъ промысловъ. Время было такое въ концѣ царствованія Θеодора, что и полковники могли разнуздаться больше прежняго, и стрѣльцы могли своевольничать. Смотря на общее направленіе правительственной дѣятельности, мы не можемъ отказать въ смыслѣ и благонамѣренности людямъ близкимъ къ царю, Языкову, Лихачевымъ. Но мы ни изъ чего не можемъ заключить, чтобъ эти люди обладали особенными талантами, особенною твердостію характера, столь необходимаго для поддержанія порядка, во всѣхъ частяхъ управленія; и восхвалители Языкова выставляютъ прежде всего его придворную ловкость и хитрость, а хитрость — орудіе слабаго; притомъ же въ послѣднее время царя Θеодора, когда царь видимо угасалъ, Языкову съ товарищи надобно было заботиться прежде всего о самихъ себѣ. До какой степени были слабы духомъ остальные придворные, отъ ближняго боярина до стольника, стряпчаго и жильца, всѣ эти прирожденные воины, прирожденные воеводы, всего лучше покажетъ намъ постыдное поведеніе ихъ при стрѣлецкомъ бунтѣ; здѣсь всего лучше высказалась несостоятельность стариннаго дружинно-придворнаго устройства и необходимость преобразованій. Безопасность и порядокъ въ столицѣ основывались на стрѣльцахъ, а стрѣлецкій приказъ былъ въ вѣдѣніи стараго боярина, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Мы встрѣчались не рѣдко съ Долгорукимъ, какъ съ однимъ изъ

самыхъ видныхъ воеводъ царя Алексѣя и однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей; но теперь князь Юрій уже былъ развалина отъ старости и паралича; сынъ его и товарищъ по приказу, князь Михайла, не былъ способенъ заставить уважать себя, и вотъ полковники притѣсняютъ, а стрѣльцы волнуются, не чувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать неправду и волненія.

Стрѣльцы полку Пыжова всѣмъ приказомъ били челомъ государю на полковника своего Богдана Пыжова, что онъ вычиталъ у нихъ по половинѣ денежнаго жалованья; царь велѣлъ розыскать дѣло Языкову. Говорятъ, что Языковъ сдѣлалъ розыскъ несправедливый, повѣрилъ полковникамъ [233]. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить показанію человѣка, который, по привязанности къ Софьѣ и Милославскимъ, могъ быть враждебенъ Языкову; но вспомнимъ, что для Языкова «глубокаго дворскихъ обхожденій проникателя» указать на безпорядки въ стрѣлецкомъ приказѣ значило оскорбить начальника приказа, князя Долгорукаго, такого столпа! Какъ бы то ни было, челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, велѣно наказать, чтобъ они впредь не смѣли бить челомъ на полковниковъ, ихъ били кнутомъ и разослали въ ссылки; полковники подняли головы и еще хуже начали обращаться съ рядовыми. 23-го апрѣля стрѣльцы подали новое челобитье на другаго полковника Грибоѣдова; но на этотъ разъ, боясь, какъ видно, что опять не захотятъ обидѣть Долгорукаго, пошли по начальству, подали челобитье въ стрѣлецкомъ приказѣ чрезъ одного выборнаго. Долгорукому доложили, что принесъ челобитную пьяный стрѣлецъ и наговорилъ много непристойныхъ словъ про него, боярина, и про другихъ [234]. Бояринъ велѣлъ схватить челобитчика и высѣчь кнутомъ передъ съѣзжею избою, чтобъ другимъ впредь было неповадно такъ воровать; но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ закричалъ товарищамъ: «братцы! вѣдь я по вашему желанію и приговору подалъ челобитную: такъ зачѣмъ же вы теперь позволяете чинить надо мною такое поруганіе!» Стрѣльцы взволновались, бросились на приказныхъ сторожей, смяли ихъ и выручили товарища. Это было знакомъ къ волненію почти во

всѣхъ стрѣлецкихъ полкахъ. Солдаты подали въ то же время челобитную на генерала своего, Матвѣя Кравкова.

Смерть царя Ѳеодора остановила на время движеніе. Стрѣльцы спокойно присягнули Петру. Но на третій же день явилась во дворецъ толпа и отъ имени шестнадцати стрѣлецкихъ полковъ и одного солдатскаго Бутырскаго потребовали, чтобъ девять полковниковъ были схвачены и приневолены выплатить деньги, вымученныя у стрѣльцовъ, также деньги за работы, къ которымъ они принуждали стрѣльцовъ, въ противномъ случаѣ грозились промыслить сами о себѣ, перебить полковниковъ, разграбить ихъ домы и животы. «Достанется и другимъ измѣнникамъ! кричали стрѣльцы: будетъ намъ терпѣть мученіе отъ полковниковъ и смотрѣть, какъ измѣнники обманываютъ царское величество!» Подлѣ царицы Натальи не было въ это время ни одного человѣка, который бы могъ найдтись въ подобныхъ обстоятельствахъ. Испугались, не знали, что дѣлать; рѣшили перехватать обвиненныхъ полковниковъ и посадить подъ караулъ въ рейтарскомъ приказѣ. Но стрѣльцы этимъ не довольствовались, требовали, чтобъ полковники были выданы имъ головами. Правительство не соглашалось, обѣщая само оказать справедливость; стрѣльцы долго упорствовали и едва были уговорены нѣкоторыми вельможами, имѣвшими на нихъ вліяніе, и архіереями; имъ обѣщано, что съ старыхъ полковниковъ взыщутъ всѣ деньги и поставятъ новыхъ[235]. Но по нѣкоторымъ, чуть ли не обстоятельнѣйшимъ извѣстіямъ[236], правительство такъ испугалось, что согласилось выдать полковниковъ; одинъ патріархъ понялъ весь ужасъ подобной уступки и поспѣшилъ разослать по всѣмъ полкамъ съ увѣщаніями не требовать выдачи.

Какъ бы то ни было, полковники должны были заплатить всѣ начитанныя на нихъ стрѣльцами деньги; съ иныхъ взыскали до 2.000 рублей; тѣхъ же, которые не могли заплатить, держали на правежѣ часа по два. Кромѣ того нѣкоторые сильно обвиняемые были особенно биты батогами, передъ чѣмъ, по обычаю, читались имъ сказки, или объявленіе вины. Семену Грибоѣдову читали: «били на тебя челомъ великому государю пятидесятники, десятники и рядовые стрѣльцы твоего

приказа: ты чинилъ имъ налоги, обиды и всякія тѣсноты, для взятокъ и работъ билъ ихъ жестокими боями, билъ батогами, ругательствомъ, взявши въ руки батога по два, по три и по четыре; на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ устроилъ огороды и всякія овощныя сѣмена на этихъ огородахъ велѣлъ имъ покупать на сборныя деньги; на огороды и въ деревни свои на всякія работы посылалъ ихъ стрѣльцовъ и дѣтей ихъ и заставлялъ отвозить туда на ихъ же стрѣлецкихъ подводахъ; неволею заставлялъ ихъ шить себѣ цвѣтное платье, бярхатныя шапки, желтые сапоги; изъ государскаго жалованья вычиталъ у нихъ деньги и хлѣбъ, отпускалъ ихъ съ карауловъ и за то бралъ съ нихъ деньги; деньги, которыя имъ даются на стѣнной караулъ, и запасы изъ дворцовъ ты бралъ себѣ; приказывалъ имъ покупать лѣсъ и всякіе запасы на свое дворовое строенье на сборныя деньги; къ себѣ на дворъ бралъ изъ нихъ денщиковъ по многу и заставлялъ ихъ работать всякую работу и отходы чистить. Будучи въ походахъ, дѣлалъ имъ также всякія тягости и на подводахъ ихъ возилъ свои запасы. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ указано было тебѣ съ великимъ подкрѣпленіемъ никакихъ взятокъ не брать и стрѣльцовъ работать на себя не заставлять, для того тебѣ и дана была деревня въ помѣстье, а ты, забывъ милость великаго государя, стрѣльцовъ обижалъ и билъ ихъ напрасно»[237]. Не смотря на то, что стрѣльцы отказались отъ выдачи имъ полковниковъ головою, они толпились тутъ же на площади при правежѣ и наказаніяхъ, распоряжались; закричатъ: довольно! и правежъ прекращается.

Получивши надъ полковниками свою волю, стрѣлцы разнуздались, не чувствуя надъ собою никакой силы; стали ежедневно собираться многолюдными толпами у своихъ съѣзжихъ избъ, бояръ своихъ, князей Долгорукихъ ставили ни во что, смѣялись надъ ними, грозили; тѣмъ меньше уже стали они уважать начальниковъ второстепенныхъ: этихъ просто отгоняли отъ своихъ съѣзжихъ избъ, бросали въ нихъ камнями, палками, бранили непристойными словами; тѣ же изъ начальныхъ лицъ, которыя попробовали строгостію возстановить порядокъ, испытали и похуже: ихъ схватили, взвели на каланчи и сбросили оттуда при крикахъ: «любо! любо!» Но, разнуздавшись

такимъ образомъ, благодаря совершенной слабости, отсутствію правительства, стрѣльцы должны были чувствовать, что ихъ воля пройдетъ вмѣстѣ съ слабостію правительства и они могутъ дорого поплатиться за эту волю. Съ какою жадностію слѣдовательно они должны были прислушиваться къ внушеніямъ, что правительство нечего уважать и нечего ему повиноваться: оно незаконное! пренебрегать такимъ правительствомъ, идти противъ него — это не бунтъ, а заслуга! Одинъ изъ современниковъ говоритъ [238], что вѣсть о стрѣлецкихъ движеніяхъ была для царевны Софьи также радостна, какъ для Ноя масличная вѣтвь, принесенная голубицею въ ковчегъ; но можно сказать, что и внушенія отъ царевны и ея сообщниковъ были для стрѣльцовъ также масличною вѣтвію. Прежде всего, говорятъ [239], обратился къ стрѣльцамъ Хованскій; слова его, какъ извѣстнаго боеваго воеводы, производили сильное вліяніе. «Вы сами видите, говорилъ Тараруй то одному, то другому изъ стрѣльцовъ, вы сами видите, въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ, теперь выбрали Богъ знаетъ какого царя [240], увидите, что не только денегъ и корму не дадутъ, но и работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ; а что всего хуже, поддадутъ и васъ и насъ въ неволю какому-нибудь чужеземному непріятелю, Москву сгубятъ и вѣру православную искоренятъ.» Но не одинъ Хованскій дѣлалъ подобныя внушенія: Иванъ Михайловичь Милославскій, лежа на постели, притворяясь больнымъ, кипятилъ заговоръ: къ нему по ночамъ приходили выборные стрѣльцы — Одинцовъ, Петровъ, Чермный и толковали о стрѣлецкихъ движеніяхъ вмѣстѣ съ Толстымъ, Цыклеромъ, Озеровымъ. Вдова постельница Ѳеодора Семенова Родимица, изъ Малороссійскихъ козачекъ, съ деньгами и съ щедрыми обѣщаніями отъ царевны Софьи ходила по стрѣльцамъ. Волненіе обхватило всѣ полки, только одинъ Сухаревъ былъ сдержанъ, благодаря пятисотному Бурмистрову и пятидесятнику Борисову. Стрѣльцы собирались ежедневно въ круги, становились подъ ружье безъ полковничья приказа, били въ набатъ, кричали по торговымъ банямъ противъ правительства съ похвальбою: «не хотимъ, чтобъ нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ, мы имъ всѣмъ шею свернемъ» [241].

Но отъ словъ еще не доходило до дѣла: для этого мало было неопредѣленныхъ обѣщаній всякаго зла со стороны Натальи, всякаго добра со стороны царевны Софьи; нужно было побужденіе посильнѣе, чтобъ заставить броситься во дворецъ и нерѣшительныхъ, и такихъ, которые были охотники покричать, но робѣли передъ дѣломъ. Заговорщики на Верху берегли еще это побужденіе: они дожидались пріѣзда Матвѣева, который первый долженъ былъ пасть подъ стрѣлецкими ударами, потому что одинъ могъ дать силу правительству ненавистной мачихи.

Мы видѣли, что еще при Ѳеодорѣ Матвѣевъ былъ переведенъ изъ Мезени въ Лухъ, и здѣсь ему велѣно дожидаться дальнѣйшаго указа царскаго; этотъ указъ пришелъ къ нему уже отъ имени царя Петра — ѣхать въ Москву какъ можно скорѣе. Старикъ отправился немедленно; на дорогѣ встрѣтились ему семеро стрѣльцовъ, которые нарочно шли къ нему, чтобъ разказать о волненіяхъ товарищей и объ опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Извѣстія стрѣльцовъ заставили Матвѣева еще больше спѣшить: «уничтожу бунтъ или положу жизнь за государя, чтобы глаза мои на старости лѣтъ большей бѣды не увидали», сказалъ онъ. Въ Троицкомъ монастырѣ и на дорогѣ оттуда Матвѣева ждали почетныя встрѣчи. 12-го мая вечеромъ онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день представился царю и царицѣ, при чемъ была «радость неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоянію исписати не возможетъ»[242]. 13-го числа Матвѣевъ ѣздилъ къ патріарху и долго разговаривалъ съ нимъ во внутренней келліи, ѣздилъ навѣстить и стараго пріятеля своего, больнаго князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и съ нимъ долго разговаривалъ; а между тѣмъ вся знать спѣшила побывать въ домѣ у Матвѣева, въ рукахъ котораго теперь должно было сосредоточиться правленіе; были и выборные стрѣльцы изъ всѣхъ полковъ съ хлѣбомъ и солью, съ просьбою о заступничествѣ, потому что заслуги ихъ ему больше другихъ бояръ извѣстны. Не былъ одинъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, сказываясь больнымъ.

У Милославскаго съ товарищами уже все было готово; имъ

теперь нужно было спѣшить: Матвѣевъ тутъ, въ Москвѣ, надобно напасть на него сейчасъ же въ расплохъ, не дать осмотрѣться и взять въ искусныя руки правленіе. Ненавистный старикъ не растерялъ въ Пустозерскѣ и Мезени ничего изъ прежней своей ловкости, умѣнья привлекать къ себѣ людей. Какъ онъ умѣлъ принять каждаго, къ нему пріѣзжавшаго, обласкать! Всѣ были въ восторгѣ, даже и тѣ, которые были къ нему не очень расположены. Всѣ надѣялись, что Матвѣевъ укротитъ стрѣльцовъ, укротитъ и Нарышкиныхъ. Были оскорблены непомѣрнымъ возвышеніемъ братьевъ царицы, Нарышкиныхъ, молодыхъ людей, за которыми никто не зналъ никакихъ достоинствъ: Иванъ Кирилловичъ на 23 году былъ пожалованъ въ бояре! и вотъ пошли слухи, что и бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ также недоволенъ быстрымъ возвышеніемъ Нарышкиныхъ[243]. Всѣ были рады Матвѣеву, и потому Милославскому надобно было спѣшить.

15-го мая, роковой день убіенія царевича Димитрія, назначенъ былъ заговорщиками для бунта. По рукамъ у стрѣльцовъ уже ходилъ списокъ измѣнниковъ, которыхъ надобно истребить. Утромъ по стрѣлецкимъ полкамъ проскакалъ Александръ Милославскій и Петръ Толстой съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, и чтобъ стрѣльцы шли въ кремль на службу. Стрѣльцы ударили въ набатъ, въ барабаны, и двинулись ко дворцу съ знаменами и пушками. Это было въ понедѣльникъ, въ полдень, когда Матвѣевъ сходилъ съ дворцовой лѣстницы, чтобъ ѣхать домой; но на лѣстницѣ встрѣтилъ его бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ и объявилъ, что стрѣльцы бунтомъ вошли въ Земляной городъ, скоро будутъ и въ Бѣломъ. Матвѣевъ возвратился на Верхъ и донесъ объ этомъ царицѣ. Немедленно отданъ приказъ подполковнику стремяннаго полка запереть всѣ кремлевскія ворота; но уже было поздно; вбѣжало нѣсколько бояръ съ извѣстіемъ, что стрѣльцы приближаются, кричатъ, что царевича Ивана убили Нарышкины, и что они, стрѣльцы, идутъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода. Набатъ и барабанный бой раздался по всему кремлю. Матвѣевъ и другіе ближніе люди, собравшіеся у царицы, послали за патріархомъ, ко-

торый и явился вмѣстѣ съ посланнымъ, а между тѣмъ положено было вывести къ стрѣльцамъ царя и царевича и такимъ образомъ отнять предлогъ къ смутѣ. Царица, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, вывела Петра съ братомъ на Красное крыльцо. Толпа стихла при этомъ зрѣлищѣ. Какъ же это такъ? нѣтъ ли и тутъ обмана? Нѣсколько стрѣльцовъ подставили лѣстницу, влѣзли на крыльцо къ самому царевичу и спрашивали его: прямой ли онъ царевичь Иванъ Алексѣевичъ, и кто его изъ бояръ измѣнникозъ изводитъ? — «Меня никто не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого,» отвѣчалъ Иванъ.

Это была страшная, рѣшительная минута для заговора. Стрѣльцы обезоруживались. Уйдутъ съ позоромъ изъ кремля, и въ другой разъ ихъ уже трудно будетъ привести туда на ту же удочку, а между тѣмъ Матвѣевъ приметъ свои мѣры. Начали поджигать толпу отчаянными средствами, кричать, что хотя царевичь и живъ, но все же пусть выдадутъ его недоброхотовъ, Матвѣева и Нарышкиныхъ; кричали, что Иванъ Нарышкинъ примѣривалъ на себѣ корону и разныя царскія украшенія. Тутъ Матвѣевъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку и сталъ уговаривать стрѣльцовъ: припомнилъ ихъ прежнія заслуги: сперва они сами помогали укрощать бунты, а теперь собственнымъ мятежомъ уничтожаютъ всѣ старые подвиги. Тщетно Хованскій, какъ говорятъ, дѣлалъ стрѣльцамъ знаки, чтобъ они бросились на Матвѣева: стрѣльцы оставались тихи и неподвижны, и просили Матвѣева, чтобъ заступился за нихъ предъ царемъ. Матвѣевъ, довольный оборотомъ дѣла, возвратился на Верхъ къ царицѣ. Но заговорщики не дремали: видя, что дѣло не ладится передъ дворцомъ, они направили толпу самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой палаты на Красное крыльцо, а между тѣмъ и передъ дворцомъ имъ помогъ человѣкъ, на котораго, разумѣется, они меньше всего могли разчитывать. Князь Михайла Долгорукій, о которомъ не было слышно во все продолженіе страшной смуты, тогда какъ его было дѣло не допускать до этой смуты, теперь, когда стрѣльцы находились въ затруднительномъ положеніи, пришедши по нелѣпому слуху въ кремль, ко дворцу, и когда были утишены Матвѣевымъ, теперь князь Михайла вздумалъ розыграть

предъ ними начальника: съ бранью и угрозами началъ онъ на нихъ кричать, приказывая сейчасъ же убираться изъ кремля въ свои полки. Ничто не могло такъ раздражить разнуздавшихся стрѣльцовъ, какъ этотъ старый начальническій тонъ и, что̀ было всего хуже, этотъ начальническій тонъ принималъ человѣкъ, котораго они не любили и не уважали, надъ которымъ привыкли смѣяться. Стрѣльцы вышли изъ себя, вломились на крыльцо, схватили Долгорукаго и сбросили его внизъ на подставленныя копья, полумертваго изрубили бердышами. У толпы помутилось въ глазахъ отъ первой крови, а тутъ изъ сѣней Грановитой палаты вбѣгаютъ другіе стрѣльцы и бросаются на Матвѣева. Царица и князь Михаилъ Алегуковичь Черкаскій хотѣли было защитить его; но стрѣльцы вырвали у нихъ Матвѣева и сбросили его на площадь противъ Благовѣщенскаго собора: тутъ изрубили его на мелкія части[244]. По другимъ извѣстіямъ[245] Матвѣевъ, чтобъ защитить себя, схватилъ подъ руку царя Петра, но стрѣльцы вырвали его изъ-подъ руки царской. Патріархъ хотѣлъ было сойдти къ стрѣльцамъ внизъ, но ему закричали: «не нужно намъ ни отъ кого никакихъ совѣтовъ, время разбирать, кто намъ надобенъ,» — и, уставя передъ собою копья, бросились во дворецъ искать другихъ измѣнниковъ. Наталья Кирилловна, схвативши сына, ушла въ Грановитую палату, и за нею разбѣжались всѣ; неизвѣстно куда попрятались многочисленные царедворцы и вмѣстѣ воины, ежедневно толпившіеся на крыльцѣ и въ передней, и оставили дворецъ, кремль и Москву во власти разсвирѣпѣвшихъ стрѣльцовъ, на которыхъ обыкновенно смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ.

Оставшись господами во дворцѣ, стрѣльцы бѣгали всюду, по комнатамъ царевенъ, заглядывали подъ кровати, перетряхивали перины, рылись въ чуланахъ, забѣгали въ церкви, въ алтари, ощупывали престолы и жертвенники, тыкали подъ нихъ копьями, думая, что тамъ скрылся кто-нибудь изъ Нарышкиныхъ. Встрѣтили стольника Ѳедора Петровича Салтыкова, приняли его за Аѳанасія Кирилловича Нарышкина и убили; потомъ, увидя ошибку, отвезли тѣло къ отцу, извѣстному намъ боярину Петру Михайловичу Салтыкову, съ извиненіями; ста-

рикъ отвѣчалъ: «Божья воля!» и велѣлъ угостить убійцъ виномъ и пивомъ. Въ комнатѣ царицы Натальи нашли они карла, прозвищемъ Хомяка, и спросили, гдѣ спрятались Нарышкины? Хомякъ указалъ имъ въ сѣнной церкви Воскресенія подъ престоломъ мѣсто убѣжища Аѳанасья Нарышкина: стрѣльцы вытащили его на паперть, разсѣкли и выбросили на площадь. Ивана Ѳомича Нарышкина отыскали въ домѣ его за Москвою рѣкою и убили; убили и знаменитаго воеводу двухъ послѣднихъ царствованій, князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, на котораго были злы со времени Чигиринскихъ походовъ; убили думнаго дьяка, управлявшаго посольскимъ приказомъ, Ларіона Иванова, и нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ людей. Всѣ эти убійства сопровождались криками: «любо ли?» обращенными къ окружавшему безоружному народу, отъ котораго стрѣльцы требовали одобренія своимъ поступкамъ; надобно было кричать: «любо!» и махать шапками; кто же не хотѣлъ кричать: любо! или показывалъ видъ сожалѣнія, тѣхъ били. Убивши кого-нибудь, волокли въ Спасскія или Никольскія ворота на Красную площадь; передъ тѣломъ шли стрѣльцы какъ будто для почета, и кричали: «вотъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ! вотъ бояринъ князь Ромодановскій, вотъ Долгорукій, вотъ думный ѣдетъ! дайте дорогу!» Мы видѣли, что стрѣльцы ходили къ старому боярину Салтыкову съ извиненіями, что ошибкою убили сына его. Съ такими же извиненіями явились они и къ больному осмидесятилѣтнему Долгорукому, что не удержались въ запальчивости, грѣхъ попуталъ, убили сына его, князя Михайлу. Старикъ спокойно выслушалъ ихъ извиненія, у него даже достало духа угостить ихъ виномъ и пивомъ. Но когда убійцы ушли, и къ больному князю вошла невѣстка, вдова убитаго съ громкими воплями о мужѣ, Долгорукій сказалъ ей въ утѣшеніе: «Не плачь! Щуку-то они съѣли, да зубы остались; не долго имъ побунтовать, скоро будутъ висѣть на зубцахъ по стѣнамъ Бѣлаго и Землянаго города.» Холопъ побѣжалъ за стрѣльцами и объявилъ имъ, что старикъ грозится. Въ ярости воротились стрѣльцы, стащили больнаго Долгорукаго на дворъ, разсѣкли на части, вы-

бросили за ворота въ навозную кучу, и на трупъ положили соленую рыбу.

Цѣлый день 15 мая прохозяйничали стрѣльцы во дворцѣ и кремлѣ. Когда смерклось, они разошлись по своимъ слободамъ, но въ кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ оставили крѣпкіе караулы при всѣхъ воротахъ, наказавъ не пускать никого ни въ кремль, ни изъ кремля.

16 мая утромъ стрѣльцы съ тѣми же криками, при набатѣ и барабанномъ боѣ опять явились у дворца съ требованіемъ выдачи Ив. Кир. Нарышкина; въ противномъ случаѣ грозили перебить всѣхъ бояръ. Не смотря на эти угрозы, Нарышкина имъ не выдали и, подождавъ до часа по полудни, они по прежнему разставили вездѣ свои караулы и ушли изъ кремля. Ив. Кир. Нарышкинъ съ отцомъ, братьями, родственниками и сыномъ убитаго Матвѣева, Андреемъ Артамоновичемъ, прятались сначала при комнатѣ маленькой царевны Натальи Алексѣевны, а потомъ въ комнатахъ царицы вдовы, Мароы Матвѣевны; одна только постельница Мароы, Клушина, знала объ убѣжищѣ несчастныхъ. 17 числа на разсвѣтѣ Клушина отвела ихъ въ темный чуланъ, гдѣ они спрятались за перинами и подушками; дверь чулана, по совѣту Матвѣева, нарочно оставили отворенною, для избѣжанія подозрѣній. Стрѣльцы въ третій разъ столпились у дворца съ крикомъ, чтобъ выдали Нарышкина и что на этотъ разъ они безъ него не выйдутъ изъ кремля. Нѣтъ никакой нужды предполагать непремѣнно, чтобъ Софья и Милославскій съ товарищами не хотѣли успокоиться, пока Иванъ Нарышкинъ былъ въ живыхъ, что они до такой степени были озлоблены выходками молодаго человѣка, выдававшагося впередъ изъ всей фамиліи, но не могшаго быть опаснымъ по личнымъ достоинствамъ. Для нихъ одна половина дѣла была сдѣлана — Матвѣевъ убитъ; оставалось сдѣлать другую, отнять правленіе у мачихи, что легко было теперь сдѣлать при помощи стрѣльцовъ, полновластныхъ господъ въ Москвѣ; еще 16 числа Хованскій спрашивалъ стрѣльцовъ: «выгнать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну?» и получилъ въ отвѣтъ: «любо, любо»[246]! Другое дѣло стрѣльцы: они пришли ко дворцу по

вѣсти о цареубійствѣ, вѣсть оказалась ложною, но для оправданія себя зачинщики кричали, что если преступленіе не сдѣлано, такъ сдѣлается, что во дворцѣ есть измѣнники, истребители царскихъ сѣмянъ, и главный Иванъ Нарышкинъ, который уже и корону примѣривалъ; убили Матвѣева, противъ котораго не слышалось никакихъ обвиненій въ измѣнѣ, убили ошибкою Салтыкова, убили въ пылу Долгорукаго, а главный измѣнникъ живъ! Зачѣмъ же приходили? гдѣ же ихъ служба царскому дому? что выставлять заслугою и оправданіемъ пролитой крови? Понятно, что не для заводчиковъ дѣла, но для цѣлой массы необходимо было получить Нарышкина, только его выдачею мятежъ дѣйствительно могъ упасть, если не умѣли и не хотѣли прекращать его другими средствами. Царевна Софья рѣзко сказала царицѣ Натальѣ: «Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ; не погибать же намъ всѣмъ за него!» Перетрусившіеся бояре со слезами просили царицу выдать брата и тѣмъ избавить ихъ отъ смерти. Дѣлать было нечего: Нарышкина вывели изъ его убѣжища и привели въ церковь Спаса за Золотою рѣшеткою; здѣсь его исповѣдали, пріобщили, особоровали; по совѣту Софьи, ему дали держать передъ собою образъ Богородицы: быть можетъ убійцы постыдятся святыни? Началось страшное прощаніе сестры съ братомъ, котораго вели на мучительную смерть. Это прощаніе нѣкоторымъ показалось очень долго. Перетрусившійся старикъ, князь Яковъ Никитичь Одоевскій, не могъ выдержать, сталъ торопить царицу: «Сколько вамъ, государыня, не жалѣть, а все уже отдать придется; а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибнуть изъ-за тебя.»

Нарышкинъ вышелъ изъ церкви. Стрѣльцы, какъ только завидѣли его, съ страшнымъ воплемъ кинулись на жертву, но не убили немедленно же, какъ другихъ, а потащили въ Константиновскій застѣнокъ. Другихъ били или по ошибкѣ, или въ пылу гнѣва, или за свои старыя обиды; но Нарышкинъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательсвѣ на жизнь царевича; стрѣльцы взялись вывести измѣну изъ дворца, измѣнникъ въ ихъ рукахъ, надобно его пытать; не вытерпитъ мукъ, при-

знается — полное оправданіе возстанію.» Но стрѣльцы обманулись въ своей надеждѣ: Нарышкинъ не сказалъ ни слова подъ пыткою. Изъ застѣнка его вытащили на Красную площадь и разсѣкли на части. На той же площади казнили и любимца царя Ѳеодора, боярина Ивана Максимовича Языкова, который скрылся было у духовника своего, при церкви Николы на Хлыновѣ, но былъ преданъ холопомъ. Наконецъ казнили иностраннаго доктора, Даніила фонъ Гадена, обвиненнаго въ отравленіи царя Ѳеодора. Гаденъ, заслышавъ бѣду, успѣлъ было, въ нищенскомъ платьѣ, уйдти изъ Нѣмецкой слободы, двое сутокъ прятался въ Марьиной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ; голодъ заставилъ его возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ надѣялся пріютиться у одного знакомаго и поѣсть чего-нибудь, но на улицѣ былъ узнанъ, схваченъ и приведенъ во дворецъ. Здѣсь царевны и царица Марѳа Матвѣевна умоляли стрѣльцовъ пощадить доктора; увѣряли, что онъ совершенно невиненъ въ смерти царя Ѳеодора, что онъ въ ихъ глазахъ самъ прежде отвѣдывалъ всѣ лѣкарства, которыя составлялъ для больнаго государя — все понапрасну: стрѣльцы кричали: «Это не одно только, что онъ уморилъ царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ чернокнижникъ, мы въ его домѣ нашли сушеныхъ змѣй, и за это надобно его казнить смертію.» Гаденъ находился въ одномъ положеніи съ Нарышкинымъ: на немъ лежали тяжкія обвиненія относительно посяганій на здоровье государево, и его потащили въ тотъ же Константиновскій застѣнокъ на пытку. Стрѣльцы пытали, стрѣлецъ записывалъ пыточныя рѣчи. Гаденъ не вытерпѣлъ мукъ, наговорилъ на себя разныя разности, сталъ просить, чтобъ дали ему три дня сроку и онъ укажетъ тѣхъ, которые больше его достойны смерти. «Долго ждать!» закричали стрѣльцы, разорвали записку съ пыточными рѣчами, потащили Гадена на Красную площадь и тамъ разрубили на мелкія части.

Трехъактовая «Печальная трагедія», какъ называли иностранцы стрѣлецкій бунтъ, кончилась казнію Нарышкина и Гадена. Съ Красной площади стрѣльцы отправились въ Кремль ко дворцу и кричали: «мы теперь довольны; съ остальными измѣнниками

ваше царское величество чините что угодно, а мы за ваше царское величество, за обѣихъ царицъ, царевича и царевенъ готовы головы свои складывать»[247].

Стрѣльцы перестали бунтовать; но правительства не было; въ церквахъ поминали великаго государя Петра Алексѣевича, но не «безсемейной» матери его было думать о правительствѣ, и съ кѣмъ? Все пряталось и трепетало за собственную безопасность. Правительствомъ должны были овладѣть люди, которые не прятались и не трепетали, а дѣйствовали, Софья съ своими сестрами и приверженцами. Царевны управляли Россіею! Софья выдвинулась сама собою на первый планъ, и никто ей не мѣшалъ: это было единственное лицо изъ царскаго дома, которое хотѣло управлять, и все волею-неволею обращалось къ ней, къ ней обращались и стрѣльцы съ своими просьбами или требованіями, и, разумѣется, Софья спѣшила удовлетворить имъ, раздала имъ деньги, сколько только можно было собрать, посулила въ передъ по 10 рублей на человѣка, согласилась дать имъ почетное названіе «надворной пѣхоты». У надворной пѣхоты не было начальника: начальникомъ ея сталъ, неизвѣстно по чьему указу, князь Хованскій[248]; главнымъ орудіемъ его или руководителемъ былъ стрѣлецъ Алексѣй Юдинъ, раскольникъ, выборный Воробина полка.

Софья управляла на дѣлѣ; но это управленіе надобно было освятить правомъ; Софья управляла во дворцѣ, а въ церквахъ поминали великаго государя царя Петра Алексѣевича. 23 мая Хованскій донесъ царевнамъ, что стрѣльцы прислали выборныхъ: всѣ стрѣльцы и многіе чины Московскаго государства хотятъ, чтобъ царствовали оба брата вмѣстѣ, въ противномъ случаѣ грозятъ опять приходить съ оружіемъ. Царевны послали за боярами, окольничими и думными людьми; тѣ не захотѣли рѣшить такого великаго дѣла одни; созванъ былъ соборъ, сошлись патріархъ, архіереи и выборные изъ разныхъ чиновъ люди Московскаго государства, т. е. города Москвы. Мысль, что придутъ опять стрѣльцы, заставила совѣтныхъ людей найдти предложеніе двоевластія очень полезнымъ: когда одинъ царь поідетъ съ войскомъ, то другой останется въ Москвѣ для внутренняго управленія; не стало и за примѣрами исторіи, сход-

ными и несходными, толковали о Фараонѣ и Іосифѣ, объ императорахъ Аркадіѣ и Гоноріѣ, Василіѣ и Константинѣ. Рѣшено: быть обоимъ братьямъ на престолѣ. Ударили въ большой колоколъ, въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебенъ и возгласили многолѣтіе благочестивѣйшимъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу. Уже этимъ самымъ возглашеніемъ давалось первенство Іоанну передъ Петромъ; но сочли за нужное выразить это еще опредѣленнѣе, понизить Петра передъ Іоанномъ, чтобъ тѣмъ самымъ понизить царицу Наталью Кирилловну, отнять у нея возможность требовать себѣ правительства. Опять стрѣлецкіе выборные явились съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ былъ первымъ царемъ, а Петръ вторымъ. Царевны объявили, что выборные говорятъ по внушенію Божію, и 26 мая дума вмѣстѣ съ патріархомъ и архіереями рѣшила: Іоанну быть первымъ царемъ, а Петру вторымъ, что и объявлено стрѣльцамъ и всему народу[249]. Стрѣльцовъ кормили во дворцѣ, ежедневно по два полка, и 29 мая они объявили боярамъ, чтобы правительство, по молодости обоихъ государей, было вручено сестрѣ ихъ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Началась обычная церемонія: всѣ стали упрашивать Софью принять правительство, та отказываться, наконецъ согласилась.

Стрѣльцы пировали во дворцѣ, имъ не было ни въ чемъ отказа, они устроили, налѣпили правительство, которое всѣ признали безпрекословно. А между тѣмъ стрѣльцамъ было что-то не ловко. Имъ слышалось дѣйствительно, а можетъ быть и въ воображеніи, что ихъ называютъ бунтовщиками, имъ казалось, что на нихъ косятся. Съ боярами они уже порѣшили, бояре имъ друзьями не будутъ, а между тѣмъ бояре останутся боярами, т. е. вездѣ начальниками, и будутъ имѣть возможность мстить стрѣльцамъ. Чувствуя это, стрѣльцы, еще во время бунта, обратились къ ближайшему къ себѣ низшему слою народонаселенія, провозгласили вольными холопей, уничтожили кабалы въ холопьемъ приказѣ, но, къ ужасу ихъ, холопи не двинулись массою и воли не взяли: да и на чтобы они взяли, когда многіе изъ нихъ недавно закабалились добровольно, находя это для себя выгоднымъ? Стрѣльцы надѣлали неистовствъ, напавши въ расплохъ на дворецъ, воспользовав-

шись робостію придворныхъ служилыхъ людей, овладѣли Москвою, благодаря тому, что были вооруженные среди невооруженныхъ; но Москва не Россія, не вся земля, и что̀ если вся земля объявитъ себя противъ стрѣльцовъ, что̀ если многочисленные полки служилыхъ людей - помѣщиковъ соберутся подъ Москву очищать ее отъ стрѣльцовъ, какъ нѣкогда очистили отъ Поляковъ? Мирное народонаселеніе Москвы трусило стрѣльцовъ, а стрѣльцы сами страшно трусили, трусили Россіи, и обратились къ сочиненному ими и потому благосклонному къ нимъ правительству, съ просьбою защитить ихъ отъ Россіи, оправдать ихъ въ ея глазахъ, объявить, что они 15, 16 и 17 мая сдѣлали хорошее дѣло.

Стрѣльцы, по заводу Алексѣя Юдина, подали челобитную, въ которой соединили свое дѣло съ дѣломъ всѣхъ тяглыхъ людей Московскихъ, противопоставивъ ихъ и себя знатнымъ людямъ, синклиту: «Бьютъ челомъ стрѣльцы Московскихъ приказовъ, солдаты всѣхъ полковъ, пушкари, затинщики, гости и разныхъ сотенъ торговые люди, всѣхъ слободъ посадскіе люди и ямщики. 15 мая, изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистыя Богоматери, въ Московскомъ государствѣ случилось побитье, за домъ Пречистыя Богородицы и за васъ, великихъ государей, за мирное порабощеніе и неистовство къ вамъ, и отъ великихъ къ намъ налогъ, обидъ и неправды, боярамъ князь Юрью и князь Михайлѣ Долгорукимъ, за многія ихъ неправды и за похвальныя слова, безъ указу многихъ нашу братью били кнутомъ, ссылали въ дальніе города, да князь же Юрій Долгорукій учинилъ намъ денежную и хлѣбную недодачу. Думнаго дьяка Ларіона Иванова убили за то, что онъ къ нимъ же Долгорукимъ приличенъ; да онъ же похвалялся, хотѣлъ нами безвинно обвѣсить весь земляной городъ, да у него же взяты гадины змѣинымъ подобіемъ. Князя Григорія Ромодановскаго убили за его измѣну и нерадѣніе, что Чигиринъ Турскимъ и Крымскимъ людямъ отдалъ, и съ ними письмами ссылался. А Ивана Языкова убили за то, что онъ, стакавшись съ нашими полковниками, налоги намъ великіе чинилъ и взятки бралъ. Боярина Матвѣева и доктора Данилу убили за то, что они на ваше царское величество отравное зелье составляли, и съ пытки

Данила въ томъ винился. Ивана и Аѳанасья Нарышкиныхъ побили за то, что они примѣняли къ себѣ вашу царскую порфиру и мыслили всякое зло на государя царя Іоанна Алексѣевича, да и прежде они мыслили всякое зло на государя царя Ѳеодора Алексѣевича и были за то сосланы. И мы, побивъ ихъ, нынѣ просимъ милости—учинить на красной площади столпъ, и написать на немъ имена всѣхъ этихъ злодѣевъ и вины ихъ, за что побиты; и дать намъ во всѣ стрѣлецкіе приказы, въ солдатскіе полки и посадскимъ людямъ во всѣ слободы жалованныя грамоты за красными печатями, чтобъ насъ нигдѣ бояре, окольничіе, думные люди и весь вашъ синклитъ и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками не называлъ, никого бы въ ссылки напрасно не ссылали, не били и не казнили, потому что мы служимъ вамъ со всякою вѣрностію. А что нынѣ боярскіе люди къ намъ пріобщаются въ совѣтъ, чтобъ имъ быть свободными, то у нас съ ними пріобщенія никакого и думы нѣтъ»[250]. Софья согласилась; Цыклеръ и Озеровъ взяли на себя исполнить требованіе стрѣльцовъ, и столбъ воздвигнутъ былъ очень скоро.

Софья посредствомъ стрѣльцовъ избавила себя и своихъ отъ страшной бѣды, отогнала ненавистную мачиху отъ правительства и сама стала правительницею. Ей было очень тяжело по смерти брата Ѳеодора, въ будущемъ представлялось еще худшее, и она въ отчаяніи, по инстинкту самосохраненія, ухватилась за стрѣлецкія копья. Но были еще люди, которымъ было также тяжело, и которые, по указанію Софьи, хотѣли ухватиться за стрѣлецкія копья, чтобъ выйдти изъ тяжелаго положенія, дать торжество своему дѣлу. Стрѣльцы избили бояръ, возвратили старшинство старшему царевичу: они сильны поднять и старую благочестивую вѣру, которую гонятъ Никоніанцы. На третій день послѣ бунта, въ Титовѣ стрѣлецкомъ полку уже разсуждали о томъ, чтобы изыскать старую православную вѣру, подать челобитную, чтобъ патріархъ и власти дали отвѣтъ отъ божественнаго писанія, за что они старыя книги возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру? Въ полку не нашлось человѣка, кто бы съумѣлъ сложить челобитную и дать отвѣтъ властямъ, призвали чернослободца изъ Гончарной слободы Се-

мена Калачникова, и стали его спрашивать: «нѣтъ ли у васъ между посадскими людьми или въ иномъ чину ревнителей старой вѣры, чтобъ были искусны и учены божественному писанію, умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дать патріарху и властямъ?» — «Слыхалъ я отъ своей братьи, отвѣчалъ Калачниковъ, что есть такіе божественныхъ писаній сказатели.» Стрѣльцы начали его упрашивать, чтобъ привелъ къ нимъ такихъ. Калачниковъ обѣщался, пошелъ въ свою слободу и разказалъ въ чемъ дѣло троимъ изъ своихъ — Никитѣ Борисову, Ивану Курбатову и Саввѣ Романову, бывшему прежде келейникомъ у архимандрита Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря: «порадѣемъ, говорилъ Калачниковъ, а стрѣльцы сильно хотятъ постоять за старую вѣру.» Чернослободцы порадѣли и отыскали «ревнителя отеческихъ преданій и твердаго адаманта», монаха Сергія. «Подвигнемся!» отвѣчалъ имъ Сергій. Подвигнулись, всѣ въ пятеромъ отправились въ домъ къ Никитѣ Борисову и начали писать челобитную о старой вѣрѣ отъ лица всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ и всѣхъ чернослободцевъ. На другой день челобитная была уже готова и Калачниковъ отправился въ Титовъ полкъ съ радостною вѣстію, что порученіе исполнено. Пятисотенный съ двумя другими стрѣльцами пошелъ съ нимъ къ нему въ домъ, чтобъ посмотрѣть на твердаго адаманта и послушать, какую челобитную сочинили чернослободцы. «Попекитесь, братія, началъ говорить имъ Сергій, о стольких душахъ, погибающихъ отъ новыхъ книгъ; не дайте насъ въ поруганіе по прежнему какъ братію нашу, жечь да мучить, а мы готовы обличать ихъ новую вѣру». —«Готовы, честной отче! отвѣчалъ пятисотенный, готовы съ вами за одно умереть за старое благочестіе, коротко скажемъ: что̀ будетъ вамъ, то и намъ.» Сергій поклонился ему въ землю и велѣлъ Саввѣ Романову прочесть челобитную. Стрѣльцы пришли въ изумленіе: «отъ роду не слыхали мы такого слога и такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ!» говорили они. Такое же впечатлѣніе произвела челобитная, когда Савва прочелъ ее въ другой разъ передъ стрѣльцами, собранными у съѣзжей избы: многіе плакали, а когда чтеніе кончилось, всѣ закричали: «Подобаетъ, братія, постоять за старую вѣру и

кровь свою пролить за Христа свѣта; за тлѣнное было головы свои положили, за Христа свѣта для чего не умереть?»

Стрѣльцы объявили Хованскому, что у нихъ готова челобитная. Хованскій, приверженецъ старины во всемъ, былъ извѣстенъ какъ приверженецъ и старой вѣры, ходило преданіе, что онъ даже и страдалъ за нее[251]. Хованскій обрадовался, но спросилъ: «Есть ли, братія, кому отвѣтъ давать властямъ, велико дѣло Божіе сіе, надобно чтобъ люди ученые были.» — «Есть у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе многіе люди на сіе дѣло тщатся», отвѣчали стрѣльцы. — «Приведите ихъ всѣхъ ко мнѣ на домъ и сами приходите», сказалъ бояринъ, и назначилъ время.

Раскольники были съ честію приняты прислугою Хованскаго, но часа три дожидались выхода хозяина: у него были гости. Наконецъ бояринъ вышелъ, и увидавъ монаха, о которомъ ему такъ много наговорили, поклонился ему до земли, и спросилъ: «коея ради вины пришелъ ко мнѣ, честный отче!» Сергій отвѣчалъ, что принесли челобитную съ описаніемъ ересей въ новыхъ книгахъ. «Я и самъ грѣшный, сказалъ на это Хованскій, вельми желаю, чтобы по старому было въ святыхъ церквахъ единогласно и немятежно; хотя и грѣшенъ, но несумнѣнно держу старое благочестіе, чту по старымъ книгамъ и воображаю на лицѣ своемъ крестное знаменіе двумя перстами.» Тутъ Хованскій прочелъ символъ вѣры съ необходимымъ для раскольниковъ прибавленіемъ истиннаго къ Духу животворящему, и продолжалъ: «Тако вѣрую и тако проповѣдаю и молю Бога, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ, не далъ до конца погибнуть душамъ христіанскимъ отъ нынѣшней новой Никоніанской вѣры.» Хованскій, по обычаю, кончилъ свою рѣчь нѣсколькими текстами: «много изрекъ отъ божественныхъ писаній.» Когда все было изречено, Сергій обратился къ Хованскому съ главнымъ дѣломъ: «Изволь, царскій боляринъ, челобитныя послушать.» Начали читать челобитную, и царскій боляринъ также былъ пораженъ множествомъ ересей въ новыхъ книгахъ, и спросилъ: «кто писалъ челобитную?»—«Я съ братіею потрудился», отвѣчалъ Сергій. Но царскій боляринъ получилъ не очень

выгодное мнѣніе о твердомъ адамантѣ. «Вижу тебя, отче, инока смиренна и тиха и неродословна, не будетъ тебя съ такое великое дѣло, надобно противъ нихъ человѣку многоглаголивому отвѣтъ держать.» Сергій отвѣчалъ: «хотя я и не многословесенъ, и не навыченъ клюкамъ ихъ и высокорѣчію, однако надѣюсь на Сына Божія, рече бо: не вы будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего.» Тутъ другіе раскольники, чтобъ дать Хованскому надежду на успѣхъ, объявили ему, что за дѣло возьмется знаменитый Никита, священникъ Суздальскій, хотя отрекшійся сначала отъ раскола, но теперь опять за него ратующій. Хованскій, услыхавъ про Никиту, обрадовался; онъ былъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ, думалъ, что православнымъ не устоять противъ него въ спорѣ. «Радъ вамъ, братія, помогать, говорилъ Хованскій раскольникамъ, а того и въ умѣ не держите, что по старому васъ казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь.» Раскольники начали требовать у него собора на лобномъ мѣстѣ передъ всѣмъ народомъ, въ присутствіи государей, а если нельзя на лобномъ, такъ въ кремлѣ, межь соборами, у краснаго крыльца, и настаивали, чтобъ соборъ былъ непремѣнно въ слѣдующую пятницу (23 іюня), ибо пятница была освящена старымъ обычаемъ для соборовъ. Хованскій отвѣчалъ, что нельзя быть собору въ пятницу, потому что въ воскресенье назначено царское вѣнчаніе государей. «Намъ того-то и хочется, говорили раскольники, чтобъ государи вѣнчались въ истинной православной вѣрѣ, а не въ ихъ латиноримской.» Хованскій свидѣтельствовался Богомъ, что цари будутъ вѣнчаться по старому, какъ было заведено со временъ царя Іоанна Васильевича; но раскольникамъ были нужны не одни старые обряды собственно царскаго вѣнчанія, они говорили: государи станутъ на литургіи пріобщаться, а литургію-то патріархъ будетъ служить по новому, да и на вѣнчаніи будетъ государей уговаривать, чтобъ они стояли за новую вѣру. Хованскому нечего было отвѣчать на это: «Да вѣдь патріарху на царей не кабалу же взять, сказалъ онъ: будь по вашему, соборъ въ пятницу.» Раскольники ушли отъ него очень довольные.

Въ назначенный день, въ пятницу 23 числа, стрѣлецкіе выборные отправились къ Хованскому съ вопросомъ: когда, го-

сударь, изволишь отцамъ приходить на соборъ?» Хованскій отвѣчалъ, что черезъ два часа. Черезъ два часа отцы явились въ кремлѣ: Никита несъ крестъ, Сергій евангеліе, монахъ Савватій, явившійся на подмогу къ своимъ изъ Волоколамскихъ лѣсовъ, несъ икону страшнаго суда, собралось множество народа, мужчинъ и женщинъ, и всѣ съ удивленіемъ спрашивали другъ друга: «что̀ это такое?» Хованскій велѣлъ ввести раскольниковъ въ отвѣтную палату, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи дьяковъ, подьячихъ и разнаго рода людей, приложился къ кресту и евангелію, и спросилъ, какъ будто ничего не зная, за чѣмъ пришли честные отцы? Никита отвѣчалъ, что пришли они побить челомъ о старой православной вѣрѣ, чтобъ велѣно было патріарху и архіереямъ служить по старому; а если патріархъ не захочетъ служить по старому, то пусть дастъ отвѣтъ, чѣмъ старыя книги дурны? и зачѣмъ онъ ревнителей отеческихъ догматовъ проклинаетъ и въ ссылку ссылаетъ, зачѣмъ Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить и монаховъ перемучить; а мы всякія затѣи и ереси въ ихъ новыхъ книгахъ въ конецъ обличимъ.» Хованскій отвѣчалъ и Никитѣ то же, что̀ прежде Сергію: «Самъ я пою и вѣрую по старымъ книгамъ.» Онъ взялъ у раскольниковъ челобитья, понесъ вверхъ къ государямъ и, возвратившись, сказалъ: «Будетъ противъ вашей челобитной дѣла недѣли на три; патріархъ упросилъ государей отложить до середы, въ среду приходите послѣ обѣда.» Но въ воскресенье царское вѣнчаніе? Никита объ этомъ не забылъ и спросилъ Хованскаго: «Какъ же, государь, изволите царей государей вѣнчать?»—«Я вамъ сказалъ, что будутъ вѣнчать по старому», отвѣчалъ Хованскій. Но Никита не отставалъ: «Хорошо бы, чтобъ патріархъ и литургію служилъ по старому, на семи просвирахъ, и крестъ бы на просвирахъ былъ истинный, а не крыжъ.» Чтобъ отдѣлаться, Хованскій отвѣчалъ: «Вы велите напечь просвиръ съ старымъ крестомъ: я самъ отнесу ихъ патріарху и велю служить по старому, а ты, отецъ Никита, ступай домой».

Къ воскресенью нашло еще въ Москву жителей Волоколамскихъ пустынь, отецъ Дороѳей, отецъ Гавріилъ. Радость была большая у раскольниковъ; Никита заказалъ нѣкоей ис-

кусной вдовицѣ напечь просвиръ, въ полной надеждѣ, что патріархъ будетъ на нихъ служить литургію. Въ воскресенье онъ взялъ просвиры и съ торжествомъ отправился въ кремль; но торжество было непродолжительно: толпы народа заливали кремль, ожидая выхода государей въ соборъ, и Никита никакъ не могъ протѣсниться къ собору. Въ отчаяніи возвратился онъ съ своимъ узелкомъ къ отцамъ: «Простите, отцы святіи, никоими мѣрами народъ не допуститъ до соборной церкви, и я просвиры назадъ принесъ!» Дѣлать было нечего, роздали просвиры вѣрнымъ благословенія ради.

Между тѣмъ раскольничье дѣло шло не очень удачно въ стрѣлецкихъ полкахъ. Далеко не всѣ приказы были согласны въ томъ, что надобно постоять за старую вѣру. Раскольники приписывали это несогласіе патріарху, который будто бы посылалъ за выборными стрѣльцами, осыпалъ ихъ ласками, поилъ, посылалъ подачи и дары. Чтобъ подвинуть дѣло, въ Титовѣ полку рѣшили выбрать старыхъ стрѣльцовъ, посылать ихъ по приказамъ съ челобитною и уговаривать подписываться подъ нею. Подписались девять приказовъ да десятые пушкари; но въ остальныхъ десяти приказахъ всталъ сильный споръ и брань: одни хотятъ подписываться, другіе не хотятъ, говоря: «Зачѣмъ намъ руки прикладывать? мы отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ; а если руки приложимъ, то и отвѣтъ должны будемъ давать противъ патріарха и архіереевъ; старцы съумѣютъ ли противъ такого собора отвѣчать? Они намутятъ тутъ да и уйдутъ. Все это дѣло не наше, а патріаршее, мы и безъ рукоприкладства рады тутъ быть, стоять за православную вѣру и смотрѣть правду, а по старому не дадимъ жечь и мучить.»

Такимъ образомъ и стрѣльцы далеко были не всѣ за расколъ. Не смотря на то, длинную челобитную на 20 столбцахъ написали отъ имени всѣхъ православныхъ христіанъ, и 3 іюля выборные стрѣлецкіе отправились къ Хованскому съ вопросомъ, когда отцамъ приходить на соборъ? Но до Хованскаго уже дошли слухи, что между стрѣльцами волненіе по раскольничьему вопросу, несогласія; онъ вышелъ къ выборнымъ и спросилъ именемъ царскимъ: «Всѣ ли вы полки заодно хотите стоять за пра-

вославную вѣру?» Выборные отвѣчали: «Всѣ полки и черносло-бодцы рады стоять за старую православную христіанскую вѣру!» Еще два раза Хованскій повторилъ свой вопросъ и получилъ отвѣтъ: «Не только стоять, но и умереть готовы за вѣру Христову!» Тогда Хованскій отправился вверхъ къ государямъ, т. е. къ царевнѣ, и передалъ отвѣтъ выборныхъ. Рѣшено было, чтобъ онъ шелъ съ ними къ патріарху. Вмѣстѣ съ Хованскимъ и выборными пошли туда же и ревностные раскольники изъ посадскихъ. Хованскій пошелъ къ патріарху въ крестовую, а выборные и посадскіе дожидались въ сѣняхъ. Выборныхъ позвали на патріаршій погребъ, угостили, и они возвратились оттуда пьяные въ сѣни, и посадскіе съ ужасомъ увидали, что на нихъ плохая надежда. Когда Хованскій велѣлъ наконецъ ввести всѣхъ въ крестовую, то выборные начали кричать ревнителямъ: «Увидимъ, какъ-то вы станете отвѣчать патріарху и властямъ!» Вышелъ патріархъ, выборные пошли къ нему подъ благословеніе, но посадскіе ревнители не двинулись. Патріархъ спросилъ: «Зачѣмъ, братія, пришли къ нашему смиренію, и чего отъ насъ требуете?» Отвѣчалъ Хованскій: «Пришли, государь, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобъ служба была въ соборной церкви по старымъ книгамъ.»

Наступило продолжительное молчаніе. Хованскій обратился къ стрѣльцамъ и велѣлъ имъ говорить. Началъ Алексѣй Юдинъ: «Мы пришли, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію, за что̀ старыя книги отринуты, и какія въ нихъ ереси обрѣтаются, чтобъ намъ про то вѣдомо было.» Патріархъ отвѣчалъ: «Чада моя и братія! Вамъ не подобаетъ судить и простаго человѣка, кольми паче архіерея. Вы простаго чина воинскаго, вамъ это дѣло не за искусъ. Я пастырь, а не наемникъ, дверьми вошелъ, а не чрезъ ограду, не самъ я на себя такую тяготу восхитилъ или накупился на апостольскій престолъ, избранъ повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора благословеніемъ. Хотя я и недостоинъ, но пастырь, и потому вы должны мнѣ повиноваться. Вмѣсто того вы намъ прекословцы и непослушники являетесь; вы порицаете нашу

вѣру, Никона патріарха называете еретикомъ, а онъ еретикомъ не былъ, если изверженъ, то за свое безчиніе, никакого поврежденія въ вѣрѣ онъ у насъ не сдѣлалъ; исправленія, какія сдѣланы въ книгахъ, и троеперстный крестъ введенъ по утвержденію святѣйшихъ патріарховъ, не сами мы все это завели отъ себя, но отъ божественныхъ писаній исправили.»

Отвѣчать патріарху, разумѣется, могли не стрѣлецкіе выборные. Съ отвѣтомъ выступилъ ревнитель изъ посадскихъ, Павелъ Даниловецъ. У этихъ ревнителей наболѣло одно мѣсто: въ стрѣлецкихъ слободахъ, у Хованскаго, вездѣ толковали они о своихъ гоненіяхъ, требовали, чтобъ ихъ не выдали, впередъ не жгли и не мучили. Теперь они лицомъ къ лицу съ патріархомъ и архіереями, которыхъ считали главными своими гонителями. «Правду говоришь, святѣйшій владыка, началъ Павелъ, что вы на себѣ Христовъ образъ носите; но Христосъ сказалъ: «Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ,» а не срубами, не огнемъ и мечомъ грозилъ; велѣно повиноваться наставникамъ, но не велѣно слушать и ангела, если не то возвѣщаетъ. Что̀ за ересь и хула двумя перстами креститься? за что тутъ жечь и пытать?

Патріархъ отвѣчалъ: «Мы за крестъ и молитву не жжемъ и не пытаемъ, жжемъ за то, что насъ еретиками называютъ и не повинуются св. церкви, а креститесь какъ хотите.» Противъ этого возражать было нечего; раскольники очень хорошо знали, что если бы прекратилось гоненіе и имъ позволили свободно молиться какъ хотятъ, то они все же не перестали бы враждовать къ церкви, считая ее неправославною; раскольники требовали отъ духовенства, чтобъ оно не преслѣдовало ихъ какъ еретиковъ, но сами не принимали на себя обязательства не смотрѣть на духовенство, какъ на еретическое. Павелъ долженъ былъ перемѣнить разговоръ о гоненіяхъ и начать споръ объ искаженіяхъ книгъ, объ Никонѣ и Арсеніѣ, извѣстный, безконечный споръ, продолжающійся и теперь по праздникамъ въ Московскомъ кремлѣ. Когда споръ кончился и Хованскій съ выборными пошелъ къ патріарху подъ благословеніе, подошелъ и Павелъ, но потребовалъ, чтобъ патріархъ благословилъ его по старому; патріархъ не согласил-

ся, и Павелъ ушелъ безъ благословенія. Хованскій поцѣловалъ его въ голову и сказалъ: «Не зналъ я, малый, тебя до сей поры»[252]! Соборъ былъ начначенъ 5-го іюля, въ середу.

Между тѣмъ раскольники не тратили времени: проповѣдывали громко по улицамъ и площадямъ. На Красной площади простой народъ, мущины и женщины, собирались толпами и толковали о старой вѣрѣ, при чемъ люди, жаловавшіеся на гоненіе и взывавшіе къ кротости и смиренію Христову, не замедлили обнаружить свою кротость и смиреніе: вышелъ на площадь православный священникъ Савва, извѣстный своею школьною ученостію, началъ доказывать, что должно креститься тремя перстами и сильно возставалъ противъ раскола: обличаемые побили обличителя; сильно досталось также монаху Чешихѣ, говорившему противъ раскола у Москворѣцкихъ воротъ[253].

5-го іюля, въ середу, чѣмъ свѣтъ пришли стрѣлецкіе выборные къ Никитѣ и монахамъ и объявили: «Мы объ этомъ дѣлѣ боярину уже не станемъ докладывать, потому что они опять станутъ просить сроку, но какъ только мы вамъ дадимъ знать, такъ и ступайте.» Чрезъ нѣсколько времени дали знать, и раскольники начали собираться: отпѣли молебенъ, благословились у отца Никиты, взяли крестъ, евангеліе, образъ Богородицы, страшнаго суда, старыя книги, зажгли свѣчи и отправились въ кремль; огромная толпа народу прорвалась съ ними туда же, давка была страшная; въ толпѣ слышались похвалы раскольничьимъ монахамъ, ихъ стариннымъ клобукамъ, надвинутымъ на глаза, ихъ постническому виду: «не толсты брюха-то у нихъ, не какъ у нынѣшнихъ новаго завѣта учителей!» Раскольники расположились у Архангельскаго собора, разставили налои, разостлали на нихъ пелены, разложили крестъ, евангеліе, образа, зажгли свѣчи. Патріархъ съ духовенствомъ въ это время былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ со слезами служилъ молебенъ: происшествія съ Саввою и Чешихою мало обѣщали ему хорошаго. По окончаніи молебна, патріархъ ушелъ къ себѣ домой, а къ народу выслалъ Верхоспасскаго протопопа Василія съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту, какъ онъ прежде раскаявался передъ соборомъ въ

раскольническихъ заблужденіяхъ. Дрожа отъ страху, протопопъ началъ читать обличеніе противъ угла Грановитой палаты; но стрѣльцы схватили его, заушили и потащили къ раскольникамъ, тетрадь хотѣли изорвать; но монахъ Сергій вступился: «Зачѣмъ его бить? сказалъ онъ: вѣдь онъ не самъ собою пришелъ, посланъ патріархомъ, пусть дочитываетъ.» Но толпа взволновалась, хотѣла протопопа камнями побить, за шумомъ нельзя было ничего разслышать, что̀ онъ читалъ. Тогда Сергій сказалъ ему: «Что всуе трудишися? видишь, никто не слушаетъ.» Толпа требовала, чтобъ Сергій поучилъ ее отъ божественныхъ писаній, какъ избѣжать прелести Никоніанскія? Принесли скамью, Сергій вошелъ на нее, и сталъ читать Соловецкія тетрадки, о крестномъ знаменіи, о крыжѣ, о жезлахъ, о просвирахъ и обо всемъ церковномъ премѣненіи; окружающіе слушали съ сложенными руками, вздыхали глубоко, нѣкоторые и плакали; но отцамъ приходилось плохо, потому что ихъ страшно гнели со всѣхъ сторонъ. Сергій пересталъ читать Соловецкія тетрадки, но толпа кричитъ: «Скажи намъ еще, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, чтобъ намъ душами нашими не погибнуть!» Сергій изнемогъ, третій день ничего не ѣлъ: «Возьми, читай ты!» говоритъ онъ Саввѣ Романову; но тотъ назадъ: «Не мое это дѣло, а ваше, вы на это и званы.»

Между тѣмъ во дворцѣ происходили также любопытныя сцены. Когда отцы расположились у Архангельскаго собора, стрѣлецкіе выборные отправились въ Верхъ къ Хованскому спросить, когда изволитъ быть собору? Хованскій пошелъ къ патріарху съ этимъ вопросомъ; Іоакимъ отвѣчалъ, что пусть раскольники идутъ въ Грановитую палату, потому что тамъ хотятъ быть царица и царевны, а на площади передъ народомъ быть имъ зазорно. Съ этимъ отвѣтомъ выборные отправились къ отцамъ, но когда отцы передали его народу, въ толпѣ закричали: «Отчего патріархъ не хочетъ передъ народомъ свидѣтельствовать о божественномъ писаніи; подобаетъ собору здѣсь быть, а въ палатѣ нельзя по множеству народа; въ народѣ смятеніе: одни хвалятъ старую вѣру, а другіе новую: надобно это сомнѣніе и мятежъ въ душахъ христіанскихъ раз-

рѣшить; вы, отцы святые, въ палату не ходите, царевнамъ нечего тутъ дѣлать; надобно тутъ быть царямъ государямъ, а не царевнамъ.» Отцы сказали выборнымъ: «Пусть патріархъ свидѣтельствуетъ книги передъ всѣмъ народомъ, а мы въ палату нейдемъ.» Выборные пересказали этотъ отвѣтъ Хованскому, который сталъ уговаривать Софью исполнить требованіе народа; но Софья никакъ не соглашалась выслать патріарха съ духовенствомъ на площадь послѣ недавнихъ сценъ насилія; тогда Хованскій началъ настаивать, чтобъ и въ Грановитой палатѣ никто не присутствовалъ изъ особъ царскаго дома; онъ стращалъ новымъ стрѣлецкимъ бунтомъ, прямо говорилъ, что если государи будутъ въ Грановитой вмѣстѣ съ патріархомъ, то имъ не быть живымъ. Но Софья имѣла сношенія съ стрѣльцами, была увѣрена, что у нихъ и въ мысли нѣтъ о бунтѣ, и потому спокойно отвѣчали Хованскому: «Буди воля Божія, но я не оставлю св. церкви и ея пастыря.» Не успѣвши напугать Софью, Хованскій началъ говорить боярамъ: «Просите ради Бога царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую съ патріархомъ, а если пойдетъ, то при нихъ и намъ быть всѣмъ побитымъ.» Напуганные бояре бросились умолять Софью не ходить въ Грановитую, но она и ихъ не послушала, и послала сказать патріарху, чтобъ шелъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ въ Грановитую, только не чрезъ Красное крыльцо, гдѣ могла быть опасность отъ изувѣровъ, а по ризположенской лѣстницѣ. Патріархъ, видя бѣду, изъ которой не думалъ выйдти живымъ, пошелъ со слезами въ Грановитую, а древнія книги Греческія и Славянскія велѣлъ нести черезъ Красное крыльцо, чтобъ народъ видѣлъ, какія средства имѣетъ церковь противъ своихъ мятежниковъ. Въ то время, какъ мущины трепетали при входѣ въ Грановитую, три женщины добровольно вызвались идти туда вмѣстѣ съ Софьею: царица Наталья Кирилловна и двѣ царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна. Послѣ совѣщанія у царевенъ и царицы съ патріархомъ рѣшено было призвать раскольниковъ въ Грановитую только для прочтенія челобитной.

Съ этимъ рѣшеніемъ отправился къ отцамъ самъ Хованскій. Помолившись предъ крестомъ, евангеліемъ и образами

и поклонившись отцамъ, онъ объявилъ имъ, чтобъ шли въ Грановитую палату: «Никакого вамъ зла не будетъ, говорилъ онъ, потому что царевны хотятъ тутъ же слушать челобитную, а здѣсь имъ быть зазорно. Собору и свидѣтельству божественныхъ писаній сегодня быть некогда, это дѣло великое, а теперь на дворѣ уже поздно; только выслушаютъ царевны и царица вашу челобитную, и отпускъ вамъ будетъ.» Отвѣчалъ Сергій: «Государь царскій бояринъ! мы въ палату идти боимся, чтобъ какого-нибудь вымысла и коварства надъ нами не было по прежнему; изволилъ бы патріархъ это дѣло предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ палатѣ столько народу не помѣстится; знаю, что однихъ насъ пустятъ, а изъ народа никого не пустятъ, а намъ безъ народа что̀ тамъ дѣлать?» — «Всѣмъ можно будетъ идти въ палату, кто хочетъ ступай, говорилъ Хованскій: если уже вы, отцы святые, на мою душу грѣшную во всемъ положились, такъ вѣрьте мнѣ и теперь; цѣлую вамъ крестъ, клянусь кровію Христовою, что вамъ никакого зла не будетъ, а если что будетъ, такъ и мнѣ то же что вамъ.» Тутъ сказалъ Никита: «Отецъ Сергій! я ему вѣрю.» — «Ну, хорошо!» отвѣчалъ Сергій. Хованскій пошелъ во дворецъ, наказавши раскольникамъ, чтобъ безъ него не ходили. Возвратившись во дворецъ, Хованскій еще разъ попробовалъ напугать Софью, чтобъ не была вмѣстѣ съ патріархомъ въ Грановитой, но Іоакимъ объявилъ, что безъ государей къ народу въ Грановитую палату не пойдетъ, а Софья сказала рѣшительно, что не покинетъ патріарха. Тогда Хованскій послалъ выборныхъ къ отцамъ, чтобъ шли на Верхъ.

Раскольники двинулись съ крестомъ, евангеліемъ, образами, налоями, свѣчами. Хованскій, сдерживая данное слово, велѣлъ всѣхъ ихъ пустить въ палату, а православныхъ священниковъ и мірянъ пускать не велѣлъ, иныхъ даже велѣлъ отогнать побоями[254]. По раскольничьему разказу[255] дѣло объясняется такъ, что идя на красное крыльцо, раскольники столкнулись съ священниками, рванувшимися на встрѣчу къ нимъ изъ Грановитой; произошла драка, одинъ священникъ схватилъ Никиту за волосы, стрѣльцы бросились на священниковъ съ кулаками и заставили ихъ разбѣжаться въ разныя

стороны. Хованскій прибѣжалъ на шумъ и крикъ, отцы къ нему съ жалобами, что ихъ бьютъ попы, и указали священника, схватившаго Никиту за волосы; Хованскій сейчасъ же велѣлъ этого священника сковать и отослать въ стрѣлецкій приказъ, другихъ велѣлъ сбить съ Верху, оставивъ не многихъ, по просьбѣ архіереевъ, кричалъ, бранился непристойными словами: «Ахъ, плуты! я ничего не знаю, а ихъ набралось, что кабацкихъ ярыжекъ!» Отцы однако все не хотѣли двигаться дальше, крича, что неправды много стало; тогда Хованскій поцѣловалъ имъ крестъ, что никакого зла имъ не будетъ, и они пошли; съ ними вмѣстѣ пошло много и посадскихъ людей[256].

Съ шумомъ вошли раскольники въ Грановитую и разставили свои налои и свѣчи какъ на площади; они пришли утверждать старую вѣру, уничтожать всѣ новшества, а не замѣчали, какое небывалое новшество встрѣтило ихъ въ Грановитой палатѣ: на царскомъ мѣстѣ однѣ женщины! царевны, дѣвицы открыто предъ всѣмъ народомъ, и одна царевна заправляетъ всѣмъ! Они не видѣли въ этомъ явленіи знаменія времени. На царскихъ тронахъ сидѣли двѣ царевны — Софья и тетка ея, Татьяна Михайловна, пониже въ креслахъ царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна и патріархъ, направо архіереи, налѣво свѣтскіе сановники, царедворцы и выборные стрѣльцы.

Патріархъ обратился къ отцамъ съ вопросомъ: «Зачѣмъ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ»[257]? Отвѣчалъ Никита: «Мы пришли къ царямъ государямъ побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобъ дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи.» Патріархъ сказалъ на это то же, что говорилъ прежде раскольникамъ у себя: «не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла, вы должны повиноваться матери святой церкви и всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи; книги исправлены съ Греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую содержитъ въ себѣ силу.» — «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о

церковныхъ догматахъ!» закричалъ Никита, и сейчасъ же показалъ, что онъ разумѣетъ подъ догматами, обратившись къ патріарху съ вопросомъ, зачѣмъ архіереи при осѣненіи берутъ крестъ въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую? За патріарха сталъ отвѣчать Холмогорскій епископъ Аѳанасій. Никита бросился на него съ поднятою рукою: «Что ты нога выше головы ставишься? я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!» Стрѣлецкіе выборные поспѣшили оттащить Никиту отъ епископа. Тутъ Софья не выдержала, вскочила съ мѣста и начала говорить: «Видите ли, что Никита дѣлаетъ? въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавна бы убилъ.» Между раскольниками послышались голоса: «Нѣтъ, государыня, онъ не билъ, только рукою отвелъ.» Но Софья продолжала: «Тебѣ ли, Никита, съ св. патріархомъ говорить? не довелось тебѣ у насъ и на глазахъ быть; помнишь ли, какъ ты отцу нашему и патріарху и всему собору принесъ повинную, клялся великою клятвою впередъ о вѣрѣ не бить челомъ, а теперь опять за то же принялся?» — «Не запираюсь, отвѣчалъ Никита, поднесъ я повинную за мечемъ да за срубомъ; а на челобитную мою, которую я подалъ на соборѣ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ; сложилъ на меня Семенъ Полоцкій книгу: Жезлъ, но въ ней и пятой части противъ моего челобитья нѣтъ; изволишь, я и теперь готовъ противъ Жезла отвѣчать, и если буду виноватъ, то дѣлайте со мной что хотите.» — «Не стать тебѣ съ нами говорить и на глазахъ нашихъ быть,» сказала ему Софья и велѣла читать челобитную. Когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душою царя Алексѣя, Софья опять не вытерпѣла: слезы выступили у нея на глазахъ, она вскочила съ своего мѣста и начала говорить. «Если Арсеній и Никонъ патріархъ еретики, то и отецъ нашъ и братъ такіе же еретики стали; выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать, что отецъ нашъ и братъ еретики, мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ.» Съ этими словами царевна отошла отъ своего мѣста и стала поодаль. Хованскій, бояре всѣ и выборные расплакались: «зачѣмъ царямъ государямъ изъ царства вонъ идти, мы рады за нихъ

головы свои положить.» Раздались и другія рѣчи между стрѣльцами: «Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ-то мутить, намъ бы здоровы были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ.»

Но эти выходки не могли ослабить впечатлѣнія, произведеннаго на выборныхъ словами Софьи: «Все это отъ того, что васъ всѣ боятся, говорила имъ царевна: въ надеждѣ на васъ эти раскольники мужики такъ дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите: хорошо ли такимъ мужикамъ невѣждамъ къ намъ бунтомъ приходить, творить намъ всѣмъ досады и кричать? Неужели вы, вѣрные слуги нашего дѣда, отца и брата, въ единомысліи съ раскольниками? Вы и нашими вѣрными слугами зоветесь: зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете? Если мы должны быть въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и разореніи.»

Ничѣмъ нельзя было такъ напугать стрѣльцовъ, какъ угрозою, что цари оставятъ Москву. Въ нихъ было живо сознаніе, что поведеніе ихъ съ 15 мая возбудило сильное неудовольствіе въ могущественныхъ классахъ, что бояре ихъ ненавидятъ, какъ бунтовщиковъ и убійцъ, что многочисленное дворянское войско, и прежде ихъ не любившее, теперь не дастъ имъ пощады по первому мановенію правительства, что они цѣлы до сихъ поръ и наводятъ страхъ на мирное народонаселеніе Москвы только потому, что правительство ихъ прикрываетъ; но если правительство отречется отъ нихъ, оставитъ Москву? Выборные отвѣчали: «Мы великимъ государямъ и вамъ государынямъ вѣрно служить рады, за православную вѣру, за церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все дѣлать. Но сами вы, государыни, видите, что народъ возмущенный и у палатъ вашихъ стоитъ множество людей: только бы какъ-нибудь этотъ день проводить, чтобъ намъ отъ нихъ не пострадать, а что великимъ государямъ и вамъ государынямъ идти изъ царствующаго града — сохрани Боже! зачѣмъ это?»

Софья возвратилась на свое мѣсто. Продолжали читать челобитную. Софья не могла удержаться, чтобъ не поспорить еще

съ раскольничьими монахами о разныхъ вещахъ. Когда челобитная была прочтена, патріархъ взялъ въ одну руку евангеліе, писанное митрополитомъ Алексіемъ, въ другую соборное дѣяніе патріарха Іереміи съ символомъ вѣры, какъ онъ читается въ новоисправленныхъ книгахъ: «вотъ старыя книги, сказалъ Іоакимъ, и мы имъ вполнѣ послѣдуемъ.» Но самое сильное впечатлѣніе произвелъ одинъ священникъ, который выступилъ впередъ съ книгою, напечатанною при патріархѣ Филаретѣ: «Вотъ ваши любимыя книги Филаретовскія, сказалъ священникъ, смотрите, что́ въ нихъ напечатано: разрѣшается на мясо въ великій четвертокъ и субботу!» Никита, молчавшій до сихъ поръ послѣ окрика Софьи, не вытерпѣлъ, но могъ только выбраниться съ досады: «Такіе же плуты печатали какъ и вы,» сказалъ онъ священнику.

Чтеніе челобитной кончилось, и раскольниковъ отпустили изъ Грановитой. Вышедши изъ кремля, они остановились на лобномъ мѣстѣ и опять разказывали народу, сколько ересей Никоніанцы насѣяли въ божественныя книги, хвалились, что переспорили и посрамили всѣхъ архіереевъ. Съ лобнаго отправились за Яузу; здѣсь въ церкви Спаса въ Чигасахъ отслужили молебенъ со звономъ, и разошлись по домамъ.

Народъ не слыхалъ, какъ отцы спорили съ архіереями, и тѣ, которые колебались, хотѣли смотрѣть правду, оставались въ прежнемъ недоумѣніи. Стрѣлецкіе выборные, обѣщавшіеся смотрѣть правду, не видали правды Никиты съ братіею въ Грановитой, слышали только грозныя слова царевны и правительницы, что она не будетъ далѣе сносить буйства раскольниковъ, покинетъ съ государями Москву, и вся вина ляжетъ на стрѣльцахъ, которыхъ считаютъ защитниками раскола: «Не промѣняйте насъ и все Россійское государство на шестерыхъ чернецовъ, не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и всего освященнаго собора!» говорила Софья выборнымъ, и тѣ отвѣчали ей: «Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ, это дѣло св. патріарха и всего освященнаго собора.» Выборные были щедро награждены и угощены за такія умныя рѣчи; рядовые стрѣльцы побуянили, но не могли устоять передъ царскимъ погребомъ, когда выставили на десять человѣкъ по ушату: принесли за-

ручныя, что впередъ не будутъ вступаться за старую вѣру, а раскольниковъ начали бить, крича: «Вы бунтовщики, возмутили всѣмъ царствомъ!» Тѣ бросились бѣжать, куда кто могъ; отцовъ перехватали: Никитѣ, какъ самому дерзкому заводчику смуты и нарушителю своего обѣщанія, отсѣкли голову, Хованскій никакъ не могъ спасти его; но онъ успѣлъ спасти отъ казни Сергія, котораго сослали въ Ярославль, въ Спасскій монастырь; успѣлъ замѣнить смертную казнь ссылкою на Терекъ для садовника Никиты Борисова съ товарищами, которые бѣжали въ Брянскъ и тамъ были схвачены.

Но если должны были уступать Хованскому, то тѣмъ болѣе сердились на него. Потворство Тараруя раскольникамъ, его сношенія съ ними не были тайною; его прямо обвиняли въ намѣреніи дать торжество расколу, истребивъ патріарха и знатнѣйшее духовенство. Но тронуть Хованскаго, отнять у него начальство надъ стрѣльцами было нельзя: онъ успѣлъ пріобрѣсть любовь надворной пѣхоты. Сперва изъ желанія выдвинутся на первый планъ, стать сильнымъ посредствомъ войска, державшаго въ страхѣ Москву и правительство, Хованскій потакалъ стрѣльцамъ, исполняя всѣ ихъ требованія, а теперь, порвавши съ дворомъ вслѣдствіе поведенія своего 5 іюля, Хованскій долженъ былъ поблажать стрѣльцамъ уже по чувству самосохраненія, потому что только благодаря имъ могъ быть безопасенъ. Передъ царями и боярами онъ выставлялъ свое поведеніе какъ самое благоразумное: «когда меня не станетъ, то въ Москвѣ будутъ ходить по колѣна въ крови,» говорилъ онъ. Стрѣльцы, видя, что все имъ позволено, что всѣ ихъ боятся, вели себя какъ завоеватели, хотѣли кормиться на счетъ завоеванныхъ; съ другой стороны они хорошо знали всеобщую къ себѣ ненависть, боялись мести и потому находились въ постоянномъ раздраженіи, волновались при каждомъ слухѣ, что имъ готовится наказаніе. Нашлись люди, которые хотѣли пользоваться ихъ раздраженіемъ. 12 іюля толпа стрѣльцовъ приступила къ царямъ съ требованіемъ, чтобъ они выдали имъ всѣхъ бояръ. За что? за то, что бояре хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ перевести, помучить разными смертями. Кто имъ это сказалъ? Крещеный Татарскій царевичъ Матвѣй, который слы-

шалъ это на Верху. Сейчасъ царевича въ застѣнокъ пытать. повинился, что такихъ словъ у бояръ не слыхалъ, затѣялъ напрасно для того, что ему корму мало и честь не велика, думалъ, что если случится отъ его словъ какая смута, то честь получитъ большую. Татарина четвертовали, но волненія не прекращались. Посадскій изъ Ярославля Бизяевъ закричалъ за собою государево слово: слышалъ на дворѣ у боярина князя Одоевскаго, что хотятъ бояре стрѣльцовъ переводить всякими вымыслами. Съ пытки Бизяевъ повинился, что затѣялъ напрасно, чтобъ завести смуту и выжечь Москву. Бизяеву отсѣкли голову; но холопъ дворянина Вешнякова донесъ на своего господина и на сына его, бывшаго стрѣлецкаго полковника, что они собираютъ войско на стрѣльцовъ, нанимаютъ боярскихъ людей, по 20 человѣкъ на одного стрѣльца. Старикъ Вешняковъ умеръ съ пытокъ, сынъ его едва остался живъ. Въ то же время стрѣльцы пытали и четвертовали одного изъ своихъ полковниковъ, Янова, обвиняя его въ обидахъ. Все лѣто прошло въ волненіяхъ. 16 августа Хованскій принесъ на Верхъ стрѣлецкую челобитную, чтобы на тѣхъ стрѣльцовъ, которые взяты изъ дворцовыхъ волостей, брать съ этихъ волостей подможныя деньги по 25 рублей на человѣка. Бояре воспротивились этому незаконному требованію. Правительницѣ донесли, что Хованскій вышелъ къ стрѣльцамъ и сказалъ имъ: «Дѣти! знайте, что уже бояре грозятъ и мнѣ за то, что хочу вамъ добра, мнѣ стало дѣлать нечего, какъ хотите, такъ и промышляйте!» [258]

Мы должны выражаться осторожно: «правительницѣ донесли, что Хованскій сказалъ,» ибо извѣстіе объ этомъ находится въ сочиненіи, имѣющемъ видимую цѣль выставить виновность Хованскаго; мы должны однако замѣтить, что слова эти соотвѣтствуютъ характеру и положенію Тараруя. Но сказалъ ли Хованскій эти слова и такъ ли сказалъ—дѣло не въ этомъ; дѣло въ томъ, что на Верхъ донесено было о словахъ Хованскаго, которыя заключили въ себѣ прямой призывъ къ бунту; дѣло въ томъ, что стрѣльцы волновались, своевольничали и не знали мѣры своимъ требованіямъ, держали въ постоянной тревогѣ правительство и народъ Московскій, дѣлали положеніе того и

другаго невыносимымъ. Дѣло въ томъ, что Софья и Милославскій посредствомъ стрѣльцовъ овладѣли правленіемъ, а Хованскій перешелъ имъ дорогу, овладѣлъ стрѣльцами, привязалъ ихъ къ себѣ, и готовъ былъ употребить эту силу противъ Софьи и Милославскаго. Софья и Милославскій по собственному опыту хорошо знали всю полноту искушенія, представляемую положеніемъ Хованскаго: пойдетъ ли онъ назадъ? посторонится ли, чтобъ дать мѣсто имъ? На Верху должны были вѣрить всѣмъ слухамъ о замыслахъ Хованскаго, вѣрить, что онъ, выставляя свое царственное происхожденіе отъ Гедимина, хочетъ овладѣть престоломъ, а чтобы связать себя и съ Русскою династіею, хочетъ женить сына на царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; что на Верху вѣрили всему, доказательствомъ служитъ поведеніе Милославскаго, который, боясь быть первою жертвою новаго стрѣлецкаго бунта въ пользу Хованскаго, какъ Матвѣевъ былъ первою жертвою бунта въ пользу его, Милославскаго, уѣхалъ изъ Москвы, крылся, переѣзжая изъ одной подмосковной въ другую, «какъ подземный кротъ,» по выраженію современника [259], не переставая, по чувству самосохраненія, подкапываться подъ Хованскаго, убѣждать Софью принять наконецъ рѣшительныя мѣры.

Софья не нуждалась въ сильныхъ убѣжденіяхъ къ этому: она со стороны стрѣльцовъ и Хованскаго находилась въ несносномъ порабощеніи, и потому должна была привести въ исполненіе угрозу, которою настращала стрѣлецкихъ выборныхъ 5 іюля, т. е. выйдти изъ Москвы и «возвѣстить народу о такомъ непослушаніи и разореніи.» Слухи о замыслахъ Хованскаго и стрѣльцовъ и дѣйствительное поведеніе Тараруя торопили правительницу.

19 августа бываетъ въ Москвѣ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Донской монастырь, въ память избавленія столицы отъ нашествія Крымцевъ при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Государи, по обыкновенію, должны были идти за крестами въ монастырь; но разнесся слухъ, что стрѣльцы хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ предать ихъ смерти. Цари не пошли въ ходъ, а на другой день, 20 августа, все царское семейство уѣхало въ Коломенское [260]. Стрѣльцы испуга-

лись: уѣдутъ цари изъ Москвы и приведутъ на нихъ дворянское войско! 23 августа явились въ Коломенское выборные изо всѣхъ полковъ съ челобитною: «великимъ государямъ сказали, будто у насъ у надворной пѣхоты учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ кремль съ ружьемъ по прежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать: но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впередъ не будетъ; чтобъ великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ.»—«Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо, былъ отвѣтъ: изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же.» Съ этимъ выборные и отпущены. Стрѣльцы успокоились, потому что цари послѣ этого не двигались изъ Коломенскаго, выжидая обычнаго времени для дальнѣйшихъ походовъ, которые не должны были казаться чрезвычайными. Хованскій между тѣмъ, по привычкѣ своей, вздумалъ напугать Софью, чтобъ показать, какъ она нуждается въ стрѣльцахъ, слѣдовательно въ немъ: онъ явился въ Коломенское и разказывалъ при боярахъ: «приходили ко мнѣ Новгородскіе дворяне и говорили, что ихъ братья хотятъ приходить нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву, бить челомъ о заслуженномъ жалованьѣ, и на Москвѣ сѣчь всѣхъ безъ выбора и безъ остатка.»—«Такъ надобно сказать объ этомъ въ Москвѣ на постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ, для подлиннаго свидѣтельства, послать великихъ государей грамоту,» сказала Софья. Хованскій струсилъ и началъ упрашивать, чтобъ этого не дѣлать, и не наводить на него бѣды. Къ именинамъ старшаго царя, къ 29 августа, правительница отправила указъ Хованскому прислать въ Коломенское стременной полкъ; но Хованскій боялся этого стременнаго полка: онъ былъ очень близокъ къ государямъ, больше другихъ подчинялся вліянію правительницы, отпустить его въ Коломенское значитъ отдать его въ руки Софьѣ, и дать ей возможность посредствомъ него дѣйствовать и на другіе полки: Хованскій ослушался указа, не отпустилъ стре-

меннаго полка въ Коломенское, тогда какъ прежде, безъ царскаго указа, хотѣлъ услать его — въ Кіевъ! Нужно было нѣсколько разъ повторить указъ, и тогда только Хованскій рѣшился отпустить стременныхъ.

Наступило 1-е сентября, торжество новаго года, требовавшее, по обычаю, присутствія царей въ кремлѣ; но цари не пріѣхали, послали указъ Хованскому быть у Дѣйства новаго лѣта; но Хованскій не былъ; патріархъ сильно разсердился, потому что торжество вышло очень блѣдно; изъ знати былъ только одинъ окольничій. И простаго народа было очень мало, потому что всѣ были въ ужасѣ: не переставали ходитъ слухи, что въ тотъ или другой праздникъ непремѣнно будетъ стрѣлецкій бунтъ; но въ то самое время, когда безоружный народъ трепеталъ передъ стрѣльцами, стрѣльцы не меньше трусили, ибо ходили слухи, что въ тотъ или другой праздникъ будетъ имъ местъ отъ боярскихъ людей, нападутъ на нихъ, когда пойдутъ на караулъ, перебьютъ ихъ женъ и дѣтей. Карету Хованскаго постоянно окружали стрѣльцы, человѣкъ по 50, на дворѣ у него стоялъ караулъ, человѣкъ по сту.

На другой день, 2-го сентября, цари выѣхали изъ Коломенскаго въ село Воробьево, 4-го числа изъ Воробьева въ Павловское, 6-го пріѣхали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца Саввы 10-го сентября, въ тотъ же день выѣхали въ село Павловское[261]; 12-го числа изъ Павловскаго въ село Хлябово; 13-го изъ Хлябова въ Воздвиженское къ здѣшнему празднику. 14-го числа, отслушавъ обѣдню, государи указали, для своихъ дѣлъ и для пріѣзда гетманскаго сына Семена, быть къ себѣ въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и жильцамъ къ 18-му сентября. 16-го числа гетманычь былъ принятъ великими государями. 17-го въ день именинъ Софьи, уже множество знати и придворныхъ наполняли Воздвиженское, знали, что и Хованскій съ сыномъ Андреемъ выѣхалъ изъ Москвы. Послѣ обѣдни именинница изволила бояръ, окольничихъ и думныхъ людей жаловать водкою. Но послѣ водки у великихъ государей и сестры ихъ началось съ боярами сидѣнье о важномъ дѣлѣ; думный

дьякъ докладывалъ: «Великимъ государямъ вѣдомо учинилось, что бояринъ князь Иванъ Хованскій, будучи въ приказѣ надворной пѣхоты, а сынъ его, бояринъ князь Андрей, въ судномъ приказѣ, всякія дѣла дѣлали безъ великихъ государей указа, самовольствомъ своимъ и противясь во всемъ великихъ государей указу; тою своею противностію и самовольствомъ учинили великимъ государямъ многое безчестіе, а государству всему великіе убытки, разоренье и тягость большую. Да сентября во 2-е число, во время бытности великихъ государей въ Коломенскомъ, объявилось на ихъ дворѣ у переднихъ воротъ на нихъ князя Ивана и князя Андрея подметное письмо: извѣщаютъ Московскій стрѣлецъ, да два человѣка посадскихъ на воровъ и на измѣнниковъ, на боярина князя Ивана Хованскаго да на сына его князя Андрея: на нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ человѣкъ 9 пѣхотнаго чина, да пять человѣкъ посадскихъ и говорили, чтобъ помогали имъ доступать царства Московскаго, и чтобъ мы научали свою братью вашъ царскій корень известь, и чтобъ придти большимъ собраніемъ неожиданно въ городъ и называть васъ государей еретическими дѣтьми и убить васъ, государей обоихъ, царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью Алексѣевну, патріарха и властей; а на одной бы царевнѣ князю Андрею жениться, а остальныхъ царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкаскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ; и какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все Московское государство по городамъ и деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на Московское бы царство выбрали царемъ его князя Ивана, а патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили.»

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ это письмо, указали и бояре приговорили: «по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣтному письму

согласно, казнить смертью». Немедленно отправленъ былъ бояринъ князь Лыковъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ схватить Хованскихъ гдѣ ихъ встрѣтитъ. Старика Хованскаго Лыковъ встрѣтилъ у села Пушкина въ палаткѣ, напалъ внезапно и забралъ подъ стражу вмѣстѣ съ нѣсколькими стрѣлецкими выборными; князя Андрея захватилъ недалеко оттуда въ подмосковной его на рѣкѣ Клязьмѣ. Когда въ Воздвиженскомъ узнали, что Хованскихъ везутъ, послали сказать Лыкову, чтобъ остановилъ ихъ у переднихъ воротъ государева двора, гдѣ и сказать имъ указъ о смертной казни. Для этого бояре, окольничіе и думные люди вышли изъ государева двора и сѣли на скамьяхъ передъ воротами; разрядный думный дьякъ Шакловитый читалъ сказку о винахъ: какъ Хованскій роздалъ многую государеву денежную казну безъ указа; всякихъ чиновъ людямъ позволилъ ходить въ государевы палаты безъ всякаго страха, съ наглостію и невѣжествомъ, чего и въ простыхъ домахъ не повелось; держитъ у себя въ приказѣ за рѣшетками и сторожами многихъ людей понапрасну; правилъ на многихъ людяхъ деньги безъ очныхъ ставокъ и безъ розыска; подписалъ даточнымъ людямъ челобитную о сборѣ подможныхъ денегъ съ дворцовыхъ волостей, и когда было рѣшено, что денегъ этихъ не сбирать, говорилъ затѣйками своими и вмѣщалъ слова злыя, что̀ будетъ за это великое кровопролитіе; при государяхъ и боярахъ вычиталъ свои службы съ великою гордостію, будто никто такъ не служивалъ, говорилъ: «если меня не станетъ, то будутъ въ Москвѣ ходить по колѣна въ крови»; оба, и отецъ и сынъ, при государяхъ въ палатѣ дѣла всякія отговаривали вопреки государеву указу и уложенію съ великимъ шумомъ и невѣжествомъ, бояръ безчестили и никого въ свою пору не ставили, многимъ грозили смертію; вмѣстѣ съ раскольниками князь Иванъ ратовалъ на святую церковь, и потомъ этихъ церковныхъ мятежниковъ оберегалъ отъ казни; вопреки царскому указу не послалъ пѣхотные полки противъ Калмыковъ и Башкиръ; нѣсколько разъ ослушивался указа великихъ государей; клеветалъ на Новгородскихъ дворянъ, будто хотятъ приходить на Москву; клеветалъ на надворную пѣхоту, что быть отъ нея великимъ бѣдамъ, а надворной

пѣхотѣ говаривалъ многія смутныя рѣчи. Въ заключеніе дьякъ читалъ подметное письмо.

Хованскіе не молча слушали обвинительную сказку, оправдывались, слезно просили, «чтобъ господа бояре выслушали причины тѣ о совершенныхъ заводчикахъ съ начала бунта стрѣлецкаго, отъ кого былъ вымышленъ, и царскимъ величествамъ донесли, чтобъ имъ съ ними дать очныя ставки и безвинно ихъ такъ скоро не казнить. «Если сынъ мой, говорилъ старикъ Хованскій, все такъ дѣлалъ, какъ говорится въ сказкѣ, то я предамъ его проклятію». Но Милославскій, какъ говорятъ[262], далъ знать царевнѣ, и та прислала сказать, чтобъ приговоръ былъ немедленно исполненъ. Стременной стрѣлецъ, за недостаткомъ палача, вершилъ Хованскихъ на площади у большой Московской дороги. Такъ отпразднованы были именины царевны-правительницы!

Въ тотъ же день была написана и отправлена въ Москву грамота къ надворной пѣхотѣ съ извѣщеніемъ о казни ея отца-начальника и его сына: «Вы бы ихъ явную измѣну вѣдали, и никакимъ прелестнымъ и лукавымъ словамъ и письмамъ не вѣрили и на себя нашей опалы и никакого гнѣва не опасались и никакого сомнѣнія въ томъ не имѣли, потому что нашего гнѣва на васъ нѣтъ.» Но 17 же числа успѣлъ уйдти изъ Воздвиженскаго другой сынъ Хованскаго, князь Иванъ; ночью онъ уже былъ въ Москвѣ и разказывалъ стрѣльцамъ, что отца его взяли въ селѣ Пушкинѣ люди боярскіе и казнили безъ указа великихъ государей; въ полку Лопухина разказывалъ Григорій Языковъ, сынъ окольничаго Павла Языкова, что бояре Одоевскіе и Голицыны со многимъ собраньемъ хотятъ надворную пѣхоту рубить, что по дорогамъ стоятъ на заставахъ всякихъ чиновъ люди и боярскіе холопи съ ружьемъ, хотятъ идти въ Москву на стрѣльцовъ и дворы ихъ пожечь; поэтому надобно надворной пѣхотѣ засѣсть въ Москвѣ.

Совѣтъ былъ немедленно исполненъ; въ первую минуту послѣ страшной вѣсти самымъ естественнымъ движеніемъ было схватиться за оружіе и стать въ оборонительное положеніе: стрѣльцы заняли кремль, разобрали съ пушечнаго двора пушки, порохъ, свинецъ, разставили всюду караулы и сѣли въ

осадѣ, не впуская и не выпуская никого изъ Москвы. Кричали, что надобно идти противъ бояръ; толпились въ Крестовой у патріарха, который уговаривалъ ихъ не своевольничать; грозили убить его, если онъ за одно съ боярами, но все ограничивалось однѣми угрозами и криками: страхъ былъ господствующимъ чувствомъ; страхъ напалъ и на Бутырскихъ солдатъ, участвовавшихъ въ прежнихъ стрѣлецкихъ волненіяхъ. 20 сентября въ Марьиной рощѣ пропали два солдата съ лошадьми: этого было достаточно, чтобъ Бутырки переполошились; въ страхѣ и сомнѣніи солдаты взяли себѣ съ пушечнаго двора четыре пушки. Вечеромъ 24 сентября является на Бутырки крестьянинъ Воронинъ и разказываетъ, что по Троицкой дорогѣ идутъ боярскіе люди конные и пѣшіе съ ружьемъ и пушками, видимо-невидимо, идутъ на дворцовое село Тайнинское и хотятъ быть въ Бутырской слободѣ 25 сентября въ ночь: солдаты, въ ужасѣ, отпустили женъ и дѣтей своихъ въ Москву къ родственникамъ. Между тѣмъ еще 18 числа узнали въ Воздвиженскомъ о стрѣлецкихъ волненіяхъ и приняли мѣры: въ ближайшіе города поскакали придворные съ грамотами, чтобъ служилые люди спѣшили къ Троицкому монастырю въ полномъ вооруженіи; вслѣдъ за тѣмъ дворъ выѣхалъ въ Троицкій монастырь, который былъ приведенъ въ осадное положеніе, главное начальство было поручено человѣку вѣрному правительницѣ, князю Вас. Вас. Голицыну. 19 числа пріѣхалъ къ Троицѣ Чудовскій архимандритъ Адріанъ съ извѣстіемъ отъ патріарха: надворная пѣхота приходила къ нему съ челобитьемъ, чтобъ великіе государи изволили идти въ царствующій градъ Москву, а у нихъ, надворной пѣхоты, никакого дурнаго умыслу нѣтъ. Государи отвѣчали съ нарочнымъ, чтобъ стрѣльцы служили, по своему обѣщанію, вѣрно, отъ смятенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не дѣлали, что Хованскіе казнены за измѣну—стрѣльцамъ до этого дѣла нѣтъ: судъ о милости и о казни врученъ отъ Бога великимъ государямъ, стрѣльцамъ объ этомъ не только говорить, и мыслить не довелось; царской опалы и никакого гнѣва на нихъ, стрѣльцовъ, не было; такъ пусть будутъ на милость великихъ государей надежны, и которымъ изъ нихъ велѣно идти на службу

въ Кіевъ, пусть идутъ немедленно и тѣмъ службу свою покажутъ; а какія у нихъ есть дѣла, то они бы прислали объ нихъ челобитчиковъ, выборныхъ людей.

Скорое прибытіе съ разныхъ сторонъ служилыхъ людей къ Троицѣ большими толпами дало возможность правительницѣ дѣйствовать рѣшительнѣе: для управленія Москвою отправленъ былъ бояринъ Михайла Петровичь Головинъ, который своими распоряженіями показалъ стрѣльцамъ, что ихъ теперь не боятся: это, вмѣстѣ съ извѣстіями о сборѣ служилыхъ людей къ Троицѣ, нагнало еще больше страха на надворную пѣхоту; стрѣльцы плакали какъ дѣти, и 22-го числа явились къ Головину съ челобитьемъ, чтобъ великіе государи велѣли имъ быть у себя для челобитья, по скольку человѣкъ изъ полку укажутъ, а безъ указа идти не смѣютъ. Указъ пришелъ немедленно: быть по 20 человѣкъ изъ полку. 24-го числа стрѣльцы пришли бить челомъ къ патріарху, чтобъ отпустилъ съ ихъ выборными къ Троицѣ архіерея, одни идти бояться, переказнятъ ихъ тамъ. Патріархъ отпустилъ съ ними Суздальскаго митрополита Иларіона, но и это не совершенно ихъ успокоило: нѣкоторые такъ перетрусились, что бѣжали съ дороги назадъ въ Москву. Остальные 24-го сентября были представлены Софьѣ, которая встрѣтила ихъ строгимъ выговоромъ за ихъ поведеніе, указывая на многочисленное войско, собравшееся для ихъ наказанія. Стрѣльцы подали ей письменную сказку: «дѣды, отцы, дядья и братья наши и мы государямъ служили и нынѣ служимъ и работаемъ всякія ихъ государскія службы безъизмѣнно, и впредь работать безо всякой шатости рады; услышимъ отъ кого-нибудь изъ насъ или отъ иныхъ чиновъ людей злоумышленныя слова на государское величество, на бояръ, думныхъ и ближнихъ людей, такихъ будемъ хватать и держать до указу, какъ будутъ государи въ Москву изъ похода; а у насъ никакого злоумышленія нѣтъ и впередъ не будетъ; ратная казна, которую мы взяли, пушки, порохъ и свинецъ теперь въ полкахъ въ цѣлости; полки, которымъ велѣно идти въ Кіевъ на службу, готовы.»

Но этого было мало. Правительница обѣщала простить стрѣльцовъ и солдатъ, только съ условіями: 1) нынѣшнія свои

вины заслуживать головами своими, никакого дурна не мыслить, смятенія не затѣвать и никого къ тому не подговаривать, ни къ какимъ мятяжникамъ раскольникамъ и другимъ воровскимъ людямъ не приставать, по прежнему не собираться съ оружіемъ въ городъ и никуда не приходить, круговъ, по козачью, не заводить. 2) Кто станетъ говорить непристойныя рѣчи на государей, бояръ и всякихъ чиновъ людей, или объявятся прелестныя и смутныя письма, такихъ людей хватать и приводить и письма приносить въ приказъ надворной пѣхоты. 3) Къ начальству многолюдствомъ, съ шумомъ и невѣжествомъ не приходить. 4) Самимъ ни съ кѣмъ не управляться, не своевольничать и не грабить, быть у начальства въ послушаніи. 5) Пушки и всякіе запасы, взятые 18-го числа, возвратить немедленно въ прежнія мѣста. 6) Куда кому указано идти на службу, выступить немедленно. 7) Ни у кого дворовъ себѣ не отнимать, людей и крестьянъ въ пѣхотный строй и на свободу не подговаривать и свойственниками ихъ не называть. 8) Въ солдатскій Бутырскій полкъ и въ полки надворной пѣхоты никого вновь, безъ указа, не приверстывать; солдатскихъ и надворной пѣхоты дѣтей, которые моложе семнадцати лѣтъ и у которыхъ есть отцы, изъ солдатъ и надворной пѣхоты отставить, быть имъ до 17 лѣтъ въ недоросляхъ и жить съ отцами; боярскихъ людей, крестьянъ и гулящихъ людей, которые въ нынѣшнее смутное время писаны въ солдаты и надворную пѣхоту, выкинуть изъ того строю всѣхъ и отдать ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по крѣпостямъ, а гулящихъ людей переписать и отправить на прежнія мѣста жительства, а на Москвѣ не держать, чтобъ отъ нихъ воровства не было. 9) Въ дѣло Хованскихъ не вступаться.

8-го октября, въ воскресенье, патріархъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, который весь былъ наполненъ стрѣльцами. Послѣ обѣдни на амвонѣ поставили два налоя: на одномъ положили евангеліе, на другомъ—руку апостола Андрея Первозваннаго; вышелъ патріархъ, прочелъ поученіе о мирѣ и любви, потомъ прочтены статьи, исполненія которыхъ правительство требовало отъ надворной пѣхоты. Стрѣльцы цѣловали евангеліе, руку апостола и приняли статьи отъ патріарха, обѣщая

желать государямъ добра и не щадить за нихъ головъ своихъ. Иванъ Хованскій былъ выданъ ими Головину, и отправленъ въ Троицкій монастырь: тамъ прочли ему смертный приговоръ, положили на плаху, но не казнили, а отправили въ ссылку.

Октябрь приходилъ къ концу, а дворъ все еще жилъ у Троицы, окруженный дворянскими полками. Стрѣльцы рѣшились или ихъ заставили рѣшиться сдѣлать послѣдній, самый трудный шагъ, отказаться отъ дѣла 15-го мая какъ отъ подвига и признать въ немъ мятежъ, преступленіе. Стрѣльцы подали челобитную: «грѣхъ ради нашихъ, боярамъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось побіеніе на красной площади, и тѣмъ мы, холопи ваши, Бога и васъ великихъ государей прогнѣвали; по заводу вора и раскольщика Алешки Юдина съ товарищами, по потачкѣ всякому дурну названнаго отца ихъ, князя Ивана Хованскаго и сына его князя Андрея, били челомъ всѣ полки надворной пѣхоты, покрывая большія свои вины, чтобъ вы, великіе государи, пожаловали насъ грамотами, чтобъ насъ ворами и бунтовщиками никто не называлъ,—и жалованныя грамоты даны. По злоумышленію тѣхъ же Юдина и Хованскихъ, били челомъ, чтобъ на красной площади сдѣлать столпъ и написать на немъ вины побитыхъ, и столпъ сдѣланъ. И нынѣ мы, видя свое неправое челобитье, что тотъ столпъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холопей вашихъ, велите тотъ столпъ съ красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было.»

Столпъ былъ сломанъ, и стрѣльцамъ съ солдатами дана новая жалованная грамота, гдѣ говорилось, что по злохитростному умышленію князей Хованскихъ и Алешки Юдина съ товарищами, солдаты и стрѣльцы возмутились и въ этой смутѣ побиты были бояре и другихъ чиновъ люди; за это Хованскій и Юдинъ казнены 17-го сентября, а солдаты и стрѣльцы подали заручныя повинныя челобитныя. Великіе государи, видя ихъ слезы, простили имъ преступленіе, запретили называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками, приказали выдавать имъ годовые ихъ оклады сполна, безъ вычета и безволокитно, безъ взятокъ отъ приказныхъ людей, прибавить подъемныя

деньги и не дѣлать никакихъ вычетовъ на разныя полковыя потребности, на начальство имъ не работать.

Только послѣ этой окончательной повинной со стороны стрѣльцовъ, дворъ возвратился въ Москву 6-го ноября. Надобно было прежде всего озаботиться выборомъ начальника Стрѣлецкаго приказа (названіе надворной пѣхоты исчезло). Сначала назначили на это важное мѣсто окольничаго Змѣева, но потомъ въ декабрѣ нашли человѣка, болѣе надежнаго: думнаго дьяка Ѳедора Леонтьевича Шакловитаго. Твердость новаго начальника подверглась скоро испытанію. 26-го декабря явилась въ стрѣлецкій приказъ толпа стрѣльцовъ изъ полку Бохина, подъ предводительствомъ двоихъ — Ивана Пелепельника и Ѳедора Ворона. Съ невѣжествомъ и шумомъ подали они челобитную, чтобъ перевели изъ ихъ полка нѣсколько стрѣльцовъ въ другой полкъ. Имъ отвѣчали, что этотъ переводъ уже состоялся и безъ ихъ челобитной. Стрѣльцы ушли, но потомъ возвратились и начали кричать, чтобъ выдали имъ пятисотнаго Борисова и приказнаго пристава Кондратьева. Имъ отвѣчали, что этого сдѣлать не довелось, а будетъ имъ царскій указъ по сыскному дѣлу. Стрѣльцы не переставали кричать, что ихъ прислали всѣмъ полкомъ. Шакловитый велѣлъ перехватать крикуновъ и посадить ихъ въ приказъ. Но вслѣдъ затѣмъ въ томъ же полку обнаружилась новая смута: по сыскному дѣлу надобно было взять въ приказъ стрѣльца Ивана Жаренаго; но когда сотенный пришелъ чтобъ схватить его, товарищи вступились за Жаренаго, начали кричать: «пусть насъ всѣхъ переказнятъ, а Ивашку мы не отдадимъ!» Но пришли два стрѣлецкихъ полка и Ивашку взяли вмѣстѣ съ четырьмя заводчиками смуты и всѣхъ казнили смертію. Бохинскіе стрѣльцы пришли просить прощенія, но имъ объявили, что за вину свою они на государевомъ дворѣ карауловъ держать не будутъ, и жалованная грамота у нихъ взята. Чрезъ нѣсколько времени впрочемъ ихъ совершенно простили[263].

Спѣшили уничтожить и слѣдствія мятежа. 13-го февраля 1683 года изданъ былъ указъ: «которые холопи взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣми отпускными били челомъ кому-нибудь во дворы и дали на себя

кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ и впредь такимъ отпускнымъ не вѣрить, потому что они ихъ взяли въ смутное время, неволею, за смутнымъ страхованіемъ; да этимъ же холопямъ при отдачѣ ихъ чинить жестокое наказанье, бить кнутомъ нещадно; если же прежніе господа не возьмутъ ихъ, то ссылать ихъ въ Сибирскіе и другіе дальніе города на вѣчное житье[264]. Въ Москву дали знать, что Московская смута отзывается въ областяхъ, и потому 21-го мая изданъ былъ указъ: «вѣдомо великимъ государямъ учинилось, что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время говорятъ похвальныя и другія многія непристойныя слова, на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ, и великіе государи указали: во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкій подъ смертною казнью и биричамъ велѣть кликать, чтобъ всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вмѣщали»[265].

Смута должна была сильнѣе отозваться на югѣ въ козацкихъ сторонахъ.

Въ южномъ Переяславлѣ стрѣльцы перестали слушаться воеводы, овладѣли кабакомъ, въ приказной избѣ посадили простаго стрѣльца, чтобъ вѣдалъ всякія дѣла, отставили своихъ пятисотенныхъ и десятниковъ, одного пятисотеннаго чуть не убили, на ихъ мѣсто выбрали другихъ, и отправили 20 человѣкъ съ челобитною въ Москву. Гетманъ писалъ царямъ: «смѣю донести вашему царскому величеству, что непрестанная печаль такъ меня преодолѣла, что уже и силы во мнѣ мало осталось. Переяславскіе стрѣльцы поступками своими сильно вредятъ тамошнимъ нашимъ людямъ, между которыми не мало старыхъ своевольниковъ.» Въ Конотопѣ Путивльскій купецъ Аѳанасій Бѣляевъ разглашалъ, что подъ Путивлемъ соберутся царскія войска тайно, учинятъ раду, призовутъ на нее гетмана Самойловича или силою возьмутъ, и станутъ рубить всю старшину войсковую и арендаторовъ[266].

Лѣтомъ 1683 года въ Москвѣ узнали, что на Дону какой-то чернецъ Іосифъ распространяетъ воровскія письма. Немедленно отправился туда посольскаго приказа толмачъ Тарасъ Ива-

новъ съ требованіемъ выдачи этого монаха. Собрался кругъ; есаулы, по приказу атамана Фрола Минаева, говорили козакамъ: «Надобно за чернецомъ и за его совѣтниками послать и доведется отпустить ихъ къ великимъ государямъ, воровъ жалѣть нечего.» Но въ отвѣтъ раздались крики, что чернеца посылать не для чего, потому что онъ малоуменъ и письмо воровское сочинялъ не онъ, надобно послать за настоящими ворами, которые чернецу письмо дали и обманули; воры эти— Куземка Косой да Костка стрѣлецъ, живутъ они на устьѣ Медвѣдицы, а чернецъ живетъ на Сѣверскомъ Донцѣ. Объявились и другія мнѣнія: козакъ Ѳомка Савостьяновъ говорилъ: «Для чего за тѣми ворами посылать и гдѣ ихъ сыскать?» Пашка Чекуновъ прибавилъ: «Для чего ихъ въ Москву посылать? и безъ нихъ на Москвѣ много мяса.» Тутъ выступили атаманъ и старшины и начали говорить: «Для чего вы за воровъ стоите? почему, сыскавши, ихъ не отослать? Или вамъ мало государской милости и жалованья?» Потомъ старшины подошли къ Тарасу Иванову и стали говорить ему тихонько: «Видишь, какіе у насъ люди и за кого стоятъ? Для чего въ государевой грамотѣ не написано, чтобъ тѣхъ воровъ сыскать и казнить у насъ, мы бы ихъ казнили тотчасъ. Которые люди являются на Москвѣ въ расколѣ, и стрѣльцы, за разныя воровства битые кнутомъ, руки и ноги сѣчены, носы и уши рѣзаны, а ссылаютъ ихъ въ новый городъ Полатовъ — тѣ люди объявились у насъ всѣ на Дону, и воровскіе замыслы и смуты идутъ отъ нихъ. При тебѣ изъ Полатова пришло сюда такихъ воровъ семь человѣкъ. Вотъ Самойла Лаврентьевъ и старый козакъ, а держитъ у себя такихъ воровъ и даетъ имъ на ссуду лодки и ружья. Извѣсти боярину князю Василью Васильевичу Голицыну, чтобъ впередъ такихъ воровъ не ссылали въ города, которые близь Дону, потому что они изъ этихъ городовъ уходятъ къ намъ на Донъ, и всякое воровство и смуты начинаются отъ нихъ, въ кругахъ оспариваютъ царскіе указы и дѣла, ворамъ потакаютъ и кричатъ. Мнѣ и другимъ старшинамъ и добрымъ козакамъ говорить нельзя, потому что всѣхъ насъ побьютъ.»

Поговоривъ съ царскимъ посланнымъ, атаманъ велѣлъ еса-

уламъ кричать: «за ворами послать надобно и есть ли въ ту посылку охотники? кто вынщется, тѣмъ дано будетъ войсковое жалованье.» Выступили трое козаковъ и говорили: «Мы рады Богу и великимъ государямъ служить и за ворами ѣхать и безъ жалованья.» Старшина отвѣчалъ: «Безъ жалованья ѣхать нельзя, будьте готовы, а жалованья вамъ по 4 рубля человѣку.»

О воровскомъ письмѣ посланному разказывали, что въ немъ написано отъ имени царя Іоанна Алексѣевича, приказываетъ козакамъ идти въ Москву, будто бояре его государя не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіеревъ написаны также многія непристойныя слова, печать у письма красная, но не государская, должно быть монастырская. Когда это письмо въ кругу прочли, то многіе легкомысленные козаки и воры, ссыльные люди закричали и хотѣли сбираться въ Москву. Но Фролъ Минаевъ и старшина говорили, что письмо воровское, вѣрить ему нечего, печати великихъ государей и письма нѣтъ, а еслибъ письмо было прямое, то великіе государи прислали бы съ нимъ не такого вора чернеца, прислали бъ знатнаго человѣка. За такія рѣчи Фрола Минаева, Ивана Семенова и многихъ старыхъ козаковъ воры хотѣли убить до смерти. Иванъ Семеновъ принужденъ былъ сдать атаманство, а Фролъ Минаевъ недѣли съ двѣ не выходилъ изъ своего куреня, боясь, чтобъ воры не убили.

При отпускѣ Фролъ Минаевъ и другіе знатные козаки говорили Тарасу тайно: «Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ, а именно отъ старцевъ Антонія и Пафнутія, и отъ ссыльныхъ, которые сбѣжали на Донъ изъ Украинскихъ городовъ.» Послѣ на Дону нашли виноватымъ только одного Костку Леонтьева и прислали его съ воровскими письмами въ Москву.

Кромѣ раскольничества на Дону стало сильно пахнуть Разинскимъ духомъ. Въ томъ же 1683 году атаманъ Максимъ Скалозубъ вызвался идти съ охотниками на Волгу для зипуна, хотѣлъ промышлять надъ непокорными царямъ Калмыками. Но вмѣсто Калмыковъ приступалъ къ Царицыну и былъ отбитъ

послѣ жестокаго бою, въ которомъ погибло много государевыхъ людей. Фролъ Минаевъ давалъ знать тайно Голицыну, чтобъ изъ Москвы отнюдь не посылали къ Скалозубу съ увѣщаніями, ибо въ такомъ случаѣ къ нему пристанетъ много и другихъ козаковъ: «Теперь у насъ, говорилъ Фролъ, вольницы много, унимать намъ ихъ нельзя, потому что всѣмъ намъ старшинамъ отъ голутьбы теперь стало тѣсно. Призывали (посылали съ увѣщаніями) вора Стеньку Разина, и этимъ призывомъ его испортили; а Скалозубъ, ходя на низу на Волгѣ безъ пристанища, пропадетъ скоро, потому что его на Яикъ и въ другія мѣста никуда не пустятъ»[267].

Скалозубъ пропалъ. Въ Москвѣ Шакловитый зорко слѣдилъ за стрѣльцами. 30 декабря 1683 года онъ подалъ царямъ и царевнѣ докладную записку о необходимости удалить изъ Москвы нѣкоторыхъ стрѣльцовъ, особенно Астраханцевъ, для предупрежденія новой смуты. Мѣра была принята[268].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) См. моей Исторіи Россіи съ древн. врем., т. XII, стр. 312.
2) Олеарій.
3) Дворцовые разряды, т. III, стр. 593.
4) Тамъ же, стр. 1148.
5) Тамъ же, стр. 704, 1154; Забѣлина — Домашній бытъ Русскихъ царей, т. I, 305.
6) Тамъ же, стр. 1168.
7) Тамъ же. стр. 1235.
8) Тамъ же, стр. 1231.
9) Тамъ же, стр. 1242.
10) Тамъ же, стр. 727, 946, 1304.
11) Тамъ же, стр. 948, 1311 — 1323, 1354.
12) Тамъ же, стр. 1404, 1594, 1597, 621, 667, 696, 1043, 1228, 1350, 660, 849, 1188, 107, 400, 994, 1067, 56, 136, 137, 139, 243, 380, 593, 597, 599, 663, 666, 777, 1065, 1130, 1136, 1138.
13) Случаи такихъ шумовъ на крыльцѣ см. у Забѣлина: Домашній бытъ Русскихъ царей, I, глава III.
14) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, годъ 1660.
15) Тамъ же, годъ 1675.
16) Дворцовые рязряды, III, стр. 226, 228.
17) Дополненіе къ Дворцов. разрядамъ, стр. 383.
18) Тамъ же, стр. 100.
19) Дворцовые разряды, стр. 685.
20) Тамъ же, стр. 302.
21) Тамъ же, стр. 34.
22) Акты, касающ. до юридич. быта, стр. 152.
23) Дворцов. разряды, III, стр. 1109.
24) Тамъ же, стр. 298.
25) Кошихинъ, стр. 19.
26) Приказ. дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, годъ 1668.
27) Посошкова, стр. 286 и слѣд.
28) Акты Историч. IV, № 39; Дополн. къ Акт. Историч. III, № 65.
29) Кошихинъ, стр. 106.
30) Акты Историч., IV, № 70.
31) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1660.
32) Тамъ же, годъ 1668.
33) Тамъ же, годъ 1657

34) Тамъ же, годъ 1673.
35) Тамъ же, годъ 1673.
36) Тамъ же, годъ 1671, 1674.
37) Тамъ же, годъ 1674.
38) Дополн. къ Акт. Историч. V, 50; Забѣлина — Домашній бытъ Русскихъ царей I, 81.
39) Акты Историч. IV, №№ 40, 63, 132, 133, 136, 138; Дополн. къ Акт. Историч. IV, 60; Архивъ Минист. Юстиціи, Книга Малорос. приказа, № 24.
40) Дополн. къ Акт. Историч. V, 44.
41) Кошихина, главы VI и VII.
42) Акты Историч., IV, № 14.
43) Акты города Шуи, стр. 309.
44) Акты арх. эксп. IV, № 38; Акты города Шуи, стр. 88, 356. Приказныя дѣла. Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1676.
45) Акты юридич. стр. 289; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д., годъ 1776; Акты Историч. IV, № 23. Акты города Шуи, стр. 64.
46) Акты арх. эксп. IV, № 101, 158.
47) Дополн. къ Актамъ города Шуи, Гарелина, стр. 139.
48) Дополн. къ Актамъ Историч., III, № 47.
49) Тамъ же, VI, № 39.
50) Приказн. дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д., годъ 1660, 1668; Акты Историч., V, №№ 149, 92.
51) Кошихинъ, стр. 108.
52) Акты Гарелина, стр. 149; Акты Историч., III, №№ 62, 127; IV, № 143; V, №№ 39, 49, 77; Акты арх. эксп. III, №№ 121, 271; Дополн. къ акт. Историч. II, № 50; Акты Историч. IV, № 216; Дополн. къ акт. историч. IV, № 75; Акты арх. эксп. III, № 145.
53) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1658.
54) Тамъ же, годъ 1670.
55) Дополн. къ Актамъ Историч., III, 36.
56) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1670.
57) Тамъ же, годъ 1674; Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. Приказа, № 39.
58) Акты Историч. IV, № 12.
59) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1670.
60) Акты Историч., IV, № 74.
61) Тамъ же, № 174.
62) Акты до юридич. быта, стр. 2.
63) Акты города Шуи, стр. 330; Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д., годъ 1688.
64) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1649.
65) Тамъ же, годъ 1669.
66) Тамъ же, 1668.
67) Тамъ же, годъ 1667.
68) См. Исторію Россіи, т. IX и X.
69) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674; Акты города Шуи, стр. 353.

70) Акты города Шуи, стр. 323.
71) Тамъ же, стр. 455.
72) Исторія Россіи, т. IX, стр. 378.
73) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1680. Приведенная челобитная изъ Вологды; здѣсь было 14 сороковъ.
74) Приказн. дѣла. Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1671.
75) Тамъ же, годъ 1660.
76) Тамъ же, годъ 1652.
77) Полн. Собр. Зак., №№ 331, 508.
78) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1678.
79) Тамъ же, годъ 1665.
80) Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 55.
81) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1669 и 1672.
82) Тамъ же, годъ 1676.
83) Акты юридич. стр. 290; Акты касающ. до юридич. быта, № 5.
84) Акты касающ. до юридич. быта, № 7.
85) Акты юридич. стр. 291; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1666.
86) Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1674.
87) Дополн. къ Актамъ Историч., VI, № 19.
88) Акты Историч. IV, № 27; Дополн. къ Акт. Историч. VI, № 19.
89) Архивъ Мин. Юстиціи, книга Малорос. приказа, № 16; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1678; Временникъ Москов. Истор. Общества, № 7.
90) Акты касающ. до юридич. быта, стр. 274.
91) Олеарій.
92) Акты Историч., IV, № 62.
93) Акты Арх. эксп., IV, № 322.
94) Тамъ же, №№ 37, 325.
95) Тамъ же, № 328.
96) Тамъ же, № 188.
97) Полн. Собр. Зак., т. I, № 412.
98) Постановленіе собора 1666 года.
99) Изглашеніе патріарха Іоакима и всего собора на необузданныхъ юныхъ брадобритіе. Сборн. Синод. библіотеки, № 11.
100) См. въ томъ же Сборникѣ.
101) Дворцовые разряды, стр. 1591.
102) Акты Историч. IV, № 74.
103) Исторія Россіи, т. XI, стр. 290, 291; Акты юридическіе, стр. 399.
104) Приказныя Дѣла Архива Мин. Ин. Д. годъ 1661; раскольнич. сбор. И. Публ. Библ. № 401.
105) «Называлъ Іосифъ в. государя, будто в. государь г...., и бол...., д...... Патріарха называлъ глупцомъ и безлюдицею; архіереевъ скотами и трусами, шушерою. Ѣздилъ въ домовыя свои и монастырскія вотчины съ монахами и домовыми людьми, а послѣ стола въ селахъ на погостахъ и на лугахъ передъ нимъ напився отецъ его духовный архимандритъ и игуменъ Голутвина монастыря, дьякъ и иные домовые люди смѣхотвореніемъ многимъ и кощуны всякими боролися и у тѣхъ монаховъ въ борьбѣ ихъ по-

долы непристойно оборочались.....» Дѣло Іосифа въ Синодал. библіот. Дворцов. разряды, III, 1104, 1155.

106) Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1671. О поведеніи духовенства см. Акты города Шуи, стр. 348, 355, 370.

107) Акты историч. IV, 195.

108) Акты арх. эксп. IV, 105; Временн. Моск. Истор. Общ. № 3.

109) Акты арх. эксп. IV, 33.

110) Тамъ же, IV, 78.

111) Пол. Собр. Зак. I, № 288, 289, 291.

112) Дополн. къ акт. историч. IV, 3.

113) Кошихинъ, стр. 110.

114) Дополн. къ акт. истор. IV, 65; Акты юридич. стр. 153.

115) Постановленія собора 1666 года.

116) См. ниже при разборѣ книги Крижанича. Приказн. Дѣла въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1681: крестьянинъ посадскому отрубилъ голову за насиліе.

117) Исторія Россіи, т. X, стр. 358.

118) Приказныя Дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1659.

119) Акты Арх. Эксп. IV, 115.

120) Тамъ же, 121.

121) Акты Историч. IV, № 6.

122) Тамъ же, № 35.

123) Пол. Собр. Зак. I, № 453.

124) Дворц. разряды, III, стр. 1081.

125) Временникъ Москов. Истор. Общ. № 6.

126) Дѣла Приказа Тайныхъ Дѣлъ въ Государ. Архивѣ, № 162.

127) Кошихинъ, стр. 125.

128) Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы Приказн. стола, № 1502; вотъ также любопытное извѣстіе изъ Приказныхъ Дѣлъ Москов. Арх. Мин. Ин. Д., годъ 1679: Вдова Марья Самойлова Душевская въ допросѣ сказала: «Пришла къ ней стряпчаго конюха Евсеева жена Верещагина Ѳекла Семенова, а пришедъ говорила ей, что мужъ ея Евсевей пришедъ домой невѣдомо откуда пьянъ и билъ ее снявъ рубаху смертнымъ боемъ до крови и по ранамъ натиралъ солью, и она, Ѳекла, не стерпя побой, пришла къ ней по свойству.

129) Полн. Собр. Зак. I, № 355.

130) Приказныя Дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1674.

131) Дворцовые разряды III, стр. 1120, 1338, 1522.

132) Полн. Собр. Зак. I, № 334.

133) Акты города Шуи, стр. 314, 339, 456.

134) Приказныя Дѣла Моск. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1674, 1651. Архивъ Мин. Юстиціи, столбцы приказнаго стола, № 1691. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 161.

135) Акты двор. Голохвастовыхъ въ чтеніяхъ Москов. Истор Общ. 1847 года, № 5.

136) Дворц. Разр. стр. 1509, 1419.

137) Тамъ же, стр. 1131, 1224, 1501; Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1674.

138) Приказныя дѣла Моск. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1673.
139) Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, II, 140.
140) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, 90.
141) Тамъ же, стр. 20.
142) Пѣсни, собр. Рыбник., I, 272; II, 159.
143) Тамъ же, I, 95, 97.
144) Тамъ же, 350, 351.
145) Тамъ же, 2, 3, 62.
146) Тамъ же, 187; пѣсни, собр. Кирѣевск., вып. 3, стр. 31, 74.
147) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. 2, стр. 66.
148) Пѣсни. собр. Рыбников., II, 56 и др.
149) Тамъ же, I, 24, 353.
150) Пѣсни, собр. Кирѣевск. вып. 3, стр. 63.
151) Тамъ же, вып. I, стр. 63.
152) Пѣсни, собр. Рыбник. II, 328.
153) Тамъ же, стр. 335.
154) Тамъ же I, 78.
155) Тамъ же II, 258.
156) Тамъ же I, 114, 116; Пѣсни, собр. Кирѣев. вып. I, стр. 61.
157) Пѣсни, собр. Рыбников., I, 429 и слѣд.
158) Тамъ же, 389.
159) См. Исторію Россіи, т. IX.
160) Пѣсни, собр. Рыбников. II, 237.
161) Подробности о переводной литературѣ XVII вѣка см. въ книгѣ Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ.»
162) Лѣтописи Русской литературы, 1859 г. кн. IV.
163) Москвитянинъ 1853 года, № 1.
164) Приказныя дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1669, ноябрь. Рукопись сочиненія Грибоѣдова въ Румянцев. музеѣ.
165) Дополнен. къ актамъ историч. IV, № 43.
166) Чтенія Москов. Истор. Общ. 1846 г. № 4.
167) Приказныя дѣла Москов. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1652.
168) Жалованья онъ получалъ противъ своего служебнаго оклада по 60 рублей, хлѣба противъ Посольскаго приказа подьячихъ первой статьи по 55 четвертей ржи (четверть ржи въ 1674 году стоила 21 алтынъ), потому жъ овса, по 10 пудовъ соли на годъ. Кромѣ того учитель получалъ праздничныя деньги на господскіе праздники и на государскія именины, всего 45 рублей.— Приказн. дѣла Москов. Арх. Мин. Ин. Д. годъ 1674.
169) Сочиненіями Полоцкаго я пользовался въ Синодал. библіотекѣ. Кромѣ статьи о Полоцкомъ въ Словорѣ митр. Евгенія, см. статью Пѣвницкаго въ Православ. Обозр. 1860 г., № 10 и 11.
170) Я пользовался Статиромъ по рукописи Румянцев. музея.
171) Между книгами изъ дворца, которыя переплеталъ иноземецъ Яганъ Энкузъ, значится: списокъ съ книжицы Юрья Сербенина. Приказныя дѣла Архива Мин. Ин. Д. годъ 1674.
172) Или слѣдующее о Шуйскомъ: «Fuit etiam inter Christianos alicubi quidam rex, qui cum metueret, ne populus ab ipso deficeret ad ejus oemu-

lum, hominem quemdam mortuum mandavit ex alio loco ad se transferri: et appellavit eum martyrem et thaumaturgum.

173) Политичныя думы Крижанича изданы подъ заглавіемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» г. Безсоновымъ; имъ же изданы отрывки изъ сочиненія Крижанича: О промыслѣ.

174) Житіе протопопа Аввакума, изд. Н. С. Тихонравова.

175) См. нашей Исторіи т. IX и XII.

176) См. тамъ же, т. X.

177) См. тамъ же.

178) Дѣла Приказныя Москов. Архива Мин. Ин. Д. годъ 1673.

179) Tagebuch des Gen. Patrick Gordon, veröffentlicht durch F. Obolenski und Dr. Posselt. 1. B.

180) Исторія Россіи съ древ. врем. т. XII.

181) Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малоросс. Приказа, № 19. Записка Татищева о царствованіи Өеодора Алексѣевича въ портфёляхъ Мюллера въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. Здѣсь говорится: «Сей государь при отцѣ своемъ учецъ былъ въ Латинскомъ языкѣ старцемъ Симіономъ Полоцкимъ, и хотя въ ономъ языкѣ не столько какъ братъ его большой царевичь Алексѣй Алексѣевичь былъ обученъ, однако жь чрезъ показаніе онаго учителя великое искусство въ поэзіи имѣлъ и весьма изрядные вирши складывалъ, по которой Его Величества охотѣ, псалтырь стихотворне онымъ Полоцкимъ преложена и въ оной какъ сказываютъ, многіе стихи, и особливо псаломъ 132 и 145 самъ Его Величество переложилъ, и послѣдней въ церкви при немъ всегда пѣвали, яко же Его Величество и къ пѣнію былъ великій охотникъ, первое партесное по нотамъ четвероогласное и Кіевское пѣніе при немъ введено, а по крукамъ Греческое оставлено.»

182) Diariusz Zaboystwa tyranskiego senatorow Moskiewskich w stolicu roku 1682. Рукопись Имп. Публ. Библ. Отд. IV, Q, № 8. Лѣтопись Русск. Литерат. 1859—1860, кн. 6.

183) Тамъ же. Кириллъ Полуехтовичь Нарышкинъ, Торусскій дворянинъ, былъ стрѣлецкимъ головою и въ извѣстное время находился на службѣ въ Смоленскѣ, кагда еще дочь жила при немъ. Поэтому наше извѣстіе называетъ его Смоленскимъ капитаномъ, а Шакловитый послѣ говорилъ царевнѣ Софьѣ о царицѣ Натальѣ: «Вспомни, государыня, какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила.»

184) Тамъ же.

185) По «благополучной тѣхъ временъ матери его причины, въ домѣ боярина Морозова, производителя его Богданова.» Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, стр. 385.

186) Тамъ же, стр. 386.

187) Датскія дѣла 1676 года въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

188) Письмо къ князю Вас. Вас. Голицыну отъ прикащика Боева, Временникъ Москов. Истор. Общ. № 7.

189) Соборное осужденіе духовника Андрея въ Синодал. Библіотекѣ.

190) Іона доносилъ еще слѣдующее: «Онъ же (Никонъ) говорилъ, что надобно освященнымъ масломъ всѣ уды помазывать, и въ тайный удъ, гдѣ животворящимъ крестомъ не загражено и масломъ не помазано, бѣсъ вселяется. Онъ же лѣчилъ мужескъ полъ и женскъ въ крестовой кельѣ и мо-

литвы надъ ними говоритъ и масломъ помазуетъ. Къ нему приходятъ жонки и дѣвки будто для лѣкарствъ, а онъ съ ними сидитъ одинъ на одинъ и обнажаетъ изъ до нага будто для осмотру больныхъ язвъ. Дѣвокъ и молодыхъ вдовъ называетъ дочерьми и сговариваетъ ихъ за мужъ у себя въ кельи, а послѣ вѣнчанья приходятъ къ нему въ келью, а онъ ихъ запаиваетъ до пьяна и сидятъ у него до полуночи. Женку брюхатую служню жену выдалъ за мужъ въ неволю, а женихъ на ней не хотѣлъ жениться, а онъ того жениха билъ плетьми и женилъ въ неволю. Келейникъ Никитка Микитинъ приводилъ къ нему жену свою ночью. Дьячокъ Исаковъ подводилъ женку ночью. Служка Исаевъ видѣлъ Никона съ жонкою въ тайномъ мѣстѣ. Въ праздники дѣлаетъ пиры частые на слободскихъ жонокъ и поитъ ихъ до пьяна и въ слободу отвозятъ ихъ на монастырскихъ подводахъ за мертво. Постригъ Козлову дѣвку Маръутку Билину и вкладъ за нею далъ. Дѣвкамъ и молодымъ жонкамъ даетъ милостыню большую алтынъ по 20 человѣку, а старымъ по деньгѣ; жонки и дѣвки приходятъ къ нему безвремянно и по ночамъ у него сидятъ.

191) Источники о Никоновомъ дѣлѣ указаны мною въ XI томѣ.

192) Дворцовые разряды, IV, 55, 174. О Языковѣ и Лихачевыхъ см. Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 407, и приведенную выше записку Татищева, гдѣ говорится: «Главные бояре, Долгорукій и Хитрово разсудили, что имъ у царя Ѳеодора въ такой милости уже для ихъ старости удержаться было не весьма удобно, наипаче же вѣдая, что Иванъ Милославской въ томъ можетъ имъ великія обиды нанести, положили, чтобъ онаго Милославскаго изъ Казани взять и всѣ правленія на него положить, а самимъ остаться у малыхъ дѣлъ; но дабы они притомъ вовсе нѣкоторыя способности изъ рукъ не выпустили, того рода вѣдая они думнаго дворянина Ивана Языкова человѣка великой остроты, такожъ Алексѣя Лихачева, бывшаго у царевича Алексѣя Алексѣевича учителя, человѣка доброй совѣсти, твердо государю выхваляя, въ милость ввели. Иванъ Милославской еще при царѣ Алексѣѣ отъ дяди своего Ильи Даниlыча въ непристойныхъ поступкахъ примѣченъ и едва отъ тяжкаго наказанія милостію царицы Марьи Ильиничны избавленъ, но по смерти ея вмѣсто ссылки въ Казань посланъ воеводою, за что на Матвѣева и Нарышкиныхъ великую злобу имѣлъ.» (Не знаемъ, не перемѣшалъ ли здѣсь Татищевъ Милославскихъ — Ивана Богдановича съ Иваномъ Михайловичемъ?)

193) Столбцы и книги Малороссійскаго Приказа означенныхъ годовъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Дѣла Малороссійскія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

194) Дѣла Польскія означенныхъ годовъ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

195) Дѣла Крымскія и Турецкія означенныхъ годовъ въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

196) Столбцы и книги Малоросс. Приказа въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

197) Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Шведскія, Датскія и Австрійскія.

198) См. т. XII.

199) См. тамъ же, стр. 313.

200) Дополн. къ Актамъ историч. т. VII, № 3, 47, 48, 61, 72, 73, 75; т. VIII, № 15, 44, 77.

201) Исторія Россіи, т. XII, стр. 288.
202) Собр. Госуд. грам. и догов. IV, № 105.
203) Акты арх. эксп. IV, № 214.
204) Полн. Собр. Зак. № 772, 846.
205) Акты историч. V, № 14, 80.
206) Тамъ же, № 55. Полн собр. Зак. № 845.
207) Акты арх. эксп IV, № 247.
208) Полн. Собр. Зак. № 751, 762.
209) Тамъ же, № 826, 827.
210) Архивъ Мин. Ин. Д. дѣла Датскія 1677 года.
211) Дополненія къ актамъ историч. VIII, № 50.
212) Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 года, № 5.
213) Акты Историч. V, № 75.—Извѣстіе о богадѣльняхъ см. у Берха—Царств. Ѳеодора Алекс. II, 86. Приведенный здѣсь актъ позднѣйшій (по всѣмъ вѣроятностямъ Петровскаго времени) проектъ, который начинается только указаніемъ на распоряженіе, сдѣланное при царѣ Ѳеодорѣ, едва ли приведенное къ концу.
214) Полн. Собр. Зак. № 867.
215) Дополн. къ акт. историч. VIII, № 89.—Изъ распоряженій патріарха Іоакима замѣчательно слѣдующее. Въ 1677 году патріархъ посылалъ въ Кашинъ двоихъ архіереевъ—Іосифа, митрополита Рязанскаго, и Симона, архіепископа Тверскаго, досматривать мощей княгини Анны, супруги св. Михаила Тверскаго. (Мощи эти были открыты при Алексѣѣ Михайлавичѣ и патріархѣ Іосифѣ Тверскимъ архіепископомъ Іоною.) Когда архіереи возвратились—«Слушахомъ соборнѣ досмотру ихъ (извѣщаетъ Іоакимъ), и житія благовѣрныя княгини Анны, и чудесъ ея, и лѣтописныхъ книгъ, и обрѣтохомъ житіе съ лѣтописцами мѣстами несогласно: 1) Въ житіи Анно названа дочерью боярина Кашинскаго, въ лѣтописцахъ дочерью князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго. 2) Въ житіи сказано, что былъ съ Михаиломъ въ ордѣ сынъ его Димитрій, въ лѣтописяхъ Константинъ. 3) Въ житіи—что усѣченъ мечемъ, въ лѣтописяхъ—что ножемъ въ ребра и т. д. Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано, что мощи никако же тлѣнію причастны, а по смотру въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася. Въ житіи написано, что тлѣнію не только мощи, но и ризы непричастны быша, а по досмотру все истлѣло. И потому дѣло оставлено впредь до великаго собора, аще чѣмъ Богъ впредь объявитъ и утвердитъ, гробу стоять запечатану, празднествъ не дѣлать и молебновъ не пѣть, пѣть панихиды, образа взять въ Москву.—Сборникъ Синодал. библіот. № 68 4.
216) Полн. Собр. Закон. № 779.
217) Тамъ же, № 837.
218) Акты арх. эксп. IV, № 250; Акты Историч. V, № 77.
219) Полн. Собр. Зак. № 899; Акты Историч. V, № 83; Собр. Гос. грам. IV, № 126.
220) Собр. гос. грам. и дог. IV, № 130.
221) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Калачевымъ, кн. I-я.
222) Древн. Росс. Вивліоѳика, т. VI, XVI.
223) Исторія о невинномъ заточ. Матв. стр. 407.
224) Татищева Исторія Россійская. I, стр. 573.

225) Diariusz Zaboystwa.
226) Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 374.
227) Тамъ же, стр. 405.
228) См. т. XII, стр. 349 и дополненіе.
229) Записки Матвѣева, въ собраніяхъ Туманскаго и Сахарова.
230) Матвѣевъ.
231) Голикова — Дѣянія П. В. I, стр. 155.
232) Diariusz Zabojstwa.
233) Медвѣдева — Созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92. Рукопись князя М. А. Оболенскаго.
234) Датскаго резидента Розенбуша: Relation der traurigen Tragedy. См. объ этомъ сочиненіи въ статьѣ: «Библіографическіе отрывки,» въ Отеч. Зап. 1858 г. іюнь.
235) Тамъ же.
236) Медвѣдевъ. У Медвѣдева не было никакого побужденія хвалить патріарха, и при томъ онъ могъ знать дѣло обстоятельнѣе чѣмъ иностранецъ Розенбушъ.
237) Акты арх. эксп. IV, № 254.
238) Матвѣевъ.
239) Diariusz Zabojstwa.
240) A jeszcze carem wam obrano strzeleckiego syna z matki. Хованскій указываетъ на происхожденіе Натальи Кирилловны, дочери стрѣлецкаго головы.
241) Матвѣевъ и Розенбушъ.
242) Исторія о невинномъ заточеніи, стр. 413.
243) Розенбушъ.
244) Матвѣевъ.
245) Diariusz Zabojstwa.
246) Розенбушъ.
247) Тамъ же.
248) Медвѣдевъ.
249) Тамъ же. Полн. Собр. Зак. № 920; акты историч. V, № 86; Собр. гос. грам. и дог. IV, № 147.
250) Акты арх. эксп. IV, № 255.
251) Аввакумъ говоритъ о немъ (Житіе, стр. 76): Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаію сожгли.
252) Челобитная Московская Саввы Романова, по рукописи моей библіотеки.
253) Тамъ же и Медвѣдевъ. Савва Романовъ говоритъ, что эти поступки народа, какъ онъ выражается, нагнали страхъ на архіереевъ, и нѣкоторые изъ нихъ начали благословлять по старому. «И благовѣрная царица Наталья Кириловна прислала нарочно къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на Лобномъ мѣстѣ, и были тутъ цари государи, да и меня просили на соборъ. А въ соборную церковь, чтобы не ходили, хотя съ великимъ моленіемъ будутъ просити. И о томъ присылала трижды, чтобы въ церковь и въ грановитую палату не ходили».
254) Медвѣдевъ.
255) Савва Романовъ.

256) Но зачѣмъ рванулись священники на встрѣчу къ раскольникамъ? Не могли они идти драться съ раскольниками, когда уже послѣдовало царское приказаніе впустить послѣднихъ; здѣсь объясняетъ дѣло извѣстіе Медвѣдева, что Хованскій не велѣлъ пускать священниковъ, которые должны были идти назадъ и столкнулись съ раскольниками.

257) Мы здѣсь слѣдуемъ Саввѣ Романову, у котораго не было никакого побужденія скрыть, что начала Софья выговорами раскольникамъ; послѣ, съ ненавистію къ ней, онъ излагаетъ ея вмѣшательство въ споры и какъ она заставила молчать Никиту; цѣль же Медвѣдева ясна—выставлять постоянно на первый планъ Софью.

258) Медвѣдевъ.

259) Матвѣева.

260) Дальнѣйшія подробности, не находящіяся въ изданныхъ источникахъ, взяты мною изъ остававшейся до сихъ поръ неизвѣстною оффиціальной записки объ этихъ царскихъ походахъ августа и сентября 1682 года; записка эта находится въ Архивѣ Мин. Юстиціи между столбцами Приказнаго стола означеннаго года.

261) Оффиціальная записка ничего не говоритъ объ отправленіи изъ Саввина монастыря грамоты къ помѣщикамъ ближайшихъ городовъ, чтобъ они спѣшили къ царямъ для защиты ихъ отъ Хованскаго и стрѣльцовъ. Объ этомъ говоритъ Матвѣевъ и самая грамота помѣщена у Медвѣдева и напечатана въ IV томѣ Актовъ Арх. Экспедиціи, но безъ числа и безъ имени стольника, который отправлялся съ нею. Ясно, что она была только заготовлена, но посылать раздумали, иначе какъ бы Хованскій не узналъ объ этомъ? Рѣшено было, какъ видно, продолжать дѣйствовать тайно, походу давать видъ обычнаго богомолья, и выманить Хованскаго подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

262) Матвѣевъ.

263) Кромѣ приведенной оффиціальной записки, Матвѣевъ, Медвѣдевъ, Акты арх. эксп. IV, № 260, 261, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 273, 274. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 155; Пол. Собр. Зак. № 963.

264) Полн. Собр. Зак. № 992.

265) Собр. гос. грам. и дог. IV, № 160.

266) Дѣла Малоросс. 1682 года въ Москв. Архивѣ мин. иностран. дѣлъ.

267) Дѣла Донскія 1683 года тамъ же.

268). Акты арх. эксп. IV, 280.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Опись городамъ вѣдомымъ въ розрядѣ, въ 1668 году.

(Архивъ Мин. Юстиц., книги Москов. стола № 62.)

1) Во Владимірѣ: отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 8; стрѣльцовъ 14; пушкарей 6; разсыльщиковъ 7; воротниковъ 12; старостъ 2; посадскихъ людей 384 (по описи 1679 г. 398), дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и всякихъ свойственниковъ 189; Рождественскаго монастыря слугъ 19; служебниковъ 46; Спасова Золотоворотскаго монастыря слугъ 2; сторожей 5; Успенскаго дѣвичьяго монастыря слугъ 2; сторожей 11; Соборной церкви сторожей 17; бобылей 9, у нихъ братьи 1; ямщиковъ 76, дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и зятьевъ 82; бобылей ихъ 9; дворниковъ 71; дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и зятьевъ 15.

2) Въ Суздалѣ: губной староста 1; губной дьячекъ 1; въ приказной избѣ подьячихъ 9; архіепископскихъ приказныхъ 3; дѣтей боярскихъ 57; у нихъ бою по саблѣ, да по парѣ пистолей, да по коробину; подьячихъ 9 съ пищалями; недѣльщиковъ 4 съ пищалями; дворовыхъ людей 16 съ бердышами; бобылей 33 съ рогатиною; Спасо-Евоимьева монастыря слугъ 42 человѣка, бою у нихъ по саблѣ, по парѣ пистолей, по коробину; оброчныхъ крестьянъ 4 съ пищалями, 31 съ бердышами, 44 съ рогатинами, 26 съ топорками; пушкарей 4 съ бердышами. Гостиной сотни торговыхъ людей 4 съ пищалями; посадскихъ людей 3, у нихъ бою по саблѣ да по парѣ пистолей, 340 съ пищалями, 62 съ топорками, 240 съ бердышами, 250 съ рогатинами, всего посадскихъ 895 (по описи 1679 г. 835). Всего 1191 (по описи 1679 г. 1409).

3) Въ Юрьевѣ Польскомъ: посадскихъ 140, у нихъ дѣтей 155; всего 338.

4) Въ Шуѣ: посадскихъ 186 (по описи 1679 г. 183); дѣтей ихъ 127 (по описи 1679 г. 52); всего 381.

5) Въ Луху посадскихъ 185; всего 288.

6) Въ Муромѣ посадскихъ 394 (по описи 1679 г. 431); всего 1106.

7) Въ Переславлѣ Залѣсскомъ посадскихъ 294 (по описи 1679 г. 304, дѣтей, братьевъ и племян. 150), всего 746.

8) Въ Ростовѣ посадскихъ 660 (по описи 1679 г. 722), съ дѣтьми, братьями и племянниками; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 11; губной староста; городовой прикащикъ; подьячихъ 3; разсыльщиковъ 10.

9) Въ Ярославлѣ посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей 3468 (по описи 1679 г. 2862); воевода; губной староста; городовой прикащикъ;

объѣзжій голова; сотникъ стрѣлецкій; съѣзжей избы подьячихъ 14; приставовъ, пушкарей и разсыльщиковъ 23; площадныхъ подьячихъ 22; въ таможнѣ 6; на Кружечномъ дворѣ 2; губныхъ дьячковъ 2; въ земской избѣ 2.

10) Въ Костромѣ: посадскихъ 1322 (по описи 1679 г. 1044); губныхъ старостъ 2; дворянъ и дѣтей бояр. 21; подьячихъ 17; стрѣльцовъ 20; пушкарей 3, приставовъ 8.

11) Въ Галичѣ: губныхъ старостъ 2; городовыхъ прикащиковъ 2; подьячихъ 7; пушкарей 8; разсыльщиковъ 38; воротниковъ 7; ямскихъ охотниковъ 4; посадскихъ 728.

12) Въ Вологдѣ: воевода; губной староста; осадный голова; отставныхъ дворянъ и дѣтей бояр. 13; подьячихъ 26; стрѣльцовъ 68; разсыльщиковъ 9; отставныхъ пушкарей 2; въ приказной избѣ сторожей 2; дворниковъ на осадныхъ дворахъ 20; на посадѣ гостиной сотни 4, суконной 3 (по описи 1679 г. гостиной и суконной сотни 3); на монастырскихъ дворахъ служебниковъ и работниковъ и на нѣмецкихъ дворахъ дворниковъ 42; посадскихъ съ братьями 1195 (по описи 1679 г. 1024), дѣтей 312, племянниковъ 10; пасынковъ 7, зятьевъ 2; подворниковъ 21; дворовыхъ людей 9; посадскихъ бобылей съ братьями 256, дѣтей ихъ 21, 2 племянника, 1 пасынокъ; каменьщиковъ 22; кирпичниковъ 8; всего въ городѣ жителей 2073.

13) Въ Кашинѣ 232 двора, въ нихъ людей всего 505.

14) Въ Бѣжецкомъ Верхѣ, посадскихъ 386 (по описи 1679 г. 420).

15) Въ Можайскѣ всего жителей 148, изъ нихъ посадскихъ 57 (по описи 1679 г. 40).

16) Въ Вереѣ всего 154, изъ нихъ посадскихъ 109 (по описи 1679 г. 122).

17) Въ Рузѣ всего посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 46).

18) Въ Волоколамскѣ всего 123, изъ нихъ посадскихъ 44 (по описи 1679 г. 49).

19) Въ Боровскѣ всего 407, изъ нихъ посадскихъ 350 (по описи 1679 г. 203).

20) Въ Малоярославцѣ посадскихъ 83 (по описи 1679 г. 90).

21) Въ Клину посадскихъ 30 (по описи 1679 г. 23, дѣтей и братьевъ 30).

22) Въ Вязьмѣ всего 728, изъ нихъ посадскихъ 390 (328).

23) Въ Тулѣ всего 1036, изъ нихъ посадскихъ 333 (364, дѣтей и братьевъ 170), казенныхъ кузнецовъ 8 (84), дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 25 (53), замочниковъ 14; станочныхъ мастеровъ 9, кирпичниковъ 36, дѣтей ихъ и братьевъ годныхъ въ службу 24; ямщиковъ 56, дѣтей ихъ и братьевъ 90.

24) Въ Каширѣ всего 161, изъ нихъ посадскихъ 55 (48).

25) Въ Алексинѣ всего 125 (136).

26) Въ Тарусѣ всего 39, изъ нихъ посадскихъ 18.

27) Въ Серпуховѣ 732, изъ нихъ посадскихъ 233 (229).

28) Въ Одоевѣ всего 754, изъ нихъ посадскихъ 65.

29) Въ Крапивнѣ 237, посадскихъ нѣтъ, одни служилые.

30) Въ Дѣдиловѣ 432 (429), посадскихъ нѣтъ.

31) Въ Коломнѣ 528, посадскихъ 67 (304, дѣтей и свойственн. 150).

32) Въ Переяславлѣ Рязанскомъ 460, посадскихъ 86.

33) Въ Зарайскѣ 542, посадскихъ 207 (257, дѣтей братьевъ и племянниковъ, не въ раздѣлѣ живущихъ 148, въ малыхъ лѣтахъ 316).
34) Въ Пронскѣ 832, посадскихъ нѣтъ.
35) Въ Михайловѣ 625, посадскихъ 28 (37).
36) Въ Гремячемъ 475, посадскихъ нѣтъ.
37) Въ Веневѣ 338, посадскихъ 223 (110, дѣтей ихъ и свойств. 306).
38) Въ Печерникахъ 186 служилыхъ, посадскихъ нѣтъ.
39) Въ Сапожкѣ 549 (364), посадскихъ нѣтъ.
40) Въ Ряскомъ 1348 (1709); ряшанъ отставныхъ 45; недорослей 447; козаковъ 395, дѣтей ихъ, братьевъ и племянниковъ 345; посадскихъ нѣтъ.
41) Въ Шацкѣ 422 (502), посадскихъ нѣтъ.
42) Въ Калугѣ 1421 (1348), посадскихъ 968 (910).
43) Въ Лихвинѣ 65 (71); посадскихъ 34 (38), у нихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ 27.
44) Въ Мещовскѣ 194; посадскихъ 27, у нихъ дѣтей 30.
45) Въ Серпѣйскѣ 85 (157); посадскихъ 26 (43), роду ихъ 52 (106).
46) Въ Мосальскѣ 68, посадскихъ 9.
47) Въ Козельскѣ 143, посадскихъ нѣтъ.
48) Въ Бѣлевѣ 838, посадскихъ 242 (350), роду ихъ 262.
49) Въ Болховѣ 1048 (1204), посадскихъ 380 (477), роду ихъ 325 (415).
50) Въ Корачевѣ 599, посадскихъ 20, роду ихъ 36.
51) Въ Орлѣ 655, посадскихъ нѣтъ (42, роду ихъ 62).
52) Въ Кромахъ 261, посадскихъ нѣтъ.
53) Въ Брянскѣ 1092, посадскихъ 76.
54) Въ Рыльскѣ 379, посадскихъ 42, захребетниковъ 5.
55) Въ Сѣвскѣ 951, посадскихъ нѣтъ.
56) Въ Путивлѣ 1053, посадскихъ 117, у нихъ дѣтей, братьевъ, зятьевъ, пріемышей сосѣдей 66.
57) Въ Каменномъ 481, посадскихъ нѣтъ.
58) Въ Мценскѣ 516, посадскихъ нѣтъ.
59) Въ Ельцѣ 2920, посадскихъ 186 (152), роду ихъ 143 (91).
60) Въ Ливнахъ 1424, посадскихъ нѣтъ.
61) Въ Курскѣ посадскихъ 376, дворянъ и дѣтей боярскихъ 446.
62) Въ Новосилѣ 428, посадскихъ нѣтъ.
63) Въ Епифани посадскихъ нѣтъ.
64) Въ Черни 297, посадскихъ нѣтъ.
65) Въ Данковѣ 835, посадскихъ нѣтъ.
66) Въ Лебедяни 698, посадскихъ нѣтъ.
67) Въ Талецкомъ 520, посадскихъ нѣтъ.
68) Въ Черкасскомъ 427, посадскихъ нѣтъ.
69) Въ Ефремовѣ 1895, посадскихъ 3.
70) Въ Осколѣ 1468, посадскихъ нѣтъ.
71) Въ Землянскѣ: дѣтей боярскихъ 129; недорослей 9, козаковъ 29, пушкарей 39, Черкасъ 585, посадскихъ 10.
72) Въ Обояни: дѣтей боярскихъ 759, стрѣльцовъ 9, козаковъ 77, пушкарей 29, посадскихъ нѣтъ.
73) Въ Суджѣ посадскихъ нѣтъ.
74) Въ Сумахъ козаковъ 1221, мѣщанъ 1754,

75) Въ Лебединѣ козаковъ 628, мѣщанъ 1641.
76) Въ Бѣлѣгородѣ посадскихъ 48.
77) Въ Болховомъ (по чертѣ отъ Бѣлогорода направо) посадскихъ нѣтъ.
78) Въ Карповѣ посадскихъ нѣтъ.
79) Въ Хотмышскомъ посадскихъ нѣтъ.
80) Въ Вольскомъ посадскихъ нѣтъ.
81) Въ Олешнѣ посадскихъ нѣтъ.
82) Въ Ахтыркѣ Черкасъ 922, мѣщанъ нѣтъ.
83) Въ Корочѣ посадскихъ нѣтъ.
84) Въ Яблоновѣ посадскихъ нѣтъ.
85) Въ Новомъ Осколѣ посадскихъ нѣтъ.
86) Въ Верхососенскомъ посадскихъ нѣтъ.
87) Въ Усердѣ посадскихъ нѣтъ.
88) Въ Ольшанскомъ посадскихъ нѣтъ.
89) Въ Острогожскомъ посадскихъ Русскихъ 11, Черкасъ мѣщанъ 18; дѣтей боярскихъ 65; станичниковъ 41, Черкасъ городовой службы 390.
90) Въ Коротоякѣ дѣтей боярскихъ 424, козаковъ 377, посадскихъ 40.
91) Въ Урывѣ 160, посадскихъ нѣтъ.
92) Въ Воронежѣ Черкасъ 178, дѣтей боярскихъ 154, стрѣльцовъ 211, козаковъ 681, посадскихъ 271.
93) Въ Костенскомъ дѣтей боярскихъ 197, посадскихъ нѣтъ.
94) Въ Бѣлоколодезскомъ драгуновъ 194, посадскихъ нѣтъ.
95) Въ Орловѣ городкѣ дѣтей боярскихъ драгунской службы 239, пушкарей 14, дьячекъ приказной избы 1.
96) Въ Сокольскомъ драгуновъ 518, пушкарей 18, посадскихъ нѣтъ.
97) Въ Усмани посадскихъ нѣтъ.
98) Въ Добромъ Городищѣ посадскихъ нѣтъ.
99) Въ Козловѣ посадскихъ 47, роду ихъ 42.
100) Въ Тамбовѣ служилыхъ людей 2342, посадскихъ нѣтъ.
101) Въ Волуйкѣ посадскихъ нѣтъ.
102) Въ Чугуевѣ посадскихъ нѣтъ.
103) Въ Салтовѣ посадскихъ нѣтъ.
104) Въ Харьковѣ дѣтей боярскихъ 55, козаковъ Черкасъ полковой службы 1070, пашенныхъ Черкасъ 1023.
105) Въ Красномъ Кутѣ: Черкасъ полковой службы 120, мѣщанъ пахотныхъ Черкасъ 686.
106) Въ Богодуховѣ рядовыхъ козаковъ 137, городовой службы Черкасъ 935.
107) Въ Бобровкѣ козаковъ 200, мѣщанъ 948.
108) Въ Болыклеѣ Черкасъ 331.
109) Въ Новгородѣ Великомъ: судья; головъ стрѣлецкихъ 2; козачій голова; сотниковъ стрѣлецкихъ 5; городничій; житнаго двора ключникъ; объѣзжій голова, ямской прикащикъ; отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 10; съѣзжей избы подьячихъ верстаныхъ 32, молодыхъ неверстаныхъ 20; новокрещеновъ кормовыхъ 29; Новгородскихъ пѣшихъ козаковъ 150, дѣтей ихъ и братьи 18; въ Московскомъ приказѣ стрѣльцовъ 500,

дѣтей ихъ, братьи, племянниковъ и подсосѣдниковъ 233; въ Новгородскомъ приказѣ стрѣльцовъ 500, роду ихъ 123; пушкарей 53; запасныхъ кузнецовъ 14, дѣтей ихъ 10; воротниковъ 15; ямскихъ охотниковъ съ родомъ 128; посадскихъ 1080; митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и бобылей 127; церковныхъ причетниковъ 168.

110) Въ Ладогѣ 262, посадскихъ 46.

111) Въ Порховѣ посадскихъ 112.

112) Въ Псковѣ посадскихъ 1169 съ родомъ, пріемышами, захребетниками, церковными дьячками и пономарями.

113) Въ Гдовѣ посадскихъ 71, роду ихъ 64, всего 525.

114) Въ Изборскѣ 208, посадскихъ 4.

115) Въ Островѣ посадскихъ 17, всего 109.

116) Въ Опочкѣ 526, посадскихъ 80.

117) Въ Печерскомъ монастырѣ: посадскихъ 126, всего 344.

118) Въ Великихъ Лукахъ посадскихъ 95, всего 1084.

119) Въ Торопцѣ посадскихъ 463, всего 1353.

120) Въ Твери посадскихъ 429, роду ихъ 77, всего 671.

Въ опись 1679 года внесены города: 1) Романовъ, посадскихъ 258. 2) Звенигородъ, посадскихъ 22. 3) Борисовъ, посадскихъ 11, дѣтей ихъ 22. 4) Бѣлоозеро, посадскихъ 775; поповъ, ихъ дѣтей и братьи 38; бѣдныхъ, которые кормятся по міру, 189. 5) Угличь, посадскихъ 143. 6) Воротынскъ, посадскихъ 55, дѣтей ихъ, братьи и племянниковъ 171, всего 255. 7) Перемышль, посадскихъ 25, дѣтей ихъ и братьи 46.

II) Опись городовъ 1677 года, хранящаяся между приказными дѣлами Московск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.

1) Устюгъ съ уѣздомъ. Стрѣльцовъ 132; посадскихъ и бобыльскихъ дворовъ 689; людей въ нихъ 830; въ уѣздѣ крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ 7804, людей въ нихъ 9458 человѣкъ. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 6038 рублей; полоняничныхъ 232 рубля; съ таможенъ и кружечныхъ дворовъ 6782 рубля.

2) Сольвычегодскъ. Посадскихъ 228 дворовъ, а людей въ нихъ 258, да 74 кельи нищихъ, да 18 дворовъ пустыхъ, да 18 мѣстъ дворовыхъ. Въ уѣздѣ, въ селахъ и деревняхъ 3198 дввровъ крестьянскихъ и половничьихъ, да 136 дворовъ да 8 мѣстъ дворовыхъ отдано на льготу, да 71 дворъ бобыльскій, 2 двора гостиной сотни, дворъ торговаго человѣка, а людей въ нихъ 5382. Данныхъ и оброчныхъ съ посаду и уѣзду 2843 рубля; полоняничныхъ 96; таможенныхъ и кружечныхъ 3062.

3) Тотьма. На посадѣ 215 дворовъ, людей въ нихъ 296. Въ уѣздѣ 2098 дворовъ, людей въ нихъ 3725; 36 дворовъ половничьихъ, людей въ нихъ 51. Данныхъ и оброчныхъ 1495 рублей; полоняничныхъ 68 рублей; таможенныхъ и кружечныхъ 2350 рублей.

4) Вязьма. На посадѣ 379 дворовъ, людей въ нихъ 400. Въ уѣздѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 1542 двора, людей въ нихъ 1563. Данныхъ и оброчныхъ 93 рубля, полоняничныхъ 30, таможенныхъ и кружечныхъ 1196 рублей.

5) Можайскъ. На посадѣ 23 двора, людей въ нихъ 30 человѣкъ. Въ уѣздѣ 355 дворовъ, людей въ нихъ 368. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ съ посаду 28 рублей, таможенныхъ и кружечныхъ 1196 рублей.

6) Руза. На посадѣ 75 дворовъ, людей въ нихъ 80 человѣкъ. Въ уѣздѣ 504 двора, людей въ нихъ 511. Данныхъ и оброчныхъ 9 рублей, полоняничныхъ 13, кружечныхъ 175 рублей.

7) Звенигородъ. На посадѣ 61 дворъ, людей въ нихъ 67. Въ уѣздѣ 28 дворовъ, людей въ нихъ 35. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ 11 рублей.

8) Веневъ. На посадѣ 107 дворовъ, людей въ нихъ 127. Въ уѣздѣ 496 дворовъ, людей въ нихъ 499. Данныхъ и оброчныхъ 80 рублей, полоняничныхъ 14; кружечныхъ 485 рублей.

9) Клинъ. На посадѣ 25 дворовъ и въ нихъ столькихъ людей. Въ уѣздѣ 615 дворовъ. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ 2 рубля; съ уѣзду полоняичныхъ 12 рублей; съ кружечнаго двора 228 рублей.

10) Ржева Володимерова. Посадскихъ 83 двора; въ уѣздѣ 1354 двора; данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ 70 рублей; съ кружечнаго двора 328 рублей.

11) Старица. На посадѣ 117 дворовъ; въ уѣздѣ 396. Данныхъ и оброчныхъ 22 рубля; съ кружечнаго двора 292 рубля.

12) Бѣжецкій Верхъ. Посадскихъ 134 двора, людей въ нихъ 195. Въ уѣздѣ дворовъ 2757, людей въ нихъ 2843. Данныхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ съ посаду 44 рубля; съ уѣзду полоняничныхъ 60 рублей; съ кружечнаго двора 477 рублей.

III) Списокъ подьячихъ по приказамъ, 1675 года.

(Архивъ Минист. Юстиціи, книга Моск. стола, № 73.)

1) Разрядъ. Подьячимъ всѣмъ окладъ 700 рублей; порознь жалованья отъ 40 до 2 рублей человѣку. Верстаныхъ подьячихъ 74 человѣка; изъ нихъ 10 человѣкъ получали помѣстный окладъ отъ 400 до 250 четвертей. Неверстаныхъ 33. Разряднаго приказа дѣти боярскіе: 10 верстаныхъ, получавшихъ жалованья отъ 12 до 8 рублей, неверстаный одинъ. 6 сторожей получали жалованья по 7 рублей.

2) Посольскій приказъ. Окладъ 600 рублей, отъ 65 до 4 рублей человѣку; верстаныхъ 31; изъ нихъ помѣстный окладъ имѣли 4, отъ 350 до 250 четвертей; неверстаныхъ 7; 5 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 7 рублей.

3) Приказъ малой Россіи. Окладъ 362 рубля, отъ 50 до 5 рублей человѣку, всего 19 подьячихъ.

4) Большая казна. Окладъ 200 рублей, отъ 25 до 2 рублей человѣку, всѣхъ подьячихъ 13 человѣкъ; 6 приставовъ съ жалованьемъ по 8 рублей; 4 сторожа съ жалованьемъ по 6 рублей.

5) Иноземскій. Окладъ 135 рублей, отъ 20 до 1 рубля; верстаныхъ 25, неверстаныхъ 9; 3 пристава, 4 сторожа съ жал. по 7 рублей.

6) Рейтарскій. Окладъ 89 рублей, отъ 22 до рубля; 13 верст., 4 неверстаныхъ; 5 приставовъ съ жал. по 5 руб.; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

7) Аптекарскій. Окладъ 20 руб., одинъ подьячій.

8) Казанскій дворецъ. Окладъ 350 руб., отъ 31 до рубля; верст. 60; неверст. 17; 10 приставовъ съ жал. по 10 руб., 6 сторожей съ жалован. по 6 руб.

9) Сибирскій. Окладъ 308 руб., отъ 30 до 6 руб.; 16 верст., 7 неверстаныхъ.

10) Купецкихъ дѣлъ. Четверо подьячихъ; одинъ съ жал. 40 руб., другой 25, двое 20; 6 приставовъ съ жал. по 12 руб., четверо сторожей по 6 руб.

11) Стрѣлецкій. Окладъ 223, отъ 20 руб. до 50 коп.; верст. 32, неверст. 20.

12) Приказъ сбора стрѣлецкаго хлѣба. Окладъ 55 руб. 50 коп. отъ 15 до 5 руб., двое подьячихъ съ приписьми, 2 старыхъ верст., 7 неверст., одинъ молодой верст., 39 неверст., четверо сторожей съ жал. по 7 руб.

13) Судный Владимірскій. Окладъ 226, отъ 28 до 2; верст. 28; неверст. 2; приставы: 5 съ жал. по 10 руб., одинъ по 8; двое неверст.; четверо сторожей по 7 руб.

14) Судный Московскій. 250, отъ 19 до 2; верст. 16, неверст. 15; 12 приставовъ по 4, 3, 2 рубля; 4 сторожа по 7 руб.

15) Приказъ большаго дворца. 825, отъ 25 руб. до 50 коп., 84 верстаныхъ.

16) Житный дворъ. Отъ 25 до 8; всего 6 подьячихъ.

17) Сытнаго дворца. Отъ 30 до 4 руб.; 10 подьячихъ.

18) Кормоваго дворца. Отъ 20 до 5 руб., 6 подьячихъ.

19) Хлѣбнаго дворца. Отъ 19 до 4 руб., 7 подьячихъ.

20) Судный дворцовый. Окладъ 130, отъ 23 до 4 руб.; верст. 8, неверст. 10; приставовъ неверст. 6; 4 сторожа съ жал. по 6 руб.

21) Оружейный. 95 руб., отъ 50 до 15 руб., 3 подьячихъ; двое приставовъ по 29 руб. обоимъ, 9 сторожей — всѣмъ 52 рубля.

22) Помѣстный. 700 руб., отъ 50 до рубля; 95 верст., 228 неверст.; 5 дѣтей боярскихъ съ жал. по 10 руб., 6 сторожей съ жал. по 9 руб.

23) Разбойный. 300 руб., отъ 20 до 2 руб.; верст. 38, неверст. 6; 5 приставовъ верст. съ жалов. по 4 руб. 5 неверст.; 6 сторожей, всѣмъ 40 рублей.

24) Пушкарскій. 200 руб., отъ 35 до 3; 10 верст., 1 неверст.

25) Ямской. 150 руб., отъ 33 до 1 руб.; 14 подьячихъ.

26) Челобитный. 200 руб., отъ 30 до 4 руб.; верст. 13, неверст. 6; подвойскихъ 5 съ жал. по 12 руб.; 1 приставъ и 3 сторожа.

27) Большой приходъ. 385, отъ 30 до 2 руб.; 25 верст., 42 неверст.

28) Московской большой таможни. Отъ 15 до 5 руб.; 5 верст., 11 неверст.

29) Помѣрной избы. 1 верст. по 5 руб.; 10 неверст.

30) Казенный. 124 руб., отъ 35 до 5; 8 верст., 1 неверст.

31) Монастырскій. 246, отъ 30 до 3 руб.; 25 верст., 7 неверст.

32) Печатный. 63, отъ 35 до 5 руб.; 5 верст., 3 неверст.

33) Конюшенный. 164, отъ 28 до 3 руб.; 12 верст., 2 неверст.

34) Земскій. 255, отъ 35 до 3 руб.; 29 верст., 17 неверст.; двое нарядчиковъ съ жал. по 14 руб.; 9 рѣшеточныхъ прикащиковъ верстаныхъ отъ 12 до 8 руб.; 42 неверст.

35) Владимірская четь. 64, отъ 30 до 4 руб.; 3 верст., 18 неверст.

36) Галицкая четь. 71, отъ 30 до 8 руб.; 4 верст., 8 неверст.

37) Новгородскій. 195, отъ 34 до 5 руб.; 17 верст., 14 неверст.

38) Костромская четь. 79, отъ 34 до 3 руб.; 6 подьячихъ.

39) Княжество Смоленское 66, отъ 18 до 7 руб.; 6 верст., 1 неверст.

40) Устюжская четь. 137, отъ 31 до 50 коп.; 14 верст., 7 неверст.

41) Новая четь. 158, отъ 30 до 3 руб.; 12 верст., 25 неверст.

42) Отдаточный дворъ. 27; верст. 2, неверст. 13.

43) Холопья суда. 200, отъ 30 до 2 рубл.; верст 14, неверст. 6.

44) Хлѣбный. 137, отъ 23 до рубля; 24 верст.

45) Каменныхъ житницъ. 25; 2 верст.

46) Каменныхъ дѣлъ. 113, отъ 35 до 8 руб.; 5 верст., 1 неверст.

47) Мытная изба. 11 подьячихъ, всѣ неверстаны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			Должно читать:
Стран.	строка.		
11	26	он	они
51	23	козаками	козаками:
53	28	южную	южную,
55	19	рѣкъ,	рѣкъ;
64	24	получилъ	получалъ
94	27	сберегателя	оберегателя
95	14	служебныхъ	служилыхъ
—	30	казны	казны [41].
96	20	приносы,	приносы;
—	31	валъ [40].	валъ [42].
98	21	братью	братьи
105	15	мирами	мѣрами
118	19	дворовъ,	дворовъ;
121	27	продажа	продажъ
125	2	сборовъ уставъ: требуетъ,	сборовъ: уставъ требуетъ,
129	24	народнаго богатства:	народнаго богатства, чѣмъ прежде:
135	14	кто же писалъ!	кто же писалъ?
136	3	разультаты	результаты
156	11	княжнецкихъ	княженецкихъ
167	28	Ивашкой	Ивашка
188	18	яко	я ко
189	8	не встаетъ	но встаетъ
194	12	говорить	говоришь
196	20	ея	ее
249	31	велокодушію	великодушію
268	2	въ членахъ	въ челнахъ.
292	10	родостнымъ	радостнымъ.
299	11	пагналъ	нагналъ
304	33	потому	потомъ
336	15	Матвѣевымъ	и Матвѣевымъ